СХИАРХИМАНДРИТ
ИОАНН
(Маслов)

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ

И ЕГО УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ

МАГИСТЕРСКАЯ
ДИССЕРТАЦИЯ

Статьи разных лет

Издательский отдел
Московского Патриархата
Москва
"Мир Отечества"
1993

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси
Алексия II

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1983 году исполнилось 200 лет со дня блаженной кончины великого светильника Русской Церкви – святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого.

Литературное богословское наследие святителя Тихона Задонского обширно и по своей тематике многогранно. Святитель считал главной целью бытия человека на земле — спасение души. Мысль о спасении красной нитью проходит через все его творения. Христианин найдет здесь ответы на многие вопросы, возникающие у него на пути к вечности. Письма святого Отца, вошедшие в собрание его творений, почти всегда заканчиваются словами: Спасайся!", "Спасайся о Господе!", "Спасайся о Христе Иисусе!" Именно спасения как самого необходимого желал он всем.

Как духовно-жизненный процесс, спасение является делом и Бога, и человека. Другими словами, в этом процессе усматриваются объективная и субъективная стороны. Все то, что даровал человеку Господь для спасения, является объективной стороной спасения; усилия же самого человека со вспомоществующей ему благодатью Божией составляют субъективную сторону. Обе эти стороны четко отражены в творениях Воронежского Святителя. Кроме того, в них во всей полноте обнаруживается внутреннее богатство его высоконравственной личности, и раскрытие этого богатства даст возможность яснее и полнее представить богословские воззрения святого Отца. Факты биографии святителя Тихона помогают понять также дух и смысл его творений. "Сводя подвиги Святителя к общим чертам, – говорит один из его жизнеописателей, – мы находим, что в его жизни... раскрывается живое отношение догмата к жизни и взаимная их связь, т. е. как христианские догматы, живо и постоянно сознаваемые верующим умом, должны выражаться в соответственных им сердечных расположениях и свободных действиях воли"[1].

На основании этого данная работа делится на две части: в первой дается жизнеописание святителя Тихона, а во второй раскрывается центральная тема его учения – спасение человека. Говоря подробнее о содержании работы, отметим, в частности, следующие ее узловые моменты.

Прежде всего, в предисловии дается критический анализ некоторых основных трудов и исследований о святителе Тихоне.

Во введении описан начальный период истории Воронежской епархии, предшествующий жизни святителя Тихона.

В первой части работы на основании всей тщательно проработанной и критически проанализированной литературы, изданной в разные времена и различными лицами, а также архивных документов о святом Отце в меру сил было составлено полное житие святителя Тихона, охватывающее все стороны его жизни и деятельности на кафедре и на покое. В конце этой части рассмотрены издания творений Святителя и дана краткая характеристика каждого из этих творений.

---

[1] Прот. А. Лебедев. Святитель Тихон Задонский и всея России чудотворец. Изд. 3. Спб., 1896, стр. III.

Во второй части работы в свете высказываний святителя Тихона раскрывается православное учение о спасении и, в частности, анализируется учение Святителя, касающееся творения мира и человека, а также ключевых вопросов антропологии, христологии и сотериологии.

В конце работы помещена обширная библиография (всего приводится 654 наименования различных книг, статей и заметок). Всю литературу, имеющую прямое или косвенное отношение к жизни и деятельности святителя Тихона, пришлось разделить на три отдела. В первом отделе помещены издания творений святителя Тихона[2]. Во втором отделе – литература о святителе Тихоне[3]. Третий отдел содержит названия энциклопедий, справочников и словарей, которые употреблялись при написании работы.

В настоящее время имеется довольно обширная литература о жизни и трудах Святителя. Перечень этой литературы в алфавитном порядке помещен в библиографии, приложенной к данной работе. Некоторые из источников жизнеописания святого Отца следует отметить особо.

Жизнь святителя Тихона впервые была описана его келейником Иваном Ефимовым (впоследствии иеромонах Тихон, насельник Усманского монастыря). По просьбе протоиерея Евфимия Болховитинова он составил свои воспоминания в форме записок, в которых запечатлел отдельные эпизоды из жизни святителя Тихона без какой-либо последовательности. Например, начинаются записки с подробного описания наиболее запомнившегося келейнику облачения тела усопшего Святителя. Ефимов и сам говорит, что он собрал в записках все "виденное и слышанное им от святительских уст", то, что "пришло на память"[4].

---

[2] Сначала перечисляются издания (семь) полного собрания сочинений Святителя, затем – отдельно изданные творения, которые располагаются в хронологическом порядке их издания, далее – произведения, письма, указы и резолюции святителя Тихона, помещенные в периодических изданиях. Отдельно перечисляются произведения святителя Тихона, изданные без указания года и места издания. В конце первого отдела помещены сочинения святителя Тихона, изданные в изложении и с примечаниями других авторов.

[3] Этот отдел разделяется на шесть разделов: 1) отдельно изданные жизнеописания святителя Тихона; 2) жизнеописания, помещенные в житиях святых, месяцесловах и других изданиях; 3) статьи, очерки, заметки и проповеди о жизни и деятельности святителя Тихона; 4) литература о прославлении Святителя и юбилейных торжествах в связи с этим; 5) биография лиц и описание монастырей, имевших отношение к жизни и деятельности святителя Тихона; 6) литература, содержащая отдельные сведения или упоминания о святителе Тихоне.

[4] Записки Ефимова. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, изд. 5. М., 1889, приложение, стр. 45.

Иван Ефимов, в монашестве Тихон, был келейником св. Тихона и близким, доверенным его лицом. В своем завещании Святитель поручил ему распорядиться своим имуществом и всеми сочинениями. После смерти святого Отца он поступил в Усманский монастырь Воронежской епархии. Здесь он принял монашеский постриг и посвящен в священные степени диакона и иеромонаха. Впоследствии, уже в священном сане, он жил в Толшевском, затем в Акатовском монастыре в Воронеже, а с 1798 г. – в Новоспасском в Москве (Житие иже во святых отца нашего Тихона, еп. Воронежского и Задонского и всея России чудотворца, изд. XI, Одесса. 1902, стр. III).

Записки Ефимова послужили образцом при составлении воспоминаний другим келейником святителя Тихона — В. И. Чеботаревым. Его записки аналогичны запискам Ефимова и по форме и по стилю изложения, только характер их несколько иной. Если Ефимов больше подчеркивает сверхъестественные явления в жизни Святителя, останавливается на описании благодатных видений святого Отца и на таинственных предзнаменованиях его будущей славы, то Чеботарев стремится запечатлеть его внешние подвиги и наставления и напоминает несколько раз, что он передает слова самого Епископа[5]. Кроме того, Чеботарев дополнил свои личные воспоминания о святителе Тихоне сведениями о нем других близких к нему людей, например, задонского схимонаха Митрофана, жителя г. Ельца К. И. Студеникина, послушника Н. А. Бехтеева и др.

Данные записки были полностью использованы видным ученым и историком протоиереем Евфимием Болховитиновым, инспектором Воронежской семинарии (впоследствии митрополит Киевский Евгений)[6], в его труде "Полное описание жизни Преосвященного Тихона, бывшего прежде Кекгольмского и Ладожского и викария Новгородского, а потом епископа Воронежского и Елецкого, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей, с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новгородской и Воронежской иерархии, изданное особенно для любителей и почитателей памяти сего Преосвященного"[7], изданном в Петербурге в 1796 г., т. е. через 13 лет после преставления Святителя.

Именно И. Ефимов и В. Чеботарев послужили для протоиерея Е. Болховитинова "очевидными свидетелями". Но протоиерей Евфимий не ограничился только их записками. Он с большим усердием собирал и другие материалы, рассылая запросы всем, кто лично знал почившего Святителя, и в 1820 году выходит второе издание его "Описания", исправленное и дополненное. Это жизнеописание долгое время было единственным и издавалось более десяти раз. Труд митрополита Евгения служит лучшим пособием для всех исследователей жизни и деятельности святителя Тихона.

---

[5] Записки Чеботарева. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, изд. 5. М., 1889, приложение, стр. 47.

Василий Иванович Чеботарев был жителем города Ельца, а с момента переезда святителя Тихона в Задонский монастырь — его келейником. После смерти св. Отца он вернулся в г. Елец и вел одинокую благочестивую жизнь. Записки В. Чеботарева впервые были опубликованы в сокращении в журнале "Маяк" в 1845 г., а в 1861 г. — полностью в журнале "Православное обозрение". С 1875 г. записки обоих келей- ников — И. Ефимова и В. Чеботарева — помещаются в приложении к творениям св. Тихона.

[6] Митрополит Евгений (в миру Евфимий Алексеевич Болховитинов) был сыном воронежского священника и обучался в Воронежской семинарии в то время, когда святитель Тихон жил в Задонске. Один из родственников митрополита Евгения, Феодор Болховитинов, был секретарем Духовной консистории в Воронеже, когда Святитель был на Воронежской кафедре, и поэтому митрополит Евгений мог иметь о св. Тихоне самые достоверные сведения. Он сам присутствовал при его погребении. С 1789 по 1799 г. он находился в Воронежской семинарии, занимая должность воспитателя, а затем инспектора и в это время составил описание жизни св. Тихона (Житие, цит. соч., стр. 5).

[7] Это первое издание. В данной работе используется 3-е издание. М., 1827.

После прославления Воронежского Святителя в 1861 году интерес к его святой личности значительно возрастает. В том же году Н. В. Елагиным (без обозначения имени автора) было издано "Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца"[8]. О популярности этого "Жития" свидетельствует тот факт, что оно переиздавалось 12 раз. Автором его есть основания считать профессора Московской духовной академии П. С. Казанского. Во-первых, данное произведение упоминается в перечне литературных трудов этого профессора[9]. Во-вторых, о нем говорит сам П. С. Казанский в переписке с родным братом – архиепископом Костромским Платоном и издательницей "Избранных житий святых" А. Н. Бахметьевой[10]. Автор в своем труде, кроме первоисточников, общих для всех жизнеописаний Святителя, использовал некоторые архивные данные. Кроме того, работая над произведением, он использовал весь известный к тому времени и доступный ему материал, так что, по словам священника Т. Попова, "появившиеся в печати после трудов П. С. Казанского многочисленные жития многих авторов и издателей ничего не дали нового в литературе по сравнению с тем материалом, какой дан был до их появления"[11].

Из других жизнеописаний наиболее полными и подробными являются изданный в 1865 году труд протоиерея А. Лебедева "Святитель Тихон Задонский и всея России чудотворец"[12], а в 1898 г. (в Москве) – Н. Сергиевского "Святитель Тихон, епископ Воронежский и Задонский, и всея России чудотворец". Оба этих автора стремятся раскрыть внутренний подвиг святителя Тихона, показать наряду с простотой его образа жизни глубину и высоту его подвижничества, доказать, что образ Святителя служит примером для подражания каждому христианину и в настоящее время.

Большой интерес представляет собой также описание жизни святителя Тихона, сделанное в первой части магистерской работы священника Т. Попова "Святитель Тихон Задонский и его нравоучение" (М., 1916). Давая обзор всей имеющейся литературы, посвященной Святителю, автор заключает: "Недостатка в историческом материале для полной и всесторонней биографии нет. Но и нет биографии, которая бы весь этот материал одухотворила, сконцентрировав весь этот материал, разрозненный в источниках и раздробленный на части в исследованиях различных наименований, в одно целое и вокруг единой идеи – представления нераздельного облика живой личности"[13]. Священник Т. Попов в своей работе сумел сконцентрировать весь доступный ему материал, но об одухотворенности данного жизнеописания говорить трудно. Вполне возможно, что такое впечатление возникает из-за отсутствия в нем четкого плана.

---

[8] (П. С. Казанский). Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского чудотворца. изд. I. Спб., 1861. В настоящей работе используется XI издание – Одесса, 1902. При цитации данной книги сноски будут делаться сокращенно: "Житие.

[9] С. Смирнов. История Московской духовной академии до ее преобразования, 1814–1870 гг. М., 1879, стр. 130.

[10] "У Троицы" в Академии. М., 1914, стр. 516, 519.

[11] Свящ. Т. Попов. Святитель Тихон Задонский и его нравоучение. М., 1916, стр. 8.

[12] В работе используется 3-е издание этого труда. Спб., 1896.

[13] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 9.

Во второй части своей работы священник Т. Попов разбирает сочинения святителя Тихона, исследуя их как памятники христианского нравоучения. В своих рассуждениях автор не всегда четко связывает предыдущую мысль с последующей, почему каждая глава и вся работа в целом лишены целостности, законченности и читаются с трудом.

В настоящей работе использованы и другие статьи и исследования. В 1862 г. в "Прибавлениях к творениям святых отцов" была напечатана статья профессора П. С. Казанского "Труды св. Тихона I, епископа Воронежского, по управлению Воронежской паствою"[14]. Автор на основании архивного материала пишет о деятельности Святителя на Воронежской кафедре.

М. Н. Руднев в 1898 году в Туле издает "Резолюции и распоряжения св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, по архивным документам Тульской духовной Консистории". В брошюре говорится о распоряжениях Святителя относительно дел, касающихся церквей г. Ефремова и уезда[15].

Статьи протоиерея Е. Овсянникова "Св. Тихон как благоустроитель церковной жизни и деятель в борьбе с старообрядческим расколом в Донской Украине"[16] и М. Былова "Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне I (Святителе)"[17], в основу которых положены архивные данные, отвечают на следующие вопросы: где и в какой мере распространился раскол в Воронежской епархии при святителе Тихоне, в чем состояла сущность раскольнических заблуждений, что предпринимало для борьбы с расколом местное духовенство во главе с епископом Тихоном и каковы были результаты этой борьбы. Кроме этого, протоиерей Е. Овсянников в своей статье ставит задачу раскрыть церковноорганизаторскую деятельность святителя Тихона в районе Войска Донского.

Много архивных данных содержится в двух работах П. В. Никольского, председателя Воронежского Церковного историко-археологического комитета: "Монашество на Дону" (Воронеж, 1909), где в отдельной главе рассматривается жизнь и деятельность святителя Тихона, и "Об отношении св. Тихона Задонского к приходскому духовенству"[18].

Во время написания диссертации нами были предприняты неоднократные попытки найти и проработать собственноручные указы и резолюции св. Тихона. Однако в архивных хранилищах Москвы, Ленинграда и Воронежа указанных документов, за редким исключением, обнаружить не удалось.

Следует особо отметить деятельность Воронежского Церковного историко-археологического комитета, который на страницах своего журнала "Воронежская старина" систематически помещал материалы, относящиеся к жизни и деятельности святителя Тихона. Накануне 50-летия со дня прославления Задонского Чудотворца члены Комитета решили издать специальный юбилейный сборник, посвященный памяти Святителя,

---

[14] "Прибавления к творениям святых отцов", т. 39. М., 1862, стр. 183–223; также в "Воронежских епархиальных ведомостях", 1883, № 15, стр. 590–622.

[15] Ранее этот уезд входил в состав Елецкой провинции и в церковном отношении подчинялся епископу Воронежскому.

[16] "Воронежская старина", вып. XIII, 1914, стр. 3–64.

[17] "Воронежские епархиальные ведомости", 1890, № 2–4, 6–8.

[18] "Воронежская старина", вып. X, 1911, стр. VI.

и для этого поставили своей целью "исходить с паломническим посохом все местности, где жил, трудился, молился и умер св. Тихон, и собрать воедино все вещественные памятники его жития"[19].

Укажем еще несколько работ, освещающих отдельные стороны деятельности святителя Тихона на основании его творений. В 1844 году священник А. Ключарев (впоследствии архиепископ Харьковский Амвросий) издает собрание своих проповедей и помещает в этом издании сочинение "Жизнь св. Тихона Задонского"[20]. После краткого жизнеописания (22 стр.) автор раскрывает тему "Характер святителя Тихона как учителя христианского", где он на основании творений святого Отца рассматривает истины христианской веры и нравственности.

Епископ Нижегородский Иеремия в 1864 году в Петербурге издает труд, само заглавие которого говорит о целях и задачах исследования: "Учение иже во святых отца нашего святителя Тихона, новоявленного угодника Божия, всея России чудотворца, об истинах православно-христианской веры и Церкви, изложенное в азбучном порядке и катехизической форме с присоединением немногих статей из писаний святых отцев и учителей Церкви". К сожалению, автор не делает сносок, не приводит точных цитат из творений святителя Тихона и святых отцов, и поэтому трудно разобраться, где собственно авторские взгляды, рассуждения и выводы, а где цитация. Возможно, это произошло по той причине, что епископ Иеремия, руководствуясь более всего назидательными целями, т. е. имея в виду "пользу братии — всех православных христиан"[21], и не стремился создавать научный труд.

Некоторые авторы рассматривают проповедническую и пастырскую деятельность святителя Тихона. С. А. Касаткин в своем небольшом труде "Св. Тихон как проповедник" решает вопросы: "какие цели преследовал Святитель в своих словах, к какому типу проповедников следует отнести св. Тихона и насколько его проповеди могут занимать видное место в наше время?"[22] С. А. Касаткин несколько вышел за пределы поставленной перед собой задачи и рассмотрел частные беседы святителя Тихона, его письма и творения.

В статье П. Кратирова "Св. Тихон как пастырь и пастыреучитель" делается попытка описать идеальный образ Святителя-пастыря[23]. На основании биографических данных и творений святителя Тихона автор раскрывает нравственный облик и духовную настроенность святого Отца ко времени принятия им епископского сана, рассказывает о его служении в сане епископа, заботах о пастве. Здесь же излагаются взгляды Святителя на пастырское служение, отношение его к подведомственному духовенству, труды по формированию в пастырях ревностного отношения к делу служения и по воспитанию в них умственных и нравственных качеств. Автор значительно расширяет задачи своего сочинения. Вот как он сам говорит об этом: "Говоря о Святителе как пастыре, мы, естественно, должны будем изложить его учение общехристианское, направ-

---

19 П. Никольский. Предисловие. — "Воронежская старина", вып. X, 1911, стр. VI.

20 Архиеп. Амвросий. Полное собрание проповедей. Харьков, 1844.

21 Еп. Нижегородский Иеремия. Указ. соч., стр. 482.

22 С. А. Касаткин. Св. Тихон как проповедник. Воронеж, 1884, стр. 41.

23 П. Кратиров. Св. Тихон как пастырь и пастыреучитель. — "Православный собеседник", кн. 1 и 2. Казань, 1897.

ленное к назиданию каждого верующего, ибо учительство-то и составляет, по мысли Святителя, важнейшую обязанность пастырского служения; а в частности, мы также должны изложить советы монашествующим лицам"[24]. Таковы основные источники и пособия, использованные при написании первой части диссертации.

Вторая – основная – часть работы полностью базируется на творениях святителя Тихона, характеристика которых дается после жизнеописания Святителя. Эта часть работы, озаглавленная "Учение святителя Тихона о спасении", подразделяется на два отдела: первый посвящен объективной стороне спасения, второй – субъективной. При написании работы использованы творения святителя Тихона 6-го издания (М., 1899). Тексты Священного Писания приводятся в диссертации так, как они цитируются святителем Тихоном в его творениях. Слова самого Святителя даны в работе без изменений, с учетом лишь современной орфографии и пунктуации. Ссылки на творения даются в тексте в скобках, где первая цифра обозначает номер тома, а вторая – страницу.

---

[24] П. Кратиров. Св. Тихон как пастырь и пастыреучитель. – "Православный собеседник", кн. 1, стр. 106.

Диссертация схиархимандрита Иоанна (Маслова) цитируется по первоисточнику сохранением орфографии автора.

На стр. 1 –
Герб города Воронежа
На стр. 2 –
Святитель Тихон Задонский

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к описанию жизни и изложению содержания творений святителя Тихона Задонского, находим уместным остановить наше внимание на некоторых основных событиях, относящихся к XVII веку, т. е. к тому периоду истории Русской Церкви, и в частности истории Воронежской епархии, который предшествовал святительскому служению в этой епархии Задонского Архипастыря.

Самыми значительными событиями данного периода были церковные реформы патриарха Никона и возникшее в связи с этим движение раскольников-старообрядцев. Сложившиеся в результате обстоятельства церковной жизни требовали от епископов особых усилий, умения и энергии по окормлению ими православной паствы. Громадные же территории иных епархий создавали дополнительные трудности для надлежащего руководства ими со стороны епископов.

В 1681 г. царь Феодор Алексеевич представил духовной власти обширный проект нового деления тогдашних епархий. В нем предлагалось вновь открыть 68 архиерейских кафедр[1] на основании пересмотра территорий существующих епархий с расчетом, чтобы каждая епархия территориально простиралась не далее двухсот верст[2]. Проект был рассмотрен на Московском Соборе в 1681–1682 гг. Отцы Собора отметили чрезмерную широту царских планов и указали на возможность финансовых затруднений в деле их реализации. Собор определил открыть лишь четыре новые епархии. В их числе открылась и епархия Воронежская[3]. В официальном документе об этом излагается государево изволение и патриаршее благословение: "Великий государь Феодор Алексеевич советовав со святейшим патриархом Московским и всея Руси Иоакимом, для украшения св. Церкви и для спасения и просвещения христиан быть епископу на Воронеже граде"[4].

Новая Воронежская епархия была выделена преимущественно из Рязанской митрополии и части Белгородской епархии. По соборному уложению 1682 г., в состав Воронежской епархии должны были войти города: Воронеж, Елец, Романов, Орлов, Костенск, Усмань, Соколов-

---

[1] П. В. Никольский. Обзор грамот Коллегии экономии. — "Воронежская старина", вып. II. Воронеж, 1903, стр. 182; А. Правдин. Игуменство св. Митрофана в Макарьевом Унженском монастыре. — "Воронежская старина", вып. III. Воронеж, 1903, стр. 41.

[2] С. Введенский. Святитель Митрофан Воронежский как церковно-государственный деятель эпохи преобразований. Воронеж, 1904, стр. 11.

[3] Кроме Воронежской, были открыты епархии: Великоустюжская, Холмогорская и Тамбовская. Сведения об этом см. в "Справочной книге для духовенства Воронежской епархии". Воронеж, 1900, стр. 4.

[4] Летопись Воронежской епархии за время управления первого епископа Воронежского, святителя Митрофана. — "Воронежская старина", вып. III, 1903, стр. 274.

ский, Острогожск[5]. Однако есть источники[6], в которых называются, кроме указанных, и другие города в составе образовавшейся Воронежской епархии. Ввиду этого историки по-разному разрешают вопрос о ее первоначальных границах. Изучив имеющиеся материалы по данному вопросу, известный исследователь Воронежского края П. В. Никольский приходит к выводу, что к концу XVII века "границы епархии могут быть проведены весьма условно"[7]. Но в чем же причина расхождения исторических документов относительно первоначальных границ Воронежской епархии? Дело в том, что Рязанский митрополит и Воронежский епископ уже после соборного определения границ епархий долгое время претендовали на одни и те же города. Шли жалобы к царю и патриарху от Рязанского митрополита и от Воронежского епископа. В ответных грамотах и указах, направленных в разные времена этим иерархам от патриарха и царя, содержатся разноречивые предписания и данные о границах вновь образованной епархии[8].

Если во мнениях относительно границ епархии историки расходятся, то в вопросе о расширении ее пределов при первом епископе они единодушны. Так, в сборнике исторических статей профессоров Воронежского государственного университета утверждается, что границы Воронежской епархии во время правления первого ее епископа "значительно расширились на юг и восток за счет вновь осваиваемых земель и старинных поселений. В ее ведение были переданы все селения по рекам Осереда, Битюг и Икорец, г. Усмань, Острожки, Белоколодск и Демшинск, г. Острогожск с уездами, все селения ниже Воронежа по рекам Дон, Донец, Хопер, Бузулук, Медведица и Айдар, крепости Бахмутская, Хоперская и Павловск, Донецкий Предтечев монастырь и новонаселенные слободы по р. Толучеевке, г. Тамбов, Козлов и Борисоглебск с округами"[9].

Принимая во внимание определение границ епархии по соборному уложению 1682 г., а также свидетельства историков о последующем расширении ее пределов, следует признать, что ее территория была весьма значительная.

Население новоучрежденной епархии составляли люди различных национальностей, различных слоев общества и разных жизненных интересов. Здесь жили коренные русские люди, "черкасы" — казаки-малороссы; нашли здесь приют беглые крестьяне из центральных губерний России и многие раскольники-старообрядцы. Все эти весьма отличающиеся друг от друга своими традициями и жизненными интересами слои населения вносили свою лепту в формирование общего колорита церковной и общественной жизни Придонского края.

---

[5] И. М. Покровский. Русские епархии в XVI—XIX вв., т. I. Казань, 1897, стр. 375.

[6] Г. М. Веселовский. Исторический очерк г. Воронежа. Воронеж, 1886, стр. 83; срав.: Архиеп. Сергий (Петров). История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней, ч. I. Воронеж, 1961—1968, машинопись, стр. 128—129.

[7] П. В. Никольский. Очерки по истории церковной смуты на Дону в XVII в СПб., 1903, стр. 10.

[8] С. Введенский. Вопрос о разграничении Воронежской епархии от Рязанской при святителе Митрофане. — "Воронежская старина", вып. III, 1903, стр. 73.

[9] Очерки истории Воронежского края. Воронеж, 1961, стр. 74—75.

Итак, 1682 год явился годом учреждения Воронежской епархии. Но этот же год ознаменован и роковым событием в истории русского раскола. Это был год церковно-политической неурядицы, вылившейся в открытое восстание раскольников против московского правительства. И хотя восстание было подавлено, молва о нем, далеко не благоприятная для престижа Московской власти, разнеслась по России, и главным образом, по Придонскому краю. Найдя сочувствующих среди здешнего населения, раскольники в основной своей массе стекаются сюда. Кроме того, этот край становится и местом принудительной ссылки раскольников, как людей неблагонадежных (с точки зрения правительства) в политическом отношении, а также людей, повинных в различных уголовных преступлениях.

Южный Дон становится опасным центром раскольничества, которое получило здесь политическую окраску. Позиция вольных донских казаков, взявших под свое покровительство раскольников, усиливала опасения со стороны правительства, и без того боявшегося новой раскольнической смуты. Впрочем, и сами казаки вскоре начинают понимать неудобства сложившихся в Придонском крае обстоятельств. В жалобе, направленной одним из казацких старшин в Посольский приказ, эти обстоятельства излагаются довольно откровенно: "Которые люди являются на Москве в расколе и стрельцы за разные воровства битые кнутом, руки и ноги сечены, носы и уши резаны, а ссылают их в новый город Полатов — те люди объявились у нас все на Дону и воровские замыслы и смуты идут от них. При тебе (т. е. при посланнике Посольского приказа Тарасе Иванове. — *А. И.*) из Полатова пришло сюда таких воров семь человек. Вот Самойла Лаврентьев и старый казак, а держит у себя таких воров и дает им на ссуду лодки и ружья. Извести боярину князю Голицыну, чтоб впредь таких воров не ссылали в города, которые близ Дону, потому что они из этих городов уходят к нам на Дон и всякое воровство и смуты начинаются от них, в кругах оспаривают царские указы и дела, ворам потакают и кричат. Мне и другим старшинам и добрым казакам говорить нельзя, потому что всех нас побьют"[10].

Найдя на Дону приют и благоприятную почву для своих идей, раскольники развивают здесь довольно активную деятельность. В городах и селениях вожаки раскола проповедуют спасение исключительно через соблюдение старых обрядов и предсказывают "пагубность" церкви "никониан". Зерна пропаганды старообрядцев падали на благоприятную почву. За их вожаками шли массы. Нередко раскольническим настроением оказывались заражены целые общественные слои. События, развивавшиеся в Придонском (Воронежском) крае, стали предметом пристального внимания как гражданской, так и церковной власти. Однако жесткие административные меры, предпринимаемые правительством в деле искоренения раскола, были малоэффективными; нередко они даже осложняли положение. Успеха в борьбе со старообрядчеством можно было достигнуть лишь ниспровержением или хотя бы ослаблением тех внутренних основ, на которых оно держалось.

---

[10] Дополнения к Актам Историческим, т. XII, № 17. Спб., 1872, стр. 180; срав. Летопись. Цит. соч., стр. 277.

Но прежде всего необходимо было поднять авторитет и значение Церкви в этом крае и усилить ее влияние на население. А для этого требовались твердый святительский надзор и церковно-просветительный центр, в котором если не все население края, то хотя бы духовенство научалось бы правильному отношению к своим обязанностям, касающимся, в частности, и раскола. Необходимо было поставить на должный уровень уставность и чинность богослужения в православных храмах, нужны были твердая убежденность православных пастырей и усердное исполнение ими своего пастырского долга, что способствовало бы уничтожению религиозных настроений и возвышению церковного авторитета в глазах простого верующего народа.

Изволением Духа Святого новоучрежденную Воронежскую кафедру возглавил святитель Митрофан – человек, вполне отвечавший требованиям и обстоятельствам, которые сложились к тому времени в Воронежском крае: он поражал окружающих высотой своего богословствования, был ревностным хранителем церковных традиций и опытным духовным кормчим. Тем не менее учреждение епархии и назначение в нее архиерея донское население восприняло вначале настороженно и даже с недовольством. Особенно недовольны были раскольники, знавшие, что непосредственный епископский надзор за жизнью православной паствы ограничит, а то и лишит их возможности проповедовать и распространять свои воззрения. Утвердившееся же в своеволии духовенство предпочло остаться в номинальной зависимости от далеко живущего Рязанского митрополита, нежели подпасть под непосредственное руководство Воронежского епископа. Такого рода настроения были присущи даже насельникам некоторых монастырей. Так, вскоре после прибытия в Воронеж святителя Митрофана у некоторых монахов Толшевского Спасо-Преображенского монастыря возникло желание "отписатца в Рязанскую епархию"[11].

Вступив на Воронежскую кафедру, святитель Митрофан для повышения уровня церковной жизни в своей епархии, особенно же для искоренения раскола, заручился содействием светских властей. Царская грамота, направленная донским воеводам для оказания ему содействия, гласит: "И как к вам ся наша, великих государей, грамота приидет, и вы б стольники наши и воеводы и приказные люди, богомольцу нашему, преосвященному Митрофану, епископу Воронежскому, на церковных раскольников вспоможение чинили и имать их велели, и для поимки таких воров, его богомольца нашего, приказным людям стрельцов и иных служивых людей к нему присылали тотчас, сколько ему в которое время понадобится"[12].

Но Святитель понимал малоэффективность таких мер. В своих отношениях с раскольниками, как вообще со всеми нуждающимися в исправлении образа жизни, он прежде всего руководствовался принципами, которые впоследствии изложил в духовном завещании "священному чину" своей епархии: "...Буесловцам и сквернословцам, и ложная глаголющим, яже на пагубу правоверным людям, уста заграждайте и возбраняйте, от Писаний слово приимше. Аще ли кто будет сопротивляться Соборныя

---

[11] Свящ. С. Зверев. Св. Митрофан, первый епископ Воронежский, в борьбе с расколом. Воронеж, 1901, стр. 12.

[12] Там же, стр. 12–13.

Церкви, преданию и нашему поучению по святых отец указанию, – и вы, сынове и братия, о сих помолитеся по апостолу: братие, "молитеся друг за друга, яко да исцелеете" (Иак. 5, 16), и на истинный путь по первом и втором наказании обратите заблудших, научите, "запретите, настойте" (2 Тим. 4, 2), понудите люди Божия ко благочестию, всячески целите недужныя, яко время убо обуреваемое есть и "дние лукави суть" (Еф. 5, 16) и людие на зло уклонишася"[13].

Заботясь о надлежащем окормлении своей паствы, Святитель, конечно, не мог не учитывать обстоятельств, возникших во время его епископства в Придонском крае.

С 1695 года в истории Воронежского края начинается новая эпоха. Весь этот край, некогда "поле" – окраина России, делается одним из центров кипучей деятельности молодого царя-реформатора Петра I. И хотя здешняя его деятельность была сравнительно короткой, она оставила неизгладимый след на всей истории Воронежского края. Заботясь об оборонной мощи России, Петр считал главным средством борьбы с южными завоевателями флот. И Воронеж становится центром судостроения; суда строились по всему верхнему течению Дона: в Козлове, в Добром, в Соколовском, в Стунине и в Таврове. В самом Воронеже, возле древнего Успенского монастыря, верфь была заложена под непосредственным наблюдением царя. Петр посылает сюда множество "немцев", точнее, людей разных европейских национальностей протестантского вероисповедания. Вскоре вблизи от царского "шатра" возникает немецкая слобода с двумя кирхами. Находившийся рядом Успенский монастырь, устроенный по приказу царя Бориса Годунова, Петр Первый в 1700 г. упразднил, разрешив богослужение в одном из его храмов на уровне прихода. На месте прежних монашеских келий возникают постройки царских сановников.

Ввиду такого своего положения, Воронеж стал самым известным городом всего Придонского края, но вместе с тем средоточием и рассадником традиций, чуждых русскому национальному и религиозному духу. Казацкая вольница, раскольники-старообрядцы, беглые крестьяне, которые и без того неохотно подчинялись царской и церковной власти, теперь становятся вообще трудноуправляемыми.

Для государственной власти прежде всего важно было, чтобы жители Придонья были благонадежными гражданами отечества. Немало заботилась об этом и власть церковная, однако для Церкви было основным, чтобы чувство патриотизма в людях имело духовную основу.

Первый Воронежский святитель – Митрофан был мудрым архипастырем; в своей деятельности он умело сочетал воспитание патриотических чувств в своих пасомых с заботой о их личном спасении. Объективное исследование исторических документов, отражающих деятельность святителя Митрофана, дает возможность представить ее в надлежащем свете. Большая часть времени служения этого Святителя приходится на время правления императора Петра I. Как преданный сын России, святитель Митрофан безусловно одобрял реформы Петра, направленные на укрепление оборонной мощи страны. Так, при постройке флота в Воронеже и при сборах Петра в поход на Азов Святитель призывал народ

---

[13] Свящ. С. Зверев. Духовное завещание св. Митрофана, еп. Воронежского. Сергиев Посад, 1897, стр. 28.

помогать императору и сам делал солидные взносы в государственную казну. Историки свидетельствуют, что за такую патриотическую деятельность он пользовался особенной любовью государя[14]. Некоторые даже полагают, что отношения между Святителем и императором носили характер дружбы между ними[15].

Известный исследователь истории Воронежского края П. В. Никольский опровергает это мнение. Он говорит: "Понимают ли пишущие об этой дружбе самое слово, которое употребляют с таким легким сердцем? На чем могла быть основана эта дружба? На сходстве воспитания или единстве сословных понятий? — Но об этом и говорить странно. На единстве житейских привычек? — Но где же сходство между жизнью праведного Святителя и царя Петра? ...Но, может, эта дружба основывалась на единстве теоретических убеждений? ...Тоже странное предположение. Царь, составивший и несколько раз редактировавший устав всешутейшего и "всепьянейшего собора", где самые священные верования православного сознания были подвергнуты по меньшей мере легкомысленной, но во всяком случае кощунственной насмешке, царь, открыто нарушавший устав Церкви во время своего пребывания в Воронеже, едва ли казался Воронежскому Святителю единомысленным. Нет, с каких бы противоположных точек зрения мы ни смотрели на петровскую эпоху, допустить дружбу между царем и Святителем немыслимо. Как же понимать благожелательные отношения между ними? Они находят вполне естественное объяснение во всей предшествующей деятельности св. Митрофана"[16].

Живя на рубеже новой эпохи и искренне сочувствуя заботам Петра I о благе России, Святитель в то же время "по своим убеждениям более примыкал к старорусской партии. Он очень дорожил лучшими преданиями русской старины и своей пастве завещал хранить это отеческое наследство"[17]. Все, что было полезным в деятельности Петра I, Святитель принимал, но в своих отношениях с государем не поступался интересами церковными.

Святитель Тихон начал свою деятельность в качестве иерарха Воронежской епархии почти через 100 лет после описываемых событий; он был одиннадцатым Воронежским епископом. Несмотря на то, что его усердные предшественники много потрудились и как администраторы и как архипастыри-душепопечители, святителю Тихону приходилось разрешать те же проблемы, с которыми имели дело предшествовавшие епископы: та же борьба с раскольниками, то же стремление повысить религиозно-нравственные устои православной воронежской паствы. Все это нашло отражение и в творениях Задонского Святителя.

Нашей же задачей было извлечение из этих творений основных мыслей Святителя, относящихся ко спасению христианина, систематизация их и изложение в доступной для читателя форме.

---

[14] Г. М. Веселовский. Цит. соч., стр. 77.

[15] Н. И. Поликарпов. Петр Великий и святитель Митрофан Воронежский. Воронеж, 1899, стр. 25.

[16] П. В. Никольский. Цит. соч., стр. 33.

[17] Н. Поликарпов. Духовное завещание святителя Митрофана. — "Воронежская старина", вып. III. Воронеж, 1903, стр. 212.

Образ св. Тихона, нового чудотворца Задонского.
Написан по "видению" Якова Машонова
Архиепископ Воронежский и
Задонский Антоний II, при
котором произошло
обретение мощей
св. Тихона.

ЧАСТЬ I

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ГЛАВА I

Детство и юность будущего святителя

1. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Святитель Тихон, еп. Воронежский, Задонский чудотворец, родился в 1724 г. в селе Короцко[1] Валдайского района Новгородской епархии в семье дьячка Савелия[2] Кириллова и жены его Домники. В небольшом Короцком храме во имя св. Николая Мирликийского младенец был крещен и назван Тимофеем.

---

[1] Митр. Евгений (Болховитинов) в своем труде место родины Святителя называет "Корецк" (Цит. соч., стр. 4). Все остальные жития и исследования о Святителе называют это место словом "Короцк" (Житие, стр. 9; Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 7; Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 9; и др.). Т. М. Олейников на основании архивных данных в своей статье "На родине св. Тихона" село, в котором родился св. Тихон, называет "Короцко" ("Воронежская старина", вып. IX. Воронеж, 1911, стр. 137). Подобно этому пишет свящ. Т. Попов (Цит. соч., стр. 39).

[2] Большинство авторов жития св. Тихона вслед за митр. Евгением Болховитиновым (Цит. соч., стр. 4) называют отца св. Тихона "Саввою" . Подлинное же имя отца Святителя "Савелий". Об этом сказано в указе Св. Синода о назначении выпускника семинарии Тимофея Соколовского (будущего Святителя) на должность учителя поэзии (Житие св. Тихона. Н. Сергиевского, стр. 9; прот. Лебедева, стр. 7). В "Записках Чеботарева" Святитель называет себя "Тимофеем Савельевичем" (стр. 7). По имени отца Святитель носил в семинарии фамилию Савельев. По поводу фамилии св. Тихона свящ. Тихон Попов пишет: "В архиве Новгородской духовной семинарии хранится автограф ученика Новгородской духовной семинарии "Тимофея Савельева". С фамилией "Савельев" Тимофей известен в семинарской ведомости об учениках "греческой школы" за 1747 год, а также в архиерейском казенном приказе за 1748 год о выдаче ему "васильковаго кафтана" и "камзола" и в 1750 году в августе месяце в донесении префекта Новгородской семинарии иеромонаха Парфения Новгородскому архиепископу Стефану об "определении" ученика "школы философии" Тимофея учителем к "греческой школе". В исторических актах с 1751 года имя Тимофея встречается с фамилией "Соколовский". Впервые "Соколовский" назван Тимофей в бумаге архиепископа Стефана при определении Тимофея учителем к "греческой школе". Это, вероятно, и был момент начала наименования новой фамилии Тимофея (Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 40). Но до поступления в славянскую школу Тимофей имел фамилию, как и вся семья дьячка Савелия, Кириллов.

Тимофей еще младенцем лишился отца и остался сиротою на попечении родной матери Домники и старшего брата Евфимия, который после смерти отца занял в храме его должность и стал кормильцем и опекуном осиротелого бедного семейства.

Детство будущего Святителя прошло в нужде и недостатке. Впоследствии он вспоминал: "С тех пор, как я начал себя помнить, в доме при матери нашей (отца своего я не помню) было нас четыре брата и две сестры; старший брат был дьячком, средний — взят в военную службу, а мы все еще малы были и жили в великой бедности, так что нуждались в дневной пище; мать наша сильно скорбела, как пропитать нас. В нашем приходе жил богатый, но бездетный ямщик, — он часто приходил к нам в дом, — и я полюбился ему. Он неоднократно просил меня у матушки и говорил: "Отдай мне Тиму своего, я его вместо сына воспитаю, и все имущество мое — его будет". Матушка моя, хотя и отказывала ему, — жаль ей было отдать меня, но крайний недостаток в пропитании понудил ее отдать меня этому ямщику, и я хорошо помню, как, взяв за руку, она повела меня к ямщику. Старшего брата в то время не было дома. Когда же он возвратился, то спросил сестру: "Где матушка?" Та отвечала: "Повела Тиму к ямщику". Брат, догнав матушку, стал пред ней на колени и сказал: "Куда вы ведете брата? Ведь ямщику его отдадите, то ямщиком он и будет. Я лучше с сумою по миру пойду, а брата не отдам ямщику. Постараемся обучить его грамоте, тогда он может в какой-нибудь церкви определиться в дьячки или пономари". И потому матушка воротилась домой. Когда бывало дома есть нечего, я ходил на целый день боронить пашню у богатого мужика, чтобы только накормили меня хлебом. Вот в какой нужде воспитывался я"[3].

И кто бы мог "подумать тогда, — пишет один из исследователей жизни св. Тихона, — смотря на этого босого, загорелого, в простой холщовой рубашке мальчика, который, наравне с крестьянскими детьми, с вожжами в руках, ведет по пашне деревенскую лошадь с бороной и понукая ее, сам едва успевая следовать за нею по комкам неразбитой земли, — кто мог подумать тогда, что из этого мальчика выйдет впоследствии возделыватель нивы сердец человеческих великий светильник Русской Церкви!"[4].

Из всей последующей жизни Святителя, а также из сочинений его можно видеть, какой отпечаток наложило на него это время. Возвеличенный Богом, он оставался скромным, доступным, на всю жизнь сохранил сочувствие к простому народу, хорошо зная его нужды[5].

Условия семейной жизни способствовали формированию у отрока таких черт характера, как сосредоточенность, постоянная серьезная настроенность, трудолюбие. Здесь же в семье он впервые узнал и христианские добродетели: кротость, смирение, терпение, преданность воле Божией и, наконец, любовь, которая постоянно проявлялась во взаимоотношениях членов семьи Кирилловых, а также в их отношении к Матери-Церкви. Именно любовь спасла отрока Тимофея от участи ямщика и от участи военнослужащего, как об этом будет сказано позже.

---

[3] Записки Чеботарева, стр. 3—4.
[4] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 8.
[5] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 70.

Все члены семьи предпочитают суровую и трудную жизнь церковнослужителя обеспеченной жизни мирянина. Именно в семье будущий Святитель учился христианскому милосердию, ставшему впоследствии основой его жизни.

Уже в детские годы Тимофей обладал высокой духовной зрелостью. "Он обыкновенно избегал детских игр и любил говорить только о божественном, причем его отзывчивая душа горячо воспринимала всякую беду людскую: и лихую болезнь, и нищету неисходную, и всякую неправду... В воскресные дни и праздники маленький Тимофей, разрядившись в новенькие лапотки, раньше всех являлся в Короцкую церковь и бывал очень счастлив, если ему удавалось или как-нибудь услужить священнику в алтаре, или что-нибудь прочитать или пропеть в церкви"[6].

2. ПЕРИОД УЧЕБЫ

В начале 1737 года (4 февраля и 5 марта) были изданы два указа императрицы Анны Иоанновны, согласно которым все молодые люди духовного происхождения, если они не имели образования и не учились в данное время в школе, должны были поступить на службу в армию. Кроме того, молодым людям запрещалось идти в монастырь или выйти из духовного сословия. Только овдовевшим священникам или отслужившим солдатам разрешалась монашеская жизнь. Синоду также предписывалось проконтролировать духовные школы и всех учеников подходящего возраста и не способных к учению отдавать на военную службу[7]. Эти указы, особенно строго исполнявшиеся в Новгородской епархии[8], побудили многих родителей из духовного сословия отдавать своих детей в духовную славянскую школу при Новгородском архиерейском доме. Мать Тимофея также решила устроить туда своего сына, но наплыв желающих был так велик (в училище собралось до тысячи мальчиков всякого возраста), что для бедного сына дьячка и сироты Тимофея не нашлось в этой школе места. Бедность, тяжелые условия существования вынудили мать предоставить сына на усмотрение начальства. Тимофей Кириллов был назначен к исключению из духовного звания и определен в военную арифметическую школу. Но и опять любовь братская спасла его. Другой старший брат Тимофея — Петр, бывший причетником в Новгороде, сжалился над своим братом и упросил духовное начальство принять отрока в училище, обещая содержать его на собственном иждивении. Его просьба была принята, и 11 декабря 1738 года Тимофей под фамилией Савельев (по имени отца) был включен в число учеников славянской школы при архиерейском доме[9]. Так начался новый период в жизни отрока Тимофея.

---

[6] И. И. Дубасов. Былые добрые люди Тамбовского края. — "Исторический вестник", 1895, сентябрь, стр. 654.

[7] Житие, стр. 10.

[8] Причина этого была в том, что Новгородская епархия была вдовствующей (8 сент. 1736 г. умер архиеп. Феофан Прокопович) (Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 48).

[9] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 11.

Нелегко было мальчику учиться. С одной стороны, затруднения заключались в том, что на тысячу учеников было только два учителя, а с другой — брат его Петр, обремененный семейством, сам нуждался и оказать Тимофею серьезную материальную поддержку не мог. Вот почему отрок значительную часть времени тратил на работу, чтобы поддержать себя и тем самым облегчить положение брата. Вот как об этом пишет один из первых авторов жития св. Тихона: "Тимофей, начав учиться в школе, упражнялся и дома под наблюдением брата в чтении полезных книг, а в свободные часы приобретал сам себе пропитание, нанимаясь у огородников копать гряды"[10].

А вскоре после поступления в училище Тимофей лишился матери, скончавшейся в Новгороде. О дальнейших отношениях его с братьями в жизнеописаниях не говорится. Безусловно, он посещал их, но это было очень редко. Все свое время юноша проводил в стенах училища, а позже семинарии.

В 1740 г. в Новгород епархиальным архиереем был назначен Вологодский епископ Амвросий (Юшкевич). Заботясь о духовном просвещении, он вызвал из Киева ученого монаха Иннокентия Мигалевича и поручил ему устроить семинарию в Новгороде. В тот же год училище было преобразовано в семинарию, которая была переведена из архиерейского дома в монастырь святого Антония Римлянина. Для обучения в семинарии из большого числа учеников училища были выбраны только лучшие, причем 200 человек, среди них и Тимофей Савельев, были определены на казенное содержание[11]. В материальном отношении Тимофею стало легче. Об одежде, обуви, пище он теперь не беспокоился, однако этого было недостаточно для удовлетворения его потребностей. Так, например, ему приходилось продавать половину своего хлеба и на вырученные деньги покупать свечи, чтобы прочитать полезную книгу, которая привлекала его внимание и которую не удавалось прочитать днем, в часы классных занятий. Об этом вспоминает и сам Святитель: "В семинарии... я начал продолжать учение на казенном коште и терпел великую нужду, по недостатку потребного к содержанию себя; и так бывало, когда получу казенный хлеб, то из онаго половину оставлю для продовольствия себе, а другую половину продам: куплю свечу, с нею сяду за печку и читаю книжку"[12]. Этот пример ярко показывает прилежание и любознательность юного семинариста, жертвующего ради знаний телесным довольством.

Во время учения в семинарии Тимофей резко отличался от своих товарищей строго благочестивым настроением души: он был внутренне сосредоточенным, молитвенно настроенным, благоговейным ко всему святому. Нельзя сказать, что Тимофей Савельев был единственным человеком такого склада, но, возможно, не было случая, чтобы родственные души сблизились, и мальчик оказался в одиночестве, хотя впоследствии у него и появился друг в лице Стефана Лаговского. Одиночество, в свою очередь, сохранило его от дурных примеров; сохранило те замечательные

---

[10] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 6.

[11] Свящ. А. Иванов. Св. Тихон епископ Воронежский. — "Прибавление к Тульским епархиальным ведомостям", № 15, 1862, стр. 134.

[12] Записки Чеботарева, стр. 4.

черты характера, которые он приобрел в семье. Именно одиночество оказалось той благодатной почвой, на которой укрепился его внутренний подвиг, а вся его жизнь стала непрерывным предстоянием Богу.

К сожалению, как это часто бывает в детской среде, его товарищи часто шутили и смеялись над его простотой, смирением и бедностью. Иногда они брали лапти и, махая ими перед Тимофеем, приговаривали: "Величаем тя"... "Как не кажется эта шалость ребяческою и глупою, – пишет один из жизнеописателей, – тем не менее она заслуживает того, чтобы о ней было упомянуто, так как предчувствие товарищей действительно впоследствии оправдалось: им пришлось кадить ему настоящим образом, уже не в шутку, а серьезно"[13]. Впоследствии, когда св. Тихон был посвящен в сан епископа и приехал в Новгород, в соборе для принятия святительского благословения собралось, по обычаю, местное духовенство. Среди них были и бывшие соученики. Во время встречи Святитель сказал им со своей обычной сердечной и добродушной улыбкой: "Вы, братцы, смеялись надо мной, когда мы были в семинарии малолетними детьми, и отопками на меня махали, а теперь и кадилами будете кадить". "Прости, владыко святый", – заговорили те. Но Святитель успокоил их ласковым словом, приговаривая: "Я шутя вам говорю, братцы"[14].

Несмотря на все нужды, Тимофей Савельев всегда был в числе лучших учеников. От природы умный и прилежный, он успешно переходил в высшие классы и занимался с таким усердием, что ему, ученику богословского класса, доверили преподавание греческого языка (с сентября 1750 года). Сначала ему по неизвестным причинам не было назначено жалованье, в то время как другие учителя из учеников получали его. Поэтому в июне 1751 года Тимофей Савельев подал прошение Преосвященному Стефану[15], в котором просил определить ему жалованье, "какое его архипастырской воле угодно будет, и оное за прошедшую сентябрьскую и январскую трети выдать"[16]. Преосвященный Стефан, выяснив, что Савельев прилежно исполняет ученические и учительские обязанности, наложил на прошении резолюцию: "Производить как денежное, так и хлебное (жалованье) против нижней латинской школы учителя, из учеников определенного, и из означенного им месяца и числа заслуженное выдать"[17].

По словам свящ. Т. Попова, в этой резолюции впервые фамилия Тимофея названа Соколовский[18]. Согласно этой резолюции, учитель греческого языка из учеников Тимофей Соколовский получал жалованье 50 р. и 9 четвертей ржи в год.

Как преподаватель греческого языка Тимофей Савельевич должен был уделять особое внимание изучению греческой святоотеческой литературы. В книгах св. Отцов глубоко запечатлен дух истинного христианства. К этим спасительным истинам тяготела душа Тимофея и в них находила себе духовную пищу. Кроме того, знание и преподавание гречес-

---

13 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 13.

14 Записки Чеботарева, стр. 4.

15 Архиеп. Стефан (Калиновский) был переведен из Пскова в Новгород в 1745 году после кончины епископа Амвросия (Юшкевича).

16 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 13.

17 Там же, стр. 14.

18 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 40.

кого языка вместе с изучением творений св. Отцов давали возможность восполнить недостатки семинарского образования.

Только на 30-м году своей жизни Тимофей Савельевич Соколовский окончил семинарию. Может показаться непонятным, почему Тимофей Соколовский при своих дарованиях и старании долго учился в семинарии (1740–54 г. – 14 лет). Причина, прежде всего, в том, что семинария во время его учения только начинала свое существование. Поэтому в некоторых классах по необходимости приходилось оставаться не один год. Вот как описывает путь постепенного прохождения классов в Новгородской семинарии автор книги "Жития св. Тихона": "Год провел он, Тимофей, в синтаксисе, год в поэзии, четыре года в риторике, потому что высшие классы еще не были открыты. Учителем у него до 1743 года был префект Иннокентий Мигалевич, а потом, с 1743 до 1746 г. иеромонах Иосиф Ямбицкий. У него же и потом у Павла Сопковского (в иночестве Парфения) он учился греческому языку, в знании которого так успел, что был преемником его в звании учителя этого языка. Архиепископ Стефан, вступивший на Новгородскую кафедру в 1745 году, обратил особенное внимание на семинарию и открыл философский класс. В этот класс переведен был в 1746 году и Тимофей Савельевич. В сентябре 1748 года Преосвященный Стефан открыл в семинарии богословский класс, поручив преподавание богословия учителю философии Иосифу Ямбицкому. Но этот учитель, о котором святитель Тихон всегда вспоминал с уважением и сожалением, скончался в декабре того же года, и ученики богословия, за неимением наставника, опять обращены в философский класс, где пробыли до 1750 года"[19].

В 1750 г. ректором семинарии становится иеромонах Иоасаф Миткевич. Он возобновил курс богословия, который преподавал сам. Через четыре года, 15 июля 1754 г., Тимофей Савельевич Соколовский закончил курс обучения и оставлен при семинарии учителем риторики[20].

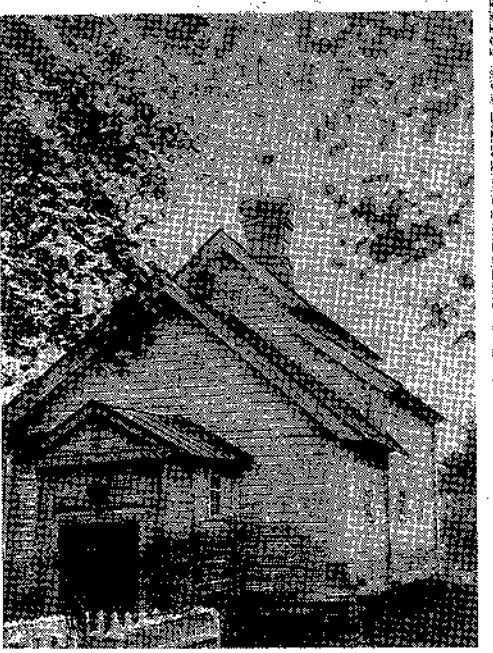
За весь четырнадцатилетний период пребывания в семинарии Тимофей, как замечает один из ученых его жизнеописателей митрополит Евгений (Болховитинов), "всегда (был) в числе учеников, наипаче преуспевавших"[21]. В ведомости за 1747 год "о учениках школы греческой, кто как с них выучился и с какой школы", ученик "школы философии" Тимофей Савельев отмечен: "изрядно выучился", а в разрядном списке успевающих он значился под № 5[22]. Об усердии и стремлении Тимофея к знаниям свидетельствует тот факт, что изучению греческого языка, необязательного предмета в числе семинарских наук, он посвящал свободные часы, посещая вторично после двухгодичного изучения риторический и философский курсы (1744–1749). Архиепископ Стефан, назначая Тимофея Соколовского учителем греческого языка, отметил в нем "как в ученическом, так и в учительском звании прилежное рачение, также и добропорядочное житие"[23].

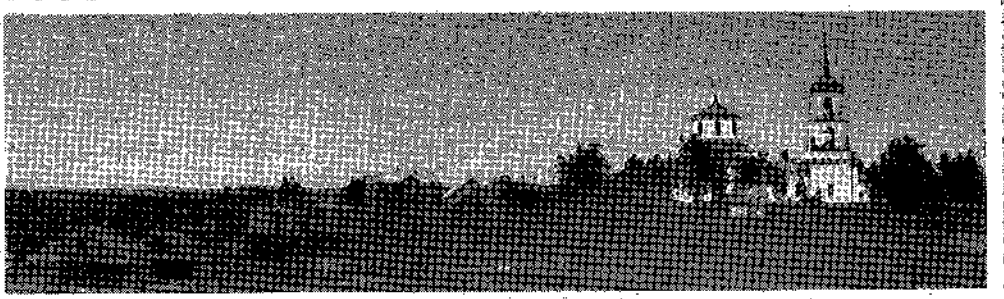
19 Житие, стр. 14.
20 Там же, стр. 14.
21 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 9.
22 "Воронежская старина", вып. X, стр. 148.
23 Там же.

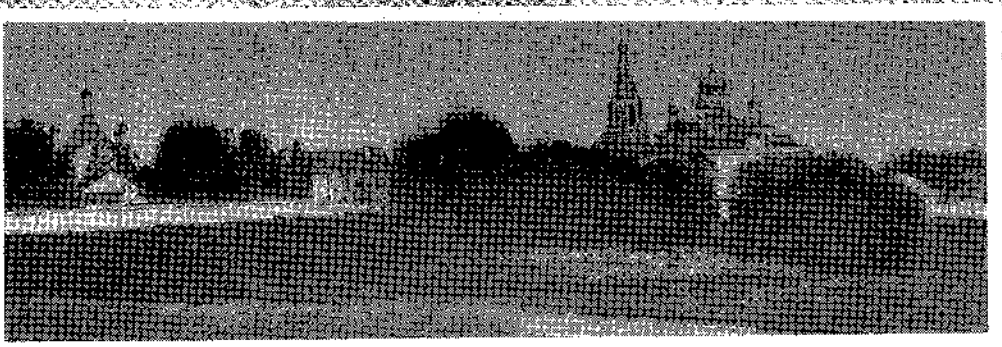
Брат св. Тихона уговаривает мать не отдавать мальчика в семью ямщика

Храм во имя св. Николая на родине св. Тихона, в котором он был крещен

Село Коротко-Ваганское Новгородской губернии, где родился (1724) и провел детство св. Тихон Задонский

Коротский Тихоновский женский монастырь

Насколько искусным оказался Тимофей Соколовский в знании греческого языка, можно судить по следующим обстоятельствам: во-первых, Тимофей одновременно совмещал обязанности ученика и учителя, а во-вторых, он довольно быстро подготовил себе преемника по семинарской кафедре, своего ученика Феодора Сотского, который впоследствии стал видным официальным переводчиком с греческого языка при Св. Синоде[24].

Прекрасному знанию греческого языка, глубокому пониманию Св. Писания, всестороннему знакомству с святоотеческой письменностью — всем этим сокровищем святитель Тихон обязан исключительно своему пребыванию в семинарии. По мере развития духовных сил перед Тимофеем, терпеливым и трудолюбивым, постепенно открывалась вся глубина тогдашнего богословского образования. Трудолюбие и терпение, эти христианские добродетели русской души, были неотъемлемыми чертами святителя Тихона еще в раннем детстве. В школе же, под влиянием благоприятных условий, они стали господствующими качествами его личности. Хотя в его время, даже "в самой семинарии, воспитавшей Святителя, преобладала над всем схоластическая ученость, когда между словом и делом, между мыслию и действительностью не было ничего почти общего, когда о многом и очень хорошо говорили, но очень мало или же совсем ничего не делали"[25], Святитель умел стать выше этого. Он постепенно возвышался, умудрялся и обогащался духовыми познаниями, и поэтому ему были совершенно чужды схоластика, расхождение слова и дела.

Вступая в самостоятельную жизнь, Тимофей Савельевич Соколовский не был молодым неопытным юношей, не укрепившимся в своих правилах и понятиях. Напротив, это был муж, предначавший путь тесной жизни, исполненной лишений, скорбей и трудов, муж, устремлявший свой испытующий взор внутрь самого себя, стремившийся к самопознанию. Жизнь в школе была для него временем искуса и послушания, временем приготовления к высшему служению.

---

[24] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 56.
[25] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 107.

ГЛАВА II

Педагогическая и административная деятельность в духовных школах

1. НАЧАЛО ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В первый год своей учительской деятельности Тимофей Савельевич Соколовский совмещал преподавание двух предметов: риторики и греческого языка. Но через год он передал греческий язык своему ученику Феодору Сотскому.

Молодого учителя, отличавшегося необыкновенной сердечностью, скромностью и благочестивой жизнью, все очень любили и уважали: и ученики, и семинарское начальство, и новгородские преосвященные. Его бедные родные стали надеяться и уповать на его духовную и материальную помощь. Они стали уговаривать его вступить в брак и искать священнического места. Но не к этому стремилась душа благочестивого Тимофея Савельевича. Он любил родных и делал для них все, что мог при своих скудных средствах[1]. Так, Тимофей взял на свое содержание старшую сестру, вдовствовавшую в крайней бедности и зарабатывавшую себе на скудное пропитание тяжелым трудом поломойки у богатых людей[2].

О жизни Тимофея Соколовского во время его учительства в семинарии известно очень мало, но все исследователи отмечают, что Святитель в этот ранний период своей жизни постигал умом и сердцем Бога, изучал дивные пути Его Промысла и стремился к иноческому подвижничеству и богомыслию. Несколько случаев, о которых св. Тихон вспоминал впоследствии, дают возможность несколько проникнуть в его духовную жизнь и отчасти понять предначатие им того духовного преуспеяния в подвижнической жизни, какое он проявил в себе впоследствии.

Господь, видя в нем ревностного исполнителя Своих законов, постоянно пребывал с ним Своею благодатию и в любых обстоятельствах земной жизни поддерживал его, умудрял и охранял. Об этой милости Божией, сохранявшей неоднократно ему жизнь, свидетельствуют некоторые случаи. "Когда я был учителем, – рассказывал о себе Святитель, – архимандрит Александро-Свирского монастыря пригласил нас, учителей, к себе в гости... По приезде в монастырь я один из любопытства пошел

---

[1] С определением Соколовского в учителя его материальное положение значительно улучшилось. Теперь он стал получать 150 руб. и 24 четверти хлеба (Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 15).

[2] Записки Чеботарева, стр. 6.

на колокольню осмотреть окрестности монастыря, которые точно прекрасны. Не опробовав перил, оперся на них, а они вдруг упали на землю, меня же будто кто толкнул назад, и я упал к колоколам полумертвым. Едва опомнясь, с трудом мог я сойти с колокольни и дойти до архимандричьей кельи. "Что ты изменился в лице, Тимофей Савельевич? — спрашивали товарищи. — Посмотри в зеркало, братец, ты похож на мертвеца". Я отвечал им: "Пожалуйте чашку чаю и после того скажу". Напившись чаю, повел их к колокольне — там перила лежали разбитые вдребезги. "Так и мне бы быть разбиту", — сказал я"[3].

Известен и другой случай, когда опасность угрожала жизни Святителя. Однажды ехал он верхом на лошади; вдруг она вышла из повиновения и стала вести себя крайне беспокойно, так что седло съехало и Святитель упал на землю, причем одна нога его запуталась в стремени. Опасность была очевидная, но Господь и здесь сохранил его: взбесившаяся лошадь вдруг остановилась, как будто усмиренная кем-то, и Тимофей Савельевич выпутался из стремени и остался невредимым[4]. Так Господь дивно сохранял Своего избранника.

Эти случаи имели сильное влияние на благочестивого Тимофея Савельевича, так как они напоминали ему о близкой и неизбежной для каждого человека смерти, о непрочности всего земного и о необходимости постоянно быть готовым к переходу в вечность. Все это еще более укрепляло его желание послужить Богу в монашеском чине.

2. ПОСТРИЖЕНИЕ В МОНАШЕСТВО И НАЗНАЧЕНИЕ НА ДОЛЖНОСТЬ ИНСПЕКТОРА

Но и не облеченный еще в иноческий образ, Тимофей Савельевич проводил жизнь монашескую. Он любил в ночное время заниматься чтением святоотеческих книг или душеполезными размышлениями и молитвою. Однажды тихой майской ночью, находясь в богомыслии, он вышел на крыльцо своей кельи, где сподобился узреть благодатное видение, о котором Святитель часто рассказывал в конце своей жизни: "Вдруг передо мною как бы разверзлись небеса, и увидел я такое сияние и свет, что бренным языком сказать и умом понять невозможно. Это было только на краткое время, небо опять приняло естественный вид: я от того видения более горячее возымел желание к уединенной жизни и дол-

---

[3] Записки Чеботарева, стр. 7.

[4] Записки И. Ефимова, стр. 35. В духовном завещании святитель Тихон говорил: "Слава Богу, яко при бедственных и смертных случаях меня сохранял!" Указанные случаи были теми моментами, когда Господь сохранял Своего избранника от нечаянной смерти. Уместно здесь привести и третий подобный случай из жизни св. Отца, происшедший уже в Воронеже, который описан его келейниками. В зимнее время преосвященный Владыка отправился посетить одного из своих знакомых. По дороге кучер остановил лошадей и вместе с послушником стал поправлять упряжь. Но не успели они снова сесть, как лошади сорвались и понесли Святитель открыл дверцы и решил выскочить на ходу. К его удивлению, это получилось так легко, что, как он сам потом рассказывал, как будто кто с обеих сторон подхватил его под руки и он твердо стал на ноги. Св. Отец возблагодарил Бога за Его благой промысл о его жизни (Там же).

го после того чувствовал удовольствие и восхищался умом, и ныне, — прибавил он, — когда вспомню, то ощущаю в сердце моем некое веселие и радость"[5].

После этого Тимофей Савельевич окончательно утвердился в своем намерении посвятить свою жизнь иноческим подвигам. Он, вероятно, давно бы исполнил свое желание, если бы не то обстоятельство, что после умершего в 1753 году архиепископа Стефана новгородская паства четыре года оставалась без архиерея. В 1757 году Новгородским архиепископом был назначен Димитрий Сеченов. Тимофей Соколовский вместе со своим товарищем Стефаном Лаговским немедленно подали архипастырю прошение о пострижении в монашество. 10 апреля 1758 года, в Лазареву субботу, в семинарском храме Антониева монастыря ректором семинарии архимандритом Парфением Сопковским (впоследствии еп. Смоленским) оба они были пострижены в иноки, причем Соколовский получил иноческое имя Тихона (в честь св. Тихона, еп. Амафунтского), а Стефан — Симона. Через две недели они уехали в Петербург, где архиепископ Димитрий, бывший в то время членом Синода и поэтому живший в Петербурге, на Фоминой неделе посвятил новых иноков в сан иеродиакона. Симон вскоре был рукоположен в сан иеромонаха, а Тихон — летом того же года. Ему было тогда 34 года[6].

В 1758 году ректором Новгородской семинарии был назначен иеромонах Симон (Лаговский). 27 августа этого года иеромонах Тихон был переведен на должность преподавателя философии. 3 февраля 1759 года он занял административный пост инспектора Новгородской семинарии и участвовал в делах правления "семинарской конторы"[7].

3. СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН — РЕКТОР ТВЕРСКОЙ СЕМИНАРИИ. ХИРОТОНИЯ ВО ЕПИСКОПА

Но только полгода пришлось ему трудиться на этом поприще. Дарования, ум и добродетели св. Тихона были хорошо известны некоторым архипастырям, и каждый из них желал видеть его в своей епархии. Так, епископ Тверской, Преосвященный Афанасий, особенно настойчиво добивался перевода его в свою епархию. Его усилия увенчались успехом, и указом Святейшего Синода от 26 августа 1759 года иеромонах Тихон назначен был в распоряжение Тверского епископа. Он был уволен в Тверскую епархию "к определению, по рассмотрению тамошняго преосвященного, к лучшему пред сим, в коем он находился, послушанию"[8]. Несмотря на малый срок пребывания Тихона в монашестве, еп. Афанасий сделал его сначала настоятелем и архимандритом Желтикова монастыря, а потом, в том же 1759 г., настоятелем Отроча монастыря, ректором Тверской семинарии и преподавателем богословия, а вместе с этим членом Духовной консистории[9]. Характеризуя деятельность св. Тихона в это время, В. Колосов, автор исследования по истории Тверской семинарии,

---

5 Записки Чеботарева, стр. 7.
6 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 14.
7 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 62.
8 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 14.
9 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 19.

пишет: "Время управления Тверской семинарией св. Тихоном представляет самую светлую и замечательную страницу в истории семинарии. Новый ректор Тверской семинарии (архимандрит Тихон (Соколовский). — *А. И.*) принадлежал к числу первых великороссов, своими талантами достигших высших степеней церковной иерархии... Но, к сожалению, до нашего времени не сохранилось никаких документов относительно управления архимандрита Тихона Тверской семинарией... Дошли лишь предания о полном любви отношении святителя Тихона к ученикам и отеческой мягкости его к ним... Пожар 1763 года, истребивший множество консисторских дел, лишил нас возможности ближе ознакомиться с деятельностью этого Святителя"[10].

По словам другого автора, св. Тихон умел "новое вино" вливать "в ветхие мехи". Это выражалось в том, что он старался воздействовать на сердца слушателей, излагая православное учение о догматах веры ясно и понятно. Основываясь на Священном Писании и святоотеческом учении и не вдаваясь в сухую, отвлеченную от жизни схоластику, он стремился возбудить в учениках любовь к святой истине и делал все, чтобы эти знания легли в основу их христианской жизни и деятельности[11].

По мнению большинства исследователей жизненного пути Святого, в семинарии было положено начало сочинению "Об истинном христианстве", которое было дополнено и окончательно завершено в Задонске на покое[12]. Иного мнения по этому вопросу придерживается свящ. Т. Попов, автор работы о св. Тихоне и его нравоучениях. Вот что он пишет по этому поводу: "Весьма трудно предположить, как это делают многие исследователи, что будто бы уже в Твери если не написаны лекции, то составлены те фолианты, какие послужили якобы основою при писании в Задонске сочинения "Об истинном христианстве". Сочинение "Об истинном христианстве" явилось результатом долгого жизненного опыта, кропотливого усидчивого труда, плодом серьезных пастырских переживаний и никоим образом не могло быть ни осуществлено, ...ни даже предначертано в своих общих основах и вариантах... в условиях жизни Тверской работы"[13]. Хотя свящ. Т. Попов и утверждает, что труд "Об истинном христианстве" создавался только в период пребывания св. Отца на покое, обосновывая свое мнение найденной им рукописью, однако с этим мнением согласиться трудно. Во-первых, невозможно предположить, чтобы сохранились какие-либо рукописи св. Тихона, а тем более такой фундаментальный труд, как лекции по нравственному богословию, которые бы не вошли в издание его творений. Такая рукопись не могла бы остаться незамеченной юбилейной комиссией Воронежского историко-археологического комитета, которая поставила перед собой цель — найти все, относящееся к жизни и деятельности св. Тихона, и, в первую очередь, безусловно, исследовала архивы самого г. Воронежа. Во-вторых, несостоятельность выводов свящ. Т. Попова подтверждается и данными,

---

[10] В. Колосов. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889, стр. 121—123.

[11] "Воронежская старина", вып. X, стр. 152.

[12] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 19. См. также: П. С. Казанский. Цит. соч., стр. 17; Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 95.

[13] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 70.

относящимися к статье Святителя "О грехе" (I т.). В примечании к этой статье сказано, что она представляет собой отрывок из уроков, прочитанных святым Отцом в Тверской семинарии, и напечатана в полном собрании сочинений по рукописи самого св. Тихона (более подробно об этом см.: Творения, примечания, стр. XIII). Непонятно, почему свящ. Т. Попов пренебрег данными сведениями. Кроме того, о том, что свое сочинение Святитель начал еще в семинарии, говорит прот. Г. Флоровский[14].

Ревностно исполняя послушание руководителя духовной школы, св. Тихон никогда не мечтал о высшей иерархической степени. Он смиренно трудился на предоставленном ему поприще, отдавая свободное от трудов время богомыслию и подвигам благочестия. Как и раньше, у св. Отца было намерение удалиться куда-либо в пустынный монастырь и вместе с братией проводить уединенную жизнь. Вот как он сам впоследствии рассказывал об этом: "Я никогда и не мыслил о важном сане... У меня были мысли непременно куда-нибудь удалиться в пустынный монастырь, постричься в монахи и проводить уединенную жизнь... Близ г. Твери была монастырская вотчина и при ней роща; положение места – прекрасное и уединенное; я имел намерение в этой роще выстроить себе келью для уединения"[15].

Но Промысл Божий судил иначе. Однажды, в день Пасхи, на Божественной литургии во время пения Херувимской песни Тихон подошел вместе с другими священнослужителями к архиерею, который вынимал частицы из просфор у жертвенника. "Помяни мя, владыко святый", – сказал Тихон по обычаю архиерейской службы архиерею, целуя его в плечо. Преосвященный Афанасий, и сам того не замечая, ответил: "Епископство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем". Смиренный Тихон смутился, но архипастырь, заметив свою ошибку, с улыбкой сказал ему: "Дай Бог вам быть епископом!" Как выяснилось позже, в этот самый день первенствующий член Св. Синода митрополит Димитрий (Сеченов) вместе с Смоленским епископом Епифанием избирали викария для Новгородской епархии. Уже написаны были имена семи кандидатов, выбор которых должен был состояться, как Смоленский епископ сказал митрополиту: "Прикажите написать жребий тверского ректора Тихона". Митрополит отвечал: "Он еще молод, время не ушло", – однако имя его было написано. Три раза кидали жребий, и три раза выпадал жребий Тихона. "Ну, знать, так Богу угодно, – сказал митрополит. – Я не туда назначал его". После митрополит Димитрий сам говорил Тихону: "Я имел намерение перевести тебя в Троицкую лавру архимандритом"[16]. В то время такое назначение имело большое значение, так как соединялось с правом быть членом Святейшего Синода.

В памяти св. Тихона сохранились обстоятельства, при которых он получил указ о назначении в сан епископа. Вспоминая об этом, он говорил: "Однажды, ...весной, в день субботний, я ...пришел в церковь и стал на своем месте. Вскорости пришел ко мне от архиерея сторож и говорит: "Отец ректор, пожалуйте к его преосвященству". Я ему сказал: "Вот, от-

---

14 Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1932, стр. 124.

15 Записки Чеботарева, стр. 4–5.

16 Там же.

слушаю вечерню, тотчас же и явлюсь к его преосвященству". Но посланный не успел выйти из монастыря, в ту же минуту приходит и другой сторож и говорит: "Извольте скорее ехать". И я, не дослушав вечерни, поехал в архиерейский дом; но, дорогой едучи, чувствовал в сердце своем и печаль и радость, ибо некоторые из архиерейского дома, как-то: эконом и прочие, были недоброжелательны ко мне, и думал: нет ли от них каких-либо клевет на меня архиерею. По приезде же я вошел к нему с торопливостью в переднюю келью и говорю келейнику: "Доложи его преосвященству, что я приехал". Но в ту же минуту вышел преосвященный и говорит мне приветственно: "Прошу покорно, отец ректор, — поздравляю вас епископом", — и дал мне синодальный указ; сам же заплакал: "Жаль-де мне расставаться с вами, — говорит мне, — вы немедленно сдайте монастырь и отправляйтесь в Петербург"[17]. Новонареченному епископу оставалось покориться Божию о нем промышлению и отвечать: "Благодарю, приемлю и нимало вопреки глаголю". Сдав монастырь, он немедленно отправился в Петербург. 13 мая 1761 г. в Петропавловском соборе состоялась хиротония бывшего ректора Тверской семинарии во епископа городов Кексгольма и Ладоги, с тем чтобы, управляя Хутынским монастырем, быть викарием архиепископа Новгородского[18]. Так на 37-м году своей жизни, через 7 лет по окончании семинарского курса и через три года после принятия монашества, Тихон, по высшему распоряжению Архиерея Небесного, Господа Иисуса Христа, облечен саном и властию архиерея земного. "Несмотря на свои молодые для епископского служения годы.., — говорит П. Кратиров, — он был уже вполне зрелый муж, прошедший не только курс семинарских наук, но и жизненную школу со всевозможными ее лишениями, скорбями и трудами, закаливший в этих последних свою энергию и привыкший к разного рода самоограничениям. Но, что важнее всего, Святитель был человек благочестиво настроенный, уже сам прочно стоявший на том спасительном пути, по которому должен был вести свою богодарованную паству"[19].

Сразу после хиротонии епископ Тихон отправился в Новгород. Между тем из Синода был послан в Новгород указ, чтобы новгородское духовенство встретило своего архипастыря с подобающей честью, "что и было выполнено при колокольном звоне[20]. На эту встречу собралось очень много людей, желающих видеть своего святителя, который не так давно был учеником и учителем местной семинарии и которого издавна все привыкли уважать за его истинно благочестивую жизнь. Эта встреча произвела трогательное впечатление на смиренную душу Тихона и надолго сохранилась в его памяти. "Случилось, — рассказывал, между прочим, Святитель своему келейнику, — что между народом находилась,

---

[17] Записки Чеботарева, стр. 5—6. Указ о назначении св. Тихона епископом Кексгольмским и Ладожским находится в ЦГИА СССР, Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 42, дело 126, л. 3.

[18] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 22. В Центральном государственном историческом архиве СССР сохранился текст архиерейской присяги, принятой святителем Тихоном во время наречения во епископа (см. ЦГИА СССР, ф. 834, оп. 1, № 1125, л. 1—10).

[19] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 204.

[20] Записки Чеботарева, стр. 6.

смотря на церемонию, и сестра моя родная, которая прежде вдовствовала в крайней бедности... Поутру же послал я за ней коляску, а она, приехавши, и не смеет войти ко мне в келью. Я, отворяя двери, сказал ей: "Пожалуй, сестрица", — и она, залившись слезами, вошла ко мне. "О чем ты плачешь, сестрица?" — спросил я. "Я плачу, — отвечала она мне, — от великой радости, братец! Вспомните, в какой мы бедности воспитывались при матушке, что, бывало, не имели и дневной пищи; а теперь вижу вас в таком высоком сане!" ...Я говорю ей: "Сестрица, ты почаще посещай меня, теперь есть на чем вам приехать ко мне; у меня есть прислуга, лошади и коляска для вас". А она сказала: "Благодарствую, братец, но иногда и наскучу вам частым приездом". — "Нет, родная, — сказал я ей, — я никогда не соскучу твоим посещением, я сердечно тебя люблю и почитаю"[21]. Но недолго сестра св. Тихона наслаждалась своей радостью и такой трогательной братской любовью: через месяц она умерла, и сам Святитель отпевал ее, проливая обильные слезы над ее гробом.

Деятельность св. Тихона в должности викария свидетельствовала о его административной мудрости и самостоятельности. Поскольку архиепископ Новгородский Димитрий постоянно находился в столице, то фактически всеми делами епархии управлял один викарный епископ. Уже 16 июля 1762 года, т. е. через год после назначения на викариатство, в Св. Синоде было решено предоставить Преосвященному Тихону самостоятельную Костромскую кафедру. На имя Новгородского архиепископа был послан указ, но, по мнению одного из исследователей жизни св. Тихона, этот указ был задержан, возможно, архиепископом Димитрием и не исполнен[22].

В июне 1762 года во главе государства стала императрица Екатерина II. Ее коронация должна была состояться в августе в древней столице Москве. Двор, государственные деятели и высшее духовенство (Св. Синод в полном составе) должны были принимать участие в предстоящих торжествах. Для управления текущими делами Церкви на пост председателя Синодальной конторы было решено назначить викария Новгородского епископа Тихона[23]. Данное назначение еще раз свидетельствует о его способности самостоятельно и умело решать вопросы церковной жизни. Между тем 1 января 1763 года скончался Воронежский Преосвященный Иоанникий (Павлуцкий). Святейший Синод на должность епископа Воронежского вместо Преосвященного Иоанникия представил следующих кандидатов: Варлаама, архимандрита Донского монастыря, и Симона, архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря, особенно рекомендуя первого. На этом докладе императрица Екатерина II 3 февраля 1763 года написала своей рукой: "Быть епископом Воронежским викарию Новгородскому". 14 марта был издан указ о назначении Преосвященного Тихона епископом Воронежским[24]. В то же время императрица выразила желание, чтобы епископ Тихон по дороге в свою новую епархию остано-

---

[21] Записки Чеботарева, стр. 6.
[22] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 63.
[23] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 16.
[24] ЦГИА СССР. Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 42, дело 126, л. 30.

вился в Москве и присутствовал на последнем совещании в суде над Арсением Мацеевичем[25].

В конце апреля 1763 г. св. Тихон отправился в Москву, а 14 мая прибыл в свою новую епархию и остановился в загородном Воронежском Троицком архиерейском доме. Святитель Тихон был одиннадцатым епископом на Воронежской кафедре[26].

---

[25] Свящ. М. С. Попов. Арсений Мацеевич и его дело. Спб., 1912, стр. 424. Екатерина II была сторонницей секуляризации монастырских имуществ, разработанной еще Петром Великим. Теперь, когда власть была в ее руках, она открыто высказала мысль о противоречии между монашеским обетом и собственностью, которая принадлежит монастырям. Не терпящая никаких возражений, она приказала арестовать и предать суду епископа Ростовского Арсения Мацеевича, который осмелился выступить против ее церковной политики. Лишенный сана и священства, простым монахом он был отправлен в отдаленный монастырь, в Карелию, а впоследствии расстрижен и под мирским именем Андрей сослан в Ревельскую крепость (там же, стр. 545).

[26] Епископы Воронежские:

св. Митрофан – 1682–1703 гг.

архиеп. Арсений (Шпаковский) – 1714–1723 гг.

еп. Иосиф – назначен в конце сентября 1725 г., прибыл в Воронеж 13 февраля 1726 года, а 15 июля 1726 года вызывается в Петербург для присутствия в Св. Синоде, но по дороге заболел и в Москве в Спасо-Андрониковском монастыре, где ранее был настоятелем, 27 декабря скончался.

еп. Лев (Юрлов) – март 1727–1730 гг. Был смещен и предан суду за отказ служить благодарственный молебен в честь восшествия на престол Анны Иоанновны до получения указания из Синода (1755).

еп. Иоаким (Струков) – июнь 1730–1742 гг.

еп. Вениамин (Сахновский) – декабрь 1742– 29 марта 1743 г.

еп. Феофилакт – сентябрь 1743–1757 гг. (основал семинарию; был оклеветан и предан суду за то, что бросил на землю взятку, которая являлась рублем с изображением императрицы. Умер до окончания расследования).

еп. Кирилл (Ляшевский) – август 1758 – октябрь 1761 г. (переведен в Чернигов; 1771.)

еп. Иоанникий (Павлуцкий) – декабрь 1761 – январь 1763 г.

св. Тихон (Соколовский) – февраль 1763 – декабрь 1767 г. (1783)

(Архиеп. Сергий (Петров). История Воронежской епархии от ее учреждения до наших дней, ч. 3. Воронеж, 1961, стр. 405).

ГЛАВА III

Деятельность святителя Тихона на Воронежской кафедре

1. ПРИБЫТИЕ НА КАФЕДРУ И ЗНАКОМСТВО С ОБСТАНОВКОЙ

Трудное бремя было возложено на святителя Тихона с назначением его на должность епископа Воронежского. Бремя это усугублялось тем, что он прибыл в Воронеж с резко ухудшившимся состоянием здоровья. Церемония лишения духовного сана епископа Арсения произвела на св. Тихона тяжелое впечатление; он испытал даже нервное потрясение: у него были головокружения, тряслись руки, и временами он терял сознание. Сильные головные боли продолжались в дороге из Москвы. Даже спустя несколько месяцев здоровье его не восстановилось. Вследствие этого он решил просить Св. Синод об увольнении его по болезни от епархиального управления. "Как из Москвы выехал я болен, — писал он в прошении от 7 августа 1763 г., — так и ныне нахожусь в той же болезни, еще и паче, — которую как внутри себя, так и в голове чувствую, почему и литургии служить и прочих дел по должности отправлять не в состоянии, — ибо почасту как кроме служения, так и в служении обморок находит, о чем как служащие со мною, так и прочие засвидетельствовать могут. Того ради Вашему Святейшеству о сем донести всепокорнейше прошу, дабы соблаговолено было меня от епархии уволить, дабы мне в неотправлении должности своей, как пред Богом, так и пред Вашим Святейшеством, ответу не дать, — а определить в келью поблизости, в Троицкую Сергиеву Лавру, на какой Ваше Святейшество соблаговолите"[1]. В ответ на эту просьбу Св. Синод посоветовал Тихону обратиться к помощи врачей, в надежде на то, что его молодые годы помогут ему освободиться от болезни. Таким образом, несмотря на недуги, св. Тихон должен был продолжать свое служение, не жалея сил, как того требовало глубокое осознание своих архипастырских обязанностей[2].

Не менее удручающе подействовало на Святителя весьма плачевное состояние его епархии. Вследствие обширности территории, разнородности национального и социального состава населения, малообразованности духовенства и народа, отсутствия хороших духовных училищ, скудости средств архиерейского дома Воронежская епархия была одной

---

[1] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 18.
[2] Там же.

из труднейших в то время для церковного управления[3]. На территории Войска Донского население епархии сложилось в основном из случайных поселений беглых людей и раскольников. В подавляющем большинстве духовенство состояло из людей малообразованных или совсем необразованных; а народ хотя и отличался простотой образа жизни, но был мало сведущ в православной вере. Несмотря на многочисленное население епархии, она была едва ли не самой беднейшей[4].

2. БЛАГОУСТРОЙСТВО И СТРОИТЕЛЬСТВО ХРАМОВ г. ВОРОНЕЖА

При первом знакомстве с Воронежем Святителя поразила ветхость и запущенность церковных строений. Сам город еще не оправился от разрушительных пожаров 1748–1761 годов. Сильно пострадавший собор находился в совершенно плачевном состоянии: наружный и внутренний виды храма были крайне ветхи: позолота на куполах стерлась и главы почернели; многоярусный старинный иконостас обветшал, позолота и серебро на его столбах и резьбе полиняли, иконы как в нижних, так и в других ярусах были значительно повреждены, оклады местами отстали от досок, алебастровая работа по стенам отвалилась, а соборная ризница остро нуждалась в новых одеждах. Подобная запущенность царила и вокруг храма, и вокруг архиерейского дома: каменная ограда местами не окончена, местами – не выведена выше фундамента, а там, где стены были уже выведены, покачнулась и повалилась. При торжественном входе в кафедральный Благовещенский собор архипастыря встретил звон малых колоколов, потому что большие были разбиты. Св. Тихону этот звон казался печальным и сильно отличающимся от красочных, глубоких и музыкальных звуков северных колоколов. Все требовало ремонта и больших издержек[5]. Вот как писал об этом сам Святитель в докладе Св. Синоду: "По прибытии моем в Воронеж я нашел, что архиерейский дом строением не окончен, как и судейская при Консистории камера, и око-

---

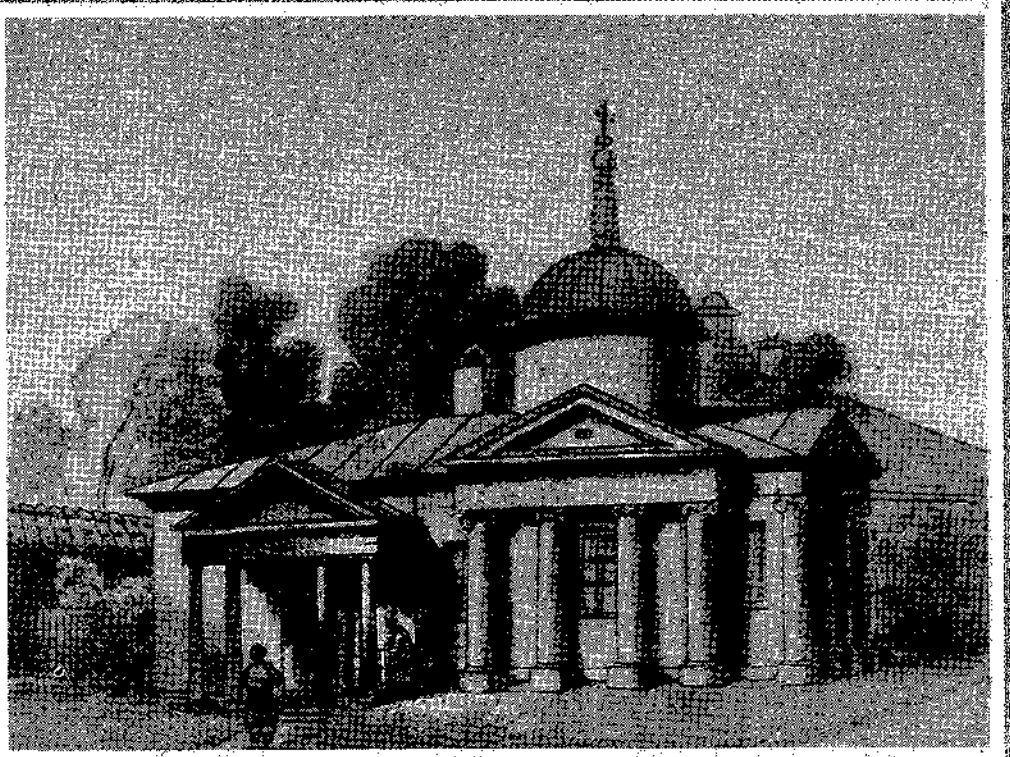
[3] В епархии насчитывалось до 800 церквей и 12 монастырей, до 800 тысяч православного населения и священнослужителей с семьями более 15 тысяч человек (Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 26). При св. Тихоне к Воронежской епархии принадлежали города: Елец, Костенск, Орлов, Урыв, Коротояк, Землянск, Усмань, Острожки, Белоколодск, Демшинск, Лебедянь, Соколовск, Романов, Острогожск, Усерд, Ольшанск, Павловск, Ливны, Черкасск и Ефремов с их уездами. Кроме того, к епархии были приписаны все селения, лежащие ниже г. Воронежа по рекам Дону, Донцу, Хопру, Бузулуку, Медведице и Айдару, новонаселенные слободы по реке Тулушве и крепости Бахмутская и Хоперская (М. Быков. Раскол в Воронежской епархии при еп. Тихоне I (Святителе). — "Воронежские епар. вед.", 1890, № 2, стр. 53). В состав Воронежской епархии входила территория, которая впоследствии, начиная с определения Св. Синода от 16 октября 1799 г. и кончая более поздними правительственными распоряжениями, вошла в состав епархий Тамбовской, Саратовской, Донской, Слободско-Украинской, Рязанской, Орловской, Курской, Тульской, Екатеринославской и Харьковской (Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 83. Также: П. Никольский. Монашество на Дону, стр. 89).

[4] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 26.

[5] Там же.

Часовня-Преображенский храм в Толшевском монастыре

Часовня на месте, где была келья св. Тихона в Толшевском монастыре

ло дома ограда каменная на 111 саженях, да семинарские училищные покои, сенные здания обветшали и требуют починки, также в соборной архиерепрестольной Благовещения Пресвятыя Богородицы церкви иконостас, святые иконы и ризница весьма обветшали; притом же колокол в 300, второй во 120, третий в 15 пуд, в пожарный случай разбиты. А чем бы оное все исправить, таковых сумм в оном архиерейском доме не находится..."[6] Святитель просил Св. Синод, чтобы оставшиеся после его предшественника, епископа Иоанникия, деньги — около шести тысяч рублей, — которые как частная собственность сдавались в Коллегию экономии, были отданы на необходимые работы, тем более что сам епископ Иоанникий в частных записках уже назначил более половины этой суммы на ремонт архиерейского дома[7].

Согласно этому прошению, Синод немедленно, в том же году, послал указы: один в Воронеж, в котором предписывалось составить комиссию для составления описи всего, что пришло в ветхость, и примерной сметы на исправление и ремонт; другой — в Коллегию экономии; в этом указе предписывалось оставшиеся после Преосвященного Иоанникия деньги отпустить на епархиальные нужды. По первому указу комиссия в скором времени составила подробную опись и смету, по которой на исправление всех недостатков требовалось 12 тысяч рублей. Коллегия же экономии в ответ сообщила, что без личного разрешения императрицы деньги не могут быть отпущены. По словам одного из жизнеописателей, "после этого все дело было представлено на высочайшее рассмотрение, где оно слишком замедлилось"[8]. Св. Тихон в феврале 1766 г. снова подал прошение в Св. Синод об исполнении его просьбы; в ответ он получил указ, датированный 15 сентября, которым предписывалось обратиться ему по этому делу, помимо Св. Синода, прямо в Коллегию экономии. Этим и кончилась вся переписка Преосвященного Тихона с правительством о суммах, оставшихся от его предшественника[9].

Но еще в середине 1764 г., не ожидая окончательного решения финансового вопроса, Святитель снова обращается в Синод за разрешением построить в г. Воронеже теплый кафедральный собор в честь Архистратига Божия Михаила и прочих бесплотных сил[10], а тем временем он решил начать сбор добровольных пожертвований, который проходил настолько успешно, что уже в 1765 году был заложен фундамент, а в 1767 году собор был построен (освящение собора совершено в конце 1768 г. преемником св. Тихона на Воронежской кафедре)[11].

---

[6] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 44, № 5, л. 41—42; см. также Житие, стр. 21. В "Житии" сказано, что этот доклад св. Тихон писал на имя императрицы Екатерины II. Но здесь следует учесть, что в то время все прошения и донесения в Св. Синод и Сенат писались на высочайшее имя (Н. Поликарпов. Какие достопримечательности сохранились в г. Воронеже от Святителя Тихона Задонского? — "Воронежская старина", вып. XII. Воронеж, 1913, стр. 275).

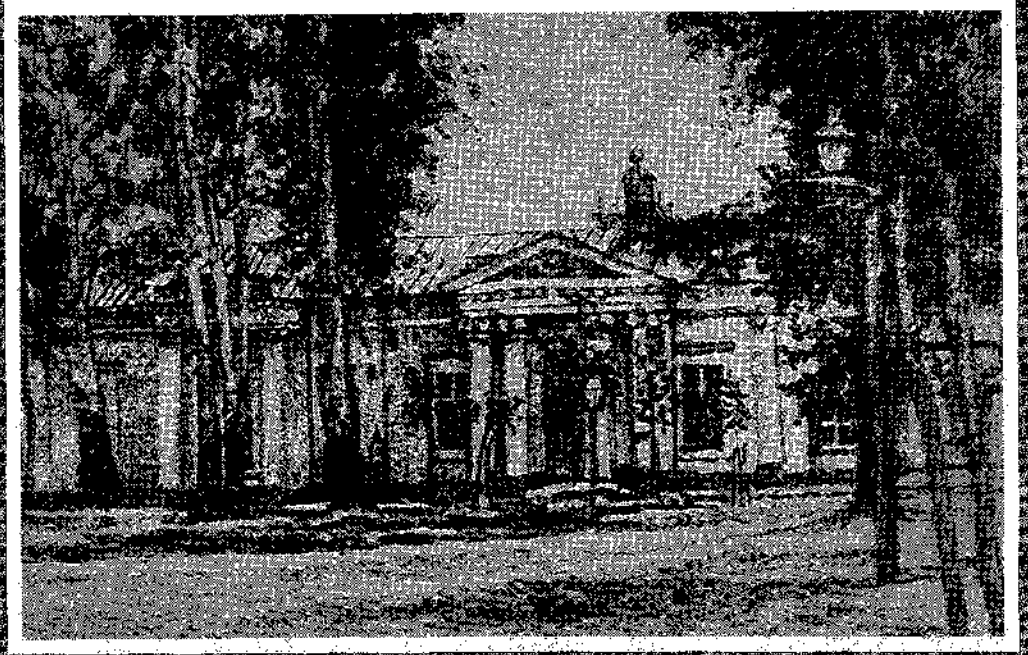
[7] Житие, стр. 21.

[8] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 29.

[9] Там же.

[10] ЦГИА СССР, Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 48, дело 191.

[11] Историко-статистическое описание церквей и приходов Воронежской епархии. — "Воронежская старина", вып. V, приложение. Воронеж, 1905, стр. 29—30.

Вид Архиерейского собора Новоспасского монастыря

Трапезная и церковь Всех Святых

Обращает на себя внимание практический подход святителя Тихона к такому замечательному мероприятию, как строительство собора. Для успешной организации он назначает несколько ответственных лиц. Так, в указе от 29 марта 1765 г. он пишет: "Чтобы оное дело (строительство собора. – *А. И.*) удобнее в совершенство пришло, за потребно судили изъясниться нижеследующим: 1) деньги, собранные от доброхотных дателей, по нашему определению, хранятся в ведомстве соборного протопопа Димитрия; то оныя и впредь в его содержании быть, и ему, протопопу, надлежащий расход с запискою и росписко производить, на что ему из Консистории зашнурную выдать книгу и при строении церкви смотрителем быть. 2) По желанию ж своему гражданин Воронежский, купец Андрей Потапович Горденин, знающий в таковое дело всякия потребности, одолжается при делании оной церкви воспомоществовать и к наилучшей пользе советы подавать; то упомянутому протопопу обо всем, что ни коснется по строевому делу, требовать совета и рассмотрения от изображенного доброхота. 3) Самое строение каменное по рисунку как от фундамента, так и до окончания всей церкви поручить смотрению и над каменщиками наблюдательство искусному в каменном деле монаху Мельхиседеку. 4) Начать строение с того времени, как с мастерами контрактом заключено, и в славу Божию производить" (Житие, стр. 22).

3. ИСКОРЕНЕНИЕ НЕДОСТАТКОВ СРЕДИ ЦЕРКОВНОГО КЛИРА

Но не строительство и реставрационные работы были главным в епархиальной деятельности св. Тихона. Всю свою деятельность он направил на созидание и украшение храмов Божиих в сердцах своей паствы. Его первое впечатление от знакомства с местным духовенством было малоутешительным. Он был поражен тем, что многие становятся священнослужителями не по призванию и пребывают в невежестве, пьянстве, ссорах и небрежно исполняют свои обязанности. Исследователи, изучавшие данный вопрос по архивам Воронежской духовной консистории, свидетельствуют, что жизнь воронежской паствы в этот период характеризуется только с отрицательной стороны. О причинах такого состояния духовенства епархии повествует П. Кратиров: "Уровень умственного, духовного и общественного положения современного Святителю духовенства состоял очень невысоко и разве немного только возвышался над состоянием невежественной массы. Происходя из простого народа и разделяя присущие ему недостатки, духовные лица ограничивались в умственном развитии только одной грамотностью... Пороки мирян, как-то: грубость нравов, пристрастие к вину, суеверие, увлечение расколом и др. были вместе с тем пороками и самого духовенства... нечего было и думать при таком состоянии духовенства о каком бы то ни было нравственном влиянии его на пасомых. Служили духовные "не ради Иисуса, а ради хлеба куса", и вся их деятельность ограничивалась только плохим требоисправлением"[12].

Вот почему основное внимание богомудрый Святитель обратил на пастырей. Он придавал большое значение богоучрежденным пастырям в

[12] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 122.

жизни христианского общества. По св. Тихону, для христиан они то же, что как "пастух для стада", что "голова для прочих членов тела". Пастырь — это "свеча, горящая в нощи и освещающая путь", "слепым вождь", "заблудшим наставник", "ангел, возвещающий волю Отца небесного"[13]. Назначение пастырей состоит не в том только, чтобы одним лишь учением указывать путь спасения пасомым, но и в том, чтобы любовно охранять их, предводительствовать им во всем личным добрым примером. Пастырь должен быть "не столпом, на пути стоящим", "указывающим путь в город" и "не движущимся с места", он — "вождь", который "и прочим указывает путь" и "сам попереди шествует". Он "идет впереди и ведет за собою остальных". Нравственное состояние паствы прежде всего зависит от влияния пастырей на паству[14]. Святитель постоянно напоминал: "Если свет померкнет, что будет освещать живущих в доме? Если волк похитит пастыря, кто будет стеречь? Если начальник сойдет с правильной дороги и заблудится, то тем более идущие за ним собьются с прямого пути"[15]. Подобными напоминаниями ревностный Святитель старался возбудить в пастырях ревность как о своем спасении, так и о спасении душ пасомых.

Святитель стремился поднять духовный уровень священников на подобающую высоту, а для этого ему дарованы были от Бога особые средства: сила духа, обилие благодати и пастырская ревность. И вот здесь следует сказать о той настроенности, с которой Святитель приступил к исполнению этого великого и ответственного дела, о тех принципах, которыми он руководствовался на этом пути.

По словам одного из исследователей, новое положение Святителя не предъявляло к нему никаких существенно новых требований. Оно расширяло только сферу его деятельности и давало ему возможность более широкого и основательного применения двух усвоенных им ранее плодотворных, жизненных и спасительных начал, т. е. самоотвержения и любви к Богу. Если ранее эти добродетели могли обнаруживаться только в заботах о своем спасении, то теперь, в епископском служении, они должны проявиться в заботах о нравственном преуспеянии и спасении многочисленных пасомых. Его самоотверженная любовь к Богу и ближним должна была пробудить в сердцах пасомых чувство глубокого доверия и сыновней преданности к своему архипастырю[16]. Самоусовершенствование не было теперь всей целью его жизни, а только одним из средств достижения более широкой и возвышенной цели — спасения паствы. Вступив на истинный путь спасения, Святитель призывал и остальных последовать его примеру. Постоянно бодрствуя над собой и отражая диавольские искушения, он не оставлял без помощи своих пасомых. "Как бодрый путник, идущий впереди других к небесному отечеству, он оживлял странников мира описанием красоты горнего Иерусалима, возбуждал коснеющих в прелестях мира, напоминая им, что пора идти; поддерживал слабых, поднимал падающих, указывал опасности пути для неопытных; закоснелым угрожал бездной, лежащей на исходе всех путей неправых; ко всякому взывал: "Спасайся"[17]. Таким образом,

---

[13] Творения, т. IV, стр. 102—103.
[14] Там же, т. IV, стр. 322; т. III, стр. 385.
[15] Там же, т. IV, стр. 367.
[16] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 206.
[17] Там же.

его любовь к Христу и ближним полностью обнаружилась в его деятельности, т. е. он сам шел по пути к спасению и был путеводной звездой для других.

Св. Тихон поставил перед собой довольно сложную задачу: вывести воронежское духовенство из существующего положения, дать ему необходимое образование и правильное понимание своих обязанностей, возбудить в нем дух ревностного отношения к спасению вверенной его попечению паствы. Считал он необходимым также улучшить, по возможности, их материальное положение. Он стремился, чтобы духовные должности занимали лица наиболее достойные и чтобы духовенство играло подобающую ему роль в христианском обществе. Прежде всего, Святитель старался собственным примером убедить окружающих относиться к духовному сану с должным почитанием и благоговением. И если в его время многие из людей смотрели на священнослужителей с презрением и даже иногда поносили их бранными словами, то Святитель, напротив, относился к ним как к служителям Божиим, как к соработникам своим на ниве Христовой, как старший брат к младшим: "Помня заповедь Спасителя: "болий в вас да будет всем слуга", в своих отношениях к пастырям — священникам он ничуть не пользовался превосходством своего иерархического положения, не требовал от них ни униженного раболепия, ни угодничества, ни похвал; не метал в них с высоты занимаемого им положения стрел своего архипастырского гнева, не был слишком требователен и придирчив. Он сам старался быть и действительно был всеобщим слугой, ради Христа и ради человеческого спасения"[18]. Прежде всего Святитель обратил внимание на недостойное поведение работников Духовной консистории и духовных правлений, которые, пользуясь своим служебным положением, всячески притесняли духовенство и грубо обращались с ним. Св. Тихон сам неоднократно слышал, как консисторские чиновники поносили их всевозможными неприличными словами[19]. Святитель много раз сдерживал ретивость канцеляристов, уговаривал их с должным уважением относиться к духовному сану. Иногда он даже освобождал от должности некоторых лиц, как, например, это было в Острогожском духовном правлении[20]. Но, вероятно, эти меры не достигали цели, и св. Тихон вынужден был в указе от 10 сентября 1765 г. сделать грозное внушение консистории. Он внимательно следил, чтобы консистория не была пристрастна в своих действиях и приговорах и чтобы не затягивала решения дел. Однажды за неправильное решение он наложил денежный штраф на члена консистории и на секретаря[21]. Святитель запретил подвергать священников телесному наказанию, и в этом отношении он был первым из иерархов в Русской Церкви[22]. В жизнеописаниях св. Тихона приводится много примеров, как он всячески старался облегчить положение духовенства.

Святитель не допускал вмешательства в церковные дела светских лиц, например, когда вопрос касался определения кого-либо на священническое или диаконское место. В этом отношении довольно сложное по-

---

[18] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 123.
[19] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 201.
[20] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 151.
[21] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 201.
[22] Там же, стр. 203.

ложение было в донских церквах. При назначении на приходы священнослужителей Войско Донское имело свои обычаи. Кандидатов на свободные вакансии избирали сами прихожане большинством голосов на станичном собрании, после чего составляли акт об избрании и направляли просьбу на имя епископа о посвящении избранного ими лица. При этом кандидатов избирали не всегда из духовного сословия, а если учесть, что большинство казачьего населения придерживалось или сочувствовало расколу, то "из таких ставленников, – говорил сам св. Тихон, – производить во иереи и диаконы не безсумнительно"[23]. И поэтому Святитель распорядился сообщить в войсковую канцелярию, чтобы "ставленников выбирать из детей поповских и диаконских, а не из казаков.., ибо выбранным из казаков отныне производства не будет"[24].

Когда же св. Тихон решался сам определить на вакантные места священнослужителей помимо станичных обществ и войскового правительства, то такие священнослужители встречали неприязнь, а иногда даже изгонялись. Например, одного священника станичный атаман с казаками целую неделю не допускал до священнослужения, говоря: "Тебя слушать не будем, ибо ты не по нашему избранию, а особливо без ведома Войска Донского в станицу определен, таковых нам не надобно"[25].

Еще сложнее обстояло дело с избранием низших церковных должностей – дьячков и пономарей. На эти должности избирали вообще без ведома епархиальных властей особыми войсковыми грамотами, а лиц, посвященных и имевших грамоты от архиерея, не допускали к исполнению своих обязанностей. Кроме того, войсковое начальство священниками распоряжалось по своему усмотрению. Не имея возможности лично справиться с таким положением дел в приходах донского казачества, св. Тихон доносил об этом в Святейший Синод, прося содействия. Однако и распоряжения Святейшего Синода не всегда выполнялись в среде вольного казачества, что доставляло св. Отцу много скорбей[26].

В других случаях Святитель действовал более решительно. Если, например, помещик притеснял своего приходского священника, то ревностный архипастырь переводил его в другое место, а церковь иногда приписывал к соседнему селу. Если грубость проявляли крестьяне, то св. Тихон приказывал не ходить к ним в дом с требами, пока не смирятся, а

---

[23] Прот. Е. Овсянников. Цит. соч., стр. 11.

[24] Там же.

[25] Снесарев. "Донская старина", вып. 1, стр. 31.

[26] См., напр., донесение Преосвященного Тихона в Святейший Синод от 13 января 1765 г. ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 43, № 207, л. 17–18; 27–29 об. Срав.: Прот. Е. Овсянников. Цит. соч., стр. 46. Из Синода в Военную коллегию поступил указ, "коим требовалось, чтобы от оной коллегии предписано было Войску Донскому о невступании собою ни в какие до духовного суда принадлежащие дела и о нечинении как означенному Преосвященному Тихону, епископу Воронежскому, так и духовной его Консистории и прочим духовным Правлениям в настоящем порядке вмешательства". В свою очередь Военная коллегия сделала распоряжение взять у казаков подписку в том, что "они не будут вступать в решение духовных дел" (См. Рапорт Святейшего Правительствующего Синода Военной коллегии. ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 43, № 207, л. 33–33об. и Указ Святейшего Синода Преосвященному Тихону от 15 сентября 1765 г. о решении Военной коллегии (Там же, л. 34–35).

только дозволял крестить и причащать их детей, "яко незлобивых и неповинных"[27]. Святитель не обращал внимания на ходатайства светских должностных лиц за лица духовные. Одного священника консистория оправдала по положительным отзывам некоторых людей. Святитель написал в резолюции: "Светским людям духовных дел правления знать не по чему; потому и аттестат о нем данный не бессомнителен"[28]. Другой священник оправдывался, что он допустил нарушение, желая угодить губернскому начальнику. Святитель усилил ему наказание[29]. Однажды до сведения св. Тихона дошло, что один протоиерей за освящение церкви взял много денег. Св. Отец предписал: "Деньги отдать в церковь, протоиерея на два месяца в монастырь"[30].

Для надзора за уездным духовенством и для исполнения распоряжений духовных консисторий в городах и селах существовали духовные правления. Они были подчинены консистории и имели, в свою очередь, непосредственно подчиненных им десятоначальников — священников и настоятелей соборов и монастырей. По словам одного из исследователей жизни и деятельности св. Тихона, архипастырская бдительность и забота о моральном уровне паствы простирались и на эти инстанции Церковной власти. Он сам лично иногда сменял административные лица, иногда лично назначал известных ему людей на те или иные должности[31]. Св. Тихон внимательно следил за их деятельностью, чтобы они честно и тщательно исполняли свои обязанности, а если замечал их нерадение или злоупотребление, то немедленно отстранял от должности. Своими резолюциями ревностный Святитель подвергал некоторых взысканиям и наказаниям, давал инструкции, делал вразумления. И все это он предпринимал для того, чтобы поднять авторитет духовных правлений и сделать их надежными проводниками своей Святительской власти. Для этого Святитель составил определенные правила управителям и десятоначальникам о способах осмотра при посещении вверенных округов, а также при наблюдении за состоянием на местах церковного благочиния[32]. Для более быстрого исполнения и правильного решения духовных дел св. Тихон назначил во всех правлениях по второму присутствующему. Выбор этого лица он предоставил самим городским и уездным священникам с общего согласия[33].

Св. Тихон обращал серьезное внимание на искоренение недостатков в среде самих пастырей. При вступлении в управление епархией он заметил, что к посвящению представляются ставленники, не достигшие определенного возраста, не имеющие надлежащих свидетельств от прихожан и от причта о желании иметь их у себя при церкви и о добром поведении их. На это сразу обратил внимание архипастырь, и чтобы не допускать до рукоположения людей недостойных или не приготовленных

---

[27] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 42.

[28] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 202.

[29] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 42.

[30] Там же, стр. 43.

[31] Так, например, указом от 19 апреля 1766 года в канцеляристы Воронежской консистории был зачислен Феодор Болховитинов. ЦГИА СССР. Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 46, дело 340.

[32] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 124.

[33] Житие, стр. 35.

к тому, св. Тихон буквально через две с половиной недели после своего вступления на кафедру (31 мая 1763 г.) послал указ во все городские и духовные правления, требуя при представлении к посвящению соблюдения основных норм, в том числе подтверждения причтом и прихожанами добродетельной жизни ставленника. Эти свидетельства должны быть представлены в духовные правления, а правления, в свою очередь, должны навести справки о моральном состоянии ставленника, о его грамотности, возрасте и только после этого, если он окажется действительно достойным, представлять к посвящению[34].

Особенно вооружился св. Тихон против невежества и небрежного отношения духовенства к своему служению. Чтобы представить, насколько сложным в этом отношении было положение на приходах, необходимо привести несколько примеров из статьи П. Никольского "Об отношении святителя Тихона Задонского к приходскому духовенству". В 1765 году была произведена ревизия приходских церквей Сокольского, Романовского и Белоколодского уездов и обнаружены следующие недостатки, допущенные по вине священников: в соборной церкви г. Сокольска "на св. престоле одежда сверху суконная, а со сторон голевая, антиминса губа малая, крест на престоле серебряный черн, в запасных Св. Тайнах воск и около его пристало много мелких крупиц (подчеркнуто рукою св. Тихона. — *А. И.*).., во святом мире воск, церковное вино скислое, над жертвенником и по всему алтарю, и на стенах, и в церкви во иконостасе на св. образах паутины много, в церкви же и трапезе на помосте сору и перьев много, книг устава нет.., оныя священники и диаконы Новых Заветов не имеют; на паперти близ самых дверей скотского калу много, церковь не ограждена, а двери не затворяются... В церкви с. Козминки на св. престоле одежда сверху окапана воском, ветха и дырява.., хитон... ветх и дыряв, два креста серебряные весьма черны, звезда серебряная от нечистоты позеленела, лжица оловянная черна, царских врат завеса ветха, трое риз шелковых все подраны. ...В с. Крутом в церкви на св. престоле... пыли и сору много.., литон кумачный, на нем крупиц много, покрывало крашенинное ветхое, на нем пыли и сору много, ковчег оловянный нечист, в нем святые запасные Тайны по закладывании иссушают на солнце, а не на престоле, как устав повелевает.., чтение никогда не бывает, преждеосвященных литургиев не служивал и служить не умеет...". И далее П. Никольский заключает: "Всего в рукописи описана 51 церковь. Из них только шесть остались без пометок святителя, хотя неисправности указываются и в них[35].

На данный отчет св. Тихон наложил резолюцию, в которой прежде всего определил наказание виновникам допущенных безобразий, а также поручал священнику, производившему ревизию, написать инструкцию по приготовлению Св. Тайн и соблюдению порядка в алтаре и храме. Кроме того, этот священник должен был проследить, как на приходах совершается литургия, и показать, как совершать Преждеосвященную литургию[36]. Когда же Святитель узнал, что многие священнослужители не умеют правильно совершать богослужение, а по праздничным дням вооб-

---

[34] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 183.
[35] П. Никольский. Цит. соч., стр. 423–424.
[36] Там же, стр. 425.

ще не бывает службы, то для прекращения беспорядков и вразумления священников он приказал благочинным, каждому в своем ведомстве, освидетельствовать лично, правильно ли совершается: утреня, литургия и вечерня. Не знающих чина службы он повелел присылать с донесениями к себе на дом[37].

В других указах (от 10 дек. 1763 г. и 9 августа 1766 г.) св. Тихон предписал, чтобы священнослужители в воскресные и праздничные дни не отлучались из своих церквей, но совершали в них богослужения. Священник, которому необходимо отлучиться за сто и более верст, должен сделать запрос в консисторию и правление, указав при этом, куда едет, зачем и на какое время. И только получив разрешение, может отправляться в путь. Священнослужителям, желающим отлучиться в другую епархию, необходимо взять разрешение от архиерея и специальный отпускной билет[38].

Для предотвращения заключения незаконных браков, совершаемых по неведению, неосмотрительности или по другим каким-либо причинам, Святитель через указы делал различные внушения духовенству, чтобы, например, не венчать никого ранее 15 лет мужского пола и 13 лет женского, малолетних отроков со взрослыми невестами, "чем отверзается дверь ко многим беззакониям", не венчать без надлежащих документов (венечных памятей и исповедных росписей), поздно вечером, беглых от живых жен и мужей и вообще не совершать сомнительных браков без разрешения архиерея (31 марта 1764 г., 23 января, 1 июля 1765 г.)[39]. Но и после этих внушений были случаи, когда некоторыми священниками допускались серьезные нарушения церковных правил о браках, о чем свидетельствуют донесения в Синод[40]. Св. Тихон признал необходимым составить и разослать по всем приходам инструкцию по совершению браков, строго предписав духовным правлениям взять с каждого священника расписку в том, что он ознакомился с данной инструкцией[41]. В заключение этой инструкции св. Тихон написал, что священнослужители, нарушающие ее, будут лишаться священного сана, так как от незаконных браков могут совершаться различные грехи. Даже если бракосочетание будет скрыто от взора людей, "однако ж поп, венчавший беззаконный брак, яко преступник святых правил и людей в грехи тяжкие приводящий и потому их грехам сообщающийся, страшного суда Божия не избежит"[42].

Воронежский архипастырь проявлял особую заботу о благолепии церковном. Узнав, что в некоторых церквах нет причетников, а потому некому сохранять чистоту в храме, он приказал представить ведомость обо всех причетниках его епархии, даже внештатных. На основании этого документа было издано 2 указа (от 2 октября 1763 г. и от 22 декабря 1764 г.), в которых предписывалось за чистотой церковных ризниц следить диаконам, а внештатных причетников зачислить в штаты тех храмов, где в них остро нуждаются. Св. Тихон также требовал, чтобы

---

37 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 183.
38 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 31.
39 Там же.
40 ЦГИА СССР. Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 46, дело 8.
41 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 191.
42 Там же, стр. 194.

запасные Святые Дары всегда хранились на престоле в серебряных или чистых оловянных сосудах (28 августа и 2 сентября 1763 г.). Нарушителей этих предписаний Святитель подвергал строгому дисциплинарному взысканию[43]. Причину этого бедственного положения он видел в "нерадении их, которым... Самому Христу Спасителю нашему в Тайнах под видом хлеба и вина присущему, не малое непочитание, паче же бесчестие наносят" (1 июля 1763 г.). Например, за небрежное хранение Святых Тайн и беспорядок в алтаре св. Отец у одного священника велел отобрать ставленническую грамоту (6 октября 1763 г.); двоих отослал в монастырь на исправление (6 сентября 1763 г. и 15 января 1765 г.)[44].

Как строгий ревнитель церковного благочиния святой Отец предписал вынести из церквей домовые иконы, которые в большом количестве приносились в храмы и ставились в беспорядке (2 октября 1765 г.). Он запретил хоронить в церквах и делать склепы выше помоста, а где таковые есть — сломать, потому что они занимали много места и создавали неудобства для присутствующих (13 мая 1765 г.). Предписывалось также возвести вокруг храмов деревянные ограды, и притом как можно скорее, а где невозможно их построить — там окопать храмы канавой или огородить диким камнем, чтобы домашний скот и другие животные не могли пройти и что-либо повредить около храма или даже в самом храме (2 октября 1763 г.). Кроме того, в указе говорилось о необходимости обносить оградой и те места, где прежде были церкви, а особенно место св. престола, которое непременно должно быть ограждено и покрыто[45].

В некоторых случаях Святитель не только указывал на недостатки и приказывал их устранить, но и делал все от него зависящее, чтобы предотвратить нарушения церковных правил. Так, например, узнав, что некоторые священники употребляют для священнослужения скисшее и совсем негодное вино, оправдывая себя тем, что хорошее вино достать невозможно, Святитель распорядился, чтобы церковное вино приобретали в тех местах, где оно соответствует каноническим требованиям. Кроме того, он обратился к губернскому начальству с просьбой принять меры по обеспечению продажи качественного вина для церковных нужд (указ от 12 мая 1765 г.)[46].

Таким образом, Святитель не только грозил наказанием за неблаговейное отношение к святыне, но и создавал условия для беспрепятственного служения подведомственного ему духовенства.

Вместе с такой строгой заботой о церковном благочинии св. Тихон всегда проявлял снисхождение к виновным, особенно если от наказания страдали семьи священнослужителей. Так, одного священника за ссору консистория приговорила к переводу в другое место. Святитель написал на решении: "Хотя бы и следовало священника перевести, однако же оставляется на прежнем месте, чтобы дом в переселении не разорился, а ему за вину свою класть в соборе седмицу по сто поклонов в день, чтобы детей учил страху Божию и послушанию, а не противному, за что имеет отдать ответ Богу, а потом с подпиской отпустить, чтобы крайне

---

[43] ЦГИА СССР, Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 46, дело 4.
[44] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 195–196.
[45] Там же, стр. 199.
[46] Там же, стр. 197.

бережся от ссоры, в которой и к алтарю не должен приступать, по слову Христа"[47].

Один священник, находясь под запрещением за безнравственный поступок, просил предоставить ему возможность служить по причине бедности семейства. Святитель, рассмотрев его вину, оказал ему материальную помощь, но к священнослужению не допустил, на прошение же Святитель, воспитывая нравственно и обращая внимание на самое существенное — спасение как своей души, а так и пасомых, наложил следующую резолюцию: "Пусть учится и познает, что есть священство. А оно есть не хлеб искать только и кормиться, но пасти Христово стадо, а не соблазнять и других в грех приводить"[48].

Главную причину беспорядка Святитель видел в невежестве и малообразованности священнослужителей. У многих священнослужителей не было никаких книг в доме, не было даже и Нового Завета Господа нашего Иисуса Христа. Некоторые из священников "имели у себя волшебные и суеверные тетради и письма" и, встречая в них имена Спасителя, Божией Матери и святых угодников Божиих наряду с "волшебными именами", руководствовались ими не только в личной жизни, но и в пастырской практике (указ от 28 апреля 1767 г.)[49]. Очевидно, от таких пастырей нельзя было добиться глубокого и всестороннего понимания жизни христианской, требовать отчетливого и ясного представления об ответственности служения пастырского и ожидать продуктивной пастырской работы. Вот почему об этой стороне жизни служителей Церкви мудрый архипастырь беспокоился более всего. В первый год своего пребывания в Воронеже, желая дать священнослужителям истинные понятия о совершаемых ими Таинствах, св. Тихон написал книгу под названием "Должность священническая о седми Святых Таинствах" и разослал ее по всем монастырям и духовным правлениям для раздачи священникам. В этом сочинении Святитель дал понятие о сущности каждого Таинства, об образе совершения, о лице совершающем и лицах, приемлющих Святые Тайны. Заканчивая объяснение каждого Таинства, Святитель обращается с внушением к священникам, призывая благоговейно совершать таинства и быть достойным посредником между Богом и людьми при раздаянии даров небесной благодати. Это сочинение, построенное в виде вопросов и ответов, стало как бы малым катехизисом для священников.

В следующем году, дополняя книгу о таинствах, Святитель написал еще "Прибавление к должности священнической о тайне св. покаяния". Здесь он дает указание духовным отцам, как следует поступать во время совершения исповеди, как в одних возбуждать чувства истинного раскаяния и сокрушенного исповедания своих грехов, а других, которые предаются неумеренной, доходящей до отчаяния скорби о грехах, утешать милосердием Божиим.

Св. Тихон Задонский, зная наизусть почти все Писание Нового Завета, требовал того же и от священнослужителей, потому что священник

---

[47] П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 199.

[48] Там же. Донесение об этом случае в Синод см. ЦГИА СССР. Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 46, стр. 9—10.

[49] Там же, стр. 223.

есть служитель Нового Завета, благовестник Евангелия Христова, и поэтому изучение Священного Писания должно быть первым его занятием. "Являются ко мне, — пишет св. Отец в одном из своих указов, — многие священники и диаконы, которые крайне не знают Евангелия и Апостол. Из этого видно, что они или не имеют у себя Нового Завета, или имеют, да не читают, и как о своем, так и о порученных (ему) опасении нерадят, потому что в Новом Завете воля Отца Небесного возлюбленным Его Сыном Господом нашим Иисусом Христом открыта; итак, не читая Нового Завета, нельзя знать воли Отца Небесного, а не зная, невозможно исполнять, а от неисполнения воли Его святой следует явная погибель" (указ от 9 августа 1763 г.)[50].

Чтобы приучить духовенство к чтению книг и побудить его к исполнению существенной пастырской обязанности — проповедованию слова Божия, святитель Тихон резолюцией от 14 июля 1763 г. предписал, чтобы после заамвонной молитвы на литургии каждый воскресный и праздничный день читать или Толковое Евангелие, или что-либо из Пролога, или из Следованной Псалтири слово св. Кирилла Александрийского об исходе души и о втором пришествии[51]. Святитель Божий строго следил за исполнением этого предписания, наказывая нарушителей, и если замечал, что священнослужитель нерадиво относился к проповедованию слова Божия, то запрещал ему служить, а иногда даже и лишал места[52].

Для поучения народа и чтобы ознакомить священнослужителей с катехизическим способом проповедования истин веры Христовой, св. Тихон решил проводить по воскресным дням в кафедральном соборе поучительные беседы, вызвав одного из воспитанников Московской Славяно-греко-латинской академии и рукоположив его в сан диакона. Святитель составил подробную инструкцию по проведению этих бесед. По его предписанию в воскресные дни за час до литургии совершалось десять ударов в колокол. Через полчаса, когда собирались слушатели, начиналась проповедь, которая заканчивалась перед началом благовеста к литургии. Священнослужителям и церковнослужителям предписывалось посещать эти беседы в обязательном порядке, с них бралась подписка, а об уклоняющихся Святитель приказал доносить ему лично.

Так как не было возможности найти способных катехизаторов, то св. Тихон составил свод правил и разослал его для чтения в церквах остальных городов Воронежской епархии[53].

Св. Тихон не ограничивался стремлением просветить подведомственное ему духовенство. Он также заботился, как уже говорилось, об исправлении нравственных недостатков, потому что пастырь должен воздействовать на своих пасомых не столько словом, сколько личным примером своей жизни. С этой целью он написал и разослал по всей епархии наставления в виде окружного послания, в которых он подробно разъясняет обязанности священника. Святитель призывает пастырей сохранять трезвенное и скромное поведение, всячески избегать пьянства, сквернословия и празднословия. "Как будете служить, — пишет он, —

---

50 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 185.
51 Там же, стр. 184.
52 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 37.
53 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 2.

священнодействовать утро, когда вчера вам порученные видели вас пьяных, ссорящихся, бесчинствующих. Видящий тебя осудит, и ты осуждению его виновен, и так обоим грех"[54]. Святитель призывает к осторожности во всех поступках, ко взаимной любви, прощению обид.

Беспрестанно трудясь над возделыванием нивы – пастырских сердец, – св. Тихон напоминает священникам, что Господь поставил их стражами дома Своего, т. е. Церкви, и поэтому они должны стеречь этот святой дом делом, словом и помышлением. "Делом – показывая пример честного и христоподражательного жития... Словом – стеречь подобает, наставляя и поучая к хранению Закона Божия. Помышлением – всегда думать о душевной пользе словесных овец. Если же кто об этом вознерадит и нерадением своим погубит порученные души, за которых Христос Пречистую Свою Кровь излил, то пусть точно знает, что погибель их от него взыщет Господь в день Страшного суда"[55].

Приступая к совершению Божественной службы, священнослужитель должен, по словам св. Отца, с умилением помышлять о спасительных действиях Господа Иисуса Христа. Св. Тихон кратко объясняет значение некоторых действий церковного богослужения, чтобы тем самым помочь пастырям быть более внимательными при совершении священнодействий и научить их подобным размышлениям. Например, он пишет: "Когда в церковь входите на Божественную литургию, приведите себе на ум, как Христос ради нас в мир пришел, и Бог человеком стал. – Когда со святым Евангелием на литургии из алтаря в обыкновенное время выходите, где и свеча наперед выносится, помышляйте, как Христос по крещении вышел на спасительную проповедь и как Его спасительное учение, подобно свету, всех нас во тьме неведения седящих просвещает. Когда ...исходите из алтаря на Херувимской песни с предложением, приведите на ум, как Он предал Себя на вольную и спасительную страсть... И так всю тайну смотрения Спасителя нашего Божественная Литургия образует"[56].

Святитель Тихон также напоминает, чтобы священнослужитель был особенно внимателен при чтении молитв на литургии, ибо в это время он более всего предстоит Богу.

Это наставление Святителя Божьего отличается необыкновенной простотой и ясностью и в то же время проникнуто духом истинно отеческой попечительности и братской любви. Он не грозит, но советует, просит, умоляет. Можно сказать, что в своих распоряжениях и судебных определениях Святитель предстает не как судья, равнодушно определяющий наказание, а как мудрый пастырь, который отечески заботится об исправлении виновного и наказанием хочет пробудить в виновных сознание вины и желание исправиться. Подвергая наказанию виновных, Святитель всегда подчеркивал важность звания священника, а также указывал на страшный суд Божий, которому подвергнутся преступники и нарушители закона[57].

---

[54] Творения, т. I, стр. 10.
[55] Там же, стр. 11.
[56] Там же, стр. 13.
[57] Житие. Цит. соч., стр. 33.

Не меньше забот доставляли св. Тихону и монашествующие. В монастырь люди уходили для того, чтобы всецело оторваться от греховных прелестей мира и посвятить себя Богу в уединенной обители. Однако это уединение не ограничивалось заботой только о личном спасении. Монахи, подвизаясь в добродетельных подвигах и занимаясь изучением Священного Писания и творений св. отцов, несли свет Христовой веры и благочестия в народные массы. Некоторые же монастыри, как, например, донские, по своему внутреннему укладу несколько отличались от общего строя монашества на Руси. По словам П. В. Никольского, монастыри донские имели полумирской характер и не всегда подчинялись церковной власти[58]. Причина этого заключалась в том, что первые из них появились как богадельни — приюты для казаков, которые селились здесь в преклонных годах для отдыха и спасения души после боевой, бурно проведенной жизни.

Св. Тихону пришлось иметь дело с 18 монастырями. Из них 6 были закрыты в силу екатерининской реформы секуляризации монастырских имуществ, 8 числились за штатом, т. е. находились на своем содержании. В монастырях, в большинстве случаев, было по нескольку человек монашествующих (5—8). Только в трех монастырях было немногим более 30 человек[59]. Не высок был и нравственный уровень в монастырях, живы были традиции казацкой вольницы. Например, настоятель Толшевского монастыря не принял присланного при указе сочинения св. Тихона "О должностях священников и прочего духовенства" и отослал его обратно. В другой раз он отослал в консисторию незаполненные приходо-расходные книги и просил в рапорте "впредь таковых книг в монастырь не присылать"[60]. В монастыре встречались люди с необычайно грубыми нравами: однажды по распоряжению настоятеля был избит один из монастырских рабочих[61].

Дисциплина монастырей сильно расшатывалась существовавшим в то время положением, согласно которому в монастырь на покаяние посылались разные нарушители и преступники из духовенства. "Здесь были, — пишет свящ. Т. Попов, — обвиненные в убийстве, в воровстве, в прелюбодеянии, алкоголики, безумные. Некоторые эпитимийцы содержались под крепким караулом и были заключены в кандалы из монастырского железа... При невысоком нравственном уровне монастыри Придонья потеряли в глазах местного населения вес и авторитет "святых обителей" и делались нередко предметом разбойничьих нападений со стороны обывателей местного края с целью ограбления" [62].

Такое положение монастырей Воронежской епархии требовало постоянного внимания, и поэтому наблюдение за благочинием монастырским было одной из забот св. Тихона. Как уже говорилось, указом от 9 августа 1763 г. он приказывал каждому монаху, знающему грамоту, приобрести Новый Завет и изучать его. Несколько позже он написал и

---

[58] П. В. Никольский. Монашество на Дону. — "Воронежская старина", вып. VI, стр. 59—119.

[59] Там же, вып. VII, стр. 130.

[60] Там же, стр. 118.

[61] Там же, стр. 120.

[62] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 97.

разослал по монастырям сочинение "Зерцало иноческого жития". 17 декабря 1764 г. Святитель дает консистории распоряжение, преследующее одну цель — заставить монахов помнить свои обеты: "По всем монастырям послать указы, чтобы чин пострижения читаем был в трапезе братии в един день седмицы — понедельник.., дабы во всегдашней памяти содержали, что обещались, чем обязались, и так обеты исполнять тщались, а преступившие свои обеты каялись бы и исправляли себя по своим обетам"[63]. В мае 1765 г. был издан указ, запрещающий монахам ходить на поминальные обеды. Светским лицам, желающим видеть на обеде монахов, предписывалось устраивать их в монастыре. При необходимости, по просьбе усердных почитателей монастыря, разрешалось присутствовать на подобных обедах настоятелю с одним диаконом[64].

Когда святитель Тихон узнал, что монахи и сами настоятели часто отлучаются из монастыря, без крайней необходимости, а сами настоятели предварительно брали разрешение у архиерея (указ от 16 декабря 1765 г.).

Нетрезвая жизнь некоторых иноков дала повод для следующего постановления св. Тихона: "Если кто из монахов, — пишет он в указе от 22 августа 1767 г., — будет упиваться день, такого посадить в келью под крепкое наблюдательство на трое суток и давать ему хлеба умеренную порцию, а квасу и воды — сколько потребует; если кто в пьянстве пребудет два или три дни, то за два дни содержать неделю, за три — полторы. Кто после сего не исправится, о таковом представлять нам с полным жития его показанием"[65].

Св. Тихон был очень осторожен в благословении на пострижение в монашество. Он считал монашеские обеты высокими и трудными и поэтому советовал тщательно подготовиться внутренне к перемене образа жизни. Так, 23 ноября 1763 г. Святителю был представлен доклад консистории об одном купце, который уже 4 года жил в монастыре неотлучно, был трудолюбив, трезв, кроток, смирен, послушен. Консистория просила разрешения постричь его в монахи. Св. Тихон на докладе написал: "Потрудиться ему еще и так и считаться в братстве, ибо черная риза не спасает, а кто и в белой, т. е. мирской ризе (одежде), да послушание и смирение и чистоту имеет, тот и без монашеских обетов есть непостриженный монах"[66]. Учитывая сложное нравственное положение монастырей, Святитель иногда говорил: "Видишь, ныне и монастыри хуже светских домов стали; берегись, чтобы тамо не погибнуть, где надеешься спасения"[67]. Возвышенный взгляд на монашество выразил Святитель уже на покое в Задонском монастыре в беседе со своим келейником Феофаном, который неоднократно обращался к нему с просьбой о пострижении в монашество. Св. Владыка отвечал ему: "Эх, Феофанушка! Хо-

---

63 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 49.

64 Там же.

65 Житие, стр. 43.

66 Б.Г.К. Святитель Тихон I-й, епископ Воронежский и Елецкий. — "Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа", т. I. Воронеж, 1886, стр. 43.

67 Творения, т. V, стр. 360.

ди-ка ты в чем ходишь. Ей, лучше. Я правду говорю... Ведь давно когда-то были монахи, но не ныне; а ныне уж и дрожжей монашеских нет. Вот я живу на свете около 60 лет, но не видал еще истинного монаха... Монастырская жизнь чего требует? Необходимо для жизни человеческой: квас да вода, да слезы — вот монашеское сладко пойлице! ...А ныне и мир в монастырь вкрался... и уныние... и праздность... Знай, Феофанушка, что монастырские стены и монашеское одеяние не спасают... И я хвалю тех монахов, которые сами орут землю, хлеб сеют и сами пищу себе готовят, да еще ж бедных и странных питают и упокоевают... Забыли мы древних наших российских чудотворцев, преподобного отца нашего Сергия Радонежского и прочих, которые во обителях своих не имели по три дня и хлеба, а они не пускали братию выходить из монастыря для испрашивания нужной пищи и говорили: "Терпите, братия, Бог не оставит и утешит нас!"[68]

Большим злом в жизни Воронежского края был раскол, этот постоянный спутник неправильного понимания духа и силы христианства. Давно установившаяся традиция казаков не выдавать беглецов сделала широкие степи Дона удобным убежищем для преследуемых правительством последователей мнимого древнего благочестия. Даже среди самого духовенства были лица с раскольническими взглядами или с симпатиями к раскольникам. По свидетельству М. Былова, который устанавливает подобные факты на основании архивных данных, среди пастырей, наделенных особыми полномочиями церковной власти, находились такие, которые за деньги прикрывали раскол, т. е. в отчетах указывали на его отсутствие[69]. Такое сочувствие расколу, а также покровительство Донской войсковой канцелярии делали безуспешными все мероприятия св. Тихона и учрежденной им особой следственной миссионерской комиссии. Например, когда обнаружился раскол, св. Тихон в целях пресечения его развития распорядился создать особую комиссию (указ от 23 октября 1763 г.). В состав комиссии должен был войти представитель от войсковой власти. Целый месяц шла переписка с канцелярией Донского Войска, но комиссия вынуждена была приступить к расследованию, так и не дождавшись представителя. В ходе работы выяснилось, что расколом заражено население не одной станицы. Св. Тихон распорядился произвести следствие и в других местах, но комиссия не могла исполнить это поведение, т. е. войсковая канцелярия "обо всем этом следовать не допустила, а потребовала, чтобы следствие ограничилось только раскольниками Терновской станицы"[70]. О своих затруднениях св. Тихон сообщил в Св. Синод, откуда был прислан указ произвести расследование во всех станицах, выявить число раскольников и предпринять меры к искоренению их. Для работы комиссия избрала г. Черкасск, 11 февраля 1765 г. сообщила об этом в войсковую канцелярию и потребовала ввести в состав своего представителя, а также по "приложенному именному ре-

---

[68] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 74. Приводя эти слова святителя Тихона, автор ссылается на "Записки Чеботарева", однако в указанном сочинении данных слов нет.

[69] М. Былов. Цит. соч., стр. 307.

[70] Архив Донской духовной консистории. Дела Терновской станицы. — "Воронежская старина", вып. XIII, стр. 54.

сстру казаков-раскольников с их женами и детьми в указанный срок прислать в комиссию"[71]. Войсковые власти отказались это сделать и потребовали производить расследование на местах. В конце концов, канцелярия Войска Донского обратилась с ходатайством в Военную коллегию с просьбой прекратить работу следственной комиссии, мотивируя тем, что производимые следствия приносят волнения и недовольства казацкому населению, а это неблагоприятно сказывается на пограничной службе. И в скором времени из Св. Синода был получен указ, согласно которому эта работа была приостановлена[72]. "Таким образом, – говорит прот. Е. Овсянников, – деятельность учрежденной святителем Тихоном I в Войске Донском следственной комиссии окончилась, так сказать, едва начавшись, причем она далеко не успела достигнуть своей цели"[73]. Но деятельность этой комиссии не была бесполезной. Она дала положительный результат. Если до нее раскол в донских станицах насаждался и развивался втайне, то теперь он был обнаружен повсеместно и, таким образом, стали известны истинные причины духовных болезней местных жителей, требовавшие неотложных мер, способствующих ослаблению раскола, привлечению отступников в недра Святой Церкви и предохранению верных чад Церкви от увлечения им[74]. Одной из таких мер явилось создание другой комиссии – комиссии увещателей, которая должна была действовать против раскола исключительно разумным словом убеждения и увещания (указ от 13 октября 1765 г.)[75]. Но и эта увещательная комиссия просуществовала недолго. Через четыре месяца, 21 февраля 1766 года, св. Тихон вынужден был издать указ, согласно которому "увещателям повелевалось знать только Духовные Правления и, когда ради благочиния по церквам проезд будет, тогда при случае увещевать раскольников"[76]. Причина издания такого указа неизвестна, но, скорее всего, она заключалась в нежелании канцелярии Войска Донского, действовавшей через Военную коллегию, заниматься религиозными вопросами в ущерб спокойствию в войсках.

Очень часто св. Тихон сам проводил беседы с раскольниками. Вот как говорит об этом один из исследователей воронежской церковной старины Вейнберг: "Как видно из архивных дел, святитель Тихон в пределах своей епархии никому не доверял собеседования с раскольниками, вторично отпавшими от Православия, а отправлялся сам в зараженную расколом местность и, обливаясь горячими слезами, умолял отступников вернуться в лоно Церкви. Наэлектризованные красноречивой проповедью, сказанной святителем растроганным голосом и со слезами на глазах, раскаявшиеся раскольники падали на колена и клялись ему воздержаться от зломудрования"[77].

---

71 Архив Донской духовной консистории. Дела Терновской станицы. — "Воронежская старина", вып. XIII, стр. 54.

72 ЦГИА СССР. Рукописный архив Синода, ф. 796, оп. 47, дело 310.

73 Прот. Е. Овсянников. Цит. соч., стр. 56.

74 Там же.

75 Архиеп. Сергий. Цит. соч., стр. 394.

76 Прот. Е. Овсянников. Цит. соч., стр. 58.

77 Л. Б. Вейнберг. Распространение христианства на Украине. Воронеж, 1889, стр. 79.

Для предохранения паствы от раскола св. Тихон требовал, чтобы священники внимательно следили, все ли прихожане приступают к таинствам Исповеди и Причащения, а в случае сознательного отказа – доносили в консисторию[78]. Он вменял в обязанность священнослужителям каждые шесть месяцев сообщать лично ему о жизни и поведении обратившихся из раскола. Некоторых укоренившихся в расколе Святитель распорядился держать при храме, не отпуская домой, а студенту богословия Ивану Васильеву, специально для этого вызванному из Московской духовной академии, увещевать их. "Прочее время, — пишет далее Святитель в этом распоряжении, – работать им при церковной работе, пока научатся. На день давать им по две или по три копейки на пищу. По наставлении предоставить мне"[79].

Христианам, не сведущим в догматах православной веры, Святитель советовал при столкновениях с раскольниками быть осмотрительными и не вступать с ними в споры. В крайнем же случае на вопрос о вере отвечать вопрошающему так: "Я верую так, как содержит и приказывает мать наша св. Церковь". А если последует встречный вопрос о Церкви, как она содержит веру, то отвечать: "Так, как мы веруем и содержим". Этим ответом, говорил Святитель, "всякой секты раскольник, как пес от палки, будет отражен от вас, а вы соблюдете свою приверженность и должное повиновение св. Церкви"[80].

Однако, несмотря на усердные труды св. Тихона по обращению раскольников в лоно св. Церкви, число обратившихся было очень незначительным. Но даже и в этих случаях Святитель подвергал обращенных строгому испытанию, требуя от них надлежащего покаяния и исправления[81].

Такие строгие меры св. Отца в борьбе с раскольниками, однако, не озлобляли последних, а, напротив, многие из них видели в еп. Тихоне ревностного пастыря с замечательным умом и чутким сердцем. Они уважали его и впоследствии, когда Святитель был уже на покое в Задонском монастыре, даже пытались склонить его на свою сторону. Дело в том, что раскольники поповщинского толка, беспокоясь об отсутствии церквей и правильно поставленных священников, не раз обманутые перебегавшими к ним порочными пастырями, пытались различными средствами найти себе архиерея, который бы по их обрядам и книгам рукополагал бы им священников и совершал другие Таинства. Они долго искали себе архипастыря на Востоке, умоляя епископов или перейти к ним, или рукоположить им архиерея из числа их единомышленников. Но все их усилия были напрасными. Тогда, слыша о добродетельной жизни св. Тихона, пребывающего в то время уже на покое, они решили лестью и подарками уговорить его перейти на их сторону и стать их архиереем. С этим предложением раскольники послали к Святителю одного саратовского купца, но св. Угодник с негодованием отверг все его льстивые

---

78 Житие, стр. 54.
79 Там же, стр. 54.
80 Записки И. Ефимова, стр. 28.
81 П. Кратиров. Цит. соч., стр. 351.

речи и дары и обличил в неправославии и сумудрии. Но и после этого св. Тихон продолжал пользоваться у раскольников большим уважением[82].

О том, насколько св. Тихон был ревностным в соблюдении чистоты веры среди своих пасомых, свидетельствует также следующий пример. Некоторые из воронежских граждан, будучи в Киеве, приобрели акафистники почаевской печати. В акафисте Святому Духу и в Символе веры, напечатанных в этой книге, св. Тихон заметил некоторые искажения, противные православному исповеданию. Два экземпляра этого акафистника Святитель отослал в Св. Синод, а гражданское начальство попросил сделать объявление по Воронежской епархии, чтобы население сдало эти книги в консисторию[83].

4. УСТРОЕНИЕ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Тяжелое положение в епархии, обусловленное неграмотностью и низким нравственным уровнем как духовенства, так и пасомых, а также суевериями и расколом, побуждало Святителя обращать серьезное внимание на систематическое образование кандидатов в священники. Он возлагал особую надежду на духовно-учебные заведения, из которых должны выходить достойные деятели Церкви Христовой. Уже через три месяца после своего приезда в Воронеж он сделал распоряжение относительно духовной школы в г. Воронеже (указ от 10 августа 1763 г.). Еще через некоторое время св. Отец распорядился, чтобы "во всех городах, где существуют духовные правления, завести славянские школы и учителями в них по общему согласию избрать священников и диаконов, искусных в чтении, пении и письме, и если много будет учеников, то в помощники им избрать добрых причетников". В указе также говорилось, чтобы помещения и учителей содержали за счет духовенства[84]. Святитель настаивал на открытии духовных учебных заведений, потому что видел прямую зависимость между образованием пастырей и моральным состоянием паствы. Так, в указе Черкасскому духовному правлению он писал, что в Войске Донском "между народом немалый находится раскол и другие непорядки, что единственно следует от неученых священников, которые, как невежды, оный народ от того раскола отвращать не могут, но еще в том послабляют"[85].

Усилия мудрого архипастыря по открытию школ встретили не только равнодушие, но и противодействие со стороны духовенства и духовных правлений. Духовенство и население смотрели на обучение детей как на нежелательное явление, а когда узнали, что содержание школ ляжет на плечи родителей еще и материальным гнетом, то стали относиться к распоряжениям Святителя враждебно, как к гонениям и притеснениям с

---

[82] Б.Г.К. Цит. соч., стр. 58.

[83] Житие, стр. 55.

[84] "Воронежские епархиальные ведомости", 1884, № 15, стр. 608.

[85] Прот. Е. Овсянников. Святитель Тихон Задонский как благоустроитель церковной жизни и деятель в борьбе с старообрядческим расколом в Донской Украине. — "Воронежская старина", вып. XIII, отд. 2. Воронеж, 1914, стр. 38.

его стороны. В результате такого непонимания этого важного дела со стороны пастырей и духовных правлений, ведению которых школы были поручены, а учителей, относящихся к своим обязанностям беспечно, и родителей, препятствующих своим детям получить образование, основанные в уездных городах славянские школы просуществовали не более трех лет и были закрыты[86]. Тогда св. Тихон открыл в Острогожске, Ельце и Черкасске латинские школы, в которые из закрытых школ были отобраны лучшие и способнейшие ученики. Но и эти школы вдали от личного надзора Святителя при враждебном отношении самого духовенства не могли укрепиться и процветать[87]. Ревностно относясь к духовному образованию, Святитель старался пробить эту стену равнодушия, наказывая строптивых, снимая с должностей и подвергая штрафу влиятельных священников и игуменов[88].

Наконец, правительством были выделены средства на духовную семинарию, которую св. Тихон возродил в Воронеже и которая была закрыта его предшественником в 1762 г. из-за отсутствия средств[89]. Это духовно-учебное заведение стало культурно-просветительным центром для духовенства всей обширной Воронежской епархии. Велико было значение семинарии в церковной жизни этой епархии, а так как в нее принимались ученики и из других сословий, то из ее стен выходили не только священнослужители, но и образованные чиновники, канцеляристы и опытные учителя[90].

Святитель принимал самое деятельное участие в жизни семинарии. Все: и хозяйственная часть, и педагогические мероприятия, и административный надзор — лежало на его плечах. Ему приходилось выписывать первых учителей и руководителей (ректора и инспектора) из других богословских школ, следить за исполнением распоряжений о направлении в семинарию учащихся, назначать преподавателям и учащимся определенное содержание, заботиться о расписании, учебниках, пособиях, классных комнатах и многих других вопросах[91]. Он посещал классы, отличавшихся добронравием и прилежанием к учебе питомцев ободрял подарками или определял на казенное содержание, а провинившихся наказывал. Но, наказывая, св. Отец преследовал одну цель — воспитать оступившегося человека. Так, например, в 1764 году два школьника "домовой архиерейской школы" совершили проступки. Вина этих учащихся была настолько большой, что по церковным уставам они лишились права быть причетниками и поэтому были отчислены из духовной школы. Святитель не оставляет провинившихся на произвол судьбы, но, проявляя отеческую заботу, направляет на исправление в монастырь и в дальнейшем продолжает беспокоиться об их судьбе. Когда

---

[86] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 347.

[87] Свящ. В. Михайловский. Св. Тихон, еп. Воронежский и Задонский. Спб., 1905, стр. 21.

[88] П. Никольский. История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 1898, ч. 1, стр. 64.

[89] Воронежская духовная семинария была основана согласно указу Св. Синода 2 марта 1745 г., фактически начала свое существование через год — с февраля 1746 г. (П. Никольский. Цит. соч., стр. 26).

[90] П. Никольский. Цит. соч., стр. 26.

[91] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 135.

они достигли совершеннолетия, он определяет одного из них в работники при монастыре, а другого служителем при Острогожской семинарии[92]. Из данного случая видно, что св. Тихон действовал не только как великий христианин, но и как настоящий педагог.

Для преподавателей Святитель составил две инструкции. Первая – "Как поступать учителям" – составлена для славянских школ в 1763 г. Вторая – "Что семинаристам должно наблюдать" – для славяно-латинской семинарии в 1765 г. Эти документы свидетельствуют, что св. Отец более всего обращал внимание на нравственное и духовное будущих пастырей. В частности, в инструкции для семинаристов сказано: "Помнить всякому, что от Бога к сему званию позван был ради общей пользы... Намерение учения простирать во славу Божию и общую пользу, – и так лучший будет успех. Ибо учение преподается в надежду просвещения разума и произведение в чин священства. Священник бо ученый способнее будет и должен искоренять злые нравы и пороки греховные, которыми имя Божие хулится. Учение без жития доброго не сильно и не пользует"[93]. Доброе житие, согласно инструкции Святителя, должно обнаруживать посещением богослужения, прилежным вниманием к чтению и пению, проявлением почтительности к старшим словом и делом и братской любовью к товарищам. Учащимся следует избегать осуждения кого бы то ни было, ссор, злословия, драк, неприличных шуток и блюсти нравственную чистоту. Инструкция состоит из 28 пунктов и заканчивается увещанием прочитывать эти пункты ежедневно, "чтобы всякий знал и помнил, как ему должно жить"[94]. Этот документ характеризует Святителя и как замечательного педагога, тонко понимающего детскую душу. Он заботился о том, чтобы воспитанников не привлекали к непосильному труду, чтобы воспитатели не обходились с ними грубо и каждый учащийся имел достаточно време- ни для отдыха[95].

Святитель Тихон, желая как можно больше людей привлечь к духовному просвещению, использовал для этих целей и монастыри, посылая сюда для обучения у грамотных монахов-сирот из духовного звания и детей церковнослужителей. В архиве Толшевского монастыря сохранилось письмо св. Тихона к игумену монастыря Серафиму о церковнике Александре, которого Святитель прислал в монастырь по "слезному молению матери" для обучения у семидесятилетнего монаха Иларион[96]. Святой Отец внимательно следил и за такими учениками, и за школами, и, если замечал какие-то недостатки, как это, например, было в Преображенском Медведицком монастыре, где "сирот, причетнических детей, для обучения книжному чтению направленных, стали употреблять в монастырскую работу", то строго взыскивал с виновных. В данном примере монастырь был оштрафован на 9 руб.[97]

---

[92] Т. Олейников. Из прошлого Воронежской духовной семинарии. — "Воронежские епархиальные ведомости", неофициальная часть, № 30. Воронеж, 1910, стр. 874.

[93] Творения, т. I, стр. 19.

[94] Там же, стр. 20–21.

[95] Там же.

[96] "Воронежская старина", вып. VII, стр. 124.

[97] Т. Олейников. Святитель Тихон в Воронеже. — "Воронежская старина", вып XIV, стр. 17.

5. ЗАБОТЫ О ДУХОВНОМ СОСТОЯНИИ ПАСОМЫХ

На основании указов и распоряжений св. Тихона можно представить невежество и грубость нравов духовного сословия в Воронежской епархии во время управления сю Святителем. Все это было распространено и в среде мирского населения, но в еще больших размерах. Драки, пьянство, разного рода непристойности, грубость и суеверия царили повсюду. Сам Преосвященный стал однажды жертвой грубости простолюдинов. Объезжая епархию, остановился он в одном селе переменить лошадей. Жители этого села, хотя и имели много хороших лошадей, отказывали ему под предлогом неимения. Старики, к которым Святитель обратился с просьбой, грубо отвечали: "Нет лошадей. Ты ведь не губернатор, чтобы для тебя скоро собрать лошадей". — "Да ведь я ваш пастырь, — сказал угодник Божий, — вы и меня должны почесть не меньше губернатора и мне служить, как своему пастырю". На это мужики отвечали новой грубостью: "Да, ты пастырь, но пастырь над попами да над дьячками". Этот ответ очень огорчил св. Тихона, но он с кротостью продолжал уговаривать их побояться Бога и не мучить его. Кротость подействовала лучше всяких криков и угроз. Лошадей дали, но какую скорбь пережил Святитель[98].

Деятельность св. Тихона по исправлению народной нравственности замечательно характеризуется в одном из церковных песнопений. "Видя себя поставлена на степени архиерейства" такой епархии, где была "жатва многа", св. Тихон "не дал сна очам своим, ниже веждома дремания"[99].

Чтобы довести до сознания народа основные христианские истины, Святитель организовал, как об этом уже говорилось, катехизические поучения в кафедральном соборе и неоднократно призывал народ к посещению этих бесед. В одном из таких увещеваний со скорбью и отеческим негодованием св. Тихон говорил: "С немалым сожалением многократно приметил я, что на душеполезное ученис, которое по вся воскресныя дни перед святой Литургией уже без малого год преподается, мало кто от граждан собирается. Оно для того определено, чтобы всяк, слушая, познал, в чем состоит звание христианское и сила закона Божия, и так бы в благочестии успевал. Но противное, как вижу я, намерению моему делается"[100]. Эта речь заканчивается призывом Святителя к народу проявить ревность к слушанию спасительных истин, которые благотворно влияют на душу человека и способствуют исправлению нравов. Самого же проповедника-катехизатора Угодник Божий увещевает не приходить в уныние от того, что мало слушающих, но усердно трудиться во славу Божию и на пользу ближних, ожидая награду на небесах[101]. Проповедник слова Божия не лишится своей награды на небе, хотя слушатель и не примет слова его и не будет ему повиноваться.

---

98 Записки И. Ефимова, стр. 24–25.
99 Акафист св. Тихону, икос 5.
100 Творения, т. I, стр. 99.
101 Там же, стр. 103.

Этот оптимизм, с которым Святитель поддерживал проповедника, упование на помощь Божию и вера, что не может благое слово остаться без следа в душе слушающего, были присущи ревностному Архипастырю на протяжении всей его деятельности на Воронежской кафедре. Основываясь на словах святого Златоуста, он часто напоминал пастырям: "Слово Божие не всуе сеется, аще бы и мало было приемлющих. Слово Божие никогда мимо не идет"[102].

Считая своей священной обязанностью учить народ христианской вере, св. Тихон очень часто проповедовал. В красноречивых, но доступных проповедях Святитель поучал народ примером жизни, страданий и смерти Господа Иисуса Христа, разъяснял заповеди и обличал пороки. Чаще всего св. Архипастырь говорил без подготовки, и поэтому речи остались незаписанными. Но по некоторым вопросам, особенно злободневным для его времени, он свои проповеди тщательно продумывал, переписывал и заставлял прочитывать в других храмах. Святитель знал, что живое слово хотя и сильнее действует на слушателей, но оно доходит до слуха немногих и скоро забывается, в то время как слово записанное, становясь известным многим, служит более длительное время. Если же подобные записи читаются в домашних условиях, в уединении, то они неизменно приводят читающего в умиление, сокрушение и покаяние. Вот почему некоторые увещевания св. Тихон распорядился повесить на видном месте в храме, чтобы все могли читать, а желающие и переписывать.

Среди разосланных по епархии особенно выделяются 5 сочинений. Одно из них — "Краткое увещание, что всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать должно"[103], т. е. обеты, данные при крещении, вездесущие Божие, страдания Христовы за нас, а также смерть, Страшный суд, ад и вечное блаженство. Именно это увещание было вывешено в церквах на стенах. В "Кратком наставлении, как подобает себя в христианской должности содержать"[104]. Святитель внушает христианам соблюдать различные нравственные правила и прежде всего проявлять ревностную заботу о спасении души. "Наставление о должности христианской, родителей к детям и детей к родителям"[105]. дает краткое объяснение десяти заповедей Моисея. В сочинении "Примечания некая из Святого Писания выбранные, возбуждающие грешника от сна греховного и к покаянию призывающие..."[106] Святитель восстает против тех, кто беззаботно откладывает свое покаяние и исправление. "Плоть и дух"[107], как подписал это сочинение сам св. Тихон, представляет собой "собрание некиих нравоучений из Святого Писания и толкователя его св. Златоустаго, великого вселенского учителя, с рассуждением в пользу духовную сочиненное". Эти небольшие книги Святитель заставлял священников читать народу как можно чаще.

---

[102] Творения, т. I, стр. 185.
[103] Там же, т. I, стр. 104.
[104] Там же, стр. 105.
[105] Там же, стр. 119.
[106] Там же, т. I, стр. 111.
[107] Там же, стр. 125.

Особенно заботился святитель Тихон, чтобы народ в воскресные и праздничные дни с благоговением посещал храмы Божии, потому что храмы Божии с совершаемыми в них богослужениями, таинствами представляют собой самые близкие к людям училища веры и благочестия. С этой целью Святитель разослал по епархии "Краткое увещание, како подобает в святые храмы входить на славословие". "В церковь идучи, — говорится в этом увещании, — думай, что ты в дом Царя Небесного идеши, где со страхом и радостию стоять должно, так, как на небеси пред Небесным Царем... Хотя с пользой молитися, остави ближнему согрешения, да неосужденно Царя Небесного призовеши... В церкви стоя, по сторонам не озирайся и как кто стоит и молится, не смотри... От смеху, разговоров крайне берегись, понеже кто, в церкви стоя, смеется и разговаривает, не только не умилостивляет Бога, но и вельми раздражает... Что слышал в церкви чтенное или проповеданное, в доме своем рассуждай и тщися по оному исполнять, да не в большее осуждение будет тебе слышанное слово Божие... Да и домашних твоих детей к тому же наказуй и учи, да не из-за них от Бога истязан будеши"[108].

Святитель Тихон вынужден был для вразумления народа прибегать иногда к принудительным мерам, к взысканию за неблаговейное и небрежное отношение к храму и богослужению. Так, он приказал с "неблагочинно стоящих в церкви, не выпуская из нее, брать по рублю с каждого человека на церковные потребности"[109]. Вскоре за этим Святитель приказал духовенству строго следить, чтобы прихожане в обязательном порядке ходили в воскресенье и праздничные дни на все службы[110].

Святой Отец не ограничился этими требованиями к пасомым. Заботясь об их богоугодной христианской настроенности, пристальное внимание он обращал на достойное поведение христиан вне храма, особенно в праздничные дни. Он разослал по всем приходам указ с требованием, чтобы он был прочитан в храме при большом стечении народа. В указе предписывалось, чтобы священники внушали прихожанам воздерживаться от посещения в воскресные и праздничные дни питейных домов, но проводить эти дни в благоговении и добрых делах, ибо предающиеся пьянству и праздности в часы богослужений являются преступниками заповедей Божиих, постановлений церковных и гражданских, и за это их ожидает гнев Божий и страшный неизбежный суд. Кроме этого, Святитель потребовал от губернского начальства запретить продажу спиртных напитков в указанные дни до окончания церковной службы и крестного хода[111].

Святой Тихон с целью поднять нравственность и укрепить людей в вере во время каких-либо общенародных бедствий налагал иногда всеобщие посты. Правда, это вызывало ропот, но в то же время народ не дерзал нарушить заповедь Святителя. И вот здесь особенно ярко вырисовывается авторитет, уважение и любовь, какие питал народ, особенно простой, к Божьему угоднику. Опасение оскорбить непослушанием любимого и уважаемого пастыря брало верх, и недовольные подчинялись

---

108 Творения, т. I, стр. 103—104.
109 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 217.
110 Там же, стр. 215.
111 Там же, стр. 217.

распоряжениям, говоря: "Нельзя не послушаться — Богу пожалуется"[112]. Такое отношение объясняется укоренившимся в то время в народе убеждением, что не слушаться епископа Тихона, делать что-либо ему неугодное небезопасно, так как за непослушание Святителю наказывает Бог. Отчасти основанием для такого убеждения послужил случай, когда св. Тихону не дали в одном селе сменных лошадей. Этот пример уже приводился в данной работе, когда говорилось о грубости народных нравов и о кротости св. Отца, побеждающей любое ожесточение. Возвращаясь, следует сказать, что у крестьян, особенно тех, кто грубо отвечал св. Тихону, вскоре пали все лошади, и село, дотоле богатое, пришло в крайнюю бедность. Приписывая это несчастье оскорблению Святителя, который за это будто бы проклял их, селяне пошли просить Угодника Божьего простить вину и тогда только успокоились, когда он объяснил, что никогда и не думал проклинать их, но Бог послал им наказание за неуважение к своему пастырю[113].

Святителю Тихону как ревностному и заботливому пастырю вверенной ему Промыслом Божиим паствы приходилось бороться не только с расколом, грубостью, невежеством и разными пороками пасомых, но и с остатками языческих верований и обычаев. Святой Тихон узнал, что в станицах Войска Донского многие жители, притом не только простые, но даже и священно- и церковнослужители имеют у себя, как пишет сам Святитель, "волшебные и суеверные тетрадки и письма и их или по невежеству, или по пренебрежению правил св. Отец не только за богопротивные не почитали, но, веря им по одному тому, что в них написаны имена Божии, Пресвятой Богородицы и других святых, по ним действовали"[114]. Святитель настоял, чтобы некоторые из виновных были отправлены в монастыри на покаяние и исправление и находились там в течение нескольких лет, а остальные, после лишения всех чинов и званий, были отосланы в Воронежскую губернскую канцелярию[115]. Богомудрый Отец наставляет священнослужителей, чтобы они "как сами себя от таких богопротивных и суеверных тетрадок берегли, так и приходских своих людей тому же учили; ибо без Божией воли и попущения ничего не бывает, так один Он и избавить может, когда воле Его угодно будет"[116].

Святитель Тихон негодовал и возмущался, когда видел нравственное ослепление народных масс. В таких случаях он ревностно трудился над искоренением того или иного явления и не успокаивался до тех пор, пока не видел добрых плодов своих усилий. В этом отношении характерны два случая, когда он восстал против бесчинств и нехристианского проведения сырной седмицы и когда искоренял языческий праздник Ярило.

Епископ — ревнитель благочестия — несколько лет внушал народу, что христиане не должны разгульно проводить дни масленицы. Сперва он вразумлял священников и требовал от них показать пример, как нуж-

---

112 Б.К.Г. Цит. соч., стр. 54.
113 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 70.
114 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 222.
115 Житие, стр. 55.
116 П. С. Казанский, проф. Цит. соч., стр. 223.

но проводить дни сырной седмицы согласно церковному уставу, а также призывал их склонять к этому и своих пасомых. Подобным образом он беседовал и с именитыми гражданами г. Воронежа, разъясняя им, что эту неделю надо проводить в приготовлениях к строгим дням первой недели Великого поста. Наконец, в 1765 г. он решился окончательно уничтожить этот обычай и обратился к народу с сильным словом в кафедральном соборе. "Знаете, слушатели, сами вы, — взывал Святитель, — что масленицы почти все ожидают, как какого знатного праздника. К празднованию ее заранее приготовляются.., варят пива, меды, покупают вино, украшают столы.., друг друга в гости зовут, друга друга посещают... Сделалась компания, последует испразднение бутылок, стаканы и бокалы не иссыхают... Не держится зло между стенами, не сокрывается в домах, выходят на публику... Тогда непрестанное на конех ристание.., тут возносятся кличи, песни, ...кулачные бои производятся, ...драки, брани, сквернословия слышатся... А что ночью, что в тайных и сокровенных местах делается, о том и не говорю. Ибо "бываемая отай от них срамно есть и глаголати" (Еф. 5, 12). Вот как масленица празднуется, слушатели. Стыд лице мое покрывает, когда я празднование сие на средину привожу"[117]. Затем Святитель ясно и просто объяснил истинную цель установления сырной седмицы и указал на тяжелое наказание, ожидающее великих грешников, проводящих эти дни не по-христиански, вопреки призыву св. Церкви. Таковые нарушители правил и установлений Матери-Церкви, по словам Святителя, хуже язычников и мытарей[118]. Они удаляются от Христа к сатане и его делам. Красноречивое, пламенное слово ревностного Архипастыря убедило слушателей. Разгульное празднование масленицы надолго прекратилось в Воронеже, хотя впоследствии, во время пребывания Святителя на покое, возобновилось. Услышав об этом, св. Тихон сказал: "Горестно слышать, как изменяется народ. Надобно молить Господа, чтобы просветил и наставил его на путь истины"[119].

Другой народный праздник, который возмущал благочестивое сердце Преосвященного Тихона, был каким-то остатком языческой старины в Воронеже и назывался праздником Ярило. Искореняя его, св. Тихон, по словам некоторых жизнеописателей, показал такую пламенную пастырскую ревность, что уподобился в этом св. Иоанну Златоусту и св. Амвросию Медиоланскому[120]. Народное гулянье обыкновенно начиналось в среду или пятницу после дня Троицы и продолжалось почти неделю, заканчиваясь в понедельник или вторник Петрова поста. К этому событию народ готовился заранее. Местом гулянья служила одна из площадей в Воронеже, куда сходились и съезжались жители города и окрестных сел. Зрелище открывалось появлением на площади молодого человека, разукрашенного цветами, увешанного колокольчиками, разрумяненного, покрытого бумажным колпаком. Изображая Ярилу, он ходил, приплясывая по площади. После этого начинались шумные разговоры и выпивки. Все это неизменно переходило в сплошное пьянство, ссоры, драки, кулачные бои, доходившие до смертоубийства.

---

[117] Творения, т. I, стр. 38—39.
[118] Там же, стр. 39—41.
[119] Житие, стр. 51.
[120] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 29.

Святитель не мог вынести подобного бесчиния, унижающего достоинство человека. К тому же, как истинный пастырь, он знал, что за подобные беззакония также должен отвечать пред Богом. В самый разгар народного гулянья 30 мая 1765 г. он вдруг неожиданно, к изумлению народа, приехал на площадь. Его взор был поражен открывшейся картиной. Вот как он сам об этом говорит: "Увидел я, что множество мужей и жен, старых и младых и малых детей из всего города на то место собралося; между сим множеством народа я иных увидел почти бесчувственно пьяных; между иными ссоры, между иными драки увидел, иных окровавленных усмотрел; приметил и плясания жен пьяных с скверными песнями; а посреде всего сего беззаконного безумных людей торжества стоит кабак в палатке, от которого беспрестанно выносят вино и друг друга потчуют и упиваются"[121].

Исполненный негодования, Святитель въехал в середину бесчинствующих и произнес сильную обличительную речь к народу, которая возбудила стыд и раскаяние. Одушевленный пастырской ревностью, епископ обличал, умолял, советовал и, наконец, с угрозой отлучения от Церкви, повелел прекратить это позорное игрище[122]. Уже неожиданное появление Архипастыря мгновенно отрезвило толпу. Она стояла в полном безмолвии и слушала сильное обличительное слово своего пастыря. Многие расходились в смущении, стыде и раскаянии. Святительское слово, сказанное со скорбью и жалостью к заблудшим, имело такое влияние, что люди в его присутствии разорили все шалаши и балаганы, приготовленные для праздника.

На другой день Святитель созвал к себе в загородный Троицкий дом всех городских священников и почетных граждан и снова стал призывать к исправлению, доказывая им безобразие и бесчиние этого гульбища. Он умолял прекратить его навсегда и взял с них обещание в этом. Но и этим не ограничился святой Отец. В следующее после происшедших событий воскресенье он призвал жителей в кафедральный собор и обратился к ним с увещеванием. С убедительностью доказав, что праздник этот есть идолопоклоннический, бесовский и неприличный, он с истинно отеческой скорбью умолял их отказаться от него[123]. "В горести и болезни сердца моего обращаю слово мое ко всем живущим в граде сем и с плачем молю: истребите зло сие от среды вас. Священницы! Пастыри словесных овец Христовых! Стражи дому Господня! Ангелы, возвещающие волю Отца Небесного! по своей должности настойте, умолите, запретите, пощадите души, порученные вам от Пастыреначальника Иисуса Христа, Кровью Его искупленных, за которые вы в день судный страшному Судии имеете отдать ответ. Отвращайте вы их от сего нечестия десными и шуими... Честные отцы и матери! Удерживайте от того детей своих всяким образом, но паче воспитывайте их в страхе Божием и во всяком наказании, да не и за них истязаны будете в день судный... Всех вообще молю; все постарайтесь единодушно впредь этого нечестивого сонмища и прочих подобных нехристианских игрищ не допускать"[124].

---

121 Творения, т. I, стр. 93.
122 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 30.
123 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 63.
124 Творения, т. I, стр. 96–97.

Слово Святителя произвело сильное впечатление на слушателей. В церкви все собрание рыдало, и частые стоны иногда заглушали слова пастыря. Раскаяние было всеобщим, все искренно решились оставить бесчинный праздник. Св. Тихон распорядился, чтобы это слово было прочитано по всем приходским церквам, и поэтому чувство покаяния распространилось повсеместно. Многие из простых людей, ранее увлеченных этим обычаем и не дававших отчета в своих действиях, приходили к своему Архипастырю в загородный дом, где он жил летом, просили у него прощения за свои прежние грехи и в том, что причинили ему такую скорбь. Св. Тихон смиренно благодарил Бога за дарованный успех, кротко принимал и прощал раскаявшихся и, пользуясь случаем, просил прекратить и другие бесчинные увеселения и недостойные христиан обычаи[125].

В заключение всех этих событий Святитель распорядился переписать всех бывших на этом празднике и взять с них подписку впредь не принимать участие в таком беззаконии, угрожая архиерейским запрещением и отлучением. Всеми этими мерами народное гулянье, существовавшее в Воронеже с древних времен, было уничтожено навсегда[126].

Благочестивая ревность Архипастыря простиралась и на другие стороны христианской нравственности его пасомых. Глубокое знание человеческой души, тонкое понимание христианских истин православного нравоучения дали ему возможность видеть ужасающую картину морального состояния воронежской паствы. "Кажется, – говорил он в одном из своих поучений, – что и самый воздух соблазнами человеческими преисполнен, шумит"[127].

Святитель Тихон с горестью и болью видел то, что не было доступно простому человеку. Ему были известны не только совершавшие беззакония, но и даже замысливающие их[128]. Среди живущих он усматривает непогребенных мертвецов, которые ходят одной ногой на земле, а другой во вратах адовых[129]. О таковых Святитель говорит, что они исполняют добрые дела не ради спасения своей души, не из страха пред Богом, а из-за того, чтобы показаться в глазах людей благочестивыми и разумными. Это, в свою очередь, удаляет человека от истинной веры в Бога, навлекает гнев Божий и лишает его вечной блаженной участи в Царстве Небесном[130].

Под прикрытием имени христианина Святитель видел и "славолюбивых, властолюбивых Иродов", и "злоковарных лис, имеющих язвины лести, обмана, двоедушия", и Иуд – предателей, "на языке мед, а в сердце желчь носивших; словом мир обещавших, а делом меч готовивших; усты приближавшихся, а сердцем далеко отстоявших"[131]. Обширные вотчины говорили св. Тихону о неправедном способе их приобретения, отягощенные богатством сундуки представлялись ему "наполнен-

---

125 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 33.
126 Житие, стр. 54.
127 Творения, т. I, стр. 39.
128 Там же, стр. 68–69.
129 Там же, стр. 31; срав. стр. 68.
130 Там же, стр. 72.
131 Там же, стр. 30.

ными слезами своей братии", пышные чертоги казались сооруженными на крови убогих. В слове "О хищении" на текст восьмой заповеди пророка Моисея "Не укради", где Святитель с силой обличает различные виды хищения, можно насчитать до двадцати групп лиц, которых проповедник называет "хищниками". Так, он указывал на бессовестных продавцов, которые не подают руку помощи ближним, находящимся в крайней нужде, но во время голода продают хлеб не иначе, как за самую высокую цену, дают взаймы деньги или хлеб с большим незаконным ростом, удерживают заклады, обманывают мерой и весом, продают вещи по цене гораздо более высокой, чем на самом деле, плохой товар выдают за хороший. Он указывал на властителей, которые у своих подчиненных или у слабых и беззащитных нагло отнимают имение, дома, рабов, волю, самовольно употребляют чужие вещи, или за работу и службу удерживают плату и вознаграждение. К этой группе Святитель относит и судей-взяточников, лихоимных чиновников, неправедных управляющих, утаивающих доходы, или производящих ущерб чужому имению через свою небрежность... и т. д.[132].

Общая картина морального состояния воронежской паствы представлялась св. Тихону в образе "большого пожара", на котором "человеческие души беззаконием, как пламенем, поядались"[133]. Почти во всех своих проповедях Святитель говорил о гибельном состоянии своих пасомых. Дерзости, злодеяния, насилования, озлобления и прочие беззакония, по его словам, все более и более умножаются. И в таких грехах люди пребывают до глубокой старости, откладывая до смертного часа свое покаяние[134].

Причина всяких заблуждений и пороков в жизни христиан, по учению св. Тихона, состоит, прежде всего, в незнании слова Божия. Поэтому знание это необходимо всякому, "хотящему по воле Божией жить"[135]. Отсюда становится более понятной та пастырская ревность мудрого Архипастыря, исправляющего подведомственное ему духовенство, от которого зависело нравственное воспитание христиан.

Такая ревность по отношению к пастырям и пасомым не нравилась некоторым, и они часто клеветали на св. Тихона, принося ему тем самым различные неприятности. Особенно сильно выражали свое недовольство великосветские лица и воронежские купцы. Это и понятно: Святитель не льстил им и не восхвалял мнимые заслуги или добродетели. Он призывал всех быть христианами не на словах, но на деле. Особенно святой Отец обличал живущих в роскоши и не проявляющих заботу о меньших братиях, находящихся в нужде. Но купцы, отказываясь от добрых дел и не терпя обличения от своего Архипастыря в скупости и немилосердии, не скупились оскорблять его своими клеветами и злоречием[136]. Не меньше неприятностей доставляли святому Отцу иноки различных монастырей, которых он обличал за нарушение правил мона-

---

132 Творения, т. I, стр. 80—81.
133 Там же, стр. 38.
134 Там же, стр. 176, 187.
135 Там же, стр. 50.
136 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 67.

шеской жизни. Именно они писали всякие доносы и жалобы на "притеснения" епархиального архиерея в Св. Синод[137].

Совсем иначе относились к св. Тихону люди благочестивые, внимающие своему спасению, и простой народ. Люди бедные и нищие всегда имели свободный доступ к Святителю. Они знали, что Святитель Божий всегда готов прийти на помощь и заступиться за обиженных, оскорбленных, гонимых и беззащитных, потому что помощь бедным и утешение скорбящих были самым приятным делом для его сердца. Не довольствуясь тем, что он щедро подавал нищим и нуждающимся в своем доме, он имел обычай в дни великих праздников и другие дни, как, например, прощеное воскресенье, рассылать пособия в богадельни и заключенным[138]. Иногда даже он сам, переодевшись в простую монашескую одежду, бывал там и, говоря, что он послан от архиерея, подавал милостыню, делая при этом наставления о терпении, смирении и христианском поведении. Темнота ночи сперва не позволяла нищим узнать своего благодетеля и утешителя, но когда после нескольких посещений они начинали узнавать его или по увещеваниям, или по распространившимся слухам, то Святитель на некоторое время прекращал свои посещения и посылал доверенных монахов[139].

Ярким примером, свидетельствующим о силе его заступничества, является тот факт, что по его ходатайству был отменен смертный приговор участникам Пугачевского восстания, когда многие из них были присланы в г. Воронеж для казни. Хотя в это время Святитель находился уже на покое в Задонском монастыре, однако он приехал в Воронеж и поспешил к одному из своих духовных чад, человеку, близкому к губернатору, и убедил его проявить милость к людям, вынужденным из-за нищеты и бесправия выступить против существовавших порядков. В день, когда смертный приговор должен был быть приведен в исполнение, на городской площади уже собрался народ, явились должностные лица, ответственные за исполнение приговора, неожиданно для присутствующих показался св. Тихон. Обвиненных подвели к виселицам, Святитель прочитал им наставление, благословил их. Затем, к удивлению всех, обвиненные были отпущены. Их брали на поруки наиболее авторитетные люди, проводившие жизнь в святости и добронравии[140].

Св. Тихон был известен не только как благотворитель и заступник, но и как миротворец. Когда он слышал о ссоре и вражде, то старался войти в частную жизнь членов своей паствы и примирить враждующих. Однажды Святитель узнал, что один помещик не простил обидчика, когда тот обратился к нему с просьбой о прощении перед своей смертью, и даже, желая отмщения, преследовал его сына. Склоняя к прощению обиды и примирению, святой Отец писал этому человеку: "Так Христос научает в Евангелии: аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших. Как молиться будете Богу: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, если

---

137 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 140.

138 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 40.

139 Там же, стр. 41.

140 А. Д. Фадеев. Указатель изданий, статей и заметок. — "Воронежская старина", № 11. Воронеж, 1912, стр. 262.

сами не оставляете? Брат наш такой же, как и ты. Он словом обесчестил нас, оскорбил, а мы – черви, земля, пепел, грязь смрадная, – Бога, Создателя своего, Господа великого и страшного, Которого сами силы небесные ужасаются и трепещут, на всяк день сколько раз прогневляем! Как же мы надеемся получить от Бога прощение, когда мы подобных себе не прощаем? Друг другу согрешаем, друг другу и прощать должно"...[141]

Такова деятельность св. Тихона на Воронежской кафедре. "Почти непонятно, – восклицает один из жизнеописателей Воронежского Святителя, – как у одного человека сил доставало для такой многообразной деятельности, принесшей столько благотворных действий для целого края! Только четыре года и семь месяцев правил святитель Тихон Воронежской епархией – и столько добра и пользы успел он сделать во всех отношениях и для всех"[142].

Некоторые исследователи, характеризуя отношения св. Тихона к своим пасомым, указывают на различие между его деятельностью во время управления епархией и деятельностью во время пребывания на покое. Так, по словам П. В. Никольского, Святитель, будучи в Воронеже, проводя там подвижническую жизнь, хорошо понимая цели пастырского служения, издавая многочисленные распоряжения, способствующие благу церковному, не был еще знатоком человеческого сердца: он являлся более обличителем недостатков, чем врачом духовных болезней. Свои рассуждения автор объясняет тем, что св. Тихону, постоянно занятому работами по управлению, не было времени близко подойти к сердцу пасомого, побеседовать с ним с глазу на глаз и понять все обстоятельства, приведшие к греху и преступлению. В частности, это было причиной того, что Архипастырь не был понят своими пасомыми и ему нередко выражали недовольство[143].

Подобного мнения придерживается и П. Кратиров. Он также говорит, что деятельность св. Тихона в разные периоды его служения, в Воронеже и Задонске, неодинакова по своему качеству. В своем труде "Св. Тихон Задонский как пастырь и пастыреучитель" он пишет: "Святитель, выражаясь образно, только расчищал тогда почву для посева и насаждал, не получая плода; второй период, более успешный, представлял из себя сплошную жатву"[144].

Чтобы сравнивать Задонский и Воронежский периоды деятельности св. Тихона, необходимо рассмотреть жизнь Святителя на покое. Задонский период еще не разбирался в данной работе, но считать, что, будучи правящим архиереем, святой Отец не понимал духовной жизни людей и действовал только приказаниями и наказаниями, неверно. Глубокий смысл и характер всех указов и распоряжений ревностного архипастыря, тонкое понимание им человеческих слабостей и обилие способов их врачевания говорят именно о знании Святителем человеческой души и человеческого сердца.

---

[141] Творения, т. I. Письмо № 1, стр. 240.
[142] Краткие жизнеописания русских святых, т. 2. Спб., 1875, стр. 62.
[143] П. В. Никольский. Цит. соч., стр. 103.
[144] П. Кратиров. Цит. соч., стр. 212.

Можно было бы говорить о качественном делении деятельности св. Тихона на кафедре и на покое, если бы Святитель приступил к управлению Воронежской епархией без личного духовного опыта, отсутствие которого потребовало бы некоторого времени для понимания закономерностей духовной жизни. Но Святитель еще в семинарии занимался вопросами спасения своей души и очищения ее от всего греховного и нечистого. А тот, кто сам внимательно трудится над устроением в своей душе Царствия Божия, легко разбирается в многообразии духовной жизни. Административная же работа в должности викарного епископа и преподавательская деятельность обогатили его опытом работы с людьми. Поэтому и в Воронежский период св. Тихон показал себя опытным любвеобильным архипастырем, знатоком человеческих душ.

Вполне возможно, что мнение вышеуказанных исследователей о несовершенстве деятельности святителя Тихона в Воронежский период основывалось на кажущейся бессистемности указов и предписаний святого Отца. В ответ на это можно привести слова одного из исследователей жизни Святителя свящ. Т. Попова. "Действующему на пожаре[145], – пишет он, – весьма трудно бывает думать об определенном методе и плане, а часто является и совершенно невозможно следовать раз и навсегда точно определенной системе работы: непредвиденная в каком-либо месте вспышка пламени способна разрушить все ранее намеченные планы, и простая случайность изменяет иногда все сделанные в теории предположения... Так и в архипастырской деятельности св. Тихона. Всякая вспышка пожарного пламени беззакония и каждая искра греха или преступления вызывала у св. Тихона как у нравоучителя то тот, то иной вид деятельности..."[146]

Можно, конечно, согласиться, что, неожиданно столкнувшись с массой нравственных недостатков, с "нравственным пожаром", св. Тихон был готов силой вводить то, что несомненно было правильно в своей основе и что в его глазах приобретало особую важность, потому что вело в Царство вечного спасения.

И еще одно положение, хорошо знакомое тем, кто сталкивается с духовным руководством или воспитательской работой. Любое наставление, каким бы оно сильным ни было, произнесенное перед большим числом людей, производит совершенно иное действие, чем если бы оно было сказано в беседе с одним человеком. За четыре года св. Тихон никак не мог побеседовать с каждым священнослужителем (одних церквей в его епархии насчитывалось около 800). Ему только и оставалось издавать указы, чтобы пресечь те или иные недостатки или грубые нарушения нравственных законов. Все они не прошли бесследно, но чтобы увидеть плоды такой деятельности, необходимо время.

Из всего сказанного следует, что качественного различия между деятельностью св. Тихона в Воронежский и Задонский периоды делать нельзя.

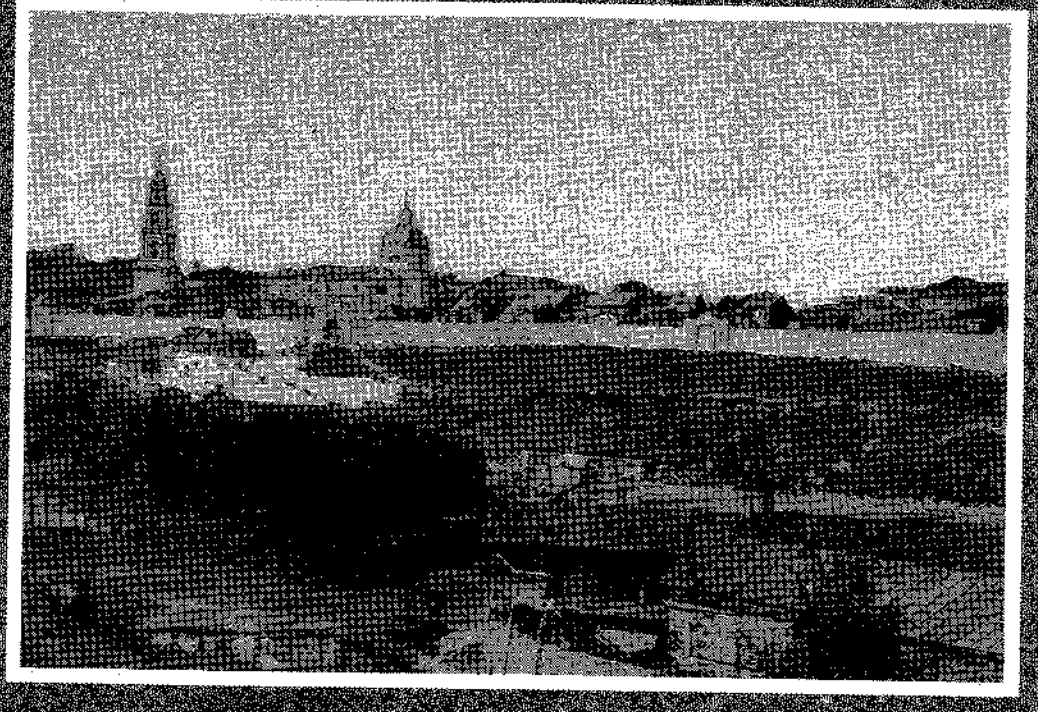
---

[145] Ранее (стр. 69) говорилось, что общая картина морального состояния воронежской паствы представлялась взору св. Тихона в образе "большого пожара".

[146] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 109.

Le port de Lorient

Le Fort-Bloqué et l'entrée du port de Lorient
Le Fort-Bloqué et l'entrée du port de Lorient
Le Fort-Bloqué et l'entrée du port de Lorient

Постоянные труды и заботы, от которых Святитель никогда не был свободен, сильно расстроили его здоровье и способствовали развитию нервных болезней, которые беспокоили его еще с детства. Бессонница и частые приливы крови к голове не давали ему возможности не только служить литургию, но и вообще исполнять обязанности по управлению епархией[147].

Святитель все более чувствовал, как он сам говорил, тяжесть епископского омофора[148]. Видя постоянное несоответствие между действительностью и требованиями идеала, постоянно сталкиваясь по долгу и званию с несоответствиями и противоречиями, святой Отец испытывал бесконечные неприятности и затруднения при всех своих благих начинаниях по искоренению этого зла. В прошении об увольнении на покой дела епархиального управления он называет "несносными".

Третья и основная причина стремления св. Тихона на покой – жажда уединения. Он был склонен к уединению с самых юных лет, но остро ощутил он это желание во время преподавательской деятельности в Новгороде, когда ему было видение небесного света. Позже, уже будучи ректором в Твери, св. Тихон также не расставался с мыслью об уединении.

---

147 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 71.

148 Записки Чеботарева, стр. 18; Записки И. Ефимова, стр. 25.

ГЛАВА IV

Святитель Тихон на покое

1. ОСТАВЛЕНИЕ КАФЕДРЫ И ПЕРЕХОД В МОНАСТЫРЬ

Болезнь и жажда уединения побудили Святителя еще в первый год своего служения в Воронеже писать прошение в Св. Синод об увольнении на покой. В 1766 году, 16 марта, Святитель подал в Св. Синод второе прошение, в котором писал: "И доныне в той болезни нахожусь и уже в крайнюю пришел слабость, так что по своей должности и отправлять дел, которых по здешней епархии много и трудные, и мне по немощи моей несносные, и служить не могу", – почему и просил уволить его на покой, а если это не будет разрешено, то "дозволить ему жить в Задонском монастыре впредь до излечения"[1]. На эту вторую просьбу ответа никакого не было. Между тем здоровье св. Тихона настолько ухудшилось, что весной 1767 года он не надеялся выздороветь и готовился к смерти. Желая проститься со своим другом, иеросхимонахом Митрофаном, он писал к нему: "Я в Троицком живу. Приезжай ко мне немедленно, чтобы повидаться, пока с миром этим не распрощаюсь, понеже крайне слаб"[2].

23 августа 1767 года св. Тихон решился послать прошение об увольнении на покой непосредственно на имя императрицы, прося вместе с тем разрешения жить в каком-либо монастыре Воронежской епархии и назначения пособия на жизнь[3]. Эта просьба была удовлетворена, и указом Св. Синода от 15 октября св. Тихон был уволен от управления епархией с правом жить в любом монастыре Воронежской епархии. Ему также была определена пенсия: 500 рублей в год. 3 января 1768 года св. Тихон получил указ из Синода, а 8-го сдал уже все дела и вещи архиерейского дома[4].

Итак, пробыв на кафедре 4 года и 7 месяцев, Святитель обрел дав- но желаемую возможность трудиться сугубо над спасением своей души. Любя уединение и безмолвие, он хотел бы скрыться от людей и в безвестности совершать свои подвиги, но этому мешал его епископский сан. Живя впоследствии на покое в Задонске, он неоднократно говорил об этом. "Если бы можно было, я бы сей сан с себя сложил, и не токмо сан, но и клобук и рясу снял с себя и сказал бы о себе, что я простой

---

[1] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 44, № 394, л. 5 (см. также: Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 72).

[2] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 72.

[3] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 44, № 394, л. 7–7 об.

[4] Там же, л. 28–28 об. См. также: Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 72. В этот же день был назначен преемник. Им был Тихон II (Якубовский; викарный епископ Московский).

мужик, и пошел бы в самый пустынный монастырь... Но та беда, что у нас в России сего сделать не можно"[5]. По этой причине Святитель сожалел, что не может уподобиться греческим епископам, которые, оставляя свои епархии, могут удаляться на св. гору Афон для подвига безмолвия, в безызвестность. "Там де, – говорил он, – многие наши братья, епископы, оставя епархии, живут по монастырям в уединении"[6].

С увольнением от управления епархией для св. Тихона представилась возможность осуществить свое горячее желание уединенной жизни. Первоначальным местом своего уединения Святитель избрал самый глухой монастырь Воронежской епархии – Спасо-Преображенский Толшевский. Этот монастырь был расположен в 40 верстах от г. Воронежа на берегу реки Усмани, в глубине дремучего леса (почему и получил свое название Толшевский, т. е. находящийся в толще леса). Братия монастыря происходила исключительно из крестьян, и богомольцев приходило очень мало. Святителю Тихону нравился этот монастырь: "Вот здесь, – говорил он, – на монастырь походит, самая монашеская и уединенная здесь жизнь"[7]. Здесь он и собирался жить до конца своей жизни.

В Толшевском монастыре он был спокоен. Каждый день он ходил в церковь, пел и читал на клиросе, ходил на трапезу с монахами, чего не мог делать в Задонском монастыре. Ночью выходил молиться к храму и перед дверями совершал коленопреклонные молитвы, часто проливая слезы[8].

Святитель надеялся, что пребывание в тишине и покое, природа и работа на свежем воздухе благотворно скажутся на его здоровье и он получит облегчение. Но место, где раскинулся монастырь, было выбрано неудачно, здешняя природа не благоприятствовала здоровью св. Тихона, потому что монастырь находился в низине и был окружен болотами. Сырой воздух, наполненный вредными испарениями, плохо сказывался на его здоровье. Весной и летом, когда св. Тихон много трудился физически, его здоровье улучшилось, но осенью оно расстроилось еще более[9]. Это было одной из причин, побудивших Святителя переменить место покоя.

Во главе Толшевского монастыря стоял игумен Серафим, известный своим самоуправством и грубостью. Это тот игумен, о котором говорилось, что он отказывался выполнять распоряжения консистории и ни в чем не хотел поступиться своей самостоятельностью. Он сам сознавал, что ведет себя грубо по отношению к своему правящему архиерею. К братии монастыря он относился тоже очень строго, а к провинившимся применял телесное наказание. Как говорит один из исследователей жизни и деятельности св. Тихона, игумен "был сторонником телесных наказаний "шелепами в нос и по щокам"[10]. Ко всему этому игумен Серафим был заражен расколом и явно выражал свое не-

---

5 Записки Чеботарева, стр. 11.
6 Там же, стр. 11.
7 Там же, стр. 9.
8 Там же, стр. 10.
9 Там же, стр. 9.
10 П. В. Никольский. Монашество на Дону. – "Воронежская старина", вып. VII. Воронеж, 1908, стр. 120.

довольство усилиями Святителя обратить его на путь истины. В конце жизни он полностью перешел к старообрядцам[11]. Вот почему, несмотря на свою любовь к этой обители, св. Тихон решился оставить ее. Еще год колебался он относительно перемены места жительства, но видя, что отношения с настоятелем остаются натянутыми и грозят обострением, Святитель, наконец, переехал.

Новым местом пребывания Архипастыря-подвижника стал Задонский Богородицкий монастырь, расположенный в 90 верстах от Воронежа около реки Дон[12]. Местность, где стояла обитель, была возвышенная, и воздух был здесь сухим и чистым; под горой селение Тещевки, в котором иногда устраивались ярмарки (впоследствии, в 1779 году, оно было переименовано в город Задонск), так что этот монастырь не был таким уединенным, как Толшевский; однако все остальные условия способствовали улучшению здоровья святителя Тихона.

Великим постом 1769 года св. Отец переехал в Задонский монастырь, где и прожил около пятнадцати лет до конца своей жизни. По прибытии он занял небольшой каменный домик, состоящий из трех комнат (приемной, кабинета-спальни, комнаты для келейников), прихожей и кухни, пристроенной с западной стороны. Святительские кельи примыкали к колокольне и находились у самого выхода из монастыря[13].

Чистый воздух, физический труд в монастырском саду и отдых от нервных перегрузок значительно укрепили здоровье св. Тихона. Но по мере облегчения немощей телесных его деятельная душа стала тяготиться покоем и бездействием. Он скорбел, что мало потрудился для Церкви, и желал снова принять на себя бремя пастырского служения, под которым, как ему казалось, он ослабел слишком рано и оставил много добрых намерений неисполненными. Он снова почувствовал в себе потребность и готовность к трудам, к которым привык и которые всегда исполнял с особой ревностью. Это тяжелое состояние души Святителя прекрасно описывает митрополит Евгений (Болховитинов), автор первого жизнеописания св. Тихона. "Мужам деятельным, — пишет он, — привыкшим к должностям и чувствующим еще в себе силы к оным, нет ничего тягостнее удаления от обыкновенных своих занятий. Они больше всех тогда чувствуют как бы потерю своего существования, пустоту времени и будто бы бесполезность свою, по крайней мере в первые годы своей свободы. Уединение и досуг, которых они искали сами при делах, становятся им обременительнее самих дел, и мрачная скука одолевает их. Все это в

---

[11] П. В. Никольский. Монашество на Дону. — "Воронежская старина", вып. VII. Воронеж, 1905, стр. 122.

[12] Богородицкий Тешевский (Задонский с 1779 г.) монастырь впервые упоминается в архивных документах в 1615 году. По содержанию данных документов (Писцовые книги по г. Ельцу) можно предполагать, что монастырь основан незадолго до указанной даты, т. е. в начале XVII столетия старцами Кириллом и Герасимом (Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII и в первые годы XVIII в. — "Воронежская старина", вып. V. Воронеж, 1905, стр. 383—384).

[13] Дом, где жил св. Тихон, в 1830 г. вместе с колокольней был разобран, и на этом месте был построен храм. Недалеко поставлен памятник, огороженный решеткой, на котором сделана надпись: "Сей памятник показывает место кельи в богоугодном пребывании Преосвященного Епископа Тихона I-го" (Житие, стр. 61).

первый год пребывания своего в Задонском монастыре испытал на себе и Преосвященный Тихон"[14]. Смущала Святителя еще и та мысль, что будто бы он даром, незаслуженно получает пенсию.

В своем желании возвратиться на кафедру Святитель признавался многим, кто приезжал к нему, и даже писал об этом в Св. Синод архиепископу Гавриилу. Высокопреосвященный Гавриил, занимая высокое положение в церковном управлении (архиепископ С.-Петербургский и первый член Св. Синода), вместе с тем был сторонником созерцательного монашества. Очень многие монастыри в России (особенно древние обители) именно благодаря ему духовно возродились, т. к. во главе этих монастырей он ставил опытных в духовной жизни старцев, в основном учеников и последователей молдавского старца архимандрита Паисия (Величковского). Хорошо зная духовную настроенность и опытность св. Тихона, архиепископ Гавриил хотел с его помощью поднять на высоту Иверский монастырь на Валдае и поэтому предложил ему управление этой обителью. Святитель хотел воспользоваться этим предложением и уже написал прошение, но не решался подать его. Такое неопределенное состояние порождало беспокойство и скуку. По целым дням св. Тихон сидел, затворившись в своей келье и не выходил из нее. Только слышны были его быстрые шаги по комнате и молитвенный голос, обращенный к небу[15]. Он ждал указания Промысла Божия и получил его через слова простого, но уважаемого старца Аарона. Этот старец строго сказал келейнику св. Тихона: "Матерь Божия не велит ему (Тихону) выезжать". "Ну, так я и не поеду отсюда", – решил Преосвященный и порвал прошение[16].

Так решился вопрос об отъезде, но не скоро обрел св. Отшельник спокойствие. Он все еще не знал, на что употребить свои силы, чему, какому делу посвятить свое свободное время, которое прежде было отдано служению Церкви. И в таком неопределенном положении св. Тихон провел целый год. Все это время он боролся со своими помыслами, однако закончилась эта борьба довольно неожиданно. Как свидетельствует келейник св. Тихона Иоанн Ефимов, "по прошествии года, однажды, лежа на диване, Святитель стал вдумываться в свое положение и в свои мысли и так строго и решительно начал обдумывать их, что весь был облит чрезмерным потом. Потом он вдруг встал с дивана и громко воскликнул: "Господи! Хоть умру, но не пойду!" От этого часа уже не так стали беспокоить его такие мысли, а другой год, находясь там, проводил в спокойствии духа и в ...веселии сердца, потому что был напоен духовной радостью"[17].

Какой же образ жизни избрал для себя св. Тихон, что так смог успокоить свою мятущуюся душу? Конкретных высказываний Святителя или окружающих его людей об этом нет, но вся последующая жизнь св. Тихона свидетельствует: он решился остаться в монастыре, чтобы трудиться над спасением душ, обращающихся к нему за советом, посвятить себя делам духовной и телесной милости. Таким образом, Святитель ре-

---

[14] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 47.
[15] Записки И. Ефимова, стр. 39.
[16] Записки Чеботарева, стр. 17.
[17] Записки И. Ефимова, стр. 39.

шился продолжать свое служение, только в новой форме, соответственно своему новому положению, и подвиги уединения соединять с подвигами служения ближним. Его дух, горевший благочестием, ум, обогащенный духовными сведениями, и сердце, одушевленное стремлением приносить пользу ближним, тягой ко всему доброму, давали ему возможность исполнить желание. После строгого уединения он стал чаще выходить к людям и сделался снисходительнее ко всем окружающим. С этого времени у Святителя уже не возникали колебания, сомнения, нерешительность. Он соединил свой подвижнический путь со смиренным и жертвенным служением ближним. Это вполне удовлетворяло его духовные запросы, он нашел для себя успокоение и начал с ревностью свое благодатное служение, прилагая труды к трудам на пути, ведущем к спасению.

2. ПОВСЕДНЕВНЫЕ ТРУДЫ

Отличительными свойствами святителя Тихона были нестяжательность, простота в образе жизни и крайняя умеренность. Он имел при себе только самое необходимое. Привезенные с собой в монастырь из архиерейского дома шелковое платье, теплые и холодные подрясники и рясы на теплом меху и прочее, приличное архиерейскому сану одеяние, перину с подушками, одеяла хорошие, карманные серебряные часы и подобное он продал и вырученные деньги раздал бедным[18]. У себя же оставил самые простые и необходимые вещи: немного оловянной и деревянной посуды, два медных чайника для воды и чая, две пары чашек, два стеклянных стакана, медный таз, стенные часы с кукушкой, немного холщовых полотенец и белых носовых платков, необходимое белье, несколько фуфаек из байки да три рясы, старых и поношенных[19]. Другой келейник свидетельствует, что постелью ему служил коврик, а одеялом – овчинная шуба. Святитель любил ходить в лаптях, но, идя в храм или принимая гостей, одевал коты. Четки у него были простые ременные. В силу того, что у св. Тихона не было лишних вещей, то и не было необходимости иметь сундук или другое какое-либо хранилище. Имелся только ветхий кожаный саквояж, который он неизменно брал с собой, куда бы ни ехал, и клал в него книги и гребень. Примером тому, как Святитель боролся с привязанностью к временным и тленным вещам, служит его отношение к новой рясе, подаренной ему епископом Тихоном III, вторым преемником св. Тихона на Воронежской кафедре, глубоко любившим и почитавшим его как друга. Св. Подвижник долго отказывался от этой новой вещи и взял ее только после убедительной просьбы. Когда, приходя из храма, он отдавал рясу своему келейнику, а тот начинал ее осторожно укладывать, то Святитель вырывал ее из рук, бросал на пол и говорил: "Это бредня, братец". Так желал он отвлечь свою мысль от роскошной для монаха одежды[20].

Была простой и обстановка его кельи: аналойчик, стол, диван, несколько кресел и два старых ковра. "В келье его, – говорит келейник, –

---

[18] Записки И. Ефимова, стр. 38–39.
[19] Там же, стр. 38.
[20] Записки Чеботарева, стр. 11.

никакого убранства и украшения не было, кроме святых картин с изображением страстей Спасителя, но все соответствовало его смиренномудрию и нестяжательности"[21]. Кроме того, у постели св. Тихона в ногах была прибита картина, на которой изображался седовласый старец в черном одеянии, лежащий в гробу. Этим изображением св. Отец напоминал себе о неизбежной смерти[22].

Так же прост св. Тихон был в общении с людьми. Он не любил, чтобы ему в чем-либо прислуживали и старался все делать сам. "Никто из келейников не одевал его, не раздевал, не обувал и не разувал, — пишет И. Ефимов, — но от сущего смиренномудрия он все то сам делал; только когда уже его силы истощились, я усердно упрашивал его, чтобы благоволил все то выполнять мне для его спокойствия, — и то едва упросишь. Все говорит, бывало: "Я еще сам в силах"[23].

Повседневная жизнь Святителя проходила строго по определенному плану: утром он всегда ходил в церковь, затем занимался составлением душеспасительных статей и наставлений, или просто богомыслием; перед обедом принимал посетителей. Во время обеда келейник всегда читал вслух Священное Писание. Особенно св. Отец любил книгу пророка Исаии. Иногда, вникнув в читаемое, он умилялся и, отложив трапезу, плакал. По словам келейников, почти каждый день, садясь за стол, св. Отец с неподдельной скорбью вспоминал тех, у кого не было ничего: "Слава Богу! Вот какая хорошая у меня пища, а собратия моя: иной, бедный, в темнице сидит, иной без соли ест; горе мне окаянному!"[24] После обеда Святитель обычно около часа отдыхал, затем прочитывал жития и творения св. отцов, преимущественно св. Иоанна Златоуста. После вечернего богослужения снова просил келейника почитать Священное Писание, чаще из Нового Завета. Иногда св. Тихон спрашивал читающего, как он понимает то или иное место из Свящ. Писания, и сам объяснял его. В летнее время св. Подвижник после дневного отдыха совершал краткую прогулку по монастырскому саду или же за монастырем. На такие прогулки, да и вообще во все путешествия, он брал с собой Псалтирь малого формата, содержание которого обильно напояло его душу благодатным умилением и возбуждало в нем ревность к дальнейшим богоугодным подвигам.

Обычный порядок дневных занятий св. Тихона разнообразился еще делами милосердия и физическим трудом. В свободное от чтения время он ухаживал за деревьями в саду или копал грядки. Иногда сам рубил себе дрова; прикажет келейнику: "Наточи топор хорошенько и рукавицы свои принеси, я дров нарублю на печку свою, авось поразобью кровь свою, может быть, и поздоровее буду"[25]. "Однажды, — вспоминает Чеботарев, — прохаживался он за монастырем и, пришедши в келью, сказал мне: "Я нашел в лесу лежащую колоду, из которой дров воза два или более будет. Возьми топор, пойдем и раздробим ее, а то мы, братец, дрова-то покупаем". Мы пошли в лес и начали колоть. Он же разделся и

---

[21] Записки Чеботарева, стр. 11.
[22] Там же, стр. 13.
[23] Записки И. Ефимова, стр. 41.
[24] Записки Чеботарева, стр. 8.
[25] Там же, стр. 10.

колол в одной рубашке, и говорит мне: "Так я умаялся, даже пить захотел. Сходи, пожалуй, в монастырь, принеси квасу"[26].

Иногда Святитель брал косу и косил траву для своего "старика" (так он называл старую лошадь, которую подарил ему один из его почитателей)[27]. Св. Тихон никогда не был в праздности и ничем так не огорчался, как если заставал своих келейных без дела. Тогда он наказывал их, заставляя стоять на коленях с молитвой к Богу. Он часто говорил: "Кто в праздности живет, непрестанно грешит", — и указывал при этом на всеведущего и вездесущего Бога, Который видит наши действия и перед Которым мы всегда со страхом и благоговением должны ходить[28].

3. ВНУТРЕННИЙ ПОДВИГ И ДУХОВНЫЕ ДАРОВАНИЯ

Уже само стремление св. Тихона удалиться на покой было выражением не только слабости здоровья, но и жаждой уединения и духовных подвигов. Успокоившись после некоторых временных искушений, Святитель всего себя и все силы своей души устремил к Спасителю и старался ни о чем более не беспокоиться, кроме как о спасении своей души и о спасении ближних.

Более всего замечательно в св. Подвижнике его молитвенное предстояние пред Богом, в котором он имел обычай проводить целые ночи. В это самое удобное для молитвы время он совершал множество поклонов, громко взывая: "Господи, помилуй! Господи, пощади! ...Кормилец, помилуй!.." Сам же головой ударялся об пол. В самую полночь выходил в переднюю келью, пел тихо и умиленно псалмы святые. Все это происходило от великого внутреннего жара и любви к Богу. Замечательно, что, когда св. Отец бывал в мрачных мыслях, он пел псалом "Благо мне, яко смирил мя еси...". А когда в "ведренных" мыслях (т. е. когда на душе у Святителя было легко, светло и спокойно) — псалом "Хвалите Господа с небес" и другие утешительные псалмы, всегда с умиленными слезами и сердечным воздыханием[29].

Так как Святитель следил, чтобы ум его не был праздным, занятым пустыми помыслами и мечтаниями, но был погружен в молитву или благочестивые размышления, то он постоянно взывал к Богу, занимался чтением Священного Писания, что способствовало запоминанию прочитанного наизусть.

В своих молитвах св. Тихон обращался к Господу с различными прошениями о своих нуждах и нуждах ближних, и это сыновнее дерзновение не оставалось без ответа. Бог всегда слышал Своего угодника и удовлетворял его желания. Так, однажды св. Отец молил Господа открыть день его кончины, и Господь в видении сказал: "В день недельный будет кончина твоя"[30]. Матерь Божию Святитель просил о том, чтобы один из его друзей не отлучался бы от него в момент смерти. В сонном видении от Самой Божией Матери он получил уверение, что будет так, как он про-

---

[26] Записки Чеботарева, стр. 10.
[27] Там же, стр. 12.
[28] Творения, т. V, стр. 152.
[29] Записки Чеботарева, стр. 8.
[30] Записки И. Ефимова, стр. 19.

сит[31]. В другой раз, также в сонном видении, он увидел Богоматерь, сидящую на облаках, и святых апостолов Петра и Павла, стоящих с Ней рядом. Упав перед ними на колени, Святитель просил о продолжении всему миру милостей Божиих и услышал голос апостола Павла: "Егда рекут мир и утверждение, тогда нападет на них внезапу всегубительство"[32]. Кроме того, в некоторых видениях Святителю предсказывалась его будущая небесная слава. Однажды представилось ему, что якобы он находится в церкви. Здесь он увидел двух Святителей, один из них был в патриаршем облачении. Из алтаря вышел архидиакон с хрустальным кадилом и вначале покадил архиепископа, затем патриарха, а после и Тихона. Придя в себя, святитель Тихон вспомнил, что это был день памяти патриарха Германа и архиепископа Епифания[33].

Молитва св. Тихона оказывала нередко и чудодейственную силу. Один из прислуживающих Святителю, с любовью и преданностью относящийся к нему, сильно простудился и так заболел, что уже готовился к смерти. Желая проститься со Святителем и получить от него благословение, больной просил отвести его к нему. Получив благословение, он сказал св. Тихону: "Владыка святый! Хотя я совсем умираю, но если мои слабые и недостойные услуги для вас потребны и моей душе спасительны, то верую, что Господь Бог услышит ваши молитвы и возвратит мне здравие". На это Святитель со слезами ответил: "Иди, и Бог тебя помилует". И действительно, по молитвам Святителя больной в скором времени без всяких лекарств выздоровел. Заканчивая этот рассказ, келейник И. Ефимов пишет: "Великую и живую он имел в себе веру, и Господь Бог во многих случаях его слушал"[34].

Духовную поддержку в своих подвигах Святитель находил в молитве церковной. Проведя ночь в молитве и подкрепив себя кратковременным сном, св. Подвижник утром снова спешил к началу церковного богослужения, где со страхом Божиим и благоговением вникал в каждое слово, черпая благодатные силы, возводящие его душу в горние обители Отца Небесного. На ранней литургии в простые дни, когда народу было немного, он становился на клирос, сам читал и пел с благоговением. Нередко слезы прерывали его пение. Он часто говорил, призывая других к благоговейному служению: "Пойте Богу нашему, пойте разумно"[35].

Особенно благоговейно относился Святитель к Божественной литургии, во время которой он настолько одухотворялся и возносился умом в высшие сферы Божественной жизни, что даже не замечал усталости, хотя здоровье его день ото дня становилось все хуже. Даже впоследствии, когда постоянные болезни совсем изнурили его тело, он, несмотря на свое крайнее изнеможение, старался не пропускать Божественной литургии. Святитель, стоя с умиленным видом и благоговейным чувством, с восторгом внимал святейшему и душеспасительнейшему таинству, сокрытому под покровом христианской веры в святейшей Евхаристии. Вспоминая, с каким благоговейным страхом стоял св. Тихон на литургии,

---

31 Записки И. Ефимова, стр. 23.
32 Там же.
33 Житие, стр. 80.
34 Записки И. Ефимова, стр. 44.
35 Там же, стр. 27.

келейник пишет: "Во время слушания Божественной литургии он иногда столь углублялся в размышления о любви Божией к роду человеческому и о искуплении его непостижимым таинством воплощения Христа Сына Божия, о страдании Его и о таинстве Евхаристии, что иногда при многолюдном собрании плакал, рыдал даже"[36].

В первые годы своего пребывания на покое св. Тихон в праздничные и особо торжественные дни выходил на молебен, облачаясь в мантию с омофором, а в первый день Пасхи и Рождества Христова служил утреню. Не совершая литургии, Святитель, однако, еженедельно причащался Св. Христовых Тайн, облачаясь при этом также в мантию с омофором и стоя на орлеце. Но когда в алтаре не было мантии или же некому было подать ее, то тогда св. Тихон причащался в священнических ризах[37].

Встает вопрос: почему же св. Тихон со времени своего удаления на покой никогда не служил литургии? Прежде всего нужно сказать, что это было личное решение Святителя. В записках келейников сказано, что св. Отец "священнодействовать не разрешал себе во все свое, по посвящении себя уединению, пребывание"[38]. Это было вызвано состоянием здоровья св. Тихона. В своем прошении об увольнении Святитель сам писал: "Почасту и в служении обморок находит... болезнь в голове чувствую... чего для... и литургии служить не в состоянии"[39]. Немаловажную роль в решении этого вопроса играло и глубокое смирение Святителя-отшельника, который считал служение Божественной литургии слишком торжественным для епископа, оставившего свою кафедру. Может быть, Святителя удерживало еще и то, что его преемник Тихон II был не расположен к Святому и оставался с ним холоден во все время управления Воронежской епархией. Как видно, он не посещал своего собрата, находившегося в Задонске, и даже делал запрос в Св. Синод о разрешении ему совершать богослужения[40]. Св. Синод нашел неуместным подымать вопрос об этом, "так как Тихон уволен был от должности по собственному желанию, и приказал снабдить Святителя необходимой для служения ризницей. Но довольно было одного подобного вопроса, чтобы навсегда удержать Тихона от священнодействия в епархии, уже ему чуждой, чтобы тем не возбуждать недовольствия ее нового предстоятеля"[41].

Некоторые полагали, что Святителю было воспрещено служить вследствие неблагосклонности к нему правительства из-за его якобы протеста против отнятия крестьян у монастырей. Но с этим мнением нельзя согласиться по той причине, что указ о запрещении работать крестьянам на монастырских землях вышел еще тогда, когда Святитель только второй год управлял Воронежской епархией (1764 г.) (всего он был на кафедре 4 года и 7 месяцев). Значит, после указа прошло еще 3 года, прежде чем Святитель ушел на покой. Из этого можно сделать

---

[36] Записки И. Ефимова, стр. 36.

[37] Митр. Евгений (Болховитинов), стр. 53 (срав.: Записки И. Ефимова, стр. 27, 31).

[38] Записки И. Ефимова, стр. 27.

[39] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 149.

[40] ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 44, № 394, л. 160.

[41] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 48.

вывод, что св. Отец покинул свой пост не по принуждению со стороны кого бы то ни было, но по собственному желанию[42].

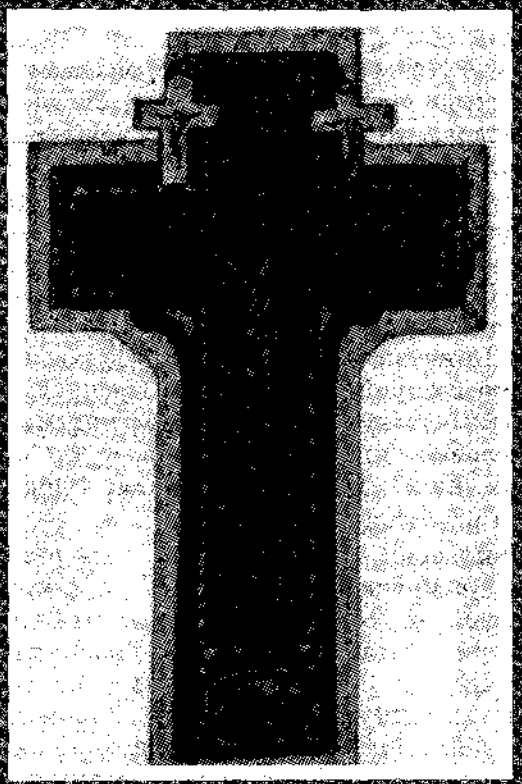
Говоря о внутреннем духовном подвиге св. Тихона, необходимо сказать о том, какое значение он придавал богомыслию. "Истинная молитва, — говорил он, — от размышления бывает"[43]. Так учил Святитель, так поступал и сам. Он приобрел своей святой жизнью большой духовный опыт. Еще будучи в семинарии, он удалялся от людей, чтобы в уединении предаться молитве и благоговейному размышлению о Творце и Его творении. Молитва Святителя всегда сопровождалась богомысленными размышлениями и нередко переходила в созерцание. Весьма примечательно, что он занимался богомыслием не какое-то определенное время, оно сопутствовало ему всегда и проникало во все его занятия, стоял ли он в церкви, читал ли или слушал Священное Писание, прогуливался или отправлялся в путешествие. Таким образом, богомыслие являлось основанием внутреннего совершенствования Святителя.

Чаще всего св. Подвижник размышлял о вечной участи праведников и грешников и приходил в такое сокрушение, что был слышен плач его, "как плач друга по лишении умершего своего друга"[44]. Постоянным предметом размышлений Задонского Подвижника были христианские догматы о непостижимом величии и всемогуществе Божием, о Его всеведении, вездесущии и благости, о Его благом попечении и промышлении о человеке, об искуплении его Кровью Сына Божия, о человеческой природе, о Таинствах и т. д. Сочинения св. Тихона, особенно его труд "Сокровище духовное, от мира собираемое", прекрасно отражают те мысли и чувства, которые постоянно занимали его ум, показывают, как он размышлял, какие сердечные движения возбуждались ими и наполняли его душу. После размышлений Святитель приходил в чувство благоговения и страха и повергался пред Богом в трепете и смирении или же чувствовал глубокую "печаль по Бозе" и уязвлялся ею, как стрелою. А когда вспоминал о своих грехах или о том, что оскорбил Бога, то начинал восклицать: "Како бо не могу трепетать Того и смиряться пред Тем, у Которого в руце вси концы земли и я? И смерть, и живот мои в руце его! Боже преблагий и милосердный! Пощади меня, бедного грешника!"[45] Размышления о вездесущии и всеведении Божием особенно заставляли Святителя бояться Бога, трепетать перед Ним, "со страхом и опасением жить и обращаться, делать, говорить, мыслить и начинать так, как дети пред отцем своим, рабы пред господином своим, подданные пред царем своим ходят и обращаются, яко все пред Тобою совершается и все пред всевидящим Твоим оком явно и откровенно есть"[46]. Все это побуждало св. Отца удаляться от греховной скверны и воздавать должную благодарность своему Творцу и Промыслителю.

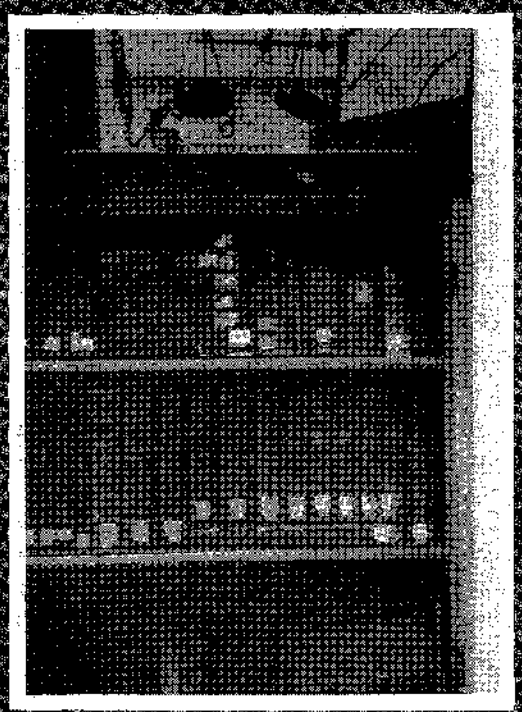
Размышления о страданиях Спасителя приводили св. Тихона в состояние глубокого сокрушения и умиления, и в такие минуты Господь нередко удостаивал его дивных видений. Однажды, вспоминает один из келейников, во время работы над сочинением "Об истинном христианст-

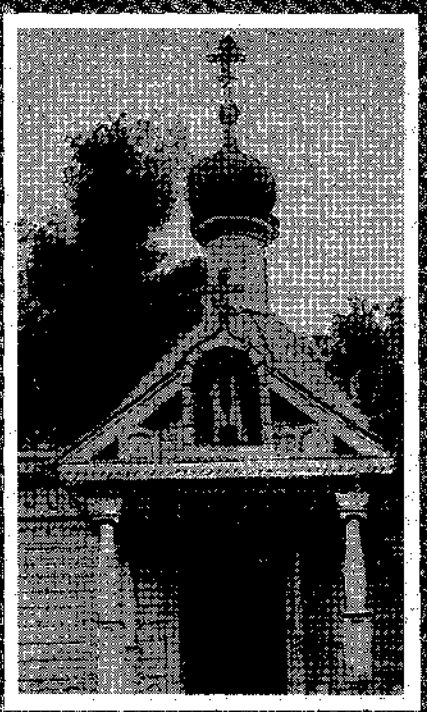
---

[42] Прот. А. Лебедев, стр. 80.
[43] Творения, т. II, стр. 327—328.
[44] Записки И. Ефимова, стр. 26.
[45] Творения, т. IV, стр. 226.
[46] Там же, стр. 229.

ве", когда ум Святителя погрузился в тайны спасения, когда св. Отец, сидя на кровати, против которой висело изображение на кресте Спасителя, размышлял о страданиях Его, он до того углубился в это созерцание, что, будучи как бы вне себя, увидел, что с картины, как с Голгофы, идет к нему Христос Спаситель, весь израненный, измученный и окровавленный. Восхищенный таким видением, полный глубокой скорби и печали, а вместе и благоговейного трепета, Тихон бросился на пол, распростерся пред картиной, как у ног Спасителя, и громко воззвал: "И Ты ли, Спасителю мой, ко мне идеши?" Придя в себя, Святитель увидел, что лежит на полу[47]. Он встал и снова принялся за свое дело.

При размышлении о таинстве св. Причащения Святитель представлял страдания Христовы, благость Его, по которой Он дает Свое Пречистое Тело в снедь верным и вступает в самую тесную связь с причастниками. "Вот почему сам Святитель, – по словам того же келейника, – к Св. Тайнам приступал не только с плачем, но и с великим рыданием, а после уже целые те сутки весьма весел и радостен бывал"[48].

Более всего Задонский Подвижник любил предаваться духовным размышлениям и созерцаниям во время уединенных прогулок. Тогда ничто не ускользало от его взора, все обращало на себя внимание, наводило на размышление о Боге, о тварности мира, о мудрости и любвеобильности Творца. "Так, солнце напоминает Святителю Солнце праведное – Христа, просветившего пришествием Своим вселенную, покрытую глубокой тьмой. При виде неба, усеянного звездами, при виде земли, наполненной премудро созданными тварями, Святитель невольно приходил к размышлению о всемогуществе, премудрости и благости Творца и Бога нашего..."[49] Все это порождало святые чувства благодарности, надежды, терпения, любви. Но иногда Святитель так углублялся в размышления и приходил в такое состояние, что не замечал ни времени, ни окружающих. Из воспоминаний келейников известно, что когда св. Отец уединялся, то приказывал им, чтобы, в случае необходимости, они давали знать о своем присутствии, например, покашливали. Однажды один из келейников, подходя к Святителю, стоявшему на коленях лицом к востоку и поднявшему руки к небу, несколько раз покашлял, но тот ничего не услышал. Келейник вынужден был подойти ближе и сказать: "Ваше Преосвященство!" Св. Тихон вздрогнул и так испугался, что пот выступил на его лице. "Я тебе говорил, чтобы ты покашлял", – сказал он келейнику. "Я так и делал", – отвечал тот. "Ну, я не слыхал", – последовал ответ[50].

Сохранилось несколько воспоминаний Никандра Бехтеева, ученика и друга св. Тихона. В одном из них повествуется о той глубине богомысленного созерцания, какой достигал Святитель в своем молитвенном подвиге. В тот момент, когда душа Святителя озарялась Божественным светом, он, забывая обо всем земном и даже о присутствующих, падал на колена, прижимая руки к сердцу и возводя очи к небу, и умолял своего Создателя о помиловании. В это время лицо богопросвещенного мужа

---

47 Записки И. Ефимова, стр. 24.
48 Там же, стр. 31.
49 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 55.
50 Записки Чеботарева, стр. 8.

сияло, и в его душе водворялась такая радость, с которой невозможно сравнить никакое земное счастье. Более того, это благодатное состояние нельзя описать человеческим языком. Находясь в духовном восторге, Святитель не замыкался сам в себе, но спешил поделиться своей радостью с другими, преследуя единственную цель — излить и на них полноту духовного утешения[51].

Во время одного из своих приездов из Задонского монастыря в Толшевский св. Тихон, обходя в полночь церковь, стал перед алтарем на колени и в пламенной молитве просил Господа, чтобы Он показал ему уготованное для верующих блаженство. И Господь не замедлил исполнить просьбу Своего угодника. Св. Тихон увидел, что небо как бы отверзлось и воссиял свет, озаривший весь монастырь, и слышен был голос: "Виждь уготованное любящим Бога". Святитель пал на землю и, когда видение кончилось, от страха и благодатного трепета, едва мог доползти до кельи"[52].

В таком благодатном состоянии св. Тихон находился, по его собственным словам, неоднократно. "Поверь, любезне, — пишет он одному своему приятелю, — истину тебе говорю: сколько раз живой верой будем рассуждать о сем великом деле, столько раз в удивлении и некоем исступлении будем находиться... Рассуждай сие почаще и всегда будешь в удивлении и благодарении сердечном"[53].

Вполне понятно, что при такой постоянной богомысленной настроенности св. Тихон замечал любое греховное движение своей души. И если даже суетные помыслы, т. е. безмерная забота о теле или же о пище и т. д., считаются недопустимым явлением в жизни подвижника, то что же говорить о греховных, порочных желаниях, которые не только оскверняют душу, но и умерщвляют в ней все святое и богоугодное, делают ее пред лицом Божиим греховной и мерзкой. Вот почему св. Тихон так ненавидел грех, всячески избегал его и внимательно следил за всеми своими мыслями, словами, делами, поступками, намерениями и желаниями. "Он даже самые благие свои мысли рассматривал так тонко, как могут быть видимы на руках черты и линии", — говорили о нем келейники[54]. В связи с этим необходимо сказать еще и о такой особенности Святителя, как воздержание от смеха. Улыбнувшись, что случалось очень редко, он говорил: "Господи! прости, я согрешил пред Тобою окаянный"[55].

Продолжая раскрывать внутренний облик святителя Тихона, следует обратить внимание и на его борьбу с греховными наклонностями своей природы. Прежде всего св. Подвижник решил бороться со своей горячностью и раздражительностью, причина которых заключалась, прежде всего, в его болезненности, бедности, которую он терпел в юности. Большую роль сыграло и насмешливое отношение к св. Тихону его товарищей по учебе и, наконец, преподавательская деятельность, требовав-

---

[51] Д. Горчаков. Воспоминания о монастыре Задонском и Тихоне, еп. Воронежском. — "Москвитянин", 1843, № 4, стр. 474.

[52] Записки И. Ефимова, стр. 34.

[53] Творения, т. V, стр. 281.

[54] Записки И. Ефимова, стр. 36.

[55] Записки Чеботарева, стр. 9.

шая больших забот и усилий. К этому следует добавить еще и то, что Святителю очень много пришлось пережить во время управления Воронежской епархией, когда он с таким трудом искоренял грубые недостатки пастырей и пасомых.

В первое время он был очень строг к окружающим. За малую вину, особенно за празднословие и осуждение, он часто делал выговоры своим келейникам и наказывал их поклонами[56]. Святитель всегда делал замечание тем, кто стоял в храме рассеянно и неблаговейно[57]. Настоятеля упрекал в том, что последний не всегда давал свое благословение на прочтение церковных поучений[58]. С одной стороны, такая требовательность говорила о ревностном отношении Святителя к благочестию, но в то же время, еще не очищенная полностью духом кротости и истинной любви, она свидетельствовала, что эта ревность в некоторой степени не была чужда горделивости. Внимательный к самому себе, св. Тихон стал решительно бороться с этими недостатками смирением, кротостью и терпением. Он старался быть более взыскательным к себе, а в обращении с другими – снисходительным и сдержанным. Если же так случалось, что Святитель допускал несдержанность и раздражительность, то раскаянием и каким-либо материальным оказанием любви оскорбленному он стремился исправить допущенную горячность. Один из его келейников, неоднократно испытавший на себе и строгие выговоры, и милости св. Отца, вспоминает, что иногда Святитель даст строгий и справедливый выговор, но скоро потом придет в раскаяние и сожаление. "Через полчаса позовет к себе и даст либо платок, либо колпак, или иное что и скажет: "Возьми себе" – что и было знаком одобрения и утешения[59]. При помощи Божией св. Отец скоро избавился от этих недостатков. Более того, если в беседе с кем-либо он замечал, что собеседнику не нравятся его слова, то готов был кланяться ему в землю и умолять не обижаться на справедливое замечание. Как свидетельствуют его келейники, св. Тихон так преуспел в кротости и терпении, "что за правильный выговор последнему келейнику из простых и грубых мужиков... если увидит его оскорбившегося на него, кланялся об руку, испрашивая прощения"[60]. Если же случалось, что кто-то обманывал Святителя или злоупотреблял его доверием, св. Отец и тогда оставался невозмутимым, думая не о себе, а о том, чтобы не допустить гибели души человеческой. Раз явился к св. Тихону один капитан из дворян и своим лицемерным благочестием, своими беседами так расположил его к себе, что св. Отец в течение года разделял ежедневно с ним трапезу. Войдя в такое доверие, благородный гость поступил с благодетелем совсем неблагородно. Видя, что из любви к Святителю многие из его знакомых и друзей не скупятся помогать бедным, гость написал к ним письма от имени Тихона, в которых просил оказать денежную помощь. Сказав Святителю, что едет к родным, капитан поехал развозить эти письма и собирать деньги. Сумму он собрал до-

---

[56] Записки И. Ефимова, стр. 34.
[57] Там же, стр. 36.
[58] Там же.
[59] Записки Чеботарева, стр. 12.
[60] Записки И. Ефимова, стр. 40.

вольно значительную, но обман скоро раскрылся, так как Святителю сообщили о сборе, который делается от его имени. Капитан, узнав, что обман раскрыт, письменно просил у св. Тихона прощения и разрешения снова приехать в Задонск. Преосвященный, будучи любвеобильным, простил его, но не разрешил обманщику приезжать в монастырь, хотя и возлагал вину человеческую на врага – диавола[61]. В ответном письме он писал: "Хотел ты ко мне явиться, а с каким духом, неизвестно. Бог сердце твое знает. Я тебя не допустил не без причины. Человек, однажды обманувшись от другого, и впредь ему не верит. Так то лживые и обманщики всю верность от сердец человеческих истребляют, так что и добрым людям часто не верим. Жалко, что таковые плевелы между христианами находятся... Бог их видит и терпит до жатвы... Я тебе все оставляю, что ты мне ни сделал, и всего тебе желаю, чего и себе. Будь же ради мене покоен и мирен: только сам себя не оставь... Что человек в мире сем ни делает, Бог все видит и в книге Своей записывает... Полно уже обременять себя, но пора уже свергнуть бремя, полно уже запутываться в сеть, но пора уже расторгнуть сеть и освободиться, полно уже очерняться, но пора уже измываться. Бог во всем помощник: ты только восстань, и Бог поможет тебе; ободрись, и Бог укрепит тебя; пробудись, и Христос просветит тебя; вступи на путь благочестивых, и Христос поведет тебя... Начни, пока здоров, и хотя бы скоро смерть тебя постигла, спасешься..."[62]

О любвеобильности и заботе св. Тихона о спасении душ человеческих говорит также следующий пример. Однажды пришлось ему бывать в гостях у знакомого помещика и встретиться там с одним дворянином, вольнодумным и вспыльчивым, не терпящим никаких возражений. Когда Святитель стал доказывать ему неправоту в суждениях о Боге, то он пришел в такую ярость, что ударил Архипастыря по щеке. Святитель, видя его горячность, пал своему собеседнику в ноги, говоря: "Простите меня Бога ради, что я ввел вас в такое исступление". И это величайшее смирение и кротость св. Отца настолько поразили гостя, что он со слезами упал к его ногам и умолял о прощении. Незлобивый пастырь простил его и преподал ему наставление. Это было хорошим уроком для дворянина, и с тех пор он стал добрым христианином[63].

Келейники рассказывали также, что, когда Задонский Подвижник раздавал милостыню, ему приходилось нередко выслушивать от недовольных подаянием просителей различные непристойные бранные слова. Но он не только не оскорблялся, а, напротив, смотрел на них с улыбкой, как на малых и неразумных детей. Иногда в ответ скажет: "Ну брани, брани больше", – и потом все-таки сжалится и прибавит к подаянию "для того единственно, – замечает его келейник, – чтобы, удовлетворясь подаянием, проситель без ропота пошел от него"[64].

Более сложной была борьба Святителя с плотью и унынием. В жизни св. Тихона, как и в жизни каждого подвижника, особенно совершающего свой подвиг в уединении, были периоды, когда на душу восставала плотс-

---

61 Записки И. Ефимова, стр. 32–33.
62 Творения, т. V, стр. 317–318.
63 Записки И. Ефимова, стр. 57.
64 Там же, стр. 33.

кая брань или находили тоска и уныние. Эти состояния нередко чередовались, потому что, когда укреплялось здоровье, восставала плотская брань, когда же телесные силы оставляли его, нападало уныние. Хотя св. Отец твердо и без колебаний вступил на путь иноческий, проводя богоугодную жизнь еще задолго до своего монашеского пострига, однако враг рода человеческого не оставлял в покое ревностного подвижника и попущением Божиим искушал его. Но при помощи благодати Божией Святитель боролся с искушениями и очищал свою душу от всякой скверны плоти и духа.

Так, однажды, во время литургии, по попущению Божию, вдруг напали на него плотские помыслы. Чтобы отразить их, он подошел к горящей свече и, как будто поправляя ее, скрытно от других до тех пор жег свои пальцы, пока от ужасной боли не угасли плотские пожелания[65]. В других случаях Святитель смирял свою плоть силой молитвы. Распростершись крестообразно на полу, он пламенно молился Господу о ниспослании ему Божественной помощи свыше в борьбе с яростью плоти[66]. О стремлении Святителя сохранить себя от нечистых помыслов говорит также его решение не ходить в баню. Но он во всем соблюдал чистоту и нередко мыл голову[67]. Чтобы не подавать ни малейшего повода для плотских желаний, он не пил никаких спиртных напитков, даже для подкрепления своих сил. Предостерегая монашествующих, Святитель иногда говорил, что если бы он имел в своем управлении монастырь, скорее бы согласился дозволить престарелым монахам для укрепления здоровья и несения трудов употреблять скоромную пищу, чем хмельные напитки. А если бы и дозволил, то только в малом количестве, чтобы свободнее избежать вражеского наваждения и различных искушений[68].

Как говорилось, св. Тихон часто испытывал чувства тоски, печали, скуки и безотчетной скорби. Иногда причиной такого состояния был просто телесный недуг или нервное перенапряжение. Временами его приводили в уныние собственные неудачи в духовной жизни, а также греховное состояние его духовных детей и нежелание их вести благочестивую жизнь. Бывало и так, что сердце преисполнялось скорбью и тоской, а причина оставалась неизвестной. По выражению Святителя, эти чувства проявлялись в равнодушии ко всему. Находясь в таком состоянии, он чувствовал в своем сердце пустоту, охлаждение к молитве. По мысли Святителя, человек, находясь в великой печали, не знает сам, что делает[69]. Именно в такие минуты св. Тихон наиболее остро чувствовал и переживал всякие неприятности, доставляемые людьми.

Святитель деятельно и ревностно боролся против уныния и тоски. Сознавая, что из-за тесной связи души с телом болезни телесные отражаются на расположении духа, он применял средства к укреплению своего здоровья. Но при этом, твердо уповая на помощь небесного Врача, он не прибегал к помощи врачей и предоставлял врачевание своего тела самой природе. Для этого он старался как можно больше пребывать на свежем

---

65 Прот. А. Лебедев, Цит. соч., стр. 130.
66 Там же.
67 Записки И. Ефимова, стр. 41.
68 Там же, стр. 43.
69 Творения, т. III, стр. 299.

воздухе, трудиться физически, как он сам говорил: "Авось поразобью кровь себе, может быть, и поздоровее буду". О положительных результатах этих мер можно судить по тому, что через некоторое время после ухода на покой Святитель считал возможным вернуться на кафедру.

Иногда св. Тихон вынужден был прибегать к горячей молитве к Богу, и Господь за твердое упование Подвижника утешал его ниспосланием небесной помощи. "Так, однажды Святитель от сильной боли в голове лежал в постели и внезапно услышал ангельское пение и такое усладительное, что боль прошла и не возвращалась уже больше никогда"[70].

Святой Отец применял и другие средства борьбы против уныния. Чаще всего он пел псалмы, так как знал наизусть Псалтирь. С этой целью из некоторых стихов Псалтири он составил нечто вроде канона, разделив стихи или тропари покаянным припевом: "Помилуй мя, Боже, помилуй мя"[71]. Кроме того, св. Тихон выбрал из псалмов краткие молитвы, которые подходили бы к самым разнообразным случаям жизни, и с ними обращался в своих слезных молениях к Господу[72]. По словам прот. А. Лебедева, "та благодатная сила, которая заключается в псалмах, сообщалась и душе св. Тихона; то совершенное и святое упование на "Бога жива", которым проникнуты они, передавалось и его душе и производило в ней сладостное успокоение, духовную радость и совершенную преданность воле Божией; то ощущение близости Бога к человеку, какое чувствовал Псалмопевец, порождалось и в душе его"[73]. Познав такое значение Псалтири на своем опыте, св. Тихон рекомендует каждому христианину как можно чаще прибегать к ней. "Читай Псалтырь", – говорит он, – и рассуждай на всяк день, поутру, и к вечеру, и днем"[74].

Следующим важным средством, которым Святитель облегчал свою скорбь, была работа над сочинениями. В них св. Отец свободно изливал свои задушевные мысли и сердечные чувства. Некоторые из его произведений отражают его воздыхания к своему Искупителю и излияния перед Ним своей душевной скорби. Это, например, "Христос грешную душу к Себе призывает", "Воздыхания грешной души ко Христу Сыну Божию" и другие. С другой стороны, эти сочинения помогают проникнуть во внутреннюю жизнь Святителя и прекрасно характеризуют его

---

[70] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 132.

[71] Например: Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Яко беззакония моя превыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне, возсмердеша и согниша раны моя от лица безумия моего, пострадах и слякохся до конца, весь день сетуя хождах (Пс. 37, 5–6).

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Господи, пред Тобою все желание мое, и воздыхание мое от Тебе не утаися. Сердце мое смятеся; остави мя сила моя и свет очию моею, и той несть со мною (Пс. 8, 9–10).

Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

Не остави мя, Господи Боже мой, не отступи от мене. Вонми в помощь мою, Господи спасения моего (Пс. 37, 22–23) (Твор. Т. II, стр. 211–216). Кроме этого покаянного сочинения, Святитель составил полный покаянный канон с ирмосами 6-го гласа "Яко по суху..." (Творения, т. V, стр. 243–246).

[72] Творения, т. I, стр. 217–218.

[73] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 133.

[74] Творения, т. I, стр. 218.

глубокое христианское смирение и пламенную любовь ко Христу. "Благодать Божия, – говорит один из исследователей жизни св. Тихона, – озаряла душу священного писателя, нередко при этом крестообразно распростирающегося и молившегося со слезами на коленях Богу. И он получал утешение в своей скорби, а православный мир приобретал новое духовное сокровище из благодатных уст Святителя, немедленно передаваемое письмени его келейником"[75]. Безусловно, литературные произведения св. Тихона не являются только следствием его стремления освободиться от уныния и других искушений. В сочинениях Святитель изливал свою любовь к людям, заботясь о пользе и исправлении своих братьев[76].

Когда уныние особенно беспокоило св. Подвижника, он уезжал из Задонского монастыря в какое-либо уединенное место. Задонский монастырь находился вблизи населенного пункта (село Тещевки, а с 1779 года – уездный город Задонск), многолюдного и шумного. В Задонске многие обращались к Святителю с различными вопросами, некоторые просто посещали его, отнимая драгоценное время. Отсутствие тишины и покоя очень тяготило св. Подвижника, стремившегося к уединению и безмолвию. Особенно тягостно было переносить такую обстановку в минуты искушения, когда св. Тихон боролся с унынием и тоской. Вот почему он тогда спешил выехать из монастыря, чтобы успокоиться и духовно укрепиться. Чаще всего он выезжал в село Липовку, в имение Бехтеевых, которое находилось в 15 км от Задонска. Св. Тихону нравилось расположение этого места и условия жизни. Когда один из духовных чад Святителя просил у него совета, где поселиться для уединенной и удобной для занятий жизни, св. Тихон так отозвался об этом селе: "По моему мнению, нет лучшего места... способного к чтению, размышлению, молитве и сочинению всякого умного дела; словом, по науке нашей, место весьма выгодное... Я бы, ей, там неисходно жил"[77].

Бехтеевы не жили в своем имении, и поэтому Святитель имел возможность жить здесь по два и более месяцев, держа при себе одного или двух послушников. Здесь св. Тихон предавался своим обычным подвигам – молитве и богомыслию. В будничные дни он отправлял службу келейно, прочитывая с келейниками вечерню, утреню и часы, а в воскресенье и праздничные дни ходил в церковь[78]. Впоследствии Епископ-отшельник прекратил свои поездки в это имение по причине наговоров и клеветы со стороны недоброжелателей. "Люди, главным образом, враги мои, – объяснял сам Святитель, – пользуясь случаем, клевещут на меня, когда я там живу; сего ради, в монастыре себя заключил и никуда без крайней нужды не выхожу"[79].

Несколько раз за время своего пребывания в Задонском монастыре св. Тихон выезжал в Толшевский монастырь, который более благоприятствовал уединенному подвижничеству. В Толшевском монастыре св. Ти-

---

[75] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 52.
[76] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 133.
[77] Творения, т. V, письмо 35, стр. 360.
[78] Записки Чеботарева, стр. 9.
[79] Творения, т. V, письмо 35, стр. 360. Первую часть данной фразы Святитель написал на латинском языке.

хон принимал на себя сугубые подвиги. По словам келейника В. Чеботарева, Святитель в этой обители пребывал "в вящих трудах, – именно: к литургии и на вечернее пение всякий день ходил в церковь и на клиросе пел, а по воскресным дням в праздники и во всю Светлую седмицу в трапезу ходил и с монахами кушал (а в Задонском монастыре в трапезе не кушал не единожды)... В полунощное время один около церкви обхаживал и ...с коленопреклонением молился и горячие слезы проливал"[80]. Усиливая свои молитвенные подвиги в уединении Толшевского монастыря, Святитель умножал и телесные труды на свежем воздухе. В результате таких продолжительных поездок, как в Толшевский монастырь, так и в село Липовку, состояние души и тела св. Отца значительно улучшалось.

Не меньшую поддержку в трудные минуты своей духовной жизни св. Тихон находил у близких по духу друзей, общение с которыми служило также одним из средств борьбы с унынием. То, что Святитель любил уединение и безмолвие, еще не говорит о его презрении к человеческому обществу. Напротив, сердце его было открыто и доступно для всех, и он охотно вел беседы о предметах духовных и душеполезных. Святитель и сам "нуждался в живом общении и искренней беседе с такими людьми, которые бы также его бескорыстно и истинно любили, перед которыми бы он мог свободно раскрыть свою душу и которые бы, понимая его, искренне могли сочувствовать ему и разделять его скорбь"[81].

Такие люди, прекрасно понимая его подвижнические стремления и полностью разделяя его настроение, составляли вокруг Святителя некое христианское содружество. Единомышленники, ученики и последователи св. Тихона, преданные ему и высоко ценившие его подвиг, стремились селиться около св. Отца в стенах монастыря или в окрестных селах.

Самыми близкими к Святителю лицами были схимонах Митрофан, монахи Феофан, Аарон, послушник Алекс Болховитинов, инок Никандр (из семьи Бехтеевых), послушники Иоанн Ефимов и Василий Чеботарев. Немало близких людей у св. Тихона было и среди мирян. Большинство из них проживало в г. Ельце, лежащем в 38 км от г. Задонска. Иногда св. Тихон ездил туда, уже не в поисках уединения, но ради общения с друзьями. "Я весьма люблю елецких жителей, – часто говорил Святитель, – и замечаю, что в нем много благодетельных людей... Будто бы я родился в нем"[82]. Нередко он называл этот город Сионом. Когда св. Тихон приезжал сюда, к нему приходили жители города, желающие получить от него душеспасительные наставления. Святитель вступал с ними в беседу, поучал их и в этом находил величайшую радость и успокоение[83]. Более всего его любовью пользовались К. И. Студеникин и семья Ростовцевых, с которыми он проводил в благочестивых собеседованиях целые ночи. Григорий Федорович Ростовцев вел добродетельную, воздержанную жизнь. В таком же духе он воспитывал и своего сына Димитрия, которому св. Тихон неоднократно поручал различные благотворительные дела и которому искренне бывал рад, когда тот приезжал в Задонскую обитель навестить Святителя, получить благословение и побеседовать с

---

[80] Записки Чеботарева, стр. 10.
[81] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 66.
[82] Записки Чеботарева, стр. 17.
[83] Там же.

ним об обязанностях христианской жизни[84]. Об этой семье св. Отец иногда говорил, что "нам чернецам надобно учиться добродетельной жизни из дому Григория Федоровича Ростовцева"[85].

Подобный же настроенностью отличался и Косма Игнатьевич Студеникин, один из самых близких по духу св. Тихона людей. Он с детских лет посвятил себя Богу и до 80-летнего возраста сохранил девственную чистоту и непорочность нравов. Впоследствии он был избран церковным старостой и с усердием исполнял эту обязанность. Желая послужить ближним и обществу, он устроил в своем доме школу, которая предназначалась не только для обучения детей грамоте, но и для внушения им христианского благочестия и добронравия. Свободное время Студеникин посвящал чтению Св. Писания. В знании церковного устава с ним никто не мог сравниться, и даже многие священнослужители обращались к нему в случае затруднения в отправлении службы[86]. Св. Тихон называл его "любезным приятелем" и имел к нему "особенное благоволение и великую доверенность до самой своей блаженной кончины"[87]. Он поручал ему раздавать деньги вдовам и сиротам, а также помогать тем, кто за долги находится в заключении. Только Студеникину Святитель открывал сердечные свои тайны, а в искушениях прибегал к совету и искал у него утешения.

Кроме этих двух жителей г. Ельца (Г. Ф. Ростовцева и К. И. Студеникина), в большом уважении и доверии у Святителя были елецкие иереи Василий – Покровской церкви и Иоанн – Преображенской. По словам свящ. Т. Попова, "оба лица были проводниками великих настроений св. Подвижника в пределах своей приходской пастырской деятельности"[88]. Св. Тихон поддерживал духовные связи также и с некоторыми другими семьями Задонского уезда. Иногда Святитель бывал в имении Н. М. Марина, в селе Подгорном Воронежского уезда. Никифор Михайлович Марин был помощником губернатора. Он внимательно прислушивался ко всем наставлениям св. Отца, с уважением относился к нему и, в свою очередь, пользовался его большим расположением. Н. М. Марин в своем имении построил церковь в честь ангела святителя Тихона – св. Тихона Амафунтского. Освящен этот храм был св. Тихоном. Уважая Н. М. Марина, Святитель подарил ему свой портрет, написанный с натуры[89].

Но истинными сотаинниками св. Тихона, несомненно, были лица монашествующие. Прежде всего, это схимонах Митрофан, старец простой и неученый, но отличавшийся строгостью жизни и ревностью в исполнении заповедей Божиих. Святитель знал это и любил его. Еще во время управления св. Тихоном Воронежской кафедрой между ними установились духовно-молитвенные отношения: они вели духовную переписку, Святитель поручал старцу некоторые благотворительные дела. Их общение не прервалось и с переселением св. Тихона в Толшевский монастырь. После переезда Святителя в Задонск духовная связь его со стар-

---

84 Записки Чеботарева, стр. 17.
85 Там же, стр. 17.
86 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 67.
87 Записки Чеботарева. Цит. соч., стр. 15.
88 Свящ. Т. Попов, стр. 178.
89 А. Д. Фадеев. Цит. соч., стр. 262.

цем Митрофаном еще более укрепилась. Отец Митрофан жил за оградой Задонского монастыря, и к нему в келью большой толпой стекались богомольцы за духовными наставлениями и советами. По словам свящ. Т. Попова, "эта келья являлась первым преддверием на пути соприкосновения жизни мира со святой душой великого Подвижника и христианского Нравоучителя"[90].

Приближенным лицом к св. Тихону, в беседе с которым он находил успокоение и утешение, был также монах Феофан. Этот 70-летний старец происходил из города Ельца. Жил он непосредственно около кельи Святителя. Монах Феофан был неграмотен и обладал очень простым характером. "Я им весьма доволен, — говорил Святитель о старце. — За то его хвалю: первое, за простосердечие его, второе, за то, что он никогда празден не бывает, но всегда в благословенных трудах упражняется"[91].

Но не только бесхитростность, простота и трудолюбие монаха Феофана привлекали св. Тихона. В его простых словах он находил мудрые мысли, которые рождаются опытом духовной жизни. "Иногда, — говорил Святитель, — и простолюдин между простыми словами весьма замечательную скажет речь, так что и всяк может пользоваться"[92]. Почти ежедневно св. Отец беседовал с иноком Феофаном о жизни временной и вечной. "Феофан, — говорил он, — пора, пора в отечество; мне уже истинно наскучила жизнь сия, я рад бы хотя и теперь блаженно умереть, только бы не лишиться вечного блаженства... Бедные, окаянные мы! Теперь избранные Божии радуются и веселятся, и в бесконечные веки будут радоваться, а мы странники и пришельцы, в маловременной сей жизни бедствуем и волнуемся... Туда, Феофан, туда нам надобно всегда мысленно стремиться, чтобы не лишиться с ними участниками быть! Пусть, Феофан, мир мирское и любит, а мы непременно всегда будем стремиться горняя доставать"[93].

Св. Тихон любил и уважал монаха Толшевского монастыря — инока Аарона. В свое время простые слова этого старца — "Матерь Божия не велит ему выезжать отсюда" — разрешили все сомнения Святителя относительно места и образа жизни[94].

Все эти люди оказывали благотворное влияние на святого Подвижника в трудные минуты его духовной жизни. С Божьей помощью в тяжелой борьбе мысленной брани Святитель преодолевал все искушения и постепенно восходил на все более высокую степень совершенства.

Не меньшую брань пришлось выдержать св. Тихону и с гордостью, этим скрытным, хитрым и опасным врагом. По учению Святителя, эта всепагубная язва гнездится даже в тех, которые много постятся, много подают милостыни, которые удаляются в монастырь, облекаются в мантию, часто и много молятся[95]. Из этих слов видно, сколько усилий прилагал св. Тихон для избавления от своего недостатка. У св. Отца этот порок проявлялся в виде помыслов высокоумия и тщеславия. Считая гордость самым главным препятствием на пути к единению с Богом, Святи

---

90 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 175.
91 Записки Чеботарева, стр. 12.
92 Записки И. Ефимова, стр. 43.
93 Записки Чеботарева, стр. 12.
94 Там же, стр. 17.
95 Творения, т. II, стр. 258.

тель контролировал и подвергал тщательному разбору все свои помышления и малейшие душевные движения: все греховное он осуждал и отбрасывал, а взамен старался противопоставить самоукорение и смирение. О том, как Святитель-подвижник преуспевал в этих добродетелях, было достаточно сказано при описании его борьбы с раздражительностью. Но не без помощи Божией закончилась брань св. Тихона с помыслами высокоумия. Эта помощь была оказана довольно необычным образом. Однажды юродивый Каменев ударил Святителя по щеке и сказал ему на ухо: "Не высокоумы" По словам келейника В. Чеботарева, с этого времени помыслы высокоумия и гордости оставили св. Тихона, а в благодарность он назначил своему врачу материальное пособие (по три копейки ежедневно)[96].

Как и всякий истинный последователь Господа Иисуса Христа, св. Тихон испытывал в своей жизни различные внешние искушения. Сам Святитель говорил, что он был хулим, поносим, проклинаем, укоряем и ругаем[97]. Но все испытания он переносил терпеливо и благодушно, что также свидетельствует о высоте духовной жизни Задонского Подвижника. По словам прот. А. Лебедева, "несмотря на всю искренность и чистоту его действий, люди неблагонамеренные находили поводы соблазняться его жизнью. В самых лучших и благих его начинаниях, в самых искренних и чистых его действиях старались отыскать стороны, достойные порицания: подвергали пересудам его выезды из монастыря, его подвиги благотворения, а особенно частое посещение темницы"[98]. В самом монастыре ни настоятель, ни братия не понимали подвижнической жизни св. Тихона. Настоятели относились к нему с предубеждением, а иногда и враждебно. При архимандрите Нифонте (1767—1774 гг.) было возбуждено дело в Св. Синоде против Святителя с целью запретить ему совершать богослужения. В работе уже говорилось, что из Синода пришел ответ, предписывающий не только не препятствовать епископу Тихону священнодействовать, но и снабдить его всем необходимым для служения. Настоятель монастыря архимандрит Нифонт ничего не сделал, чтобы исполнить последнее указание Синода и обеспечить Святителя необходимым облачением[99]. Более того, очень часто в алтаре не было даже архиерейской мантии, и св. Тихон, чтобы причаститься, облачался в священническую ризу[100].

После архимандрита Нифонта настоятелем монастыря стал архимандрит Феодосий (1774—1776 гг.). В свое время св. Тихон за нерадение к своим обязанностям отстранил архимандрита Феодосия от должностей управителя Острогожского духовного правления и настоятеля Дивногорского монастыря, переведя его в Лебедянский монастырь. Преемник св. Тихона на Воронежской кафедре епископ Тихон II определил архимандрита Феодосия настоятелем Задонского монастыря. Вполне естественно, что о доброжелательных отношениях между ними не могло быть и речи[101].

---

96 Записки Чеботарева, стр. 59.
97 Творения, т. IV, стр. 196—197.
98 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 116.
99 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 151.
100 Житие, стр. 67.
101 Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 151.

О жизни и взаимоотношениях св. Тихона со следующим настоятелем игуменом Самуилом (1776–1787 гг.) достаточно убедительно говорят воспоминания келейников Святителя. По словам В. Чеботарева, начальник Задонского монастыря любил посещать дома почетных и знатных граждан г. Задонска. После выпитого вина, захмелев, в разговорах с другими он начинал говорить о находящемся на покое Святителе, что "он-де в монастыре хуже монаха живет у меня". Эти слова доходили до Преосвященного, но он лишь говорил в ответ: "Возьми сахару голову, отнеси начальнику, или виноградного вина бочонок, или иного чего-нибудь... У него, может быть, и нет сего"[102]. Так Святитель с кротостью и терпением переносил наносимые ему оскорбления, по-евангельски воздавая добром за зло.

Однажды один из послушников монастыря занимался у св. Тихона переписыванием его сочинений. Неожиданно этот послушник понадобился о. настоятелю. Святитель отвечал посланному, что отпустит послушника, как только тот допишет несколько строк. Разгневанный настоятель посылает за ним второй раз. Отпустив послушника, св. Тихон пошел вслед, чтобы заступиться за него. Подойдя к дверям настоятельских покоев, он услышал крик. И не успел Святитель переступить порог, как получил от Самуила пощечину. Святой Отец в ответ на это оскорбление повергся к его ногам и со слезами просил у него прощения. Изумленный и пораженный этим поступком, настоятель опомнился, "устыдился своей запальчивости и бросился перед Святителем на колени, умоляя о прощении. Таким образом, смирение св. Тихона сделало льва кротким агнцем"[103]. Эти примеры показывают глубокое смирение св. Отца, его мудрую рассудительность и стремление подражать Христу, прощая другим напрасные обиды.

К сожалению, высоконравственная жизнь св. Тихона не изменила неприязненного отношения к нему гордого настоятеля. И даже в последний час жизни св. Подвижника, когда вся братия монастыря бодрствовала и стояла в келье умирающего, в глубоком молчании и благоговении созерцая кончину праведника, игумен спал[104].

Поведение настоятеля по отношению к св. Тихону подавало дурной пример монахам и монастырским рабочим. Злобствовали те, чью безнравственную жизнь Святитель часто обличал. Однажды, когда он проходил мимо братской трапезной, то рабочие, рубившие дрова, стали бросать вслед ему поленья, произнося обидные слова: "Вон наш ханжа, ходит по монастырю, все ханжит". Возвратясь в свою келью, Преосвященный попросил келейника позвать к себе монаха Митрофана, с которым и поделился своей скорбью. Старец Митрофан молвил: "Это, Владыко, вам хорошо, что делают вам озлобление: аще кого человецы укоряют и поносят, того Бог превозносит и прославит на небеси и на земли". Святитель сказал: "Благодарю тебя, о. Митрофан, что ты скорбь мою отогнал, знать, Господь тебя вразумил; хотя бы и мог отомстить им и несчастливыми сделать, но не хочу сего творить. Господь сказал нам: "Любите враги ваша и благословляйте кленущих вас" (Мф. 5, 44)[105].

---

[102] Записки Чеботарева, стр. 16.
[103] Там же, стр. 51.
[104] Записки И. Ефимова, стр. 36–37.
[105] Записки Чеботарева, стр. 52.

И св. Отец строго выполнял эту заповедь Божию. В ответ на насмешки смиренномудрый Подвижник старался прежде всего укорить себя, чтобы не допустить в свое сердце гнев и раздражительность. "Видно, Богу так угодно, – говорил он, – что и служители смеются надо мной. Да я же и достоин этого за грехи мои и еще мало мне этого". И добавлял: "Прощение лучше мщения"[106]. К досаждавшим монахам и монастырским служителям св. Тихон относился со свойственной ему кротостью. Наиболее ярко это проявлялось в те минуты, когда иноки подвергались по Промыслу Божию болезням и скорбям. Тогда Святитель ежедневно по нескольку раз навещал их и своими богомудрыми наставлениями утешал, ободрял, кормил и поил их. Побеждаемые такой любовью, многие из них приходили в раскаяние и просили у него прощения. "Нельзя изобразить радости, с какой он принимал их. Он обнимал их с радостными слезами, целовал, угощал их чаем... и столом своим и таким образом из врагов своих обращал их в друзей своих"[107].

Чтобы понять всю высоту христианского поведения св. Тихона в подобных случаях, следует обратиться к его высказываниям. "Не можно изрещи словом радости тех, – говорил он словами Златоуста, – кои что-нибудь терпят Христа ради"[108]. Оскорбляемый Святитель взирал духовным взором на страждущего Спасителя, произнося апостольские слова: "Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопам Его; Иже укоряемь противу не укоряше, стражда не прещаше, предаяше же Судящему праведно" (1 Петр. 2, 21—24). Святитель Божий не только смиренно терпел напрасные оскорбления, но и глубоко переживал за тех, кто дерзал их наносить. По словам келейников, св. Тихон "имел такие свойства души, что, когда его ругали, поносили, порочили и клеветали, он только горько плакал о таковых, сожалея о них, и виновником всего поставлял врага Божия и христианского, диавола"[109]. Вот почему св. Отец так радовался, когда оскорбивший его сознавал свою вину и приходил с покаянием.

С другой стороны, не желая дать ни малейшего повода к подобным оскорблениям, св. Тихон проявлял мудрую рассудительность. Он стал скрывать свои добродетели, хотя усердия в них не ослаблял. И если кто-то соблазнялся его действиями или поведением, как, например, раздачей милостыни или же посещением заключенных и т. д., то Святитель старался это делать тайно или же через доверенных ему людей[110]. Таким образом, в этих обстоятельствах, несомненно, виден Промысл Божий, которым вел Господь Своего угодника к духовному совершенству.

В духовной жизни св. Тихона случалось немало препятствий и от врага рода человеческого – диавола. Из записок келейников Святителя видно, как сатана стремился устрашить Подвижника и тем самым привести его в духовное расслабление. Не однажды среди ночной тишины, особенно во время горячей молитвы или работы над бессмертными сочинениями, Святитель слышал в своей келье шум, стук. Случалось, что и

---

106 Записки Чеботарева, стр. 16.
107 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 117.
108 Творения, т. I, стр. 181.
109 Записки И. Ефимова, стр. 33.
110 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 71.

днем из печи, в которой сжигал св. Отец свои черновики, доносились странные звуки[111].

Все искушения, какие только пришлось испытать в своей жизни Святителю Божию, способствовали его духовному совершенствованию. Они выявляли то греховное, что осталось в душе св. Отца и удаляло его от Бога, и побуждали мобилизовать все силы и духовную ревность на искоренение пороков. Так с Божьей помощью Епископ-подвижник возрастал от силы в силу, "в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова" (Еф. 4, 13).

За свою добродетельную и подвижническую жизнь св. Тихон был наделен от Господа особыми благодатными дарами. Вполне естественно, что при том скрытом образе жизни, какой он вынужден был проводить, сохранилось очень мало сведений о внешних проявлениях этих дарований. Прежде всего, Задонский Подвижник обладал даром прозорливости и предвидения. Очень часто Святитель предвидел нужды своих духовных чад и приезжал к ним в то время, когда они особенно нуждались в его помощи и руководстве[112]. Несколько замечательных случаев духовной прозорливости св. Тихона связано с жизнью одного из самых близких его учеников Никандра Бехтеева. Во время первого посещения дома Бехтеевых в маленьком Никандре Святой предвидел будущего инока. В то время как братья его, приняв благословение, ушли играть, Никандр не отходил от Святителя и со вниманием слушал его поучения. Уезжая, св. Тихон подозвал мальчика к себе и, дунув ему в лицо, сказал: "Да будет благословение Божие на этом юноше"[113]. Никандр ощутил какую-то неизъяснимую радость. С этих пор он старался как можно чаще — или в Воронеже, или в Задонске — видеть Святителя. Достигнув совершеннолетия, юноша, напутствованный благословением и наставлениями св. Тихона, уехал на военную службу в Петербург. Через три года он вышел в отставку с твердым намерением послужить Богу в монастыре. По дороге домой он прежде всего заехал к Святителю в Задонский монастырь и заявил ему о своем решении. Святой Отец заметил, что молодому человеку необходимо еще послужить отечеству, но видя твердость и настойчивость Никандра, одобрил его выбор и советовал прежде испытать себя и приготовиться к духовной жизни. При прощании св. Тихон дунул в уста Никандра и сказал: "Воля Божия да будет с тобою"[114].

Родители были против такого решения сына, но он мужественно стремился к достижению своей цели. Несмотря ни на какие препятствия со стороны родителей, вплоть до запрещения свиданий и переписки со св. Отцом, через два года в одну темную ночь Никандр спустился из окна своей комнаты и на лодке поплыл через Дон. Он долго плыл, не видя берега, и каково же было его удивление, когда он по Промыслу Божию пристал к берегу именно около монастыря (между монастырем и име-

---

111 Записки И. Ефимова, стр. 39.
112 Там же, стр. 60.
113 Житие, стр. 108.
114 Там же.

нием Бехтеевых расстояние 12 км) и на берегу встретил епископа Тихона и о. Митрофана. Святитель сказал: "Я чувствовал, что вы ныне оставите дом родителей, и вышел встретить вас: дерзайте и не бойтесь. Хотя со стороны родителей ваших и будут поиски, но вы останетесь в ограде Христовой"[115]. Так в дальнейшем и случилось. Разгневанный отец с позволения игумена осмотрел все кельи и, не найдя сына, стал жаловаться губернатору и правящему архиерею. Епископ Тихон III успокоил отца, сказав, что у него остаются еще сыновья, а этот пусть служит Богу. Никандр был отдан на послушание схимонаху Митрофану и ревностно исполнял все, что ему поручали[116].

Известен еще один случай из жизни Никандра Бехтеева, свидетельствующий о прозорливости св. Тихона. Однажды Преосвященный пригласил к себе на обед некоторых посетителей монастыря. За столом присутствовал и Никандр. Во время трапезы ему вдруг пришла мысль о том, что насколько Господь возлюбил Своего угодника и "обогатил его умом, верой, благочестием, да и наружно украсил его благообразным лицом, окладистой и красивой бородой. Меня же Господь лишил красоты и волос на бороде". На эти мысли Святитель сразу же с тонким упреком сказал ему: "Раб Божий, что ты так мыслишь? Хочешь, я назову тебе угодников Божиих безбородых?" Пораженный такой прозорливостью, Никандр встал из-за стола и пал к ногам Святителя, умоляя простить ему скорбный помысл. Получив прощение, он обратился к Святителю: "Как это вы, Владыко Святый, провидели мои мысли?" — "Нужно, — отвечал Преосвященный Тихон, — внутренние очи совершенствовать, тогда и внешние откроются. Например, брось горсть пшеницы в стакан воды, смотри — зерна видны. Так и наши помыслы видны провидящему"[117].

Не менее яркое свидетельство дара прозорливости святителя Тихона можно видеть из следующего примера. Однажды он был в г. Ельце в доме Ростовцевых. Увидев бегающего по комнате мальчика, Владыка спросил: "Чей это мальчик и как его зовут?" — "Это мой внук Александр", — отвечал Григорий Федорович Ростовцев. Св. Тихон погладил по голове мальчика, благословил и, посмотрев на него пристально, сказал: "Собирайся, Саша, в горний Иерусалим, собирайся, голубчик, в небесное отечество". Через три дня совершенно здоровый мальчик неожиданно скончался[118].

Келейник И. Ефимов в своих записках вспоминает следующий случай: "В 1777 или 1778 году, в сентябре или октябре ходил св. Тихон по заднему крыльцу своей кельи, будучи в богомыслии. Прийдя в мою келью, приказал мне взять в руки перо и бумагу, и я записал: такого-то года и числа великое будет в С.-Петербурге наводнение и великая людям и домам многим гибель. Это самое и сбылось, ибо по некотором времени он письмами об этом был извещен"[119].

---

115 Житие, стр. 109.

116 Там же.

117 Записки И. Ефимова, стр. 57. Инок Никандр провел в монастыре 40 лет и умер в 1816 году (Житие, стр. 109).

118 Там же, стр. 56.

119 Там же, стр. 31. В конце этой записи автор добавляет: "Записка та затратилась о годе и числе", чем и объясняется неопределенность в годе и числе.

Также замечательно предвидение Святителя о восстановлении Елецкого женского монастыря. В апреле 1769 года от пожара сгорел почти весь город, в том числе и эта обитель. Две старицы не захотели перейти в другой монастырь, но остались на месте пожарища. Когда Святитель посылал в г. Елец схимонаха Митрофана утешить граждан и нуждающимся подать тайную милостыню, он поручил ему посетить и этих инокинь и передать им, что это св. место, избранное Господом для водворения иночествующих, не будет в запустении, но в скором времени обновится благодатью Божией[120]. Через год св. Тихон благословил еще одну инокиню Воронежского монастыря, зашедшую по дороге в Елец к Святителю за наставлением, поселиться на месте сгоревшей обители, предрекая, что монастырь восстановится. Увидев опустошенное место, она не захотела остаться и на обратном пути сказала об этом Святителю. "Жаль, — сказал св. Тихон, — что ты не послушалась меня и не осталась в Ельце. Ты и сама пожалеешь об этом"[121]. По возвращении в Воронеж она сделалась больна и полтора года пролежала в постели. Признавая в своей болезни наказание Божие за ослушание святителя Тихона, она дала обещание исполнить его волю, если выздоровеет. Вскоре она оправилась от болезни и переехала в Елец. В жизнеописании этой инокини, впоследствии начальницы возрожденного монастыря, приводится немало чудесных случаев, связанных с именем св. Тихона.

Кроме дара прозорливости, Святитель имел от Господа и дар чудотворений и исцеления больных.

Но он никогда не превозносился этими дарованиями, а приходил в еще большее смирение. Все, что Святитель мог узнать или увидеть, или сделать чудесного, он приписывал спасительной благодати Божией. Он считал себя недостойным этой милости всемогущей силы Божией и, боясь славы человеческой, по своему смиренномудрию никогда не открывал этих дарований. И только избранным, доверенным лицам, как, например, любимому келейнику И. Ефимову, иноку Никандру, схимонаху Митрофану, Святитель иногда рассказывал об этой сокровенной стороне своей жизни. Св. Тихон более всего боялся, чтобы люди не превозносили его и не считали его святым, и поэтому стремился избегать разглашения своих подвигов. Однажды св. Отец очень рассердился на архимандрита Сампсона, который в его присутствии начал хвалить его за богоугодную жизнь, прибавив даже, что Святитель после своей смерти может быть прославлен и нетлением тела. Смиренный Угодник Божий за это так оскорбился на архимандрита Сампсона, что счел в нем говорящего лукавого духа, и с тех пор весьма гневался на него. По смирению своему, говоря о греховности своей души, он неоднократно приводил в пример умершего и четверодневного смердящего Лазаря, праведного друга Христова[122].

Это смирение св. Подвижника наиболее четко нашло отражение в его творениях. "Когда человек, — говорит он, — посмотрит внутрь своего сердца и рассмотрит свое внутреннее состояние, то увидит душевную ни-

---

120 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Июнь. М., 1908, стр. 85.

121 Там же.

122 Записки И. Ефимова, стр. 36.

щету, горшую паче телесной. Ничего бо в себе кроме бедности, окаянства, греха и тьмы, ничего не имеет. Не имеет истинной и живой веры, истинной и сердечной молитвы, истинного и сердечного благодарения, своей правды, любви, чистоты, благости, милосердия, кротости, терпения, покоя, тишины, мира и прочего душевного добра. Так нищ и убог человек!"[123]

И это были не отвлеченные слова уединенного писателя, составляющего поучения. Вся жизнь св. Подвижника была воплощением Христова смирения, милосердной любви к людям и через них к Богу.

4. СЛУЖЕНИЕ СВ. ТИХОНА БЛИЖНИМ

С тех пор, как святой Отец твердо решил остаться в св. обители, он все свои силы направил на служение ближним и предался этому с тем же усердием и с той же ревностью, с каким выполнял свои архипастырские обязанности. За всеми делами милосердия, в каком бы виде они ни выражались: письменных или устных наставлениях, материальной помощи — стояла любовь Святителя ко всем людям. Эта святая любовь двигала его к телесной и духовной милости, к подвигам христианского милосердия, и в этих подвигах христианской любви, сострадательности св. Тихон забывал самого себя, находил отраду и утешение.

Дела милосердия св. Тихона, настолько разнообразные, давали полное право сказать, что он поступал по-евангельски: алчущего напитал, жаждущего напоил, странного привел в дом свой, нагого одел, больного посетил, к заключенным в темнице не переставал ходить до самой кончины, для неправедно обитаемых был заступником и ходатаем, сиротам — покровитель и кормитель, угнетенным — защитник (Мф. 25, 35—36).

Кратко благотворительная деятельность святителя Тихона прекрасно отображена его келейником В. Чеботаревым. По его словам, св. Отец всегда был готов оказать помощь всем, кто обращался к нему. Его благотворительность не имела предела, и, помогая другим, он раздавал не только то, что имел, но и то, что ему жертвовали близкие люди. Однако часто и этих средств было недостаточно для удовлетворения просьб нуждающихся, и тогда он брал взаймы, но никогда никого не отпускал от себя неутешенным. "Замечательно, что в который день приходящих бедных более бывало у него и когда больше раздаст денег и прочего, в тот вечер он веселее и радостнее был, а в который день мало или никого не было, в тот день он прискорбен был... он был, по Иову, око слепым и нога хромым. У него двери всегда были отворены всем приходящим бедным, нищим и странным; пищу, питие и спокойствие готовое они находили у него"[124].

Преимущественно св. Тихон оказывал помощь простому народу, потому что хорошо знал бедственное положение многих крестьян и сочувствовал им. Часто в виде простого инока Святитель встречал их на монастырском дворе, заводил с ними простой разговор, расспрашивал о работах, о делах и о материальном положении. Собеседники, считая его рядовым монахом, открывали ему то, о чем не осмелились бы сказать,

---

[123] Творения, т. IV, стр. 337, 344.
[124] Записки Чеботарева, стр. 13—14.

зная его сан, или представили свое положение в ином свете, чтобы непременно получить подаяние. И в этих беседах проявлялось смиренномудрие св. Отца, ибо он оказывал материальную помощь соответственно нуждам каждого. Безусловно, молва о милосердном Святителе росла, и бедные сами стали приходить к его келье, объясняя свои нужды, просили помощи и непременно получали ее[125].

Всеобщее почитание привело к тому, что многие стали из пустого любопытства приходить посмотреть на св. Тихона во время раздачи милостыни, и поэтому Святитель вынужден был благотворить бедным не лично, а через своих келейников. Но и тут не обошлось без искушений. Привыкшие видеть самого благотворителя и лично ему объяснять свои нужды, многие просившие часто оставались недовольными такой заочной милостыней и роптали на него, обвиняя в скупости. Тогда Святитель появлялся сам и терпеливо выслушивал жалобы, а иногда и брань. Иногда он прибавлял просителю, а особенно назойливым и дерзким отказывал, но впоследствии жалел об этом и поручал келейнику отнести деньги бедняку и тем утешить его[126].

Помощь св. Тихона была в полном смысле спасением в годы народных бедствий. Когда в районах около города Задонска был неурожай и цены на хлеб возросли, сотни людей приходили в монастырь к келье Святителя и взывали о помощи. И никто не уходил от него неуслышанным[127]. В 1768 г. в г. Ливнах и в 1769 г. в г. Ельце произошли опустошающие пожары, и множество людей осталось без крова. И здесь Преосвященный не оставил пострадавших без деятельной помощи. Он немедленно отправил к схимонаху Митрофану все имеющиеся у него деньги с письмом, в котором писал: "Поезжай в Ливны город и раздай погорелым, самым бедным; или поручи это дело доброму и верному человеку, чтобы раздал, ничего не утаив... И никому о том не сказывай, от кого посланы"[128]. После пожара в Ельце св. Тихон, движимый своим обычным состраданием и человеколюбием, невзирая на свой иноческий затвор и на свои недуги, сам отправился в Воронеж и Острогожск, чтобы попросить денег у своих духовных детей и почитателей на строительство новых домов для погорелых людей[129].

Святитель Божий не ограничивался оказанием материальной помощи только тем, кто сам приходил за ней, но старался узнать терпеливо переносящих нужды, скрывающих от людей свои скорби и слезы. Он сам лично собирал сведения о таких людях и оказывал им помощь, а также поручал это дело друзьям, приближенным к нему лицам.

По словам прот. А. Лебедева, был у него такой доверенный человек в г. Ельце, которого св. Отец очень хорошо знал. Исполняя поручение Святителя, этот человек ходил по ярмарке и выведывал о бедных и нуждающихся. Особенно старался он оказать помощь тем людям, которые иногда продавали последнее свое зерно, чтоб уплатить непосильные налоги, а сами оставались без куска хлеба и не имели даже семян для посе-

---

[125] Записки Чеботарева, стр. 13—14.
[126] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 67.
[127] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 79.
[128] Творения, т. I, стр. 243.
[129] Записки Чеботарева, стр. 15.

Митрополит Евгений (Болховитинов)
(1767–1837)

ва. Вот с этими людьми доверенный Святитель заводил беседы и, выражая желание купить у них зерно, оставлял деньги и тайно уходил[130].

Оказывая помощь истинно нуждающимся, св. Тихон резко отзывался о тех, что притворялся бедным или пострадавшим. Такие обманщики, по словам Святителя, принадлежат к числу хищников и будут судимы Богом как тати[131]. О том, что их действительно постигал праведный суд Божий, свидетельствует случай, когда двое граждан из г. Ельца решили обманом выпросить у святого Отца пособие, притворившись пострадавшими от пожара... Выслушав их, Святитель дал им денег. Но когда мнимопогорелые возвратились в свой город, то увидели, что их дома в самом деле объяты огнем. Осознав свое преступление и увидев наказание Божие за обман Святителя, они поспешили к нему, но теперь уже с искренними слезами раскаяния, умоляя его простить их. Святитель с глубоким сожалением повергся на колена пред изображением распятия Христова и слезно произнес молитву. Затем встал и с кротостью сказал им: "Просите у Господа всем сердцем и душой прощения и помилования. Вы уже наказаны за грех ваш. Молитесь, чтобы не остался праздным сей урок, посланный вам от самого Промысла Божия. Отселе вы должны начать новую жизнь!" Сказав это, он благословил их — и оказал им существенную, теперь уже необходимую помощь. Отныне эти люди изменились к лучшему и своей честностью, своим трудолюбием заслужили всеобщее уважение[132].

Кроме оказания помощи нуждающимся в г. Задонске и близлежащих местностях, св. Тихон несколько раз посылал своего келейника с деньгами в Новгород, Валдай и Короцк. В 1773 году он послал священнику села Ездрова, находящегося в нескольких верстах от его родины, 150 рублей. При этом он написал письмо, в котором просил его раздать эти деньги самым бедным людям, а тем, которые "хотя и бедные будут, но запивают или ленятся работать, таким ни копейки не давай". Кроме того, Святитель просил, чтобы при этом не называлось его имя, но все делалось втайне, во славу Божию[133]. Таким образом, главный принцип, которым руководствовался св. Тихон, — это осмотрительность и рассудительность.

Не меньшее участие принимал Задонский Подвижник в судьбе странников, больных и обездоленных. Домик, в котором жил св. Тихон, был своего рода странноприимной гостиницей. В нем находили приют и успокоение все те люди, которых постигала какая-либо болезнь по дороге на работу или богомолье. Святитель проявлял к ним самое сердечное участие. Кроме забот о телесных потребностях больных, он по долгу своей пастырской совести много времени уделял и для их душевной пользы, объясняя им смысл и значение жизни христианина на земле. А по выздоровлении он отпускал их с миром, обеспечивая всем нужным на дорогу. Если кто-то из них умирал, то Святитель сам напутствовал их по обряду Православной Церкви и совершал погребение[134].

---

130 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 87.
131 Творения, т. I, стр. 81—82.
132 Записки И. Ефимова, стр. 57.
133 Житие, стр. 98.
134 Записки Чеботарева, стр. 14.

С подобным же самоотвержением св. Тихон ухаживал и за больными иноками Задонской обители, увещевая их быть терпеливыми и относиться к болезням как к посещению Божьему[135].

Ко всему прочему, на свои средства он начал строить в г. Ливнах (впоследствии Орловской епархии) богодельню для бедных. Строительство здания было поручено священнику Ливенского Троицкого собора о. Стефану, которому было также вменено в обязанность регулярно сообщать о ходе дел. Когда о. Стефан, написав, что весь материал заготовлен, но из-за осенней непогоды невозможно доставить его на место, спрашивал благословения отложить строительство до зимы, Святитель ответил: "Любезный о Христе брат Стефан. За старание тебе Бог воздаст. Я советую, не можно ли ныне построить, чтобы было где бедным покоиться на пристойном месте... Постарайся, брате, ради Христа. Господь да поможет тебе"[136]. Таким образом, св. Тихон не считался с затруднениями и средствами, стремясь любыми путями устроить бесприютных и при этом не как-нибудь, а на удобном месте.

Обладая значительными средствами, Святитель не считал их своей собственностью, а распределял их на нужды бедных. Он даже свою пенсию — 500 р. в год — полностью предназначил для этой цели и не тратил на себя из этой суммы ни копейки. Из-за этого Святитель иногда терпел немалые лишения: у него весьма часто не хватало не только чая или сахара, но даже и самой повседневной пищи, за что очень часто роптали на него келейники. Но он, возлагая все упования на Бога, заботящегося о спасении каждого человека и подающего все нужное для пропитания, не прекращал своего подвига благотворительности. В таких случаях он отправлялся к своим знакомым и занимал у них нужную сумму, чтобы удовлетворить просьбу нуждающихся. А иногда Господь за его добродетельную жизнь неожиданно посылал ему все необходимое через каких-либо богобоязненных людей. Если и этих средств было недостаточно, чтобы помочь бедным людям, то Святитель продавал свои вещи, без которых, он считал, можно обойтись, и эти деньги раздавал каждому в зависимости от их нужд[137].

Особенно живо сочувствовал св. Тихон сиротам и семействам, в которых страдали малолетние дети. О том, какое участие принял Святитель в судьбе целой семьи, оставшейся без кормильца, свидетельствует следующий пример. Однажды во время пребывания св. Тихона в г. Ельце пришла к нему одна вдова с малыми детьми — четырьмя мальчиками и девочкой. Она жила в крайней бедности и не имела родных и знакомых, которые бы могли помочь осиротевшей семье. "Ваше Преосвященство, — говорила она со слезами. — Пришла просить Вашей Архипастырской милости. Я несчастная вдова, а эти, — она указала на пятерых детей, — мои несчастные дети. У меня нет куска хлеба, ни одежды, ни копейки денег. Утратила с ними свою силу". Св. Тихон, вняв ее словам, прослезился и принял в семействе живое участие. Он взял с собой в монастырь двух старших мальчиков на воспитание, а вдове с остальными детьми дал денег. Трудно описать благодарность этого семейства. Жен-

---

135 Записки И. Ефимова, стр. 43.

136 Творения, т. V, стр. 365.

137 Записки Чеботарева, стр. 13.

щина кланялась и благодарила. Малютки плакали, припадали к ногам Святителя, целовали ему руки! Впоследствии Святитель, приезжая в Елец, посещал хижину своей подопечной и, если дома никого не было, оставлял немного денег и уезжал незамеченным[138].

Еще больше сделал св. Тихон для другого семейства, положение которого было гораздо сложнее и несчастнее. Как говорилось, в послеобеденное время Святитель прохаживался за монастырем в роще. И вот однажды увидел он трех бедных женщин с детьми, о чем-то горько плачущих. Сострадательный Святитель стал расспрашивать их и узнал, что мужья двух женщин, служившие причетниками Задонской приходской церкви, по наветам и клевете были отданы на военную службу, а дома остались девять детей и престарелая мать. Св.Тихон стал содержать их за свой счет. "Но кто может заменить для матери сына, для жены — мужа, для детей — отца?" Святитель хорошо чувствовал это и поэтому, разузнав обстоятельнее все дело и уверившись в невиновности обвиненных, решился во что бы то ни стало возвратить семейству их полное счастье.

Несмотря на то, что дело, по-видимому, было уже потеряно, ибо оба брата давно уже были разосланы в разные пограничные полки, он написал от имени сирот просьбу в Св. Синод и вместе с личным письмом к Петербургскому митрополиту Гавриилу отправил ее с нарочным из своих келейников. Дело подвергли новому рассмотрению. Оказалось, что суд действительно был неправый, и оба брата, к несказанной радости их семейств и утешению Святителя, были освобождены от военной службы и определены, как и прежде, в церковные причетники[139]. Так св. Тихон стал защитником невинно оклеветанных.

Приходили к Святителю, ища у него заступничества перед власть имущими, обиженные и притесняемые. Чаще всего это были крестьяне, и св. Тихон ходатайствовал о них пред их господами. Бывало так, что св. Отец, зная о жестоком обращении с крепостными, сам являлся к помещикам и своим личным предстательством и кротким увещеванием склонял их к человеколюбию и снисхождению[140]. Если притесняемые были из числа служащих, то Святитель посылал просительные письма к их начальникам и судьям, призывая быть снисходительнее[141].

Кроме того, любвеобильный Архипастырь проявлял большую заботу о заключенных в темнице. Сначала, пока г. Задонск не был уездным городом, тюрьма находилась в г. Ельце, и св. Тихон часто ездил туда. Желая сохранить эту добродетель в тайне, Святитель оставлял свою запряженную лошадь за городом, а сам, дождавшись темноты, шел в город

---

138 Записки И. Ефимова, стр. 55.

139 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 64—65.

В "Воронежских епархиальных ведомостях" опубликованы воспоминания елецкого священника Иоанна Кириллова, согласно которым это было не первое благодеяние данной семье. Несколько ранее описанного случая, когда братья не были женаты, умер их отец, и довольно большая семья осталась без средств к существованию. Св. Тихон принял живейшее участие в судьбе этого семейства, поддерживал его материально, а младшего сына бедной вдовы взял на воспитание в монастырь, а в дальнейшем помог ему устроиться пономарем в одной из сельских церквей Елецкого уезда (1888 г., № 15, стр. 761).

140 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 92.

141 Житие, стр. 102.

пешком. При входе в темницу он приветствовал узников как братьев. Он дружески расспрашивал их о причине заключения и каждому говорил по нескольку слов в назидание: невинно страждущих призывал к благодушному несению креста, виновных — к покаянию, увещевал их не отчаиваться, но в Господе распятом искать исцеления от душевных ран. Отбывающим наказание за долги давал выкупные деньги, а уходя из темницы всех оделял каким-либо подаянием. После этого св. Тихон с такими же приношениями заходил в богадельни и, нисколько не отдохнув от поездки, уезжал из города[142]. В 1779 г. Задонск стал уездным городом, и сюда были перенесены больница и тюрьма. Так как в городе не было общественных строений, то их разместили в монастырских зданиях. Теперь, по словам одного из жизнеописаний св. Тихона, "вполне могла удовлетвориться человеколюбивая душа его заботами о несчастных, и он по целым часам просиживал или у постели больного, или в затворе узника. В особенности же Святитель... любил ходить туда в ночные часы.., а на Пасху первого дня, приходя в тюрьму, со всеми христосовался"[143].

Таким образом, христианская любовь св. Тихона и его евангельская благотворительность выражались в самых разнообразных формах. Эти добродетели составляли в основном весь его жизненный подвиг, или, лучше сказать, они были выражением его подвига, самим подвигом. В деятельной любви Святитель находил для себя источник утешения и радости. Дела благотворения нередко служили для него целебным средством от искушений. По словам Филарета, митрополита Московского, Святитель лечил свое уныние и скорбь тем, что тотчас делал кому-либо новое добро[144].

И если широко распространялась телесная милостыня Задонского Подвижника, то еще дальше разливались его духовное милосердие и христианская мудрость. Его деятельность была весьма обширна и разнообразна. Он большее число людей спасал от вечной гибели словом вразумления и назидания. Вместе с духовным назиданием Святитель в то же время устно и письменно обличал современные ему пороки, вразумлял заблуждающих и примирял враждующих. Сам Святитель относительно телесной и духовной милости говорил так: "Немалую любовь ко Христу показывает тот, кто во имя Его делает милость телесную ближнему, но большая любовь та, когда назидает духовно ближнего"[145]. Во всех своих действиях и поступках он всегда был неизменно верен этим взглядам на значение добрых дел милости духовной. Он считал для себя долгом творить их при каждом удобном случае.

Особенно стремился Святитель посеять семена христианского благочестия в сердцах детей. Видя невнимание крестьян к воспитанию своих детей и понимая, какое значение имеет правильное воспитание, Святитель, по-отечески заботливо относясь к ним, старался воспитать их в духе Христова учения, развить любовь к храму и богослужению. Он давал им простые, но теплые сердечные наставления, которые невольно запа-

---

142 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 69—70. (Между монастырем и г. Ельцом было расстояние около 40 километров.)

143 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 87 (срав.: Записки И. Ефимова, стр. 27).

144 Филарет, митр. Московский и Коломенский. Слова и речи, т. V. М., 1885, стр. 336.

145 Творения, т. II, стр. 345.

дали в души малолетних слушателей. По словам св. Отца, "этот возраст, как незлобивый, наиболее удобен к восприятию добра и зла", и поэтому "наставление в благочестии и в страхе Божием должно быть от самого младенчества, как только дети начинают хотя мало что разуметь... Как маленькое деревце, к которой стороне наклонено будет, так и до конца расти, так и молодой отрок, чему сначала наставлен будет, к тому и до кончины жизни своей склонность будет иметь"[146].

Замечательную картину взаимоотношений Святителя и детей дают в своих воспоминаниях его келейники, Так, они рассказывают, что Святитель, бывая в храме почти каждый день и следуя примеру Самого Христа Сына Божия, не возбранял детям подходить под благословение. Дети, заметив такую его благосклонность, сначала по праздникам, а потом и каждый день начали во множестве приходить в церковь к службе с тем, чтобы получить что-либо от него. "Идет он из церкви в кельи свои, идут за ним... и малые дети. Невзирая на его архиерейский сан, толпою, прямо за ним, с смелым лицем войдут в зал, где из своих рук оделит их деньгами и начнет обучать их молиться. Которые посмышленее, читали Иисусову молитву, а которые годов по три, по четыре были, те, бывало, что есть сил кричат, творя молитву с земными поклонами так: "Господи, помилуй! Господи, пощади!" Другие: "Пресвятая Богородица, спаси нас! Вси святии, молите Бога о нас!" И нередко таковых молитвенников собиралось по многу"[147].

Следует отметить, что при раздаче детям денег или хлеба св. Тихон наблюдал их характер, склонности и расположения. При этом он старался добрые черты характера укреплять, а дурные искоренять. Например, если ему случалось дать одному из детей больше, а другому меньше, то такое неравенство давало возможность видеть в одних скромность, кротость и незлобие, а в других — зависть, гнев и другие отрицательные проявления. Некоторые из тех, кто получал поменьше, начинали гневаться на Преосвященного, завидовать другим детям, иногда даже начинали отнимать, и дело доходило до ссоры, драки и слез. Святитель старался пристыдить виновных, возбудить в них раскаяние и расположить к братолюбию. Иные сознавали свою вину, друг другу кланялись и просили прощения, а другие по природе своей оказывались упрямыми и трудно поддающимися вразумлению[148].

"Когда же по слабости здоровья, — продолжает свои воспоминания В. Чеботарев, — Святитель не бывал у обедни, то дети, придя в церковь, посмотрят, нет ли его Преосвященства в церкви, и уйдут. Когда же я приду к нему от обедни, то он спросит: "Были ли дети у обедни?" Скажешь, что входили в церковь, посмотрели, что нет Преосвященного в церкви, и ушли по домам. Он улыбнется и скажет: "Это беда: они, бедные, ходят к обедне для хлеба и копеек. Что ты их не привел ко мне? Я весьма радуюсь, что они ходят к обедне"[149]. Какая отеческая любовь и

---

146 Творения, т. I, стр. 119—120.

147 Записки И. Ефимова, стр. 29.

148 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 59.

149 Записки Чеботарева, стр. 14. В 1818 г. в память св. Тихона в Задонском монастыре было открыто духовное училище, в котором каждый год десять мальчиков содержались на полном монастырском иждивении (Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 99).

нежная снисходительность к детскому возрасту слышится в этих словах! Святитель не забыл детей в своем духовном завещании: почти всю теплую одежду он завещал раздать бедным детям.

Уделяя особое внимание малым детям, св. Тихон стремился укоренить в них христианские начала и через детей оказать влияние на остальных членов семьи. Но это только одна из сторон благотворного влияния Задонского Подвижника на народные массы. Святитель был близок к простому народу. Он любил поговорить с людьми, когда встречал их на монастырском дворе или когда кто-то обращался к нему. И это было не простое любопытство и желание поговорить, но стремление узнать душевное состояние собеседника и помочь ему в его духовной жизни. В первые годы пребывания в Задонском монастыре, когда действия Святителя еще не привлекали любопытных взоров, он присаживался с кем-либо из простого народа у крыльца и начинал расспрашивать о работе, занятиях, повинностях, обстановке в семье, в селе и т. д. Простота св. Тихона в обращении и его искренность в беседе располагали несколько недоверчивых и застенчивых по природе сельских жителей к откровенности, тем более что часто они не знали, с кем говорят, считая св. Тихона простым монахом, и поэтому они открывали ему все, что у них было на сердце. И Святитель, соответственно духовному состоянию собеседников, предлагал сердечные и простые наставления.

Многие из собеседников св. Тихона, познав спасительность и духовную пользу его наставлений, становились постоянными его посетителями, духовными чадами. С такими Святитель беседовал довольно долго и в любое время, кроме богослужения. Посвящая утренние часы богомыслию или богослужению, св. Тихон не допускал в это время к себе посетителей. Если же кто-либо по своей настойчивости уговаривал келейных доложить Святителю о нем, то такая встреча не приносила пользы. Как-то раз один из посетителей, которого св. Отец любил и уважал, несмотря на запрет келейника, сам вошел в его келью. Святитель не допустил его даже до благословения[150]. Все это говорит о том, насколько св. Тихон дорожил минутами уединения, когда он молитвенно беседовал с Богом. В остальное же время он с любовью и с полным самоотвержением принимал всех, искавших у него совета и наставления.

Излюбленной темой бесед св. Отца были те истины, которые постоянно занимали его ум и святыми чувствами наполняли сердце. В своих беседах он стремился раскрыть величие и вездесущие Божие, промыслительные Его о нас действия, достоинство души человеческой, силу греха и греховных навыков и многое другое. Святитель подчеркивал, что мысли, чувства, желания, намерения, действия и жизнь христианина должны соответствовать вере и учению христианскому. При этом он учитывал возраст, положение каждого посетителя, его духовные запросы, которые не могли скрыться от его прозорливого взгляда. "Так, с молодыми он говорил о силе и гибельности страстей и светских развлечений в богомыслии; с отцами семейств — о богобоязненном воспитании детей; с детьми — о почитании родителей; с купцами — о добросовестной торговле; с начальниками и господами — о кротком и человеколюбивом обхождении с подчиненными и крепостными, — словом,

---

150 Житие, стр. 95.

каждому посетителю давал соответствующие наставления"[151]. Благодатные беседы св. Отца имели особую убедительность и действенность на души слушателей, потому что они основаны на Священном Писании и оживлялись примерами и рассказами из святоотеческих творений.

Среди посетителей св. Подвижника находились и такие, которые не искали духовной пользы, а руководствовались праздным любопытством. Они хотели посмотреть на заштатного архиерея, о добродетельной жизни которого ходила народная молва. Видя по своей прозорливости такие настроения подобных посетителей, Святитель принимал их с неохотой, и они, по словам келейников, "без всякого удовлетворения и без пользы отходили, ибо беседа его с ними была весьма краткая и на вопросы их ответ его был молчаливый. А после их удаления слыхал я от него,— говорит И. Ефимов,— что напрасно я о таких и докладывал ему"[152].

Иногда такими любопытными оказывались монахи и послушники, приходившие из пустыни. Святитель прилагал все усилия к их вразумлению, обличая их праздность, самомнение, учил смирению о простоте. Так, один из странников, беседуя со Святителем о духовных предметах, по своему высокоумию начал спорить с ним и даже дерзнул осудить его за пострижение усов. Святитель смиренно ответил ему словами апостола Павла: "Блюди, брате, како опасно ходишь", и не высокомудрствуй, но бойся "и мняйся стояти, да блюдешися". Отнесясь с пренебрежением к словам святого Архипастыря, этот человек снова пошел странствовать, но стал пьянствовать, так что потерял свои документы и Промыслом Божиим был прислан из Москвы в Задонскую тюрьму, причем, как у бродяги, у него обрили половину головы, остригли бороду и усы. Узнав об этом, святитель Тихон по своему человеколюбию взял несчастного на поруки. Последний смиренно признал свою вину перед Святителем, каялся в своем высокоумии и просил у него прощения, говоря, что все это потерпел за оскорбление его Преосвященства. Св. Отец простил его и отпустил с миром, преподав ему соответствующее его душевному состоянию наставление[153].

Недоброжелательно относился св. Тихон и к разукрашенным и роскошно одетым женщинам. Его возмущала вычурность и искажение естественной красоты, одетых щегольски, скороходных вертушек. Видя это, он со слезами на глазах говорил: "Бедные, ослепленные христиане! Смертное тело свое убирают и украшают, а о доброте души своей едва ли когда вспомнят; очернели от грехов, аки мурин, не знающий Бога и не верующий во Христа Сына Божия"[154]. Если кто из таковых приезжал к нему за советом и благословением, то он им отказывал, ссылаясь на слабость своего здоровья. Слух о строгом отношении святого Отца к женским украшениям очень быстро распространился среди народа. И когда помещики со своими женами приезжали к нему для получения духовной пользы, "то все свои уборы, а паче головные, пудры и пукли женщины отлагали и являлись к нему переодетыми в смиренное одеяние"[155]. В стремлении некоторых одеваться роскошно св. Тихон ви-

---

151 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 100.
152 Записки И. Ефимова, стр. 29.
153 Там же, стр. 42.
154 Там же, стр. 22.
155 Там же.

дел нарушение принципов христианской жизни. "Кто печется о телесном украшении, — говорил он, — тому недосуг пещися о душевном... Украшение щегольское показует сердце, желающее суетной чести... Украшение сие без обиды ближнего и потому оскорбления Божия быть не может... До нищих ли тому, у кого суета сия в сердце место свое имеет... Большая еще суета и срам христианству есть, что жены белилами, красками и мастями лица свои намазывают"[156]. Особенно святой Отец восстает против тех, кто в таком виде приходит в храм Божий, место покаяния и смирения.

Так же строго св. Тихон относился к тем, кто допускал грех осуждения, празднословия и неумеренного смеха. Он всячески заботился об их исправлении. И если кто-нибудь в его присутствии начинал осуждать ближнего, то он прекращал беседу и делал выговор, хотя бы это был и самый близкий ему человек, и при этом предупреждал, чтобы впредь таких разговоров больше не допускать[157]. Особенно Святитель не выносил этого порока среди монашествующих. Относительно же смеха св. Отец поступал еще строже: "если когда услышит смеющихся и грохочущих из живущих при нем келейных, то без епитимии не оставлял, или выговором накажет со скромным изъяснением вездесущия и всеведения Божия, что само в страх и трепет приводило их"[158].

Но особенно сильно вооружался св. Тихон против зла гордости. С болью в сердце он обличал тех, кто с презрением смотрел на бедные и низшие слои народа, кто считал себя созданным для счастья и не признавал такого права за другими людьми, считая их недостойными уважения и братского почитания. "Слышим, — пишет Святитель, — что один другому... говорит: "Я-де не твой брат". Чудно, что человек человеку говорит, и не стыдится говорить: "Я-де не твой брат"... Когда ты не его брат, то чей же? Он человек, а тебя как назвать — Ангелом или бесом? Скажи, скажи, пожалуй, ибо сам ты говоришь человеку: "Я не твой брат..."[159] Такими словами св. Отец располагал владельцев крепостных крестьян к человеколюбивому обращению с ними. Кроме того, он обличал и восставал также против пиршеств, псовой охоты, картежных игр, против роскоши в пище, питии, одежде. Чтобы посрамить горделивое превозношение людей богатых и сильных, он напоминал им о Спасителе, Который настолько возлюбил человека, что излил за него Свою драгоценную Кровь.

Св. Отец не только обличал и вразумлял, но часто наставлял согрешивших, чтобы они четко понимали смысл и содержание христианской жизни. С этой целью он раздавал тетради своих сочинений и с готовностью отвечал на письма всех, кто обращался к нему за духовным советом.

Кроме мирян, св. Тихон наставлял и монашествующих. По-отечески просто и ясно он напоминает инокам об их обетах служить Христу верой и правдой, воздавать почтение настоятелю, заниматься богомыслием, не быть в праздности, но постоянно что-нибудь делать и т. д. Не остав-

---

156 Творения, т. II, стр. 159.
157 Записки И. Ефимова, стр. 34.
158 Там же.
159 Творения, т. IV, стр. 395—396.

лял Святитель без вразумления и бывших своих сработников, т. е. священников, когда они обращались к нему за духовной помощью. Здесь он также напоминает самые главные христианские правила. Так, он советует заниматься размышлением о своем служении и богомыслием воспитывать в душе страх Божий, постоянно чувствовать пред собой вездесущего Бога, удаляться от неприличных пиршеств и собраний, не взирать на плохие действия своих собратьев, но постоянно внимать учению Христову и с ревностью исполнять свои обязанности, с умилением, страхом и благоговением совершать св. Таинства, в исповеди быть осторожным, чтобы излишней снисходительностью не привести кающегося к беспечной жизни, а излишней строгостью — в отчаяние, говорить по праздникам поучения и т. д.[160]

Самым главным в служении св. Тихона ближним было миротворчество. "Милостыня высока, — говорил Святитель, — но миротворение выше и милостыни, ибо милостивии только сами помилованы будут, а миротворцы сынами Божиими нарекутся"[161]. Святой Отец всячески старался восстановить мир между ссорящимися. Для этой цели он часто предпринимал далекие путешествия к своим духовным детям, чтобы только водворить в их душах мир и любовь к ближним. И что замечательно, Святитель всегда приезжал неожиданно, без предупреждения и никем не званный, и притом в тот момент, когда его присутствие было крайне необходимо. Такими острыми обстоятельствами в семьях были раздоры и неурядицы, раздел наследства, неповиновение детей и другое. Приезд св. Тихона был семейным праздником. Его встречали как посланника неба, лобызали как друга и благодетеля и внимали ему как отцу и наставнику. На его суд отдавали домашние распри и несогласия, и кого он признавал виновным, тот беспрекословно подчинялся приговору. Св. Отец не выезжал из такого дома, пока не примирит между собой всех ссорящихся и не установит полного мира и согласия. Тогда радость его была совершенна, и, оставляя дом, он призывал на всех благословение Божие[162]. "Как велика была тогда его радость, — пишет в своем труде прот. А. Лебедев, — и как глубоко чувствовал он блаженство этой заповеди о миротворении, мы можем заключить из того случая, что, примирив однажды соседнего помещика, долго враждовавшего со своим братом, он три дня, запершись в келье, молился Богу со слезами, благодаря Его за эту ниспосланную ему благодать примирения"[163].

Не менее радовался св. Тихон, если ему удавалось вывести кого-либо из раскольников из заблуждения. Святитель не мог оставаться равнодушным к их судьбе. Он прежде всего стремился раскрыть опасность и гибельность пути раскола и, с другой стороны, спасительность пути послушания и преданности святой Церкви. Уже говорилось, что строгая и добродетельная жизнь Святителя привлекала многих раскольников и заставляла их прислушиваться к его наставлениям и увещаниям. С великой радостью он встречал того, кто возвращался в Церковь. "Наш ты теперь, — восклицал он, заключая в объятия одного из расколоучителей,—

---

160 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 110.
161 Записки И. Ефимова, стр. 60.
162 Там же, стр. 44.
163 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 113.

да возрадуется душа наша о Господе, яко обретохом овцу погибшую, и яко мертв бе и обретеся. Слава Богу о всем! Слава Богу за Его благость к нам и человеколюбие!"[164] Одному монаху, которого раскольники пытались совратить с истинного пути, он писал: "Раскольников, как огня, берегись и с ними никакого не имей сообщения. Хотя бы они по неделе постились и всегда молились, и прочие дела показывали, бегай от них"[165]. Обличая и раскрывая заблуждения раскольников, Святитель стремился привести их к вечному спасению. Обнимая всех любовью, он часто говорил: "Желал бы я, чтобы не только раскольники, но и турки, и все противящиеся Богу получили вечное спасение и блаженство"[166].

Но самое действенное служение ближним св. Тихон проявил своими письменными трудами. Его многочисленные сочинения вошли в драгоценнейшую сокровищницу душеспасительных размышлений и рассуждений. Они призваны оказывать существенную помощь всем стремящимся ко спасению. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в отдельной главе данной работы.

На протяжении всей главы мы проследили, какое нравственное влияние оказывал св. Тихон своими наставлениями на тех, кто соприкасался с ним. Иноки и священники ревностно брались за исполнение своих обетов и обязанностей, раскольники обращались в лоно Православной Церкви, люди порочные в корне изменяли свое поведение, а дети на всю жизнь запоминали наставления любвеобильного Святителя. Святитель проявлял благоразумную рассудительность, если кто из раскаявшихся решался уйти в монастырь. Если это был человек семейный, то св. Отец не советовал ему так поступать, убеждая лучше проводить жизнь по-христиански в семье, и указывал на общие правила христианской жизни. В жизнеописании приводится пример, когда один дворянин, имевший с молодости пристрастие к собачьей охоте, карточной игре и веселым шумным пиршествам, под влиянием наставлений Святителя распалился такой ревностью к спасению своей души, что решил бросить семью и уйти в какую-либо глубокую пустыню. Св. Тихон написал ему письмо, в котором убеждал оставить неразумную ревность и объяснял, что можно жить богоугодно и в том положении, в котором он находится. Этот человек поступил согласно наставлениям Святителя и проводил жизнь, как подобает христианину. Правда, после кончины св. Тихона он постепенно забыл свои обеты и снова обратился к старым привычкам. Однажды, отправившись на охоту со своими собаками, он упал с лошади и поломал себе ноги. Тогда и вспомнились наставления Святителя. Дворянин раскаялся в своем непостоянстве и возвратился к скромной христианской жизни[167]. Так св. Отец и после смерти воздействовал на своих духовных чад на пути к благочестивой жизни.

Когда св. Тихон по болезни не мог выезжать из монастыря и лично вразумлять уклоняющихся от норм христианской жизни, то вставшие ранее на путь исправления начинали ослабевать в вере и благочестии и возвращались снова к роскошной жизни, скупости, зависти, ненависти и

---

164 Записки И. Ефимова, стр. 21.
165 Творения, т. I, стр. 248.
166 Житие, стр. 104.
167 Записки И. Ефимова, стр. 30.

т. д. Узнавая об этом, Святитель весьма огорчался и приводил слова Божии: "И пошлю на них глад, не глад хлеба и жажду воды, но глад слышания слова Божия", "вера от слуха, слух же глаголом Божиим" и проч. Поэтому-то он, лежа на болезненном одре и переживая тот слух, дошедший до него, оплакивал неверие и слабости человеческие"[168].

Также болезненно переживал св. Тихон нежелание исправляться или же непокорность своих духовных чад. Если он сталкивался с этим во время своей поездки к знакомым, то после возвращения остро переживал случившееся, обдумывал все и слышанное и сказанное. В такие минуты он сожалел о своем выезде и признавался келейным, что возвратился не таким, каким был в уединении[169]. Если в этот период кто-либо из духовных детей или друзей приглашал Святителя в гости и присылал за ним лошадей, то он после долгих раздумий и колебаний часто отказывался и отсылал лошадей обратно[170]. При всей своей ревностной деятельности на пользу ближним св. Тихон старался сохранить мир в своей душе и предпочитал уединение иноческой жизни выездам из монастыря, во время которых этот мир невольно нарушался. Таким колебаниям старец-Святитель все больше подвергался в конце своей жизни, когда чувствовал приближение конца своего земного пути. Он все чаще возводил свой взор к Богу и восклицал: "Ничего я не хочу и не желаю ни на земли, кроме Тебе, единого... Иисусе Христе, Боже мой!"[171] Он желал, говоря словами Апостола, "разрешитися и со Христом быти" (Флп. 1, 23). "О, когда прииду и явлюся лицу Божию!"[172] И это желанное для него время было уже близко.

5. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА

Все более и более возвышаясь духовно, Святитель с каждым днем слабел телесно. К нему снова возвратились те болезни, которые в свое время вынудили его уйти на покой; нервные припадки, бессонница, дрожание конечностей. Чувствуя приближение смерти, св. Тихон стал еще более внимательно относиться к самому себе, готовясь к той минуте, когда должен будет предстать пред Судьей и Господом. И в конце своей жизни он предался совершенному уединению, безмолвию и самоуглублению.

В затвор св. Подвижник полностью удалился 25 декабря 1779 г., в праздник Рождества Христова. Это был день провозглашения Задонска уездным городом, и по этому поводу в монастырь к литургии собралось много должностных лиц и простых людей. От тесноты и духоты в храме Святитель почувствовал себя крайне плохо и вместе с келейником вышел на паперть. Затем походил вокруг храма и через пятнадцать минут снова вернулся и стоял в нем до конца службы. После литургии он терпеливо благословлял всех, кто только подходил к нему. При этом, по замечанию келейника, его вид был весьма болезненным[173]. Такое нап-

168 Записки И. Ефимова, стр. 44.
169 Там же, стр. 24.
170 Там же.
171 Творения, т. IV, стр. 317.
172 Там же.

ряжение привело св. Тихона в крайнее изнеможение, и, вернувшись в келью, он сказал келейнику: "Запри дверь. Если же дворяне придут, ты скажи им, что Преосвященный весьма слаб здоровьем"[174]. С этого времени и до самой своей кончины Святитель никуда не выходил из своей кельи и только изредка принимал посетителей — самых близких к нему духовных чад, а в ночное время посещал заключенных. Находясь в глубоком молчании, Угодник Божий только изредка открывал свои богодухновенные уста по какому-либо важному вопросу. И если ранее Святитель во время чтения Священного Писания объяснял его смысл и значение, то теперь он только слушал, и лишь по прочтении десяти глав, по словам келейника, из его уст можно было услышать слова: "Полно, благодарствую тебе, пойди себе"[175].

Приблизительно в это время св. Тихон имел во сне видение, которое побудило его совершенно затвориться в своей келье. Он видел, что привели его на прекрасный луг, где были построены огромные палаты, все из чистого хрусталя. В них были приготовлены пиршественные столы и находилось много веселящихся. Он слышал их пение и лица, но не понимал смысла слышимых песнопений. Затем его будто бы спросили, хорошо ли здесь, и он ответил: "Весьма хорошо". Когда же св. Отец хотел войти туда, его остановили в дверях, сказав утешительные слова: "Через три года и ты можешь войти сюда, а теперь иди потрудись"[176]. С этого времени Святитель стал часто размышлять о смерти и вечности. К такому размышлению он побуждал себя, взирая на картину с изображением старца в черном одеянии, лежащего во гробе, или смотря на гроб, стоящий в чулане его домика. Этот гроб, обитый черной фланелью и белой тесьмой, а также одежды и облачение для погребения старец-Епископ приготовил за пять лет до своей кончины. Смотря на гроб, он оплакивал падение человека, говоря: "Вот до чего довел себя человек, что, будучи сотворен от Бога непорочным и бессмертным, как скот зарывается в землю". Иногда св. Тихон предавался громкому плачу и рыданию[177].

Постоянно обращая свой ум к Богу, св. Отец так углублялся в богословие, что никого не замечал, даже в своей келье. Келейник, которому разрешалось входить в комнату Святителя, часто заставал его сидящим на кровати и опустившим голову на руки, согнутые в локте. После св. Отец спрашивал, не заходил ли он в такое-то время, и объяснял ему свое состояние[178].

В этот период своей жизни св. Тихон постоянно, днем или ночью, из глубины души возносил к Богу псаломские слова: "Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть" (Пс. 38, 5). И вот однажды он услышал голос: "Конец твоей жизни будет в день недельный"[179]. Это известие св. Отец как тайну открыл только схимонаху Митрофану[180].

---

173 Записки Чеботарева, стр. 18.
174 Там же.
175 Там же.
176 Записки И. Ефимова, стр. 35.
177 Там же, стр. 19.
178 Житие, стр. 121.
179 Записки И. Ефимова, стр. 20.
180 Там же, стр. 19.

Святитель с этих пор всякое воскресенье после ранней литургии причащался Св. Тайн, а на последней седмице причастился дважды.

Несмотря на совершенное уединение, св. Отец не оставлял дел милосердия. Бедные и нуждающиеся по-прежнему приходили к келье Святителя за помощью, по-прежнему получали ее, хотя через келейников. Уйдя в затвор, св. Тихон не оставлял и обращающихся к нему за советом и наставлением. Таким он отвечал письменно. Завязывалась переписка, продолжающаяся порой до конца жизни. Одно из наставлений, написанное для монашествующих, осталось даже неоконченным из-за крайней слабости здоровья св. Отца. Скорбя о тех своих знакомых и духовных чадах, которые без его руководства начали ослабевать в добродетельной жизни, Угодник Божий написал послание, адресованное всем христианам. Этим посланием он стремился пробудить их от греховного сна, неоднократно напоминая о страшном последнем суде[181]. Во всех последних письмах св. Тихона отразились опытность и духовная мудрость, приобретенные длительным подвигом борьбы с искушениями, подвигом уединенного богомыслия. В это время в его душе пребывал покой и духовный благодатный мир, который даруется подвижнику после многолетней борьбы.

Замечательно в этом отношении одно письмо Святителя, адресованное мирянину, заботящемуся о спасении души. Оно характерно тем, что содержит в себе взгляды св. Тихона на самые разнообразные стороны жизни христианина. В этом же письме Святитель излагает правила, которых должен придерживаться каждый верующий. Он дает конкретные указания, как должен человек, восставший от ночного сна, распределять свое время, чтобы беспрепятственно шествовать по спасительному пути, ведущему в Царство небесное. Прежде всего, по мысли Святителя, христианину следует поблагодарить Бога за прошедшую ночь, а затем усердно помолиться Ему. Далее, в назначенное церковью время сходить к Божественной литургии, а по возвращении заняться чтением душеспасительных книг и только после этого приступать к своим делам. Однако и в течение всего дня следует ум свой возводить ко Христу, прося Его помощи и поддержки в борьбе с духами злобы. Если христианин будет так проводить все дни своей жизни, то приучит себя к строгому контролю над своими мыслями, пожеланиями, а это, в свою очередь, даст ему возможность очистить душу от греховных изъянов. Немаловажным средством, помогающим в борьбе с искушениями, служит память о смерти, суде Христовом и неизвестной участи в вечности. Частое воспоминание об этом отрезвляет душу и привлекает в нее благодатную силу свыше.

Кроме того, Святитель призывает подвизающихся на пути ко спасению избегать пиршеств, удерживать язык и ограждать глаза и уши от всего порочного и скверного, чтобы предотвратить проникновение в душу греховной мерзости. Вот почему святой Отец советует почаще находиться в уединении, которое даст возможность христианину совершенствоваться в добродетельной жизни. Для подтверждения своей мысли св. Отец приводит слова, сказанные Богом Арсению Великому: "Бежи от человек и спасешься". "Да звенит этот голос, — говорит Святитель, — и нам. Одна-

---

181 Творения, т. V, письмо № 46, стр. 372.

ко же, убегая от человеков, не ради человеков, но ради греха убегать должны. Грех должно нам ненавидеть, а не человеков, а их любить должно; и не ненавидеть, но молиться за них..."[182].

29 января 1782 г. св. Тихон составил духовное завещание. Воздав славу Богу за все Его благодеяния, он выражает упование на милость Божию и за пределами этой жизни. Затем Святитель делает распоряжение о своих сочинениях: "Сочинения мои, в которых я, по силе и возможности своей, будучи в уединении, трудился и оставил по себе, ...поручил я келейному моему, мне служившему, Иоанну, — отвезти на рассмотрение в Святейший Синод"[183]. Святой Тихон также распорядился о своем погребении и распределил свое имущество. Убогие вещи свои он поручал келейнику раздать бедным. Некоторые иконы и картины дарил своим благодетелям и ближайшим духовным чадам[184]. К этому времени Святитель настолько ослаб, что уже не в силах был подписать завещание своей рукой и только приложил свою печать[185].

Приблизительно через три с половиной месяца после этого (за год и три месяца до кончины) случился удар: всю левую сторону тела разбило параличом, и Святитель совершенно слег в постель. Этот новый тяжкий недуг он принял со смирением как призвание Божие на новые труды и подвиги. К этому его располагало и видение, которое св. Отец видел накануне болезни. В легком сне представилось ему, что он молится в монастырской церкви св. Евсевия Самосатского, а приходской священник города Задонска о. Михаил выносит из алтаря через царские врата младенца под белым покрывалом. Св. Тихон спросил его имя и в ответ услышал: "Василий". Приподняв покрывало, он поцеловал младенца, а тот сильно ударил его рукой по левой щеке. Проснувшись, Святитель почувствовал онемение щеки и всей левой половины своего тела. Это сновидение св. Тихон принял как посещение Божие, как предвестие близкой смерти и поэтому на болезнь взирал как на ношение язв Господа Иисуса Христа на своем теле[186].

Услышав о болезни Святителя, его посетил искренний друг и почитатель епископ Тихон III. Больной хотел привстать на постели, чтобы беседовать с таким дорогим для него гостем сидя, но не смог и вынужден был лежать. Правящий архиерей сутки провел в монастыре, многократно посещал своего больного друга, утешая его и в то же время наслаждаясь духовными беседами[187].

Вскоре Господь в утешение и подкрепление верного Своего угодника посетил его новым благодатным откровением. Св. Тихон увидел во сне посреди монастыря множество людей и высокую лестницу, которая достигала облаков и по которой он должен был подниматься, хотя и чувствовал большую слабость. Народ, следовавший за ним, поддерживал его, так что он не чувствовал никакой усталости. Один из близких к нему людей объяснил, что "лестница есть путь в Царствие небесное; высота

---

182 Творения, т. V, стр. 371.
183 Записки И. Ефимова, стр. 58.
184 Там же, стр. 59.
185 Там же, стр. 58.
186 Там же стр. 40.
187 Там же, стр. 31.

Святитель Тихон, епископ Воронежский

ее — трудность пути; народ, последовавший за ним, — слушающие его наставления и следующие им; легкость и помощь при восхождении — содействие благодати Божией и молитв любящих его. Святитель сказал на это объяснение: "Я и сам то же думаю, чувствую приближение кончины моей"[188].

И действительно, время перехода в иную жизнь приближалось. Телесные силы св. Тихона стали угасать видимо для всех. Голос настолько ослаб, что понимать св. Отца мог только келейник, который и передавал предсмертные слова Святого тем, кто посещал его в эти последние дни. За три дня Святитель предсказал свою кончину. В этот день он разрешил своим духовным детям и знакомым прийти к нему, чтобы проститься. Безусловно, все поспешили воспользоваться этой возможностью, чтобы получить последнее благословение и услышать из его уст назидательные поучения. Некоторые из наиболее преданных по нескольку часов стояли у смертного одра Святителя, желая оказать последние услуги и услышать последние наставления. Изнемогающим голосом св. Тихон иногда произносил несколько слов. Видя его изнеможение, некоторые с плачем спрашивали его: "Отец ты наш! На кого ты нас сирых, печальных и горьких оставляешь?" Как сказано в житии, умирающий Святитель, сердечно любивший своих духовных чад, указывая на картину распятого Христа, "поручил их Божьему покровительству"[189]. Эти слова настолько подействовали на присутствующих, что никто из них не мог удержаться от слез, и все навзрыд плакали.

Простившись с друзьями, св. Тихон просил никого к себе не пускать: оставшиеся дни земной жизни от хотел посвятить Единому Богу, к Которому устремлял ум и все свои чувства. "Хотя он лежал с закрытыми глазами все то время, — говорил его келейник, описывая его предсмертные минуты, — но он углублял свой ум, мысли и чувства к Богу. Точно так это было, ибо его духовные чувства и умные моления очень были для меня заметны всегда"[190].

Накануне дня смерти, в субботу вечером, к Святителю зашел настоятель монастыря игумен Самуил. Он сел около постели умирающего и стал спрашивать: "Не будет ли какого приказания?" Св. Тихон открыл глаза, взглянул на него и тихо на ухо сказал келейнику, чтобы его не беспокоили и что приказания никакого нет. Игумен, видя приближающуюся кончину св. Тихона, поцеловал у него руку и, уходя, приказал келейнику немедленно сообщить ему, когда наступит смерть[191].

Весь вечер св. Тихон пролежал с закрытыми глазами, постоянно пребывая в молитве и спокойно ожидая момента, когда душа освободится от бренного тела. К полуночи сделалось труднее. Хотя Святитель и причащался накануне дважды, но сейчас он снова просил, чтобы утром пораньше совершили раннюю литургию и причастили его. В три часа утра Святой послал просить очередного иеромонаха начать богослужение, но его просьбу не спешили исполнить. С каждой минутой состояние Святителя ухудшалось, и всем стало понятно, что он умирает. Послали за нас-

---

188 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 167.
189 Записки И. Ефимова, стр. 38, 42.
190 Там же, стр. 42
191 Там же, стр 37.

тоятелем, но его, по словам одного из жизнеописателей, по попущению Божию, не смогли добудиться. Услышав о приближающейся кончине, насельники монастыря, находившиеся в то время в церкви на утреннем богослужении, пришли к умирающему Святителю, желая видеть его последние минуты. Постояв с полчаса в глубоком молчании, они снова вернулись на молитву. После их он вскоре и скончался. "Итак, святительская его душа разлучилась с телом в 6 час. 45 мин. утра 13 августа, при нас одних только, в болезни ему служивших четырех человеках. Смерть его была так спокойна, что он как бы заснул, даже корпус всего тела не вытянулся, как обыкновенно бывает, но одно только замечено мною: при последнем издыхании открыл он глаза, и паки сомкнул, тут и узнал я совершенное разлучение души его с телом, поскольку его святительская глава лежала на моей грешной деснице"[192].

Так 13 августа 1783 года на 59-м году жизни окончил свою многотрудную подвижническую святую жизнь святитель Тихон Воронежский, Задонский чудотворец.

Епископ Тихон III, правящий архиерей Воронежской епархии, получив донесение настоятеля монастыря о кончине св. Тихона, сделал соответствующие распоряжения. Прежде всего, он признал, что место, выбранное самим Святителем для погребения[193], не соответствует его святой жизни и заслугам. Поэтому он распорядился похоронить св. Отца в Задонском монастыре, под алтарем соборного храма в честь Божией Матери Владимирской в особом склепе. Далее он приказал выдать из ризницы Воронежского кафедрального собора архиерейское облачение для Почившего. Так как гроб, приготовленный св. Тихоном, оказался коротким, то для погребения Святителя елецкие купцы сделали новый гроб и обили его дорогим материалом. Епископ Тихон III распорядился также после облачения совершить со всеми находящимися в монастыре и близлежащих селениях священнослужителями панихиду, а потом с подобающей честью на священнических руках вынести тело в церковь, где непрестанно читать Евангелие. Кроме того, он дал указание пригласить к погребению настоятелей Елецкого и Дивногорского монастырей, всех священников и диаконов г. Ельца и церквей близлежащих селений и известить всех священнослужителей г. Воронежа, чтобы желающие из них могли принять участие в погребении. И наконец, он повелел, чтобы повсеместно по церквам Воронежской епархии совершалось поминовение души новопреставленного Святителя[194].

Как только весть о смерти любимого и почитаемого всеми Архипастыря разнеслась по городу и окрестностям, в монастырь прибыло много народа, и повсюду стали слышны плач и жалобные воздыхания, особенно со стороны нищих и убогих, которые потеряли в лице св. Тихона своего благодетеля. Множество людей из Задонска, Ельца, Воронежа и других городов и сел ежедневно стекалось в обитель проститься с усоп-

---

[192] Записки И. Ефимова, стр. 37.

[193] Еще задолго до кончины Святитель назначил в Задонском монастыре место для могилы своей около церкви Владимирской иконы Божией Матери, у порога при входе в храм, говоря: "Пусть мое грешное тело попирается ногами" (Житие, стр. 121).

[194] Житие, стр. 124.

Усманский Софийский женский монастырь, основанный в честных костях
Тихона Задонского Иваном Ефимовым
(в монашестве игром. Тихон)

Книги, рукопись, крест и др. вещи, принадлежавшие св. Тихону
и хранившиеся в Усманском Софийском женском
монастыре

шим и помолиться о упокоении его души. Иеромонахи монастыря не успевали служить панихиды.

Сначала почившего Святителя облачили в одежды, о которых он упоминал в завещании. Но на четвертый день после кончины, когда было привезено облачение из Воронежа, его переоблачили в полное архиерейское одеяние. К удивлению всех, тело св. Тихона было неокостенелым и оставалось таким до самого погребения[195]. 17 августа гроб с телом св. Тихона после совершения панихиды с пением был перенесен в большую монастырскую церковь. На следующий день прибыл Воронежский епископ, и 20 августа состоялся чин погребения.

В конце литургии епископ Тихон III произнес речь, в которой охарактеризовал почившего Святителя как добродетельного праведника, достойного названия блаженного. Призвав слушателей подражать его добродетелям, епископ заключил свою проповедь следующими словами: "О муже святый! Представ пред престолом всеблагого Бога, помяни и нас любящих и почитающих тя"[196]. Все присутствующие горько плакали.

После отпевания перед последним целованием тела архидиакон прочитал духовное завещание святителя Тихона[197]. Чтение этого трогательного документа прерывалось рыданиями слушателей и самого чтеца. А при последнем целовании тела в храме начался всеобщий плач и вопль. Громкие восклицания: "Прости, Отец наш! Моли Бога о нас"... и др. заглушали слова заупокойных песнопений. Гроб с телом усопшего священ-

---

195 Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 125.

196 Житие, стр. 129.

197 В частности, в завещании говорится: "Слава Богу о всем! Слава Богу, яко мене создал по образу Своему и по подобию! Слава Богу, яко мене падшего искупил! Слава Богу, яко о мне недостойном промышлял! Слава Богу, яко мене согрешившего в покаяние призвал! Слава Богу, яко мне подал слово Свое святое, яко светильник, сияющий в темном месте, и тем мене на путь истинный наставил! ...Слава Богу, яко показал мне прелесть и суету мира сего! Слава Богу, яко помогал мне в многоразличных искушениях, бедах и напастях! Слава Богу, что при бедственных и смертных случаях мене сохранял!.. Слава Богу и о прочих Его благах, которые мне к содержанию и утешению моему подавал! Столько я от Него получал благодеяний, сколько дышал! Слава Богу о всем! Ныне я к вам, братия моя, слово обращаю. Не могу я с вами, яко же прежде, устами и гласом беседовать, яко бездыханен и безгласен, но беседую малым этим письмецом. Первое: храмина тела моего разрушилась и яко земля земле предастся, по слову Господню: земля еси и в землю пойдеши. Но со святой Церковью чаю воскресения мертвых и жизни будущего века... Второе: отшел я от вас в путь всея земли и отлучился, и уже друг друга не видим, яко же прежде. Но увидимся паки тамо, где соберутся все языцы, от начала мира до конца пожившие. О, сподоби, Господи, и тамо видеться, где Бог видится лицем к лицу, и тем видящих оживляет, утешает... тамо истинное блаженство, и все вечное и бесконечное. Буди, Господи, милость твоя на нас, якоже уповахом на Тя! Третье: благодетелям моим, которые меня при нужде и немощи моей не оставляли, но по своей любви и милости благами своими снабдевали, много благодарствую. Да воздаст им Господь в день он, в котором всем по делам их воздастся! Четвертое: всем, которые меня как-нибудь обидели, простил и прощаю; да простит им и Господь Своею благодатью! Прошу и меня простить, если кого чем обидел, яко человек. Оставите и оставятся вам, глаголет Господь. Пятое: пожитков как у меня не было, так и не осталось по мне; прошу поэтому с тех, которые при мне жили и служили мне, ничего не взыскивать. Простите, возлюбленные, и Тихона поминайте" (Житие, стр. 131).

ники обнесли вокруг храма и поставили в обложенный камнем склеп, под алтарь соборной церкви. Над склепом затем сделали надгробие в форме гроба. Впоследствии это надгробие усердием почитателей Святителя было расписано, а сверху была положена медная доска со следующей надписью: "Здесь скончался 1783 года августа 13-го дня Преосвященный Тихон, Епископ прежде бывший Кексгольмский, а потом Воронежский, рожденный 1724 года. Епископствовавший с 13-го мая 1761 года, пребывавший на обещании (покое. — *А. И.*) с 1767 года по смерть, показавший образ добродетели словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою, 1783 года, августа 20-го погребен здесь"[198]. Впоследствии одна из ревностных почитательниц Святителя вместо этой доски сделала другую, серебряную, на которой кроме надписи было еще изображение св. Тихона[199].

Согласно завещанию, оставшиеся вещи св. Отца были распределены между теми, кому предназначались, или розданы бедным, а некоторые проданы и вместе с оставшимися деньгами (всего 14 руб. 50 коп.) розданы нищим. Сочинения в том же году были отправлены келейником в Святейший Синод[200].

---

198 Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 93.
199 Там же.
200 Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 175.

ГЛАВА V

Прославление и открытие мощей святителя Тихона

1. ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О БЛАГОДАТНОЙ СИЛЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ПО ЕГО КОНЧИНЕ

Благоговейная память о любвеобильном, добродетельном Архипастыре не только не угасала с течением времени, но постепенно росла и переходила в уверенность, что св. Тихон прославлен Господом и находится в сонме святых угодников. Его почитали не только те, кто слышал о его богоугодной жизни или читал его сочинения. Уже через год после кончины Святителя были изданы некоторые его сочинения, несколько позже — все остальные, некоторые же переиздавались вторым тиражом. Простота творений св. Тихона, их ясность, живое чувство благочестия, доступность для общего понимания и глубокая назидательность сделали их любимыми произведениями всех классов великой России. Почитатели памяти св. Отца старались приобрести или переписать сведения о его жизни и подвигах. Воспоминания келейников В. Чеботарева и И. Ефимова за короткий срок были переизданы несколько раз. В 1794 году Воронежским епископом Тихоном III было издано первое жизнеописание Святителя. В 1796 г. епископ Евгений Болховитинов (впоследствии митрополит Киевский) издает более полное житие, которое из-за множества желающих приобрести его также переиздавалось неоднократно[1].

Сам Господь благоволил прославить имя Своего Угодника на земле. Послушник Задонского монастыря, близкий ученик Святителя, Никандр Бехтеев рассказывает о видении схимонаху Митрофану. По его словам, через три года после кончины св. Тихон в небесной славе явился своему другу по духу и жизни схимонаху Митрофану и сказал ему: "Отец Митрофан! Всемогущий Бог хочет прославить меня", — и потом сделался невидимым. "С того времени, — свидетельствует послушник Никандр, — потек от всех мест народ для поклонения Святителю и начали служить при гробе его панихиды"[2].

Постепенно все места, так или иначе связанные с жизнью святителя Тихона, стали приобретать известность. Два колодца в окрестностях Задонского монастыря, вырытые руками св. Отца в местах, где он любил уединяться для молитвы и богомыслия, стали посещаться паломниками. В 1813 г. на одном из них была построена церковь в честь Божией Мате-

---

[1] Житие, стр. 148.

[2] С. Н. Введенский. Один из почитателей св. Тихона Задонского. "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 3.

ри, а через несколько лет — богадельня. В 1833 г. было начато строительство женского монастыря, который впоследствии был назван Тихоновским.

На другом колодце был сооружен скит, который впоследствии также был назван Задонско-Тихоновским.

В самом монастыре в 1818 году в честь св. Тихона были школа-интернат на 24 мальчика (10 из них содержались за счет монастыря в память любви Святителя к детям) и две богадельни.

Основная причина такой широкой известности имени св. Тихона состоит в том, что с верою призывающие на помощь Святого Угодника в самых разнообразных случаях получали благодатную помощь свыше. Именно эти многочисленные чудеса убеждали всех, что св. Тихон — великий святой Угодник Божий. Весьма примечательно, что чудеса совершались не только при его гробе, но и везде, где бы ни призывалось имя Святителя. Совершаемые повсеместно, эти случаи, во-первых, распространяли славу о нем, а во-вторых, побуждали людей идти к гробу Святого с благодарностью за полученное исцеление[3].

В жизнеописании, а также в архивах приводится множество примеров чудесных исцелений. Некоторые из них особенно характерны. Например, чиновник из Киева П. Я. Забугин в течение 20 лет страдал головными болями, головокружением, рвотой, геморроидальной болезнью и болями в желудке. По состоянию здоровья он вынужден был оставить работу, а затем слег совсем. Усилия нескольких врачей оказались безуспешными. Когда, по их словам, больному оставалось жить не более недели, его повезли в Задонск. Уже после первой панихиды у гроба св. Тихона он почувствовал себя настолько хорошо, что мог не только ходить, но и стоять длительное время в церкви, не чувствуя усталости. В Киев он вернулся совершенно здоровым и снова приступил к оставленной работе. На руках у него находились справки от лечащих врачей о безнадежном положении до поездки в Задонск и о хорошем состоянии здоровья после поездки[4].

Довольно необычной болезнью страдала жительница г. Задонска А. П. Анцыферова. Врачи не могли, по словам больной, не только облегчить ее страдания, но и даже поставить точный диагноз. Три раза в сутки: в час ночи, девять часов и в 17 — все тело у нее начинало трястись и сжиматься настолько сильно, что казалось, будто все суставы у нее разрушаются. В глазах, языке и горле она ощущала сильное дергание. Несколько раз она в таком состоянии теряла сознание и делалась как бы мертвой. Более девяти лет продолжалась ее болезнь. Однажды во сне она увидела себя стоящей у гроба св. Тихона и услышала женский голос:

---

[3] В основном фиксировались только случаи чудесных исцелений. В свое время в Задонском монастыре имелись записи подобных исцелений с 1820 г. Более ранние записи были утеряны (были взяты кем-то из богомольцев и не возвращены) (Житие, стр. 147).

[4] Прославление св. Тихона, обретение и открытие святых мощей его. Приложение к "Житию иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. Спб., 1870, стр. 17. Далее при ссылке на данное сочинение будут употреблены сокращения. Например: Прославление св. Тихона, стр. 17.

"Проси Святителя и читай ему тропарь: "Правило веры и образ кротости..." – и он исцелит тебя". Проснувшись, она почувствовала чрезвычайное облегчение во всем теле. Болезнь, постепенно отступая, наконец совсем прекратилась. С тех пор она ежедневно читает тропарь св. Тихону[5].

Другой житель г. Задонска рассказывает, что он с младенчества болел ногами и до семи лет не мог ходить. Когда он с матерью поехал в Задонский монастырь (в то время они жили в Воронеже), то, прикладываясь к мощам Святителя, воззвал: "Святителю отче Тихоне, дай мне ножки!" – и с этого времени стал ходить. Ноги его постепенно так укрепились, что он прослужил на военной службе одиннадцать лет и до старости не чувствовал никакой боли в них [6].

Следует отметить еще и такой случай. В г. Ельце восьмилетний мальчик заболел глазами. От ужасной боли он не находил покоя ни днем ни ночью. За две недели веки перестали закрываться, а зрачки сделались белыми, как от бельма. Мать привезла больного сына в Задонск к врачам. Полтора месяца лечения нисколько не улучшили состояния больного. Тогда мать, как бы проснувшись, вспомнила о чудесных исцелениях у гроба св. Тихона. После первой же молитвы мальчик уснул прямо у гроба Святителя. Во сне он увидел старца, выходящего из царских врат и говорящего: "Кто грешен, молитесь!" Мальчик ответил: "Я грешен", – и заплакал. Когда он, проснувшись, рассказывал этот сон, то уже четко видел все предметы[7].

В книге записей у гробового иеромонаха Иринея под № 10 записан следующий случай. Восьмимесячная племянница помещицы А. Рингель заболела кашлем. Несмотря на медицинскую помощь, болезнь прогрессировала, и уже не оставалось надежды на выздоровление младенца. Тогда А. Рингель, которая сама получила у гроба св. Тихона исцеление от лихорадки и головной боли, отслужила панихиду в Задонском монастыре и елеем из лампады у мощей Святителя помазала больные места младенца. Девочка заснула, и приступы кашля ее больше не беспокоили[8].

Замечательное явление открыто в 30-х годах XIX столетия при прославлении св. Митрофана Воронежского. Некоторым больным, в своих страданиях искавшим помощи свыше, являлись в видениях два или три Святителя. Св. Тихон неизменно был в числе их. Например, в 1829 г. некоей М. А. Елисеевой три раза подряд являлись Воронежские святители Митрофан и Тихон. Один из них был в схиме, а другой (св. Тихон) в мантии. Явившиеся поручили ей сходить в собор и отслужить панихиду по святому Митрофану, и дочь ее выздоровеет (она болела раком губы). После молитвы у мощей Святителя болезнь прошла ранее назначенной врачами операции[9].

От неизбежной смерти была спасена этими же Святителями одна девушка, которая попала в овраг с экипажем и лошадью. При падении

---

[5] Прославление св. Тихона, стр. 22.

[6] Там же, стр. 31.

[7] Житие, стр. 171.

[8] Там же, стр. 150.

[9] Н. Поликарпов. Великий и преславный чудотворец. – "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 59.

она получила очень сильные ушибы. Врач недоумевал, как этой девушке удалось остаться в живых, и сказал в заключение, что пострадавшая проживет только до утра. Утром же она видит, что к ней подходит св. Митрофан, сопровождаемый святителями Тихоном и Антонием (в то время еще правящим Воронежской кафедрой), и говорит: "Девица, вставай!" Она почувствовала, что боль прошла, и встала совершенно здоровой. Она упала в ноги своему исцелителю, а он, благословив ее, говорит, указывая на св. Тихона: "Прими и от него благословение, это друг мой — св. Тихон. У третьего же приимешь в своем месте", после чего они стали невидимы. Когда она вместе с родными приехала в Воронеж помолиться у мощей св. Митрофана и пришла к епископу Антонию, то, увидев его, узнала и сказала: "Вот был третий со св. Митрофаном". Преосвященный же, благословив ее и как бы ударяя ее по голове, сказал: "Молчи, молчи, девица". Это поразительное чудо так повлияло на исцеленную и ее младшую сестру, что, возвратившись домой, они поступили в Рязанский женский монастырь[10].

Многочисленные чудеса, описанные в житии св. Тихона, представляют собой только некоторую часть тех чудесных исцелений, которые совершались при молитвенном призывании на помощь Задонского чудотворца. Множество же случаев благодатной помощи Святителя известны только самим нуждающимся. Вполне понятно, что слава о Чудотворце росла и много людей приходило в Задонск почтить его память и помолиться у гроба.

Особенно много богомольцев, нередко из отдаленных мест и даже из Сибири, приезжали в обитель ко дню кончины св. Тихона, к 13 августа. Сохранилось описание торжеств в эти дни при архиепископе Антонии I (1810—1816). К этому дню обыкновенно приезжал в Задонск сам архиепископ, а накануне в храме Рождества Божией Матери, где почивало тело Святителя, совершалось всенощное бдение. На самый праздник 13 августа перед началом поздней литургии Преосвященный в облачении вместе с сослужащими выходил из алтаря царскими вратами и становился у гроба святителя Тихона. Настоятель монастыря, выходя последним из алтаря, становился на амвоне лицом к народу и читал духовное завещание св. Тихона. После совершалась большая панихида, а затем сразу начиналась заупокойная литургия. После ее окончания устраивалась на дворе трапеза для богомольцев[11].

Такие торжества устраивались каждый год, следовательно, г. Задонск постепенно сделался местом паломничества для людей самого разнообразного общественного положения. В этот день посетить Задонскую обитель и присутствовать на панихиде и литургии вменяли себе в обязанность и считали своим долгом губернатор и должностные лица Воронежа и различных мест этой губернии[12]. Таким образом, уже через 25—30 лет после блаженной кончины Святителя формы почитания его приобретают характер прочной традиции.

---

[10] Н. Поликарпов. Цит. соч., стр. 60.

11 А. Фадеев. Несколько слов о почитании св. Тихона при преосвященном Антонии I (на основании дневника Т. А. Волконской). — "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 17.

[12] Там же, стр. 18.

Почитание св. Тихона в этот начальный период выразилось и в установлении ему памятника одним из его почитателей. На памятнике изображена горящая свеча, символизирующая свет, который источал Святитель своей добродетельной жизнью и который источают его творения и святые мощи после кончины[13].

Русский народ неизменно связывал святость с нетлением мощей, поэтому убеждение, что мощи св. Тихона нетленны, было всеобщим. Например, один из почитателей памяти Святителя, некий Я. Машонов, житель ближайшего к Задонской обители района, Тамбовской губернии, ревностно ходатайствовал перед Святейшим Синодом и правительством о необходимости открытия мощей св. Тихона. В 1788 г., через пять лет после кончины св. Отца, он имел видение, после которого поручил художнику написать "образ святого Тихона, нового чудотворца Задонского"[14]. 16 июня 1795 г. он лично представился Петербургскому митрополиту Гавриилу и подал ему прошение, в котором сообщал, что епископ Тихон явился ему во сне и приказал объявить митрополиту об открытии своих мощей[15]. Митрополит Гавриил, хотя сам и почитал Святителя, но как представитель высшей церковной власти должен был руководствоваться общей практикой в деле канонизации святых и поэтому посоветовал Я. Машонову дальнейшее предоставить на усмотрение церковного начальства. Ревнитель славы св. Тихона неоднократно писал прошения императорам Екатерине II (1795 г.), Павлу I (1798 и два в 1800 г.), Александру I (1803 г.), однако каких-либо действий для удовлетворения его прошений или хотя бы их проверки предпринято не было. Вот какое определение вынес Св. Синод в 1803 г.: "Поскольку Машонов один только обеспокаивает об открытии мощей Тихона, еп. Воронежского.., а от епархиального архиерея и ни от кого другого из местных жителей никаких об этом просьб до сих пор не приходило, то Св. Синод, не уверяясь на одном его показании о нетленности мощей, не может распорядиться об освидетельствовании их и полагает оставить его, Машонова, просьбу, как подверженную сомнению, без всякого уважения"[16]. За свою настойчивость и за почитание образа св. Тихона и отправления ему богослужения по Общей Минее, в то время как Святитель еще не был канонизирован, Машонов неоднократно подвергался следствию и заключению по приговорам как церковного, так и гражданского суда, однако в свое время эти усилия Я. Машонова были отмечены как положительные. В указе Св. Синода об открытии мощей св. Тихона говорится: "Еще в конце прошлого столетия такое упование (что св. Тихон причтен к лику святых) выражено было в прошениях, поступавших на

---

13 "Друг юношества", 1813, февраль.

14 С. Н. Веденский. Цит. соч., стр. 4. На иконе св. Тихон изображен в священнической фелони, митре и омофоре. Руки Святителя молитвенно воздеты перед иконой Божией Матери Владимирской, лежащей на аналое. Перед аналоем стоит подсвечник с семью горящими свечами. Автор настоящей статьи свидетельствует, что краски на иконе отличаются поразительной свежестью, хотя и прошло со времени написания 123 г. (Там же, стр. 12, 14, 15).

15 Там же.

16 Там же, стр. 10.

Высочайшее имя и в Св. Синод, но тогда не наступил еще предуставленный от Господа час прославления Святителя: знамения воли Божией об этом были впоследствии[17].

2. ОБРЕТЕНИЕ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ПРИ АРХИЕПИСКОПЕ ВОРОНЕЖСКОМ АНТОНИИ

В 1845 году в Задонском монастыре был заложен новый обширный собор по проекту архитектора Тона. Для возведения этого собора необходимо было сломать прежний ветхий храм. Остался неразобранным только алтарь, под сводом которого покоилось тело св. Тихона, но в силу аварийного состояния оставшихся стен нельзя было допустить совершение панихиды по требованию многочисленных богомольцев. Настоятель монастыря архимандрит Серафим в докладе Воронежскому архиепископу Антонию от 4 мая 1846 г. предлагал тело Преосвященного Тихона перенести вместе с гробом в другое приличное место. Архиепископ Антоний, несмотря на слабость, в сопровождении архимандрита Симеона, ректора семинарии, отправился в Задонский монастырь. Обращает на себя внимание следующий рассказ, показывающий, что намечавшееся перенесение тела Святителя происходило не без Промысла Божия. Не доезжая до Задонска, Преосвященный Антоний вышел из экипажа и спросил архимандрита Симеона: "Знаете ли, зачем мы едем в Задонск?" — "Нет, не знаю", — отвечал тот. "Святитель Тихон, — сказал архиепископ, — являлся мне во сне и сказал: "Ты не умрешь, пока не вынешь меня из грязи!" Мы едем в Задонск, чтобы исполнить его приказание"[18].

На другой день вечером, лично осмотрев усыпальницу св. Тихона, архиепископ Антоний приказал настоятелю архимандриту Серафиму, казначею иеромонаху Паисию и ризничему иеромонаху Зосиме войти в усыпальницу, закрыть дверь и разломать надгробие и своды. С большим трудом они сделали это[19]. Нижняя часть свода от сырости обвалилась, и кирпичи лежали на гробе Святителя. Когда расчистили камни, увидели, что крышка и боковые доски гроба подверглись гниению, нижняя же цела и крепкая. Тело Святителя оказалось нетленным, хотя и было вместе с облачением влажным. Архиерейские одежды также целы, только от времени пожелтели. Подложив под нижнюю целую доску три чистых полотна, св. мощи вынули из склепа на поверхность земли (в самой усыпальнице)[20]. По всей усыпальнице, по свидетельству участников этого первого обретения нетленных мощей св. Тихона, распространилось сильное благоухание, которое продолжалось целый день после перенесения тела в теплую церковь[21].

---

[17] С. Н. Веденский. Цит. соч., стр. 10.

[18] П. Никольский. Антоний II, архиепископ Воронежский, и обретение мощей святителя Тихона. — "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 40.

[19] Надгробие имело аршин толщины, а под ним были своды, сложенные полукругом в два ряда кирпичей и толщиной аршин с четвертью (Прославление св. Тихона, стр. 40).

[20] Прославление св. Тихона, стр. 61

[21] П. Никольский. Цит. соч., стр. 40.

В это время архиепископ Антоний в келье настоятеля стоял на молитве. В 23 часа (начали ломать надгробие в 19 часов) к нему пришел иеромонах Зосима, который сообщил Владыке о нетлении мощей и добавил, что очень трудно их вынести, потому что усыпальница завалена кирпичами и туда невозможно пройти; архиепископ Антоний сразу же собрался и пошел ко гробу св. Тихона. "Как же ты прошел?" — спрашивал Преосвященный иеромонаха Зосиму. "Я пролез", — отвечал тот. "И я пролезу", — с готовностью сказал архиепископ. Подходя к усыпальнице, он снял камилавку и с помощью о. Зосимы пробрался в усыпальницу. Он тотчас же повергся пред мощами на землю со словами: "Угодниче Божий, святителю Тихоне, моли Бога о нас". От переживаемых чувств архиепископ Антоний не смог сразу и подняться самостоятельно[22]. Когда его подняли, он, несколько успокоившись, осенил себя крестным знамением и, сделав три земных поклона, на коленях припал к груди Святителя и, лобызая его руку, со слезами говорил: "Благодарю Тебя, Боже, Господь мой, что Ты услышал мою молитву и исполнил желание души моей, удостоив меня увидеть нетленные мощи Твоего великого Угодника и молитвенника о мне грешном. Ныне отпущаеши раба Твоего по глаголу Твоему с миром". Потом, обратившись к присутствующим, произнес: "Мощи нетленны и подобны мощам Святых Угодников, почивающих в Киево-Печерской Лавре"[23].

По распоряжению архиепископа Антония взяли новый гроб, который нашли у иеросхимонаха Авраамия и который он приготовил для себя, положили туда св. мощи вместе с нижней доской, на которой они находились в могиле. Преосвященный отправился в церковь, чтобы приготовиться к встрече св. мощей. Очистив вход, гроб вынесли из усыпальницы. К этому времени собралась почти вся братия монастыря, хотя никаких объявлений относительно совершаемых мероприятий не делалось. Правда, один только автор, П. Никольский, пишет, что "восемь ударов монастырского колокола, в необычный час нарушившие ночную тишину, дали знать задонцам, что в монастыре происходит что-то необычное"[24].

Как только гроб вынесли из усыпальницы, иноки с благоговением сделали земной поклон, и процессия двинулась к церкви Рождества Божией Матери. Здесь их встретил архиепископ Антоний, уже ожидавший их в мантии, омофоре и митре. Мощи поставили на двух маленьких столиках посреди храма. Когда сняли крышку гроба, по всей церкви распространилось благоухание. Началась панихида, во время которой все молились с умилением и радостными слезами[25].

После панихиды все приложились к руке св. Тихона. После этого гроб закрыли крышкой, в двух местах обвязали тесьмой, и архиепископ запечатал его своею печатью. Затем владыка Антоний приказал поставить

---

[22] Обстоятельства, предшествовавшие торжественному открытию св. мощей святителя Тихона (Письмо задонского старца иеросхимонаха Нафанаила иноку Оптиной пустыни Петру). — "Домашняя беседа", вып. 47, 1861, стр. 913.

[23] Прославление св. Тихона, стр. 42.

[24] П. Никольский. Цит. соч., стр. 41.

[25] Прославление св. Тихона, стр. 42.

гроб в северной стороне храма, устроить надгробие и положить сверху гробницу с изображением св. Тихона, которая стояла в бывшей усыпальнице под сводами алтаря. Эту работу остались в храме делать архимандрит Серафим, иеромонах Паисий и иеромонах Зосима, т. е. те, кто участвовал в открытии мощей в склепе. Они сделали также ступеньки, чтобы удобнее было прикладываться к мощам и обили надгробие зеленым бархатом. Над выполнением всех этих работ они трудились почти всю ночь[26].

На другой день, 14 мая, после ранней литургии архиепископ Антоний возглавил соборную панихиду по епископе Тихоне, после которой уехал в Воронеж. Примечательно, что весть об обретении нетленных мощей облетела весь город, и ко времени совершения панихиды собралось очень много людей[27].

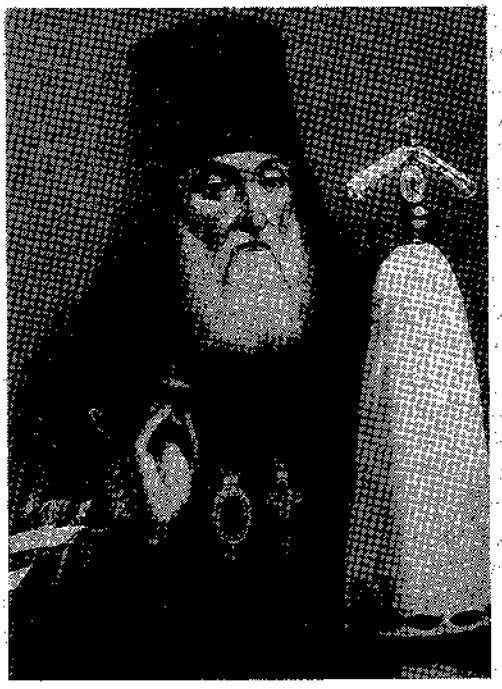
20 мая 1846 г. архиепископ Антоний сообщил о всем происшедшем в Святейший Синод, но определенного решения не последовало. Все надеялись, что в ближайшее время состоится торжественное открытие св. мощей и прославление св. Тихона. Сам архиепископ, уезжая из Задонского монастыря и прощаясь с монахами, сказал: "Прошу вас, отцы, совокупите ваши святые молитвы с моими грешными, чтобы Господь сподобил меня быть у вас, в последний раз, на память святителя Тихона 13 августа"[28].

Ожидание 13 августа как дня прославления Задонского Чудотворца было всеобщим. К этому дню в монастырь собралось множество богомольцев. Воронежский губернатор, также прибывший в этот день в обитель, был поражен стечением множества народа. В своем письме на имя министра внутренних дел он сообщал, что если и раньше богомольцы собирались в монастырь для почитания Святителя, то в этот раз их было такое множество, причем не только простого народа, но и высшего дворянства, что даже обширная монастырская площадь не могла вместить всех желающих. Кроме того, автор письма замечает, что все люди обращаются к Преосвященному Тихону в молитвах как к святому, прося его помощи и заступничества. Это религиозное воодушевление народа и его вера в открытие и прославление мощей святителя Тихона настолько велики, что не выражают никаких сомнений в святости этого Угодника Божия[29].

Архиепископ Антоний, видя, что дело прославления Задонского Святителя со стороны Святейшего Синода затягивается, решил снова писать доклад и просить о торжественном открытии св. мощей. Предварительно он провел некоторые мероприятия. Учитывая, что тело св. Тихона было вынуто из сырой и влажной могилы и что при положении в новый гроб одежды также остались влажными, владыка Антоний поручил ректору архимандриту Симсону и настоятелю архимандриту Серафиму, которому как бывшему наместнику Киево-Печерской лавры известно обращение со святыми мощами, привести одеяние в порядок со всей осторожностью и благоговением и составить при этом описание как нетления

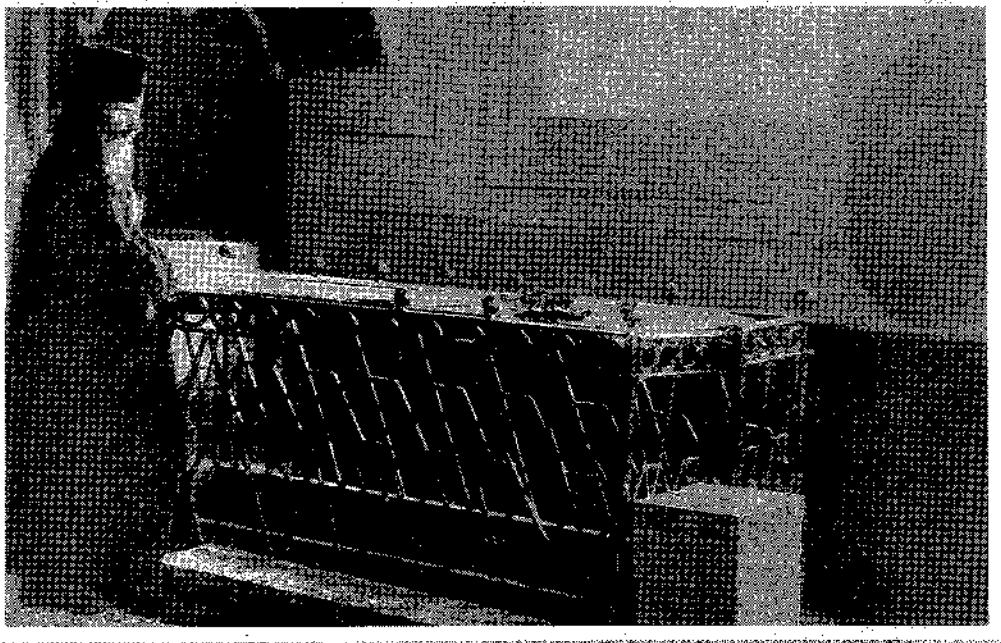
[26] Житие, стр. 177.
[27] Там же.
[28] Там же.
[29] П. Никольский. Цит. соч., стр. 45.

Архиепископ Воронежский и Задонский Иосиф, при котором были открыты мощи св. Тихона

Архиепископ Воронежский и Задонский Антоний II, при котором произошло обретение мощей св. Тихона

Пещера, где почивало тело святителя Тихона с 1783 по 1846 г.

тела, так и архиерейского облачения[30]. Посылая архимандрита Симеона в Задонск, архиепископ сказал: "Мы с вами дело сделали, но не довершили его; ведь мы оставили святителя Тихона в мокрой ризе. Поезжайте в Задонск... снимите ризу и просушите ее"[31]. Назначенные лица в течение пяти ночей выполняли данное им послушание, но ризу не снимали, а вставляли в рукава и низ саккоса и подризника распорки[32].

Далее архиепископ Антоний распорядился составить описание чудес, совершенных над болящими с призыванием на помощь молитвенного содействия св. Тихона. Такое описание было составлено архимандритом Симеоном на основании монастырской книги, где фиксировались случаи чудесных исцелений (записи в книгу производились в присутствии свидетелей, удостоверяющих прежнее состояние больного), а также на основании сообщений и писем, присланных в адрес монастыря. Обо всем этом архиепископ подробно сообщил в Святейший Синод[33]. Одновременно с этим докладом архиепископ написал письмо обер-прокурору Протасову Н. А., в котором свидетельствовал архиерейской совестью, что по особому внушению он вменяет себе в обязанность сообщить о чудесах, совершающихся при гробе св. Тихона Задонского и о всеобщем "сладостном и притрепетном желании стекающихся из отдаленных мест в Задонск многочисленных богомольцев да явлен будет пред глазами всех этот великий светильник веры и добрых дел, лежащий теперь под спудом"[34]. Подписав доклады, владыка Антоний через несколько часов скончался (20 декабря 1846 г.).

Однако, несмотря на такие убедительные донесения архиепископа Антония и всеобщее горячее желание, открытия св. мощей в этот раз не произошло. Прошло еще 16 лет, прежде чем последовало официальное распоряжение Святейшего Синода о признании св. Тихона в лике святых. По словам прот. А. Лебедева, если можно испытывать тайные пути Промысла Божия, все направляющего во благо, то это замедление должно было послужить к укреплению веры относительно чудесного нетления тела святителя Тихона, чтобы никто не мог сказать, что тело оставалось нетленным, потому что стояло в закрытом месте (хотя и сыром), куда не проникал воздух. После этого оно простояло еще 16 лет почти на открытом теплом воздухе, особенно благоприятствующем его разложению, и, несмотря на это, осталось непричастным тлению. Все это свидетельствовало о присущей этому телу благодати Божией[35].

3. ДЕЙСТВИЯ СИНОДА В СВЯЗИ С ПРОСЛАВЛЕНИЕМ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Между тем в Задонске по молитвенному ходатайству св. Тихона не прекращались чудесные исцеления, и в народе все более и более высказывалось желание видеть открытыми мощи св. Чудотворца. Но до 1860 г. этот вопрос со стороны архиерейской власти даже не поднимался.

---

[30] П. Никольский. Цит. соч., стр. 47.
[31] Там же, стр. 43.
[32] Там же, стр. 44.
[33] Житие, стр. 182.
[34] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 146.
[35] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 220.

Преемники архиепископа Антония по Воронежской кафедре епископы Игнатий (Семенов, 1847—1850) и Парфений (Чертков, 1850—1853) управляли епархией короткий срок и не могли возбудить дело о прославлении. Наконец, во время управления епархией архиепископа Иосифа (Богословского, 1853—1864) просьбы рядовых членов Церкви об открытии мощей стали столь настойчивыми, что владыка вынужден был обратиться с письмами к митрополиту Исидору и митрополиту Филарету с просьбой "вразумить, как приступить к вопросу об открытии мощей св. Тихона"[36].

В ответ на эти письма Св. Синод сделал запрос о том, в какой степени сведения, сообщенные в свое время архиепископом Антонием, достоверны; второе — каково мнение на этот счет настоятеля и братии монастыря; и третье — не было ли в период с 1846 г. по 1860 г. каких-либо новых благодатных знамений при гробе Задонского Святителя[37]. 28 февраля 1860 г. архиепископ Иосиф направил на имя обер-прокурора письмо, в котором он "подтвердил все прежние донесения Преосвященного Антония и вместе с тем сообщил, что еще в самое недавнее время совершались чудесные исцеления при гробе св. Тихона и что многие лица неоднократно выражали ему всеобщее желание об открытии мощей сего Иерарха Божия"[38].

В результате таких донесений в Св. Синоде было решено "войти в секретное и внимательное рассмотрение сего дела" и для этого составить комиссию в составе митрополита Киевского Исидора, архиепископа Воронежского Иосифа, одного из московских архимандритов по назначению митрополита Филарета, двух человек из белого духовенства г. Воронежа, пользующихся общим доверием, благодаря своей безукоризненной жизни, и двух иеромонахов Задонского монастыря, отличающихся благочестием. В комиссию вошли настоятель Московского Покровского монастыря архимандрит Паисий, иеромонахи Зосима и Аркадий, и протоиереи Петр Алексеевский и Иоанн Попов. Данной комиссии было поручено освидетельствовать тело епископа Тихона, а также, избегая всевозможной огласки, произвести тщательное исследование чудотворений, приписываемых св. Тихону[39].

19 мая 1860 года после осмотра св. мощей был составлен акт, в котором говорилось, что "тело святителя Тихона, несмотря на 76-летнее пребывание во гробе, благодатию Божиею сохранилось нетленным, кроме одного большого пальца левой ноги, который подвергся тлению по непреложному определению Творца и Господа, по которому если не все тело человека, то по крайней мере какая-либо часть его должна возвратиться в землю, из которой оно взято. Плоть на всех членах тела сохранилась, отвердела и присохла к костям. Цвет ее потемнел и подобен цвету известных сохранившихся нетленных мощей Святых Угодников Божиих, плечные и коленные суставы рук и ног несколько разошлись, хотя и не совершенно отделились. Это, по всей вероятности, произошло

---

[36] Т. Олейников. Определение Св. Синода об открытии мощей св. Тихона. — "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 95.

[37] Т. Олейников. Цит. соч., стр. 96.

[38] Там же.

[39] Там же, стр. 97.

оттого, что могила, в которой первоначально погребен был Святитель, до такой степени была сыра, что тело его со всем одеянием при перенесении в Церковь в 1846 году, по свидетельству очевидцев, найдено совершенно мокрым, и при переложении в новый гроб некоторые члены тела, лишенные гибкости, удобно могли повредиться. В прочих частях тела не замечено никакого повреждения. Архиерейское облачение сохранилось в целости: панагия, наперсный серебряный крест покрылись ярью, деревянный крест в правой руке Святителя, обложенный серебряной чеканной бляхой, позеленел от окисления металла, но древо креста ни малейшей не подверглось гнилости"[40]. Митрополит Исидор также сообщил Святейшему Синоду, что им проверены около 48 чудес путем опроса под присягой тех лиц, над которыми они совершились[41].

Святейший Синод, рассмотрев подробно и тщательно все обстоятельства, 25 мая 1861 года принял решение: "1) Почившего Тихона, епископа Воронежского, признать в лике святых, благодатию Божиею прославленных, и нетленное тело его — мощами святыми. 2) Изнеся их с подобающей честью из Христорождественской церкви, где они ныне покоятся, в главный Богородицкий собор, положить их в приличном и открытом месте для общего поклонения. 3) Службу Святителю Тихону составить особую, а до времени составления такой отправлять ему службу общую Святителям; память же Святителя праздновать в день преставления его 13-го августа... 4) Объявить об этом во всенародное известие указами Синода"[42].

Синод также решил открытие мощей поручить митрополиту Санкт-Петербургскому и Новгородскому Исидору (Никольскому) вместе с архиепископом Воронежским и Задонским Иосифом и епископом Курским Сергием. День торжественного открытия был назначен на 13 августа 1861 года[43]. В июле по всем епархиям и монастырям был разослан Указ, в котором подробно излагалась вся история открытия мощей св. Тихона и причисления его к лику Святых.

4. ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ МОЩЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА В 1861 ГОДУ

13 августа в 1861 году выпало на воскресенье. Итак, Промыслом Божиим торжественное открытие святых мощей святителя Тихона совершилось в тот день недели, в который произошла и его кончина по откровению Божию.

В этот день в Задонский монастырь всегда собиралось много богомольцев, но после издания и обнародования указа в обитель направился православный русский народ всех званий, возрастов и состояний со всех уголков обширной России. Ко времени открытия мощей св. Тихона в Задонск собралось до трехсот тысяч человек. Большая часть простого народа прибыла из отдаленных мест. Они шли и ехали в самое жаркое

---

[40] Т. Олейников. Цит. соч., стр. 98.
[41] Там же.
[42] Прославление св. Тихона, стр. 52–53.
[43] Там же, стр. 53.

время года, невзирая на лишения и трудности пути. Город с семью тысячами жителей был тесен для десятков тысяч ежедневно прибывающих богомольцев, и люди располагались вокруг монастыря и города. В биографии великого русского поэта И. С. Никитина по поводу этих событий, говорится: "Не только Воронеж, но и вся губерния оживились и наполнились сотнями тысяч богомольцев, шедших и ехавших со всех концов России. Не говорим о Задонске: топографически он почти не существовал. Восемьдесят четыре версты, отделяющие этот городок от Воронежа превосходнейшим шоссе, представляли сплошную улицу, по которой стремились волны народа... Ни с чем нельзя было сравнить этой картины, единственной в своем роде!"[44]

По желанию богомольцев при мощах святителя Тихона непрерывно в течение суток изо дня в день совершались панихиды, а при находящейся в Задонском монастыре чудотворной иконы Божией Матери Владимирской — молебны[45]. Многие постились добровольно по два-три дня, очищались покаянием и освящались принятием Святых Христовых Тайн, чтобы достойно узреть и облобызать святые мощи новоявленного Чудотворца"[46].

Тщательно подготовилась к этому торжеству и сама обитель: храмы были отреставрированы, все здания в монастыре исправлены и покрашены, приготовлены многочисленные помещения для богомольцев. Подобные же приготовления были сделаны и в самом городе Задонске. Вокруг города были поставлены палатки и деревянные бараки для простого народа[47]. Большинство жителей города освобождали свои дома и переходили в подсобные помещения, только бы приютить бесчисленных паломников. Городскими властями были предусмотрены некоторые мероприятия по обеспечению медицинского обслуживания, сохранения порядка и продовольственного снабжения[48]. В память Воронежского Чудотворца торговцы договорились не подымать цены на продукты питания[49].

---

[44] И. С. Никитин. Сочинения, изд. 9, т. 1. М., 1902, стр. 158.

[45] Житие, стр. 188.

[46] Там же, стр. 189. С 8 по 15 августа в церквах г. Воронежа исповедано и приобщено более семи тысяч человек. Кроме того, в Задонском монастыре ежедневно на четырех литургиях были сотни причастников, так что всего было приобщено св. Тайн 20 тысяч человек, преимущественно больных и убогих (там же, стр. 190).

[47] Один довольно состоятельный купец устроил на свой счет бараки, в которых впоследствии бесплатно разместилось более 10 тысяч человек простого народа (Свящ. А. С. Кременецкий. Открытие св. мощей Святителя Тихона. — "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 101).

[48] Веселовский. Города Воронежской губернии. Воронеж, 1876, стр. 69.

[49] В этом отношении неизвестно, из каких источников в "Московских ведомостях" (№ 188, 1861) было опубликовано сообщение о "страшной дороговизне" в г. Задонске во время происходящих там торжеств (это главное, что интересовало автора данной заметки?!). Во всех жизнеописаниях, где данный вопрос затрагивается, говорится, что цены были доступны даже простому народу. Кроме того, необъективное сообщение "Московских ведомостей" было опровергнуто в некоторых периодических изданиях (см.: Свящ. И. Попов. Торжественное открытие мощей св. Тихона. — "Руководство для сельских пастырей", № 45, 1861, стр. 348).

При таком общем подъеме и воодушевлении, доходящем до самоотвержения, находились отдельные личности, которые, рассчитывая на большое стечение народа, хотели воспользоваться этим в корыстных целях. Некоторые из них, имея вблизи монастыря постоялые дворы, договорились сдавать комнаты за высокую цену. Кто-то, увлеченный алчностью, предложил продавать даже воду. Но, как сказано в слове Божием, Господь разоряет советы нечестивых (Пс. 32, 10). Буквально на следующий же день в Задонске случился пожар. Начавшись в отдаленной части города, огонь очень быстро перекинулся на улицу, где стояли постоялые дворы. Все они сгорели дотла, за исключением одного, который стоял в одном ряду с другими, но владелец которого не участвовал в совете корыстолюбцев и даже отговаривал их от подобного мероприятия[50]. О том, что это стихийное бедствие не было чистой случайностью, но явилось наказанием Божиим для вразумления стяжателей, свидетельствуют еще два обстоятельства этого пожара. Одна благочестивая небогатая женщина решила весь сохранившийся у нее к этому времени значительный запас квашеной капусты и огурцов предоставить безвозмездно в пищу богомольцам. Она радовалась, что этой небольшой жертвой сможет выразить свою любовь к св. Тихону. И Господь принял ее благое намерение, сохранив ее дом от, казалось бы, неизбежного истребления. Все хозяйство этой женщины уцелело, хотя пламя бушевало со всех сторон, в полутора метрах от ее строений[51]. Еще одно обстоятельство из событий этого дня свидетельствует о небесном покровительстве святителя Тихона городу Воронежу и Задонскому монастырю. Пожар придвинулся вплотную к монастырю, и огонь был в двадцати метрах от обители. Под монастырскими стенами горели бочки с дегтем и маслом. Ветер был направлен в сторону обители, и его порывами на территорию монастыря через монастырскую стену забрасывались горящие головни. Уже горели дома за монастырем. В этот трудный и опасный момент было решено обнести вокруг обители чудотворный образ Божией Матери Владимирской, а в церкви в это время при мощах св. Тихона совершалось богослужение. И надежда молящихся не была посрамлена. Огонь не коснулся монастыря, и тем самым наглядно была оказана помощь святого Угодника[52].

4 августа в Задонск прибыл митрополит Новгородский и С.-Петербургский Исидор. Осмотрев приготовления и разрешив некоторые вопросы относительно церковных приготовлений, он уехал в Воронеж на праздник св. Митрофана. Через несколько дней митрополит Исидор вместе с Воронежским архиепископом Иосифом возвратился в монастырь. Решением Св. Синода определялось участие в торжествах епископа Курского Сергия, но 10 августа в Курск должен был приехать император, и поэтому Преосвященный Сергий как местный епископ по долгу службы обязан был встречать его. В Святейшем Синоде было решено направить на открытие мощей епископа Тамбовского Феофана (Говорова), который и прибыл в Задонск 11 августа утром. К этому времени успел освободиться епископ Сергий и ночью приехал в монастырь[53]. Ко

---

[50] Житие, стр. 188.
[51] Там же.
[52] Прославление св. Тихона, стр. 56.
[53] Там же, стр. 57.

дню открытия св. мощей из разных мест прибыло множество представителей духовенства: архимандритов, протоиереев, иеромонахов, священников. Всего духовных лиц, кроме причетников и послушников, собралось около 300 человек[54].

Торжества начались накануне дня открытия мощей в субботу 12 августа. Божественную литургию в монастырской церкви Рождества Божией Матери совершил епископ Тамбовский Феофан. В этом храме с 1846 г. почивали мощи св. Тихона. По окончании литургии митрополит Исидор в сослужении трех архиереев и духовенства в той же церкви совершил молебен с водоосвящением перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы Владимирской. Тем самым они обращались к Божией Матери с молитвой о ниспослании благословения и благодатной помощи свыше на совершение порученного им дела[55].

В час дня в монастыре и городском соборе начался благовест с перезвоном. По предварительному распоряжению монашествующие собрались в монастырском Владимирском соборе, а белое духовенство — в городском Успенском соборе. В половине второго начался звон во все колокола, и крестный ход из городского собора направился в сторону монастыря. Впереди шли причетники с фонарями, запрестольным крестом и иконой Божией Матери, хоругвями и свечами, за ними шли диаконы с кадилами, священники и протоиереи с иконами. Это благодатное шествие возглавил архимандрит Феодосий, ректор Воронежской семинарии. В крестном ходе принимало участие так много священнослужителей, что, по воспоминаниям одного из участников, когда первая пара подходила к святым воротам монастыря, то последняя — только выходила из собора, образуя живую цепь, длиной не менее километра[56].

В воротах монастыря процессия была встречена братией во главе с настоятелем. Общим крестным ходом все последовали к главному монастырскому собору. Все замерло в ожидании необычного, и всеми чувствовался возвышенный молитвенный дух. Шум разговоров огромной массы сменился общей молитвой.

Вскоре в собор прибыли архиереи в мантиях. Облачившись в алтаре, они вышли на середину церкви. После начальных молитвословий митрополит Исидор преклонил колени и прочитал молитву к Господу Иисусу Христу, в которой испрашивал благословения на открытие святых мощей Его Угодника[57].

---

[54] Прославление св. Тихона, стр. 57.

[55] Житие, стр. 191.

[56] Свящ. А. С. Кременецкий. Цит. соч., стр. 103.

[57] Прославление св. Тихона, стр. 61. Текст молитвы: "Во святых почиваяй, Всесвятый Господи Иисусе Христе, Боже наш, Иже Твоим милосердием благоизволил еси показати нам честные мощи Угодника Твоего святителя Тихона, освяти нас грешных и недостойных рабов Твоих, и благослови нас неосужденно касатися честных мощей Его, и показати я людем Твоим, всевожделенно желающим видети я. Ей, Господи, не посрами нас в деянии нашем, но сотвори, да совершенно умилится сердце наше, и да мы вси, зряще святую жизнь и прославление Угодника Твоего, сами соделаемся и пребудем святи Тебе, Господу нашему и Богу, молитвами Его и Твоею неизреченною благодатию. Твое бо есть святити нас, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со Безначальным Твоим Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим и Всеосвящающим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков (Там же, стр. 62).

Затем, при умиленном и протяжном пении 50-го псалма "Помилуй мя, Боже..." начался торжественный общий крестный ход из собора в церковь Рождества Божией Матери. По входе в Церковь был пропет псалом 33-й "Благословлю Господа на всякое время". В это время митрополит совершал каждение алтаря храма, св. мощей и предстоящих. После того, как вокруг гробницы стали архиереи и священнослужители, назначенные нести св. мощи, митрополит Исидор окропил св. водой саму гробницу, лентионы, приготовленные для поднятия гроба, и покровы для св. мощей, а затем прочитал с коленопреклонением умилительную молитву к святителю и чудотворцу Тихону, моля его сподобить поднять недостойными руками святые мощи[58].

После этого архиереи и архимандриты подняли металлическое надгробие, под которым находилась деревянная гробница. Митрополит снял печать и шнур, опоясывающий гробницу, а затем предстоящие, подложив лентионы, подняли ее при непрерывном пении всего духовенства: "Господи, помилуй". Гробницу, в которой находился гроб с нетленными мощами Святителя, перенесли на середину церкви и поставили на специально сделанное возвышение. Сверху положили покровы и архиерейскую мантию св. Тихона. После трехкратного земного поклона новоявленному Чудотворцу началось молебное пение. Своды храма первый раз огласились пением тропаря Святителю: "От юности возлюбил еси Христа, блаженне, образ всем был еси словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою и смирением: тем же и вселился еси в небесныя обители, идеже предстоя престолу Пресвятыя Троицы, моли, Святителю Тихоне, спастися душам нашим"[59]. Все служащие и находящиеся в храме снова поклонились Святому до земли. Затем митрополит произнес: "С миром изыдем", – и священнослужители, подняв св. мощи, торжественно понесли их в главный собор монастыря в честь иконы Божией Матери Владимирской.

Как и в первый раз, впереди шли причетники с фонарями, хоругвями и свечами. Затем диаконы с кадилами, иереи, иеромонахи и протоиереи с иконами и после них – хор певчих. Далее два диакона с кадилами, священник со святой водой, кропящий путь, два протоиерея с чудотворной иконой, два диакона с кадилами и два диакона с дикирием и трикирием. После них несколько священнослужителей несли балдахин, а архимандриты и иеромонахи (12 человек) – раку со святыми мощами[60]. По

---

[58] Прославление св. Тихона, стр. 63. Текст молитвы: "Угодниче Божий! Святителю отче Тихоне, призри с высоты святыя на нас смиренных, грешных и недостойных братий Твоих и чад, рабов Господа Бога нашего, Иисуса Христа, пришедших подъяти нечистыми и грешными руками нашими честныя и святыя мощи Твоя, да почивают они пред очами всех людей возлюбленного Тебе православного земного отечества, России; да воспоминают они всем нам святыя Твоя наставления в вере, паче же в жизни по святой вере: да вси православнии людие поклоняются Тебе, Святителю Божий, и Ты моли Христа Бога нашего, да никто же от прибегающих к Тебе отыдет тощ, но да устроится всякому с верою к Тебе притекающему и просящему Твоея помощи, – полезное и благое ко спасению. Всем же нам, пришедшим приять всечестныя мощи Твоя, моли Господа Бога нашего освятитися и пребыти отныне в нерушимой святости вся дни жизни нашея. Аминь".

[59] Там же стр. 64.

[60] В крестном ходе участвовало: 10 пар причетников, 30 пар диаконов, 80 пар священников и иеромонахов и 7 архимандритов (Там же).

бокам диаконы несли свечи и рипиды. Позади раки шли митрополит и три архиерея с жезлами в руках и со свечами. В продолжение всего крестного хода певчие пели тропарь святителю Тихону. Народ, наполнивший двор монастыря, стоял на коленях и плакал от умиления.

После обхода вокруг собора гробница была внесена в храм и поставлена посередине на возвышении, после чего, не открывая ее, продолжили молебное пение Святителю. По словам одного из свидетелей этих торжеств, запев на молебне: "Святителю Отче Тихоне, моли Бога о нас!", оглашавший собор, приводил всех присутствующих в храме в такое молитвенное настроение, вызывая такие чувства, которые не поддаются никакому описанию[61]. По окончании молебна началось малое повечерие. Архиереи и старшее духовенство ушли в алтарь и сняли священную одежду, остальные же прежним порядком, как были на крестном ходе, возвратились в свои церкви.

В шесть часов вечера начался благовест ко всенощному бдению, в совершении которого принимали участие архиереи и 24 пары священнослужителей. После первой кафизмы Преосвященный Иосиф, архиепископ Воронежский, произнес речь, посвященную открытию св. мощей, в которой он упомянул, что исцеления, совершавшиеся по молитвенному ходатайству св. Тихона, послужили прославлению и открытию его святых мощей. Проповедник призвал молящихся прибегать в молитвах к этому цельбоносному источнику – новоявленному Угоднику Божию. И если ранее его святые мощи были скрыты от взора православного народа, то в настоящее время они открыты для всех. Затем проповедник призвал всех, жаждущих исцеления от болезней душевных и телесных, прибегать с твердой верой и непоколебимым упованием на молитвенное ходатайство святителя Божия Тихона, который непременно услышит и поможет им избавиться от недугов[62].

Перед величанием, когда хор пропел стихи "Хвалите имя Господне", архиереи, воздав трехкратный земной поклон мощам святого Тихона, приступили к открытию святых его мощей. Был подан ключ от гробницы, хранившейся за печатью, митрополиту Исидору, который открыл ее и поднял верхнюю крышку. Далее архиереи подняли на лентионах гроб из гробницы со святыми мощами и поставили его посередине храма, а гробницу перенесли на левую сторону церкви и поставили ее под балдахином.

Это была одна из самых торжественных минут. В храме воцарилось безмолвие. По словам очевидцев, наступила такая тишина, что нельзя было поверить, что в храме было около восьми тысяч людей. С величайшим вниманием и благоговением, сдерживая дыхание, все ожидали открытия мощей. По установлении гроба со святыми мощами в церкви распространилось благоухание. Все: и служащие, и народ, – как один, пали на колени. От восторга и умиления многие рыдали, как дети. "Таких минут не много бывает в жизни человека; целые века проходят, не ознаменовав себя подобным торжеством, какое совершилось в благодатной обители Задонского монастыря"[63].

---

61 Свящ. А. С. Кременецкий. Цит. соч., стр. 106.
62 Житие, стр. 195.
63 Свящ. А. С. Кременецкий. Цит. соч., стр. 111.

После поклонения святым мощам собором священнослужителей было пропето величание новоявленному Чудотворцу: "Величаем Тя, Святителю отче наш Тихоне, и чтем святую память Твою, Ты бо молиши за нас Христа Бога нашего!" Величание многократно повторялось на клиросах и народом, пока совершалось каждение гроба (став с четырех сторон крестообразно, архиереи трижды обошли вокруг святых мощей), алтаря, икон, храма и предстоящих. По прочтении Евангелия архиереи и все духовенство приложилось к св. мощам, а затем стали допускать и народ. Архиереи, а позже священнослужители, став на возвышенных местах по углам гроба, помазывали освященным елеем подходящих богомольцев. Служба шла медленно и закончилась в час ночи, помазание же продолжалось до двух часов[64].

В самый день торжества, в воскресенье 13 августа, Божественная литургия началась в половине десятого. Ее совершили митрополит Исидор, архиепископ Иосиф, епископ Сергий и епископ Феофан в сослужении архимандритов и других священнослужителей (всего до 40 человек). Во время малого входа, при пении: "Приидите, поклонимся и припадем ко Христу", св. мощи святителя Тихона были внесены в алтарь и поставлены на горнее место лицом к престолу, а митрополит с архиереями стали по сторонам как сослужащие. Таким образом, Святитель, почивший 78 лет назад, как бы снова явился среди земных священнослужителей и принял в их священнослужении предстоятельское участие. Он как бы снова вступил в управление Воронежской паствою и обителью, в которой смиренно провел последние годы своей жизни. В продолжение всей литургии иподиаконы держали над св. мощами рипиды, дикирий и трикирий[65].

В конце литургии после заамвонной молитвы рака с мощами св. Тихона была вынесена из алтаря и поставлена вблизи амвона лицом к царским вратам. В это же время высокопреосвященнейший митрополит Исидор произнес речь, в которой ярко рассказал о поучительной жизни Святителя и показал ее значение для каждого христианина. "Скромная келья сего земного Ангела, говорил проповедник, сделалась и училищем благочестия, и врачебницей от недугов душевных, прибежищем для всех, жаждущих просвещения, назидания, утешения, вразумления и совета!" И в заключение автор этой замечательной речи сказал: "Во свете светильника Божия да узрят свет входящий в храм сей и да научатся, "что есть благоугодно Богови" (Еф. 4, 10). Лучезарный образ святителя Тихона покажет пастырям и учителям, како подобает в дому Божии жити" (Тим. 3, 15)... Иноки найдут в нем правило воздержания и чистоты, кротости и смиренномудрия, терпения и нестяжания. Все, хотящие спастися, увидят в нем назидательный пример, как, "любя Бога, любить и ближнего своего" (1 Ин. 4, 21)"[66].

По окончании литургии все служащие, а также много других священнослужителей вышли на молебен и крестный ход. При пении тропаря святителю Тихону гроб со святыми мощами был поставлен на специаль-

---

64 Прославление св. Тихона, стр. 72.
65 Там же, стр. 73
66 Житие, стр. 200—204.

но приготовленные носилки. А затем священнослужители понесли его с величайшей торжественностью вокруг монастыря. Из-за множества участников процессия растянулась почти на километр. Во время крестного хода шествие останавливалось на четырех сторонах монастыря для совершения молитвенных песнопений. По словам одного из очевидцев, народ, чтобы видеть происходящее, заполнил все возвышенные места не только в монастыре, но и вокруг него[67].

По мере того, как крестный ход продвигался вокруг монастыря, народ падал на колени и с молитвенными вздохами и рыданиями взывал к Святому: "Святителю Отче наш Тихоне, моли Бога о нас!", "Батюшка, спаси, помоги!" Свое усердие народ выражал еще и тем, что кидал на дорогу, по которой двигался крестный ход, различные пожертвования. Бросали деньги, куски полотна, полотенца, платки, шарфы. Некоторые, не имея при себе приготовленных вещей, снимали с себя кафтаны, шинели, пояса, шапки, и также бросали на путь, где должны были проносить св. мощи. Деньги перебрасывали, завернув в угол платка или полотенца. Принявший такую посылку часто влагал в другой угол от себя какую-либо монету и через головы передавал дальше. Простой народ верил, что их приношения доходят до самого святителя Тихона[68].

Но самым удивительным проявлением веры были те случаи, когда, желая приложиться или хотя бы прикоснуться к раке св. мощей, но не имея такой возможности, родители вверяли своих детей неизвестным людям, чтобы, передавая через головы на дальнее расстояние, приложить их к мощам святого Тихона. Детей прикладывали и таким же образом передавали назад[69].

---

[67] В частности, этот автор пишет: "Весь монастырский двор, все кровли и ограды различных монастырских зданий были унизаны народом. Высокая монастырская колокольня со стоявшими на ее кровле, всех выступах, решетках и отверстиях представляла собою живую пирамиду из людей, а в некоторых местах ее из стоящих снаружи людей образовались как бы пояса, опоясывающие четырехэтажную колокольню в разных, возвышенных на несколько саженей от земли, местах. Острая монастырская ограда в несколько аршин высотой также унизана была народом, который сидел на ней, держась друг за друга. Нельзя не подивиться усердию и терпению простолюдинов: они заняли эти места, слишком неудобные для сидения, с пяти-шести часов утра и сидели на них непрерывно до второго часа пополудни. В большом монастырском саду народ размещался на деревьях и висел, держась за сучья. В городе на многих домах были разобраны черепичные крыши, и народ находился на чердаках; на кровлях стояли на коленях, и все с горящими свечами. Вся сплошная масса народа представляла как бы одно тело, проникнутое одним духом любви и усердия к Святителю и благодарности к Богу, прославляющему Своего Угодника" (Житие, стр. 205).

[68] Вещей было накидано на протяжении всего пути высотой в полметра и шириной более четырех метров. После крестного хода было собрано одного холста около 50 тысяч метров и денег 600 рублей. Митрополит Исидор выразил желание, чтобы пожертвованные вещи были розданы бедным. "Пусть святитель Тихон оденет ими нищих", — сказал он. Впоследствии это и было исполнено. Народ с верой принимал приношения, и по вере больные и немощные получали исцеления (Житие, стр. 206.).

[69] Там же, стр. 190.

По окончании торжественного крестного хода св. мощи были занесены в собор и положены в прежнюю гробницу, установленную на левой стороне собора под балдахином. После этого митрополит Исидор, преклонив колени, прочитал молитву, специально составленную для торжества открытия св. мощей[70].

Традиционным многолетием закончились торжественные события, столь знаменательные для России и Православной Церкви, но праздник в монастыре и городе продолжался еще несколько дней. Когда после молебна из собора вышли архиереи, облаченные в мантии и сопровождаемые старшим духовенством, высокопоставленными гражданскими и военными лицами, на монастырской колокольне, а затем во всех городских церквах ударили в колокола, и звон не прекращался в этот день до позднего вечера. На монастырском дворе была приготовлена трапеза для народа. Архиепископ Воронежский Иосиф благословил пищу и окропил ее св. водой. Кроме этой трапезы, были накрыты еще столы для богомольцев на несколько тысяч в городе и в странноприимном доме близ Задонского монастыря. Все высокие гости были приглашены в покои настоятеля монастыря[71].

А тем временем в соборе не умолкало пение у мощей Святителя. Храм был переполнен народом, желавшим отслужить молебен и приложиться к мощам. В шесть часов вечера в монастырском соборе началось всенощное бдение, которое возглавил архиепископ Воронежский Иосиф. Он же совершил и Божественную литургию на другой день, после которой все архиереи, принимавшие участие в открытии св. мощей, отслужили благодарственный молебен за благополучное окончание порученного им святого дела. Эти же архиереи совершили и праздничные богослужения в честь Успения Божией Матери (не принимал участие в литургии архиепископ Иосиф, служивший в городском соборе, главный престол

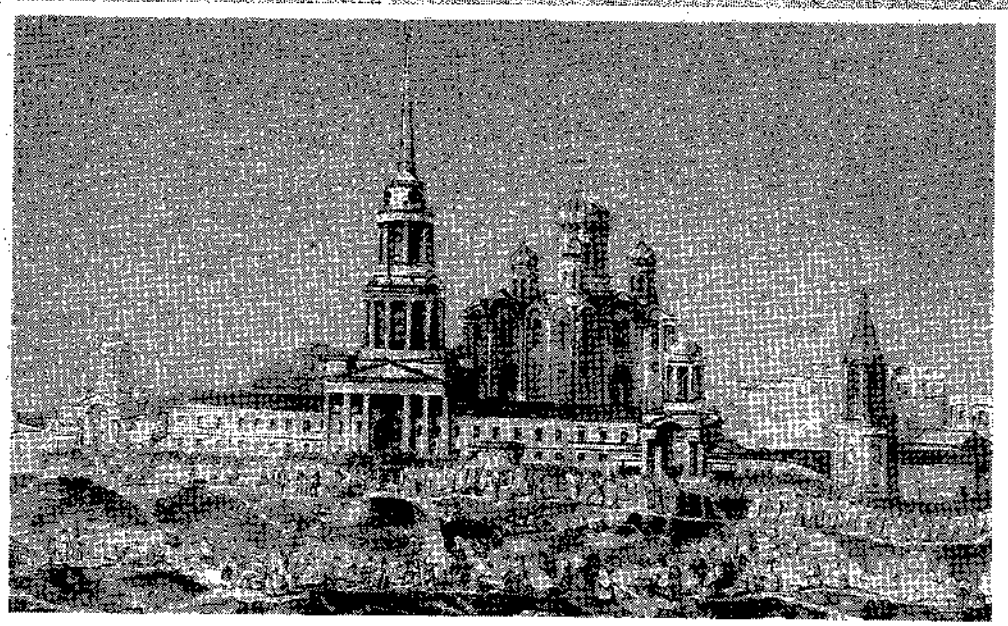
---

[70] Прославление св. Тихона, стр. 82. Текст молитвы: "О, священный главо, крепкий наш молитвенниче и заступниче Святителю Тихоне, услыши нас, с верою призывающих Тя и усердно припадающих к раце честных и многоцелебных мощей Твоих! Поминай нас у престола Вседержителева и не престай моляся о нас ко Христу Богу: Тебе бо дадеся благодать молитися за ны. Вемы, что грехи наши разлучают между нами и Тобою, и недостойны есмы толикого отца и ходатая. Но ты, быв подражатель человеколюбия Божия, не престани вопия о нас ко Господу: испроси предстательством Твоим у Всемилостивого Бога нашего мир Церкви Его, на земле воинствующей, и пастырям ее силу ревностно подвизатися о спасении людей. Умоли Небесного Отца и всем нам подати дар коемуждо благопотребен, веру истинную, надежду твердую и любовь неоскудевающую, градов наших утверждение, мира умирение, от глада и пагубы избавление, от нашествия иноплеменников сохранение, юным и младенцам благое в вере возрастание, старым и немощным утешение и подкрепление, болящим исцеление, сиротам и вдовицам милость и заступление, заблудшим исправление, бедствующим благовременную помощь. Не посрами нас в уповании нашем, споспешествуй, яко отец чадолюбивый, и нам понести иго Христово в благодушии и терпении, и всех управи в мире и покаянии непостыдно скончати живот свой, и Царствия Небесного наследником быти, идеже Ты ныне водворяешися со Ангелы и всеми святыми, прославляя Бога, в Троице славимого Отца и Сына и Святого Духа. Аминь" (Там же).

[71] Житие, стр. 210. О том, что трапезу благословлял архиепископ Иосиф, а не митрополит Исидор, в отличие от всех других авторов, сообщает на основании более поздних данных свящ. А. Кременецкий (Цит. соч., стр. 120).

Вид Залонского Богородицкого монастыря (1861 г.)

Открытие мощей св. Тихона Залонского в 1861 году

Торжество обнесения мощей вокруг монастыря

которого освящен в честь этого праздника). В этот же день архиереи выехали на свои кафедры.

К новоявленному Чудотворцу выражалось великое благоговение и великое усердие, и Господь изливал богатые милости через Своего Угодника на всех обращавшихся к нему с крепкой верой и теплой молитвой. Как в первый, так и в последующие дни по молитвам Святителя многие больные, даже слепые от рождения, глухие, скрюченные, бесноватые и т. д., на глазах у всех получали исцеления[72].

Так, например, жительница одной деревни Курской области рассказывала о своем глухонемом 32-летнем сыне. Лишь в 5 лет он научился ходить, причем согнувшись и очень неуверенно. Видел плохо, в основном же глаза были закрыты. Мальчик был неразвит, ничего не знал, не просил есть, хотя бы не кормили его несколько дней, никогда не мог сам перекреститься. Всю свою жизнь сидел, притнув голову к коленям, и не мог сам приподняться, спал мало и беспокойно. В августе 1861 года сестра глухонемого взяла его с собой в Задонск. С большим трудом они совершали свой путь, так что за день проходили всего около двух километров, и только с помощью посторонних людей им удалось добраться до Задонского монастыря. С первого же раза, когда больного приложили к раке св. мощей, в нем стала заметна перемена к лучшему. Он начал креститься, целовал крест, стал ходить прямее, выражение его лица стало осмысленным. Постепенно поправляясь, он вернулся домой здоровым[73].

Другая женщина из Рязанской области с детства совершенно была лишена зрения, но когда ее привели в Задонск и она приложилась к мощам, то стала обоими глазами хорошо видеть[74].

Не менее замечательное чудо, укрепляющее веру в Бога и Его Угодника святителя Тихона, — исцеление одного крестьянина г. Воронежа. За шесть лет до торжественного прославления св. Тихона он начал страдать головными болями. Кроме того, он стал плохо видеть правым глазом. По временам он находился в таком болезненном состоянии, что не мог обходиться без посторонней помощи. В день открытия св. мощей он находился в Задонске. Как только он приложился к святым мощам, его боль утихла и зрение полностью восстановилось[75].

Следует заметить, что как и до прославления Задонского Святителя все официально зафиксированные случаи чудесных исцелений тщательно проверялись, так и после августовских торжеств 1861 года все записанные случаи были проверены, подтверждены свидетельскими показаниями и заверены подписью Воронежского архиепископа[76]. Обилие благодати Божией в эти дни было видимо и осязательно для всех, и все эти чудеса совершались всенародно, на глазах у всех, и в действительности их никто не мог усомниться.

---

[72] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 157.

[73] Об открытии мощей св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. ГПБ, ф 1—892, с. 100—101.

[74] Там же, стр. 96.

[75] Житие, стр. 228.

[76] Н. Сергиевский. Цит. соч., стр. 157.

Несомненно, что число чудес, совершенных Угодником Божиим в дни его прославления, было гораздо больше, чем их отмечено в жизнеописаниях, потому что не все, получившие исцеление, заявили об этом кому следует. Многие, благодаря Бога и Его Угодника, выздоравливали, не считая нужным сообщить об этом или не имея такой возможности из-за занятости монастырского начальства. Митрополит Московский Филарет в письме к А. Н. Муравьеву пишет: "Господь утешил Церковь Свою открытием мощей святителя Тихона. Народа считают от 200 до 300 тысяч. Благоговение было великое. 20 или 30 случаев благодатных исцелений записано, а было, как говорит Владыка Новгородский (митрополит Исидор), конечно сто и более. Он сказывал, что некоторые слепые получали зрение, что один скрюченный, у которого ноги были пригнуты за спину, когда приложен был к св. мощам, распрямился и стал на ноги, и прочее"[77].

Были случаи, когда исцеленный сообщал о себе, подчиняясь какому-то побуждению. Так, один пожилой человек, который после паралича не владел правой рукой и ногой, а также имел постоянно повернутую в сторону шею, приложившись к мощам в день их прославления, получил исцеление, так что свободно мог передвигаться самостоятельно. Он отправился домой в Тульскую губернию, не заявив об этом кому следует. Пройдя около 40 км от Задонска, он почувствовал внутреннее побуждение возвратиться в монастырь и сказать о выздоровлении, причем побуждение было таким сильным, что он не мог ему противиться[78].

О других действиях благодати Божией по молитвам св. Тихона бывшие страдальцы рассказывали, побуждаемые или родственниками, или местным священником. Об одном из таких случаев говорится в книге "Прославление святителя Тихона". Один крестьянин, упав с большой высоты, сильно ушибся. Используя различные средства и не получив облегчения, он стал искать помощи свыше и поэтому твердо решил побывать в Задонске у мощей св. Тихона. Только 14 августа он смог добраться к св. мощам и, прикладываясь, сразу почувствовал некоторое облегчение. Состояние его больных членов стало лучше. И если, идя в Задонск, он буквально тащился по дороге, то теперь он прошел за день 25 км. Остановившись на ночь в одном селе, он рассказал священнику о своем исцелении. Тот посоветовал ему вернуться в монастырь и рассказать об этом. Сначала крестьянин отказывался, но, убежденный священнослужителем, исполнил его просьбу[79].

Следует также отметить и то обстоятельство, что за все время торжеств в г. Задонске, продолжавшихся в течение 10 дней, при таком громадном скоплении народа, при полном отсутствии благоприятных гигиенических условий и в такое время года, когда особенно развиваются эпидемические болезни, было больных немногим более 10 человек. Все это нужно признать знамением милости Божией, великим чудом по молитвам Угодника Божия святителя Тихона[80].

---

[77] Митр. Московский Филарет. Письма к А.Н.М. 1832—1867, стр. 589.

[78] Житие, стр. 216.

[79] Прославление св. Тихона, стр. 136.

[80] Свящ. А. Кременецкий. Цит. соч., стр. 123.

Открытие св. мощей Святителя и чудотворца Тихона было торжеством не только г. Задонска и Воронежской епархии, но и всей Русской Православной Церкви. Все верующие встретили это событие с живым чувством благодарности к Богу и горячими молитвами к св. Тихону. Благодаря указу Святейшего Синода, о предстоящем торжестве заблаговременно знали во всей России, и поэтому молящихся в этот день в храмах было несравненно больше, чем в обычные воскресные дни. Спешили побывать в храмах и те, кто редко посещал богослужения или отсутствовал на них по долгу службы или другим уважительным причинам. Повсюду в этот день произносились проповеди, объясняющие смысл благодатного события. В некоторых местах читалось житие св. Тихона; его жизнь и добродетели представлялись в назидание, и верующие призывались по примеру Святителя стремиться к достижению Царства Небесного. Некоторые пастыри, имевшие творения св. Тихона, произносили поучения самого Святителя. Святой Отец как бы сам лично поучал молящихся. С особым усердием, коленопреклонно и со слезами на глазах молились верующие новоявленному Угоднику Божию[81].

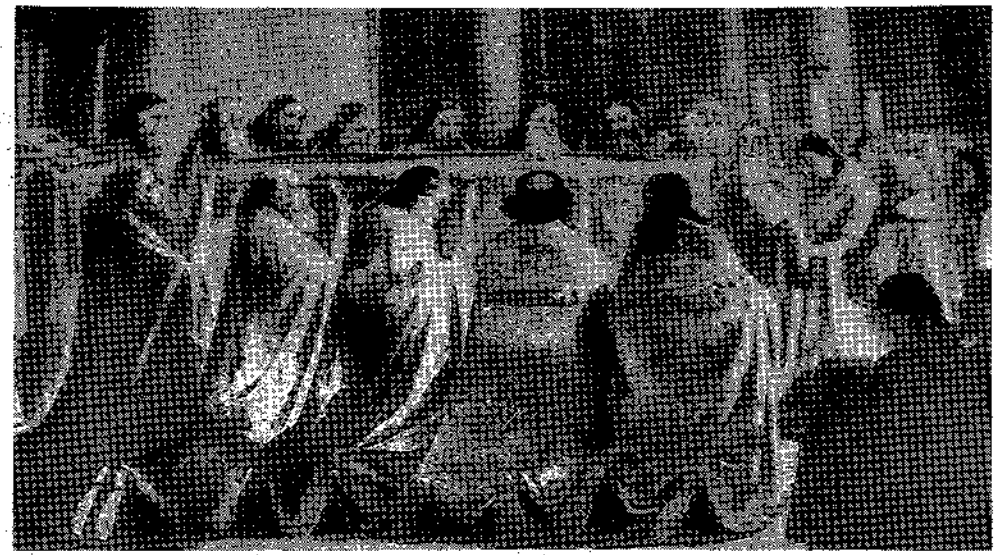
Особенно торжественно (после Задонска, конечно) этот день прошел на родине св. Тихона в селе Короцке близ г. Валдая в Новгородской епархии. Открытие св. мощей здесь праздновалось с поразительным благоговением и некоторыми отличительными особенностями. В Короцке очень долго сохранялся и поддерживался деревянный храм, в котором св. Тихон в юных летах положил начало богоугождению. Около этого храма находится и могила родителя Святителя, чтеца Савелия, и его деда Короцкого причетника Кирилла. Среди жителей села и его окрестностей сохраняются предания о юности, бедности и благочестии св. Угодника. В этих местах о Святителе говорили не иначе, как: "Это наш Батюшка, Угодник Божий, наш Святитель!"[82]

Уже вскоре после блаженной кончины св. Тихона в эти места стали приходить богомольцы, которые служили панихиды на могиле его родных о блаженном упокоении души Святителя, а также о упокоении душ его родителей. Поэтому, когда был издан указ о причислении Святителя к лику святых, то накануне торжественного открытия его св. мощей в Короцк без всякого предупреждения ко всенощному бдению из окрестных районов стало стекаться множество паломников. А в самый день праздника, 13 августа, с раннего утра дорога, ведущая из г. Валдая в Короцк, была сплошь покрыта народом. Подобно этой, и по другим дорогам со всех сторон люди спешили в Короцк на богослужение. Многие вели или несли на руках детей. Трехпрестольный, довольно обширный каменный храм и все пространство вокруг него были заполнены молящимися. Всех богомольцев насчитывалось несколько тысяч человек[83].

Божественную литургию в Короцком храме совершил настоятель Иверского монастыря архимандрит Лаврентий в сослужении с городским и монастырским духовенством. По окончании литургии на середину храма была вынесена икона с изображением св. Тихона, присланная в этот храм из Задонской обители. При совершении молебна молящиеся

---

[81] Житие, стр. 212.
[82] Там же.
[83] Там же, стр. 213.

Открытие мощей св. Тихона Задонского
13 августа 1861 года

Открытие мощей
св. Тихона Задонского

Рака с мощами
св. Тихона Задонского

присоединяли к запевам слово "наш", вспоминая детские годы, проведенные на этой земле. Как и в Задонском монастыре, после тропаря крестный ход с хоругвями и иконой Святителя, водруженной на носилках, двинулся вокруг храма. Шествие совершалось очень медленно, так как каждый из молящихся по своему усердию стремился хотя бы немного понести носилки с иконой, а также пройти под иконой, под ее осенением и как бы получить благословение самого Святителя. Крестный ход шествовал по тем местам, по которым в свое время ходил Святитель, мимо того старинного и ветхого храма, в котором он на клиросе читал и пел, возле могилы родителя, на которой он не раз слезно молился и горько плакал вместе с матерью, братьями и сестрами, оставленными в сиротстве и бедности. Безусловно, все это вызывало особые чувства умиления и духовной радости. Особенно трогательно звучали слова заупокойных песнопений и молитв, когда крестный ход остановился около могилы отца Святителя и была отслужена лития о блаженном успении родителей и сродников св. Тихона. И действительно, трогательно молиться за родителей и родных того, кто предстоит престолу Вседержителя и молится о всей Церкви[84].

По возвращении крестного хода и окончании молебна в храме целый день не прекращались молитвы к Угоднику Божию. После Задонска, открытие св. мощей нигде не праздновалось с такой радостью, усердием и благоговением, как в селе Короцке. Несмотря на то, что Короцк и Задонск отдалены друг от друга на значительное расстояние, они навсегда соединены самым тесным образом в духе благочестия и своими отношениями к святителю Тихону.

Так был прославлен на земле тот, кто подвигом исполнения заповедей Божиих и очищения своей души стяжал обильную благодать Святого Духа и был возвеличен Богом, еще пребывая в бренном теле. Бесчисленные примеры благодатной помощи, подаваемой всем, с верою и усердием прибегающим к св. Угоднику, свидетельствуют о том, насколько действенно молитвенное предстательство святителя Тихона Задонского пред престолом Всевышнего и как велика и за гробом его евангельская любовь ко всем страждущим, несчастным, скорбящим, помощи Божией и заступления требующим. Подлинно — это великий чудотворец, благодатный исцелитель и молитвенник пред Богом за род человеческий.

---

[84] Житие, стр. 215.

ГЛАВА VI

Литературное наследие Святителя Тихона

1. ИЗДАНИЯ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Святитель Тихон Задонский кроме яркого и поучительного примера своей жизни оставил потомству и другое наследство — свои мудрые, глубоко назидательные и спасительные творения. В них нашли отражение те святые мысли и чувства, которыми питалась его душа и которые одушевляли и наполняли его великое, любящее сердце. Поэтому его творения не менее самых высоких подвигов жизни возбуждают к Святителю благоговейное почитание.

При жизни Святителя сочинения его не печатались. Будучи правящим архиереем, он заставлял переписывать свои поучения, наставления и инструкции и рассылал их по епархии, а позже, когда был на покое, его сочинения переписывали келейники. Это делалось для того, чтобы как можно больше людей приобщить к спасительным истинам. В своем духовном завещании св. Тихон поручил келейнику И. Ефимову представить их на рассмотрение Святейшего Синода, в котором представлял на его усмотрение все свои рукописи. В частности, он писал: "Оставляю я по себе сочинения, до пользы души надлежащие, в которых я по силе своей и возможности, отставши от трудов епаршеских и живучи на уединении, трудился, а именно: 1) о христианстве в шести томах, 2) письма посланные в одном томе, 3) письма келейные в одном томе, 4) о истине евангельского учения и о вере в одном томе, 5) инструкция христианская в одном томе, 6) сокровище духовное, от мира собираемое в четырех томах, 7) краткие нравоучительные слова в одном томе, 8) проповеди трудов епаршеских в одном томе. Сия вся представляю вашему Святейшеству на благоусмотрение, а поручил их своему келейному служителю Ивану Ефимову до вашего Святейшества доставить. Ежели же в чем, паче чаяния моего, в них погрешил, прошу не воли моей, но неразумию моему вменить. Я всегда со св. Церковью был и есмь согласен и в сочинениях моих старался о пользе и исправлении братии моея христиан, а более в них душу свою унывающую поощрял к покаянию и подвигу в благочестии"[1].

Выполняя завет, И. Ефимов сразу после погребения Святителя прибыл в Святейший Синод и представил сочинения. В ответ поступило распоряжение: сочинения переплести в тетради и хранить в архиве[2]. Но

[1] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 176.
[2] Там же, стр. 177.

усердный келейник не успокоился на этом. 25 октября он подает в Святейший Синод прошение, в котором просит разрешения напечатать краткие нравоучительные слова св. Тихона. В этом живое участие принял и Высокопреосвященный Гавриил, митрополит Петербургский. В ближайшее же время он дал отзыв на указанные нравоучительные слова, "что противного учению Православной Церкви в них ничего нет и что они напротив с пользой могут быть употребляемы в пользу общества"[3]. После такого положительного отзыва краткие нравоучительные слова св. Тихона из архива Святейшего Синода были выданы И. Ефимову и вскоре напечатаны.

Через три месяца, 26 января 1784 года, Ефимов подает второе прошение, чтобы ему выдали и разрешили напечатать остальные сочинения Святителя. "Находящиеся в Святейшем Правительствующем Синоде, — пишет он в своем прошении, — сочинения покойного преосвященного Тихона, епископа Воронежского, желаю я взять все для того, чтобы их напечатать... А сколько принадлежащих до первого тиснения книг, о том прилагается при этом реэстр". И далее И. Ефимов перечисляет, какие он желал бы книги напечатать[4]. Святейший Синод решил это прошение удовлетворить, т. е. рукописи для опубликования выдать, но предварительно поручил нескольким лицам, как, например, архимандриту Павлу из Симонова монастыря, архимандриту Макарию из Сергиевской пустыни и ректору Петербургской семинарии архимандриту Иннокентию, прочитать их и дать на них отзыв. 21 марта 1784 года последовал указ, разрешающий напечатать перечисленные сочинения[5]. Таким образом, прошло немногим более чем полгода, и большинство творений св. Тихона увидело свет. Живое слово Воронежского Святителя с любовью было принято верующими людьми.

В 1788 году ставился вопрос о переиздании книги св. Тихона "Наставление христианское", а в 1794 году — некоторых его проповедей. Через год Иоанн Ефимов обращается к митрополиту Гавриилу с просьбой разрешить второе издание сочинений св. Тихона[6]. В это время были изданы следующие творения: "Наставление христианское и прибавление о взаимных должностях христианских", "Разные проповеди, сочиненные и говоренные в Воронежской епархии", "Краткие нравоучительные слова", "Разные письма, к некоторым приятелям посылаемые", "Письма келейные", "Сокровище духовное, от мира собираемое", "Об истинном христианстве", "Плоть и дух". Все сочинения, кроме "Разные письма" и "Об истинном христианстве", вышли из печати вторым изданием[7].

В 1799 году прот. Евфимием Болховитиновым, инспектором Воронежской семинарии (впоследствии митрополит Киевский Евгений), были собраны и изданы "Остальные сочинения Преосвященного Тихона".

---

[3] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 177.

[4] Там же стр. 177.

[5] Житие, стр. 132.

[6] Там же, стр. 133 ("Воронежская старина" — XI, 175 — о просьбах Ефимова в Св. Синод и ответ).

[7] В. В. Литвинов. Библиографический указатель литературы о святителе Тихоне Задонском и обзор изданий его творений. — "Воронежская старина", вып. X. Воронеж, 1911, стр. 262—263.

Здесь в VI разделах помещались сочинения и переводы Святителя, которые прежде не были опубликованы: 1) наставление духовенству, 2) наставление всей пастве, 3) переводы с греческого, 4) размышление и замечание из текстов, 5) наставление для монашествующих, 6) письма к приятелям[8]. Затем митрополит Евгений в 1825—26 гг. издает полное собрание творений св. Отца в пятнадцати томах под названием "Сочинения Преосвященного Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого".

По указу Св. Синода в 1836 и 1860 годах это издание было полностью повторено[9]. В них сочинения св. Тихона расположены в следующем порядке:

Том I.	Жизнь святителя Тихона. Наставления духовенству. Инструкция, что семинаристам должно наблюдать. Наставление монашествующим. Наставление всей пастве. Наставление христианское.
Том II.	Плоть и дух, или Собрание некиих нравоучений из Святого Писания Нового Завета и Псалмов и толкователя святого Писания Златоустаго, великого вселенныя Учителя, с приложением рассуждений, в пользу духовную сочиненное.
Том III.	Разные проповеди. Краткие нравоучительные слова.
Томы IV—IX.	Об истинном христианстве.
Томы X—XIII.	Сокровище духовное, от мира собираемое.
Том XIV.	Письма, к некоторым приятелям посланные.
Том XV.	Письма келейные. Разные размышления.

Со времени прославления св. Тихона и открытия его св. мощей изданием его творений начинает заниматься непосредственно Святейший Синод. Все прежние издания полного собрания творений были признаны неудовлетворительными, так как они не были сверены по первоисточникам и не были расположены в хронологическом порядке. Это дело было поручено директору Московской Синодальной типографии Н. П. Гилярову-Платонову. Вскоре также была утверждена программа издания[10]. Сложным и трудным делом нового издания по поручению директора типографии непосредственно занялся помощник хранителя рукописей в Публичном Румянцевском музее (ныне — Государственная библиотека им. В. И. Ленина) И. Д. Бердников. Побуждаемый любовью к св. Тихону, он в течение пяти лет собрал по разным местам рукописи, сличал варианты; восстанавливал их подлинность. Он отыскал 27 новых сочинений св. Тихона и расположил весь собранный материал в порядке хронологии появления произведений, в то время как в прежних изданиях такого порядка не было. В основу нового издания был положен принцип "печатания по подлинным рукописям" и восстановления целостности

---

[8] Житие, стр. 136.

[9] "Воронежская старина", вып. X, стр. 262—263.

[10] А. Г. Новое издание творений святителя Тихона Задонского. — "Православное обозрение", 1875, № 7, стр. 477—481.

текста[11]. Это издание вышло в 1875 году в пяти томах под названием "Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского"[12].

2. АННОТАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

Сочинения св. Тихона в новом Синодальном пятитомном издании расположены в следующей последовательности:

Том I.	Должность священническая. О седми тайнах святых.
	Окружное послание к Воронежскому духовенству.
	Наставления, инструкции.
	Слова, говоренные к Воронежской пастве.
	Плоть и дух.
	Размышления.
	Напутствия, увещания.
	Письма (1764—1767).
Том II—III.	Об истинном христианстве.
Том IV.	Сокровище духовное, от мира собираемое.
Том V.	Письма келейные.
	Наставление христианское.
	Краткие нравоучительные слова.
	Письма посланные.

Для четкого представления о творениях св. Тихона считаем необходимым дать краткие сведения о каждом сочинении.

В первом томе помещены произведения св. Отца, составленные им во время управления Воронежской епархией. Вскоре по вступлении на кафедру он написал в качестве пособия священнослужителям статью: "Должность священническая. О седми тайнах святых" и разослал ее по духовным правлениям для раздачи священникам. Здесь Святитель кратко в катехизической вопросно-ответной форме говорит о значении, смысле и особенностях совершения семи христианских таинствах. Через год св. Отец составил "Прибавление к должности священнической", где дает совет иерею, как поступать при исповеди вообще и при исповеди и причащении болящих в частности.

---

[11] Творения, предисловие, стр. VI—VII.

[12] По мнению свящ. Т. Попова, история собирания творений св. Тихона и издания их в печати делится на три периода. Первый — когда изданием занимался келейник Святителя — И. Ефимов, т. е. с 1784 по 1796 г. Второй период (свящ. Т. Попов называет его "Болховитиновским"), когда митр. Евгений издал в 1799 г. "Остальные сочинения Преосвященного Тихона", а в 1825—26 гг. — полное собрание творений в 15-ти томах. Этот период продолжается до времени прославления св. Тихона, т. е. до 1861 г. Хотя за это время по распоряжению Святейшего Синода и было предпринято два издания творений Святителя (2-е — в 1836 г. 3-е — в 1860 г.), однако они полностью были переизданы с издания митр. Евгения 1825—26 гг. И наконец, третий период начинается с 1861 г. и, по выражению свящ. Т. Попова, носит название "Бердниковский", т. к. И. Д. Бердников проделал всю техническую работу по подготовке нового проверенного и исправленного издания (Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 35—36). Однако последние издания творений Святителя лучше назвать Синодальными, поскольку они предпринимались по инициативе и под руководством Святейшего Синода.

В 1765 году Святитель обращается к воронежскому духовенству с "О к р у ж н ы м п о с л а н и е м", в котором увещевает пастырей Церкви Христовой удаляться от пагубных страстей и в первую очередь от пьянства, но развивать в своей душе добродетели. Это послание также было разослано по епархии.

В ответ на правительственный указ об отмене пыток для заключенных Воронежский Архипастырь составил "Н а с т а в л е н и е и л и о б р а з е ц у в е щ а т е л я м", в котором показывает, с какими словами следует обращаться к подсудимым, чтобы обратить их к раскаянию и признанию. Далее, в первом томе находятся "Н а с т а в л е н и е", как должно быть предлагаемо народу катехизическое учение, "И н с т р у к ц и я" о совершении браков и "И н с т р у к ц и я", что семинаристам должно наблюдать".

Следующий раздел включает в себя 12 "Слов", которые св. Тихон говорил к воронежской пастве, а также различные увещевания. Например, "У в е щ а н и е ж и т е л я м г р а д а В о р о н е ж а о б у н и ч т о ж е н и и е ж е г о д н о г о п р а з д н е с т в а, н а з ы в а в ш е г о с я "Я р и л о", или "К р а т к о е у в е щ а н и е, ч т о в с я к о м у х р и с т и а н и н у о т м л а д е н ч е с т в а д о с м е р т и с о д е р ж а т ь д о л ж н о" и другие. Кроме того, св. Отец дает краткие толкования из заповеди Моисеевы, приводит размышления на отдельные стихи различных псалмов и на другие религиозные темы, например, "В о з д ы х а н и я г р е ш н о й д у ш и к о Х р и с т у, С ы н у Б о ж и ю".

В конце первого тома собраны различные напутствия, наставления, советы св. Тихона и, наконец, его 15 писем к различным лицам, посланные из Воронежа.

Наиболее значительным и цельным произведением этого периода, находящимся в первом томе, является творение св. Отца "П л о т ь и д у х". Данное сочинение имеет более полный подзаголовок: "Плоть и дух, или Собрание некиих нравоучений из Святого Писания и толкователя оного св. Златоустаго, великого вселенныя учителя, с приложением рассуждений, в пользу духовную сочиненное". Св. Тихон 6 апреля 1767 г. относительно этой книги сделал следующую резолюцию: "Сей книжице быть в консистории. А с ней столько копий списать чисто, сколько духовных правлений, и во всякое духовное правление послать по книжице, чтобы кто хощет списывал ради частейшего прочитывания, только справно бы переписываны были"[13]. Но по приходам эта книга не была разослана, за исключением нескольких списков, по причине болезни Святителя и скорого после этого перехода на покой[14]. По словам митрополита Евгения, впервые это сочинение было напечатано в 1784 году, но без указания того, что это произведение св. Тихона. Известный издатель того времени П. Богданович, изменив название книги и не упомянув автора, опубликовал ее под заглавием: "Скрижали нравоучения, заключающиеся в Древнем и Новом Завете и в преданиях великого Вселенского учителя св. Златоуста, с приложением о каждом предмете рассуждений". Присвоение себе издателем этой переименованной книги, го-

---

[13] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 240.

[14] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 101.

ворит митрополит Евгений, замедлило издание подлинной, пока не был найден и представлен список, поправленный рукой самого Святителя[15].

Это сочинение самое большое по объему из литературных произведений, написанных во время пребывания св. Тихона на кафедре. О содержании данной книги говорит сам Святитель в предисловии: "Зде только полагаются некоторые пороки, которые люди нынешнего наипаче века или за малые или почти и вовсе за пороки не признают, но которые не меньше, как... пороки всем гнусные... Полагается зде (также), в чем состоит христианская должность, общая и взаимная, которая требует от нас веры, надежды, любви, такожде полагаются плоды любви"[16]. Книга состоит из 34 глав. Вот, например, название некоторых из них: "Грех", "Злоба", "От злых удаление", "Смирение и гордость", "Покаяние", "Терпение", "Слово Божие", "Молитва" и т. д. В каждой главе сначала дается подборка текстов Священного Писания на тему, данную в заглавии, затем цитаты из творений св. Иоанна Златоуста и, наконец, рассуждение св. Тихона по данному вопросу.

"О б и с т и н н о м х р и с т и а н с т в е" (т. II—III). Сочинение это написано св. Тихоном в 1770—71 годах в первые годы пребывания в Задонском монастыре. Это было время, когда Святитель несколько окреп здоровьем и когда кончилась борьба с беспокоившими его помыслами о том, какой образ жизни избрать, находясь на покое. Св. Отец разделил свой труд на две книги, а каждую книгу на части и статьи. Согласно этому делению, книга первая имеет надписание "Приготовление к мудрости христианской" и делится на две части ("О грехах" — 1-я часть и "О добродетелях" — 2-я часть), каждая из которых делится соответственно на четыре и три статьи. Книга вторая — "Об истинном христианстве" разделяется на восемь статей. Статьи в обеих книгах делятся на главы (всего глав по этому делению — 102). Но когда св. Тихон закончил свой труд, то пересмотрел прежний способ деления и разделил его на шесть томов, как и сообщали об этом в своем донесении Св. Синоду в 1782 году[17]. Теперь эти книги получили следующие наименования: 1) "О слове Божием и премудрости духовной", 2) "О грехах", 3) "О покаянии и плодах его", 4) "О Евангелии, вере, крещении, Церкви и должности христианской к Богу", 5) "О должности христианской к самому себе", 6) "О должности христианской к ближнему"[18]. По словам свящ. Т. Попова, "у Святителя одно деление сочинения, когда он смотрел на него, как на систему богословской дисциплины, а другое деление, когда он смотрел на него, как на произведение, "до пользы души надлежащее...". Практическая цель, очевидно, взяла перевес у святого Автора в конце его работы, и требования школы уступили свое место запросам жизни"[19]. Несмотря на то, что в сочинении с внешней стороны значительная дань отдается схоластической дробленности (изложение ведется по параграфам

---

[15] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 101. Под именем св. Тихона это сочинение было напечатано в 1796 г.

[16] Творения, т. I, стр. 125.

[17] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 176.

[18] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 256. В изданиях творений св. Тихона до Синодального периода, т. е. в 1825—26 гг., 1836—37 гг., 1860 г., принято деление второго рода, в Синодальный период (1875, 1889, 1899 г.) — первого, т.е . на две книги.

[19] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 253, 256.

фам, параграфы цифрами делятся на пункты, пункты — на подпункты), нравственно-практическая сторона берет перевес над правилами схоластической науки. "Не о системе, а о назидательности своего творения заботился Сочинитель", — говорит один из исследователей[20]. А по отзыву митрополита Евгения, "сочинение это можно сравнить со всеми наилучшими в христианстве нравственными книгами, а на российском языке оно есть первое и образцовое. Оно не есть только достаточная библиотека для всех, желающих заниматься здравым христианским нравоучением, но и для тех, кои хотят быть подлинными христианскими проповедниками евангельского учения"[21].

"Сокровище духовное, от мира собираемое" (т. IV). По мнению большинства исследователей, книга написана в 1777—1779 годах. Но скорее всего можно предположить, что в эти годы она была собрана св. Тихоном из записей и воспоминаний, или же собиралась постепенно параллельно с другими литературными трудами, потому что это произведение состоит из 157 небольших самостоятельных статей, представляющих собой размышления о предметах св. Веры по поводу слов, изречений, предметов или каких-либо действий и явлений. В жизнеописании говорилось, что богомыслие было основой внутреннего делания св. Тихона. Богомыслием он занимался постоянно, и поэтому "Сокровище духовное" — это не формально составленные богословские статьи, а плод его молитвенных размышлений.

Сочинение начинается эпиграфом, который четко показывает цель и содержание творений: "Как купец, — пишет св. Тихон, — от различных стран собирает различные товары и в дом свой привозит и скрывает их, так и христианину должно от мира сего собирать душеполезные мысли и слагать их в клетки сердца своего и теми душу свою созидать"[22]. Вот, например, подзаголовки некоторых из статей: "Солнце" (№ 2), "Отец и дети" (№ 3), "Свеча горящая" (№ 48), "Нигде я от тебя уйти не могу" (№ 55), "Зеркало" (№ 74), " Зачем ты здесь?" (№ 83), "Малые дети" (№ 139) и т. д.

В пятом томе творений святителя Тихона находятся письма, краткие нравоучительные слова и "Наставление христианское". Письма св. Отца делятся на две группы: "Письма посланные" и "Письма келейные". Следует отметить, что Святитель сам их подготовил для опубликования и упоминает о них в своем донесении к Св. Синоду. "Письма посланные" — это ответы его духовным чадам, т. е. письма отправленные, а "Письма келейные" не предназначались какому-то определенному лицу, но это рассуждения, родившиеся у св. Тихона во время богомыслия. Кроме того, "Письма посланные", как и всякое эпистолярное наследие, представляют собой законченные послания, иногда многотемные, кроме случаев, когда несколько писем писалось к одному лицу и каждое последующее с целью продолжать предыдущее. А "Письма келейные" — это цельное сочинение, отдельный самостоятельный сборник. И хотя "выдержанной от начала до конца системы в расположении

---

[20] О творениях преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, "Воскресное чтение", год XIV, стр. 331.

[21] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., 1836, стр. 59—60.

[22] Творения, т. IV, стр. 7.

предметов рассуждений в общем плане сочинения не наблюдается, но между отдельными письмами существует видимая связь и в общем течении хода мыслей наблюдается заметная логическая последовательность. Одно письмо нередко по своему содержанию является продолжением другого, а несколько писем вместе составляют часто отдельную цельную группу"[23]. Например, письмо 31 начинается вопросом: "Какие суть знаки истинного познания Божия?" Ответив вкратце на этот вопрос, св. Тихон в 32-м письме переходит к вопросу: "Как может человек в истинное богопознание прийти". В 33-м письме Святитель говорит: "Познание Божие зависит от познания божественных Его свойств", и далее до 56-го письма он разбирает свойства Божии, прерывая иногда последовательный ход своих рассуждений отдельными письмами на нравоучительные темы, но тесно связанные с объяснением того свойства, о котором говорилось в предыдущем письме.

В состав "Писем келейных" вошло 123 письма. Каждое из них заканчивается призывом: "Спасайся". В "Письмах" св. Тихон рассуждает о догматических истинах, истинах нравоучения и евангельских повествованиях. В этих рассуждениях нет догматической сухости и отвлеченности, потому что для Святителя христианские догматы — основа благочестивой жизни. Например, говоря о свойствах Божиих в 33-м письме, св. Отец пишет: "...Я их по разуму, мне данному, предложу. Ты рассуждай, внимай и поучайся на них и от того поучения созидай душу в познании Его и почитании. Чем бо более будем познавать и размышлять свойства Его, тем более будем исправлять себя в истинном благочестии, при помощи Его Самого"[24].

В состав "Писем посланных" вошло 46 писем. Написаны они к разным лицам по самым различным вопросам и поводам, но большинство из них содержит нравоучительные наставления. Например, основными поводами для ответа были следующие: смущение некоторых из его духовных чад от помыслов, которые иногда приводили и в отчаяние (письма № 23 и 27), утешение в печали (№ 28), увещание иноку, желающему из-за нерасположения окружающих перейти в другой монастырь (№ 29), недоумение и скорбь, что в одном городе некоторые устраивают балы и пиршества, в то время как в окружающей местности свирепствует моровая язва (№ 43) и т. д. Во всех письмах св. Тихон старается назидать своих читателей. И даже в тех случаях, когда Святитель обращается к кому-либо с просьбой и поручением, он не упускает возможности, чтобы высказать что-либо на пользу души.

"Наставление христианское" (т. V). Это одно из самых известных и самых распространенных сочинений св. Тихона. В примечании к данному сочинению в V томе творений св. Тихона сказано, что "в одной только Московской (не считая Санкт-Петербургской) Синодальной типографии, как видно из официальных ее дел с 1789 по 1870 г., книжка эта перепечатана была 42 раза... (до 119 тыс. экземпляров). Кроме того, книжка многократно печаталась в типографиях: Петербургской Синодальной, Киево-Печерской, Московской университетской, губернской и в разных частных типографиях"[25]. В своих изданиях

---

[23] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 252.

[24] Творения, т. V, стр. 61.

[25] Там же, примечание № 2, стр. III.

Св. Синод дополнил это сочинение другими местами из творений св. Тихона (например, сюда вошли "Краткие нравоучительные слова", "Слово о христианском воспитании детей"), и издавалось оно под названием "Наставление о собственных всякого христианина должностях"[26].

После тщательного исследования отдельных частей этого памятника можно сделать вывод, что первоначально Святитель написал 44 пункта этого наставления (всего в "Наставлении" 51 пункт) и предназначалось оно для семьи Ростовцевых. Но позже св. Тихон решил сделать это наставление общим для всех христиан и дополнил еще семь пунктов. Впоследствии св. Отец сделал прибавление к "Наставлению", которое называлось "О взаимной должности христианской". Прибавление состоит из десяти пунктов, каждый из которых имеет свой подзаголовок, например: "О должности пастырей и подчиненных им людей" (№ 53), "Об оскорбляющих и оскорбляемых" (№ 61). Но эти пункты гораздо шире пунктов "Наставления", так что по объему "Прибавление" вдвое превышает само "Наставление", "Прибавление" ясно показывает, что св. Тихон желал сделать "Наставление христианское" самостоятельным произведением, полезным для всех христиан. Это положение становится понятным, если учесть, что первая часть предназначалась для частных лиц, а в "Прибавлении" есть такие пункты, как "О должности пастырей", "О должности жен", которые никакого отношения к Ростовцевым не имеют.

О содержании данного сочинения свидетельствует уже само название "Наставление христианское". После краткого вступления, в котором проводится мысль, что без страха Божия невозможно жить, Святитель наставляет во всех случаях, обстоятельствах и отношениях поступать так, как прилично христианину и как учит слово Божие. Свои наставления св. Тихон предваряет призывом: "Внимай убо и тщись исполнять тако"[27]. В первой части сочинения говорится о частных обязанностях христианина в различных положениях и в отдельных случаях (например: "какое дело ни начинаешь, рассуждай, согласно ли оно совести и закону Божию" (№ 15), или "ежели нужду имеешь изыти и к людям пойти" — № 31) и т. д. Во вторую часть входит объяснение обязанностей общих ("Памятование обетов крещения" — № 45, "О рассуждении Христовых страданий" — № 46, "О необходимости благодати и помощи Божией" — № 50). И в третьей части сочинения раскрываются обязанности христиан, занимающих определенное положение в обществе (начальников, пастырей, супругов, родителей и детей, больных, убогих, продающих и т. д.). В заключении "Наставления", которое состоит из десяти небольших подпунктов, св. Тихон говорит, что все христиане находятся в тесной связи между собой и нарушение взаимных обязанностей есть грех против ближнего, а следовательно, и против Бога[28]. И в конце дается подборка текстов Священного Писания, которые побуждают человека быть христианином не только по имени, но и по жизни[29].

"Краткие нравоучительные слова" (т. V). Всего "слов" в этом сочинении 27. Ввиду краткости заглавий можно перечис-

---

[26] Творения, стр. II.
[27] Там же, стр. 152.
[28] Там же, т. V, стр. 191.
[29] Там же, стр. 193.

лить их полностью и тем самым дать представление содержаний слов: 1) "О испытании самого себя", 2) "О святом крещении", 3) "О усыновлении нашем Богу", 4) "О отрицаниях и обетах наших, бывших при крещении", 5) "О обновлении нашем, бывшем на святом крещении", 6) "О брани между плотию и духом, в христианине находящейся", 7) "О бедствии христианина, по святом крещении беззаконнующего", 8) "О покаянии", 9) "О воплощении Сына Божия", 10) "О смерти", 11) "О страшном суде Христовом", 12) О томжде, 13) "О вечности", 14) "О первейшем христианском деле", 15) "О христианском воспитании детей", 16) "О совести", 17) "О Евангелии", 18) "О чести и благородии истинных христиан", 19) "О грехе", 20) "О подвиге против греха", 21) "О угрожениях Божиих", 22) "О гордости", 23) "О злобе", 24) "О любви", 25) "О любви к Богу", 26) "О любви к ближнему", 27) "О двоих плодах любви к ближнему". В некоторых изданиях (1875, 1889 и 1898) есть 28-е слово "О муке вечной и о животе вечном". Но позже оказалось, что это и есть отдельная статья из сочинения "О истинном христианстве". В других изданиях (1825, 1836 и 1860) в состав кратких нравоучительных слов были внесены два слова из Воронежского периода. Впоследствии они вошли в состав проповедей, произнесенных с кафедры.

Сам Святитель озаглавил эти краткие "слова" как нравоучительные, т. е. он составлял их с целью воспитания слушателей в вопросах веры и нравственности. По объяснению митрополита Евгения Святитель писал краткие нравоучительные слова как для братии монастыря, а также и для собиравшегося в церковь народа. А затем он просил, чтобы эти поучения были прочитаны в праздничные дни в монастырской церкви[30]. Свящ. Т. Попов не соглашается с этим мнением и предполагает, хотя об этом не говорит прямо, что "Краткие нравоучительные слова" это цельное произведение, т. к. "между отдельными словами заметна некоторая внутренняя связь, а иногда видно даже и внешнее единство"[31]. Но автор данного сочинения с мнением Тихона Попова не согласен, так как в церковной практике можно привести много примеров, когда проповедник произносит ряд "Слов", тесно связанных между собой по теме.

Таким образом, во всех своих сочинениях св. Тихон Задонский имел в виду нравственное воспитание верующего народа. "Он хотел, — говорит проф. П. С. Казанский, — быть не ученым толкователем истин веры христианской, а простым проповедником Евангелия для простых душ христианских, ищущих спасения. В творениях его мало можно встретить таких богословских догматических рассуждений, в которых бы истины веры излагались в систематическом порядке. Он не обращается к ученым доказательствам веры Христовой. Имея целью не человекоугодие и не услаждение читающих, а единственно пользу и спасение, назидание, а не показание своей мудрости, он говорил только о том, что необходимо и полезно знать христианину"[32]. Весь смысл и значимость литературного творчества Святитель выразил в следующих словах: "Познается христианин не от того, что красно и богоугодно живет; не от внешнего любомудрия, но от евангельской и христианской философии обучения.

---

[30] Митр. Евгений (Болховитинов). Цит. соч., стр. 53.
[31] Свящ. Т. Попов. Цит. соч., стр. 212.
[32] Житие, стр. 138.

Многие красно говорят и пишут, но грубо живут. Многие изрядно в естественных речах философствуют, но христианского и алфавита не знают. Истинный мудрец есть, кто миру юрод и Христу мудр. Подлинно несмыслен и безумен, кто хотя и все знает, но Бога и Христа Сына Божия не знает. Учись убо, христианине, христианской евангельской философии и будеши истинно мудр"[33].

Задонский Подвижник знал природу человека не по отвлеченным рассуждениям, не по нескольким учебникам и философским исследованиям, но через изучение своего внутреннего человека, через внимательное наблюдение над самим собой и другими, а также через созерцание окружающей его природы. Вот почему мысль и слово Святителя всегда были глубокими и назидательными. Он на протяжении всей своей жизни старался осуществить в своей душе тот идеал нравственного совершенства, который предписан в святом Евангелии. Поэтому, будучи сам строгим исполнителем всех христианских законов, он в то же время призывал к этому и всех тех, кто обращался к нему за советом, указывая им правильный путь, ведущий ко спасению.

Следовательно, особенностью живого слова св. Тихона является стремление действовать на ум и сердце христианина не силой отвлеченного рассуждения, но внутренней силой христианского учения, которое как истина живая и всеобъемлющая, удовлетворяя всем существенным потребностям человеческой души, само свидетельствует о своем Божественном достоинстве и невольно покоряет ум и сердце человека. "В этом отношении у него много сходства с простотой писаний мужей Апостольских"[34].

И в этом видна особая благодатность творений св. Тихона, т. е. его сочинения носят на себе печать того благодатного, богопросвещенного состояния, которое называется помазанием. Они отражают в себе веяние Духа Святого, живущего в его душе, отражают его духоносный ум и сердце и пламенеющую в сердце любовь Христову. "Все эти свойства ставят св. Тихона Задонского в ряду высоких св. отцев и учителей Церкви и дают ему право быть всегда современным христианским писателем"[35].

С другой стороны, сочинения Святителя были сразу приняты людьми с любовью, и благодаря этим высоким свойствам внимание к ним не ослабевает и по настоящее время. По словам архимандрита Евлогия, они "всегда кажутся новыми, интересными и близки сердцу каждого христианина, как близки и всегда новы те вечные, неизменные, живые истины, о которых они проповедуют"[36].

Все многочисленные творения святителя Тихона Задонского проникнуты евангельским и святоотеческим духом и поэтому представляют собой богатую сокровищницу духовной мудрости для каждого христианина, какого бы развития умственного и нравственного он ни был, в каком бы звании и состоянии ни находился. Эти творения служат ему духовным руководством на всех путях его жизни, утешая его в скорбях, останавливая от грехов, поучая его христианским обязанностям в семье и в обществе и указывая верный путь к Царству Небесному.

---

[33] Творения, т. IV, стр. 213.

[34] Прот. А. Лебедев. Цит. соч., стр. 185.

[35] Там же, стр. 188.

[36] Архим. Евлогий. О святителе Тихоне Задонском и его творениях. — М., 1898, стр. 17.

В заключение этого краткого обзора и характеристики творений св. Тихона можно привести слова одного из его келейников. "О, как много людей, – говорит он, – жаждущих вечного спасения, духовная сия струя напояла в маловременной сей жизни. Но и по преставлении его в блаженную вечность напоят через душеполезные свои сочинения"[37].

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПРОСЛАВЛЕНИЯ СВ. ТИХОНА

1724	– в семье дьячка Савелия Кириллова родился сын Тимофей.
1738, 11/XII	– поступление в Новгородское духовное училище.
1740	– перевод в семинарию.
1751	– Тимофей Соколовский назначен преподавателем греческого языка.
1754, 15/VII	– окончание курса семинарии. Оставлен при семинарии преподавателем риторики.
1758, 10/IV	– постриг в монашество с именем Тихон.
конец апреля	– рукоположение в сан иеродиакона.
июль	– рукоположение в сан иеромонаха.
осень	– иеромонаху Тихону поручено чтение лекций по философии.
1759, 13/I	– назначение инспектором Новгородской семинарии.
26/VIII	– указом Святейшего Синода переведен в Тверскую епархию, возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Желтикова монастыря. Вскоре определен ректором Тверской семинарии и назначен настоятелем Отроча монастыря.
1761, 13/V	– хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского.
1762, с августа	– по случаю отъезда членов Св. Синода в Москву на коронацию Екатерины II еп. Тихон назначен председателем Синодальной конторы в Петербурге.
1763, 3/II	– назначение епископом Воронежским.
14/V	– прибытие в г. Воронеж.
7/VIII	– первое прошение об увольнении на покой.
1766, 17/III	– второе прошение.
1767, 23/VIII	– третье прошение на имя Екатерины II.
1768, 3/I	– получение указа об увольнении на покой.
8/I	– переезд в Толшевский монастырь.
1769, весной	– переход в Задонский монастырь.
13/VIII	– кончина.
1846, 12/V	– обретение нетленных мощей св. Тихона при перестройке собора.
1861, 13/VIII	– прославление св. Тихона, епископа Воронежского и Задонского.

[37] Записки Чеботарева.

ЧАСТЬ II

УЧЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА О СПАСЕНИИ

ГЛАВА I

Творение мира и человека

1. ТВОРЕНИЕ МИРА

От вечности существовал один Бог, и, кроме Него, не было ничего (Ин. 1, 1). По мысли святителя Тихона Задонского, Всевышний не нуждался ни в чем, потому что Сам имеет в Себе свет, правду, святость, премудрость и разум (5:78)[1]. Триединый Бог от вечности обладает совершенством, и каждое из Лиц Святой Троицы обладает им в равной мере. "Бог един существом, но троичен в Лицах, Отец, Сын и Святой Дух. Бог безначальный, бесконечный, присносущный, бессмертный, вездесущий, преблагий, милосердный, праведный... премудрый, непостижимый" (5:276).

Как Существо всесовершеннейшее, Бог обладает духовной, а не материальной природой (ибо дух выше материи), и соответственно с этим Он познается через свойства духовной природы человека (4:229). Естество Божие настолько превосходит естество человека, что все попытки человека найти какие-либо аналогии в этом мире, чтобы хоть частично определить Божественную природу, безуспешны. "Бог... – безначальный, бесконечный... вечный и присносущный... Он един существом живет, не может не быть, существо Его и естество есть самая жизнь. Все вещи начало имеют, яко от Него от небытия привелися: и могут паки не быть, ежели бы тако Ему изволилось; но Создатель как был всегда и прежде мира, так и ныне Тойжде есть и без конца Тойжде будет... Откуда не токмо называется вечный, но и вечность; не токмо живый, но и живот, ...не токмо пребывающий, но и бытие" (5:63). Все сказанное о Боге свидетельствует о том, что Бог Сам в Себе имеет "и дыхание, и жизнь, и все" (Деян. 17, 25). Поэтому проникнуть в существо Божие, понять Его в полноте, каков Он есть, невозможно не только ограниченному человеческому разуму, но даже ангельскому. Его сущность является превыше всего, что видится, осязается и определяется мерой человека.

Имея в Себе бытие и жизнь, Бог восхотел проявить их вне Себя Самого (5:63). Отсюда все созданное – видимое и невидимое – имеет свое начало в Боге, Который и после творения мира остается неизменным (5:63). Раскрывая перед нашим взором величественную картину вселенной, получившей свое начало благодаря великой благости и любви Твор-

[1] Как уже было отмечено в Предисловии к работе, при ссылках на творения святителя Тихона будут приняты сокращения: первая цифра обозначает том творений (изд. 6. Спб., 1899), вторая – страницу. Кроме того, встречающиеся тексты Священного Писания цитируются по творениям святого Отца.

ца, Который Сам в Себе есть величайшее Добро (4:157) и от Которого, как от благодатного источника, истекает все в совершеннейшей красоте и чистоте (4:350), святитель Тихон для более доступного нашего понимания благости Божией, проявленной к творению, приводит следующее сравнение: "Как огонь не может не согревать, и свет не может не просвещать, и мед не может не услаждать, так Бог не может не благотворить. Естество бо Его такое есть, чтобы благотворить... От Него утешение, радость, величие и блаженство происходит" (4:350).

Создавая мир в определенной последовательности и красоте, и притом из ничего (ex nigilo) и без затруднений — "словом единым" (5:64), Творец имел Своей целью дать возможность тварям наслаждаться благодатной жизнью. По всемогущему Творческому слову не только небо и земля приобретают благоустроенный вид, но и все планеты строго и определенно устанавливаются на свои орбиты и без воли своего Создателя никогда не нарушают этого порядка (5:64). "Основаяй землю на тверди ея, — восклицает Псалмопевец, — не преклонится в век века. Бездна яко риза одеяние ея, на горах станут воды... Предел положил еси, егоже не прейдут, ниже обратятся покрыти землю... Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси..." (Пс. 103, 5, 6, 9, 24).

Бог сообщил первозданному веществу жизненную силу, которая является внутренним двигателем всех закономерных процессов, протекающих в органическом и неорганическом мире. И если вначале земля была не устроена и не пригодна для жизни, то впоследствии по слову Творца всё на ней приобретает дивную гармонию. Строгая последовательность, единство всего мироздания и его красота и доныне пленяют собой лучшие умы человечества.

Небо, по мысли Святителя, украсилось солнцем, луной и бесчисленным количеством звезд (3:82). Воды и воздух согревались теплыми солнечными лучами, но они еще не имели в себе обитателей. Чтобы дать водам приличное украшение, Господь обращает к ним Свое повелительное слово: "Да изведут воды гады душ живых... и бысть тако" (Быт. 1, 20). Силою этого творческого слова Бог наполнил моря, озера, реки различными родами рыб (3:82). После этого последовал ряд других Божественных творческих действий, в результате которых "земля произрастает плоды, и животные плодятся, хлеб питает скоты... облаки, премножеством вод исполнены, по тончайшей стихии — воздуху ходят, и с места на место переходят, и не падают на землю, но только дождь из себя испущают" (5:64; срав. 3:82).

Из этих слов святого Отца становится ясно, что все творение вышло из рук Творца прекрасным и во всем наблюдалась гармоничность, закономерность и целесообразность. Подобно тому, как писатель, используя усилия своего разума и свою мудрость, составляет повесть и записывает ее в книгу, так и премудрый Бог все то, что имел в Своем разуме, прекрасно сотворил и как бы книгу из двух листов (т. е. неба и земли) соединил воедино и отразил в ней Свое всемогущество, и премудрость, и благость (4:8). Именно поэтому к всемогущему и премудрому Богу, подобно ручьям, стремящимся слиться в единый громадный поток, устремляет свой взор все тварное (2:80).

Если создание настолько прекрасно и благоустроено, что напоминает собой искусно выполненную мозаичную картину или сложнейшее техническое сооружение, то каким же по Своей красоте, премудрости и

величию является Сам Творец?! "Надобно быть великому, – пишет святой Отец, – который так великую машину из ничего сотворил. Надобно быть премудрому, который все премудро устроил..." (4:357). Кто подал свет солнцу, луне и звездам, Тот Сам в Себе непременно лучший свет есть. Кто подал разум человеку, Тот Сам непременно имеет лучший разум. "Якоже убо из книги разум сочинителя, и из здания мудрость архитектора, и из теплоты огнь познается; тако из созданий познается Создатель" (4:358).

Создав этот прекраснейший мир, Творец не перестает проявлять о нем Свою заботу и промышление (5:70). Об этом промыслительном попечении, по мысли святителя Тихона, говорят и логические рассуждения. Так, если Бог является Создателем всего видимого и невидимого мира, то, значит, Он же является и его Промыслителем. Если взять повседневную жизнь человека или даже целого государства, то здесь в порядке вещей, когда отец управляет своим домом, являясь в нем хозяином, или когда правитель руководит государством и ему подчиняются все, исполняя его волю. Так и Бог, создавший мир и проявивший в нем Свою славу и совершенство, является верховным Правителем и Властелином, владея и управляя небом и землей, всем видимым и невидимым миром. И потому Он – "Царь царей и Господь господей, и все, что есть, Его всемогущая десница произвела" (5:62). Если же все произошло от Бога как Источника жизни, то как же оно может быть оставлено без его постоянного премудрого Промысла (5:276). Основывая свою мысль на словах Священного Писания: "Вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время" (Пс. 103, 27), а также: "Очи всех на Тя уповают, и Ты даеши им пищу во благовремении. Отверзаеши Ты руку Твою и исполняеши всякое животно благоволения" (Пс. 144, 15–16), Святитель говорит, что промыслительное попечение Божие о тварном мире проявляется не какими-либо отрывочными этапами, но осуществляется постоянно, ежеминутно и ежедневно (5:62). Творец, создавший мир по Своей благости, премудро управляет им и ведет его к осуществлению Своих Божественных планов (там же).

2. ТВОРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

До сих пор в основном в работе излагалось учение святителя Тихона о создании Богом мира, о его красоте, благоустройстве, закономерности, а также о Промысле Божием. Теперь перейдем к его антропологическим воззрениям.

Как повествует Священное Писание, после сотворения духовного и физического мира Бог создал человека, для которого и был сотворен этот прекрасный видимый мир. Человек вышел из рук Творца в совершеннейшем виде как по телесной, так и по духовной природе и является венцом и завершением всего земного творения (1:61; срав. 4:280). Об этом чудном творении Псалмопевец восклицает: "Умалил еси его (человека. – *А. И.*) малым чим от Ангел, славою и честию венчал еси его. И поставил еси его над делы руку Твоею" (Пс. 8, 6–7).

По образу своего происхождения человек существенно отличается от прочих тварей видимого мира. Уже одно то, что сотворению человека предшествовал Совет Святой Троицы, дает право думать, что Бог решил сотворить существо высокого достоинства и особого назначения (2:279).

Творец определял человеку не только важную роль в мироздании, но и предназначал его для вечного единения с Самим Собою. Кроме того, человек получил от Бога нечто особое, присущее только ему одному, т. е. дыхание жизни, которое Бог вдунул в его лицо (Быт. 2, 7). Именно это дыхание жизни и определяет положение человека как высокое, "преславнейшее, благороднейшее, достойнейшее, великолепнейшее... Сие преимущество человеку ради души его подалося" (3:330).

Мир видимый представляется святителю Тихону антропоцентричным: он создан для человека, и в этом невыразимая полнота проявления величайшей благости Божией к человеку. "О, коль высоко почтен от Бога человек! – восклицает Святитель. – Как много одолжен в сем благости и любви Божией человек! Весь свет человеку в службу определил Бог. Небо, солнце, луна, звезды, воздух и земля с украшением своим единому человеку служат..." (2:279).

Человек как венец творения создается по образу Божию и подобию, и потому он должен сознательно стремиться к своему Первообразу и исполнять Его святую волю, являясь "украшением Создателевых дел" (1:80). Но в чем же усматривает Святитель этот образ Божий в человеке, отличает ли он его от подобия? По его словам, образ Божий в человеке есть частица дыхания Божественной жизни, иными словами, это дарованная Богом человеку душа. Бог по Своей природе есть чистейший всесовершеннейший Дух, и поэтому образ Божий в человеке следует видеть в его невещественной душе, которая "облечена благородием, красотой, великолепием и бессмертием" (2:28). Но душа является не только образом Божиим, но и обуславливает наличие в человеке подобия Божия, ибо, имея в себе это неоценимое вечное сокровище (образ Божий), человек должен постоянно уподобляться своей жизнью Первообразу (3:330) и через то быть наследником вечных благ (5:109).

Поскольку чистота, бесстрастие, блаженство являлись неотъемлемыми свойствами человека, данными ему при творении, то он и должен постоянно направлять свои силы к добру, чтобы сохранить эти Божественные дарования и тем самым уподобляться Богу. Сознание высокого назначения человека и его сходства с Первообразом выразилось в восторженном восклицании Задонского Подвижника: "О любезнейшее и краснейшее Божие создание, человек: образ Божий, яко царскую печать, в себе имеет, честен царь, честен и портрет его. Всякия чести достоин Бог, Царь Небесный: достоин чести и образ Его – человек" (5:233).

Однако сущность человека определяется не только душою, но и телом его, ибо Бог является Создателем человека как по душе, так и по телу (4:351). Поэтому душа и тело в человеке очень тесно связаны между собою. Например, части и органы тела человека представляют собой в высшей степени премудро устроенный сосуд, носящий в себе бессмертную душу. Хотя тело человека и является "прахом и пеплом" (2:28) и, следовательно, подвластно смерти и разложению (4:331; срав. 4:319), однако и в нем Святитель усматривает красоту и стройность. И все же, отдавая должное значению тела в природе человека, святой Отец считает душу существенно более важнейшей составной частью сущности человека: "Красота душевная вечна есть..., красота же телесная временна есть" (2:112). Красота, гармоничность и целесообразность в устроении тела побуждают задуматься о том, какова же тогда душа, богопросве-

щенная, бессмертная и вечная (3:304; 2:112). Душа предназначена к временному пребыванию в теле, однако она есть начало самостоятельное, и притом обладающее разумностью, свободой и бессмертием (4:331). Если тело — низшая часть человеческого естества — не может существовать без души, то душа, напротив, освободившись от тела, возносится горé для вечной жизни в Боге. Наиболее ценным качеством души, отличающим ее от окружающего мира, является ее духовность. Душа есть дух, и потому она должна постоянно устремляться к Богу, богоуподобляться, чтобы соединиться с Ним в вечности (5:35). Этого богоуподобления душа человека сподобляется при помощи Духа Святого, содействующего ей в осуществлении ее высокого назначения. Для того чтобы Дух Святой мог постоянно пребывать в душе и помогать ей в деле спасения, человек, со своей стороны, должен стремиться к стяжанию душевной чистоты, потому что Бог только "в чистой душе, как в благоприятнейшем храме Своем, живет; и любезнее Ему в чистой душе обитать, нежели в рукотворенных храмах: понеже в душе образ Божий есть" (4:146).

Указывая на высокое достоинство души, Святитель пишет, что душа своим великолепием превосходит весь видимый мир с его прекрасным устройством и красотой (4:360), и это по той причине, что она, во-первых, имеет в себе дыхание жизни, а во-вторых, является невестою Сына Божия, дочерью Небесного Отца и храмом Святого Духа (3:332). Отсюда становится ясной первостепенная роль человека в мире. Поскольку Творец является всемогущим, то Он и человека наделил способностью к творческому созиданию и владычеству. Ему, по повелению Божию, служит не только земля с ее обильными плодами, но и небо с его прекрасным устройством (5:349).

Подлинное же величие человека заключается не в бесспорном родстве со вселенной и не в превосходстве его положения среди тварей, но в том, что он имеет причастность к Божественной жизни, т. е. в его богоподобной душе. В своих творениях Святитель не разграничивает понятий души и духа, но считает их лишь различными состояниями одной и той же сущности. Он говорит, что душа человеческая есть дух. Она произошла от Бога, к Нему и должна возвратиться (5:35). Ничем иным она не удовлетворит свою духовную жажду и не может обрести спокойствие ни в чем, как только в своем Первообразе. И это вполне понятно: любое живое существо или вещь только в сродной себе стихии находит успокоение, например, тело — на земле, потому что взято от нее, огонь устремляется в высоту, птица — на дерево, рыба довольствуется водной стихией. Так и душе свойственно устремлять свой взор туда, откуда она произошла (5:35).

Таким образом, человек, по учению святого Тихона Задонского, по своему происхождению от Бога и высокому достоинству является не чем иным, как отражением славы Божией, Его образа. И потому, живя в этом мире, он должен развить все свои духовные силы, направить их к Богоуподоблению, быть постоянно в общении с Богом, прославлять Его премудрость, святость и милосердие. Вот смысл и цель жизни человека (2:28).

В премудром замысле Творца человек не должен был оставаться один среди прекрасной природы. Иначе он не смог бы выполнить свое назначение в мире. Богу угодно было, чтобы человек, видя окружающий мир,

определил свое положение в нем и осознал себя через сравнение с тварями, которые были также наделены жизнью. С помощью Божией Адам нарек имена всем скотам, и птицам небесным, и всем зверям полевым (Быт. 2, 20). Этим самым первый человек как бы изучал все живое, до него сотворенное. И это изучение оставило в душе Адама скорбь оттого, что он среди всего живого не нашел себе равного по существу. Как повествует Священное Писание, Господь Бог навел на Адама сон, взял одно ребро его и сотворил ему жену, которую Адам нарек Евой (Быт. 2, 21–22).

Эту первозданную супружескую чету Божия Премудрость поселила в "раи сладости", который представлял собой, по мысли Святителя, как бы прекраснейший царский дворец и был украшен всевозможными плодовыми деревьями и благовонными цветами, служащими для утешения и наслаждения человека (3:329). Оказавшись в таком прекрасном месте, человек постоянно пребывал в теснейшем единении с Творцом. Возлюбив человека и одарив его царственной властью над видимой природой, Господь предназначил его быть посредником между созданием и Самим Собою, "между небом и землю" (5:34). Человек должен был охранять первобытную природу и поддерживать в ней порядок.

Первые люди не знали еще, что такое грех, и поэтому ум их был проницателен, чист и способен к быстрому восприятию всех Божественных истин, воля была направлена к добру, т. е. к выполнению всех Божественных назначений и целей. Бог был для них единственным Центром, к Которому сводилась не только их внутренняя, духовная, но и внешняя, телесная жизнь. Потому основной их добродетелью была любовь к своему Создателю. Немаловажным импульсом в восхождении человека по лестнице нравственно-духовного совершенствования служило и то, что человек в своем существе "был свят, чист, непорочен, праведен и жилище Святого Духа" (2:169; срав. 4:140). Однако святость первозданного человека нельзя понимать в полном смысле этого слова, так как она находилась только в зачаточном состоянии и требовала развития путем личных усилий человека и благодатной помощи свыше. Посредством этих двух факторов прародители должны были постоянно укрепляться в добре, причем добровольно, при свободной направленности воли в сторону добра, а значит, необходимо было длительное упражнение в доброделании, чтобы этот навык в добродетели смог стать как бы природой души. Для развития духовно-нравственных сил, для упражнения в послушании Богу, по мысли Архипастыря, Творец дал заповедь: "От всякаго древа, еже в раи, снедию снеси; от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него, а воньже аще день снесте от него, смертию умрете" (Быт. 2, 17) (3:124). Но прародители, будучи еще не утвержденными в добре, не сохранили заповедь Божию и вкусили от запрещенного древа, что привело к лишению райской жизни, а вместе и других Божественных дарований. Они потеряли не только ближайшее общение с Источником жизни – Богом, но и свое бессмертие, а вместо него приобрели смерть, обещанную за преслушание.

ГЛАВА II

Грехопадение человека и его следствия

1. ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

По свидетельству Божественного Откровения, зло появилось на земле после того, как первый человек, по внушению диавола, нарушил заповедь Божию. Человек, как существо духовно-разумное, был свободен в выборе и осуществлении своего решения. И сам человек никогда не предпринял бы греховного шага, если бы, по выражению святого Отца, лукавый змий не позавидовал блаженству человека (4:136). Как учит святитель Тихон, под лукавым змием, действующим для обольщения человека, следует понимать не просто умное и способное животное, говорящее человеческим голосом, но разумное и притом коварное существо – духа злобы, самого сатану (1:22). Не имея власти над человеком, искуситель стремился всячески обманным путем склонить Еву к нарушению Божественной заповеди. Он изыскивал самые тонкие способы и ухищрения, чтобы вселить в душу Евы сомнение и тем самым склонить свободу ее воли на свою сторону. Внушая насельникам рая, что они не умрут, "но будут яко бози" (Быт. 3, 4), диавол сумел посеять в их душах недоверие к Создателю и только после этого преуспел в своем коварстве. "Они послушали лжи, не поверили Богу, аки неистинно слово Его было" (3:82).

Святитель Тихон, рассуждая о грехе и его губительном воздействии на человека, прежде всего возлагает вину за грех на диавола, который по своей злобе и зависти лишил прародителей общения с Богом (5:220). Вместе с тем, хотя диавол и сыграл первостепенную роль в падении первых людей, вина не снимается и с них: они не только преступили заповедь Создателя, но и склонили свою богодарованную свободу на сторону зла, когда вкусили от запрещенного древа плод (4:304; 5:34). Пожелав быть равным Богу, человек впал в грех гордости и, как следствие, потерял общение с Богом, благодать и бессмертие, был обречен на скорби и тяжелые болезни. Грех нарушил целостность природы человека и лишил его сил к достижению его великого назначения.

2. СЛЕДСТВИЯ ГРЕХОПАДЕНИЯ

Грех стал проявляться в природе человека сразу же после нарушения заповеди Божией. У прародителей появился стыд, который выражался в том, что они увидели самих себя нагими. И это было доказательством и свидетельством их внутреннего обнажения (2:100; срав. 2:158). Если до падения человек был увенчан Божественной славой, имел в себе бессмертие и был властелином своей природы, то после совершенного

преступления грех, по словам Святителя, человека "вринул во всякое бедствие и окаянство; лишил света прелюбезнейшаго и вринул в пагубную тьму" и сделал его безобразным и подобным скотам (4:154). Жизнь естественная для его богозданной природы стала уже не такой, какой она была раньше. Между тварью и Творцом пролегла непроходимая пропасть, разорвавшая союз человека с Богом (5:34). Человек стал пленником диавола, а значит, и рабом греха.

Изображая ужасное состояние человека после грехопадения, святой Отец говорит, что человек "был свободен; но сделался пленником; был свят и чист, но сделался скверен и мерзок; был доброобразен и светел, но остался безобразен и темен; был храмом Святого Духа, но сделался жилищем нечистых духов" (4:154; срав. 4:217). Образ Божий, вложенный Творцом в человека, был зеркалом, отражающим Создателя; теперь же, после грехопадения, он затемнился и перестал быть господствующим в душе человека. Падший человек, по мысли Святителя, хотя и жив телом, но душой уже мертв (2:129). После падения в душу вошла злоба и всякая нечистота, издающая отвратительное зловоние (2:113) и оскверняющая "красоту образа Божия", и человек стал "безобразным и несмысленым, как скот" (5:53; срав. 4:154). В результате смерть стала царствовать над людьми (1:43).

Оказавшись в таком жалком состоянии, человек уже не мог своими силами возвратить утраченное райское блаженство. Без помощи Творца он внутренне все более и более растлевался, увеличивал между Богом и собою непроходимую бездну. Этим он навлекал на себя гнев Божий[1], который, подобно темному мраку, покрыл собою всю вселенную. Да и что можно было ожидать человеку после этого, кроме клятвы и осуждения?! (3,432).

Бог начинает восприниматься грешным человеком уже не как Источник благости и полноты внутренней жизни, но как нечто отвлеченное и неродное. Греховное семя, всеянное в природу человека, быстро возрастает и становится не только средостением между Творцом и Его творением, но и поражает, подобно смертоносному яду, все естество человеческое. И как яд, попавший в организм человека, доставляет ему телесные мучения и страдания, так и греховный яд, сокрытый в душе, приносит ей страшное внутреннее терзание (4:140).

Кроме того, падение первого человека привнесло в его природу порчу, которая отразилась на всех свойствах и способностях души, нарушило гармонию, отравило и расстроило все существо. Извратились все познавательные силы и способности, утратилась ясность и проницательность ума. Таким образом, "зло неисцельно заразило душу со всеми ее силами" (3:134). В душе появился другой закон, противоборствующий закону ума. Ум человека, ранее входивший в общение с Богом, стал слеп, помрачился и уже не способен различать добра от зла (3:134; 4:272).

Одновременно с помрачением ума не осталось в чистом состоянии и сердце человека, которое вместо любви к Богу как Источнику жизни стало источать всякое зло; оно уклонилось от Создателя, замышляя "не иное что..., как только противное воле Божией" (3:134). Утратив первоз-

[1] В клятве и осуждении не столько звучит гнев Божий, сколько правда Божия, соединенная с бесконечной любовью и Его милосердием.

данную чистоту, оно начало выращивать в себе "посеянное семя змиино: гордость, высокоумие, безмерное самолюбие, бесчинное похотение, тщеславие, неведение Бога и о Нем нерадение, ненависть, зависть, гнев, нечистоту..." (2:112; 4:136). В нем появились нечистые пожелания и греховные влечения, и от него, "как от источника смердящего, едина только злая воня исходит" (4:136). Растлившись в своем существе, сердце стало подобно земле, не имеющей живительной влаги. На ней хотя и сеются семена, но они остаются бесплодными и даже погибают (2:47). Развивая мысль о поврежденности и огрубении сердца человека, Задонский Архипастырь говорит, что оно стало жестоким, как железо, каменным, глубоко растленным и злым (2:103, 109). Таким образом, этот богодухновенный орган — жилище Духа Святого — стал не только исполненным всякой неправды и мерзости, но и жилищем злых духов.

Немалый вред грех причинил и воле человека. Вместо стремления к чистоте, праведности и невинности в ней появились противоположные желания, влекущие ее в сторону зла и произвола. Прежде всего она подчинилась различным чувственным побуждениям, что, в свою очередь, способствовало все большему уклонению от спасительного пути к пагубному злу (3:134). Действуя в таком направлении, воля человека постепенно ослабевала, так что у него уже не хватало решимости искренно раскаяться, а это еще более удаляло человека от Бога. "Чем более грехов и беззаконий творит (человек. — *А. И.*) и в нераскаянии пребывает, тем более отходит и удаляется от Него (Бога. — *А. И.*) ...не лицем, но сердцем... не ногами, но волею, не пременением места, но пременением места, нравов злых" (2:215).

Существенный отпечаток наложил грех на свободу человека. Если до грехопадения человек с радостью и охотно служил Творцу и постоянно желал быть в тесном единении с Ним, то после преступления он утратил это и потерял, как выражается Святитель, свое "царское духовное благородие" (3:169). Человек полностью лишился непосредственного общения с Источником благости, удалился "на страну далече", окончательно прекратил всякое непосредственное взаимодействие с Господом, тем самым лишив себя "милости Божией и благодати, которою его почтил Бог в создании" (3:124).

Кроме всего сказанного, первородный грех внес в существо человека полную дисгармонию. Он затмил в человеке око богоданного закона — совесть. Если до грехопадения она была в человеке непогрешимой (4:81), голосом Божиим (4:82), верным свидетелем (2:45), то теперь совесть изменилась в худшую сторону. Она стала подобной закопченному зеркалу и не отражает в себе истины. "Человек (уже) в ней не усматривает пороков.., и так весь замаран, как эфиоп, ходит и от греха в грех... падает... Не видит таковой скверны и мерзости своея" (2:42). И это в основном происходит по той причине, что совесть стала злой и усыпленной (5:215).

Следовательно, первородный грех и происшедшие от него последствия пагубным образом отразились на всей сущности человеческого естества. Грех прервал те нити, которые соединяли человека с Богом, и заставил его служить страстям, а в их лице — и самому диаволу. Вот почему святой Отец говорит, что человек стал "свирепый... жестокий и неукротимый, и на службу Господу, своему Богу весьма неугоден" (2:107).

При таком изменении духовных сил человеку уже не было никакой возможности оставаться в своем первобытном состоянии. К тому же греховное извращение человеческого духа привело к полному разладу телесного состава и тем самым нарушило правильное его развитие. До грехопадения душа полностью господствовала над телом; теперь же тело вышло из повиновения и, устремляясь к греховным пожеланиям, взяло перевес над духом. В свою очередь телесный состав человека, как "скудельничий сосуд" души, подпал всякого рода болезням, страданиям и физической смерти. Вот почему после такого ужасного искажения образа Божия у наших прародителей уже не оставалось ни малейшей надежды на дальнейшее пребывание в раю. Это благодатное обиталище, а вместе и древо жизни становится уже недоступным и закрытым для них. Человек изгоняется из прекрасного рая "в юдоль... плачевную, в поте лица... искать хлеб себе" (1:42), осуждается "на труды, скорби, беды и напасти" (3:297) и, более того, обрекается на смерть и вечное мучение (1:22). Такое состояние совершеннейшего из созданий Божиих, подвергшегося губительному воздействию греха, вызывает сердечное сокрушение Святителя: "О создание Божие высокопочтенное, ...образом Божиим и подобием удобренное, в какую подлость и гнусность впало! Где твоя первозданная доброта и благолепие? Где твоя святость, чистота, правда и непорочность? Где твой Божественный свет, который душу и разум твой просвещал? Где твое блаженство богоподобное, которое Создатель твой вначале тебе даровал? Все твое отошло от тебя" (4:154). Грех, содеянный человеком, не только затворил собой небо и рай, но и отверз ад с его вечным мучением (4:273).

Но, несмотря на такое ужасное преступление со стороны человека, Бог подает ему надежду на спасение в Лице Своего Единородного Сына, когда сказал змию: "Той (Христос, благословенное Семя) твою сотрет главу" (Быт. 3, 15) (3:125).

Губительные следствия первородного греха не ограничились прародителями, они распространились и на весь род человеческий. Адам как родоначальник передал потомкам свои грехи со всеми последствиями. Эта передача склонности людей ко греху стала осуществляться путем естественного рождения (5:223).

С течением времени человек все более ожесточался, уклонялся от добра и ставил непреодолимые препятствия между собой и Богом. Люди, помраченные тьмой неведения, стали почитать вместо добродетелей пороки (1:84). Естественные пути богопознания, вследствие помрачения образа Божия, стали недоступными и непонятными человеку. Из-за общей греховности, которую люди наследовали от Адама, они подлежали клятве и казни по Божию правосудию (1:22).

Природа человека, зараженная грехом, была неспособна к добродетельной жизни, (и поэтому) греховные наклонности и страсти в человеке проявлялись и проявляются с младенческих лет. С возрастанием человека они все более усиливаются, так что со временем делают его своим рабом (5:223). Исправление такого состояния становится для человека непосильным, так как он, предоставленный самому себе, не имеет для этого достаточно сил и возможностей. Святой апостол Павел характеризует это человеческое бессилие следующими словами: "Вем бо, яко не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе... Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие содеваю... Вижду же ин закон во

удех моих, противувоюющь закону ума моего и пленяющь мя законом греховным, сущим во удех моих" (Рим. 7, 18–24). И это врожденное греховное состояние постоянно склоняет и влечет разумное создание – человека к греховной скверне (5:223), т. е. самолюбию, плотоугодию, славолюбию, сластолюбию, неправде, нечистоте, жестокосердию, гневу, ярости, злобе, роптанию, хулению и прочим грехам (3:95). Человеческое существо пронзается этими и подобными им смертоносными стрелами и через них наказывается не только временными бедствиями, но и вечными (3:124).

Находясь в состоянии духовной смерти, человек как ни стремился освободиться от этого ужасного бедствия, однако возможностей для этого у него не было. К тому же он впал в руки диавола, который жестоко мучил его и старался совершенно изгладить из его сердца память не только о благодатной райской жизни, которую потеряли наши прародители, но и о Самом Боге как Творце и Промыслителе (4:21, 136).

Вместо этого новый властелин стремился обратить взор человека и заставить его поклоняться неразумной твари, что в действительности и произошло впоследствии. Удалившись от Источника света – Бога и предав полному забвению память о Нем, потомки Адама стали обожествлять вместо Творца видимые предметы, как-то: "солнце и прочие небесные светила... зверей, скотов... и почти не было той твари, которой бы не боготворили" (4:21; срав. 4:272).

Смерть и тление все более и более овладевали людьми, память о Боге у них совершенно изглаживалась, и грех, подобно смертоносной язве, быстрыми темпами распространялся по земле. Весь мир погружался в глубокую тьму идолопоклонства и крайнего развращения. "Поверь, – говорит Задонский Святитель, – что день от дня умаляются сынове Царствия Божия, и умножаются сынове неприязни, и соблазн более и более умножается" (2:71). В таком состоянии человечество было бессильно что-либо сделать для своего спасения.

ГЛАВА III

Искупление рода человеческого сыном Божиим

1. ПРИГОТОВЛЕНИЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО К ИСКУПЛЕНИЮ

Поскольку смерть, тление, рабство греху и диаволу овладело человеком, то он, по-видимому, должен был навсегда быть удаленным от Лица Божия. Однако это явилось бы недостойным благости, любви и милосердия Божия. Всеблагой Творец не мог допустить, чтобы Его наилучшее создание, причастное Его славе, было навеки отчуждено от Него и находилось в узах вечной смерти. "В предвечном Божием Совете положено — человека согрешившего спасти не иначе, как только через Христа, верой в Него... Ибо Евангелие есть смотрение тайны, сокровенной от веков в Бозе" (3:10). Милосердие и непостижимая благость Божия действовала не по нашим заслугам, но по единой Божией неизреченной любви к Своему созданию, действовала, "как теплый солнца луч сквозь облаков и как свет во тьме сидящим" (3:7).

Однако, чтобы воспринять Божие обетование о спасении, человеку требовалось внутреннее обновление и прежде всего сознание гибельности своего состояния, из которого естественными силами выйти невозможно. Очутившись в положении изгнанников и лишившись райской красоты, люди очень остро ощущали эту утрату. Они глубоко сознавали свое падение и с надеждой обращали свой взор к обещанному Искупителю, Который должен возвратить их к древу жизни, даровать им вечное спасение. Человек, хотя и потерял свое отечество, однако в душе его осталось некоторое семя первобытного достоинства, заключающегося в неистребимом до конца, хотя отчасти и поврежденном после падения, образе Божием. Земная жизнь с ее скорбями и бедствиями способствовала внутреннему отрезвлению и перерождению человека. Здесь особенно давала о себе знать заложенная в природу человека совесть, которая, по мысли святого Отца, "когда пробудится и грешника начнет обличать, тогда лютое ему мучение последует" (5:215). Все это, безусловно, направляло мысли людей к ожиданию Избавителя, Который должен был "искупить (их. — *А. И.*) от диавола, смерти и ада" (4:28).

Но пришествие обещанного Спасителя и искупление Им человека совершилось не сразу. Чтобы подготовить людей к принятию Его, требовались целые тысячелетия. В этот период род человеческий становится объектом особого Промысла Божия. Бог как Существо беспредельное, хотя и не объемлется миром, однако проникает его Своей силой. Иначе мир не мог бы существовать. В своих творениях святитель Тихон Задонский описывает многоразличные действия Промысла Божия,

Который на протяжении десятков веков приготовлял человечество ко спасению. "Когда пал и погиб человек, то дивный и непостижимый Промысл Бог показал. Кроме того, что подал ему закон Свой, подал ему слово Свое, яко свещу, сияющую в темном месте, послал к нему пророков, повелел Ангелам Своим хранить его" (4:280). Поскольку Бог есть для мира постоянный Источник бытия, то Он "никогда не престает" ему "благотворить"; "естество Его таково есть... и поэтому не может не благотворить" (4:11). Вместе с тем Любовь Божия, как беспредельная и совершеннейшая, простирает свои действия не на одну какую-либо народность или на особо избранных людей, но на всех без исключения. Как "солнце сияет и теплоту свою испущает на злых и добрых: тако Солнце вечное – Бог и добрым и злым, благочестивым и нечестивым благотворит (Мф. 19, 17)" (4:11). Эта Божественная Любовь, подобно магниту, влечет к себе даже самых жестокосердных и коснеющих в своих беззакониях грешников (2:278). И это происходит не потому, что Бог нуждается во взаимной нашей любви к Нему, а только по одной Его неизреченной благости и потому, что такова природа Его существа: Он желает "всем... спастися и в разум истины прити" (1 Тим. 2, 4). Отсюда вытекает основное объяснение всех испытаний в жизни человека; ниспосылаемые Богом, они ведут человека к основной цели – вразумлению, пробуждению его от смертной спячки и наставлению на путь, ведущий ко спасению (5:166).

Однако Бог, по мысли Святителя, не отнимает от человека свободного выбора действий и не принуждает его совершать те или иные дела без согласия на то его воли. Человек может или откликнуться на любовь Божию, или полностью отвергнуть ее. Божественная любовь, отвергаемая людьми, не одухотворяет их, хотя и не оставляет, но постоянно промышляет и заботится о спасении каждого. Спасти человека без его хотения, против воли, насильно, было бы недостойно Бога; этим Он разрушил бы ту свободу, которую даровал человеку при творении. Спастись могут все люди, и всем предлагаются блага любви Божественной, которая содействует спасению, но не все имеют желание воспользоваться этими благами. Каждый "человек прежде согрешения стоит между двумя противными вещами – Богом и сатаной; и имеет свободное произволение к тому или другому обратиться. Бог зовет его к добру и отзывает от зла; сатана прельщает и отзывает от добра и склоняет ко злу и греху... Итак, когда слушает Бога и добро творит, – к Богу обращается лицом; а когда слушает сатану и зло творит, – к сатане обращается лицом... и тако, отвратившиеся от Бога, вслед сатаны идет" (3:341).

Поскольку свободная воля человека не ограничивается Богом и человек может свободно выбирать то, что ему хочется, то он становится ответственным перед Богом за свои поступки. История свидетельствует, что дарованную свободу люди употребили во зло. С течением времени все более увеличивался грех, и допотопный мир в своих грехах дошел до предела. Крайнее и всеобщее развращение нравов на земле и всецелое погружение в чувственность побудило Бога истребить всех людей, кроме праведного Ноя с его семейством, водами потопа (1:8). Праведнику же Господь не только дарует жизнь, но и сохраняет в ковчеге для дальнейшего его благополучия домашних животных, зверей и птиц (5:339; 3:326; срав. 2:82; 4:322). В факте истребления людей в водах потопа проявилась не только правда, но и любовь Божественная, по которой ис-

кореняется зло, сохраняется чистота и благочестие и таким образом сохраняется непреложность обетования о спасении людей через имеющего уязвить главу змия Богодарованного их Потомка. Во всяком наказании, которое принимают люди за свои беззакония, сбываются, по мысли Святителя, слова Псалмопевца: "Аще оставят сынове его закон Мой и в судьбах Моих не пойдут, аще оправдания Моя осквернят и заповедей Моих не сохранят, посещу жезлом беззакония их и ранами неправды их: милость же Мою не разорю от них" (Пс. 88, 31–34) (2:179). И Творец дает обещание после потопа больше не проклинать землю за человека, потому что помышление его злое от юности (Быт. 8, 21), а семейство Ноя получает новое благословение Божие – плодиться и размножаться, и наполнять землю (Быт. 9, 1). С этого времени Господь открывает роду человеческому непрерывный поток Своих чудесных явлений и знамений, желая этим самым сохранить среди людей истинное Богопочитание и веру в обещанного Искупителя.

Хотя воды всемирного потопа и омыли лицо земли от греховной скверны, однако и они не могли уничтожить греховного повреждения природы человека. Через несколько столетий после потопа среди потомков Ноя снова распространилось безбожие и нечестие. "Люди, – говорит Святитель, – вместо добра зло избрали и тьмою неведения помрачены, пороки вместо добродетелей почитали" (1:84). Помрачение человеческого рода дошло до такой степени, что люди окончательно забыли Бога, стали поклоняться идолам и обожествлять тварь (4:272), как это и было до потопа. Однако и теперь Господь не оставляет человека (3:342); Он избирает новый народ на земле, который смог бы сохранить обетование об Искупителе и Его Царстве, а также передать это обетование последующим поколениям и таким образом сохранить его до пришествия Спасителя.

Родоначальником этого народа Господь избирает праведного Авраама, который всегда имел в себе "открытый слух души" к Божию зову (4:66). Испытывая верность Авраама и желая его оградить от нечестия развращенного народа, Господь повелевает ему оставить все и переселиться в чужую землю (4:66), которую Бог обещает ему и его потомству. С глубокой верой Авраам, повинуясь голосу Божию, переселяется в другую страну, где Бог неоднократно повторяет ему Свои обетования. Аврааму, родоначальнику еврейского народа, бывшему в то время еще бездетным, Бог говорит: "И сотворю тя в язык велий, и благословлю тя, и возвеличу имя Твое... и благословятся о тебе вся племена земная" (Быт. 12, 2–3) (5:268). С избранием этого мужа приготовительные действия Божии к принятию Искупителя сосредоточились теперь в одном избранном племени – в потомстве Авраама, впоследствии сделавшемся уделом Божиим среди народов земли (Исх. 19, 51).

Кроме этих благодатных обетований, в которых Авраам пророчески усматривал Божественный образ Мессии, ему было открыто и то, что путь Этого обещанного Потомка будет скорбным и страдальческим, но благодатным и спасительным для всего рода человеческого. Например, в лице Исаака, которого Авраам хотел, по повелению Божию, принести в жертву и который прообразовал собой Спасителя, Господь наглядно показал своему праведнику образ страждущего Христа и в то же время всемогущего Творца и Победителя смерти. За послушание, проявленное Авраамом, Господь повторяет ему Свое обетование: "И благословятся о

семени твоем вси языцы земнии, занеже послушал еси гласа Моего" (Быт. 22, 18). "Сие отеческое Свое благоволение к роду человеческому и милостивое обещание многократно повторял и открывал Бог, – говорит Святитель, – святым патриархам Аврааму, Исааку и Иакову и прочим" (3:125), с которыми Господь всегда пребывал, сохраняя их как от внешнего пагубного влияния, так и от внутреннего разложения (4:322). И это тесное единение их с Богом свидетельствует о том, что Господь через них осуществлял Свой Божественный план домостроительства нашего спасения.

Особенно ярким свидетельством Божественного попечения о народе израильском является история праведного Иосифа, которого братья по зависти продали в Египет (5:70). Но с ним постоянно пребывал Господь, подкрепляя его в искушениях и страданиях, и, наконец, возвеличил его пред народом египетским и даже самим фараоном. В свете Божественного Промысла пребывание Иосифа в Египте нужно было для той цели, чтобы он мог впоследствии принять и устроить, как власть имущий, своего отца Иакова с его потомками (3:326). В свою очередь, переселение в Египет Иакова с семьей имело своей целью ограждение народа Божия от развращенных племен Палестины и в связи с этим привитие его сознанию необходимости сохранять неповрежденным Божественное обетование о спасении мира. После долгих и тяжелых испытаний Богу было угодно извести Свой народ из Египта посредством Своего верного раба Моисея, который, повинуясь промыслительной десснице Божией, взял на себя эту миссию, "извел Израиля от горькой оной работы и вел пустынею в землю обетованную" (4:55). Чтобы вывести из Египта Свой народ, укрепить веру в нем и засвидетельствовать Свое могущество перед тогдашним миром, Господь поражает землю Египетскую всевозможными казнями и даже предает смерти всех первенцев ее от человека до скота. После этого Господь изводит Свой народ из страны порабощения "рукою крепкою и мышцею высокою" (4:19). Во всех этих действиях и усматриваются особые "следы правды, премудрости и милости Божией" (2:82).

Наиболее ярко чудодейственная сила Божия проявилась во время перехода Израиля через Чермное море, когда Господь шел впереди людей Своих в столпе огненном (3:420), а затем разделил море, избавляя избранный народ от преследования фараона, которого со всеми его воинами "во глубине, яко во гробе, заключил" (4:322; 3, 326).

Постоянно укрепляя Свой народ в вере и охраняя его от языческих народов, Господь тем самым хотел довести до его сознания важность той миссии, для которой он и был предназначен; ибо этот народ должен был сохранить истинное познание о Боге и приготовить путь к пришествию в мир обещанного Спасителя (4:315). И чем ближе подходило время пришествия в мир Искупителя, тем яснее и многообразнее Бог являл Своему народу различные чудеса и знамения. Это чудесное проявление силы Божией отрезвляющим образом действовало не только на богоизбранный народ, но и на весь тогдашний языческий мир, погрязший в нечестии.

Для укрепления веры и нравственности в народе израильском Господь дает ему на горе Синай Свой Закон (4:239), который бы послужил спасительным средством не только для еврейского народа, но и для всего человечества. "Милосердный Творец наш, – пишет святитель Тихон, – по Своей благости изобразил закон тот на двух скрижалях, которые

через Моисея, верного Своего раба, предал избранному Своему народу.., а по нем и всем народам и языкам" (1:84). Закон этот имел вечное и нерушимое значение. В нем отражена истинная правда Божия, которая направляет человека к конечной цели – спасению (3:69). Кроме того, Господь, давая Свой закон ветхозаветному человеку, желал пробудить в нем сознание греховности, а это в свою очередь способствовало бы нравственному возрождению и взысканию помощи Божией (4:231). Следовательно, закон для человека являлся и является светильником, смотря на который человек мог бы исправлять свою жизнь и тем самым обновлять своего внутреннего человека (1:192). Отвращая человека от пагубного пути и указывая ему верное направление ко спасению, закон делает человека праведным пред Богом (3:220). Но кто уклоняется от исполнения закона, тот навлекает на себя Божие проклятие, которое не ограничивается только земной жизнью человека, но подвергает его вечному осуждению в загробном мире, лишая вожделенного блаженства (3:220, 426). Строгость закона, с одной стороны, и необходимость его исполнения, с другой, требовали от человека больших усилий и благодатной помощи свыше. Ветхозаветное человечество, не имея последней, оставалось под клятвой. Отсюда вытекает, что закон "только показывал немощь (человека. – *А. И.*), а не исцелял его; обличал... и устрашал, а не утешал; показывал погибель, а не спасал... и тако сильно уязвенного и немощного не мог спасти, яко не мог (человек. – *А. И.*) его исполнить" (4:231). Однако, несмотря на все это, положительное влияние закона на ветхозаветного человека было огромно. Он своим благодатным воздействием удерживал человека в какой-то степени от греховной скверны, возбуждал в нем раскаяние и направлял его ум и сердце к Искупителю (3:134; 3:6, 9).

Что же касается лучшей части человечества в лице патриархов, пророков и других праведников, которым Господь открывал Свою волю и которые сохраняли обетование Божие, то для этих лиц законом служила совесть, вложенная Богом еще при сотворении человека. Она "не иное что, как закон естественный или природный. Чего бо научает закон Божий, того научает и совесть" (5:214). Поступая по совести и устрояя свою жизнь согласно ее требованиям, праведники отрезвляюще действовали на окружающие массы народа и тем самым привлекали особое благоволение Божие. Так, например, для служения в скинии Господь поставляет достойных по жизни лиц – Аарона и сыновей его, которым и поручил управлять и воспитывать народ в Своем законе. С установлением священства особое, прообразовательное значение приобретает обрядовая сторона богослужения. "И самые жертвы оные, – пишет святой Отец, – яко прознаменовавшие Христа, за спасение мира заклавшегося... ибо не сами в себе жертвы оные очищали грехи людские, но Христос, жертвами оными прознаменованный, очищал. Невозможно бо кровию юнчей и козлей отпущать грехи, глаголет Апостол (Евр. 10, 4). Иисус Христос вчера и днесь, Той же во веки (Евр. 13, 8) и Агнец (Иисус Христос) заклан в жертвах от сложения мира (Апок. 13, 8)" (3:8).

Если кровь жертвенных животных в сознании ветхого человека считалась величайшим освящающим средством, распространяющим свое действие на те предметы или людей, которые окроплялись ею, то Кровь Спасителя мира, пролитая на крестном Жертвеннике, освящает собой и распространяет свое спасительное влияние на всю природу и весь род

человеческий (3:84). Таким образом, ветхозаветная жертва указывала подзаконному человеку на скорое пришествие Искупителя, а также водворяла в его сердце сокрушенное сознание греховности и неисправности. Весь ветхозаветный закон и его частные обрядовые постановления, касающиеся различных сторон богослужения, имели мессиански-прообразовательный характер. Вот почему "закон был... детоводителем ко Христу" (Гал. 3, 24). Что касается спасительности этого закона, то он только стремился к начертанию идеальной новой жизни, но возродить человека и освободить его от греха и смерти он не мог.

Установив на горе Синай тесное единение со всем избранным народом, Господь желал при посреднике Моисее ввести его в обетованную землю, где, по Промыслу Божию, должен родиться Избавитель мира. Но своими грехами и беззакониями, ропотом, постоянными оскорблениями милосердия Божия израильтяне подвергли себя наказанию сорокалетнего странствования в пустыне. И, несмотря на их постоянные согрешения, Господь как милосердный Отец все эти сорок лет питал их небесной манной (4:239). Отсюда видно, что милосердие Божие к грешному человеку простирается от вечности. И если Господь иногда и посылает наказания человеку за те или иные преступления Его закона, то в своем существе эти наказания отражают "Божие милосердие к грешникам, понеже Бог грозит казнию ради того, чтобы они в чувство пришли, оставили злое прежнее житие и к Нему с покаянием обратились" (1:50) и так могли бы получить свое спасение (1:88). Таким образом, промыслительная рука Божия, оставляя на длительное время народ израильский в пустыне, воспитывала в нем чувство раскаяния во грехах и укрепляла веру в обетованное Богом спасение. Эту веру Израиль должен был сохранить чистой и неповрежденной. Между тем Господь напоминал Моисею, а в его лице и всему миру, о времени приближения обещанного Мессии, грядущего в мир под образом величайшего Пророка, что выразилось в следующих словах израильского вождя: "Пророка от братии твоея, якоже мене, восставит тебе Господь Бог твой: Того послушайте" (Втор. 18, 15) (3:7).

По окончании назначенного Богом срока пребывания в пустыне и после смерти Моисея новое поколение израильтян под предводительством Иисуса Навина, которого Бог избрал вместо Моисея, содействием силы Божией вступило в обетованную землю, "кипящую медом и млеком" (4:55; 4:315).

Живя и размножаясь в дарованной Богом земле, люди начали снова забывать Того, Кто "дал им закон Свой... явил им имя Свое знаменьми и чудесами различными; извел из Египта... и провел пустынею; поразил пред ними языки многие и избил цари крепкие; изгнал языки из земли обетованной и поселил их" (5:115), и стали уклоняться в языческие нечестия. Это уклонение народа Божия от истинного пути могло привести к губительным последствиям для всего человечества. Во-первых, этим изгладилась бы из их сердец истинная вера в Бога как Творца и Промыслителя, а во-вторых, утратилось бы понятие об обещанном Мессии как Искупителе всего рода человеческого. Для вразумления и отрезвления народа Господь посылал им скорби и испытания, дабы снова обратить их на спасительный путь. Иногда бесчестие в народе превосходило меру долготерпения Божия, и тогда Господь по своей правде посылал суровые наказания. Так, например, "Содом и Гоморра с окрест-

ными городами" были сожжены огнем, а праведного Лота Бог спасает и сохраняет (2:82; 5:339).

По мере приближения явления в мир Спасителя Господь все чаще и чаще открывает Своим избранникам время Его пришествия. Так, Он многократно и многообразно обращался к людям через Своих праведников, патриархов и пророков, напоминая о гибельности их заблуждений и пробуждая в них чувство истинного раскаяния, а те в свою очередь проповедовали Божественные откровения всему народу. Пророческая проповедь о Мессии-Избавителе заключала вполне определенную цель: люди, имея твердую и неугасающую веру в Искупителя, должны были, во-первых, узнать в Нем Того, Кого обещал Бог, и, во-вторых, соответственно приготовиться к этой веками ожидаемой встрече с Ним. "Якоже бо царь земный, хотя в какой град внити, посылает вестников в град тот, дабы граждане уготовилися к принятию его: тако Господь, Царь Славы, небеси и земли Творец и обладатель, имея в мир сей, как какой великий град от Него созданный, приити, послал наперед вестников, рабов Своих пророков, дабы возвестили душе человеческой, что Сам Господь и Создатель ее ради идет в мир, идет взыскать и спасти ее" (3:331).

Кроме возвещения о грядущем Мессии, пророки также следили за чистотой истинной веры, которая весьма часто нарушалась народом, а также за его нравственным состоянием. Удерживая народ в определенных рамках закона Божия, пророки тем самым направляли его к взысканию грядущего в мир Спасителя "и тем отраду некую делали бедному человеку" (4:231). Невзирая на лица, они ревностно обличали пороки и угрожали Божиим наказанием за них. Однако очень часто народ этим не вразумлялся, но даже доходил до крайнего озлобления, предавая смерти проповедников истины (4:20). Хотя пророческое служение и было весьма плодотворным, но и оно не освобождало человечество от греха и его последствий. Оно только указывало путь к этому освобождению.

Пророчества о Спасителе и о цели Его пришествия, наконец, достигают своей высоты, ясности и точности у величайшего из пророков — Предтечи Господня. Он был послан от Бога как посредник между Ветхим и Новым Заветом (1:23). Целью его посланничества было то, чтобы достойным образом приготовить избранный народ к принятию Сына Божия, пришедшего для искупления падшего человека. О значении деятельности Иоанна Предтечи святитель Тихон говорит: "Как имел явитися Сын Божий миру и проповедать Евангелие Царствия Божия, наперед пред Ним послан был от Бога Иоанн святый", который возвестил людям о Христе, "как утренняя звезда возвещает приближающееся восходящее солнце. Того ради и от Церкви называется денницею, то есть звездою утреннею солнца праведного Христа, в мир воссиявшего" (5:94; 1:23). Для приготовления людей и водворения в их сердцах покаянного чувства святой Предтеча провозглашает: "Покайтеся, приближи бо ся Царствие Небесное" (Мф. 3, 2). "Грядет креплий мене, Ему же несмь достоин отрешити ремень сапогу Его: Той вы крестит Духом Святым и огнем" (Лк. 3, 16). Таким образом, этим великим пророком завершается тот подготовительный период, который был предначертан в Предвечном Совете Святой Троицы о явлении в мир Искупителя.

2. ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖИЯ В ИСКУПЛЕНИИ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Как уже было сказано, до грехопадения первый человек был в постоянном общении с Творцом, Который всегда проявлял к нему Свою любовь и попечение. Создав человека добрым, Господь указал ему путь к совершенству в добродетельной жизни, а через это и к блаженной вечности в единении с Ним. Но все это было разрушено грехом, который отлучил человека от Бога и вверг его в бездну пороков. Грех так тесно слился с природой человека, что стал его вторым естеством; освободиться от него человек сам уже не мог. Милосердный Бог по величайшей Своей благости не восхотел окончательной погибели человека, но решил его снова привести в общение с Самим Собой. Для этого нужно было такое средство, которое бы не только уничтожило грех в его существе, но и воссоздало бы человека в новую тварь и которое бы "правде Божией и милосердию Его удовлетворило" (3:220). Оправдать человека не мог ни ангел, ни другое какое-либо сотворенное существо (3:268; срав. 4:28). Воссоздателем человека мог быть только Сам Творец, "Ипостасная Отчая Премудрость – Христос" (3:220), Сын Божий, Который Своим крестным подвигом принес за людей совершеннейшее удовлетворение правосудию Божию, избавил их от всех заслуженных наказаний и приобрел им неоскудевающее обилие благодатных дарований (5:7). Спаситель мира воссоздал человека и истребил в нем греховность, не нарушив в то же время его свободы. Господь Иисус Христос "учинился Ходатаем Бога и человека (1 Тим. 2, 5), и обратился праведный суд Божий на Него: бысть по нас клятва (Гал. 3, 13), един благословенный. Суд претерпел Неповинный за нас повинных; Своею казнию удовлетворил правде Божией за грехи наши" (3:268). Ради души человека, которая имеет в себе образ Божий, ради этой бессмертной жемчужины, по учению Святителя, Сам Сын Божий пришел со всеми небесными силами, чтобы освободить ее от врага диавола и указать путь, ведущий ко спасению (4:280).

В силу этой неослабевающей любви к человеку в деле его спасения участвуют все Лица Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы. Однако каждому Лицу в домостроительстве спасения принадлежит особое действие. В творениях святителя Тихона имеются прямые указания по этому вопросу. "Видим, – говорит он, – что все три Лица, Отец и Сын, и Дух Святой, о нашем спасении промышляют: Который создал нас по образу Своему, Тойже Бог падших нас спасает" (5:99). Бог Отец изливает Свои щедроты на всю тварь (3:404). Особенно милосердие Бога Отца проявилось в том, что Он послал для искупления рода человеческого Своего возлюбленного Сына, Который явился во плоти "благоволением Отца и содействием Святого Духа" (5:99). Сын Божий есть "Христос... Бог единосущный Отцу и Духу, Един Сый Святыя Троицы... пришел в мир, и родился от Святыя Девы, и пожил на земли, и пострадал и умер плотию, и восстал от мертвых и тако... устроил спасение вечное" (5:281). Об этом искупительном подвиге Сына Божия было решено от вечности. Бог посылает Сына, а Сын исполняет волю Отца. Здесь, как и во всем прочем, было полное согласие Сына с Отцом, "Свет Отец, Свет Сын, Свет и Дух Святой, Свет вечный и незаходимый... Свет от Света, Бог ис-

тинный от Бога истинного явился на земли и просветил во тьме и сени смертной седящия" (5:79).

Относительно Третьего Лица Святой Троицы, участвовавшего в домостроительстве нашего спасения, святитель Тихон замечает, что, хотя спасение мы получаем через Сына, но Его нам "подает Небесный Отец Своею благостью и совершает Дух Святой" (2:93). И в другом месте Святитель говорит, что Сын Божий совершил спасение наше "Своею волею и благоволением Небесного Своего Отца и содействием Святого Духа" (3:39).

Таким образом, в искуплении и спасении человека принимают участие все Лица Святой Троицы (4:296). Их спасительным действием все человечество преобразилось и получило доступ к вечной благодатной жизни в Боге. Дарование человеку некогда утерянного им блаженства стоило большой цены; здесь требовалась жертва беспредельной высоты и ценности. Другими словами, нужен был Искупитель, Который бы Своим подвигом сокрушил державу смерти и открыл доступ к древу жизни. "Грехи... несет Агнец Божий, которые нас имели погрузить на дно адово, ибо сего тяжкого бремени не токмо воздух, но и земля не может держать, но во дно адово носящего погружает, аще не возьмет его Сей Непорочный и Пречистый Агнец" (3:45).

Для восстановления поврежденной грехом природы человека "надобно было прийти Самому Создателю к Своему созданию, неисцельно от врага уязвленному, и на пути мира сего поверженному, которого ни закон, ни пророки не могли исцелить... Пришел Создатель и умилосердился над ним: пришел во образе человеческом к человеку уязвленному и полумертвому, да тако удобнее его исцелит, и в первое приведет блаженство, которого хитростию змииною лишился" (4:137).

И если до пришествия Искупителя по всей вселенной царила духовная тьма и неведение Бога, подобно тому, как бывает темнота "прежде восхождения солнца, то после пришествия Бога во плоти тьма удалилась и светлейшее Солнце – Христос – свои теплейшие лучи на всю вселенную испустило (и тогда. – *А. И.*), благоприятнейший и сладчайший душам нашим воссиял день. Тогда исполнилось пророческое слово: "людие, ходящии во тьме, видеша свет велий" и: "седящим в стране и сени смертней, свет возсия им" (Ис. 9, 2; Мф. 4, 16)" (4:8). Бог Отец посылает в мир Сына не для покоя и радости, но на скорби и крестную смерть, чтобы через них подать руку помощи во тьме сидящему человеку (4:186; 3:46). Любовь, сотворившая человека, еще с большей полнотой проявилась при воссоздании и спасении его через Сына Божия. "Великую любовь имеет матерь к своему отрочати, но Бог (имеет любовь еще. – *А. И.*) большую к человеку" (1:87). Любовь Божественная во много раз превосходит даже любовь матери к ребенку, ибо последняя проявляется в основном только в земной жизни, в то время как любовь Бога к Своему разумному созданию простирает свое спасительное действие на всю вечность (1:87). Не столько желает своего спасения сам человек, сколько желает этого Бог (3:141).

Развивая мысль о спасающей любви Божией, святитель Тихон говорит: "Как солнце всю поднебесную освещает, и как бы согревает: тако Бог, Солнце вечное, теплотой Любве Своей все создание, а наипаче род человеческий согревает и оживляет. О Нем бо живем, и движемся, и есмы. А наипаче всю теплоту любви Своея излиял на нас в послании

Единородного Сына Своего к нам" (4:10). Сам образ спасения падшего человечества через воплощение Сына Божия свидетельствует о беспредельной Божественной любви, истинности самого факта спасения и его всеобъемлемости. Исцеление уязвленного грехом человеческого естества потребовало принятия Спасителем не ангельской, но именно человеческой природы (5:89), ибо что не воспринято, то не может уврачеваться. Как истинный Бог и истинный человек – Сын Божий именуется и Сыном Человеческим (3:186).

Совершая дело спасения людей, Сын Божий как человек "на земле между человеками жил", но как Бог "недр Отеческих не отлучен был" (Ин. 1, 18) (3:164). Восприняв в единство Ипостаси человеческую природу, Спаситель мира "в рабском зраке обращался... алкал и жаждал... со грешниками ел... От неблагодарного ученика за сребреники продан был, но нас, под грех проданных, искупил. Скорбел и тужил, но от нас вечную скорбь и тугу отнял. От беззаконных связан был, но врага нашего диавола связал и наши узы растерзал. Судищу неправедному предстоял, но нас одеждою правды Своея одеял. Посмеян, обесчестен, поруган, оплеван был, но нас от вечного срама, бесчестия и поругания свободил. Тернием венчан был, но нам вечныя славы венец устроил" (3:164).

Любовь Сына Божия, избавившая человека от греха и причиненных им зол, открыла путь к его воссозданию, примирению и соединению с Богом в вечности. Другими словами, эта любовь Сына Божия восстановила в человеке Божественный образ, который после грехопадения сохранял еще в себе возможность возрождения, ибо образ Божий как основание духовной жизни человека не был совершенно разрушен силой зла. Отпадение человека от Бога не было решительным и безвозвратным, как в начальнике зла – диаволе. В помраченном уме еще оставалось представлени о Боге, хотя и искаженное; в воле человека, уклонившегося в сторону зла, не было непримиримой ненависти к добру, но сохранялась еще возможность раскаяния и возвращения на путь богоугодной жизни. Благодаря этому спасающая Любовь восстанавливает тот союз с Богом, который был нарушен человеком через грех, возвращает ему чистоту и святость и дарует вечное блаженство (2:363).

3. ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ ИИСУСА ХРИСТА – ИСКУПИТЕЛЬНЫЙ ПОДВИГ

В конце времен, когда человечество окончательно созрело к принятию Искупителя, милосердный Господь, нашего ради спасения, послал Ангела Своего к Пресвятой и Преблагословенной Деве Марии благовестить Ей, что Сын Божий от девических кровей Ее составит Себе плоть одушевленную (4:239). Так Сын Божий, Иисус Христос, благоволением Небесного Отца Своего, наитием и осенением Святого Духа во чреве девическом зачался (3:126). Это таинственное зачатие Сына Божия совершенно непостижимо для человека (1:24).

Принятие на Себя Сыном Божиим великого дела спасения людей есть совершеннейшая жертва, выражающаяся в полном послушании и любви как к Своему Отцу, так и к людям. Восприняв на Себя естество человеческое, соединив его с Божественным воедино, Сын Божий тем самым добровольно подверг Себя уничижению. Это непостижимое явление Свя-

титель называет чудом, всякого удивления достойным, ибо невозможно уразуметь, как "Бог Творец неба и земли, великий и непостижимый, к нам бедным пришел... в нашем образе... Дух невещественный, плотию одушевленный и нам подобострастный одеялся, прежде век от Отца, Бог от Бога, Свет от Света нетленно воссиявий" (4:26).

Христос Спаситель, восприяв естество человеческое, превознес его превыше небес (5:89). Воплощение Сына Божия послужило тем твердым основанием, на котором устроилось спасение человека. С рождением Христа на земле устрояется новое Царство, обветшалый мир обновляется и становится достойным наследником Божественной славы. Рождество Христово воссияло, подобно солнцу, из Девической утробы; на земле явился Тот, Который Ангелам неприступен и Который одевает небо облаками (3:126). Рождением Христа от Девы полагается первый камень в основу нашего спасения.

Величайшее значение факта Боговоплощения может быть усвоено лишь верой человека, а воспринимая верою реальность этого факта и его значимость, человеческий разум приходит в восхищение, не будучи при этом в состоянии согласовать Божественную беспредельность с добровольным истощанием Спасителя в воплощении. "Образ спасительного Рождества Христова, – говорит Святитель, – на память приводит нам, како Бог безначальный начался, и невидимый показался, и невещественный воплотился, и неосязаемый осязался, и ветхий деньми младенствовал, и всесильный бессильным сотворился, и содержай в руце Своей вси концы земли, и даяй пищу всякой плоти матерным млеком питался, и одеяйся светом яко ризою пеленами младенческими повивался, о чудо – Бог младенствовал" (4:391).

Явление Сына Божия на земле было в весьма уничиженном виде. Это видно из того, что Он облекается в наше бренное естество (4:231), родился в убогом вертепе и возлежал в скотских яслях, сделался странником и пришельцем в этом мире для того, чтобы мы Его нищетой обогатились, Своим смирением и послушанием воле Бога Отца Христос оставил нам пример, чтобы и мы не искали славы и богатства, но постоянно стремились к святой и богоугодной жизни (4:241).

Хотя Христос и умалил Себя, однако Его рождение как явление в мир Сына Божия было возвещено и прославлено ангелами (3:126), и для поклонения Новорожденному приходят с далекого Востока волхвы, руководимые чудесной звездой (4:239).

Прежде Бог открывался Своим избранным мужам только в слове, теперь же Он Сам явился на земле всем Своим Существом, Которое было сокрыто под покровом человеческого естества. Ему как Богу безначальному, всемогущему и любвеобильному возможно и свойственно не только создавать, но обновлять и спасать.

Основываясь на словах Священного Писания: "Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный. Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир" (Ин. 3, 16–17), святитель Тихон говорит, что Господь по Своей благости к падшему и находящемуся во власти диавола человеку не только избавил его от этого ужасного состояния, но и возвел его от вечной смерти к блаженной жизни. И притом все это любвеобильный Бог сделал для него по одному только Своему милосердию и человеколюбию (3:413). Вот почему пришествие

Христово во плоти является для человека подобным действию воды для земли жаждущей, или света во тьме сидящим, или пришествию врача к немощному, или пастыря к овцам заблудшим (1:30).

Для спасения человека и возведения его в первозданную чистоту Христос претерпел многие искушения и уничижения. Тот, Которого прославили Ангелы при Его рождении и Который содержит дланию всю вселенную, Которому беспрекословно повинуются все стихии и в руках Которого жизнь всякого человека, вынужден был убегать от Ирода, искавшего Его смерти (4:241; срав. 5:89). По мысли Святителя, такими действиями Спаситель мира стремился скрыть под человеческой плотью Свою Божественную природу, всемогущество и достоинство Сына Божия, чтобы "удобнее мог бедствию нашему помощи" (2:216). Он воспринял "плоть от плоти нашей, и кость от костей наших; уподобился нам во всем, кроме греха; Сын Божий Сыном Человеческим, и Бог непременный человеком сталея" (5:7), причем Он воспринял не одну какую-либо часть состава человека, но всю его природу, тело и душу со всеми ее силами и способностями. Во Христе Иисусе Божеское и человеческое естества теснейшим образом соединились во едину Ипостась Богочеловека, но пребыли и пребывают "не слиянны, и потому Христос Господь наш есть совершенный Бог и совершенный Человек" (4:288; срав. 5:85). Естество человеческое освятилось и приблизилось к Богу. И если наше естество при падении обесчестилось, исказилось, то при принятии его Сыном Божиим оно не только возвысилось и освятилось, но и соединилось с Ним самым теснейшим образом.

Земная жизнь Богочеловека с ее тяжелым крестоношением была и остается предметом постоянного удивления для всякого сотворенного существа. Как могло быть, что Творец и Законодатель, род Которого превыше всякого ума, подчиняясь закону, принимает обрезание, подвергается уничижению и умалению?! Этим подчинением закону Сын Божий возводит человеческий род в Царство Божие. Однако и здесь, в актах самоуничижения, Бог Отец возвеличивает Своего Божественного Сына. Например, в сороковой день, когда Младенец Христос был принесен в храм Господень Девой Марией, праведный Симеон, по внушению Духа Святого, называет Его Мессией, "Который от Бога обещанный и пророками проповеданный". Прозрев духовными очами в Младенце пришедшего во плоти Бога Слова, старец принял Его на свои руки и с радостью воскликнул: "Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром; яко видеста очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицем всех людей" (Лк. 2, 22–31) (3:126). Ипостасная премудрость Божия проявлялась в Божественном Отроке еще в юных летах, когда, например, Ему пришлось беседовать с иудейскими учителями, которые приходили в удивление о Его разуме и ответах (3:127).

С явлением Христа на Иордан для принятия от Предтечи крещения начинается Его общественное служение. Одно уже то, что, будучи Творцом всей твари, Он просит от Своего раба крещения, в котором не имел нужды, свидетельствует о Его смиренном подвиге. Принимая крещение в водах Иордана, Спаситель мира тем самым смывает в нем греховную скверну человеческой природы, мучившую человека на протяжении многих тысячелетий (1:25). Кроме того, по учению Святителя, этой спасительной и таинственной Иорданской купелью Сын Божий устанавливает на все времена и для всех народов, хотящих наследовать жизнь вечную,

"спасительное крещение нашего Таинства" (4:243). В этом спасительном крещении водные стихии, некогда за грех человека лишившиеся своей первозданной чистоты, восстанавливаются и освящаются (1:25). И наконец, в этом акте крещения открылась "тайна Пресвятой Троицы явно... для всех: Сын во плоти крестился; Дух Святой на Него сошел; Отец с небес свидетельствовал. Тако Триипостасный Бог—Отец, Сын и Дух Святой, Создатель наш, о спасении нашем промышляет" (3:127; срав. 5: 99).

Для спасения рода человеческого, для уничтожения в нем смерти и тления Сын Божий берет на Себя тяжелый подвиг – вступает в единоборство с диаволом, который был виновником падения и смерти наших прародителей. Чтобы окончательно низложить его, Спаситель мира был возведен Духом в пустыню, где пребывал сорок дней в посте и молитвенном общении с Отцом Небесным (1:25; 3:127). И если, как говорит святитель Тихон, диавол приступил к "первому Адаму в раю и низложил его, и пленил", то "ко второму приступил... и ничего не успел, и показался немощным" (5:103). Победа Христа над диаволом имеет величайшее значение. В результате этой победы стало возможным каждому христианину не только распознавать хитрости князя тьмы, но и побеждать его гордыню (5:103).

До Своего сорокадневного подвига в пустыне Христос Спаситель общался с ограниченным кругом людей. Теперь же, после победы над злым духом, Он в полной духовной силе открыто выходит на общественное служение (4:244). Та Свеча, Которая была до сих пор под спудом, становится на подсвечнике и светит всем, и люди увидели свет великий, указывающий им путь к истинному Богопознанию и спасению. Христос – Свет истинный пришел возвестить грешному человечеству во всей возможной полноте и ясности волю Божию о спасении мира, пришел преподать ему новое учение, "которое от недр Небесного Своего Отца на землю принес и с ним всю благость Его и человеколюбие открыл, ...глаголя: покайтеся и веруйте во Евангелие" (3:127).

Другими словами, Искупитель мира преподал людям совершеннейший закон веры и нравственности, спасительный для всего мира. Для успешного распространения этого закона и для продолжения Своего спасительного дела во всем мире Христос избрал "двенадцать учеников, ...которых Апостолами назвал" (3:127). "С ними (Христос. – *А. И.*) с места на место и от града во град проходил и проповедовал Евангелие Царствия Божия и на земле сердец человеческих сеял спасительное слово Божие... и научил всех познавать Небесного Своего Отца, и Тому верой и правдой угождать, волю Его святую творить, и Себе во образ всем подавал, и тако всех научил небесного и святого жития" (4:244). Подавая Своей жизнью пример и излагая истинное учение о нравственности, Искупитель мира с особой ясностью оттенил в Своем учении основную добродетель, возвышающуюся над прочими, любовь к Богу и ближнему. И если все добродетели прекращаются со смертью человека, то любовь простирается в вечность. И поэтому Христос постоянно напоминал Своим последователям о необходимости приобретения этой добродетели, без которой невозможно спастись (3:142 – 143).

Будучи Сам совершеннейшей Любовью, Христос не гнушался грешным человеком и общался с матерями, блудницами и прочими грешниками, желая этим разбудить их от смертной духовной спячки и напра-

вить на спасительный путь (2:333). Эту заповедь о любви Христос назвал новой (Ин.13,34), и это потому, что сама любовь пришла в мир вместе с Ним. И если в Ветхом Завете эта величайшая Любовь – Христос был проповедан сокровенно "под сенью, мраком и гаданием", то в Новом – ясно и определенно (5:254). Люди, беседуя со Христом, получали "отраду и утешение... как жаждущий от живого источника прохлаждение" (5:98). Итак, в течение тридцати трех лет, живя на земле, Христос трудился ради спасения человека (5:248, 4:245). "...Вечный и совершенный Бог, Царь Небесный и между человеками обращался... беседовал" (5:86). "Утруждался ради нашего спасения" (4:245). И в то же время "Отеческих недр не разлучився" (5:248). Таким образом, Спаситель мира в Своем Лице не только открыл людям Бога, но вместе с тем показал образец святости и нравственного совершенства, указал путь, по которому люди должны идти в жизни и согласно которому должны устроять свое спасение (4:265).

Слово Божие "стало плотию", и в силу того, что Сын Божий усвоил Себе нашу природу, Ему были свойственны и немощи человеческие, кроме греха. Он "немощи человеческие на Себя воспринял, алкал и жаждал, и потому имел нужду ясти и пити" (5:127). Кроме того, Спаситель наш "трудился, болезновал, плакал, страдал" (4:187), "скорбел, тужил, ужасался и кровавым потом обливался" (4:31). Все эти немощи Спаситель мира взял на Себя с той целью, чтобы в человеческой плоти умертвить грех и тем самым "благодатно обитать в рабах Своих" (3:141).

В искупительном подвиге Богочеловека было проявлено глубочайшее смирение. Если в падении ангелов и первого человека проявилась безмерная гордыня, низринувшая свою жертву в бездну греха и отчаяния, то для уничтожения гордости в мир явилось – в Лице Божественного Искупителя – воплощенное смирение (3:186). Спаситель Смирил Себя, "до смерти, смерти же крестныя" (Флп. 2, 8), чтобы, во-первых, низложить гордыню диавола и упразднить его власть над человеком, а во-вторых, преподать Своим последователям образец для подражания. Вот почему Иисус Христос, подготавливая Своих учеников к перенесению всех скорбных обстоятельств, которые должны они были претерпеть за Его имя, неоднократно внушал им приобрести самые необходимые добродетели – кротость и смирение: "Научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем" (Мф. 11, 29), и паки: "Образ бо дах вам, да якоже Аз сотворих вам, и вы творите" (Ин. 13, 15). Земная жизнь Спасителя ясно показывает, что Он подтверждал Своей жизнью то, чему учил словами (3:128).

Научая людей, в том числе и Своих апостолов, а также уверяя их в Своем посланничестве от Бога Отца, Христос Свое Божественное учение подтверждал многими чудесами, целью которых в свою очередь было восстановление в сердцах слушателей истинного понятия о всемогущем и любвеобильном Боге, о Его домостроительстве спасения человека (3:128). До Христа пророки также учили народ закону Божию, учили нравственности и Божественной силой совершали чудеса. Однако Спаситель, будучи Сам Законодателем, все это делал "силою Своего Божества" (1:25). Един Господь и в Ветхом и в Новом Завете повелевает морю – и оно разделяется; реке – и она стоит; земле – и она разверзается, чтобы поглотить грешников; по Его всемогущему слову мертвецы восстают, расслабленные укрепляются, слепые видят и прокаженные очищаются;

"малыми хлебами многие тысячи питаются и насыщаются" (5:64, 4:348). И все это свидетельствует миру, что "Сей есть Тот преславный Чудотворец, Которого пророки... провозвестили" (4:249) и Который пришел на Землю для того, чтобы разрушить царство диавола (5:106) и даровать сидящим во тьме свет Божественной истины (3:128).

Исцеляя телесные и душевные болезни в людях и заботясь о восстановлении в их душах утраченного Первообраза, Спаситель подверг Себя гневу и ненависти книжников и законников иудейских, которым было чуждо внутреннее содержание учения Христова. Для слепых ревнителей буквы закона неприемлемым было учение, которое по существу своему есть жизнь и дух (Ин. 6, 63). Христос как любящий Отец и Пастырь заблудших овец старался вразумить и привести их к Отцу Своему Небесному. Они же, будучи ослеплены гордостью, "различно хулили Сына Божия" (3:129) и искали удобного случая, чтобы погубить Его (3:130). Констатируя эту духовную развращенность фарисеев и указывая на их нерадение к делу своего и общественного спасения, Святитель образно сравнивает их с человеком, лишившимся телесных очей, который, не видя, куда идет, часто спотыкается, падает в ямы, а иногда подвергает свою жизнь смертельным опасностям. Так и человек с извращенным разумом все понимает превратно, однако считает себя носителем и хранителем истины, а самое главное, он не сознает гибельности такого положения, не видит, что такой путь все далее уводит его от спасения и Бога (1:150). Спаситель глубоко скорбел о духовном ослеплении тех, кто не хотел познать в Нем Божественного Посланника, пришедшего на землю обрести утерянную драхму, найти заблудившуюся в горах овцу, исцелить греховные язвы погибающего человека (2:331).

Чем ближе подходило время к завершению искупительного подвига Христа Спасителя, тем более увеличивались Его скорби и страдания. Предвидя близкий конец Своего пребывания на земле и тот ужасный, тяжелый крестный путь, по которому Ему предстояло добровольно пройти, Господь начал постепенно подготавливать к этому Своих учеников, объясняя им, что Ему "подобает... ити во Иерусалим и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати" (Мф. 16, 21, 24) (3:129). Так поступал Христос, чтобы ученики в тот скорбный момент не поколебались в истинности Его искупительного подвига (5:150).

Для более наглядного уверения в Своем Божественном достоинстве Спаситель перед Своими страданиями показал на горе Фавор, насколько это возможно было воспринять апостолам, славу Своего Божества (5:149). После совершенной Христом молитвы Лицо Его просветилось, как солнце, и ризы Его стали белы, как снег. В таком виде Он беседовал с величайшими пророками Моисеем и Илией. Апостолы Петр, Иаков и Иоанн услышали с неба голос Бога Отца, призывающий их послушать Того, Кого Он послал в мир. "Сей есть Сын Мой возлюбленный... Того послушайте" (Мф. 17, 5) (1:26). Этим Своим Преображением Господь показал ученикам, "что Он есть Отчее Сияние, Бог и Господь, и Царь славы, хотя и покрылся смиренным человечества образом: вне является как человек, но внутрь Бог есть" (5:149). Слава, Которую увидели ученики на Фаворе, пребывала со Христом постоянно. Но она была сокрыта человеческой плотью, так как в противном случае никто бы не смог общаться с Ним и, таким образом, учение Его не было бы воспринято

людьми, а следовательно, и искупительный подвиг Сына Божия не достиг бы своей цели (4:258). И наконец, Своим Преображением Спаситель засвидетельствовал, что Его крестный путь страданий и скорбей зависит не от людей, злобно настроенных против Него, а совершается по Божественному плану, в целях спасения человечества. Событие Преображения Господа имело также целью укрепить в сердцах учеников веру, чтобы они, когда увидят Его приговоренным ко кресту, не соблазнились, не оставили Его учения, но проповедовали его всему миру (5:150). "Прославленная на горе... плоть Христова уверяет и обнадеживает нас, что подобная Христу слава будет избранных Божиих в вечной жизни, якоже Сам Христос словом объявил: тогда праведницы просветятся яко солнце во Царствии Отца их" (Мф. 13, 43) (4:258).

Святитель Тихон придает также большое значение и событию Входа Господня в Иерусалим. Если до этого момента Искупитель мира старался скрывать Свои дела и уклонялся от славы человеческой, то теперь Он, исполняя пророчество, при множестве народа, который прославляет Его как царя, торжественно въезжает в Иерусалим. Этим торжеством Спаситель засвидетельствовал, что Он воистину Царь неба и земли, Который пришел уничтожать поставленную грехом преграду между Богом и человеком, пришел объединить в благодатный союз небо и землю (1:26; 3:129).

Вскоре после входа в Иерусалим Господь, предвидя Свое приближающееся отшествие из этого мира, устанавливает величайшее Таинство Святой Евхаристии, во время которого преподает Своим апостолам под видом хлеба и вина истинное Тело и истинную Кровь Свою, "в ней же истинно и господственно существенно присутствует" (1:4). Желая преподать Своим ученикам урок смирения, Христос на Тайной вечери умывает ноги их и отирает полотенцем. "Образ бо дах вам, да якоже Аз сотворих вам, и вы творите" (Ин. 13, 15) (4:261; 5:111).

Совершив Тайную вечерю, Спаситель направился в Гефсиманский сад и здесь предзрел и ощутил всю тяжесть грехов человеческих, страшным бременем лежащих на Его плечах. Мучительная скорбь объяла все существо Сына Божия. Он, будучи Богом, но вместе с этим и Человеком, начал скорбеть, тужить и ужасаться (4:31). В таком состоянии Спаситель мира падает лицом на землю и с горячей молитвой взывает к Богу Отцу: "Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет от Мене чаша сия: обаче не якоже Аз хощу, но якоже Ты" (Мф. 26, 39). Во время этого тяжелого Гефсиманского борения, когда душа Спасителя испытывала мучительные страдания, когда, молясь, Он "кровавым потом обливался" (4:31, 4:271), "тогда един из двунадесяти учеников, Иуда, именем Искариотский, сатаной подущаемый" (1:26), пришел к книжникам и архиереям иудейским и тайно за тридцать сребреников предал Его им (3:130). И Гефсимания – свидетельница тягчайших внутренних борений Искупителя – стала свидетельницей тягчайшего преступления человека. Приведя с собой римских воинов и слуг архиерейских, Иуда указал им на Христа своим лобзанием и этим предал Сына Человеческого (1:26). После этого неправедным судом первосвященника Каиафы, судом духовно ослепленных книжников и законников иудейских Спаситель беззаконно осуждается на крестную смерть (3:130). "Тот, у Которого в руце смерть и живот всякого", суд терпит от безаконных людей (4:270). Христос добровольно предает Себя в

руки злобно настроенных людей, чтобы Своим подвигом разрушить дело диавола и даровать человеку спасение (1:26).

Но самое ужасное поругание Христа Святитель видит в предании Его Пилатом в руки бесчеловечных воинов, которые, как злые волки, терзают тело безгрешного Богочеловека. Они Христа "обнажают..., венчают терновым венцом, в руце Его святые, сотворившие чудеса, подается трость в поругание" (3:44). Того, "пред Которым ангелы и архангелы благоговеют, бьют тростью по главе" (3:44), и вообще "ужаснее... и неизреченное было мучение на теле и на душе Сына Божия" (3:52). После таких ужасных мучений и бесчеловечных издевательств Пилат по настоянию озлобленных вождей израильских осуждает Божественного Страдальца на крестную смерть (3:131). И Сына Божия повели на распятие, возложив на Него крест, т. е. тот спасительный жертвенник, на котором должна быть принесена на все времена и за все человечество умилостивительная жертва Богочеловека (3:131). Это несение креста и распятие на нем Сына Божия явилось не чем иным, как снятием с людей тех заслуженных наказаний, которые они навлекли на себя своими грехами (3:45). Чтобы освободить род человеческий от этих наказаний и вечной смерти, Христу надлежало взойти на крест, пригвоздив на нем наши грехи и омыв их своею Кровию (3:42). Злобные люди, научаемые диаволом, старались как бы побыстрее прекратить жизнь Страдальца, думая этим положить конец Его учению, но сами не понимали того, что все это должно было совершиться.

Изнемогающего под тяжестью креста Сына Божия, уже не имеющего "ни вида, ни доброты", привели на Лобное место, "место смерти", и пригвоздили ко кресту. Для большего поругания и бесчестия Христа с Ним распяли двух разбойников, в чем сбылось пророчество: "И со беззаконными вменися" (Ис. 53, 12) (4:270). Между тем злобные люди, подстрекаемые диаволом, даже в эти страшные минуты не могли удовлетвориться. Они хулили Спасителя, висящего на древе, поили желчью и, наконец, пронзили Ему копием ребро (5:250). Божественный Страдалец, вися на кресте, обагренном Его Пречистой Кровию, произносил не проклятия на своих распинателей, но возносил мольбу к Своему Отцу о прощении их грехов: "не ведят бо, что творят" (Лк. 23, 34). Во время страдания Сына Божия от часа шестого до девятого, в котором Христос умер, природа подверглась смятению, будучи не в состоянии видеть поругание своего Создателя (1:27). "Вся тварь сострадала, солнце померкло и не даде света своего, земля потрясеся, камение распадеся, завеса церковная раздрася, гробы отверзошася. Вся же сия, — говорит святой Отец, — милосердый и человеколюбивый Господь нас ради и нашего ради спасения изволил по безмерной Своей любви претерпеть" (3:164) и тем самым "заключил подвиг Свой" (3:131).

4. ЗНАЧЕНИЕ КРЕСТНЫХ СТРАДАНИЙ, СМЕРТИ, ВОСКРЕСЕНИЯ И ВОЗНЕСЕНИЯ ДЛЯ ИСКУПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Спаситель мира по любви к роду человеческому Своими страданиями и смертью восстановил человека, обновил и возвел его в первое состояние (2:87). Через Сына Божия "благость Божия, вся премудро строящая, изобрела нам путь спасения чудным образом... Сын Божий... между

Богом праведным и нами согрешившими Ходатаем сделался" (2:72). Своим искупительным подвигом Христос Спаситель усыновил людей Богу Отцу и открыл возможность "и на земле провождать небесное житие" (1:167). Таким образом, искупительное дело Христово есть дело "бесконечной важности, силы и достоинства" (4:283). И как бы ни были тяжелы и "ужасны" грехи и сколько бы их ни было, все они могут быть прощены ради заслуг Христовых. Бесконечные заслуги искупительной Жертвы, принесенной на кресте, безмерно превышают собой все долги человечества пред Богом. Отсюда вытекает право Искупителя прощать грехи кающимся, очищать их души и соединять их с Самим Собой (3:54). Что же касается тех, которые и после искупительной Жертвы Сына Божия не спасаются, то основной причиной этого Святитель считает не грехи, соделанные человеком, но "нераскаянное и ожесточенное сердце" (4:283). Любовь Божественная распространяет свои спасительные действия на всех людей без исключения. На основании слов Священного Писания: "Бог всем человеком хощет спастися, и в разум истины прийти" (1 Тим. 2, 4) Святитель говорит: "Христос за всех людей, сколько ни было и есть и будет, пострадал и умер" (4:276). Однако же спасительные плоды Жертвы Сына Божия распространяются только на тех людей, которые в своей жизни стараются воплотить Его Божественное учение. Только они могут участвовать в благодатном общении с Сыном Божиим (5:13). И наоборот, если человек будет отвергать Жертву Христову, то она будет ему только в обличение и осуждение (3:268).

Раскрывая далее спасительность для нас страданий и смерти Христа, Святитель приходит в благоговейный и священный восторг и восклицает: "Твоя скорбь нам подарила радость. Твое бесчестие и поругание нам исходатайствовали честь и славу вечную... Твои язвы нас исцелили; Твои узы нас, грехами связанных, разрешили... Твое продание нас, под грех проданных, искупило; Твой суд и осуждение нас от вечного суда спасло; Твое посмеяние и поругание нас от диавольского поругания и посмеяния избавило... Твоя смерть наш живот есть" (4:270).

Каким же образом крестная Жертва Сына Божия действует на всех людей и спасает их? Поскольку, отвечает святой Отец, в Адаме — через его грехопадение — весь род человеческий лишился общения с Богом и подпал вечному осуждению и смерти, то Своими страданиями и крестной смертью Искупитель снова усыновил всех людей Богу Отцу и разрушил державу смерти. "Во Адаме (все) диаволу и власти его темной подпали; но через Христово страдание от того избавились... Во Адаме... умерли и погибли: но Христовым страданием ожили и спаслися. Во Адаме... от Бога удалились: но Христовым страданием к Богу привилися" (4:30). Из этих слов становится ясным, что Христос сделал все то, что должны были сделать люди для своего спасения. Они должны были порвать связь с грехом, отречься от него, потому что он именно и явился причиной удаления от Бога. Но этого сделать не мог никто из людей по своей греховности, и поэтому грех уже как бы сроднился с нашим естеством и стал обычным для каждого человека. И только во Христе человечество осознало всю гибельность греха. Сын Божий воспринял на Себя грех с внутренним усвоением, с осознанием и переживанием вины за него.

Своей волей и благоволением Отца Небесного Христос "взял грехи наши на Себя" (5:74), должен был выстрадать всю их тяжесть и умереть за них крестной смертью. Такая смерть во много крат превышает цену

греха и в то же время поражает своей непостижимостью. Бесценной Кровию Сына Божия, пролитой на кресте, грех был совершенно истреблен в своем существе (3:268).

Воссоздавая человека "в новую тварь" (2 Кор. 5, 17), Христос Спаситель не только возвратил его в первобытное состояние, но "и паче прежнего превознес" и "почтил" (3:437; 4:28).

Однако, хотя искупительным подвигом Христа человек и оправдан пред Богом, это еще не гарантирует ему спасение, так как оно зависит от того, куда человек направит свою свободную волю. Если он будет иметь искреннюю веру в Искупителя и проводить жизнь, согласную с Его учением, очищать свою душу искренним покаянием (4:122), тогда душа его будет подобна "чистому хрустальному сосуду... будет имети дивное сияние и блистание..." (3:332; срав. 2:101). Такое сияние или святость души пребудет не только в этой жизни, но и в будущей (4:320).

До пришествия Спасителя мира все люди находились под властью диавола, который пленил их грехом", "торжествовал и ярился над ними, яко мучитель лютый" (4:272). С пришествием Христа эта власть была уничтожена и царство зла разрушено. "Сын Божий вступился за нас, — говорит Святитель, — сразился с врагом нашим... и победил его со всем темным полчищем... отнял у него корысть похищенную, возвратил плен и пленил пленившего нас" (3:442). И более того, Христос Спаситель отдал его "в попрание и посмеяние верным Своим рабам: "Се даю вам власть наступати на змию и на скорпию, и на всю силу вражию" (Лк. 10, 19) (4:272).

В крестной смерти Сына Божия смерть как таковая потеряла свою силу. Она уже больше не владычествует над своей жертвой, потому что всесильный Бог, Творец видимого и невидимого, совершенно уничтожил ее. "Умер Он, и ожили мы. Смерть Его живот наш есть" (4:272). Теперь верные во Христе уже не умирают вечной смертью (2:364), так как Искупитель "Своей смертью нашу смерть умертвил и нас умерших оживил" (3:141). "Якоже во Адаме вси умирают, такожде и во Христе вси оживут... Пожерта бысть смерть победою. Где ти смерте, жало? Где ти, аде, победа?" (1 Кор. 15, 55). И если ныне люди умирают, то не вечной смертью и не как осужденные, но временно, чтобы после этого восстать во Христе и царствовать с Ним вечно. Нынешняя смерть является только кратковременным сном, концом которого по гласу Божественной трубы будет общее воскресение и жизнь вечная. "Аще бо и разрушается земная храмина тела, однакоже вера святая утешает и утверждает их (умирающих о Господе. — *А. И.*), яко "создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех" (2 Кор. 5, 1)" (3:48). Итак, всех верующих во Христа смерть уже не страшит, как это было раньше; они могут сказать с апостолом Павлом: "Желаю разрешитися и со Христом быти" (Флп. 1, 23). И это потому, что смерть ведет уже не к погибели и вечной смерти, но служит переходом от худшего к лучшему, от скорбей — к успокоению.

Своим совершеннейшим послушанием Богу Отцу Спаситель не только изгладил непослушание Адама, но и уничтожил его горделивую мечту о равенстве с Богом. Его "истощание", предпринятое ради спасения человека по собственной воле, есть причина всех наших духовных благ. И если с падением прародителей Царство Небесное было утрачено для человека, то смертью, Воскресением и Вознесением Сына Божия оно

снова было возвращено (1:28; 4:286). "Как Бог на землю пришел, то и люди начали на небо восходить, и земнии жители получают гражданство небесное" (5:100). Это небесное жительство — явление не временное или преходящее, но вечное и никогда не скончаемое (2:279). Все последователи Христовы являются детьми и наследниками Божиими, и потому где Христос пребывает, там будут и Им искупленные. С того момента, как Христос Спаситель вознес наше естество к престолу Всевышнего, Он не престает ходатайствовать о роде человеческом, о его спасении пред Отцом Своим Небесным (3:12—13). Поскольку Спаситель мира Своим подвигом примирил человека с Богом, то Ему одному и принадлежит право быть Посредником и Ходатаем. "Он... учинился, — говорит Святитель, — Ходатаем и стал Посредником между Богом, прогневанным нашими грехами, и человеками, прогневавшими" (3:136), Пастырем душ наших и Отцом будущего века (4:192).

Проникая, насколько это возможно, в сущность искупительного подвига Сына Божия и его значения в деле нашего спасения, ум человеческий удивляется и благоговейно преклоняется перед той дорогой ценой и теми огромными усилиями, какие пришлось предпринять Спасителю, чтобы возвратить разумное Свое создание в лоно Отца Небесного. Вот почему Святитель восклицает: "Аще бы Он не взыскал нас, вечно бы в погибели были... аще бы Он не пришел к нам, всегда бы в пленении у диавола были... аще бы Он не умер за нас, в вечной бы смерти погребены были... Тако смерть Его животом нашим, бесчестие Его славою... язвы Его исцелением нашим учинились, тако от пришествия Его, страдания и смерти, как от источника все наше духовное и вечное блаженство проистекает" (5:8).

Следует отметить, что взгляд святителя Тихона на крестные страдания Богочеловека строго догматичен и проникнут глубиной церковного разума. "Страдания и смерть Христову, — пишет он, — разуметь должно по плоти, от Девы нас ради воспринятой. Ибо Божество есть бесстрастно и бессмертно, и потому страдать и умереть не может. Приписывается же Сыну Божию воплотившемуся потому, что Он Своей плотью, от Святой Девы воспринятой, пострадал и умер. Ибо во Христе веруем и исповедуем одно Лицо, но два естества, Божество и человечество, во едином Лице неслитно соединившиеся, и потому Христос есть совершенный Бог и совершенный человек, но, ради единости Лица, един есть Христос. Итак, когда глаголем: Христос пострадал, то разумеем, что не простой человек, но Богочеловек... хотя, как выше сказано, страдание тое разумеется не по Божеству, но по человечеству" (3:52; срав. 4:288, 5:101). Из этих слов святого Отца становится ясно, что Спаситель мира до конца совершил Свой искупительный подвиг и тем самым даровал вечное блаженство. Святитель дает понять, что хотя Божественная природа Христа не страдала, но она соучаствовала в страдании с природой человеческой. Вися на кресте, Христос Своим всемогущим Божеством "помрачил солнце, землю поколебал, гробы отверзл, мертвыя оживил..." (3:164).

Спасая человека, Христос по Своей любви к нему полагается во гробе, который печатается от баззаконных людей (5:250) и в котором Его тело находилось три дня и три ночи (3:49, 3:131). Это погребение Спасителя и нахождение во гробе имело целью погребсти грехи всего мира и уничтожить их в самом существе (3:49).

Находясь телом во гробе, Искупитель мира должен был еще сойти душою в ад для того, чтобы разрушить его и вывести из него всех узников, ожидавших Христова пришествия, потому что до сошествия Спасителя мира в преисподняя земли "небо и рай" были заключены грехами человека (4:273). Кроме того, Спаситель желал освободить узников ада и понести на Себе лежащую на них Божию клятву (3:46), потому что своими силами они не могли освободиться от этого жалкого состояния и должны были бы вечно находиться в узах мрачной юдоли (4:22). Против великого Победителя ад не мог устоять и, увидев своего Разрушителя, вынужден был освободить из своих уз всех тех, которые ожидали Его пришествия. "Искупитель, Свободитель и Избавитель человеческого рода, — говорит святой Отец, — ...извел... на свободу... дабы мы уже не были рабами... диавола, но противу сих врагов подвизалися, а работали бы Ему со Отцем и Святым Духом, яко искупленные рабы, не принужденно, но свободно" (3:169). Таким образом, Своею смертью Иисус Христос "упразднил державу имущаго смерть, сиречь диавола (Евр. 2, 14),... избавил верующих от ...ада" (2:239) и предоставил им возможность наслаждаться в вечной жизни (4:281, 4:273) теми благами, которые Господь уготовал любящим Его (1 Кор. 2, 9; Ис. 64, 4).

После трехдневного пребывания Христа "во гробе плотски, во аде же с душею" совершилось то, что является вершиной, ключевым моментом в деле спасения человечества, — Христос воскрес из мертвых. На этой истине, как на твердом основании, зиждутся все христианские упования: "Аще Христос не воста, тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша" (1 Кор. 15, 14). В этом факте вся жизнь и учение Искупителя достигли своего подтверждения как исторической действительности. Христос воскрес не как все прочие люди, которые были воскрешаемы богоугодными мужами при содействии благодатной помощи, обитаемой в них, но "силой Своего Божества" (1:27), "Своей силой восстал яко бессмертный" (3:164). Воскресение Христа является сильнейшим доказательством того, что Творец мира является действительным Совершителем спасительного для нас подвига. После этого грех, как таковой, и связанное с ним Божие наказание потеряли свою силу над человеком. Крестная Жертва и Воскресение Христово умилостивили Бога Отца, и, таким образом, то осуждение, которое тяготело над родом человеческим, было уничтожено. Спаситель мира был не только истинный человек, но и истинный Бог, потому что воскресить Себя Самого мог только Тот, Кто имеет жизнь в Себе Самом, т. е. Бог (3:131).

В спасительном Воскресении Сына Божия проявилось Божественное всемогущество, ибо этим засвидетельствовано всему миру, что Он является Победителем смерти, греха, ада и диавола, а также Началом всеобщего воскресения. Он уверил всех Своих последователей, что смерть уже уничтожена и что они будут вечно пребывать с Ним в обителях Отца Небесного (3:131, 416). Смерть и Воскресение Искупителя мира положили твердое основание нашему воскресению. Христос Спаситель принес Себя в жертву за нас и тем самым исцелил нас от душевных болезней и духовной смерти. Он есть Источник нашего воскресения и вечной жизни.

Таким образом, Воскресение Христово внесло в человеческую природу всеобщий, т. е. независимо от жизни каждой отдельной личности, закон воскресения. "Как в Адаме вси умирают, тако во Христе вси ожи-

вут" (1 Кор. 15, 22). "Воскрес Христос, воскреснем и мы, верующие во имя Его" (3:50). И это потому, что человеческая природа Бога Слова единосущна природе всех людей и находилась с ними в полном единении, а раз так, то и Воскресение Христово распространяется на все человечество в целом. Далее святой Отец, обосновывая свою мысль словами Священного Писания: "Сеется в тление, востает в нетлении; сеется не в честь, восстает в славе; сеется в немощи, востает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное" (1 Кор. 15, 42—44), говорит, что в последний день мира все тела умерших, рассыпавшиеся в прах земной, Господь восставит и приведет в лучшее достояние, соединив с душами, для вечной жизни (3:50, 5:256, срав. 2:84), "тако устроив спасение наше" (5:277). Здесь следует отметить, что хотя Воскресение Христово и распространяется на всех людей, однако только те смогут получить спасение во Христе, которые будут веровать в Сына Божия и в своей жизни воплощать Его Божественное учение (4:26, 5:256).

Завершая дело домостроительства нашего спасения, Христос Спаситель после Своего славного тридневного Воскресения из мертвых (3:131) еще в течение сорока дней пребывал на земле, желая удостоверить Своих учеников в истинности Своего Воскресения, а также напомнить им то основное учение, которое они слышали еще до Его крестной смерти (3:132). Разрушив преграду к восхождению на небо, Сын Божий вознесся на небеса и по Своему Божественному достоинству "сел одесную Бога Отца" (3:132), "во славе Отчей" (4:317). И если Сын Божий прежде пребывал на престоле славы Своей с одной Божественной природой, то теперь Он вознес с Собой и человеческую природу, приняв ее навсегда в тесное единение с Божественной (4:317; 4:232). Следовательно, Господь через Свое Вознесение стал еще ближе к человечеству, к верующим в Него, ибо Он ныне пребывает на земле не только Своим вездесущим Божеством, но и прославленным телом в великом и пренебесном Таинстве Святой Евхаристии.

Вознесение Иисуса Христа на небо служит явным доказательством того, что всем людям, верующим в Сына Божия, теперь открыт путь к небу. Христос явился на небо как первенец умерших человеков, представив в Своем Лице начаток искупленной и восстановленной Им человеческой природы. Где Глава тела, там будут пребывать и члены Его. Глава на небе, во славе, там будут с Ним и все истинные христиане (4:290, 3:50). Вот почему Вознесение Сына Божия, по мысли святого Тихона, сопровождалось великой радостью. "Взыскал и спасл погибшего человека, и вознесся на небо, и привел того к Отцу Своему Небесному, и повелел силам Своим Небесным радоватися о том, глаголя: радуйтеся со Мною, яко обретох драхму погибшую" (Лк. 15, 9) (4:289). Своим Вознесением Спаситель мира предоставил всем возможность стремиться к духовному совершенству, и в то же время Он Сам всегда помогает в этом деле и не перестает ходатайствовать о нас пред Отцом Небесным о нашем спасении (3:132).

5. ДЕЙСТВИЕ ДУХА СВЯТОГО И ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛОВ НА ПРОПОВЕДЬ

Спаситель Мира, завершив Свое дело на земле и вознесшись на небо, не оставил человека без Своего промыслительного попечения. Еще от-

ходя на небо, Он обещал Своим апостолам, а в их лице и всем последователям, пребывать с ними "во вся дни до скончания века" (Мф. 28, 20), а также обещал послать от Отца Утешителя, Который Своим Божественным дыханием оживотворит и поможет в деле спасения всем верующим в Сына Божия. Для окончательного завершения дела Христова, для благодатного вспомоществования в деле полного усвоения искупительных плодов Христовой Жертвы необходимо было прийти зиждущей, творческой Силе, Которой является Дух Святой – Третье Лицо Пресвятой Троицы.

До совершения Сыном Божиим искупительного подвига Дух Святой не во всей полноте обитал в людях. И только после принесения Жертвы Христовой открылась возможность полного восприятия верующими Духа Святого, Который созидает в их душах новую благодатную жизнь и "от Которого вся блага и благодеяния, как от приснотекущего источника ручьи проистекают" (4:342). Дух Святой совершает привитие людей к Сыну Божию, подобно ветви к доброму корню (Ин. 15, 2), Живоносный огнь Духа обновляет и просвещает тех, в кого вселяется. Он подает ищущим спасения Свою благодатную помощь в их немощах, подвигах и в борьбе с диаволом (3:138). Невещественный свет Духа просвещает и укрепляет Христовых последователей и тем самым дает им возможность ощутить в своих сердцах Божественную силу, помогающую в их спасении (1:27; 2:279). Спасительное воздействие Духа Божия на сердца верующих бывает подобно огню, который, соприкасаясь с благовонным веществом, издает приятное благоухание. "Так точно бывает, когда сердца человеческого коснется благодать Святого Духа, тогда восстает в таковом сердце воздыхание и молитва истинная, в высоту к Небесному Отцу, и обретает у Него благодать и милость" (2:79).

Через наитие Святого Духа в душе человека снова возобновляется та духовная, благодатная жизнь, которая была утрачена в Адаме. И союз между Богом и человеком восстанавливается в полной своей гармонии и в идеальной реальности. "Благодать Божия просвещает сердце человеческое и зажигает в нем огнь любве Божия" (4:342). Она водворяет в его сердце радость не земную, но "духовную, небесную", что, по мысли Святителя, есть предвкушение вечной "блаженной жизни" в Боге (4:344). И если человек по своей беспечной жизни не имеет в своем сердце этой благодатной помощи свыше, то он своей душой бывает подобен слепому и глухому, не имеющему ни радости, ни покоя (2:118). Таким образом, благодать Святого Духа усвояет плоды спасительного дела Христова всем людям. При Божественном содействии Святого Духа человек видит пред собой тот путь, по которому ему следует идти, чтобы достичь жизни вечной (2:139—140).

Обетование о ниспослании Святого Духа исполнилось в день Пятидесятницы, когда Он сошел в виде огненных языков на всех апостолов, собравшихся в одном доме (Деян. 2, 1—4) (1:27), а в их лице – "и на всех верующих во имя Его Пресвятое" (1:94) "и на всякую плоть" (5:275). Благодатное излияние Утешителя соделало апостолов носителями Троического Божества, а также чудесно изменило их ум, волю и чувство и придало их слову огненную силу, против которой никто не мог устоять (5:257). Святой Дух даровал апостолам глубочайшее ведение Божественной премудрости (5:83) и напомнил им то учение, которое было преподано Самим Спасителем, когда Он был с ними на земле. Дух Святой соделал апостолов безбоязненными и духовно сильными. Так, в день

Пятидесятницы проповедь апостола Петра многим присутствовавшим открыла сердца к уразумению Божественной истины, после чего они приняли крещение (3:12). Таким образом, день Пятидесятницы, или день сошествия Святого Духа, есть начало существования на земле таинственного и благодатного тела Христова — Его Святой Церкви.

С сошествием Духа Святого на учеников Христовых в их сердцах произошло перерождение. Ощутив в себе благодатную силу Святого Духа, они стали неустрашимыми и ревностными проповедниками учения Христова. В их сердцах загорелся яркий пламень любви к Богу и людям. С этого момента они целиком посвятили свою жизнь взысканию погибших овец, ради которых Сын Божий сошел с неба. Во исполнение заповеди своего Божественного Учителя: "Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари" (Мк. 16, 15) они свидетельствовали о Христе не только в Израиле, но и во всем мире (4:130). И это свидетельство принесло свой плод. "Бог, Который как мир из ничего создал, так и падший восстановил, исправил и обновил чудесно... привлек к Себе отпадших языков... через дванадесять простых и бесхнижных, силой Его вооруженных и Святым Духом умудренных" (2:87). Именно в том и было чудо, что святые апостолы, избранные Сыном Божиим из числа простых и неграмотных рыбаков, содействием Духа Святого распространили Христово учение по всей земле и объединили все народы во едино Христово стадо (2:87).

В своей деятельности св. апостолы отличались чувством высшей правды и всегда руководствовались правилом: "Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком" (Деян. 5, 29). Они знали также, что все люди имеют право пользоваться, если захотят, плодами искупительной жертвы Христовой. Кроме того, они помнили слова своего Учителя, что "прейде сень законная, благодати пришедшей" (Ин. 1, 17; Евр. 10, 1), и потому были свободны от национальных, сословных и других, несовместимых с высшей правдой взглядов, предрассудков, склонностей и антипатий. Основной их целью, по мысли Святителя, было "пронести имя Иисусово во вся концы земли и свидетельствовать о Нем пред всем светом, и сеять семя слова Божия на нивах сердец идолопоклонических" (5:255). Св. апостолы старались привести всякую душу к послушанию, к вере во Христа через слово благовестия, стремились, чтобы никакая душа по их вине не погибла и не заблудилась, но всегда бы пребывала в Церкви, которую Он "стяжал Кровию Своею" (Деян. 20, 28).

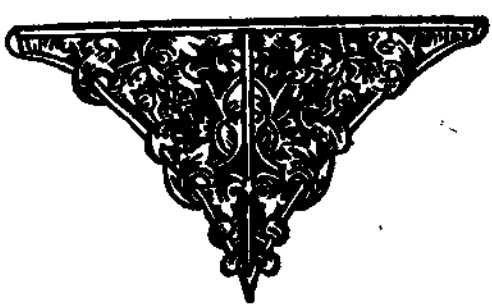
Насаждая в сердцах веру Христову, святые апостолы "идолобесие опровергли..., очи сердечные ослепленных к познанию истинного Бога отверзли; основали Церковь Божию на лице всея земли; едино благословенное стадо из разных языков, как диких зверей, собрали; Троицу Святую — Отца и Сына и Святого Духа, единого Бога, почитати научили; огнь Божией любви в сердцах верующих возжгли и надеждой живота и блаженства будущего века утвердили" (3:132). Истинное учение о Божественном Посланнике и Его искупительном подвиге они подтверждали многими различными "чудесами и знамениями" (5:6).

Апостольская ревность о спасении человека не имела предела; она доходила даже до пожертвования жизнью. Со всех сторон апостолы были окружены враждебно настроенными людьми. Они находились в атмосфере ненависти к новому богооткровенному учению, так как многие представители той эпохи не могли принять благовестие Христово; почва

их сердец, на которой сеялись семена добра, еще не была пригодной для восприятия Божественной истины. Вот почему против проповедников слова Божия так яростно восстали все сильные "века сего", предавая их многим пыткам и мучениям (5:256). Злоба этих людей по силе и изощренности превосходила всякую меру жестокости. Правители многих стран древнего мира, стремясь не допустить распространения спасительных истин, каких только "тягчайших мучений и ужасных смертей не изобретали". Они сажали проповедников в темницы, морили голодом, нагими водили по улицам, обливали кипящей смолой, серой и маслом, жгли в раскаленных печах и т. д. Но все эти пытки не могли поколебать веру последователей Христовых; напротив, испытанная в горниле мучений и искушений, вера их все более крепла, они привлекали все большее число новых последователей. Таким образом, кровь мучеников становилась прочным фундаментом в распространении и утверждении Церкви Христовой (5:256—258).

В таких тяжелых испытаниях человеческое естество не могло бы противостоять диавольской злобе, если бы Спаситель мира, за Которого христиане страдали, Своей всемогущей силой не помогал и не укреплял их немощные силы (5:259). Наконец, благодатным действием Всесвятого Духа все "мудрецы века сего" покорились святому учению. "И тако во грады и села и веси их вошел Царь славы Иисус Христос: и видеша вси концы земли спасение Бога нашего (Пс. 97, 3). И началось славиться имя Иисусово во всех концах земли" (5:256).

Таким образом, св. апостолы "основали Церковь Божию" (3:132) и поставили в ней, по повелению свыше, "епископы и пресвитеры" (4:362). Пребывая в постоянном общении со Христом, апостолы и своим последователям указывали путь, по которому они должны идти для того, чтобы приобрести Христа. Проповедуя высоконравственное учение, они сами жили сообразно своей проповеди, того же требовали и от своих преемников. В их деятельности первое место занимала любовь к людям, потому что именно эта добродетель является неотразимым оружием в руках служителей Христовых. Вот почему учение апостолов имело такой величайший успех. Апостольская проповедь, согласно заповеди Спасителя, распространилась "даже до последних земли" (Деян. 1, 8), и ее приняли и по ней приобщились Царствия Божия все племена земные.

ГЛАВА IV

Церковь Христова — место спасения человека

1. НЕОБХОДИМОСТЬ ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Совершив на земле дело спасения рода человеческого, Спаситель мира тем самым устранил все существовавшие до того преграды, разъединявшие человека с Богом, и соединил во едино стадо не только земное, но и небесное. Оставляя землю после Своего искупительного подвига, Иисус основал на ней благодатное Царство — Церковь Свою, которая является, по словам святителя Тихона, "духовным Христовым Телом" (3:30). Верующие — члены Церкви — так тесно соединяются со Христом, как виноградная ветвь с лозой: "Аз есмь Лоза истинная, и Отец Мой делатель" (Ин. 15, 1). "Истинной сей Лозе прицепившиеся рождие, — говорит Святитель, — суть вернии Его, которые верою и любовью оной Лозе присоединены, соком благодати ее оживляются, напояются и плод творят" (3:31). Создавая Свою Церковь с целью освящения и спасения в ней людей, Христос навсегда остался в ней Главой и Источником жизни. Он Сам невидимо управляет ею, соединяя всех верных во едино тело. "Христос есть Глава Церкви" (3:185), "сынове ея... — уды духовные, преблагословенную Главу — Христа имеющии и признающии, и верою и любовью оной Главе соединеннные" (3:30). Раскрывая спасительное значение этого благодатного организма, Архипастырь говорит, что слово "Церковь" в переводе с греческого языка (εκκλησια) означает "вызывание"; потому что верные, в Церкви находящиеся, вызваны из области сатаны в Царство Христово, от тьмы — в чудный Его Свет, как учит Апостол: "Вы род избран... людие обновления, яко да добродетели возвестите из тьмы вас Призвавшего в чудный Свой свет" (1 Петр. 2, 9) (3:30).

Раскрывая далее понятие о Церкви, Святитель учит, что Церковь не следует понимать как нечто отвлеченное; она есть "собрание верных, по всему миру живущих, в Бога и Христа Сына Божия право и истинно верующих, проповедью Божия слова просвещаемых, и Тайны святыя право содержащих" (3:30). Церковь Христова утверждена на апостольском учении, посредством которого она "просвещается, наставляется, созидается, спасается. И от плачевной мира сего юдоли, в горний и небесный Сион... переселяется, помощью Святого и Животворящего Духа, где не верою, но лицем к лицу сподобляется чистейшую и святейшую Его доброту видети" (3:133). Святые апостолы, по повелению Божию, объединили в Церковь Христову все народы. Задонский Архипастырь, чтобы нагляднее выразить эту мысль, указывает на образ Ноева ковчега. "В ковчеге Ноевом собраны были различные звери, скоты и птицы: так в Церковь святую различные народы, яко звери дикие, собрались... Чудно, что в ковчеге Ноевом звери лютии кротки и согласны были: Божиим...

повелением учинилося: и тако лютость и свирепость свою отложили они, иначе бы не могли поместиться. Тако вшедшии в Церковь святую прежнии свои нравы, яко зверскии и скотскии, отлагают и бывают кротки, согласны и мирны" (4:300). После того как прошла "сень законная", Церковь Христова стала началом, объединившим "вся племена земная", стала содержать в себе полноту Христова учения, которая охраняется не отдельными личностями, но всей Церковью во все века.

Как Христос един, так и Церковь едина, потому что все познавшие истину веруют, поклоняются и прославляют единого Бога — Отца, Сына и Святого Духа. Церковь едина еще и потому, что основана на едином основании — Иисусе Христе, а также просвещается единым учением слова Божия и спасается едиными Божественными тайнами. Кроме того, христиане имеют единую твердую надежду на воскресение мертвых и последующую за ним благодатную жизнь в обителях Отца Небесного (3:34). Обосновывая свою мысль словами апостола Павла: "Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего; един Господь, едина вера, едино крещение; един Бог и Отец всех, Иже над всеми и через всех и во всех нас" (Ефес. 4, 4—6), святой Отец говорит: "Аще бо и рассеяны суть вернии и святии Божии по лицу всея земли, однако ж едино благословенное общество составляют" (3:34).

Понятие единства Церкви не нарушается наименованием ее воинствующей или торжествующей. "Церковь святая, которая на земле в мире сем имеется, называется воинствующей, яко с помощью Божией подвизается противу врагов своих: диавола, плоти, мира и греха" (3:34). И кто побеждает их и постоянно стремится пребывать в чистоте и святости, тот по разлучении души от тела водворяется в торжествующей Церкви, где сподобляется от Искупителя мира вечной радости. И это естественно, потому что Спаситель мира по Своем вознесении на небо, которое было до этого затворено, открыл чадам земной Церкви вход в обители небесные для блаженной и вечной жизни. И с тех пор Церковь воинствующая и торжествующая составляет единое благодатное общество, объединяемое и одухотворяемое единым Источником всех благ — Спасителем мира (3:35). А при "общем воскресении и окончании всемирного суда Христова едина торжествующая будет Церковь, которая без конца будет видеть Бога лицем к лицу: и от того радоватися, веселитися, восклицати и в радости духа хвалить бесконечную Его благость" (3:35) вместе с ангельскими силами (3:34).

Раскрыв понятие единства Церкви, Святитель указывает на ее святость: она есть жилище Бога, очищенное и освященное "Кровию Единородного Сына Божия" (3:270). В этом жилище всегда пребывает Господь со Своими верными рабами, освящая и ограждая их от всех козней вражиих (3:30). Отсюда следует, что Церковь свята в силу того, что она освящена Христовой Кровью (3:28). "Церковь святая как была и есть, так и до скончания века будет" (3:34). В этом дворе все люди, подобно овцам, делаются кроткими, незлобивыми, любвеобильными, и это потому, что они живут под благодатным покровом Доброго Пастыря — Христа, Который пасет их "на месте злачне... на воде покойне" (Пс. 22, 1—2) (3—31). Церковь как благодатное общество предвкушает еще здесь, на земле, небесное веселие, находясь в тесном общении с Подателем всех благ — Богом. Имея своей основной целью спасение людей, Церковь Христова научает их богооткровенным истинам веры, направляет по

правильному пути и при помощи спасительных Таинств, данных ей Искупителем мира, освящает их и, таким образом, способствует достижению Царства Небесного. В связи с этим Задонский Святитель восклицает: "Довольно счастлив (христианин), когда живеши в дому Божием, яже есть Церковь Бога жива, – и сожитель святым, и присный Богу, и домашний Христов имеешися, хотя и в хижине или в пещере живеши или не имееши где главу подклонити" (4:108). Святой Отец называет Церковь матерью, которая рождает своих чад от воды и Духа не для тленной, но для вечной благодатной жизни (3:31). И поскольку Святитель считал весьма утешительным пребывание в единении с Церковью, то он призывает всех христиан хранить чистоту этого священного тела и оказывать ему искреннюю сыновнюю любовь. "Ежели Церковь Христова есть Мать верных... (то) как должно... ее любить, почитать..." (3:33). Находящиеся в Церкви соединяются со Христом самым теснейшим образом, как уды с главою, и таинственно бракосочетаются Христу, как невеста жениху. Истинные последователи Христовы становятся сожителями "преславного града", "небесной горы", а также, "овцами, имеющими Доброго Пастыря" (3:32–33). В Церкви, как в некоем корабле, покоятся и находят спасение все верные последователи Христовы, хотя и совершают свое опасное плавание по бурному житейскому морю. Здесь Спаситель мира Сам проявляет о них Свое попечение и ведет их к предназначенной цели – спасению. Церковь, по словам Святителя, "пока в мире имеется, всякой буре бед, напастей и искушений подлежит, и соблазнами мира сего, яко волнами, колеблется, и от любителей мира гонение страждет. Но сказано о ней во утешение ее от Кормчего – Иисуса Христа: и врата адова не одолеют ей" (Мф. 16, 18) (4:299). Церковь Христова хотя и находится в постоянной опасности, однако она постоянно стремится к "тихому... пристанищу", где ее ожидает "покой" (4:299; срав. 3:31).

Спасение человека совершается только в Церкви Христовой. Как праведный Ной со своим семейством был спасен в ковчеге от всемирного потопа, а все вне его погибли, точно так же "и ныне тии только спасутся от потопа греховного, гнева Божия и вечного осуждения, которые в Церкви святой находятся и истинными сынами ее пребывают: прочие же все, вне пребывающии, погибают и потопляются в потопе бездны адской" (3:32; срав. 4:300). Указывая на безотрадное положение находящихся вне Церкви, святитель Тихон в то же время предупреждает и христиан избегать греховной скверны и не "прогневлять... Христа", потому что этим человек может очень легко удалить себя "из спасительного ковчега" и подпасть вечному осуждению и, таким образом, лишиться блаженной жизни (3:33). Чтобы пребывать в спасительной ограде Церкви Христовой, христианину следует постоянно бороться с искушениями. А чтобы полностью победить их, он должен из глубины своего сердца взывать о помощи к своему Создателю и Искупителю. И как корабельщики, оказавшиеся в беде на море, спешат опустить якорь во глубину моря и тем самым спасают и себя и корабль от крушения, так должны прибегать к Кормчему – Иисусу Христу и Его милосердию все те, которые подвергаются многочисленным испытаниям (4:300). Господь, по мысли Архипастыря, всегда подаст руку помощи призывающим Его святое Имя и вместо скорбей водворит в их душе радость и успокоение. "И тако посреде самых свирепых искушения волн будеши дер-

зати и с Апостолом глаголати: "кто ны разлучит от любве Божия, яже о Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8, 35) (3:32).

В Церкви Христовой – в этой духовной врачебнице – имеются все средства для врачевания душевных недугов человека. Однако Господь, пребывающий в ней, не подает этих врачеваний без соизволения самого человека. Нужно, чтобы он сам усердно и с глубокой верой пожелал того и умолял Христа, Подателя всех благ, и только в таком случае душа сможет приобрести исцеление и успокоение (4:137). При этом Святитель сравнивает Церковь с госпиталем. Как в госпитале больные получают помощь и исцеление, так и в Церкви Христовой больные душой оздоровляются и освящаются посредством веры и святого Крещения. И подобно тому, как в госпитале лечащий врач посещает своих больных, смотрит за ними и дает им лекарство, чтобы они быстрее выздоровели, так и в Церкви святой Врач душ и телес – Спаситель мира – врачует христиан, духовно болящих, посещает их и поучает воздерживаться от того, "что душевному их исцелению и получению вечного спасения препятствует" (4:137).

Церковь подает своим верным последователям врачество духовное, способствует своим благодатным воздействием изменению нравов, злых и порочных людей облагораживает, делает их кроткими и любвеобильными (4:300). Врачуя душу, Церковь, в силу теснейшего единения души и тела человека, оказывает целебное действие и на телесный его состав (4:139).

Для того чтобы Церковь Христова оказывала спасительные действия посредством Таинств, христиане должны соблюдать единство духа и исполнять все те требования, которые предписаны в Церкви Сыном Божиим. Только в таком случае верные последователи Христовы смогут теснейшим образом соединяться со Своим Главой – Пастыреначальником. Церковь Христова составляет единое тело. И как все члены нашего физического тела бывают подвластны голове и исполняют ее волю, так и христиане должны повиноваться своему Искупителю, Который "есть Вождь верный и мудрый, Который по пути мира сего ведет последующих Ему в небесное отечество" (3:185). Притом тесного единения в живом организме Церкви Христовой сподобляются только те лица, которые содержат православную веру в чистоте и святости, которые подвизаются в благочестии, имеют "страх Божий", борются "противу всякого греха" и стремятся постоянно пребывать в добродетелании (3:33).

Поскольку Церковь есть духовное тело Христово, а христиане желают пребывать в нем, "то рассуди, – говорит Архипастырь, – как свято и чисто (следует жить), какую любовь (должны иметь) к святейшей Главе... (а также) к святым ее удам, то есть истинным христианам... В сие святое общение ничто не входит скверное и нечистое. "Кое бо причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тьме?" (2 Кор. 6, 14) (3:32). Одно имя христианское без святой жизни еще ничего не значит, более того, такие лица приравниваются к "язычникам и лицемерам" (3:216). Оставаясь в греховном состоянии, они тем самым духовно удаляют себя от церковного общения и пред Лицом Божиим подобны "извергу" (4:300). Грех разрушает в душе христианина тот благодатный союз, который был установлен между Богом и человеком. Совершая греховные действия, человек умерщвляет свою душу и делает ее неспособной к восприятию Божественной благодати. Отсюда ста-

новится ясно, почему в таком случае даже крещение, совершаемое во Имя Святой Троицы, не приносит человеку пользы (3:33—34). Не имеют эти ложные христиане никакой части во Христе, хотя и исповедуют Его имя (3:98). Следовательно, те, кто не исправляет свою жизнь, не могут являться членами этого благодатного, живого организма. Подобные люди подлежат большему осуждению и наказанию, нежели те, которые не познали Бога (3:38—39). Хотя члены Церкви не все духовно совершенны, но они, как свидетельствует Задонский Архипастырь, могут оставаться в ней и питаться ее спасительными соками только при условии полного внутреннего перерождения. "И тако обновившися будеши истинный сын Церкви и в доброй надежде вечного живота" (4:301). Если внутреннее перерождение соделывает грешников достойными сынами Церкви, то нераскаянность лишает их не только земного спокойствия, но и вечного спасения. Однако это не окончательное удаление их от спасительного ковчега; они снова, если того пожелают, смогут возвратиться в него, если оставят свои грехи, оплачут их и принесут искреннее покаяние пред священником (3:98). Господь для того и основал на земле святую Церковь Свою, чтобы всегда очищать, врачевать желающих душевного и телесного здравия, просвещать ищущих освобождения от греховной тьмы, короче, вести человека ко спасению. Раскаявшегося грешника Святая Церковь воспринимает в свои объятия и подает ему надежду на получение вечной жизни. Отсюда следует важность и необходимость пребывания в союзе с Православной Церковью и опасность для живущих вне этого священного союза. Задонский Святитель призывает христиан соблюдать и свято хранить все те обещания, которые давались ими во время вступления в ее объятия. "Тако вси христиане, входя в Церковь Святую, приемля честь и достоинство высокого имени христианского и записываяся в воинство Небесного Царя, присягают в том до конца пребывать, клянутся и обещаются отрещися сатаны и всех злых дел его, верою и правдою служить единому Христу... Небесному Царю, во все времена жития своего" (4:295).

Святая Церковь есть путеводительница ко спасению, ходатаица пред престолом Всевышнего, неистощимая сокровищница благодатных даров Божиих, и поэтому ее голоса следует слушаться (1:39), крепко "держаться... и плод творить угодный... Богу, чтобы как розге непотребной, не творящей добра плода, не извергнуться вон, и, яко иссохшей, не предаться на сожжение вечного огня" (3:33). И кто не слушает церковного голоса и упорно противится ему, тот не является сыном Церкви, а это значит, что он ушел от стада, которое пасет Сам Христос, обещавший жизнь вечную слушающим Его голоса (Ин. 10, 27) (1:39). Таким образом, хотя Спаситель мира, в силу Своей искупительной Жертвы, и даровал все необходимые спасительные средства для спасения человека, однако для того, чтобы достичь спасения, каждому человеку следует направить свою свободную волю к деятельному усвоению этих спасительных плодов, подаваемых Церковью и только ею.

2. СПАСИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАСТЫРЯ В ЦЕРКВИ

Особая миссия в деле сообщения членами Церкви благодатных даров Святого Духа возлагается на пастырей Церкви Христовой. Они поставляются на это великое служение не по воле людей, но "от Бога — Духа

Святого, пасти не стадо бессловесное, которое видимии окружают звери, но пасти стадо овец Христовых, которых окружают невидимые звери, диавол, яко лев, и злобнии духи его" (3:387). Отсюда вытекает понятие о пастырях как особых лицах, которым Сам Господь поручил оберегать паству и вести ее к назначенной цели — спасению. И как прежде Господь посылал пророков и апостолов, так и сейчас Он посылает епископов и пресвитеров (4:362). "Пастырь есть Божий посланник, который... возвещает... путь спасения и зовет... именем Божиим в вечное Его Царство" (5:173). Святой Отец утверждает, что то служение и те особые дарования, которые получили апостолы при сошествии на них Святого Духа, получают и священнослужители через рукоположение епископов, и это будет продолжаться до скончания века. "Без звания и избрания правильного никто не должен в пастырское служение вступать, якоже Апостол глаголет: "Никтоже сам о себе приемлет честь, но званный от Бога, якоже и Аарон: тако и Христос не Себе прослави быти Первосвященника, но глаголавый к Нему: Сын Мой еси Ты, Аз днесь родих Тя (Евр. 5, 4—5). И святый Предтеча поучает: "не может человек приимати ничесоже, аще не будет дано ему с небес" (Ин. 3, 27) (3:382).

Поскольку пастыри являются преемниками Христа и святых апостолов, то их жизнь должна быть соответственной этому званию. Они должны учить людей Божественным истинам (3:384), помогать им очищаться от греховной скверны посредством священнодействия и, таким образом, направлять их по пути к вечному спасению (3:384; 3:387). И если все люди подобны путникам, странствующим по незнакомой им пустыне, нуждающимся в путеводителе и страже, которые бы показывали путь и охраняли бы их от нападения хищников, то тем более христиане, странствующие по "стихиям мира" сего, постоянно испытывающие со всех сторон нападения от врагов своего спасения, нуждаются в поддержке от пастырей Церкви Христовой. Пастырь должен быть для всех христиан "стражем верным, бодрым и неусыпным" (4:364) и оберегать их "от волков духовных" (4:100). Как путеводители к вечной жизни, пастыри обязаны призывать всех на путь спасения, а тех, которые уже находятся на нем, вести на Господню вечерю, уготованную крестными заслугами Сына Божия. Они, как стражи Дома Божия и охранители овец Христовых, должны постоянно бдеть и охранять души, приобретенные Кровью Христовой, от всего зловредного, что мешает им соединиться с Источником жизни — Богом. Как воеводы своих "воинов научают, наставляют и поощряют к доброму подвигу противу врага: тако на брани христианской начальники суть пастыря и учители (должны) христиан вооружать словом Божиим противу врага диавола... како противу его стоять и подвизаться" (4:49). Цель пастырей заключается еще и в том, чтобы постоянно ободрять, поддерживать пасомых духовно, водворять в их сердцах стремление к небесной жизни, побуждать их к высшим подвигам и мужеству. По выражению Святителя, "что в теле голова, то в обществе христианском пастырь" (4:102). Недаром в Священном Писании им приписывается высокое назначение — быть "светом мира", "солью земли... свечой, горящей в ночи", и т. д. "Вы свет есть обществу христианскому, — обращается к пастырям святой Отец, — на вас смотрят все люди: что делаете и что говорите... будите убо свет, да смотрящими на вас просветятся; будите как зеркало, в которое смотря люди отирают на своем лице пороки; будете как разумная голова на теле. Аще вы разумны

и добры будете, то блаженно и все вам подчиненное христианское общество будет" (4:103).

Вместе с тем пастырское служение, по мысли Святителя, сопряжено с большими трудностями. Чтобы стать истинным добрым пастырем, полагающим душу свою за овец Христовых, еще недостаточно быть разумным, но следует самому быть на высоте своего положения — проводить свою жизнь свято во Христе и со Христом. "Буди убо, возлюбленне, сторож верный, бодрый и неусыпнный себе самого и душ христианских, не сребром и златом, но Христовою Кровию купленных. Имеши за всех их ответ дати пред Судиею праведным" (4:364—365). Святитель говорит, что пастырь Церкви должен быть не столбом, на пути стоящим, который только указывает путь в город, а сам не движется с места, но вождем, идущим впереди всех, и, таким образом, вести за собой наследие Божие в обители Отца Небесного (4:362; срав. 3:385).

Этой основной цели — приведению человека к Богу — посвящали свою жизнь апостолы и их преемники, этому же должны следовать все пастыри (3:386). Охраняя других и воспитывая их для жизни вечной, пастырь в то же время обязан бодрствовать над самим собой, потому что падение пастыря может бедственно отразиться не только на его личной жизни, но и на всей пастве. "Аще светильник угаснет: чем домашнии просветятся? Аще пастырь похитится от волка: от кого сохранятся овцы? Аще пастырь, "соль земли, обуяет": какое уже буйство в людях будет? (Мф. 5, 13). Аще вождь с пути совратится и заблудит: в каком заблуждении уже будут путники?" (4:367). В таком случае падший пастырь будет способствовать не тому, чтобы спасти человека, но погубить его, и, таким образом, дело спасения человека таким пастырем будет не созидаться, а разрушаться. "О том у него (диавола) все тщание, как бы повредить и заразить пастыря.., заразить, дабы не мог (быть полезен пастве. — *А. И.*), но чтобы и сам шел и прочих вел за собой в погибель" (4:102).

В своем служении пастырь Церкви Христовой уподобляется большому дереву, возвышающемуся над лесом, которое, когда падает, сильно шумит и своим падением сокрушает многие близ стоящие деревья. Падение священнослужителя становится известным многим людям, и это в свою очередь служит им соблазном и преткновением на пути ко спасению (4:101). Падение пастыря расценивается как более опасное, нежели падение простого члена Церкви. Вот почему диавол и старается прежде всего поразить пастыря Церкви Христовой. Святитель сравнивает духовную брань воина Христова со сражением, во время которого противник стремится поразить, уничтожить прежде всего полководцев, после чего, естественно, воины приходят в смятение и теряют способность сопротивляться врагу, что приводит их к гибели или же пленению. Такую же цель преследует и враг рода человеческого — диавол. Все его старания и ухищрения направлены к тому, чтобы совратить пастыря с истинного пути, склонить его греховными прелестями на свою сторону, "дабы тако удобнее мог и прочих христиан пленить и погубить" (4:49; срав. 4:102; 4:368).

Если диавол сам не может победить и склонить на свою сторону доброго пастыря, то старается действовать на него через злых людей, которые как плевелы растут между пшеницей и помогают диаволу в осуществлении его злых планов (4:368; 5, 127). Вот почему такие люди бы-

вают опаснее, "нежели сам диавол" (4:313). Отсюда пастырям Церкви Христовой следует быть готовыми на всяк день, чтобы отразить все козни вражии. Для этой цели они должны приготовиться "к терпению... и всегда, как кораблю на море бури бедствия находящего ожидать, и нашедшее терпеливым сердцем нести. Да будет... во образ Сам Пастыреначальник.., Который от Своих людей претерпел крест..., — и святии апостолы.., которые укоряемы были, гонимы.., хулимы, яко отреби миру были, всем попрание..." (1 Кор. 4, 12—13)" (3:387).

Кроме того, пастырю следует вооружиться против зла словом Божиим и молитвой, а также своей добродетельной жизнью, которая должна быть во все дни подобной свету, просвещающему вселенную. Без добродетельной жизни дело пастырское окажется бесплодным и будет способствовать не утверждению добрых нравов среди молящихся, но, напротив, их разрушению. Учить паству, направлять ее к спасительному Источнику живой воды — Иисусу Христу может только тот пастырь, который во всем подражает Пастыреначальнику (3:384). Пастырю следует не забывать и то, что он совершает свое спасительное дело — приведение людей к Богу — перед взором многих людей, а это обязывает его быть на высоте своего положения (5:172). Кроме святой и богоугодной жизни, от пастыря Церкви Христовой требуется постоянная духовная бдительность, которая поможет ему вовремя распознать коварные замыслы злого духа, направленные на погубление как его души, так и его пасомых (4:364). Если пастырь ослабит свою бдительность и по его вине погибнет хотя один человек, то этого одного достаточно, чтобы навеки лишиться лицезрения Божия, потому что Сын Божий приобрел эту погибшую овцу ценой Своей честной Крови (4:46). В таком случае беспечный пастырь окажется совершенно безгласным. И "тогда дому Владыка Христос праведно разгневается на пастыря, сторожа дома Своего, и будет судить его, яко нерадивого и неверного" (4:367). Объятый тогда стыдом и ужасом, он услышит от Искупителя мира приговор: "Неключимаго раба вверзите во тьму кромешную: ту будет плач и скрежет зубов" (Инф. 25, 30) (3:388). Из этих слов видно, какое возвышенное представление имел святой Отец о пастырском служении. В своих поучениях он советовал принимающим пастырство испытать самих себя, готовы ли они будут понести всю его тяжесть, потому что на это великое дело — Спасение человека — должны идти люди, сильные духом и чистые по жизни, готовые к жертвенному служению Богу и людям. И если этого не находит в себе человек, то лучше не принимать этот сан, ибо за нерадивое исполнение своих обязанностей пастырь будет осужден и ввергнут в геенну огненную (5:170). Указывая на высоту и ответственность пастырского служения в Церкви Христовой и советуя пастырям избегать со всяким тщанием порочной жизни, святой Отец в то же время увещает и мирян иметь к ним послушание и любовь. Пасомые должны смотреть на священника как на посланника Божия, любить его как отца, заботиться о нем и не распространять ложные слухи, не возмущаться его ошибками и не осуждать, молиться за него, так как его обязанность сложна и ответственна (3:389—390).

Итак, Иисус Христос Своим искупительным подвигом представил Своей Церкви силу и власть через законное священноначалие духовно рождать и воспитывать членов благодатного Царства посредством истинного учения и спасительных Таинств. И в то же время Он Сам

является непосредственным невидимым Руководителем ее. Он как мудрый Кормчий управляет Своей Церковью и ведет ее к предназначенной цели – спасению. Благодатию же Духа Святого, Которого Спаситель мира послал от Отца Своего Небесного и Который постоянно пребывает в этом благодатном ковчеге, все члены Церкви Христовой через посредство Таинств, совершаемых священнослужителями, очищаются от греха, освящаются и укрепляются на борьбу с невидимым врагом нашего спасения – диаволом.

3. ТАИНСТВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Господь Иисус Христос, Начальник веры и Совершитель нашего спасения, все спасительные средства вверил Своей Церкви, сделав ее сокровищницей Своих благодатных даров, необходимых в деле достижения теснейшего единения с Ним. Он преподал Церкви, как уже было сказано, силу и власть через правильно поставляемое священство рождать и воспитывать наследников жизни посредством учения и Таинств.

Через богоустановленные Таинства человеку подается невидимая благодать Божия; он получает от Бога все то, что необходимо ему для духовно-нравственного возрожденияя и спасения (1:1). Святитель Тихон в своих творениях дает краткую характеристику семи Таинств, описывает их содержание, показывает их значение и те условия, которые должны соблюдаться как совершителями, так и приемлющими св. Таинства. Подаваемые в Таинствах благодатные дары Святого Духа свидетельствуют о любви Бога к человеку и являются целебным средством в деле его спасения. Но для того чтобы они стали поистине спасительными, необходимо соблюдение, по словам святого Отца, четырех условий, без которых не могут совершаться Таинства. Первое условие заключается в том, чтобы священник был правильно рукоположен. Второе – в правильном соблюдении вещества Таинства (для крещения должна быть вода, для Евхаристии – хлеб и вино и т. д.). Третье – в правильном произнесении формулы Таинства. И, наконец, четвертое условие заключается в том, чтобы как совершитель, так и приемлющий Таинство имели в своем сердце искреннее желание и стремление к его совершению и принятию (1:1—2).

Говоря о важности и необходимости всех Таинств в деле спасения человека, Святитель большое внимание уделяет в своих творениях таинству Крещения, посредством которого каждому человеку открывается путь ко спасению и он вступает в общение со Спасителем мира и Его Церковью. Только тот, кто принял Таинство св. Крещения во Имя Святой Троицы, становится членом Церкви Христовой, становится родным Богу и "сожителем святых" (5:197). В Крещении человек омывается от скверн греховных, умирая для греха, и оживотворяется благодатию Святого Духа, и поэтому святое Крещение "есть новое, духовное, святое, второе рождение..." (3:234). Если в плотском рождении все люди рождаются во грехе, как чада Адама, то в Таинстве Крещения человек рождается духовно от Бога (2:93) и облекается в нового Адама – Христа (3:402), даровавшего Своей Церкви эту "таинственную пакибытия нашего баню, которою мы осквернении омываемся, и умершие оживляемся, и погибшие спасаемся, и обетавшие и истлевшие обновляемся, и отлучившиеся от Бога к Богу паки возвращаемся... и делаемся вечного Его

Царствия наследниками" (4:243; 3:234; 3:402). Это рождение — выше естественного, потому что в нем восстанавливаются все те духовные силы, которые были в Адаме до его грехопадения. По мысли Задонского Святителя, здесь очищается "сердце, мысли, разум, воля, хотения", и человек становится новым творением во Христе (3:56; 4:296), рожденным "свыше... от Бога", становится сыном Божиим по благодати (3:462).

Объясняя процесс духовно-нравственного возрождения в Таинстве Крещения, святой Отец говорит, что в Крещении человек "освобождается от духа нечистого и темной его власти (3:38) и обручается "Небесному Жениху – Христу, яко девы чистые" (4:298). Спаситель мира, вступая в союз с душой крещаемого, умерщвляет в ней все ветхое и греховное и "не поминает его прежних грехов и беззаконий, оставляет ему всякое законопреступление, праведный гнев, который на него имел...; совлекает с него смрадное греховное рубище, омывает водою чистою, одевает прекрасною оправдания Христова порфирою, делает его сыном Своим" (4:32). В таинстве Крещения человек снова вступает в завет с Богом (3:56), получает залог духовного восстания и воскресения (3:233), наследие будущей блаженной жизни со Христом (3:56, 4:296). Только Крещение возрождает в человеке образ Божий, помраченный грехами после преслушания Адама (5:198). В этом спасительном Таинстве Господь сообщает человеку первоначальные дары, и вновь рожденный "записывается в службу Христову и обещается Ему, с Отцем и Духом верно работать, повеления Его слушать и исполнять" (3:36). Другими словами, крещаемый становится живой частицей организма церковного, живущего Божественной жизнью Христовой.

Таким образом, в таинстве Крещения каждый человек прививается ко Христу, как ветка к виноградной лозе, но спасается далеко не каждый – по той причине, что хотя Крещение и очищает нас от греха и изглаждает нашу виновность пред Богом, так что мы становимся оправданными и святыми пред Ним, однако совсем не искореняет нашу наклонность ко греху. Ведь человек и после Крещения живет в этом мире, который, согласно Священному Писанию, "весь во зле лежит" (1 Ин. 5, 19); следовательно, это зло пленяет, а иногда и уводит "на страну далече" (Лк. 15, 13) вновь родившегося в купели Крещения.

Вот почему святой Отец призывает всех христиан к исполнению своих обетов, данных при святом Крещении. "Духовное и новое рождение, в котором христианин родился водою и Духом, – говорит он, – требует от него духовных плодов. Как плотское, так и духовное рождение имеет плоды... Человек естественный, ...когда живет, не празден пребывает, но живности своей знаки оказывает. Например, чувствует, видит, слышит, говорит, ходит, ест, пьет и прочее. Тако и новому человеку внутреннему, когда живет... должен оказывать знаки живности своей, которые новому духовному рождению и новой духовной жизни приличествуют" (3:235). Только тот может пребывать в благодатном общении со Христом и достигнуть вечного спасения, кто в продолжение всей жизни сохраняет верность своему высокому званию, борется и подвизается против зла. Притом эта верность Богу и борьба со злом должна быть решительной и самоотверженной даже до смерти, и только в таком случае можно получить "Его милостивое обещание по реченному: "буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота" (Апок. 2, 10)" (3:37). На пути, ведущем ко спасению, кроме плоти и мирских соблазнов, по учению святого Тихона

Задонского, строит свои козни виновник всякого зла — диавол, который, хотя и не имеет над созданием Божиим той власти, какую он имел до Крещения человека, однако может склонить волю последователей Христовых к порочной жизни и тем самым сделать их узниками. Отсюда задача христианина — еще более вооружаться против духа злобы и не ослаблять своего подвига, но с еще большей ревностью подвизаться против его ухищрений и продолжать свое шествие спасительным путем (4:315). В духовной брани очень многое зависит и от самого человека. Он может или стать на сторону добра, удаляя из своего сердца все порочное и Богу противное, или обратить свой взор к "чуждему богу", помрачая и оскверняя своего внутреннего человека греховными пожеланиями и делами. Сердце человека подобно сосуду, который можно наполнить всем, чем угодно — и прихотями мирскими, и любовью к Богу. Святой Отец пишет о христианах, которые уклонились на сторону греха: "Тако не пользует крещение христианам, которые сердцами своими обращаются к миру, как Египту, и работают похотям плоти своея, любят честь, славу, богатство и прочую мира суету, и то все, как бога своего, имеют и почитают. Все бо то человеку вместо Бога есть, к чему он сердцем своим приложился" (3:37—38).

Продолжая свою мысль о греховно живущих христианах, Задонский Святитель на основании слов Священного Писания: "И отбегше сквери мира в разум Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, сими же паки сплетшеся, побеждаеми бывают " (2 Петр. 2, 20) — говорит, что "заблудший и развращенный христианин горший бывает язычника честного... и тако где нечистый един дух был, тамо уже седмь духов нечистейших в беззаконие живут, чего ради бывают ему последняя горша первых" (Лк. 11, 26)" (3:38). В другом месте он, приводя слова апостола Петра, подчеркивает: "Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшим возвратиться вспять от преданныя им святыя заповеди. Случится бо им истинная притча: пес возвращся на свою блевотину, и свиния омывшися в кал тинный (2 Петр. 2, 20—22)" (3:38).

Таким образом, по учению святого Отца, святое Крещение может быть только тогда эффективным и спасительным, когда человек, принявший его, будет проводить свою жизнь согласно данным им обетам, т. е. прилагать все свои усилия и стремления к богоугодной жизни, посредством которой он сможет, с помощью Божией, победить диавола и навеки соединиться со своим возлюбленным Спасителем.

Как уже было сказано выше, хотя человек и получил в таинстве Крещения начало облагодатствованной, новой жизни во Христе, однако ему необходимы и другие благодатные действия Божии, которые способствовали бы его духовному росту и теснейшему единению с Творцом. Эти благодатные действия человек получает в ограде церковной через последующие Таинства. Так, в Таинстве Миропомазания на христианина обильно изливаются силы, укрепляющие его на пути, ведущем ко спасению. На вопрос: "Что есть Миропомазание?" святой Отец отвечает, что оно "есть тайна, в ней же дается нам сила через Духа Святого, да возможем твердо исповедати имя Христово и веру православную" (1:2). Миропомазание, совершаемое сразу же за Крещением, ясно свидетельствует о том, что каждый крестившийся имеет нужду в дальнейшей Божественной помощи для укрепления и совершенствования в добродетельной жизни, начало которой положено святым Крещением. "Че-

ловече! – восклицает Святитель, – дорог ты Богу еси... Почтил тебя так Бог: сердечно и ты почитай Бога... Дивную благость и любовь излил на тебя Бог (4:28). "Якоже бо телу жизнь есть душа, тако душе есть благодать Божия" (2:101). Далее Задонский Святитель, предупреждая совершителей таинства Миропомазания, учит, чтобы Святое Миро было не испорчено и притом правильно произносилась формула ("Печать дара Духа Святаго. Аминь") (1:2), что является необходимым условием совершения Таинства.

В своем труде "Сокровище духовное, от мира собираемое" святой Отец, сравнивая облагодатствованного человека с солнцем, освещающим собой всю поднебесную, говорит: "Когда солнце сияет на небе, все ясно бывает; всяк видит путь, по которому надобно идти и куда идти, что делать и чего уклоняться... Тако в душе бывает, которую Христос – Солнце праведное просветит. Таковая душа все ясно видит, познает прелесть и суету мира сего, познает добро и зло, порок и добродетель, вред и пользу, путь к погибели и путь, к вечному животу ведущий, исходит на дела Богу угодная и себе полезная. Таковая душа (имеет) на уме, как бы Богу, Создателю своему, угодить, и в числе спасаемых быть" (4:9). Однако несмотря на то что человек получил спасительные средства для укрепления своих душевных сил и стал достойным наследником неба, дальнейший успех в духовном возрастании зависит от его свободной воли: сохранить путем доброделания благодать, полученную в таинствах Крещения и Миропомазания, или удалить ее своей порочной жизнью.

За человеческую душу ведут борьбу злой дух и мир со своими соблазнами. Христианин, хотя и получил от Бога благодатную помощь, может впасть в искушение и склонить свою волю на путь греха. Поэтому нужно еще богоустановленное средство, которое бы очищало человека от греховной накипи и снова воссоединяло его с Источником жизни – Богом. Таким средством является таинство Покаяния. Сущность его, по учению Святителя, заключается в том, чтобы грешник имел в своем сердце "жалость и болезнь о грехах, по крещении содеянных, яже через нелицемерное и истинное исповедание и сокрушение сердца, через разрешение иерейское отпущаются" (1:2; срав. 4:34). Это спасительное Таинство установлено Искупителем мира словами: "Елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех" (Мф. 18, 18). Действительность Таинства, по мысли святого Отца, зависит как от совершающего, так и от приемлющего его. "Исповедание также имать быти пред духовным отцом православным, зане еретик и отступник не разрешит кающагося от грехов" (1:3). Святитель указывает также на необходимость правильного произнесения формулы, без чего Таинство, как таковое, не может быть спасительным (1:1). Пресвитерам он дает следующее наставление относительно Таинства: "Когда при исповеди приметишь у исповедающегося сокрушение сердца и печаль за грехи: хорошо; Богу благодарение! А ежели не приметишь в нем того желания и сокрушения сердечного, то всячески старайся к тому его привести" (1:7). Что касается самого исповедающегося, то от него требуется соблюдение следующих условий: во-первых, он должен "подробно и по единому" объявлять свои грехи пред священником (1:3); во-вторых, иметь искреннее сокрушение во грехах и твердое намерение не возвращаться больше к ним (5:161; срав. 1:3). Искреннее раскаяние способствует удержанию в душе чело-

века Божественной благодати, которая укрепляет волю кающегося в добре и постепенно перерождает его для вечной блаженной жизни (4:341). Искренне принявшие это таинство Покаяния всегда ощущают в своем сердце внутреннее успокоение и облегчение от греховной тяжести. Вот почему каждому христианину следует как можно чаще приступать к его врачебной силе.

Очистившись от греховной скверны в таинстве Покаяния, человек может соединиться самым теснейшим образом со своим Спасителем в таинстве святой Евхаристии, без которого, по словам Искупителя, нет спасения. "Аще не снесте Плоти Сына Человеческаго, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный, и Аз воскрешу его в последний день" (Ин. 6, 53—54).

Следуя наставлению Божественного Учителя, Задонский Святитель в своих творениях также указывает на важность и необходимость этого Таинства в деле спасения человека. Он говорит, что "Евхаристия есть тайна, в ней же дается нам истинное Тело и истинная Кровь Христа Бога нашего, под видом хлеба и вина, в ней же истинно и господственно присутствует существенно Иисус Христос" (1:3—4).

Святитель выдвигает и требования, необходимые для действительности этого святого Таинства: во-первых, священник должен быть "законно хиротонисанный" (кроме такового, никто не может совершить это Таинство); во-вторых, хлеб должен быть чисто пшеничный, квасный, вино — чисто виноградное, не кислое, ни с чем не смешанное (на проскомидии, по уставу Церкви, в него должно быть влито лишь небольшое количество воды); в-третьих, престол или же антиминс, на котором совершается святая Евхаристия, должен быть освящен архиереем; и, наконец, в-четвертых, священнослужитель должен с сердечным участием, с искренним благоговением, глубокой верой произносить совершительные слова: "И сотвори убо хлеб сей Честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей Честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым". "Тогда хлеб и вино, — заключает Архипастырь, — прелагаются в истинное Тело и в истинную Кровь Христа действием Святого Духа" (1:4). Эта тайна по своему существу непостижима не только для ума человеческого, но и для небесных сил, желающих проникнуть в нее (1:64). В Божественной Евхаристии под видом хлеба и вина присутствует "Сам Спаситель" и "Дух Святый на предложенные Святые Дары снисходит, священнодействие совершает, молящихся освящает" (1:64). Святые Тайны сообщают человеку новое жизненное направление, новый образ бытия — вечное начало. Причащающийся умирает для греха, чтобы воскреснуть со Христом... "Аще же умрохом со Христом, — говорит апостол Павел, — веруем, яко и живи будем с Ним" (Рим. 6, 5).

Эта Божественная пища является для христианина залогом бессмертия и нетления. Кроме того, душа его начинает "быть жилищем Божиим и храмом Святого Духа; сподобляется иметь общение со Отцем и Сыном Его Иисусом Христом, быть чадом Божиим верою о Христе Иисусе" (5:350). Вот почему святой Отец в своем труде "Сокровище духовное, от мира собираемое" восклицает: "О, коль велико дело сие! Коль велика благость Божия! Коль велико и почтение к человеку! Человек, земля и пепел, Тела и Крови Божественной касается!" (4:186).

При благоговейном причащении Святых Тайн человек ощущает в своей душе духовно-благодатные дары, подаваемые ему свыше от Иску-

пителя. Он испытывает при этом внутреннее умиротворение и спокойствие духа (5:195,281). Такое благодатное состояние причастника объясняется прежде всего тем, что Спаситель мира дарует ему оставление грехов. "Божественная Кровь Христова, — говорит Святитель, — всякие грехи заглаждает" (5:292). Достойно принятые Святые Дары удаляют из души христианина все греховное и порочное. Они действуют в душе человека как Божественный огнь, попаляющий все терния прегрешений. Если до принятия Святых Тайн человек находился под бременем страстей и пороков и даже смерти, то после принятия их он обновляется и воскресает для новой, благодатной жизни в Боге. Однако такое спасительное действие Святое Причастие производит при условии, если христианин принимает его с глубокой сердечной верой. Тогда он, подобно кровоточивой жене, получит исцеление душевное, и "исцелится немощь, и иссякнет источник пагубных страстей.., мучащих душу" (4:139). Причащаясь Тела и Крови Христовых, человек самым теснейшим образом соединяется с Источником жизни и становится один дух с Ним (1 Кор. 6, 17). Как Сын Божий полностью воспринял человеческую природу и воссоединил ее с Божеством, так и причащающиеся Его Тела и Крови принимают в себя Божественное Существо и соединяются с Ним. Святые Тайны служат христианам во "освящение, просвещение, обновление, радость и утешение" (5:195). Небо с его благодатной жизнью водворяется в сердцах верных, и постепенно благодать Святого Духа возводит достойных причастников на такую степень одухотворенности и святости, что они уже здесь, живя на земле, предощущают в своих сердцах начало жизни вечной, блаженной. Призывая христиан к достойному причащению Святых Тайн, святой Отец весьма сокрушается и о тех, которые лишают себя этого спасительного Таинства. "Горе людям тем, — говорит он, — которые хлеба и воды не имеют; ибо от глада и жажды истаивают и умирают: наипаче горе тем душам, которые лишаются Хлеба животного, Иисуса Христа; ибо от глада истаивают и имут умрети... Души истинное брашно и питие есть Христос. Сим брашном и питием она оживляется и живет; без сего брашна и пития изнемогает и умираст" (4:132).

Задонский Святитель не упускает из виду и такой важный момент, как необходимость тщательного приготовления к принятию Святых Тайн. Эту необходимость достойного участия верных в святой Евхаристии он подтверждает словами апостола Павла: "Огнь бо есть недостойныя попаляя. Да искушает же человек себе, и тако от Хлеба да яст, и от Чаши да пиет. Ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая Тела Господня" (1 Кор. 11, 28–29) (4:186). Кто приступает ко Святой Чаше недостойно, тот пренебрегает жертвенной любовью Божией и тем самым попирает святыню Тела и Крови Христовых, "ест и пиет, по слову Апостола, в осуждение себе" (1 Кор. 11, 29). Приготовление к принятию Святых Тайн должно заключаться прежде всего в уклонении от "всякого греха, как скверны, которая и душу и тело оскверняет" (5:293). В пример благоговейного отношения к св. Причащению святой Отец ставит великих святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, которые "трепетали, приступая к такому таинству" (5:293). Человек, отвергающий святое Причастие, удаляется от Бога и пребывает в духовной смерти, но не менее опасно поступает тот, кто приступает к Святой Чаше без должного приготовления (5:293). За недостойное при-

нятие Святых Тайн христианина, не раскаивающегося в этом, ожидает за гробом вечное мучение. Святой Отец в своих поучениях призывает таковых к истинному покаянию, дабы посредством его снова заслужить милость человеколюбивого Бога и обрести спасение. "Како Пречистое Тело Христово, – взывает Святитель к грешнику, – дерзнешь принять в руки твои.., которые хищением, граблением.., лихоимством, биением, нечистым прикосновением и прочим греховным калом оскверняешь? Како приимешь во уста Тело и Кровь Его святую, в те уста, которые злоречием, сквернословием, кощунством, буесловием, лукавством, лжею, язвительным укорением, руганием, поношением и прочим смрадом не престаешь наполнять? Как приимешь Христа в сердце твое, которое злобою, лукавством, ненавистью, нечистой похотью, сребролюбием, лихоиманием и прочим злом преисполнено?" (3:271).

Таким образом, для теснейшего единения со Христом в св. Евхаристии еще недостаточно называться христианином. Нужна еще жизнь святая и богоугодная. Без очищения от греховной скверны, без окончательного оставления греха весьма "опасно... и страшно приступать" к принятию Божественной Пищи (3:266; 3:257).

Мало того, христианин должен не только с чистой совестью приступать к Святой Чаше, но и после принятия ее строго следить за своими мыслями и поступками, направлять свой духовный взор к спасительной пристани Христовой, в которую, по словам Священного Писания, "ничто не может скверное внити" (Откр. 21, 27). В своих поучениях Святитель призывает причастников удаляться от греха, "как змия, который душу угрызает" (1:109). Принимая достойно это величайшее Таинство, человек спасает свою душу от духовной смерти; она осеняется и одухотворяется благодатной силой Святого Духа, необходимой в борьбе с грехом, мирскими соблазнами и диаволом. Таким образом совершается внутреннее, таинственное единение души со Спасителем, и этот союз любви уже не в силах разрушить "ни смерть, ни жизнь, ни скорбь, ни горе, ни гонения (Рим. 8, 35, 38). Такой человек может сказать словами апостола Павла: "Живу же не к тому аз, но живет во мне Христос" (Гал. 21, 20).

Все вышеизложенные Таинства своими благодатными средствами возрождают человека, одухотворяют и воссоединяют его самым теснейшим образом с Источником Жизни – Богом. Без принятия их никто не может освободить свою душу от греховной как прародительской, так и личной скверны; отсюда – без них невозможна духовная жизнь, без них нет освящения, а значит, и нет спасения (Ин. 3, 3; 6, 53; 20, 23).

Остальные три таинства – Брак, Священство и Елеосвящение – распространяются не на всех христиан. Так, таинство Священства дается Богом через Церковь посредством епископского рукоположения только достойным лицам, проводящим свою жизнь свято и богоугодно, не имеющим никаких канонических препятствий к его принятию.

В таинстве Священства христианин получает власть тайно действовать, учить и направлять верующих по пути ко спасению. Указывая на богоустановленность, высоту этого Таинства, святой Отец говорит, что "Священство есть тайна, в нейже через архиерейское рукоположение дается от Бога власть особенная иерееви служити и действовати чиновне Божественные Тайны" (1:4). Полноту духовной власти Спаситель непосредственно передал Своим апостолам, а они, в свою очередь, облекли

этой властью епископов, которые также обладают всей полнотой благодатно-иерархического апостольского служения. Им именно и дана власть рукополагать пресвитеров и диаконов. К носителям священного сана святой Отец предъявляет следующие требования: "Лице приемлющаго тайну сию... да не имать быти двоженец, или вдову приемший. Да не будет от явна блуда рожденный. Да не будет осквернен грехом зело мерзким, паче же явным или ведомым от многих; да не будет осквернен человекоубийством... Да иметь разум довольный, вежество и благоразумие к строению Божественных тайн. Да имать свои уды целы, яже суть нужны на сие дело, сиречь не будет слеп или глух и прочее, по правилу 78 святых Апостол" (1:5).

Таинство Брака – благословение Божие вступающим на путь семейной жизни – есть таинственный союз мужа и жены во образ союза Христа с Церковью. Цель брака как Таинства – закрепить союз любви супругов, сделать его духовным, священным. В нем подается брачующимся благодать Святого Духа, освящающая и помогающая им в деле рождения и воспитания детей. Брак, правильно совершенный, остается в силе до конца жизни супругов. Условием истинности этого Таинства святой Отец считает "обоих согласие принятия с собой супружества, и хранение между собой любве, во еже не оставити единому другого до конца жизни своея" (1:4). Это условие одновременно является высшей целью брачного союза, объединяющего двух лиц воедино. Святитель дает и наставления, каким образом следует готовиться к принятию этого Таинства и в каком случае оно не может быть совершаемо. "Хотящие внити в супружество да уготовят себя благочестивыми делы, и да исповедятся грехов своих, и да причастятся Божественных Тайн, за три или четыре дня пред венчанием". Кроме этого, брачующиеся должны иметь "правое намерение, во еже сочетатися не скотски и не ради плотского угодия, но дабы род человеческий к славе Божией умножился, по благословенному рождению и по благоугодному чадовоспитанию". Святитель Тихон указывает и препятствия к вступлению в брачный союз. К таковым относятся: духовное и плотское родство, вступление в брак не по своему согласию, а по принуждению (1:4), четвертый брак, а также великовозрастность или маловозрастность одного из брачующихся (1:18). Таким образом, таинство Брака имеет своей целью одухотворить брачующихся и тем укрепить в их сердцах единомыслие, шествование святым путем для достижения своего спасения.

Не менее важным Таинством в деле спасения и исцеления духовно-телесных немощей человека является Елеосвящение. Оно, как и все другие Таинства, имеет Божественное установление. Спаситель мира, посылая Своих апостолов на проповедь, заповедал им исцелять всякую болезнь и немощь в людях (Мф. 10, 1), и апостолы, по заповеди Христа Спасителя, "мазаху маслом многия недужныя, и исцеляваху" (Мк. 6, 13). Эту власть святые апостолы по вознесении Сына Божия на небо передали Церкви Христовой в лице ее священнослужителей. Святой Отец, опираясь на слова апостола Иакова: "Болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковныя, и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне: и молитва веры спасет болящаго" (Иак. 5, 14–15), говорит, что "Елеосвящение есть тайна, в нейже через помазание елеом, освященным через молитву иерейскую, дается больным оставление грехов, спасение души и здравие тела" (1:5). Для совершения этого

Таинства, в согласии с церковными правилами, как говорит святой Отец, требуется седмеричное число священнослужителей, выражающее полноту Божественных дарований, хотя и не отрицается им — в крайнем случае — и меньшее число священников. Принимающему таинство Елеосвящения Святитель прежде всего советует очистить свою душу посредством таинства Покаяния. Большое значение святитель Тихон придает совершительным словам: "Отче святый, Врачу душ и телес...", по произнесении которых "тайна сия совершается" (1:5).

Таким образом, посредством семи святых Таинств, преподаваемых Православной Церковью, христианину сообщается благодатная сила Святого Духа, освящающая и укрепляющая его на всех путях земного странствования, начиная от колыбели и до могильного холма. Вот почему Святая Церковь Христова является единственной благодатной врачебницей, в которой ее духовные члены получают от Любвеобильного Отца Небесного все необходимое для своего спасения.

4. БЛАГОДАТЬ БОЖИЯ И ЕЕ СПАСИТЕЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Божественная благодать, обильно изливаемая на верующих в святых Таинствах, является той особой силой Святого Духа, которая даруется христианину ради искупительного подвига Христа Спасителя и которая совершает духовное возрождение верующего человека. Эта Божественная сила помогает христианину на каждом шагу его земной жизни, как и говорит Господь Иисус Христос: "Без Меня не можете делать ничего" (Ин. 15, 5).

По учению святителя Тихона Задонского, эту "благодать и милость заслужил нам Единородный Сын Божий, подает нам туне Небесный Отец, совершает Дух Святой" (4:296). Именно в великом деле искупления Иисусом Христом рода человеческого от диавола, ада и смерти открылась непостижимая благодать Божия (5:154).

Благодать есть акт величайшей любви Бога к грешному человеку. Она подается ему только по благости Божией, и на человека, жаждущего спасения, изливается подобно текущей реке или живоносному источнику (4:352). Без благодатной помощи и поддержки Своего Создателя человек не может прожить ни единой минуты (5:285; 2:182). Сила благодатной помощи в деле спасения человека настолько велика, что ей отводится в этом деле первенствующее место. Она помогает человеку в борьбе с демонами, удерживает его от греховных действий, содействует в победе над страстями. Кроме того, она не только споспешествует христианину на всех путях его жизни, но и помогает в приобретении добродетелей (2:305). Без ее спасительного действия душа бывает нищей, слепой и болезненной (2:118; 2:23). Для человека, ищущего спасения, благодать Господня является основной пищей, подкрепляющей его духовные силы. Как пища служит вернейшим средством для поддержания физических сил человека, так и благодать питает и оживотворяет бессмертную душу (4:330; 5:163). Благодать Божию можно уподобить также одежде, согревающей и покрывающей душевную наготу человека (2:106). Однако действие благодати Божией зависит от состояния души христианина. Если человек ведет греховную жизнь, то благодать не может пребывать в его душе. Такую душу можно уподобить мертвому телу, которое не только остается без движения, но и разлагается и издает зловонный запах

(2:101, 118, 235). Лишенный благодати, человек становится духовно-бессильным в борьбе со грехом. Всякое его старание будет оставаться тщетным до тех пор, пока не приидет к нему Божественная помощь (5:166), сила благодати, напояющая душу живительными соками, подобно тому, как соки лозы оживляют ветви дерева (4:41–42). Только при содействии благодати в душе христианина смогут быть восстановлены те нравственные нормы и принципы, которые были присущи ей до грехопадения.

Таким образом, благодати Божией отводится в деле спасения человека первенствующее место, однако она проявляет свое действие только тогда, когда сам человек откликается на ее призыв (2:386). В этом случае Божественная благодать помогает человеку в преодолении греховных привычек и направляет его духовные силы к добродетельной жизни (4:330). Поэтому каждый христианин должен добрые дела не себе приписывать, но Богу, помогающему и спасающему, должен непременно благодарить Его в эту благодатную помощь (3:359).

Человек по своей природе бывает удобопреклонен ко греху; победить же немощь своего естества он может только при помощи благодати Святого Духа, которая способна провести христианина через горнило борьбы как с врагом нашего спасения – диаволом, так и с внешними искушениями, очистить его душу от страстей, от привязанности ко всему плотскому и чувственному, внутренне укрепить в добродетельной жизни и сообщить ему силы для исполнения заповедей Божиих (3:230–231, 239). Без благодатной силы Божией легко христианин поддается всевозможным соблазнам и греховным преткновениям. Человек на жизненном пути бывает подобен лодке, уносимой течением реки и для движения против течения нуждающейся в сильных гребцах или в парусе с попутным ветром (4:329).

Кроме того, христианин бывает постоянно подвержен влиянию злой силы, стремящейся умертвить его душу. И если бы Божественная благодать не укрепляла его и не побеждала эту злую силу, то христианин постоянно бы удалялся от своего спасительного пути (3:309).

Поскольку сердце человека является центром его духовной жизни, то благодать стремится действовать именно на этот орган, чтобы очистить, обновить и сделать его богоугодным сосудом (4:194). Без ее воздействия сердце само по себе остается бесчувственным и окаменевшим (2:103). Оно становится подобным холодному железу, которое не поддается молоту кузнеца до тех пор, пока его не бросят в раскаленное горнило. Но как только сердца коснется Божественная сила, тогда оно умягчается и становится чистейшим и Богу угоднейшим (2:103).

Благодать Божия стучится в дверь сердца каждого человека, призывая лежащего во грехах к покаянию (4:150). Эти спасительные призывы благодати проявляются различным образом; то через укорение совести, то через слышание слова Божия или же через жизненные испытания (2:233–235). Так постепенно благодать Божия пробуждает человека от греховного сна и направляет на путь покаяния (3:117). Человек начинает сопоставлять свою греховность и Божие милосердие, проявляемое к нему, и тогда начинает "печалиться и сердцем уязвляться, что он... Любителя своего оскорбил и прогневал... и тою (печалию. – *А. И.*), яко стрелою, уязвляется" (4:341). Печаль по Бозе, соединенная с благодатью, в корне изменяет все существо человека, направляет его по пути доб-

родетельной жизни (2:346), способствует приобретению в душе христианина страха Божия, смирения и молитвы. Под воздействием благодатной силы молитва христианина становится плодотворной, спасительной, богоугодной, подобной благовонному кадилу. "Такая молитва, хотя и краткая, но проходит небеса и входит во уши Господа Вседержителя" (4:342). Так постепенно благодать Божия ведет христианина к нравственному совершенству. И чем более его душа просвещается благодатным светом, тем более опытным и непреодолимым борцом становится он, тем яснее распознает добро и зло, добродетель и порок, истину и ложь (3:328). А это распознание добра и зла дает христианину возможность избегать греха и направлять свои духовные силы к стяжанию добра, к богоугождению, к пребыванию с Богом (4:340—341).

Возводя христианина на высшую духовную ступень, благодать Божия научает его быть милосердным, сострадательным не только к своим благожелателям, но и к недругам, приводит его в такое состояние, когда он "хотел бы всех, без изъятия, любве своея объятиями обнять и всех спасаемых видеть" (4:344). И чем более добродетелей приобретает христианин, тем более благодать возгорается в его сердце и мало-помалу овладевает всем его существом; в нем уже нет места для греховной скверны. Человек становится уже свободным во Христе Иисусе. Если он и подвергнется узам и всевозможным лишениям, духом он всегда свободен, потому что "духа бо поработить и связать никто не может" (3:169).

Итак, с помощью благодатной силы христианин постепенно восстанавливает в своей душе "чистейший и яснейший образ Божий" и становится сыном Божиим по благодати (3:88). В его сердце водворяются вожделенный покой, радость, веселие, свидетельствующие о предвкушении им блаженной жизни в вечности (5:35).

Но почему же благодать Божия сразу не приводит человека в такое состояние? Безусловно, своей всемогущей силой благодать может в одно мгновение изменить, очистить и обратить человека от греха к святости, но это было бы несогласно с Божественным определением о свободе человека. Как дар любви и милосердия Божия (2:75) она не действует на человека принудительным образом и не стесняет его свободу; она лишь побуждает к доброделанию, но не принуждает. По словам Апостола, она "споспешествует духови нашему" (Рим. 8, 16), ободряет, подкрепляет и "способствует нам в немощах наших" (Рим. 8, 26). И тот, кто не откликается на призыв благодати и не открывает своего сердца, "сам собою уже погибает" (4:277), так что спасение или смерть души человека зависят от того, как христианин откликнется на действие призывающей его Божественной благодати.

Для подтверждения своих рассуждений Отец Церкви воздействие Божественной благодати на человека сравнивает с солнцем, которое во всю поднебесную испускает одинаковую теплоту, но одни вещи от соприкосновения с ней размягчаются, как, например, воск, масло, а другие становятся еще более жесткими, как-то: глина, трава и т. д. Так и люди: "иные благодатию... умягчаются и творят покаяние, иные ожесточаются и погибают" (4:11; срав. 2:46). Человеческая свобода в процессе спасения не может быть пассивной. Человек должен отозваться на призывающее действие Божественной благодати и самостоятельно возжелать спасения своей души. Однако одного внешнего согласия его еще недостаточно для того, чтобы благодать начала свое очистительное действие в душе че-

ловека. С его стороны требуются многие усилия, усердие, "соизволение и послушание действующей благодати. Бог бо помогает трудящимся, а не лежащим. Просящим дается, ищущие обретают, толкущим отверзается" (3:68). Таким образом, христианин для своего спасения должен прилагать личные усилия, выражаясь словами Задонского Чудотворца, должен иметь "тщание человеческое" (3:182; срав. 2:386). Но, как показывает духовный опыт, человек чаще всего бывает глух ко всем призывам Божественной благодати (4:308), и причина такой глухоты, по мысли святого Отца, кроется в нерадении, духовной косности и греховной жизни человека. Если загорается дом, говорит Святитель, то человек созывает соседей и с большим усердием стремится угасить его; а утопающий в воде, чувствуя свою гибель, усердно просит людей оказать ему помощь. Но о гибели своего дома душевного, который подвержен греховному пламени и уже сгорает, беспечный человек не заботится (1:116). Попечение о своей душе — вот главное условие получения помощи свыше на трудном, но необходимом и единственном пути к небу, к теснейшему единению со Христом (5:313). Конечно, забота о том, чтобы воскресить при помощи благодати Божией и своих собственных усилий бессмертную душу, отрезвить ее от греховной спячки (2:153), простирается не на один год или два, а на всю жизнь. Как человек, совершающий путешествие в какой-то определенный город, не стоит на одном месте, но постоянно движется и стремится быстрее достичь его; так должен поступать и тот, кто шествует к Небесному Иерусалиму (2:57; срав. 5:268). И цель эта достигается не устным лишь исповеданием Бога, а исполнением Его святых заповедей. Хотя христианин и не отрекается от Бога словами, но он может отречься от Него своей порочной жизнью и даже неисполнением добрых дел (3:270). Внешний образ жизни не делает христианина достойным наград. Здесь требуется живая, деятельная вера. Только в этом случае он принесет добрые плоды (3:98). Чтобы "сделаться иным, как прежде был, не по естеству, но по внутреннему состоянию", нужен подвиг (5:326).

Последователь Христов, по мысли святого Отца, не может оправдывать свое нерадение неблагоприятными условиями жизни. Спасение возможно на всяком месте (4:355), и каждый верующий человек в любых обстоятельствах должен свою жизнь согласовывать с требованиями, какие предъявляет к нему звание христианина. Жизнь временная дана человеку для того, чтобы ею он приобрел вечную жизнь (2:34; 5:313). Христианин должен еще здесь, на земле, соединиться со Христом, чтобы земная его жизнь стала началом жизни небесной. Человек, не позаботившийся соединиться со Христом, по отшествии из мира сего будет уже не в состоянии что-либо сделать для этого, но "во веки пребудет без Бога" (2:77). Чтобы этого не случилось, по мысли Святителя, вопрос о спасении должен постоянно стоять в центре внимания христианина. Он обязан всегда и везде помышлять о вечности. И тогда его мысль, подобно горящей свече, станет показывать ему, от чего удаляться и к чему стремиться. И если христианин будет так проводить свою жизнь, то непременно ему будет помогать Всевышний Своею благодатью (5:264). Когда же он изменяет свое благое намерение и вместо добра избирает зло, вместо добродетелей делает порок, он отвращается от Бога (2:215). Душа, преданная своему Спасителю, никогда не отступит от Него. Такую душу Святитель сравнивает с ребенком, находящимся в объятиях матери.

Когда кто-либо из людей отрывает его от матери и старается унести, он крепко держится за нее и плачет. Точно так же бывает и с преданным воле Божией христианином, "хотя его тщится диавол и злой мир наведением бед, скорбей и напастей отторгнуть от Бога, однако (он) крепко держится Бога своего" (2:89). Чем более христианин приближается к Богу, тем более он ощущает в своем сердце благоухание Божественной благодати, которая помогает ему в совершении повседневных подвигов (3:148). На всех уровнях духовной жизни, даже самых высоких, от подвизающегося требуется постоянная ревность и усердие, возгревающее дар благодати, ибо всякое доброе дело увенчивается не в начале подвига, но в конце его (3:175).

Исправляя свое сердце и направляя волю к деланию заповедей Божиих, подвижник Христов способен не только избегать грубых грехов, но и побеждать злые помыслы, которые являются началом и корнем внешних греховных поползновений (3:226).

Но, ведя борьбу против порочных помыслов, он сознает, что даже и их преодолеть своими силами он не может, поэтому с твердой верой обращается к Богу за помощью и, по примеру Псалмопевца, воздыхает: "Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей" (Пс. 50, 12) (2:123).

Немаловажное значение для привлечения благодати в душу христианина имеет и его самопознание, которое именуется у святителя Тихона началом спасения (5:124). Христианин не в состоянии себя исправить надлежащим образом, если он не познает кроющегося в сердце зла, ибо как неопознанная болезнь пребывает неисцельной и приводит к смерти, так и скрытое зло, подобно смертоносному яду, грозит вечной гибелью (5:166).

Наилучшим путем к стяжанию благодати служит смирение. Господь посылает Свою милость на всех призывающих Его Святое Имя, но более всего Он изливает благодатные дары на смиренных сердцем. Как "воды обыкновенно с высоких гор на низкие места стекают, – говорит Святитель, – тако благодать Божия от Небесного Отца на смиренныя сердцем" (4:194; срав. 2:262; 4, 344).

Не менее важным условием для того, чтобы получить от Господа дар Божественной благодати, является христианское терпение, которое человек приобретает, упражняясь в богоугодных делах, подвигах и борясь с искушениями, воздвигаемыми врагом рода человеческого – диаволом (2:298).

Подводя итог сказанному, надо подчеркнуть, что истинно христианская жизнь возможна при наличии нераздельного взаимодействия Божественной благодати и человеческих усилий. Какую бы сторону христианской жизни святитель Тихон ни затрагивал, он всегда учит о том, что на пути ко спасению крайне необходима Божественная благодать, но для получения ее христианин должен принуждать себя к исполнению заповедей Божиих и покорять свое сердце, даже против своей воли. Милосердный Господь, желающий всем спастись, стучится Своею благодатью в сердце всякого человека, и от воли каждого зависит – откликнуться на этот зов или пренебречь им. Божие дело – ниспослать благодать, а со стороны человека – проявить согласие и готовность принять ее полной сердечной верой.

ГЛАВА V

Личное участие человека в деле спасения

1. ВЕРА

Христианская вера есть сознательное и свободное принятие и усвоение человеком евангельского учения о Боге Отце, Сыне и Духе Святом, о Божественной любви к падшему человечеству, проявившейся в искупительном подвиге воплотившегося Сына Божия. Источником спасительной веры являет Божественная благодать, которая влечет человеческие сердца к Богу. По словам Священного Писания, человек не может сам собой прийти к Небесному Отцу и уверовать в Его Единородного Сына. "Никтоже может приити ко Мне, – говорит Христос Своим ученикам, – аще не Отец, пославый Мя, привлечет его" (Ин. 6, 44).

Согласно Божественному Откровению, святитель Тихон учит, что "вера... есть дар Духа Святого" (3:11). Господь дарует людям веру как средство восприятия Божественных истин, непостижимых для человеческого разума. В связи с этим святой Отец дает следующее определение вере: "Вера есть тое, чего не видим или умом не постигаем, но веруем тако быти. Тако не видим Бога (хотя из создания мира познаем Его; но познание тое, яко несовершенное, вера совершает, и так более от веры, нежели от разума познаем), но веруем, что есть Бог, есть един. Не постигаем умом, како Бог един естеством, но троичен в Лицах, но веруем, словом Божиим наставляеми" (3:11).

Вера открывает человеку весь порядок Божия домостроительства нашего спасения, в котором он ясно видит свое место и назначение. Свет Христовой истины пронизывает глубины человеческого самосознания, обнажая греховные язвы человека, показывая глубину его падения и ненормальность его состояния. Поэтому святитель Тихон и называет веру "оком души", созерцающим истинное, безотрадное состояние падшего человека (5:57). Однако на этом не оканчивается, да и не может окончиться действие спасительной веры. Обличив греховность и самообольщение удалившегося от Бога человека, вера указывает путь спасения и открывает Виновника избавления от греха (1:196).

Евангельская вера есть прежде всего вера во Христа как Сына Божия: Бог Отец открыл Себя миру через Единородного Сына Своего, Который снизошел на землю ради спасения всего человечества. Поэтому никто не может быть спасенным и оправданным пред Богом без Ходатая нашего спасения – Христа. Только живой верой в Него человек может выполнить свое назначение. "Несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам" (Деян. 4, 12). "Никто не может от диавола, греха, клятвы законныя и ада избавитися без Христа, что в кратком сем слове Христовом заключается: аще Сын вы свободит, воистину свободни будете" (3:13).

Евангелие призывает человека верить в истинность учения Христова, призывает его следовать учению и жизни Спасителя мира как подлинному критерию добра, идеалу духовного совершенства. Евангелие предлагает всем жаждущим спасения познать истину во Христе, и Господь подает им в помощь для этого Свою благодать. Вера, таким образом, в начальной стадии своего развития есть познание истины во Христе: "Бог и Христос Сын Божий открывается и познавается" в слове Божием, дарованном людям. От истинного познания Бога в душе человека возгорается живая вера, без которой невозможно спастись (3:205).

Из вышеприведенного высказывания Святителя можно заключить, что под словом "познание" необходимо понимать само восприятие умом вещей, не подлежащих непосредственному наблюдению человека, рассудочное принятие евангельских истин на основании свидетельств слова Божия. Это "познание" есть начало истинной веры, так что вера необходимо предполагает знание, а знание переходит в веру. "Истинная вера и истинное богопознание суть неразлучны, то есть, где истинное богопознание, тамо и истинная вера; и где истинная вера, тамо и истинное богопознание" (3:76). Вера должна непременно соединяться с разумным познанием ее предмета, однако такое соединение веры и знания возможно лишь до определенных границ, которые определяются возможностями человеческого разума. Нисходя с неба как дар Божественной благодати, вера сообщает истины настолько высокие, что ограниченный ум человека не в состоянии их постигнуть. На этой ступени постижения Божественных Тайн вера подчиняет себе разум, ибо "вера... там нужна, где ум наш не постигает" (3:11). Невозможно постичь умом, например, такие догматические истины, как пресуществление в Святой Евхаристии благодатию Святого Духа хлеба – в Тело и вина – в Кровь Христовы, акт всеобщего воскресения мертвых, наличие в вечности благодатной жизни праведников и мучений осужденных грешников и другие. Все они относятся к области не разума, но живой, деятельной веры, утверждающейся на истинах слова Божия (3:11). "Без веры, – говорит святитель Тихон, – ни понять, ни говорити о будущих и невидимых не можем ничего" (5:49). Такая вера по своей сущности и происхождению является Божественным даром падшему человеку, который он должен тщательно сохранять и развивать.

Однако знание христианского вероучения и вера в истинность Божественных догматов сами по себе не могут даровать человеку спасение. "Едино верою познание Тайн святых и догматов православных, – пишет Святитель, – не довлеет ко спасению" (3:11). Не достаточно только знать о Боге и Его промыслительных действиях в мире. Уверовавший должен принять благовестие Христово всеми силами своей души, истины веры должны запечатлеться не только в его уме, но и в сердце, потому что "вера... святая не в наружности, но в сердце имеет место свое" (3:24). Такая вера одухотворяет все сердечные движения человека, побуждает его к личному участию в деле усвоения плодов спасительной жертвы Христовой. Проникая посредством сердечной веры в смысл спасительных Божественных Тайн, христианин начинает глубже понимать и сознавать беспредельность Подвига Сына Божия, который Он подъял ради спасения падшего человека, а также Его любовь и благодеяния, изливаемые и доныне на все человечество (5:12). Вот почему сердечное убеждение и удостоверение является фундаментом истинной и живой веры,

влекущей человека в таинственные сферы небесной жизни. Следовательно, чтобы истины веры были действенны и воспринимаемы умом, они должны прежде всего найти отклик в душе человека, запечатлеться в его сердце, вызвать желание жить во Христе и со Христом. Только в таком случае христианин сможет правильно вести корабль своей души к тихому пристанищу — спасению.

Без живой веры в Бога, которая способна обновлять дух человека и побуждать его вести борьбу с грехом, христианин становится ветхим человеком и уже неспособен к богоугодной жизни (3:181). Вера является основанием деятельности человека, началом и двигателем его духовной жизни. Святитель Тихон сравнивает веру с корнем растения: как малое растение, укрепившись посредством корня, начинает возвышаться над землей и, наконец, превращается в большое дерево, приносящее обильные плоды, так и христианин, имеющий в своей душе веру, способен расти духовно, покорять плоть духу и восходить от силы в силу по пути, ведущему в жизнь вечную (3:28).

Как движущая сила нравственного роста христианина, вера непременно проявляется во всех его внешних действиях и поступках, а наипаче в добрых делах, которые называются Святителем плодами живой веры (3:237). Своим выражением вовне истинная вера как бы охватывает всю личность человека, всю сущность его внутренней жизни и внешнего поведения.

Совершенство веры имеет теснейшую связь с внутренним, духовным преуспеянием христианина. Совершенная вера подвигает все существо человека к стремлению жить по началам Божественных заповедей, устремляет все его силы ко Христу и полному послушанию Его всесвятой воле. Поэтому духовное совершенство христианина, его спасение немыслимо без совершенной веры. По словам святителя Тихона, "чем более вера в человеке углубляется и умножается, тем более человек духовно растет, возносится и тем множайшие плоды духовные произрастает" (1:68). И в другом месте он говорит: "Чем более вера растет, тем более успевает верный. Что у древа ветви, листия и плоды, то у верного человека дела, слова и помышления" (3:28). Добрые дела, таким образом, важны не сами по себе, они не могут являться самоцелью, но должны иметь неразрывную и живую связь с верой, одухотворяться ее влиянием. По законам духовной жизни, добрые дела раскрывают и укрепляют веру, делая ее все более и более действенной и совершенной (3:28—29).

Такая совершенная вера соединяет душу верного со Христом, как невесту с женихом (3:19); она привлекает к нему благодатные дары Святого Духа (5:286), соделывает радость и утешение в сердце (1:108). Устремляя все существо человека к Богу, к вечной и непреходящей жизни, благодатная вера открывает христианину глубину истин Божественного Откровения, ибо она "понимает все во святом Божием слове открытыя тайны" (1:155).

Вера же научает христианина сохранять благочестие и быть добродетельным в любых жизненных условиях. Нет таких жизненных обстоятельств, в которых бы не проявлялось благотворное влияние веры. В богатстве она делает человека благотворительным, в житейских радостях — воздержанным, среди почестей предохраняет от гордости. Вера утешает в скорбях, помогает в болезнях, дает терпение в страданиях (3:18; 1:71). Вера, наконец, "от грехов и суеты мира отвращает" (4:375),

дает силу и крепость подвизаться против сатаны и слуг его (3:443). Эту силу и крепость она "получает от Христа Сына Божия, на Котором, яко на твердом и непоколебимом основании, утверждается" (3:443).

Истинная вера, усвоенная умом и сердцем, воспринятая всем существом человека, является всеобъемлющим руководствующим принципом жизни христианина, проникает все силы его и способности. На этой стадии своего развития вера оказывает решительное влияние на волю человека. Это влияние проявляется в акте сознательного и свободного устремления верующего по пути к вечности. Христианин становится независимым от всего греховного, чуждого и враждебного его подлинно богоподобному существу. Она "свобождает верующего от греха, смерти, клятвы, ада, диавола и прочего бедствия, и делает его духовно свободным... Ибо духа никто не может поработить, пленить, связать, заключить, умертвить. "Идеже бо Дух Господень, ту свобода" (2 Кор. 3, 17) (3:17).

Указав в своих творениях на значение истинной веры, святой Отец следующим образом определяет ее сущность: "Примечай, кому Бог помощь Свою подает и кого спасает? Которые правы суть сердцем. Кто суть правы сердцем? Ответ: которые чистосердечно обратилися, и веруют в Него, и в новости жития ходят, воли Его последуют и угождают Ему всем сердцем, – сим помощь Свою подает Бог, сих и спасает" (1:205). Иными словами, только живая и деятельная вера, приносящая достойные плоды христианского благочестия и послушания Божественным заповедям, угодна Богу. Такая вера является основанием истинной, богоподобной жизни христианина, которая есть предвестник его будущего прославленного состояния в Царствии Отца Небесного.

Определив сущность спасающей веры, ее значение в духовной жизни человека, богомудрый Святитель, подвигнутый пастырской заботой о спасении людей, не оставил без внимания и отрицательную сторону рассматриваемого вопроса.

В одном из своих наставлений он пишет, что вера, "которая только на устах носится, а не в сердце" (2:89), является "ложной и прелестной", и потому она не может спасти человека (2:73). И те, кто имя Божие исповедуют, посещают храм Божий, но не живут по вере, не могут называться христианами (3:100).

Человек, в котором нет истинной и живой веры, подобен ходящему во тьме. Такие люди не "распознают одной вещи от другой; ...не разделяют добра от зла, не различают пользу от вреда, падают от греха во грех" (4:9). Как плодами живой и деятельной веры являются христианские добродетели, так плодами ее оскудения бывают порочные склонности и дела (2:57). Раскрывая причины оскудения веры, Святитель указывает, что этот духовный недуг зарождается в уме и сердце человека. Мера оскудения веры, как правило, определяет и степень греховного падения христианина. "Когда в человеке вера совсем оскудеет, – пишет святой Отец, – человек совсем испортится... Плоды его суть таковы, каков он внутрь имеется: ум его преисполнен мыслями неподобными, суетными, скверными" (1:69). После полного оскудения веры христианин становится неспособным шествовать спасительным путем; уклоняясь в сторону зла, он совершенно умирает духовно и начинает служить не Богу, а диаволу. В таком состоянии ум человека бывает постоянно преисполнен скверными и нечистыми мыслями и пожеланиями. "От сердца

исходят всякия похоти и вожделения, растленному естеству угодныя... И так все его уды суть орудия к беззаконию, весь таковый сделается грехом: беззаконие мыслит, беззаконие говорит, беззаконие делает" (1:69).

Как показывает святитель Тихон, оскудение веры происходит от внутренней холодности и равнодушия, нерадения и нежелания возгревать дар веры. А там, где нет живой веры, нет Христа, нет, следовательно, и спасения (1:108). Вот почему "надобно веру беречи более, нежели живот свой; и живот бо свой должны за веру положить" (1:108). Для этого все ищущие спасения должны сохранять и укреплять в своей душе живую и деятельную веру во Христа и не исполнять греховных вожделений плоти, не прилепляться сердцем к мирским вещам, славе, богатству и почестям временной жизни. И если внешние греховные увлечения способствуют охлаждению в душе христианина веры в Бога, то тем более следует остерегаться еще более пагубных внутренних привычек, т. е. нечистой похоти, "гнева, злобы, зависти, ненависти, гордости и прочих" (3:192). Все эти страсти разрушают союз человека с Богом, окончательно уничтожают веру и, наконец, удаляют его от Источника жизни – Бога.

Вот почему каждый христианин должен проявлять постоянные усилия для укрепления веры. Эти усилия в первую очередь должны быть направлены на раскрытие природных свойств человеческой души, каковыми являются совесть и страх Божий. Святитель увещает христиан всегда иметь чистую совесть, ибо "вера в чистой совести любит почивать и без совести чистой быть не может" (5:284). Кроме того, он призывает христиан постоянно поддерживать в себе чувство страха Божия и ту внутреннюю жажду ведения Тайн духовного мира, которая живет в богобоязненной душе (3:134). Человек богобоязненный не будет равнодушен к познанию законов духовной жизни, а жаждущий истины и боговедения не удовлетворится начальными познаниями в области веры, но доведет их до сердечного убеждения (5:12).

Искренняя и живая вера в Искупителя неразрывно связана со смирением, которое есть плод покаянного обращения к Богу, сердечной скорби и печали о содеянных грехах. Только глубокое сознание греховности приводит человека к истинной вере, подающей душе живое и действенное утешение (3:134).

Важным средством, укрепляющим веру, является также чтение Священного Писания (3:188), которое насыщает душу христианина небесной пищей, побуждает к постоянному трезвению и борьбе с греховными наклонностями и врагом нашего спасения – диаволом. От частого чтения или слышания слова Божия вера укрепляется, растет и приносит обильные плоды на ниве сердца (1:185; 3:21). Но такое благотворное воздействие на душу слово Божие оказывает только тогда, когда оно воспринимается со вниманием и с целью духовного назидания и исправления. Только в таком случае оно будет способствовать прочному водворению веры и доброй нравственности в душе христианина. Кроме того, чтение Священного Писания, по учению святого Отца, должно соединяться с молитвой. Если вера есть дар Божий, то сохранить этот дар можно только с Божественной помощью, испрашиваемой в молитве (3:188). С молитвой неразрывно связано богомыслие, которое есть благочестивое размышление о тайнах Божественного домостроительства, Премудрости, благости, любви Божией к падшему человечеству. Такое благочестивое размышление оказывает самое благотворное влияние на душу

человека; этим размышлением просвещается ум, "укрепляется и растет вера" (3:22).

Особенным, благодатным средством укрепления живой веры, по учению Задонского Чудотворца, является причащение Святых Христовых Тайн. Святитель говорит, что без причащения животворящих Тайн Христовых "вера быть и сохраниться в сердце человеческом не может" (4:166). Святое Причастие не только служит сохранению правой веры, но и является самым действенным средством ее совершенствования. Достойное принятие Святых Тайн Христовых оживотворяет душу христианина. И подобно тому, как тело человека укрепляется и растет от принятия естественной пищи, "тако вера Христова, в сердце человеческом заченшаяся, укрепляется и растет таинственною Святейшаго Тела и Крови Христовой пищею" (3:23).

Усилия христианина, направленные на укрепление веры, равно как и употребление богодарованных средств спасения, не остаются бесплодными. Согретая теплой молитвой, одухотворенная чтением слова Божия, оживотворенная Святыми Христовыми Тайнами, вера возвышает разум христианина, управляет его волей, освящает его чувства. Такая вера воспитывает в человеке всецелую преданность Христу как своему Богу и Спасителю, побуждает верующего отказаться от себялюбия и стремиться к стяжанию праведности Христовой, влечет его к осуществлению того высочайшего идеала чистоты и святости, который принес на землю Христос.

На основании всего вышеизложенного можно заключить, что вера является одной из главных и основополагающх христианских добродетелей, так как без веры во Христа невозможно спасение человека. Вера есть движущая сила духовной жизни христианина, она же является и основанием, на котором строится здание христианских добродетелей. Спасение человека, таким образом, возможно лишь при всестороннем воздействии веры на личность человека и ее неразрывном единстве с другими христианскими добродетелями.

2. ЛЮБОВЬ К БОГУ И БЛИЖНЕМУ

Твердо став на путь добродетельной жизни, христианин должен все силы души направить на приобретение любви к Богу и ближнему. Сам Господь Иисус Христос назвал эту любовь наибольшей заповедью: "В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят" (Мф. 22, 40). Только любовь может привести христианина к нравственному совершенству и удостоить его единения с Богом. Именно ради этой цели был создан человек, ради этого пришел на землю и искупил род человеческий Господь Иисус Христос, к этому же направлены и все правила христианской жизни.

Христианство ничего так часто и настойчиво не внушает верующему, как любовь к Богу и ближнему. И это по той причине, что она является основой и главным руководствующим началом христианской нравственности. Все другие христианские добродетели не только рождаются от любви, но и соединены с ней, как тело с душой, как сок с деревом или же теплота с огнем (3:188). Они вытекают из любви подобно тому, как ручьи проистекают от своего источника (3:174). Без благодатного одухо-

творения любви невозможна никакая христианская деятельность, и без нее христианин бывает подобен иссохшему, бесплодному дереву (3:400). Как каждый живой организм, если не будет в себе иметь движущей силы и естественной теплоты, не может существовать, но разлагается и обращается в тление, так и всякое доброе дело христианина, не имеющего в себе любви, вменяется ни во что и "не может живо быть, но вид только некий ложный показует" (2:50). Одна любовь бывает способна преобразовать и изменить к лучшему все стороны человеческой жизни. Господь Иисус Христос и Его святые апостолы своим учением и жизнью засвидетельствовали эту любовь пред всем миром, внушая людям отлагать ветхого человека с его деяниями (Еф. 4, 22) и облекаться в нового, созданного по Богу в праведности и святости, т. е. путем нравственного обновления достигать единения с Богом и того первозданного, блаженного состояния, какое он имел, будучи в раю. Вот почему любовь можно назвать не только корнем и источником всех благ и всего доброго (2:283), но и матерью всех радостей (5:235). Достойны похвалы семьи, города и даже государства, которые устроят жизнь согласно закону любви. Поистине жизнь там подобна "раю земному, радости и сладости исполненному". И далее, основываясь на высказывании святого Иоанна Златоуста, Святитель заключает: "Ежели бы вси в свете друг друга любили, не надобно бы было ни законов, ни судов, ни казней, и ничего сим подобного, понеже всякое бы зло так удалено было, что и самое имя греха неизвестно бы было" (2:340).

Любовь имеет такое свойство, что она "любителя соединяет с любимым". Так, с одной стороны, Бог ради Своей любви воспринял естество человеческое и стал во всем подобен человеку, кроме греха, чтобы привести его в лучшее состояние. Так и человек, с другой стороны, когда Бога любит, соединяется с Ним, преисполняется Духа Божия, Который одухотворяет его и направляет на путь спасения. Таким образом, любовь определяет и обуславливает все стороны отношений человека к Богу и Бога к человеку (1:167).

Любить Бога побуждает христианина, прежде всего, Его благость, превосходящая всякий разум и понятие, а также множество благодеяний Божиих, проявленных к роду человеческому (1:87). Святитель Тихон довольно подробно перечисляет и объясняет все то, что сделал Бог по Своей любви для человека. "О любезное и высокопочтенное создание, человек! – восклицает он. – Образ Божий, яко печать и знамя Небесного Царя, в себе носит. Так высоко почтил нас, о человеки, преблагий Создатель наш! ...Кого ж убо и любить нам, как не Его?" (4:351)

О благодеяниях Божиих свидетельствует все создание: солнце, согревая и освещая видимый мир, луна и звезды, указывающие путь в ночное время, воздух, поддерживающий жизнь всего живущего, облака, орошающие землю, после чего она бывает способна произращать все необходимое для жизни, птицы, летающие по небу. "Словом, вся тварь, на службу нашу созданная, проповедует Божие к нам благодеяние" (1:88). И это всемилостивое Божие попечение, простирающееся как на одного человека, так и на весь мир в целом, свидетельствует о той высочайшей любви, без которой мир не мог бы существовать ни одной минуты (5:234). Человек по своей ограниченности не может предвидеть те несчастные случаи, которые могут лишить его этой жизни. "Но от всех сих человеколюбивый Бог сохраняет нас так, как сердобольная матерь малое

и несмысленое свое отроча" (1:88). Господь и ангелов приставил к человеку, которые бы охраняли его духовную и телесную жизнь (1:160). И вообще, как река непрестанно течет и источник источает воду, так благодеяния Божии непрестанно изливаются на человеческий род (4:352; 2:279).

Однако более всего любовь к Богу должно возбуждать то, что Он послал Сына Своего Единородного спасти грешного человека, избавить его от власти греха, диавола и смерти и восстановить в прежнем сыновнем достоинстве. И ради этого Сын Божий претерпел множество скорбей, страданий и даже крестную смерть (5:233). В разъяснение своей мысли святитель Тихон приводит такое сравнение. Если бы кто избавил человека от гнева и грозящей ему смерти или даже исходатайствовал бы ему приличный сан и положение в мире, то как усердно и искренно любил бы он своего благодетеля! Но человек, искупленный дорогой ценой Сына Божия и освобожденный от всех наказаний и даже вечной смерти, забывает своего Благодетеля и вместо любви к Нему приносит оскорбление (3:152).

Проявляя заботу о человеке, Спаситель мира Своими крестными страданиями и воскресением отворил ему двери рая, сделал причастником вечного Своего Царства, также послал Духа Святого, Утешителя, Который вопиет в сердцах верных: "Авва Отче" (Гал. 4, 6) (2:279). Уже одно имя "Отец", учит Задонский Подвижник, должно возбуждать в каждом человеке огонь любви. И если дети по плоти неизменно любят своего отца, то с какой же любовью должны христиане любить Того, Кого они называют своим Отцом (5:234).

Немаловажным средством, возбуждающим любовь к Богу, также служат промыслительно попускаемые скорби, испытания и искушения. И как сын оказывает благодарность отцу, если тот своевременными наказаниями воспитывает его в благонравии и воздержании и тем самым соделывает достойным членом общества, так и христианин должен быть бесконечно благодарен Богу за то, что Он Своими промыслительными действиями не только очищает его от скверны греховной, но и делает достойным жителем Небесного града (4:352).

Любовь человека к своему Создателю должна простираться до бесконечности еще и по той причине, что Он долготерпеливо относится к его грехам и не тотчас наказывает за беззакония, но ждет покаяния (1:160; 5:76). Если бы Бог по Своему правосудию наказывал человека за каждое преступление, то он не смог бы прожить и малое время, о чем еще свидетельствовал Пророк: "Аще беззакония назриши, Господи, Господи, кто постоит?" (Пс. 129, 3) (1:88). Милосердие Божие к кающемуся грешнику так велико, что если последний возымеет твердое намерение больше не возвращаться ко греху, то Господь не только прощает ему грехи, но даже и не вспомнит о них вовеки (5:352).

И наконец, к любви Божией побуждает верующего человека Сам Господь, Который дал заповедь (Втор. 6, 5) и привлекает к ней сердца человеческие Своею ответной любовью (2:278). "Бог Любы есть, и пребываяй в любви, в Бозе пребывает" (1 Ин. 4, 16). Вот почему всякий христианин должен проявлять любовь к Богу не только на словах, но и своей жизнью.

Бог есть высочайшая Любовь, Красота и Добро, и все эти качества Господь по Своей благости вложил в человека при его творении

(4:356–357). Всеблагий Творец восхотел, чтобы в общении с Ним человек наслаждался блаженством и всеми благами. Это блаженное состояние, замечает Святитель, доступно любящему человеку не только в жизни будущей, где он будет испытывать его в совершенстве и увидит Бога лицом к лицу, но и в этой жизни, по слову Спасителя: "Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим" (Ин. 14, 23) (2:281).

По своей сущности любовь неопределима словами, потому что она имеет Божественное происхождение (3:148). Это – плод духовный и дело Святого Духа; познать любовь могут только те, кто вкусил ее сладости (2:276). Но как солнце лучами своими являет себя миру, как огонь скрытый обнаруживается теплотой, а благовонный бальзам – приятным запахом, так и любовь, хотя и бывает скрыта в сердце, однако не может оставаться сокровенной и проявляется вовне своими плодами. И только благодаря этим плодам она в некоторой степени делается доступной познанию (5:234; 2:276)[1].

Первое, на что обращает внимание святитель Тихон Задонский, когда говорит о плодах любви, – это ревностное исполнение воли Божией (2:276). Боголюбец постоянно стремится исполнять то, что предписывается волей Божией, а это в свою очередь удерживает его от греховных поползновений. И если такому человеку и случится по немощи нарушить в чем-либо волю Божию, то он "о сем весьма печалится, сокрушается, воздыхает, а часто слезы проливает" (1:86). Вполне понятно, что такая печаль еще более способствует спасению христианина (2 Кор. 7, 10); она еще более подвигает его к исполнению воли Божией, и не ради страха наказания, но чтобы "Любимого не оскорбить" (2:276). Основываясь на словах Господа Иисуса Христа, сказавшего: "Имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя" (Ин. 14, 21), святитель Тихон учит, что любовь ко Христу, Сыну Божию, должна выражаться в ревностном исполнении Его святых заповедей (3:142). И те христиане, которые относятся к заповедям с небрежением, не имеют любви Божией: "они себя и свои похоти любят, а не Бога и закон Его святой" (5:235).

При ревностном исполнении воли Божией, как плод истинной христианской любви к Богу, в душе христианина появляется отвращение к мирской греховной скверне, под которой следует понимать похоть плотскую, похоть очес и гордость житейскую (3:146). Все свое упование и утешение он полагает в едином Боге, и все блага мира для него станут подобны сору. Если бы в его распоряжении находились большие материальные ценности или же он имел бы высокую власть, то и в таком случае он остается верным своему долгу и употребляет данные ему блага во славу Божию. Вся забота такого человека сводится к одной цели: исполнять волю Божию и быть полезным для окружающих его людей и обществу в целом (1:85).

---

[1] Говоря о плодах любви, святой Отец замечает, что он имеет в виду любовь не мирскую, плотскую, которая часто бывает "с обидой на Создателя и ближнего и самого любящего погубляет", но любовь, которая, по словам Апостола, есть "от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры" (1 Тим. 1, 5). От такой любви и плоды бывают спасительные (1:85).

Сердце, одухотворенное любовью к Богу, христианин может иметь только тогда, когда он полностью порвет всякую связь с грехом, принеся искреннее покаяние (4:355). А без этого в нем не может быть истинной любви к своему Создателю, но только притворное лицемерие (3:165). Если кто любит Бога, постоянно заботится об исполнении Его святой воли и внимательно следит, чтобы его сердце не прилеплялось к чему-либо земному, тот, естественно, всегда будет помнить о Боге и иметь Его в своем сердце. Так бывает и среди людей: если кто кого любит, тот постоянно о нем думает (5:235). Например, "сын добрый матерь или отца своего, понеже сердечно любит, часто поминает, когда не видит их или удален от них" (2:277). Подобным образом бывает с человеком, любящим Бога. Все его мысли, пожелания и сердечные вздохи всегда устремляются в Богу, как стремится "пламень огненный в высоту" (2:104; 2:23). Постоянное памятование любящего сердца о Боге заключается, по мысли Задонского Чудотворца, в непрерывном благодарении за Его бесконечные милости к грешному человеку (2:302) в молитвенной беседе с Ним и богомыслии (1:159).

Как показывает святитель Тихон, чувство благодарности рождается от размышлений о Божиих благодеяниях; так как эти благодеяния "не только неисчислимы, но и уму непостижимы", то и чувство благодарности у любящего человека никогда не должно иссякнуть (2:303). "Куда ни посмотрим, — говорит святой Отец, — куда ни обратим очи и ум наш, везде имеем довольные случаи благость Божию прославить" (2:308). И эта благодарность со стороны человека есть богоугодное средство, привлекающее в его душу благодатные струи Божественной жизни.

И наоборот, прилепляющийся к мирским и суетным вещам не имеет любви Божией, потому что "Божия и мирская любовь в едином сердце поместиться не может, так точно, как огнь с водою. Бог бо есть ревнитель, хощет, чтобы всем сердцем Его любил человек, а не половиною" (1:159). Привязанность к греховным страстям мира настолько пагубно влияет на жизнь христианина, что под их воздействием он может в своем сердце отречься от Христа (3:147). Кто не заботится постоянно иметь Бога в сердце и не упражняется в молитве (1:86), кто ослеплен самолюбием, не дающим ему видеть благодеяния, изливаемые свыше, тот лишается милости Божией. Вот почему неблагодарность — тяжкий грех, который свидетельствует об отсутствии любви к Богу и вопиет к небу, прося отмщения (2:310—318).

"Имя Божие само по себе как свято, так славно и прославлено"; оно не требует нашего прославления, но все это нужно для человека. Как солнце, "хвалят ли его или поносят", всегда пребывает светлым и испускает лучи во всю вселенную, так и слава Божия "от хуления человеческого не умаляется, а от прославления не умножается" (3:73). Но истинный "Божий любитель во всем ищет славы Божией... и молится о том, чтобы Имя Божие славилось: да святится Имя Твое, Отче Небесный, как Христос научил" (2:277). В сочинении "О истинном христианстве" святитель Тихон показывает, каким образом верующий человек должен прославлять Имя Божие. Так, по его словам, Бог прославляется тогда, когда Священное Писание, святыми пророками и апостолами проповеданное, принимается верой без сомнения как великий дар Божий; когда процветает истинная вера в Сына Божия — Господа Иисуса Христа; когда верующий с терпением переносит трудности и скорби,

притеснения и гонения за истину, честь и славу Божию (3:77). Наконец, прославляется Имя Божие и тогда, когда христианин совершает добрые дела не ради похвалы или награды, но ради славы Божией: "Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже есть не небесех" (Мф. 5, 16) (3:78—79).

Прославляя Бога, христианин в то же время ощущает в своем сердце постоянный приток новых благодатных сил, которые одухотворяют его и направляют к теснейшему единению с горним миром. И это настроение любящей души Святитель выражает словами: "Истинный Божий любитель желает всеусердно с Любимым соединиться, почему часто молится, вздыхает, плачет, с Пророком сердцем вопия: "Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже" (Пс. 41, 2) (2:277). Кто любит Бога всем сердцем и стремится духовно соединиться с Ним, тому не страшны никакие препятствия и даже смерть; вместе с апостолом Павлом он желал бы "разрешитися и со Христом быти" (Флп. 1, 23). Наглядным примером здесь могут служить святые мученики, которые "изволяли себя на жесточайшие мучения и горестнейшие смерти, нежели отлучиться от любимого Сына Божия" (3:147). Но часто в жизни христиан бывает так, что многие из них желают быть с Господом и получить прославление и блаженство в Его Царствии, однако же исполнять то, что Им заповедано, и проводить жизнь, согласно этим заповедям, они не хотят, оправдывая себя невозможностью их исполнения. Это свидетельствует о том, "что сердце их неправо есть, и Христа истинно не любят... себе паче любят, нежели Христа... Истинный друг в несчастии познается... Тако истинный любитель Христов есть, который и зде, в мире сем, со Христом пребывает и Ему сердцем прилепляется, и страдание или крест с Ним безропотно претерпевает и с Ним в будущем веке неразлучно быть желает" (5:236).

Из данных рассуждений святителя Тихона вытекает, что следствием истинной любви к Богу является безропотное перенесение христианином всех скорбей и жизненных испытаний, попускаемых по благой воле Божией (2:277), чтобы укрепить его в терпении и направить его духовные силы к приобретению искренней любви к Богу (2:300—301). А те, кто не стремится к стяжанию этой "богоподобной добродетели", бывают подобны тени, которая лишь во время солнечного сияния находится около своего предмета, а как только последний начинает двигаться, то вместе с ним перемещается и тень. Но когда нет солнечного света, тогда и тень отступает от предмета. Так точно бывает и с теми, "которые... в благополучии мнятся Богу благодарить, а в неблагополучии ропщут; не терпят и обращаются к снисканию помощи от создания, дабы от нашедшей беды избавиться" (3:142).

Ревностный христианин, стремящийся приобрести истинную любовь, направляет все свои усилия к подражанию Богу и Его спасительным нравам (2:277), т. е. старается быть кротким, терпеливым, незлобивым, милостивым, и все по той единственной причине, что таковым является Господь, Которого он любит, к Которому стремится и Которому хочет быть подобным, а это уподобление откроет ему путь к еще более тесному единению со своим Творцом (1:91—92).

По замечанию святителя Тихона, явным признаком любви к Богу служит сердечная радость. "Якоже мед услаждает гортань нашу, когда вкушаем его, — говорит святой Отец, — так увеселяет сердце наше любовь

Божия, когда вкушаем и видим, яко благ Господь" (5:235). Как не бывает любви без радости, так не может быть и истинной радости без любви, ибо что любит человек, о том он и радуется (3:421). Как любовь к Богу, так и сопутствующая ей духовная радость должны быть в христианине при любых обстоятельствах его жизни – как в благополучии, так и в несчастье. По мысли Святителя, печаль, когда человек теряет предмет своей любви, является определителем, пробным камнем истинности любви и радости христианина. Действительно, будет ли человек печалиться и скорбеть о том, что не любил и чем не утешался? (3:248—250) С другой стороны, чрезмерная скорбь из-за потери чего-то временного свидетельствует о том, что сердце верующего привязано еще к земному и не достигло полноты духовной любви. И только тот, кто внимательно относится к своей духовной жизни, заметит это несоответствие между его стремлениями и действительностью и приложит усилия, чтобы искоренить из сердца препятствия, мешающие истинной любви к Богу. Безусловно, христианину, как и любому человеку, бывает свойственна и обычная повседневная радость, например, "о благорастворении воздуха, о изобилии плодов земных, о здравии своем и ближних и о прочем. Но и сия радость... начало имеет от Бога... Божия бо благая суть свидетельства благости Божией... и, яко лучи от присносущного солнца на нас ниспущаются и согревают, и возводят ум и сердце наше к Нему Самому, и увещевают Его любити и радоватися о Нем" (3:251).

Наконец, самым существенным признаком, плодом и следствием любви к Богу является любовь к ближним (1:86, 162; 4:275). Любовь к ближним – это полное отражение любви к Богу. А отсюда явствует, что не любит тот и Бога, кто ближнего не любит. Приводя слова апостола Иоанна Богослова: "Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть. Ибо не любяй брата своего, его же виде, Бога, Его же не виде, како может любити? И сию заповедь имамы от Него, да любяй Бога, любит и брата своего" (1 Ин. 4, 20), святитель Тихон говорит, что христианин, не любящий своего брата, мертв душой, ибо как тело душой, так и душа Духом Христовым оживляется, а где нет христианской братской любви, там нет и Духа Христова (5:236). Когда же Дух Христов отсутствует в душе человека, в ней непременно поселяется другой дух, дух диавольский, который пленяет душу, оскверняет и вытравливает в ней все доброе и святое. По словам святого Отца, где нет любви, там царствует смерть духовная, за которой "последует смерть вечная, когда душа покаянием истинным не воскреснет" (2:339). Во избежание этой смерти христианин в своей жизни должен снисходительно относиться к окружающим его людям, прощать совершаемые ими погрешности, не гневаться и не скрывать в своем сердце мести, потому что "отмщаяй от Господа обрящет отмщения" (Сир. 28, 1) (3:223). Только в таком случае и Господь проявит милосердие к немощам самого христианина. Иными словами, отпущение грехов, а следовательно, и спасение христианина стоит в прямой зависимости от отношения его к окружающим людям (5:187). Без любви к ним Бог не принимает от христианина никакой жертвы (2:338; срав. 1:164), более того, такая жертва вместо умилостивления оскорбляет и прогневляет Творца.

По заключению Святителя, если все добродетели оканчиваются со смертью христианина, то истинная любовь продолжает свое существование в жизни будущего века. Она здесь начинается, а в совершенстве

раскроется лишь в жизни вечной, где "избранним Божии взаимно друг друга будут любить, друг о друге радоваться, друг другом духовно наслаждатися" (1:89).

Если бы в мире процветала любовь между людьми, человеческое общество не только избавилось бы от множества зол и всевозможных несчастий, как-то: воровства, убийств, обмана, клеветы, насмешек и т. д., но и наслаждалось бы благополучием и Божественным миром. "О любы, любы, союз совершенства — любы! — восклицает Святитель. — Коль многих мы благ лишаемся, когда тебе не имеем!... С тобою все добро и благополучно, а без тебе все худо и неблагополучно" (1:164). Благотворное действие истинной любви, щедро изливаемой из любвеобильного сердца человека на окружающих, происходит по той причине, что она по внутреннему свойству, как имеющая свое начало в Боге, не может пребывать сокрытой (4:324), но проявляется независимо от внешнего положения человека. По мысли Святителя, ее можно сравнить с теплой печью, которая согревает всех, кто бы ни прикасался к ней. Все люди без исключения являются нашими ближними, ибо все мы по плоти произошли от одного Адама, имея с ним одно естество, и поэтому нуждаемся во взаимной помощи друг друга, как члены вещественного тела (2:336—337). Но особенно близки между собой христиане, которые единой верой, крещением и словом Божиим просвещаемы и Единого Бога исповедуют и призывают (5:238). Свою любовь к ближним христианин должен проявлять не на словах только, но наипаче в добрых делах, подражая своему Искупителю и Спасителю, Который, видя падение и раны, нанесенные врагом рода человеческого — диаволом, "сотворился ближним нашим", сошел с неба, принял зрак раба, "обязал струпы наши, возливая масло и вино, и таким образом исцелил нас и, отходя на небо, предал нас гостинникам — апостолам и преемникам их пастырям, дабы прилежали нам" (2:331—332).

Следовательно, взаимная любовь является признаком истинного последователя Господа Иисуса Христа, сказавшего: "О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою" (Ин. 13, 35). Воплощая эти слова в своей жизни, многие последователи Христовы еще на земле сподобились величайшего дара — соединения с Источником любви — Богом (1:164). По этому поводу святой Отец Церкви восклицает: "О, коль великое блаженство человеку с вечным блаженнейшим Божеством соединиться! Что сего союза желательнейшее и радостнейшее может быть? Но пребываяй в любви христианской удостоется столь великого блаженства" (1:92). И какими бы дарованиями христианин ни обладал, и каких бы подвигов ни совершал, все это не принесет ему никакой пользы, если он не примет в своей душе твердого решения шествовать спасительным путем любви (1:91).

Говоря о плодах любви и о их значении в жизни христианина, Святитель приводит слова святого апостола Павла: "Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся любит, всему веру емлет, вся уповает, вся терпит. Любы николиже отпадает..." (1 Кор. 13, 4—8) и дает им краткое, но в то же время четкое объяснение.

Прежде всего, говорит он, любовь воспитывает в христианине терпение в перенесении обид. Только человек, озаренный любовью, спо-

собен любить людей со всеми их недостатками, немощами; он признает их не только равными себе, но и своими братьями и поэтому великодушно прощает обидчику, молится за него, соболезнует и скорбит о его душе (2:332). В общении между собой людям трудно бывает не оскорбить друг друга чем-нибудь: или неосторожным словом, или делом, или каким другим образом. Но христианин первым должен просить прощения, даже если его и серьезно чем-то обидели (2:359; 1:11, 170). Такое поведение последователя Христова будет способствовать созиданию мира и прославлению Того, Кто Своим крестным подвигом и любовью уничтожил зло и водворил мир и радость между людьми. Противоположные же действия неизменно приводят к ссорам, вражде, ненависти и мести (1:91). И "ежели бы все друг другу мстили, общество бы стоять не могло, ибо вси бы друг друга погубили" (2:362). Христианин должен не только не допускать в своей душе возгореться гневу или раздражительности (1:163), но и более того — сразу отсекать всякие помыслы, возбуждающие его против ближнего. Хотя человеку и свойственно чувство гнева, замечает святой Отец, но его следует направлять против грехов, а не против человека. Это будет свидетельствовать о великой любви в сердце гневающегося, который ищет не своего, но спасения ближнего (2:334). Руководствуясь любовью, христианин в таком случае только сожалеет о заблуждении ближнего и о его поведении. Сердце его будет болезненно мучиться до тех пор, пока грешник не остановит свою греховную жизнь и не вернется ко спасительному пути. Скорбь истинного христианина не дает ему покоя и в том случае, когда он видит людей, оскорбляющих своей греховной жизнью величие Божие или Его святые заповеди. И наоборот, он радуется истине, согласию и мирной жизни окружающих (1:163).

Истинной христианской любви бывают чужды зависть, гордость, самолюбие. Она "вся любит", потому что во всяком человеке, какой бы национальности или нравственного устроения он ни был, она видит образ всемогущего Бога, Который "солнце Свое сияет на злыя и благия, дождит на праведныя и неправедныя" (Мф. 5, 45) (2:335). Такой любви свойственно доверие ко всякому человеку, ибо "как сама простосердечна, так и о прочих мнит; и как сама никого не обманывает, так и о прочих думает и потому всякому верует. Любовь бо есть чистосердечна, не лукава, не лестна и ради того, какова сама, тако и о прочих надеется и подозрения не имеет" (2:335).

Безусловно, такое совершенство достигается человеком не сразу, для этого нужен целожизненный подвиг и полное напряжение всех сил и способностей. Величайшую услугу оказывает в этом делании самопожертвование и принуждение, посредством которых христианин сможет достичь с помощью Божией высшего дара любви не только к своим доброжелателям, но и к тем, кто бывает злобно настроенным против него. "Кто тебе ненавидит, — учит святитель Тихон в одном из своих кратких наставлений, — или злобится на тебе, ты его любовью побеждай и тщися с ним примириться, и хотя бы он не хотел мира, ты ищи мира и готов буди к миру; и тут, хотя сердце не хощет, надобно сердце убеждать и склонять" (1:106).

Истинно любящему христианину свойственна любовь к врагам (5:189); к этому его побуждает, во-первых, звание ученика Христова; а во-вторых, заповедь Спасителя: "Любите враги ваша" (Мф. 5, 44). Любящее

сердце христианина всегда ищет спасения каждого человека, и чем более человек недугует грехом, чем более находится во власти диавола, тем более он сожалеет о нем и скорбит. "Аще убо хощем волю Божию творить и тако Богу угождать, то должно нам и от врагов наших любве нашей не отнимать, и им в нуждах их помогать; сие бо наипаче христианина и богоугодного человека показует" (4:404).

Если рассуждать по-человечески, то очень трудно любить того, кто делает зло. Однако вере и любви истинной ничего нет невозможного (3:143). В том именно и состоит назначение христианина, чтобы греховное естество покорять духу, зло побеждать любовью. И если ветхому, не просвещенному благодатью человеку бывает трудно это сделать, то новому, во Христа облекшемуся, все возможно (1:92). По словам святого Отца, христианин, воспитывающий в себе любовь к врагам, и сам от этого духовно возрастает, так как враждебное отношение недоброжелателей приводит его к познанию немощей, а это в свою очередь способствует искоренению гордости, тщеславия, самомнения и т. д. Следовательно, для человека, ищущего спасения, поношения, скорби и искушения являются неоценимым благом, возводящим его душу на небо (2:365—366).

Но когда человек по своей греховности не выдерживает испытания, то есть воздает обидой за обиду, на зло отвечает злом и таит в своем сердце ненависть, тогда он уступает победу своему противнику — диаволу, который удаляет его от Бога и спасения (1:229). И наоборот, если сердце верующего человека не будет соглашаться со злом и принимать его, то оно бывает способно с помощью Божией побеждать все богопротивное и усваивать то, что вера и заповеди Христовы требуют (3:143).

Как на живой пример приобретения в душе добрых навыков христианин должен взирать на Пастыреначальника Христа, жизнь Которого является образцом для каждого, хотящего спастись. "Христос Иисус Спаситель наш, — говорит святитель Тихон, — Своею кротостью и терпением научает нас быть кроткими и терпеливыми, и злобу людей побеждать благостынею, или по крайней мере молчанием" (5:128). Так поступали в своей жизни и святые апостолы, мученики и множество угодников Божиих, которые злобу побеждали и через это многих с помощью Божией привели ко Христу (2:367).

Высока есть добродетель любви. Она есть дар Божий (2:277), но для восприятия и усвоения этого дара человеку необходимо направить все свои усилия к очищению своей души от греховной скверны, ибо любовь, по словам святителя Тихона, вселяется в сердце, которое "истинным покаянием, сокрушением и желанием испражнено от злых пристрастий и греховных обычаев, и очищено и уготовано есть к восприятию того небесного дара" (4:354). Следовательно, чтобы стяжать любовь, необходимо очиститься от греховной порчи, перестать руководствоваться своим ограниченным умом, но во всем руководствоваться только светом слова Божия, отказаться от своей греховной воли и жить и действовать по воле Божией, всецело пленить себя в послушание Христово (2 Кор. 10, 5), другими словами, необходимо, чтобы все мысли, чувства, намерения и вся деятельность христианина соответствовали воле Божией. "Любовь Божия иначе сохраниться не может" (2:267).

Поскольку любовь является благодатным даром свыше, то христианин должен постоянно молить Бога, Подателя всех благ, чтобы Он Сам

возжег искру любви Своей в сердце и помог сохранить и умножить это драгоценное сокровище (2:24). Эта молитва уже сама по себе имеет свойство побуждать христианина к любви, милосердию и сострадательности. Молясь Богу о помиловании и спасении, верующий сознает необходимость также оказать со своей стороны милость своим ближним. Вот почему молящийся Богу и просящий у Него милости сам проявляет милость и любовь к своим ближним, ибо он знает: все, что он делает во имя Бога ближнему, делает и для самого себя (2:349).

Таким образом, любовь как союз совершенства непосредственно связана с благодатным устроением духовной жизни человека, со всеми добродетелями, которые, развиваясь и совершенствуясь, в свою очередь, заканчиваются любовью. И этому возгреванию дара любви верующий человек должен посвятить всю свою жизнь и только благодаря этому можно непременно соединиться и с Источником любви и с Самой Любовью — Христом в благодатной вечности.

3. МИЛОСЕРДИЕ

Христианское милосердие — это особое чувство, которое имеет своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, сострадании к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощении обид врагам. Эта добродетель неизменно сопутствует любви, как теплота огню (2:355). И если какой христианин не имеет в себе милосердия, то он не только лишен любви, но и христианского духа (3:366), а значит, пребывает во тьме греховной (4:379). По мысли Задонского Подвижника, если любовь выше всех добродетелей, а милосердие есть выражение любви, то оно одно (милосердие) ходатайствует пред Богом и просит у Него милости для благодетеля (5:181). Богу бывает любезнее не тот человек, который упражняется только в молитве, но тот, кто стяжал в своем сердце и милосердие, потому что молитва без милостыни — как голос, вопиющий в пустыне, или древо без плодов (5:121). И какую бы милость ни оказал христианин ближнему, Господь принимает ее как оказанную Ему Самому. Особенно большое значение эта добродетель будет иметь на Страшном суде Христовом, когда участь человека будет определяться в зависимости от того, имел ли он в своей душе милосердие — этот плод любви, или нет (2:343). Если даже язычники, движимые естественным законом, проявляют милосердие к нуждающимся, то христианина тем более должно подвигнуть к этому не только родство естественное, так как все имеют одного праотца Адама, но и родство духовное, и более всего Имя Христово (2:348). Вполне естественно, замечает Святитель, если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то все это он прежде пусть исполнит сам. Тогда ему непременно воздастся не только на земле во сто крат, но и на небе (1:57; 2:336). В такой настроенности — вся "христианская наука. Сие есть изрядное художество. Сей философии обучающийся есть истинный мудрости любитель", и изучать эту науку христианин должен "от младенчества до кончины живота" (4:214).

Побуждая к милосердию последователя Христова, святитель Тихон напоминает, что в вечную жизнь никто не сможет взять с собой материальные ценности: человек как наг приходит в этот мир, так нагим и

отходит из него. Напротив, дела милосердия ради Христа являются залогом вечных, нескончаемых благ (2:349), причем благотворительность бывает полезной и доставляет великое благо только тогда, когда она совершается христианином в течение всей жизни, а не в конце лишь ее. Естественно, замечает Святитель, никто из людей не станет угощать гостей остатками от своей трапезы, тем более унизительно и даже грешно склонять Бога на милость остатками своей жизни, к тому же неизвестно, когда наступит минута, открывающая вечность. Поэтому необходимо отложить все мысли, отвлекающие от любви к ближнему и связывающие сердце скупостью и сребролюбием (2:351), и стремиться делать добро постоянно и нелестно. Как же христианин может обращаться к своему Создателю с молитвой: "Услыши мя, Господи", когда "сам не слышит бедного или паче в бедном Самого Христа вопиющего?". "С каким упованием, — говорит Святитель, — простреш руце твои к Создателю твоему, когда сам подобного себе простирающаго руце отвращаешися? Милостив Бог и преклоняется естественным милосердием на молитву, но на молитву милостивых, ибо таковыми жертвами, то есть странно-любием и общением, благоугождается Бог, глаголет Апостол" (2:348).

Добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле, как только лишь оказание материальной помощи нуждающимся; она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из двух частей: души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двоякой: душевной и телесной. Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы напитать алчущего, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т. д.[1]. А дела милостыни духовной могут проявляться в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых, но без потворства страстям и порокам, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении (1:169).

Хотя оба вида милосердия — телесное и духовное — имеют величайшее значение для спасения христианина, однако святой Отец отдает предпочтение последнему, указывая, что как душа, так и духовная милость, оказываемая ближнему, а вместе с нею и любовь к нему, выше ценятся в очах Божиих. "Христос бо весьма души человеческие любит, так что и умереть за них благоизволил. И потому ничто не может благоприятнее Ему быть, как спасение человеческое; и никто не может более Его любить, как тот, который спасение ближнего ищет" (2:345).

Такая активная любовь христианина к ближнему уподобляет его милосердному Богу (1:169) и способствует исполнению заповеди Христовой: "Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть" (Лк. 6, 36). "Кто творит милостыню ближнему, тот подражает Ему (Богу), и так лучшую паче всякой жертвы приносит Ему жертву" (5:120).

---

[1] Однако святитель Тихон не относит к разряду нуждающихся тех лиц, которые сами могут трудиться, но по своей лености удаляются от этого и даже тратят полученную помощь на пьянство. Всех их он называет обманщиками, ворами и хищниками и говорит, что таковых ожидает за гробом не утешение, но суд Божий, если не принесут в этом истинного раскаяния (2:359).

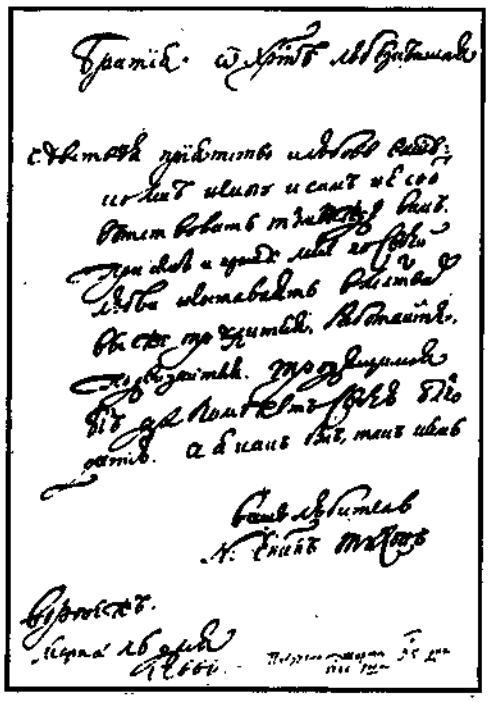
Как подчеркивает святитель Тихон, христианское милосердие должно быть нелицемерным и постоянным, особенно в отношении к братьям по вере, ибо все верующие во Христа составляют как бы один организм, суть члены одного тела (5:116). В сочинении "О истинном христианстве", сравнивая действия христиан с взаимодействием членов тела, святой Отец подробно объясняет, как они должны заботиться и помогать друг другу. "В вещественном теле, – говорит он, – аще страждет един уд, соболезнуют ему и прочии вси уды: тако и в теле духовном христиане должны друг другу соболезновать и сострадать. Когда един христианин бедствует и страждет, его бедствием и страданием подвигнуться должны и прочии христиане. Аще убо какой христианин над бедствием брата своего милосердием не подвигнется: свидетельствует о себе, что христианского духа не имеет... Христианин бо не может быть без веры, вера без любви, любовь без милосердия" (3:366). Как в человеческом организме члены стараются помочь друг другу и тем самым взаимно усердно служат и оберегают все тело человека, точно так же должны проявлять милосердие друг к другу и христиане, помогая словом, советом, молитвой или же самим делом (3:367). И эта взаимная помощь в деле спасения имеет огромное значение, поскольку все христиане, составляя на земле воинствующую Церковь, единый братский союз, подобно воинам, должны вести брань с духами злобы. Раз "диавол и ангелы его единодушно на христиан воружаются и погибели их ищут", то "и христианам (должно) с помощью Божией противу их стоять и друг друга побуждать" (2:345). Как в живом организме, если какой член не живет общей жизнью со всем телом, то постепенно отмирает и отпадает или его отсекают, так и человек, не имеющий милосердия к людям, удаляется от Церкви Христовой и, следовательно, умирает духовно.

Зная все это, христианин на протяжении всей своей жизни обязан постоянно упражняться в добродетели милосердия и уподобляться доброму врачу, проявляющему заботу о другом человеке вплоть до самопожертвования. А это в свою очередь сделает его сердце сострадательным к каждому человеку, находящемуся в нужде (2:345, 347). Кроме того лица, стяжавшие эту добродетель, не только будут помилованы Богом (Мф. 5, 7), но и станут одесную Его в Царствии Небесном (Мф. 25, 34), в то время как не сотворившие милости будут суд без милости (Мф. 25, 41) (1:170; 2:347).

Углубляя мысль о христианском милосердии и его значении в деле спасения человека, Святитель говорит, что добро необходимо делать без ожидания от этого выгоды или похвалы, и притом делать с усердием и сердечным расположением (2:354). Оказывая милость людям, христианин должен всячески остерегаться самомнения, тщеславия и превозношения, потому что эти страсти могут обесценить эту добродетель в очах Божиих, и тогда вместо похвалы и награды от Бога человек может навлечь на себя Его гнев и осуждение (2:356).

Таким образом, добродетель милосердия оказывает самую существенную помощь в деле спасения человека и ходатайствует перед престолом Всевышнего не только об отпущении грехов и помиловании, но и о блаженной вечности вместе с небожителями.

На стр. 240 —
автограф св. Тихона Задонского

Страх Божий есть "начало премудрости" (Пс. 110, 10) (2:252), без которой человек не может достигнуть единственно истинной и необходимой для него цели и смысла земной жизни — единения с Богом для вечного блаженства с Ним в Царстве Небесном. Более того, человек, не имеющий в себе этого благодатного страха, не может сохранить образа и подобия Божия, данного человеческой природе Богом при творении. Без страха Божия человек теряет свою духовность, отходит от своего Творца, становится плотяным (Быт. 6, 3). Только присутствие страха Божия в человеке свидетельствует о его духовности (5:152), которая в свою очередь влечет ум и сердце человека к правильному познанию истинного Бога (5:311). Кроме того, страх Божий, подобно верному стражу, всегда бдительно охраняет душевный дом христианина от всякого зла (2:253).

Он есть великий спасительный "дар от Господа" (2:252), как и говорит об этом Сам Бог устами пророка: "...И страх Мой дам в сердце их, ко еже не отступити им от Мене" (Иер. 32,40). Подавая спасительный дар страха Божия человеку, Отец Небесный, однако, не подавляет волю его, но предоставляет ему полную свободу в деле созидания своего спасения. Человек решает сам: принять ли этот дар и обратиться к Богу, или, отвергнув его, удалиться от Бога и идти гибельным путем.

Необходимым условием для принятия дара страха Божия является наличие в сердце человеческом веры в Господа. Точнее сказать, он усваивается человеком по мере его веры, потому что только вере свойствен истинный страх, благодаря которому верующий отвращается от всякого греха и беззакония. Когда вера угасает в человеке, то страх Божий оставляет его, вследствие чего душа ощущает полное опустошение. В таком состоянии душа легко склоняется к греховным побуждениям. Но

когда человек осознает свою немощь и снова водворит в своей душе спасительную веру и страх Божий, "тогда душа утешается, радуется, веселится и восклицает духом" (5:286). Так человек сам в себе испытывает тесную взаимообразную связь между верой, степенью усвоения дара страха Божия и своим духовно-нравственным состоянием. Если человек сердцем и умом, всем своим существом сознательно принимает дар страха Божия, возгревает его в себе, утверждается и совершенствуется в нем, то этот дар наполняет сердце человека, проникает собой всю духовную и душевную деятельность и оказывает решающее влияние не только на внутреннее его состояние, но и на внешнее поведение (2:253). Такая взаимосвязь указывает на необходимость деятельного участия самого человека в развитии и укреплении в себе этой добродетели, в созидании своего спасения.

Общий путь усвоения человеком дара страха Божия и развития его в спасительную добродетель должен состоять в том, чтобы человек постоянно осознавал свою греховность перед Богом и стремился к исполнению Его святой воли. Как учит святитель Тихон, на низшей ступени развития добродетель страха Божия основывается на сознании неотвратимости и неизбежности праведного суда Божия, на чувстве страха, боязни будущих вечных страданий за грехи; Бог воспринимается человеком пока как только грозный Судья и карающий Мздовоздаятель. Это первоначальное воздержание человека от греха лишь из рабского страха, из боязни быть наказанным Богом за грехи и перед будущими страданиями приводит человека к достижению сыновнего страха перед Богом. Таким образом, постоянное уклонение от зла и греха постепенно переходит в твердый навык угождать Богу. И это делает человека способным к принятию благодати Божией, которая еще более утверждает его в добродетели страха Божия, научает его уже не только уклоняться от зла, но и делать добро (Пс. 33, 15).

Далее рабский страх человека пред Богом и Его праведным судом постепенно преобразуется в возвышенное чувство благоговения пред Ним, в чувство сыновнего, искреннего и сердечного, беспрекословного влечения к Богу. В такой душе уже не боязнь наказания и страданий заставляет человека уклоняться от греха, но желание быть в единении с Богом (1:103). Так человек переходит на высшую ступень добродетели страха Божия — сыновнего страха. Это чувство сыновнего страха пред Богом удерживает человека от всех действий и помыслов, оскорбляющих величие Божие, от дел и намерений, не угодных Его всесвятой воле (2:253). На этой ступени страх Божий является для христианина сокровищем души, "душевным светом", освещающим его жизненный путь, его душу, мысли, дела и поступки (4:379). Христианин сознает себя не только и не просто творением Божиим, но чадом Его. Для него Бог уже не строгий Судья и Мздовоздаятель, но всеправедный, любящий Отец. Однако и на этой ступени духовного развития христианин не должен останавливаться. Его сыновний страх пред Богом по мере духовного преуспевания и под действием Божественной благодати должен перерасти в любовь к Богу и ближнему. Сыновний страх Божий, таким образом, является залогом высшего дара Божия человеку — совершенной любви, ибо только "страх Господень... на стезях любления поставляет" (Сир. 1, 13) (2:252). А любовь вводит христианина в общение и единение с Богом, "в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает" (1 Ин. 4, 16). Единение же с

Богом есть истинная и единственная цель жизни и духовных подвигов человека на земле.

Таким образом, духовное совершенствование человека и утверждение его в добродетели страха Божия составляют единый, неразрывный процесс, единый путь шествования к Богу.

Для человека, ищущего общения с Богом, указания только пути развития в нем страха Божия еще недостаточно. Ему важно знать также средства приобретения и усвоения этого дара.

Прежде всего, нужно помнить, что страх Господень "рождается и умножается при помощи Божией" (2:254). Он может восприниматься и развиваться в душе человека любого возраста, но наиболее благоприятным временем для этого являются детские годы. Детская душа не обременена еще житейскими попечениями и мирской суетой. Она чутко воспринимает добрые наставления и увещания старших, стремится ко всему доброму и возвышенному. Об этой особенности детского возраста необходимо помнить родителям; по своему христианскому долгу они должны прилагать все усилия для воспитания детей в страхе Божием, наставляя их на спасительный путь. "От воспитания бо все житие зависит, – говорит святитель Тихон, – и родители, в страсе Господни детей своих не воспитывающии, Божия наказания не избегнут" (1:105). В одной из инструкций учителям воронежских школ святой Отец обязывает преподавателей и наставников обучать детей не только грамоте, но и честной жизни, страху Божию, так как "грамота без страха Божия есть не что иное, как безумному меч" (1:254).

Человек, который не приобрел страха Божия в детские годы, но желает и ищет спасения души, должен знать, что страх Божий есть дар благодати и для получения его необходимо постоянно просить Бога о ниспослании этого дара и избегать греха (5:369). И, без сомнения, кто будет проводить свято свою жизнь и сердечно веровать во Христа, тот в короткий срок ощутит страх Господень в своем сердце (2:277). При этом следует всегда помнить, учит Задонский Святитель, что страх Божий как добродетель развивается и укрепляется в человеческой душе только при условии соответствующего расположения воли христианина и стремления его к благочестивой жизни. При строгой духовной настроенности христианин легко побеждает грех в самом его существе и все более укрепляется и возрастает в страхе Божием (5:369; 4:343).

Немаловажным средством, укрепляющим страх Божий в душе христианина, служит размышление "о свойствах Божиих" (2:255), Его величии, всемогуществе, что научает человека "везде и всегда обращаться так перед вездесущим и всеведущим Богом, как дети обращаются перед своим отцом" (4:343). Памятование о свойствах Божиих помогает христианину всегда пребывать в спасительном страхе Божием, иметь благоговение ко Господу и почитать Его, побуждает постоянно бодрствовать душою и искоренять зловредные страсти и пороки. Почитание же Бога "требует от нас, чтобы мы ничего противного его Воле не делали, ничего не только худого, но и праздного не говорили, и в уме ничего бы богопротивного не помышляли" (1:57).

Далее страх Божий рождается и утверждается в сердце человеческом от познания правды Божией, воздающей каждому по делам его, и от размышления о страшных карах Божиих, постигших грешников в древние времена, например, о наказании Богом Каина (Быт. 4), о наказании чело-

веческого рода потопом (Быт. 7), о судьбе содомлян (Быт. 19), о гибели фараона с воинством в море (Исх. 14), о смерти Дафана и Авирона, пожертых землею (Числ. 16), о гибели Авессалома (2 Цар. 17) и многих других примерах (2:254—255). Памятование об этих судьбах грешников и о том, что Бог, Который прежде казнил за грехи, и ныне говорит нам: "Аще не покаетеся, вси такожде погибнете" (Лк. 13, 3), утвердит страх Божий в сердце человека.

Особенно сильным и благодатным средством утверждения в страхе Господнем является слышание слова Божия (2:254), ибо от слышания его рождается истинная вера в Бога, а где вера, там и страх Божий (5:152). Слово Божие всегда было, есть и будет неиссякаемым животворящим источником спасения душ человеческих.

Для приобретения дара страха Божия имеются и другие благодатные средства, например, молитва, пост, покаяние, причащение Святых Христовых Тайн, единение с Христовой Церковью (2:254).

Далее рассмотрим спасительные свойства страха Божия. Прежде всего, он является сильнейшим христианским оружием в борьбе с грехом, помогает человеку уклоняться от греховных дел и поступков: "не дозволяет уму рассеиваться" (2:253), "языку не попущает много говорить, но более молчать, помышляя о том, что и за праздное слово следует воздать ответ в день судный" (2:254); не позволяет "глазам всего смотреть, ушам всего слышать, но всегда и от всего берещися и, по подобию птицы, осматриваться поучает" (2:253). Страх Божий удерживает человека не только от явных грехов, но и от тайных, ибо имеющий его всегда перед собой видит Бога (2:254) и боится прогневать Его, чтобы тем самым не лишиться Его милости (2:72).

Спасительное действие этой добродетели не ограничивается только удержанием человека от греха. Он является самым действенным средством сохранения христианского благочестия, содействуя уклонению человека от зла и научая его добродетельной жизни (5:152). Душа, "страхом Божиим окружаема и содержима, неподвижна бывает ни на какое зло" (4:343). Этот Божий страх не позволяет развиваться в душе христианина порочным наклонностям, прекращает доступ соблазнительных впечатлений в его "храмину сердечную" (2:254), сохраняет чистоту мыслей и чувств. Христианин, имеющий в своей душе страх Божий, силою Божией отвращается от всякого зла и направляет свою волю к деланию добра, и так человек день ото дня совершенствуется, становится лучшим (5:152). Тот, кто имеет этот дар Божий, "непрестанно и усердно молится и воздыхает, чтобы Сам Бог наставил его и сохранил от грехов и всего того, что ко греху приводит" (2:254).

У грешника страх Божий способен собой вызвать глубокое покаянное чувство (1:157). Он очищает душу христианина "от скверны греховной и уготовляет место духовной мудрости. Как бы начало телесного здравия есть, когда тело очищается от вредных соков: так начало здравия душевного есть, когда душа страхом Божиим свобождается от злых похотей и налогов, которые ее, как вредные соки, в немощь и бессилие приводят" (2:17).

Воспринятый душой сыновний страх Божий изгоняет из сердца христианина всякий страх пред людьми. Такой человек не станет раболепствовать перед власть имущими, но будет всегда честным и справедливым в своих суждениях. Боящийся Господа "не только никакой вре-

менной беды или страха человеческого, но и самой смерти не боится" (2:254). И это бесстрашие объясняется не безразличием или пренебрежением к земной жизни, а верой, что разлучение с телом ведет к блаженству души с Господом в Царстве Небесном, твердой верой, что "во Христе все оживут" (1 Кор. 15, 22). Христианин, боящийся Господа, согласен лучше "бедствовать и умереть, нежели согрешить, и в страхе Божии всякую беду и самый страх смертный премогает" (2:254). Святитель Тихон приводит многие примеры из Священного Писания, подтверждающие данную его мысль. Так, "Иосиф святый, сын Иаковль, изволяет лучше в темнице сидеть, нежели с женою египетскою смешаться и согрешить", три отрока блаженных не убоялись "разженной пещи", Сусанна не убоялась смерти "ради страха Божия" и другие примеры (2:254—255).

Все эти подвиги самоотвержения доступны бывают лишь тем, кто достиг совершенного страха пред Богом и полнейшей преданности Его святой воле. Внутренняя, духовная жизнь таких людей всецело сосредоточена в Боге. В Нем для них заключены все радости и утешения, смысл и цель их бытия. "Кто Бога единого боится, тот все в Боге находит. Ему Бог — честь, слава, богатство, утешение и живот и все блаженство, хотя от людей чести, славы, богатства, утешения и живота лишается" (5:330).

Господь особенно щедро изливает Свои благодатные дары на тех христиан, которые все свои дела и начинания совершают со страхом Божиим. Он утверждает их в христианских добродетелях (5:330), просвещает разум, ведет к благочестию, праведности и святости (2:18). Утвержденный в сердце христианина страх Божий становится главной движущей силой, направляющей всю его жизнь и деятельность к достижению единственно необходимой для него цели и смысла земного бытия — стяжания благодати Божией и единения с Богом (2:253—254).

И блажен человек, приобретший дар страха Божия. Но жалок и "беден, кто не боится Господа Бога" и небрежет о приобретении страха Господня (5:330). Стыд и посрамление будет уделом его в этой жизни и в будущей, потому что отсутствие страха Божия оказывает неблагоприятное, губительное воздействие на весь строй духовной жизни. По словам святителя Тихона, человек, не имеющий страха Божия, всей душой прилепляется ко всему тому, что кажется ему благом в этой временной жизни, к мнимым утехам и радостям, ибо "суета и мира любовь место в сердце его" занимают (5:41). Эта греховная привязанность человека к земным благам и удовольствиям не может быть угодна Богу и не только никогда не привлечет Его милость, но, наоборот, навлечет гнев и суд Божий. Человек, увлеченный только земными интересами и лишенный Божественной помощи, подвергает свою душу смертельной опасности. Без Божественной благодати и дара страха Господня он даже не может увидеть и понять, кто он и какова цель его жизни на земле; он духовно безоружен и абсолютно беззащитен от греха, ибо "бесстрашие отворяет путь ко всякому злу и беззаконию" (2:257). По выражению святителя Тихона, "как конь свирепый, не имея правителя, стремится и бежит, куда хощет и глаза смотрят: так человек, от природы ко всякому злу склонный, когда лишится страха Божия, как доброго правителя, на вся злая устремляется" (2:257). Тогда он прилагает к беззаконию беззаконие, падает от греха во грех, злое мыслит, злое говорит и, "как по ступеням, по различным беззакониям во глубину зол нисходит" (2:257).

Горе человеку, небрегущему о хранении дара страха Божия и не укрепляющему им своих духовных сил. У такого человека нередко происходит разлад не только в жизни духовной, но и в физической, появляется несоответствие между внешним выражением Богопочитания и внутренним содержанием жизни. Он становится лжецом, который, пытаясь обмануть Бога, обманывает себя. Бог отвращается от такового, ибо Он ненавидит "всяк путь неправды" (Пс. 118, 104). "Лживые христиане, – говорит святитель Тихон, – мнятся Богу благодарить, когда в церковь ходят, поют и хвалят Его, но, поскольку страха Его не имеют и не любят Его.., то хождение в церковь, песни и славословие их не иное что суть, как лицемерие, которое Бог, сердца и утробы испытуяй, ясно видит, и тако песней, славословие и молитв их не приемлет и отвращается, пока не исправят сердца своего" (2:60). Христиане, не имеющие или не хранящие страха Божия, только внешне почитают Бога, "ради стыда человеческого, а не от страха Божия" (1:72), потому что они боятся лишиться временного благополучия, боятся временного бесчестия, а не вечного наказания.

Как указывает Задонский Святитель, кроме спасительного страха Божия, есть еще и другие виды страха. Одним из них является страх, который имеют нечестивцы и не желающие раскаяться грешники. Такой страх "и бесы имеют, "яко веруют и трепещут" (Иак. 2, 19)" (3:19). Другой вид неспасительного страха – страх перед животными, силами природы, перед людьми, перед смертью – вызван у человека грехом, отдаляющим его от Бога. "Видим, что люди тамо боятся, где нет страха, но тамо не боятся, где истинный страх есть. Боятся лишиться чести, славы, богатства, что все необходимо оставить всякому следует, но не боятся беззаконовать и вечно погибать. Сие есть ослепление ума человеческого" (5:91). Люди тогда боятся лишиться временного благополучия, когда оставляют страх Божий, страх мук вечных. "Ради временного мучения и смерти все оставляет человек, чтобы от того спастися" (5:40).

Так грех затмевает душевные очи человека. Он допускает в сердце человека сатану, и тот расхищает душевный дом человека, так что он совсем перестает бояться вечных мук, но боится временных в земной жизни. "Дивно, – говорит святитель Тихон, – что люди плотяные того не трепещут, что демоны-духи трепещут!" (5:40). Люди, забывшие о вечной смерти, нерадят о спасении души. "Люди в мире сем стараются произойти в честь, сыскать себе славу, собрать богатство, угодить плоти и похоти, и уже не тое думают, как бы угодить Богу и спастися, но как бы понравиться людям, и у них быть в почтении и похвале: отсюда произошло... плотяное... житие" (5:40).

Итак, приведенные мысли святителя Тихона дают возможность заключить, что страх Божий поистине есть начало духовной мудрости (2:17), источник и основание спасения человека в Боге (5:330). Страх Божий является путеводителем человека ко Христу и воспитателем его в Боге. Имеющий в себе страх Божий и пребывающий в нем удобно спасается от умыслов злокозненного врага – диавола и достойно проходит поприще духовного подвига. Только в таком случае душа христианина сможет служить Богу с благоговением (Евр. 12, 28), ощутить в себе присутствие освящающего ее Духа Святого. Она открывает человеку вход в Царство Небесное, ибо "страх Господень – источник жизни" (Пр. 14, 27).

5. СМИРЕНИЕ

Весь строй нравственной жизни христианина, стремящегося ко спасению, определяется его богоугодной деятельностью, его доброделанием. Все добродетели имеют для человека непреходящую ценность, ибо значение каждой из них простирается в вечность. Однако особенное значение в духовной жизни человека имеет смирение, которое принято называть фундаментом в деле спасения. Для того чтобы обрести душевный покой в Боге, Спаситель мира со страниц Евангелия призывает Своих последователей научиться Его смирению и кротости (Мф. 11, 29).

Согласно с учением Священного Писания, святитель Тихон Задонский также придает добродетели смирения большое значение. Он указывает, что эта добродетель имеет Божественное происхождение, ибо "начало свое имеет не от иного кого, но от Христа, Царя небес и земли" (2:264). Глубочайшее смирение Христа Спасителя непостижимо для человеческого разума (2:259). Сын Всевышнего и Господь славы, обладающий Божественным величием и всемогуществом, не устыдился принять человеческую природу, жить на грешной земле, служить людям. Во время Своей земной жизни Христос Спаситель явил множество примеров высочайшего подвига смирения. Так, например, Творец всего видимого и невидимого мира не возгнушался умыть ноги Своим ученикам, принять самую позорную и ужасную смерть на кресте (1:44). "К сему глубочайшему и нашим умом непостижимому смирению, – пишет святитель Тихон, – убедило Его не иное что, как любовь к Небесному Своему Отцу, Который гордостью и непослушанием человеческим был оскорблен, и сожаление к человеку, который ради преслушания от лица Божия отвержен был" (2:259). За гордость и непослушание человека Сын Божий принес в жертву Богу Отцу всесовершенное смирение, кротость и покорность. Смирение Христово поэтому имеет непосредственную связь с делом искупления всего человечества. И только смирение, выразившееся в покорности Богочеловека воле Небесного Отца даже до самой страшной и унизительной крестной смерти, принесло удовлетворение правде Божией, примирило человечество с Богом (2:259). Таким образом, смирение Христа Спасителя, лежащее в основании Его искупительного подвига, открыло для людей всех времен и народов путь ко спасению, к вечной блаженной жизни в Царствии Небесном.

Каждый христианин, вступивший в Церковь Христову, должен путем личного, сознательного и свободного подвига стремиться подражать Христу и таким образом стать причастником Его праведности. Подражая и уподобляясь Спасителю в смирении, терпении и кротости, христианин совершает сознательное уничтожение в душе последствий прародительского грехопадения – греховных наклонностей. Если в основании греха прародителей лежала "гнусная и мерзкая" гордость и неотделимое от нее своеволие, то в основании новой, благодатной жизни во Христе должно лежать диаметрально противоположное начало – смирение (5:228). Следовательно, от стремления человека к смирению или гордости зависит его близость к Богу или удаление от Него.

По мысли святителя Тихона, смирение есть небесный дар, стяжать который должен каждый христианин, ибо эта добродетель лежит в основании внутренних отношений человека к Богу, определяет их существо и характер. Только осознав свою всецелую зависимость от Соз-

дателя, прочувствовав недостоинство и греховность своей души, удаленность от первозданной чистоты и богоподобия, человек может приступать к Богу и обращаться к Нему за помощью. Без смирения приближение к Богу невозможно (2:39). Всякий грешник, обращающийся от беззаконной жизни, должен приходить к Небесному Отцу со смиренным сердцем и сокрушенной душой (2:263). Только такая настроенность привлекает благоволение и милость Божию, помогает человеку положить начало богоугодной жизни, стать на путь духовного обновления и спасения. Со смирения, таким образом, начинается путь восхождения к Богу, на нем же, как на незыблемом основании, строится весь процесс духовного роста человека. Сознание собственного недостоинства должно быть присуще человеку не только в период его обращения от греха к новой, богоугодной жизни; оно должно сопровождать христианина в течение всей его земной жизни. Смирение определяет степень его религиозно-нравственного развития. Чем чище в нравственном отношении человек, чем совершеннее он в добродетелях, тем глубже бывает его смирение и сознание собственного недостоинства.

Смирение — это азбука христианской жизни, начало и основание всех добродетелей, без которого "всякое духовное созидание нарушается и падает" (4:215). "Без смирения покаяние ложное... без смирения молитва бесполезна" (2:263), т. е. ни одна из христианских добродетелей без смирения не может помочь человеку в деле спасения, ибо все они ценятся у Бога по степени смирения человека. Любая добродетель, любой вид христианского подвига могут принести желанные спасительные плоды только в том случае, если будут соединены с сознанием нравственного несовершенства и собственного недостоинства христианина перед Богом. И каких бы высот духовной жизни ни достиг человек, в его душе не должно быть даже и малейшей тени самомнения, никакой мысли о каких-либо заслугах пред Богом. В противном случае его духовные подвиги становятся бездейственны, единение с Богом нарушается, что нередко приводит к греховному падению, а значит, и к духовной смерти. Смиренный человек, какие бы подвиги ни совершал, всегда видит свое недостоинство, свои немощи и недостатки, и это побуждает его возлагать надежду и упование только лишь на благодать Господню, действующую в его душе (4:220). И если смирение является основанием всех добродетелей, то оно в то же время есть и лучшее средство в борьбе с грехом. Оно способно укрощать злобные порывы в душе человека, отрезвлять грешников, изгонять душевные страсти, пороки и искоренять человеческую гордыню (2:262). Кроме того, смирение является самым действенным оружием в борьбе с духами злобы, которые расставляют бесчисленные сети для уловления человеческих душ. Спит ли человек, бодрствует, беседует, ест, молится — всегда и везде диавол стремится расслабить его душу и отвратить его ум и сердце от Бога. Даже добрые дела и начинания злой дух стремится свести на нет посредством горделивых помыслов и греховных желаний. Как учит святой Отец, губительные сети коварного врага может распознавать только тот, кто стяжал в своем сердце смирение Христово (2:260). Лишь оно удостаивает человека благословения свыше, дарует Божественную благодать, которая помогает ему во всех добрых начинаниях, укрепляет и поддерживает в духовной борьбе, жизненных невзгодах и, при благом соизволении самого человека, совершает дело его спасения (4:344).

Без добродетели смирения совершенно невозможно религиозно-нравственное совершенствование человека. Одним из факторов, обусловливающих успешный процесс христианского совершенствования, является стремление человека к исправлению своих недостатков и порочных наклонностей. Это стремление стать лучше, совершеннее может возникнуть только у того, кто глубоко осознал свою греховность и духовную нищету. Такая внутренняя настроенность человека является стимулом его духовного роста, ведущим к высотам нравственной чистоты и богоуподобления. Без смирения немыслимо и само духовное совершенство христианина. Для того чтобы проследить связь между добродетелью смирения и христианским совершенством, следует указать, что последнее определяется, главным образом, как совокупность всех добродетелей, которые совершает в своей жизни христианин. Между всеми добродетелями существует тесная, неразрывная связь, ибо, совершая одну добродетель, христианин вместе с ней совершает в какой-то мере и ряд других добродетелей. Но это не потому, что в одной добродетели заключаются все другие добродетели по их содержанию, а единственно потому, что всякое добро исходит от одного источника – Бога. Вследствие этого христианское совершенство, как совокупность добродетелей, есть не что иное, как обилие благодатных Божественных дарований. По учению святителя Тихона Задонского, этих благодатных даров сподобляются только смиренные сердцем; на них истекают "реки дарований Божиих" (2:262). При этом святой Отец замечает, что Бог, богатый в милости и щедротах, всем желает подать благодать Свою, но не у всех находит удобное к восприятию Его Божественных даров сердце. Тот, кто сознает свою духовную нищету, не только привлекает к себе Божественные дарования, но и является лучшим сосудом для их хранения. Дарования Божии в смиренном сердце, как в сокровищнице, сохраняются, ибо такое сердце благодать и страх Божий окружают и, как верный страж, хранят его (2:262).

Кроме того, смирение служит необходимым ключом для правильного понимания истин Священного Писания. Только тем, кто стяжал эту добродетель, Бог открывает тайны Своего домостроительства. Поэтому всякий желающий получить истинное ведение Божественных тайн должен не только познать свою духовную слепоту, но и отложить всякую надежду на свои познавательные способности, на собственный рассудок. По выражению святителя Тихона, "Бог от тех, которые мнят себе быти мудрыми и разумными, тайны Своя утаевает, и открывает младенцам; то есть, простосердечным и признающим свое невежество" (2:154). Без сознания своего невежества человек, если даже и изучит все Священное Писание, останется духовно слепым и никогда не постигнет сокровенной премудрости слова Божия.

Добродетель смирения не ограничивается сферой земного бытия человека, но простирается в вечность. И если здесь, на земле, смирение есть причина всех благ (1:146), то тем более по отшествии из этого мира оно делает своего носителя причастником вечного блаженства. Ибо Бог любит смиренных сердцем и нищих духом и для них уготовал блага Своего Небесного Царства (4:218).

В свете исключительной важности добродетели смирения в деле спасения человека большой интерес и ценность представляет учение святителя Тихона Задонского о средствах стяжания этой христианской доб-

родетели. Однако прежде чем перейти к освещению этого вопроса, необходимо изложить учение святого Отца о свойствах и признаках истинного смирения.

Истинно христианское смирение человека есть живое чувство и глубокое сознание того, что он сам по себе ничего не значит и ничего доброго сделать не может, а если и сделает что-то доброе, то только с помощью Божией, Его силой и любовью (4:195). Христианин, имеющий в своей душе этот драгоценный дар, всегда бывает доволен своим положением и за все выражает благодарение Богу. В глубине сердца такого человека постоянно слышится внутренний голос, указывающий ему на его несовершенство и греховность. Он считает себя недостойным милости Божией (4:195), но достойным всякого наказания (5:113). Такая настроенность человека помогает ему великодушно, без ропота и терпеливо переносить все жизненные испытания и скорби, ибо добродетель смирения "без терпения быть не может, и где терпение истинное, тамо и смирение" (2:265).

Смиренное устроение души обнаруживает себя не только в отношении человека к Богу; с еще большей полнотой и силой оно проявляется во взаимоотношениях христианина с окружающими его людьми. Смиренный сердцем видит только свои пороки, сознает себя грешнее других и всегда готов оказать каждому свое внимание и любовь. Такой человек постоянно стремится начальствующим оказывать послушание, равных и низших по должности не презирать, но обходиться с ними как с братьями, хотя бы и имел перед ними какие-либо преимущества. Смиренный последователь Христов смотрит не на свои дарования, а на свою греховность и поэтому в глубине своей души сознает, что он является только недостойным носителем Божиих дарований (4:195). И чем больше смиряется он, чем ревностнее стремится исправить свои недостатки, тем снисходительнее становится он к окружающим. Напротив, взыскательность свойственна по преимуществу тем, которые не обращают внимания на свои собственные слабости и пороки. Смиренному человеку свойственно не осуждать не только словом, но даже и мыслью (2:265).

Согласно учению св. Тихона Задонского, пробным камнем для смирения христианина являются обиды, причиненные ему со стороны других людей, и различного рода поношения. "Многие люди, – пишет Святитель, – кажутся смиренны, доколе обиды не приемлют" (2:50). Отсюда становится ясно, что истинное смирение должно проявляться в терпеливом перенесении обид и укоризн; смиренные сердцем при обидах не огорчаются, не гневаются на своих обидчиков, но, наоборот, благодарят Бога за посланное им вразумление и молятся о них. Все эти скорби они переносят с благодушием, так как считают себя достойными всяких унижений и поношений (2:171). Если же смиренный "кого чем оскорбит от неведения и неосторожности, как то всякому человеку случается, не стыдится падать пред ним и просить прощения, хотя бы оскорбленный и низший его или подвластный его был" (4:195).

Далее следует отметить, что тот, кто стяжал истинное смирение, не только не завидует другим, но не ищет и собственной чести и славы, а если и случится ему занять высокое положение в обществе, то принимает это с крайним нежеланием, так как смиренное сердце везде и всегда ищет последнего места (4:324).

Характеризуя признаки христианского смирения, святитель Тихон Задонский в своих трудах особенное внимание обращает на то, чтобы смирение стало внутренним достоянием христианина. Именно поэтому он, очень часто употребляя слова "истинное смирение", указывает этим на соответствующую настроенность человека, сознание им своего недостоинства, отпечатленное в его сердце. Эта внутренняя настроенность, как правило, чаще всего выражается и во внешних действиях и поступках христианина. "Смирения знаки есть главы преклонение, коленопреклонение, на землю свое повержение, в перси биение и прочее" (1:190). Однако не всегда эти внешние действия являются выражением истинного смирения. Нередко подобные поступки суть лишь внешние действия лицемерного благочестия (2:264). Очень метко святой Отец характеризует признаки внешнего, неистинного смирения. Он пишет: "Многие отлагают чины и титулы мира сего, но не хотят отложить высокого о себе мнения; отрицаются чести и сана мирского, но хотят почитаться ради святости. Многие не стыдятся называть себя пред людьми грешниками, но от других того слышать не хотят, и потому устами только таковыми себе нарицают. Иные, как серп, сляченную выю носят, но внутрь ум возносят. Другие низкие поклоны братии своей отдают, но сердцем непреклонны бывают" (2:264). Такое внешнее смирение не может принести желаемых результатов на ниве духовной жизни, ибо Бог смотрит на сердце человека (3:198). Ложное смирение легко познается по своим плодам, ибо как раскаленный камень или железо не издают шума до тех пор, пока не попадет на них вода, так и те, которые кажутся смиренными и кроткими, бывают любезны и обходительны с окружающими до тех пор, пока не подвергнутся поношениям. А как только почувствуют обиду, гневаются, ярятся и шумят, как железо горячее, облитое водой. Это свидетельствует о том, что в сердце человека отсутствует истинное смирение (2:50). Посему каждый христианин должен стремиться стяжать смирение не только в словах, делах и мыслях, но и в сердце всегда считать себя хуже всех (1:106).

Стяжание спасительной духовной нищеты – длительный процесс, требующий целенаправленной деятельности всех душевных сил человека. И эта деятельность должна быть прежде всего направлена к самопознанию (4:214). Каждый христианин, стремящийся к приобретению добродетели смирения, должен жить внутренней, духовной жизнью, быть внимательным к своим действиям и поступкам. Только в таком случае он легко сможет замечать греховные движения собственной души. И чем чаще будет проникать христианин своим мысленным взором в тайники своего сердца, тем более будет познавать свою нравственную испорченность и греховность. От этого познания в душе человека рождается смирение, ибо кто, познав "сердца своего немощь, слабость, растление и окаянство", не смирится? (3:328). Поскольку все люди имеют в себе греховные недостатки, то и смиряться должен каждый человек. Однако, по утверждению святителя Тихона, немногие имеют истинное смирение, так как большинство людей не познают свою бедность и окаянство (2:265). Смиренное сознание собственного недостоинства должно быть достоянием не одного лишь рассудка человека, но всего его существа. Нельзя ограничиваться одним желанием стяжать смирение, не прибегая при этом к внешним средствам и способам; но должно ежедневно упражняться в смиренномудрии и приучать себя к этому деланию. С этой целью святой

Тихон советует не искать почестей и славы, но стремиться избегать похвал, о всяком благодеянии молчать (2:265) и приписывать его единому Богу (5:112). Кроме того, христианин, стремящийся к стяжанию смирения, должен удаляться от осуждения других и без нужды не говорить (1:146).

Труд христианина, направленный на приобретение добродетели смирения, должен иметь неразрывную связь с его общим религиозно-нравственным развитием, направленным на достижение христианского совершенства. Возрастая в добродетелях и имея постоянную устремленность к жизни святой, богоугодной, христианин должен помнить о сущности своего призвания, которая очень ярко и просто выражена в следующем наставлении св. Тихона Задонского. "Познаем, возлюблении, – пишет он, – что мы христиане от Христа кроткого и смиренного сердцем; стыдно и весьма неприлично гордиться христианам, когда Христос, великий и высокий Бог, смирил Себе. Срамно гордиться рабам, когда Господь их смирен. Нет ничего так неприличного и непристойного христианам, как гордость, и ничто так не показует христианина, как смирение. От смирения познается человек, что он истинный есть ученик кроткого и смиренного сердцем Иисуса. Аще убо хощем показать свидетельство, что мы истинные христиане, научимся от Христа смиренными быть, якоже Сам Он увещает нас: "научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем" (Мф. 11, 29)" (5:228). Постоянное стремление христианина осуществить этот идеал в своей жизни и является определяющим фактором в деле стяжания добродетели смирения. К Божественному идеалу кротости и смирения должны стремиться не только те, которые только становятся на путь спасения, но и те, которые уже достигли высот христианского смирения, ибо каждый христианин призван облечься в кротость и смиренномудрие, "последуя Единородному Сыну Божию" (2:165).

6. МОЛИТВА

В деле христианского совершенствования и спасения особое место занимает молитва. Она способствует одухотворению жизни христианина, просвещению его ума, очищению сердца, поддерживает и укрепляет силы души в подвиге доброделания. Приобретший истинную молитву восходит на высоту всех добродетелей и становится обителью Святого Духа.

По учению святителя Тихона Задонского, молитва является Божественной заповедью. Еще в Ветхом Завете Бог взывал к человеку: "Призови Мя в день скорби твоея" (Пс. 49, 15). Пришедший на землю воплотившийся Единородный Сын Божий подтвердил эту ветхозаветную заповедь, дав надежду на исполнение просимого всякому молящемуся: "Просите, и дастся вам: ищите, и обрящете: толцыте, и отверзется вам" (Мф. 7, 7) (3:101).

Заповедь о молитве свидетельствует о безграничной любви Божией к человечеству. Хотя всесовершенный, вседовольный и всеведущий Бог не нуждается в молитвах людей, ибо и без молитвенных обращений Он ведает нужды всех Своих творений, однако молитва нужна прежде всего самому человеку и является для него величайшим благом. Только через молитву могут люди, существа тварные и ограниченные, общаться с

Богом – всемогущим Создателем мира, Промыслителем и Спасителем, от Которого всецело зависит как земная, временная жизнь, так и вечная участь каждого человека. Поэтому и называет святитель Тихон молитву делом великой Божией благости (3:101).

Молитва является насущной потребностью человеческого духа, выражением веры и надежды о Христе Иисусе, ибо где есть вера, там есть и молитва, так как верить и не молиться фактически невозможно. Молитва – это душа веры, сама ее жизнь.

С пришествием Христа на землю молитва приобрела новый смысл, значение и силу. Ради правды Христовой и Его высочайших заслуг, ради Его искупительных страданий и смерти Бог Отец подает блага всем просящим у Него (3:103). Дух Святый, привлекаемый в душу молитвой, помогает человеку приготовить душу к блаженной вечности. И поистине, когда благой Утешитель коснется человеческого сердца, тогда от Него, как от фимиама, восходит к престолу Всевышнего воздыхание, святое желание, истинная молитва (3:104).

В своих творениях Святитель указывает и на естественные причины, побуждающие к молитве каждого верующего человека. Постоянные и многочисленные телесные нужды, беды, скорби, искушения побуждают христианина усердно молиться Богу (3:101). Особенного молитвенного подвига требуют его духовные нужды, связанные с заботой о спасении. Тот, кто стремится к вечной жизни и просит с верой у Бога помощи в борьбе с грехом, тот непременно и без сомнения получит просимое (3:102).

Совершенная молитва в своем идеальном проявлении подобна ангельской. Чтобы достичь такой молитвенной высоты, христианин должен приложить к этому все силы своей души, ибо молитва есть всецелое обращение ума и сердца человека к Богу (4:316—317; срав. 2:325). Этим определением выражается внутренний характер молитвенного делания. Истинная молитва не всегда проявляется в словесной форме; она способна совершать спасительные действия и без слов. Такая молитва бывает часто недоступна зрению и пониманию окружающих людей, но Бог – Сердцеведец "сердечное наше желание, воздыхание слышит... и самое помышление наше знает; равно пред Ним как слово, так и помышление наше" (2:325—326).

И если молитва есть беседа человека с Богом (2:325), то это не только указывает на внутреннее ее достоинство, но и наилучшим образом свидетельствует о характере взаимоотношений между Богом и человеком. Как сыны Божии по благодати, христиане сподобляются высочайшей милости и чести беседовать с Богом; только они могут, как дети отцу, говорить Ему со страхом и трепетом о своих различных нуждах (3:434). Таким образом, беседа эта – молитва – является символом примирения с Богом падшего человечества, усыновленного во Христе Богу Отцу.

Вот почему молитва является важнейшим средством спасения человека, ибо через нее христианин не только приходит к Богу, но и навечно соединяется с Ним (3:257—258). При постоянном молитвенном упражнении он входит в духовное общение с небесным миром, переносится туда своим умом и сердцем, так что небесная отчизна становится для него близкой и родной уже здесь, на земле. А это приближение к вечности дает христианину возможность опытно познать радость общения души с Богом и горним миром, радость новой, благодатной жизни во Христе.

Сердце молящегося, ощутив приток Божественной благодати, обновляющей его духовные и телесные силы, становится непоколебимой твердыней спасающей веры. Усердный молитвенник бывает свободен от искушений маловерия, так как он на деле познает достоинства христианской религии и явно ощущает присутствие и действие Божественной благодати в Церкви Христовой. Вера его восходит на степень непоколебимой уверенности, которая, как правило, проявляется во всех сферах деятельности человека. В этом отношении молитву можно сравнить с влагой, орошающей дерево: ибо благодать Божия, как тихий дождь, снисходит на молящегося, орошает его сердце и делает способным творить дела веры (2:324).

Таким образом, в деле духовного и нравственного совершенствования христианина молитва имеет большое значение. Она, как свет, указывает молящемуся путь духовного восхождения (4:379), просвещает все его духовные силы: ум озаряет истиной боговедения, сердце наполняет святыми желаниями и стремлениями, волю утверждает на пути истинного богоугождения (2:154). Освященная Божественной благодатью, душа человека устремляется к стяжанию христианских добродетелей. Все существо христианина приобретает духовную ценность, собранность, спасительную устремленность ко спасению и вечной жизни.

Христианское совершенствование, направленное и поддерживаемое молитвенным подвигом, неразрывно связано с нравственным преуспеянием христианина. Душа и сердце молящегося всегда чутко реагируют на малейшее отклонение от норм нравственной жизни, побуждая его зорко следить за чистотой собственной совести пред Богом и всеми людьми. В этом смысле молитву можно назвать не только средством нравственного совершенствования, но и проводником целомудрия в высшем смысле этого слова (1:233).

Связь молитвенного делания с подвигом христианского совершенствования обнаруживается и через характерные духовные ощущения молящегося. Молитва искренняя, сердечная, с участием всех душевных сил человека всегда пробуждает в нем чувство собственного недостоинства, которое происходит от сознания величия, святости и всемогущества Божия, а это в свою очередь понуждает христианина с еще большим усердием искать помощи у Бога, Подателя всех благ и совершенств. Именно в этом смысле называет святитель Тихон молитву "всех благ ходатаицей" (4:40). Таким образом, молитва сама по себе выражает стремление совершителя к святости и совершенству. Отсюда можно указать еще на одно значение молитвы: она является своеобразным показателем уровня духовной жизни христианина, зеркалом его религиозно-нравственного состояния. Если христианин имеет желание молиться, значит, есть у него и стремление к жизни святой, совершенной, а если нет такого желания, нет соответственно и стремления к нравственному обновлению и богоугодной жизни.

Кроме того, усердная молитва является первостепенным средством к пониманию и изучению слова Божия, заключенного в Священном Писании Ветхого и Нового Завета. Священное Писание содержит высочайшие истины Божественной премудрости, которые не в состоянии постигнуть ограниченный и омраченный грехом человеческий разум. И кто пытается собственным умом постигнуть тайны Божественного домостроительства, тот, как правило, уклоняется на путь лжеучений. Поэтому

христианин, желающий уразуметь истинный смысл Божественных Писаний, должен "усердно молиться Подателю премудрости — Богу" (2:18).

Молитва есть также сильное оружие в борьбе христианина с духами злобы. Всегда и везде он должен быть готов отразить молитвой всякий вражий прилог (3:444).

Сердце христианина, беседующего в молитве с Богом, исполняется желанием удаляться от всего греховного и богопротивного; в его душе поддерживается и укрепляется спасительная ревность к решительной борьбе с грехом и страстями (1:191). Во время молитвы сердце христианина освобождается от уз земных привязанностей и низменных влечений. Этот фактор является решающим в деле борьбы с греховными наклонностями. Всякий грех, всякая нечистая страсть возникают, растут и укрепляются в человеке в той мере, в какой он бывает привязан к плоти, миру и диаволу. Но кто совершает истинную и богоугодную молитву, тот не только расторгает союз с источником греха, но и устраняет возможность дальнейшего развития страстей в своей душе. Вот почему и после совершения молитвы человек должен сохранять в душе молитвенную настроенность и уклоняться от небогоугодных дел, греховных мыслей и желаний. Следуя таким путем, христианин приобретает особую чуткость ко всякому греховному движению или прилогу, постоянно возникающему в душе или же всеваемому извне. Молитва, таким образом, предохраняет христианина от греховных поползновений, а в случае падения она является лучшим средством для его уврачевания (4:115).

Труден и тернист жизненный путь человека на земле. Телесные болезни, смерть близких и дорогих лиц, незаслуженные обиды и притеснения, внезапные бедствия и различного рода несчастья тяжелым бременем ложатся на плечи всякого человека. На этом тернистом пути лучшей отрадой и утешением является молитва. Соединяя человека с горним миром, она убеждает его в непреложной отеческой любви к нему Господа, услаждает сердце верой во всеблагой Промысл Божий. А в нашедших на человека скорбях и страданиях молитва, как нельзя лучше, способствует прекращению безнадежной тоски, уныния и печали, ободряет душу человека, побуждает его к достойному несению жизненного креста (2:325). В любых жизненных испытаниях молитва научает усматривать в них добрые стороны, развивает терпение, мужество, преданность воле Божией. Кроме того, обращение к Богу в молитве не только дарует утешение в скорбях и испытаниях, но нередко избавляет от бед и даже от смерти (1:191).

Совершенно невозможно дать исчерпывающий ответ о значении молитвы в деле созидания в душе христианина Царства Небесного. Эта замечательная добродетель не только привлекает в душу христианина спасительную благодать, но и соединяет его с Богом.

Насколько велики и бесценны плоды молитвенных занятий для христианина, настолько же пагубно бывает для него расслабление в молитве и нерадение о ней. Всякое доброе дело и начинание, не освященное молитвой, т. е. совершаемое не ради Христа, не приносит христианину пользы в деле спасения. "Без прилежной молитвы, — пишет святитель Тихон Задонский, — всякое усердие тщетно бывает" (3:122). Особенный вред испытывает душа христианина от оставления молитвы, когда она постоянно бывает занята лишь земными заботами и житейскими попечениями. В таком случае она недугует страстями, омрачается, теряет стрем-

ление к жизни святой, богоугодной и уподобляется птице, не имеющей крыльев, или же воину, находящемуся на войне без оружия (5: 167). И если в душе христианина появляется постоянная холодность, отвращение к молитвенному подвигу, то это всегда служит верным признаком духовного расслабления и болезни. Тот, кто оставляет молитву, уже не является воином Христовым и добровольно уступает победу бесплотным врагам в невидимой духовной брани (4:51). Духовное расстройство христианина, происшедшее от небрежения к молитве, может перейти в необратимый процесс, ведущий к духовной смерти христианина, ибо вслед за нерадением о молитве, как правило, идет оскудение веры и постепенное ее угасание. Человек теряет страх Божий, начинает вести порочную жизнь, развращается, из-за множества грехов приходит в отчаяние и, наконец, становится на путь явной погибели (2:325).

Для того чтобы вести добродетельную жизнь и не уклоняться на путь греха, каждый христианин должен знать, в чем заключается правильная и богоугодная молитва и каковы ее признаки. Истинная молитва, творимая в глубине человеческого духа, может и не иметь своего внешнего проявления. Ярким примером такой молитвы является сердечный зов к Богу Моисея, когда он привел израильтян к Чермному морю. Никто не видел его молящимся в это время или взывающим к Богу, потому что все это происходило в тайниках его сердца. Однако Господь во всеуслышание говорит ему: "Что ты вопиешь ко Мне?" (Исх. 14, 15). Подобным образом и Анна, мать пророка Самуила, ничего не говорила устами, но только из глубины сердца воздыхала ко Господу — и услышана была молитва ее (1 Цар. 1, 13) (4:413—414). Главным в молитвенном подвиге должно быть живое ощущение присутствия Божия и глубокое, сердечное чувство, потому что Бог смотрит на сердце человека. Отсюда вытекает, что молитва христианина должна быть сосредоточенной и целеустремленной.

Правильная молитва всегда сопровождается чувством глубочайшего смирения и благоговения пред Богом. Молясь Творцу видимого и невидимого мира, обладающему бесконечными совершенствами, христианин должен ясно сознавать свое недостоинство и верить, что все вещественные и духовные блага, которыми он обладает, являются не чем иным, как дарованиями Божиими. В глубине своего духа молящийся обязан чувствовать свою ничтожность и бедность, что он недостоин предстоять вечному и всемогущему Владыке (4:39). У него не должно быть даже и тени самомнения или мысли о каких-либо своих заслугах пред Богом. Без такой настроенности бесполезны бывают молитвенные занятия, тщетны обращения к Богу (2:39).

Сердце истинного молитвенника преисполнено христианской верой, надеждой и любовью; без них и не может быть богоугодной молитвы (2:319). Живая вера, твердая надежда, нелицемерная любовь к Богу возбуждают в душе христианина чувство всецелой преданности Его всесвятой воле. Истинный молитвенник имеет сердечную уверенность в том, что Господь знает все его телесные и духовные нужды и всегда готов удовлетворить их, если это только полезно для его спасения.

Прежде всякого молитвенного прошения христианин должен прославлять Бога за Его высочайшую святость и совершенство, благодарить своего Творца за Его заботу и промышление о каждом человеке, живущем на земле (3:258). Воздав славословие и благодарение, христианин может просить Небесного Отца о всем, что служит к его собственной

душевной и телесной пользе, и прежде всего о том, чтобы Господь укрепил в душе веру, даровал прощение грехов, очищение сердца от страстей, укрепил в скорбях, бедах и искушениях. Не должны быть чужды сердцу молящегося и просьбы о телесном здравии, об одежде, пище, покое и прочих житейских благах. Причем в молитве о духовных нуждах он не должен сомневаться в получении просимого, ибо Сам Бог клятвою подтвердил, что не хочет смерти грешника (Иез. 33, 11). Молитвы же о материальных благах не всегда могут быть исполняемы Богом, и это потому, что люди весьма часто просят бесполезное и даже душевредное для них (3:102—103).

Но не только о собственных духовных и телесных благах должен молиться христианин. По своей христианской любви он обязан понуждать себя молиться и за других людей, просить им у Бога милостей как во временной, так и в вечной жизни, ибо все христиане есть одно духовное тело, имеющее единую Главу Господа Иисуса Христа и просвещаемое единым Духом Божиим. Как в телесном организме все члены заботятся друг о друге, так и в духовном теле Церкви все ее члены должны в молитве проявлять такую же заботу (2:328). Итак, каждый христианин должен молиться о властях, о пастырях церковных, о родственниках, близких, друзьях и вообще о всех христианах. Наиболее совершенной и богоугодной молитвой бывает та, которая возносится за врагов и неблагожелателей. Такой молитве научает Своих последователей Сам Спаситель, говоря: "Молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы" (Мф. 5, 44) (3:105).

Содержание молитвы может определяться не столько мыслями и чувствами христианина, сколько воздействием благодати Божией на его душу, ибо сам человек, по слову Апостола, о чем молиться, как должно, не знает (Рим. 8, 26). Когда же, возбуждаемая благодатью, молитва исходит из сердца, когда человек кратко, но усердно взывает: "О, Господи, помилуй! О, Господи, ущедри! О, Господи, услыши и спаси!" — такая молитва проходит небеса и восходит к престолу Господа Вседержителя (4:342).

Совершаемая в глубинах человеческого духа, молитва может проявляться и во внешних действиях молящегося, как-то: возведение очей и рук к небу, коленопреклонение, произнесение слов молитвы вслух (3:105). Однако сила и значение молитвы заключаются не в механическом произнесении слов, не в количестве поклонов, а в богоугодных мыслях и чувствах. Вот почему все христиане на молитве должны внимать одному Богу, "дабы как телом, так и духом пред Ним падали, и что язык говорит, о том бы и ум и сердце не молчало; словом, чтобы внутренность молящегося с наружностью согласна была" (4:40). Усердно предстоя Богу телом в молитве, христианин должен следить за тем, чтобы и его внутренняя настроенность соответствовала движениям тела, ибо нередко бывает, что, предстоя телом в молитве, он умом и сердцем далеко отстоит от горнего мира.

Большой интерес для всех занимающихся вопросами христианской аскетики представляет собой учение святителя Тихона Задонского о том, как научиться истинной и богоугодной молитве. Обстоятельно осветить этот вопрос в своих трудах святого Отца побудило недостойное отношение к молитвенным занятиям его современников; многие из которых или совсем оставляли молитвенное делание, или же молились с "край-

ним небрежением", без понимания содержания молитв, не зная, "кому и о чем молятся" (4:316—317).

Учиться великому искусству молитвы должен каждый христианин. Подобно тому, как при обучении земным наукам люди посещают школы, так и христианин, чтобы научиться молитве, этой духовной науке, обязан усердно посещать храм Божий. Церковные молитвословия не только сообщают уму и сердцу верующего богоугодные мысли и чувства, но питают его душу духовной пищей, в которой она всегда нуждается. Эту духовную пищу в преизбытке содержат все молитвословия, как-то: каноны, стихиры, псалмы и другие церковные молитвы, всегда читаемые в храмах (4:326). Желающему научиться правильной молитве следует прилежно внимать церковным песнопениям и водворять их в своем сердце. Благоговейное стояние в храме, внимание ко всему тому, что в нем поется и читается, порождает в душе христианина умиление, благодарение и истинную молитву (5:169)[1].

Стяжание истинной молитвы в своем сердце требует от христианина большого труда и настойчивости. Он не должен ждать расположения к молитве, но всегда понуждать себя к ней. Упражнения в молитвенном подвиге связаны с внутренним напряжением всех духовных и телесных сил молящегося. Прежде чем христианин приступит к молитвенному правилу, ему необходимо подготовить себя к нему. Для этого следует оставить все посторонние мысли, успокоить чувства и вспомнить о том, к чему он приступает и к Кому хочет обратиться с молитвой. Первостепенным средством, помогающим стяжать нерассеянную молитву, является размышление о вездесущии Божием, о том, что Он "близ тебе и пред тобою есть" (4:414). К размышлению о вездеприсутствии Божием

---

[1] Однако, по замечанию святителя Тихона, немалый вред делу духовного назидания приносит быстрое чтение церковных молитвословий. Читаемые с поспешностью, без внимания и рассуждения, они являются лишь звуками, ударяющими воздух, которые не только не приносят никакой пользы, но скорее "Бога раздражают, нежели умилостивляют" (4:413). Не имея возможности вникнуть в смысл читаемого и оставаясь без духовной пищи, читающие, поющие, а также все предстоящие в храме не только не исправляются, но делаются еще хуже (4:40), ибо думают, что исполняют молитвенный подвиг, а на самом деле никогда не молятся. Лучше пред Богом сказать от сердца и с благоговением несколько слов, чем прочитать много молитв и канонов без рассуждения и с поспешностью. Ведь Бог внимает внутренним чувствам, а не внешности, слушает вопли сердечные, а не устные (4:413).

С неодобрением относился святой Отец и к характерной для его времени особенности совершения общественного богослужения — многогласию, когда в храме одновременно пели и читали. От такого пения и чтения происходил только шум, который наполнял слух, доставляя лишь ленивым удовольствие, а ревностным — печаль, всем же приходящим — соблазн и вред. "Что в таком шуме понять может пришедший в церковь человек? — спрашивает Святитель. — Что он будет слушать: пение или чтение? ...Хотя два уха имеем, но един слух, едину душу, которая слушает; един ум, который рассуждает; едино сердце, которое чтением должно пользоваться" (2:330). По мнению святого Отца, достоин также осуждения обычай некоторых христиан петь святые псалмы во время застолья. Псалмы, содержащие великие тайны Божии, написаны по внушению Святого Духа, поэтому и петь их подобает трезвенным и целомудренным сердцем и устами, а не во время винопития и чревоугодия (2:330—331).

необходимо присоединять воспоминание о вечной жизни и о Страшном суде Христовом (5:109, 46). При такой настроенности души рождается дух смирения, страх Божий и надежда на Божию неизреченную благость и человеколюбие (5:280). Истинной молитве споспешествует также испытание молящимся своей совести. Всякий грех, отягощающий душу и не очищенный покаянием, делает молитву бесплодной, ибо "Царь Небесный отвращается души, которая смрадными грехов рубищами замарана" (3:350). Значит, всякий желающий беседовать в молитве с Богом, должен прежде всего осознать свои грехи, загладить их покаянием и больше к ним не возвращаться.

Занятие молитвой требует особенной внутренней собранности и трезвенности. При произнесении молитвословий надо следить за тем, чтобы словам молитвы внимали ум и сердце. Чтение молитв без внутреннего, сердечного усердия не приносит пользы, ибо Бог "смотрит на сердце, а не на слова" (2:326). Надлежит внимать, чтобы не только сердце молилось, но и ум помышлял о том, что говорят уста. Иногда разнообразные мысли, чувства и впечатления настолько тревожат душу, что подчас она бывает совершенно неспособна к молитве. Исходя из этого, каждому христианину в своих молитвенных занятиях надо приучиться собирать свои мысли воедино "и привязывать их к молитве, (а) ...сердце с воздыханием к Богу возводить" (2:108).

Большое значение для внимательной молитвы имеет внешняя обстановка, окружающая молящегося. По словам святителя Тихона, лучше всего внутренней сосредоточенности и молитве способствует уединение (3:325). Немалую помощь в деле стяжания молитвенной настроенности оказывает также чтение душеспасительных книг, благодаря которому христианин приобретает знание и духовный опыт, помогающие ему в деле спасения (4:139).

Обучение истинной молитве неразрывно связано с нравственным возрастанием христианина. Для того чтобы навыкнуть правильной молитве, необходимо не только понуждать себя к умственной собранности, но и стремиться к деятельному благочестию, т. е. уподобляться Богу своим нравом (3:216). Если человек желает, чтобы Бог услышал его молитву, то он и сам должен слушать и исполнять Божественные повеления и заповеди. "Грешники бо Бог не послушает: но аще кто богочтец есть, и волю Его творит, того послушает" (Ин. 9, 31) (1:201). Только молитвенный труд и добрый нрав, неразрывно связанные между собой, благоприятны Богу. Как стройное пение хороших певцов благотворно действует на чувства человека, так и Богу приятна бывает молитва, соединенная со святой жизнью христианина. Поэтому кто желает богоугодно молиться и достойно предстоять пред Владыкой мира, тот должен подражать ангелам в их чистоте и святости (4:414—415). Без святой жизни христианин не только не услышан будет Богом, но и навлечет на себя Его гнев. Да и как может с дерзновением обращаться в молитве к Богу тот, кто бывает подвержен страстям: сребролюбию, пьянству, блуду, лицемерию, лести и т. д. (3:272), или тот, у кого уста осквернены сквернословием, клеветою, злоречием, кощунством, осуждением, ложью, всяким гнилым и праздным словом? (4:185—186) Такой человек должен помнить, что, пока он не отступит от греха и не обратится всем сердцем к Богу, чтение молитв и пение псалмов не принесет ему пользы. Прежде чем принести молитвенный дар Богу, христианину необходимо также

примириться с теми, кого обидел он словом или делом. В противном случае его молитва не будет услышана, ибо Сам Господь сказал: "Аще убо принесеши дар твой ко алтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред алтарем, и шед, прежде смирися с братом твоим" (Мф. 5, 23—24) (1:190).

Препятствовать прохождению молитвенного подвига могут не только грехи и страсти человека. Большими противниками молитвы являются злые духи, которые, завидуя молящемуся, всякими способами стараются отвлечь его от молитвы. Зная, какую пользу приносит человеку молитва, они внушают мысли о каких-либо неотложных делах, наводят уныние и тоску, возбуждают гнев, стремятся нечистыми помыслами уязвить, осквернить сердце и совесть христианина и сделать этим молитву бесплодной. Памятуя, что враг посевает зло через помыслы, христианин должен всячески противиться им, держать свой ум собранным и внимать только словам молитвы. Тщательное охранение ума преграждает путь греховным внушениям и не дает им возможность нанести какой-либо вред (4:40). Кто в молитве прибегает к всесильной помощи Божией, тот всегда сможет выйти победителем в этой борьбе, посрамив гордых и лукавых врагов. Напротив, нерадение к молитве, расслабление в молитвенном подвиге нередко приводит к духовным падениям и претыканиям (3:444).

Как и всякая добродетель, молитва требует постоянного труда и усердия со стороны человека. Успех в молитвенном делании приходит не сразу и бывает иногда плодом многолетней внутренней работы христианина над собой. Эта работа заключается, прежде всего, в самоиспытании и понуждении себя к частой и краткой, но усердной молитве. Молиться часто — это не значит всегда читать определенные молитвословия и творить поклоны: ведь для многих христиан по их служебной занятости это невозможно. Молиться часто — значит во всяком деле и начинании возводить ум и сердце к Богу и просить у Него милости, помощи и защиты (3:104). Молиться духом можно в любых обстоятельствах и на любом месте: в пути, в часы работы и отдыха, во время бесед и принятия пищи, в уединении и многолюдстве, стоя, сидя, лежа. Так молились царь Езекия на болезненном одре (Ис. 38, 2), Иона во чреве кита (Ион. 2, 2), три отрока в вавилонской печи (Дан. 5, 24—33) (3:104—105). Для того чтобы приобрести постоянную молитвенную настроенность, нужно как можно чаще повторять в уме такие краткие молитвословия, как: "Господи, помилуй", "Господи, помоги", "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного" (5:167, 88). Христианин должен дорожить временем молитвы и помнить, что погибает тот день и час, в которые человек не призывает своего Господа (4:391). Однако, усердно упражняясь в молитве, необходимо помнить, что истинная и богоугодная молитва есть дар Божественной благодати. Поэтому тот, кто желает приобрести эту добродетель, не должен надеяться только на свои силы, но просить Господа о ниспослании ему этого бесценного дара (3:104).

Итак, на какой бы ступени своего духовного развития ни находился христианин, молитва всегда должна быть верным спутником на его жизненном пути. Молитва искренняя и постоянная необходима как праведнику, так и грешнику: праведник всегда должен помнить, что он имеет праведность не от себя, а от Бога, а грешник должен достигать

праведности перед Богом истинной покаянной молитвой (2:326). Даже величайшие грешники не должны оставлять молитву из-за беззаконий своих, но в покаянной молитве всегда прибегать к Богу, ибо их грехи — это капля воды в сравнении с океаном непостижимой Христовой благодати (1:191), которая изобильно подается в молитве каждому человеку и вселяет надежду на утешения в блаженной вечности.

7. ПОСЛУШАНИЕ

Учение святителя Тихона о послушании имеет важную отличительную особенность в сравнении с учением других православных отцов и учителей Церкви. Святитель Тихон рассматривает послушание как христианскую должность по отношению к Богу, а не как добродетель (3:339), и это не только не противоречит православному пониманию значения послушания в деле спасения, но раскрывает его еще полнее и глубже. Рассматривая послушание как обязанность христианина, святитель Тихон тем самым полностью исключает всякую возможность неправильного, юридического толкования учения о спасении, а также возможность рассуждений о человеческих заслугах перед Богом, посредством которых, по учению инославных богословов, человек якобы может спастись (3:62).

В учении святителя Тихона ясно определены смысл и значение послушания Богу, место и роль его в достижении вечной жизни, а также глубоко определена взаимосвязь послушания с прочими христианскими добродетелями.

Христианское послушание состоит в том, чтобы полностью покорить "волю свою воле Божией" (3:60), совершенно повиноваться Богу и безропотно выполнять все повеления Его, причем делать это как должное, а не ради награды (3:63). Послушание Богу является долгом, обязанностью и признаком истинного последователя Христова, а не услугой Богу, за которую христианин может получить преимущественное право или гарантию спасения и наследия вечной жизни (3:62). Люди, носящие имя христиан, то есть Имя своего Бога и Спасителя Иисуса Христа, обязаны Ему "со страхом работать, и не быть рабами греха..." (2:370). Однако, хотя послушание Богу является христианским долгом и обязанностью, но повиноваться Богу следует совершенно свободно, непринужденно, добровольно, искренне, с радостью и любовью, ради любви к Богу (3:60). Оно должно быть потребностью верующего в Бога и любящего Его сердца (3:165). Только такое послушание может быть истинным, которое не боится трудностей, не избегает опасностей, не требует и не ищет выгоды или славы от людей, но совершается во славу Божию (3:60).

Всесовершенный пример истинного послушания Богу явлен роду человеческому Господом нашим Иисусом Христом в искуплении человечества от греха и вечной смерти. Божий Сын смирил Себя пред Отцом Своим Небесным и был послушен Ему "даже до смерти, смерти же крестной" (Флп. 2, 8). Иисус Христос призывает всех людей к послушанию Богу и говорит, что истинные Его последователи должны повиноваться Ему, как Он повиновался Отцу Своему: "Иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает" (Ин. 8, 47) (3:60).

Множество примеров истинного послушания Богу явлено и в ветхозаветное время праотцами, отцами, пророками и праведниками. Наи-

более яркий пример ветхозаветного послушания Богу показал праведный праотец Авраам, который по слову Божию оставил свое отечество, свой род и дом отца своего и пошел в землю чужую, неизвестную. Но еще большего удивления и подражания достойно его послушание, когда он сына своего единородного Исаака, о котором ему было сказано, что "о Исааке наречется тебе семя" (Быт. 21, 12), по повелению Божию вознес на жертвенник всесожжения (3:60). Искренним и совершенным своим послушанием, выразившим всю глубину его преданности Богу, праведный Авраам показал свою глубокую веру в Бога, за что Бог сделал его отцом многих народов (Быт. 17, 4); и все, искренне верующие в Бога и слушающие Его, "суть сынове Авраамли" (Гал. 3, 7) (3:61).

Этими и другими подобными примерами из Священного Писания святитель Тихон показывает теснейшую связь, единство между христианскими добродетелями: послушанием, верой и любовью. Он обращает внимание христианина на то обстоятельство, что без веры невозможно подражать ни всесовершенному послушанию Господа Иисуса Христа, ни совершенному послушанию Авраама, ибо без веры вообще невозможно угодить Богу (Евр. 11, 6) (3:60—62). По словам Святителя, "где послушание истинное к Богу, там истинная вера в Бога", а "где нет истинного послушания, там нет веры истинной" (3:71). Но во взаимосвязи веры и послушания первенствующее значение имеет вера. Она является первопричиной послушания, а послушание — это следствие веры; однако и сама "истинная... вера не может быть без послушания" (3:71). Чистая, живая вера в Бога, в Его всемогущество и всеведение, в Его праведный суд и вечное небесное блаженство с Ним святых делает человека послушным Богу (3:71). А послушание Богу, то есть исполнение Евангелия Христова, исполнение заповедей Божиих является конкретным, практическим выражением истинной веры в Бога (3:64), проявляется в тех делах, которые оживотворяют нашу веру и которые свидетельствуют пред Богом, что мы имеем ее в сердцах своих и Единому Богу работаем (3:177).

Таким образом, между верой и послушанием существует тесная, взаимообратная связь, в которой первопричиной является вера в Бога.

Через веру послушание Богу соединяется с любовью к Нему, поскольку христианская живая вера в Бога рождает любовь и вместе с ней пребывает. Эта главнейшая христианская добродетель, рожденная верой, содействует укреплению христианина в послушании Богу (3:65). Христианин, любящий Бога, должен Ему "послушание показывать", чтобы "Любимого не оскорбить" (4:27). Послушание христианина, оказываемое Богу с искренней верой и глубокой любовью, бывает приятно Богу, и вместе с тем оно водворяет в душе человека небесную, благодатную радость и способствует получению жизни вечной. Святитель Тихон многократно подчеркивает, что "послушание наше есть должное Богу, ибо создание Создателю своему должно послушание и почитание отдавати" (3:63), и доказывает это словами Спасителя: "Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бехом сотворити, сотворихом" (Лк. 17, 10) (3:63). Человек "сам себе спасти не может" (3:63), и "как от вечной смерти, ада и мучения избавляемся, так и вечный живот получаем не нашим, но Христовым послушанием", когда "чистосердечно в Него веруем" (3:62).

Следовательно, христианин спасается не своими силами, но "верою о Христе Иисусе" (1 Кор. 1, 30), приобщается Его всесовершенного по-

слушания, Его искупительного подвига и через Него получает "освящение и избавление" (1 Кор. 1, 30) (3:63). Послушание Богу — это единственное средство, посредством которого христианин усваивает "дарование Божие — живот вечный о Христе Иисусе Господе нашем" (Рим. 6, 23) (3:63). Господь только истинно "слушающих гласа Его, и по Нем грядущих, пасет, спасает и отверзает им дверь вечного живота" (3:63).

И напротив, своим непослушанием Богу человек сам себе закрывает дверь вечной жизни (3:65), лишает себя милости Божией, которую получил в святом крещении и подпадает праведному гневу Божию и вечному осуждению (3:65). Христианин, уклоняющийся от послушания, лишает себя не только вечных благ, но и благополучия во временной, земной жизни, ибо "плод преслушания" есть казнь как вечная, так и временная (3:69). Напоминая слова Спасителя: "Что Мя зовете, Господи, Господи, и не творите, яже глаголю?" (Лк. 6, 46), святитель Тихон с истинно пастырской любовью разъясняет, что "без истинного послушания ничто Богу не угодно": ни исповедание Его имени, ни молитва, ни славословие Бога, ни проповедь Евангелия, ни дар чудотворения (3:67). Христианин, не имеющий истинного послушания Богу, — ложный христианин, и его отрекается Бог (3:65), ибо непослушание Богу — "великое и тяжкое зло" (3:69).

Для возгревания в себе послушания христианин, прежде всего, должен помнить и всегда перед своим духовным взором иметь благость и любовь Божию, сотворившую человека и искупившую его от греха (3:64). Кроме того, он должен постоянно читать слово Божие, проводить время жизни своей в усердной и частой молитве (3:66). Но самым действенным средством, утверждающим христианина в послушании, является его деятельная богоугодная жизнь, то есть свидетельствование пред Богом истинного послушания "от дел своих" (3:165) — уклонением от зла, исполнением заповедей Божиих (3:71) и вообще жизнью по Евангелию Христову, ибо утверждение в добродетельной жизни есть утверждение в послушании. Противники же Христу не только те, которые не соблюдают Его учения, но и те, которые противятся Ему жизнью своей (5:118).

Утверждать себя и совершенствовать в послушании Богу человек может во всякое время и во всяком возрасте. Он должен в течение всей своей жизни стремиться к Богу и оказывать Ему истинное послушание. Но лучшим и благодатнейшим временем для посева и выращивания семян послушания Богу является детский возраст (1:117). Начиная от купели крещения и в продолжение всей дальнейшей жизни христианину необходимо отрекаться от гордости, зависти, злобы, ненависти "и прочего ветхого Адама злонравия", следовать "благонравию Христову", Его "Божественным нравам" (3:180), доколе не достигнет соединения "веры и познания Сына Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова" (Еф. 4, 13).

Итак, учение святителя Тихона о послушании в полной мере содействует христианину в достижении высшей цели его бытия — единения со Христом здесь, на земле, и в Царстве Небесном.

8. НАДЕЖДА

Христианину в созидании своего спасения, в шествовании узким путем в жизнь вечную действенную помощь и силу оказывает благодатная

уверенность в достижении вожделенных вечных благ, которые "уготовал Бог любящим Его" (1 Кор. 2, 9). Именно эта наша несомненная уверенность в том, что Бог непрестанно заботится о нас, о нашем спасении, уверенность, что Он не лишит нас Своей благодатной помощи и исполнит Свои обетования, и выражает собой христианскую надежду. Более кратко можно сказать, что "христианская надежда есть жизнь вечная" (2:115). Такое понимание святителем Тихоном сущности христианской надежды согласуется с определением ее святыми отцами Второго Вселенского Собора. Оно утверждено ими в православном Никео-Цареградском символе веры и принято Вселенской Христовой Церковью (2:115).

Источником вечной жизни, которую христианин надеется получить, по свидетельству Священного Писания, есть Господь наш Иисус Христос (1:96—97), и только верующий в Него "имать живот вечный" (Ин. 6,47) (1:198). Поэтому святитель Тихон с полным основанием называет Иисуса Христа, сидящего одесную Бога Отца, надеждою христиан (1:198). Эту надежду каждый верующий во Христе должен носить в своем сердце и твердо верить, что Бог поможет ему во всем и подаст все нужное и полезное для его спасения. Такой человек способен "на Его единого, яко Искупителя и Спасителя, надеяться; кроме Его, к получению вечного спасения, посредствия не знать и по примеру Его смиренно, кротко и терпеливо жить на земле" (4:159).

Кроме того, под именем христианской надежды следует понимать такое чувство христианина, когда он и умом своим, и сердцем, и волею полагается на одного Бога, на Его высочайшую премудрость, на Его всесовершенную любовь к человеку, на Его всемогущество и правосудие (2:319—320; 3:198).

Далее, христианская надежда определяется у Святителя и как добродетель, "которая подвизается противу диавольских козней... противу упования на все то, что кроме Бога", потому что христианская надежда не только помогает христианину побеждать диавола, но и побуждает его к деятельному участию в созидании своего спасения (2:320).

По замечанию святого Отца, надежду как уверенность в получении желаемых плодов своего труда — духовного или физического имеет в своем сердце каждый человек. Однако источник надежды, ее предмет, прочность и цель у каждого человека различны и зависят от степени его духовно-нравственного развития. Не все люди имеют один источник, одно основание своей надежды. Земледельца побуждает к труду надежда получения плодов, торговец принимается за торговлю, надеясь приобрести богатство, воин подвизается в надежде победы и славы, ученика побуждает к учению надежда приобретения знаний и мудрости (2:115). Одни люди надеются на людей, на их мнимое величие и могущество, забывая о Боге, другие возлагают надежду на свое богатство, третьи — на свой разум, четвертые — на свою силу. Иные надеются на деньги, иные — на время или случай, иные — на что-либо другое. Такие люди, хотя и именуют себя христианами, но надежду имеют не христианскую. Это — люди плотские. Они, "по плоти и миру сему живущие, на честь свою, на богатство... надеются и ...защищения и помощи от них просят" (3:17). Истинные же христиане имеют в своем сердце надежду не для получения временных благ, но вечного упокоения в Боге (2:318). Эти верные рабы Божии оставили суетную, ложную надежду и "к единому

Богу, яко отроча малое к матери своей", прибегают (3:17), прилепляются к Богу с надеждой на исполнение Его обетования. "Еда забудет жена отроча свое, еже не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет сих жена, но Аз не забуду тебе, глаголет Господь" (Ис. 49, 15) (3:17). Такая надежда на Бога никогда и никого не посрамляла и не посрамит. Надежда же на людей есть ложная и обманчивая. В день смерти человека оставят друзья и братья, сила и разум, честь и богатство и ничем не смогут помочь ему.

Ложная надежда строго запрещается Богом, потому что она ведет человека ко греху и вечной смерти. Имеющие ложную надежду на человека, а не на Бога, на творение, а не на Творца впадают в грех тем, что нарушают заповедь Божию: "Аз есмь Господь Бог твой... Да не будут тебе бози инии, разве Мене" (Исх. 20, 1—3) (2:319). Этой заповедью Господь повелевает человеку, чтобы он исповедовал единого Бога и на Него одного надеялся. Надеющийся на кого бы то ни было, кроме Бога, не верует в Бога, хотя и исповедует Его устами своими, ибо "веровать Богу и на создание Его надеяться невозможно" (2:319). Такой человек отступает от Бога сердцем и самого себя осуждает на вечную смерть, ибо только истинная надежда на Бога есть жизнь вечная и свет душевный, а ложная надежда есть тьма душевная и вечная смерть (4:379). Она так омрачает душу человека, что делает ее неспособной к молитве и богообщению (2:319).

Святитель Тихон словами Священного Писания: "Проклят человек, иже надеется на человека и утвердит плоть мышцы своея на нем, и от Господа отступит сердце его" (Иерем. 17, 5) напоминает христианину о том, что ложная надежда не только неизбежно приводит его к вечной смерти, но, что самое страшное и ужасное, навлекает на него проклятие Божие (2:318). Вот почему ложная надежда скорее всего может быть названа (да такой она и является) сетью диавола, которой он улавливает человека, уводит от Бога и погубляет его. Чтобы избежать этой сети вражией, надо учиться, "по примеру Давида святого, ни на что, ни на силу, ни на честь, ни на мудрость, ни на богатство, ни на что иное уповать, но только на единого Бога и к Нему единому в скорби, печали и всяких напастях прибегать, помощи и защищения просить: яко един Он может нас избавить и спасти" (1:204).

И если ложная надежда всегда утверждается и зиждется на временных, земных благах, то истинная и совершенная христианская надежда имеет своим основанием "помощь Вышняго и милостивый Промысл Творца своего" (1:45). Только такая надежда приносит великое благо человеку. Сам Господь устами пророка говорит: "Благословен человек, иже надеется на Господа, и будет Господь упование его" (Иерем. 17, 7) (2:318). Только через истинную надежду на Бога христианин постигает вечную жизнь, "Христом приобретенную" (1:155). И ради достижения вечной жизни и блаженства с Господом христианин должен стремиться при помощи Божией к приобретению и утверждению в себе истинной христианской надежды. "Хотящему убо истинную и непоколебимую иметь надежду, должно от всего создания сердце свое отвратить, и ни на что тое не надеяться, но на единого Бога все упование возложить в счастии и несчастии и от Него единого искать и ожидать без сумнения милости" (2:321).

Кроме того, надежду делает твердой и непоколебимой размышление о свойствах Божиих: всемогуществе, премудрости, благости, вечности и непременяемости Бога (2:321).

Всемогущество Божие показывает христианину, что Господь истинно и непреложно может даровать ему вечное блаженство и что надежда на Бога не может быть тщетной. Она "и во время смерти и после смерти не посрамит его" (2:320). Премудрый Господь знает, как помочь верному рабу Своему и какой найти способ для его спасения.

Благодать и милосердие Бога так велики, что могут покрыть множество грехов христианина, лишь бы последний пожелал осознать их и принести покаяние. Преблагий Господь не может не милосердствовать по отношению к человеку. Он Сам призывает: "Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы" (Мф. 11, 28). Господь Сам ищет нашего спасения, мы должны только обратиться к Нему с верой и надеждой. Памятуя о Боге, христианин тем самым укрепляет в своей душе надежду на свое спасение (2:321).

Не менее действенным средством в укреплении истинной надежды является чтение или слышание Священного Писания. Слово Божие подобно живому источнику утоляет духовную жажду христианина и влечет его ум и сердце к высшим сферам небесной жизни. Кроме этого, надежда христианская укрепляется и от размышления о Божиих благодеяниях, оказанных нашим отцам прежде: "На Тя уповаша отцы наши: уповаша и избавил еси я. К Тебе воззваша, и спасошася: на Тя уповаша, и не постыдешася" (Пс. 21, 5—6). Такие размышления о действенной и постоянной помощи Божией укрепляют надежду христианина, вселяют уверенность, что надежда на Бога не посрамит, ибо Он всех одинаково милует, всех одинаково принимает: "несть бо на лица зрения у Бога" (Рим. 2, 11) (2:321).

Истинная надежда в свою очередь привлекает собой другие христианские добродетели, которые взаимосвязаны и имеют взаимообратное действие. Все вместе они составляют единый и цельный путь христианина к совершенству, к Богу, ко спасению (Мф. 5, 48). Наиболее тесно христианская надежда связана с верой и любовью. Именно в этих трех добродетелях заключается почитание Бога человеком: без веры и надежды невозможно Богопочитание (3:349). Если вера "есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом" (Евр. 11, 1), т. е. в том, что существует Творец и Промыслитель мира, все дивно создавший и всем правящий мудро, и что искупление человеческого рода совершено Сыном Божиим, то христианская надежда есть уверенность в получении от Бога "ожидаемого", уверенность в том, что цель творения мира и его искупления будет достигнута. "Надежда на Бога от веры не отлучна" (3:24), но всегда с нею "совокупно пребывает" (3:349), ибо как истинная вера утверждается в Боге, так и истинная надежда имеет Его единственным своим источником (3:198). Если человек возлагает надежду свою не на Бога, а на человека или какое-либо иное создание, то истинная вера бежит от него. Истинная вера "зрит" Бога, рождает у христианина надежду на Бога, научает надеяться только не Него (3:17).

Кроме того, христианская надежда тесно связана и с терпением. Терпением она укрепляется и терпением испытывается. Надежда без терпения быть не может (2:322). Христианин, имеющий надежду на Бога, без сомнения, верит, что получит от Бога просимое и желаемое. Он не

требует, чтобы Бог подал ему ожидаемое незамедлительно, когда хочется ему, но терпеливо ждет, зная, что Бог подаст ему все в свое время, когда это будет полезно и спасительно.

Даже во время испытаний надежда остается верной Создателю. Скорби еще более укрепляют ее, делают твердой и непоколебимой. Различные невзгоды и напасти обращают человека к Богу, научают на Него надеяться и у Него одного просить помощи и заступления. Вот почему скорби являются основанием надежды. При их помощи она рождается, ими утверждается и в них познается (1:196). Вместе с тем скорби способствуют распознанию истинной надежды от ложной. "Искушение показует, на кого мы надеемся, на Бога или на человека, или на иное создание. Кто в нужде своей к кому прибегает и помощи ищет, на того и надеется. К человеку ли прибегаешь и помощи ищешь от него в какой беде — на человека, а не на Бога надеешься. Через богатство и дары от напасти избавляешься — на богатство, а не на Бога надеешься. Через разум и хитрость и коварство свое тщимся избавитися — на себе, а не на Бога надеемся. Через сан и достоинство свое хощешь избавитися — на честь и сан свой надеешися, а не на Бога" (4:325).

Иногда Господь испытывает христиан в их верности и истинной надежде через отнятие временных благ — лишение здоровья, чести, богатства, мира, тишины или посещением различными злостраданиями. Но самое тяжкое испытание бывает, когда в сердце грешного человека восстают лукавые помыслы и внушают ему, что "несть спасения ему в Бозе его" (Пс. 3, 3) (2:322). Внушение отчаяния в спасении — это коварное оружие диавола; побуждая ко греху, он сначала убеждает его в милосердии Божием, а когда человек совершит грех, то он представляет ему правосудие Божие, внушает ему, что спасение теперь для него невозможно. Так он стремится ввергнуть человека в бездну отчаяния и через это отдалить его от Бога. И только надежда христианина на Бога разрушает эту хитро расставленную диавольскую сеть. Она уверяет христианина, что Бог слушает и принимает грешников, перестающих грешить и кающихся. Об этом, по словам святителя Тихона, имеется много свидетельств в Священном Писании. Господь услышал покаяние Манассии, царя Иудейского, услышал ниневитян, покаявшихся от проповеди пророка Ионы, услышал блудницу, омывшую слезами свои грехи, принял блудного сына, оставившего свои беззакония (2:323). Таким образом, в этом искушении нужна твердая надежда и упование, подобное упованию Авраама, который "паче упования во упование верова" (Рим. 4,18) (2:322). В таких случаях, чтобы победить эти злые помыслы и укрепить надежду, христианину необходимо помнить об обещании Божием грешному человеку: "Еда хотением восхощу смерти грешника?" (Иез. 18, 23) (2:322).

Истинная, живая надежда на Бога требует от человека постоянной деятельной борьбы с искушениями и терпения злостраданий. А это в свою очередь приводит христианина к получению благ вечной жизни, в то время как бездеятельная надежда слабеет, мертвеет и совсем исчезает.

Человек, имеющий христианскую надежду, не может жить, как ему хочется, не может быть пассивным, безучастным наблюдателем, ожидающим исполнения обетований Божиих; он постоянно бодрствует и прилагает труды к трудам. Тогда надежда чаемого добра поощряет человека и укрепляет его в подвиге (4:377). Здесь проявляется взаимообратная связь надежды с добродетелью: надежда подвигает на добрые дела, а добро-

делание укрепляет надежду. При добродетельной самоотверженной жизни и чистоте совести в душе христианина появляется твердая надежда и дерзновение к Богу, а надежда в свою очередь ободряет дух среди самых трудных обстоятельств, возбуждает ревность на пути ко спасению.

Спасительная сила истинной надежды проявляется во всех сторонах христианской жизни. Она способна сделать действенной молитву христианина к Богу. "Проси с надеждою, – говорит Святитель, – и приимеши: верен бо есть Рекший: просите и дастся вам" (Мф. 7, 7) (1:67).

Надежда на Господа помогает христианину в борьбе с диаволом и всяким грехом. Кроме того, она тесно связана с покаянием и даже лежит в основе покаяния, потому что уверенность в любви Божией к человеку в том, что Бог не хочет, чтобы кто погиб, "но да вси в покаяние приидут" (2 Петр. 3, 9), позволяет согрешившему человеку не отчаиваться в своем спасении, помогает ему отстать от грехов и каяться в них (2:323).

Проведенный краткий анализ учения святителя Тихона о христианской надежде показывает, что без надежды на Бога спастись невозможно, ибо, по словам Святителя, христианская надежда есть жизнь вечная (2:115), Сам Иисус Христос, Который "одесную Бога сидит" (1:198).

9. ПОКАЯНИЕ

По учению Святой Православной Церкви, покаяние является вторым крещением. Возрожденный в таинстве Крещения христианин после совершения греха снова духовно умирает и, если он пребудет в этом состоянии до смерти, то он лишает себя всего того, что даровал Господь человечеству Своим пришествием на землю. Милосердие Божие не оставляет человека согрешающего и после крещения. Оно дает ему еще одно примиряющее средство – покаяние, которое является уже последним даром милости Божией для спасения грешника. Поэтому перед всяким человеком стоит единственный выбор: или каяться и иметь вечную блаженную жизнь, или оставаться во грехах и навлечь на себя вечное осуждение. Иного пути нет. Следовательно, христианин, истинно желающий спасения, обязан прибегать к покаянию.

Истинное покаяние состоит не только в исповеди содеянных грехов перед духовником в какое-то определенное время; оно должно стать для христианина целожизненным подвигом на всех ступенях его нравственного развития, постоянным спутником на пути достижения Царства Небесного.

Ввиду такой важности и необходимости покаяния святитель Тихон Задонский придает ему величайшее значение в деле спасения христианина. Он широко и многосторонне раскрыл в своих творениях сущность истинного покаяния и на многочисленных примерах очень ярко показал всю его спасительную силу. Считая покаяние одной из основ, на которой должна созидаться духовная жизнь христианина, он прежде всего старался возбудить в своей пастве чувство покаяния, являющееся началом всех видов христианского подвига (1:108; срав. 5:21, 325).

Покаяние необходимо не только потому, что христианин строит на нем свою жизнь и духовные подвиги; оно является и первейшим средством для внутреннего усвоения спасительных плодов искупления, совершенного Господом нашим Иисусом Христом. Сама Кровь Христова,

пролитая на кресте за спасение мира, призывает всех к покаянию (2:219), потому что она для того и лилась из ран Христовых, чтобы принести людям свои плоды, которыми являются "обращение, покаяние, новая жизнь, отпущение грехов и спасение" (3:167). Господь со Своей стороны сделал все, чтобы спасти человека. Однако бесценная искупительная Жертва Христова в некающихся христианах не приносит плода. Кто не слушает голоса Сына Божия и не оставляет своей греховной жизни, для того ни Христос, ни Его Евангелие, ни смерть, ни воскресение не приносят пользы (4:291; срав. 5:122). И это "не от стороны Христовой бывает, но от стороны нехотящих каятися и пользоватися Его смертию" (3:167).

Такое состояние христианина Святитель называет страшной неблагодарностью по отношению ко Христу Спасителю, "дражайшей Своей Кровью искупившему души наша к вечному животу". И действительно, какая может быть большая наша неблагодарность, когда "небесные блага, неоцененной Его (Христа) Кровью снисканные, оставляем и ищем тленных земных" (2:270), которые не приносят для спасения души никакой пользы (4:320). Милосердный Господь здесь, на земле, призывает всех грешных к покаянию и принимает их. "Ныне, – говорит Святитель, – милует Господь ищущих милости от Него, помогает обращающимся и подвизающимся в деле спасения, слушает воздыхания сердечные, исполняет прошения и оставляет грехи" (3:39).

Во время земного странствования человек имеет великую возможность изменить качества своей души, духовно переродиться, посредством покаяния. Оно, как единственная надежда на спасение, дается человеку только в этой жизни, а для перешедших в иной мир покаяние невозможно. Тогда наступает иное время – время суда и воздаяния, когда правда Божия требует ответа не только за нераскаянные грехи и беззакония, но и за каждое праздное слово (3:276). Если сейчас Господь по Своей милости призывает на покаяние, милует и помогает, то тогда "заключаются двери милосердия", прощение не имеет места, воздыхания и слезы не приносят плода (3:276; срав. 1:194). Чтобы в день Страшного суда не постыдиться перед всем миром – ангельским и человеческим, надо быть внимательным к голосу своей совести и слову Божию, которые способны ограждать христианина от греха, удержать его от нарушения заповедей Божиих (2:168). И пока душа пребывает в теле, для человека всегда открыт путь покаяния, а значит, и спасения.

Святитель Тихон Задонский, призывая верующих к покаянию, часто обращался к ним со словами Апостола: "О человече! или о богатстве благости Его и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет?" (Рим. 2, 4) Святой Отец, желая привести грешников в чувство покаяния, напоминает, что Господь медлит с наказанием грешника, долготерпит, не желая его погибели и ожидая его обращения (4:95). Но тот грешник, который не заботится об исправлении своей жизни, является презрителем не только вечного закона Божия, но и Самого Бога. Он прогневляет Творца своими злодеяниями, отвращается, отступает от Него и, добровольно предав себя в руки своего врага – диавола, тем самым уготовляет себе погибель (5:66). Такой человек своими делами уподобляется князю тьмы, "яко злого его семени злые плоды творит". И как диавол постоянно противится и не покоряется Богу, так и нераскаянный грешник противится своему Спа-

сителю и не слушает Его голоса, призывающего на покаяние (2:128—129). Поэтому Господь наш Иисус Христос как праведный Судья, определяя на Страшном суде участь нераскаянных грешников, скажет им: "Идите от Мене, проклятии, во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелом его" (Мф. 25, 41). И тогда нераскаянные грешники, хотя и христиане, но, как говорит Святитель, пребывшие ложными и неверными, отлучаются от среды верных чад Божиих, как козлища от овец, отлучатся от святых ангелов и Самого Бога и с неутешным плачем, ужасом и отчаянием пойдут в огненное озеро на вечное мучение (4:97, 310).

Господь как кроткий Царь терпит бесчиния Своих рабов, не отнимает от них Своей милости и разными способами ищет их обращения (4:412). Отвращающегося Он не отвращается и отступившего снова призывает к покаянию (2:225), а когда обращается грешник, то с любовью принимает его (1:152). Это долготерпение Божие является для грешника немаловажным средством, побуждающим его на покаяние. Поэтому кающийся должен приносить сугубое благодарение Богу за то, что ему вместо казни дарується Богом время на покаяние, исправление и творение добрых дел (2:211).

Однако диавол, исконный враг рода человеческого, старается увести грешника и от этой милости Божией. Он простирает свои сети на грешных, идущих по его стопам, и внушает им мысль отложить время покаяния до тяжелой болезни, до старости или даже до смерти (1:187). Вот почему Святитель Христов, как опытный духовный наставник и как мудрый пастырь, особенно предостерегает христиан от этой козни диавольской. "О человече, — пишет он, — отлагание покаяния до болезни, до старости и до смерти есть прелесть ума, крайнее нерадение о спасении и кознь диавола" (2:35). Откладывающий свое покаяние ожесточается подобно фараону, не слушает призыва Божия и подвергает себя опасности при случае внезапной смерти лишиться всякой надежды на спасение (2:46). С другой стороны, откладывание покаяния указывает на нерадение грешника о своем спасении, что является еще большей опасностью, потому что покаяние при тяжелой болезни или при смерти не всегда бывает полноценным. У немощного, говорит Святитель, нередко и покаяние бывает немощное, а у умирающего — мертвое (1:116). Кроме того, тяжелобольные иногда теряют дар речи, часто бывают не в полном сознании; эти и многие другие причины являются для них непреодолимым препятствием для принесения истинного покаяния (1:116). Притом отлагающий покаяние до конца своей жизни тем самым оскорбляет Бога, потому что жизнь человеку дана для прославления Имени Божия, а некающийся грешник, проводя ее для угождения своей плоти и диаволу и намереваясь каяться лишь тогда, когда оканчивает свою земную жизнь, т. е. когда уже не может грешить, тем самым не выполняет своего высокого назначения (2:223; срав. 1:116). Вот почему христианин должен не последние дни, но молодость — лучшую часть своей жизни — посвятить Богу, угождать Ему и каяться в грехах. Только в таком случае он может быть готовым отойти в вечность с доброй надеждой на свое спасение (5:318). Когда человек истинным сердцем и своевременно обращается ко Господу, то он освобождается от прикрывающей его бедственное состояние греховной завесы и явно видит свои заблуждения и погибель, и тогда у него появляется желание исправить свою жизнь и творить в оставшееся время плоды, достойные покаяния (4:66).

Следует отметить, что иногда диавол и истинно покаявшихся смущает напоминанием прежде содеянных грехов, чтобы привести их в уныние и даже в отчаяние о своем спасении. Христианин должен победить и это искушение злой силы. Он должен верить и знать, что сила зла не может преодолеть всемогущества и благости Божией, что всякий помысл, говорящий о невозможности покаяния, есть сатанинское внушение (3:114). Для борьбы с этим искушением христианину, приносящему покаяние, необходимо не только удерживаться от первых грехов, но и стараться совершать добродетели, творить плоды, достойные покаяния, и тем самым он сможет легче отразить нападения искусителя (1:151). Таким христианам святитель Тихон внушал, чтобы они, отстав благодатью Божией от грехов, не смущались при воспоминании об этих грехах, но надеялись на милосердие Божие, ибо грехи их прощены и Господь подает им Свою милость (2:242). Для того и пришел в мир Христос, чтобы грешников спасти, поэтому и "радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся" (Лк. 15, 7) (1:152). Свою милость к обращающемуся грешнику Господь утвердил даже клятвой, и это с той целью, чтобы он не сомневался в своем покаянии. "Живу Аз, – говорит Господь, – не хощу смерти грешника, но еже обратитися нечестивому от пути своего и живу быти ему" (Иез. 33,11) (1:152). Таким образом, обратившемуся и со смирением и сокрушением исповедующему грехи свои Отец Небесный, без сомнения, с радостью оставит их, покроет своим милосердием и не помянет их на Страшном суде (3:111; срав. 1:16), потому что есть Его святое хотение и плод искупительных страданий Спасителя (4:278). Ради этой великой милости Божией христианин должен уклоняться от всего греховного, а для этого ему необходимо как можно чаще рассматривать свои дела и поступки, строго испытывать их и направлять к спасительной цели. Более того, кающийся обязан возненавидеть грех и полностью оставить его. Для этого он в первую очередь должен, рассуждая о своей греховности, прийти в истинное раскаяние, которое состоит в сожалении и сердечном сокрушении о беззаконных своих поступках, и со стыдом осудить себя за них перед всевидящим Богом и просить прощения (4:38).

В этом случае кающийся признает себя достойным всякого наказания, начинает осуждать свои поступки, укорять, гневаться и негодовать на себя, и, таким образом, его сердце наполняется болезнью и печалью (5:96). Признав себя ниже всей твари, грешник видит, что он действительно недостоин ни малейшего Божьего благодеяния, и от исполненного печалью сердца вырываются воздыхания, слезы и плач, которые и свидетельствуют об истинной "печали по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовающей" (2 Кор. 7, 10) (5:18). Сердечная печаль "по Бозе", по словам святителя Тихона, не только очищает душевную скверну, но и удерживает от поползновения к греху, а слезами, проливаемыми при этом, "сетующая и скорбящая душа прохлаждается, как дождем воздух" (2:230). Такую именно печаль все согрешившие перед Господом и обратившиеся к Нему с покаянием должны иметь не от страха вечных мучений за свои злодеяния, но от сожаления, что они Бога оскорбили (3:260). И Сам Сердцеведец Господь, "исцеляющий сокрушенныя сердцем и обязующий сокрушения их" (Пс. 146, 3), не замедлит посетить в печали находящуюся душу и подать ей Свое спасительное утешение (3:358; срав. 2:301). Только тогда освободившаяся от бремени греха душа, сокру-

шенная печалью и утешенная благодатью Святого Духа, сможет предстать пред Богом как бы лицом к лицу и не только слушать каждое евангельское слово с вниманием как повеление, исходящее из уст Самого Бога, но и усердно стараться исполнять его (2:58).

Для немощного человека совершить самостоятельно такое пробуждение и всецелое восстание от греховного сна бывает очень трудно и даже почти невозможно. Здесь требуется особое действие Божие. Пасть в грех, заблудиться от истинного пути и погибнуть человек может сам, но восстать, обратиться и спастись без Бога не может. Господь каждому человеку дает Свою благодать, призывающую и обращающую от греха, и кто принимает ее и идет вслед за ней, тот спасается силой Божией, а кто противится ей, тот остается вне спасительного ковчега (2:87—88). Святитель Тихон, ссылаясь на Священное Писание Ветхого Завета, говорит, что для вразумления грешников Господь посылал к ним пророков, дабы возвестить им путь спасения. Затем, приняв на Себя плоть, и Сам Он вступил на это великое и чудное дело, лишь бы "взыскать и спасти погибшего" (Лк. 19, 10) (2:227). Как Отец человеколюбивый, Бог призывает грешника на покаяние различными способами: то через внутренний голос совести, то обещанием временных и вечных благ, то, напротив, напоминанием о смерти и вечных муках. Свободной же воле человека предъявляется выбор: или откликнуться на Божий призыв, или остаться глухим к нему и коснеть в бездне своих грехов (1:150; срав. 2:217). Если грешник по своей ожесточенности избирает все же последнее и остается нераскаянным, Господь употребляет еще один способ для его обращения — обличение от людей. Такое обличение святитель Тихон Задонский сравнивает с зеркалом, которое показывает все пороки на лице, какие бы они ни были; подобным образом и обличительное слово бывает способно раскрыть душевные пороки в грешнике и заставить его загладить их покаянием. Через сильное обличительное слово удобнее возбуждается его спящая совесть, которая, в свою очередь, может привести человека в покаянное чувство, а затем и к истинному покаянию (2:167—168). Но если и это средство пренебрегается грешником и он продолжает вести беззаконную жизнь, тогда его, как ожесточенного и нераскаянного, постигает суд Божий (1:150).

Предостерегая христианина от такой страшной участи, святитель Тихон призывает его к спасительным размышлениям о содеянных грехах. А это в свою очередь сможет привести христианина к познанию мерзости греха и тяжелых его последствий, к осознанию, что грех есть величайшее зло, что все бедствия временные и вечные происходят от него, что именно он есть корень всех зол как в этой, так и в будущей жизни. Действенным средством, помогающим прийти к спасительному сокрушению сердца, служит сопоставление своей греховной жизни с законом Божиим (3:13), которое, как "молотом, печалью сокрушает сердце", а к сокрушенному сердцу не замедлит прийти и Евангельское утешение (5:104). Познав, таким образом, свои немощи, грешник естественно придет к самоуничижению перед Богом и людьми, увидит, что и ум его помрачен грехами, и душа осквернена, и тело растленно, и потому "вменяет себя как дом или град опустошенный и разграбленный, или как путника, впадшего в разбойники" (5:26). Имея в себе такие чувства, грешник начинает понимать, что и на слово обличительное не должно ему никогда гневаться, потому что оно направлено не с целью унизить его

человеческое достоинство, но против его греховных привычек (2:167—168). Далее, рассуждая о гибельности и крайней опасности своего греховного состояния, человек может прийти, наконец, в разумение того, что земная его жизнь неумолимо быстро сокращается и что нечаянно может постигнуть его смерть (4:151).

Немаловажным средством, возбуждающим человека от смертной греховной спячки, служит воспоминание о вечных мучениях. "Вечная смерть или адское мучение сильно есть подвигнути человека к обращению", — пишет святитель Тихон (2:221). Несомненная вера в то, что будут, по слову Господа, вечные муки для нераскаянных грешников, способствует коренному изменению, обновлению и очищению всех помышлений и чувствований человека. Страх будущего Суда, как огонь, поедает нечистоту сердца и приготовляет его к принятию евангельского утешения. Внутреннее состояние человека при этом исправляется, появляется сердечная молитва, внимание к себе и частые воздыхания. Осознавая суетность земных благ и утешений, грешник отвращается от мирских, греховных сладостей и со всей серьезностью начинает вести борьбу с греховной скверной.

С другой стороны, к истинному покаянию приводит и размышление о Царствии Небесном и блаженной жизни праведных. Памятование о блаженной вечности возбуждает в христианине сильное желание оставить грех и провести дни своей земной жизни в доброделании. А это в свою очередь не только настраивает душу на истинное покаяние (5:109), но и способствует к возвышению мыслей человека от вещей временных к вечным.

Таким образом, цель этих душеспасительных размышлений заключается в том, чтобы создать в душе христианина постоянное покаянное настроение, ибо истинное покаяние есть не кратковременное или периодическое воспоминание и сокрушение о своих грехах, но целожизненный подвиг, постоянная душевная настроенность, занимающая исключительно важное место в деле спасения каждого христианина. Это же покаянное настроение является первейшим средством и в деле подготовления христианина к принятию бесповоротного решения исправить свою жизнь, дать ей совершенно другое направление, чтобы стать действительно новой тварью во Христе (5:161), и всячески беречь себя от новых падений, как от смертоносного яда (2:231; срав. 2:127). Отсюда покаяние есть полный духовно-нравственный переворот в человеке, кардинальная перемена его внутренних настроений, стремлений и самой жизни (1:36), то есть истинно кающийся должен умереть греху и жить для Бога, "ибо и греху и Богу жить и миру и Христу работать невозможно" (5:30). Умирание же, по учению Святителя, заключается в окончательном оставлении греха, а жизнь для Бога — в творении плодов, достойных покаяния. Эти плоды, или добродетели, являются следствием полной духовно-нравственной перемены и исправления сердца и всего внутреннего состояния в лучшее (1:144). Как сосуд, очищенный и наполненный благовонием, и вне себя издает благоухание, так и душа, очищенная от зла и наполненная добрыми мыслями и нравами, естественно, и вне себя творит все доброе, сообразное внутреннему состоянию (3:199). Внутреннее перерождение при покаянии является источником добрых дел и слов, но прежде всего, как видно из творений Задонского Подвижника, оно есть основное условие для приближения кающегося грешника

ко Христу и единения с Ним. "Не ногами, но сердцем приходим ко Христу, — говорит Святитель,— не переменением места, но переменением воли и нравов" (4:308). Тогда и Христос, как Отец чадолюбивый, Сам приходит к ищущему Его грешнику и подает ему Свою милость (2:37).

Но кто не заботится о стяжании плодов покаяния, а повторяет те же грехи, тот далек от спасительного пути, прельщает свою совесть и остается духовным мертвецом (2:235). Да и как может ожидать оставления грехов от Бога тот, кто сам их оставить не хочет, но после покаяния снова возвращается к ним? Такое ложное покаяние говорит о том, что кающийся не имеет твердой веры во Христа (3:165). И если истинно кающийся христианин всем своим существом устремляется к Спасителю с твердой верой и надеждой на то, что Господь, будучи любвеобильным Отцом, примет его, как возвратившегося блудного сына, и простит ему всякое согрешение, то, наоборот, возвращающийся после покаяния к тому же греху тем самым показывает не только свою неблагодарность Богу, но и маловерие. Вот почему, по словам Святителя, Господь не прощает ему грехи (1:115), а покаяние в таком случае остается только церемонией, обрядом, совершаемым перед духовником и не приносящим никакой пользы (3:347).

Чтобы покаяние стало действительно основой духовной жизни христианина, для этого ему необходимо контролировать каждый свой поступок, слова и мысли, так чтобы при малейшем нарушении заповедей Божиих спешить возвратиться с греховной стези на праведный путь к Богу. Так постепенно покаяние сможет перейти в навык, способствующий постоянной, повседневной духовной трезвенности.

Поскольку христианин, говорит святитель Тихон, не знает дня своего отшествия из этого мира, то и повседневное покаяние его должно быть как бы перед самой смертью (5:319). При этом Святитель советует христианину учитывать, что Господь не столько смотрит на время, проведенное в покаянии или на слова молитв, сколько на усердие и сердечное расположение кающегося (1:8, срав. 1:151).

Для того чтобы показать кающимся христианам действенность покаяния, его силу и результат, Задонский Святитель в своих сочинениях приводит множество примеров из истории Ветхого Завета, которые наглядно показывают, что Господь не отвергает ни одного кающегося, но, наоборот, ждет покаяния от грешника и всякому обращающемуся подает Свою Божественную благодать, вспомоществующую ему на этом пути. Покаяние подобно горе, на которой спасся праведный Лот от гнева Господа, попалившего Содом и Гоморру. На эту спасительную гору призывает Святитель всех хотящих спастись: "Бежи убо, бежи, грешниче, в сию гору, пока еще гнев Божий, как огнь от Господа с небесе, не спал, и не озирайся вспять" (2:220). Бог также простил ниневитян, беззаконновавших, но покаявшихся, помиловал Манассию, царя Иудейского, и принимал после покаяния народ израильский, многократно отступавший от Него. В Новом Завете также имеется бесчисленное множество примеров, являющих милосердие Божие к кающимся грешникам: апостол Петр, трижды отвергшийся от своего Учителя и плакавший о своем согрешении, с любовью принят в лик апостольский; мытарь, великий грешник, "во едином часе ко Христу возопивший", получил прощение; грешнице плакавшей "отпущены грехи многи"; разбойнику, на кресте покаявшемуся, двери рая отворены. И вообще Господь устами пророка

говорит: "Не хощу смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему" (Иез. 33, 11) (1:8; срав. 2:229).

Раскрывая на приведенных примерах величайшую спасительную силу покаяния, святитель Тихон призывает всех христиан совлечься греховного рубища и покаянными слезами "убедить ризы душ своих", чтобы по смерти непостыдно явиться Лицу Божию и войти в небесный чертог Христов для вечной жизни (4:378). Покаяние не только готовит христианина к вечной жизни и указывает путь в нее, но, сопровождая до гроба, отверзает ему и самые врата рая (5:105). Как пишет святой Отец, покаяние есть и воскресение духовное. Пока человек находится во грехах, он, хотя и живой телесно, но духовно мертв. Поэтому через покаяние ему следует воскреснуть духом еще при жизни на земле, чтобы и в день всеобщего воскресения воскреснуть не для осуждения, но для вечной жизни на небесах (Ин. 5, 29) (2:235).

Итак, когда грешник в глубине своего сердца осознает свою греховность, обратится к Богу и воздает Ему благодарение как своему Создателю и Искупителю, тогда он сможет духовными очами увидеть перед собой Бога, по слову Псалмопевца: "Предзрех Господа предо мною выну" (Пс. 15, 8), и это будет верным признаком его "истинного покаяния и воскресения духовного" (4:156). Святитель подчеркивает, что для истинно покаявшегося смерти уже не существует, она утратила над ним свою власть и силу (1:83). Иными словами, истинное обращение к Богу с сокрушенным сердцем, сожалением и плачем о своих согрешениях действительно освобождает человека от горести вечных мучений в жизни будущего века, ибо Господь судит не по прошлой греховной жизни, но по настоящей, и "не множество грехов погубляет грешника, но нераскаянное житие" (5:29; срав. 4:94). Именно тот, кто с усердием несет покаянный подвиг, всеми силами старается уклоняться от греха, изволяет лучше бедствовать, терпеть всякую напасть и принять даже смерть, чем согрешить, снова навлечь на себя грех Божий и отпасть от Его милости, и бывает наследником вечной жизни. И если таковому по немощи и случится в чем согрешить, то он сокрушается и печалится, как бы что великое потерял, с глубочайшим смирением повергает себя перед Богом и богобоязненно взывает: "Отврати, Господи, Лице Твое от грех моих" (Пс. 50, 11) (2:233). После исповеди, начав новый, праведный образ жизни, человек действительно как бы вновь рождается, начинает питать свою душу вместо бывшей пищи греха и страстей пищей слова Божия и Святыми Тайнами Христовыми, возрастая "в мужа совершенна" (2:235). Богоподобные свойства души, освободившиеся от гнета греха, начинают действовать во всей своей силе. Человек становится сострадательным, терпеливым, милостивым. Он никогда не дозволяет себе осуждения согрешающих, но, вспоминая свое окаянство, жалеет и прилежно молится о них Богу (2:234). В очищенное от грехов и сокрушенное печалью сердце его приходит Христос со Своим утешением, которое состоит в отпущении грехов, даровании благодати Святого Духа и обетовании вечной жизни (5:104). Благодать, вселившаяся в сердце, обновляет его и, украшая плодами добродетелей, делает храмом Духа Святого (2:232). Человек с таким обновленным сердцем становится чутким к восприятию слова Божия, призывающего его на всякое доброе дело. Христианин находит в слове Божием для себя силы, чтобы "дела Божии делать и во пути заповедей Его идти" (2:232).

Таким образом, чем более последователь Христов очищает свою душу от пороков, тем яснее в ней начинает блистать образ Божий, "прекрасная и любезная его доброта" (3:89). И как стекло по мере очищения становится прозрачным и более способным пропускать через себя поток света, так и душа, обратившаяся от грехов к Богу, чем более покаянием и верою во Христа очищается от грехов, тем более и более просвещается благодатью Божией (2:47). Человек в таком состоянии сподобляется мира с Богом, благодатно воссоединяется с Ним и, будучи обновленным во всем нравственном своем существе, становится для Отца Небесного любимым сыном, для которого временная смерть уже не страшна (1:78).

10. ТЕРПЕНИЕ В СКОРБЯХ

На пути ко спасению в продолжение всей земной жизни христианин переносит множество испытаний, искушений и связанные с ними скорби, плач и лишения. Эти обстоятельства и составляют крест, который каждый верующий человек должен нести до конца жизни. В Священном Писании имеются ясные указания о необходимости несения этого креста для ищущих спасения. Сам Господь говорит: "Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет" (Мк. 8, 34). В прощальной беседе Христос говорил Своим ученикам: "В мире скорбни будете, но мужайтесь, яко Аз победих мир" (Ин. 16, 33). Подобным образом учили и апостолы, говоря, что "многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22).

Святитель Тихон Задонский в своих творениях убедительно и ярко показывает, как именно скорби и испытания очищают душу от грехов, возводят ее от земли на небо, соединяют с Богом и ведут к совершенству. Говоря о значении добродетели терпения в несении жизненного креста, он замечает, прежде всего, что скорби и искушения являются неизбежным явлением в жизни каждого человека. Материальные недостатки и нужда, тяжелые болезни, смерть близких и дорогих лиц, незаслуженные обиды и притеснения, неудачи по службе, внезапные бедствия и всякого рода несчастья — все это приходится испытывать человеку здесь, на земле. Даже тогда, когда он свободен от внешних бед, его беспокоят уныние, недовольство, раздражительность, страх, т. е. внутренние скорби пораженной грехом человеческой души. Этих бед никто из людей избежать не может (4:181). Сама природа никогда не бывает постоянной: то пасмурно, то ясно, то бурно, то тихо; "тако и в нас без перемен не бываст" (5:361).

Тем более неизбежны скорби в жизни христианина. Кроме различных жизненных невзгод и неприятностей, кроме немощей, связанных с греховной природой, верующий во Христа встречает сильное противодействие со стороны врага рода человеческого — диавола. Если Христа, Сына Божия, "злохитрый дух" дерзнул искушать, то оставит ли верных Его последователей? (4:243). Сатана не спит, но всегда бодрствует, ища погибели человека. Его искушения настолько разнообразны, притворны и запутанны, что даже опытные подвижники с трудом распознают козни духа злобы; так как он пользуется всеми удобными для него моментами: слабостями человека, духом времени, обстоятельствами места, чтобы

только возбудить в человеке небоугодные мысли и желания. Где бы ни жил христианин, он не может избежать вражеских искушений; "то чрез злые помыслы, то чрез злых людей, своих служителей, (враг) искушает, беспокойствует, озлобляет... И то бывает, что которые были прежде други наши, сделаются нам дальними, нашими врагами; и самые кровные и единокровные наши, как-то: отец, матерь, братия, сестры и прочие сродники, ежели по миру живут, будут гнать нас" (1:229). Если же диаволу не удается искусить христианина через помыслы или злых людей, тогда он отступает на время и оставляет человека в покое, чтобы затем снова напасть неожиданно (1:179). Так противник человеческого спасения всякого приступающего ко Христу отвлекает от истинного пути, "запинает ему... и различные простирает сети" (1:223). И все-таки, как замечает святитель Тихон, все искушения или скорби в жизни христианина, исходящие от диавола, плоти или от прелестей греховного мира, не бывают неожиданными и случайными, но происходят по воле или попущению Божию. Как врач дает горькие лекарства или отрезает некоторые члены тела, чтобы сохранить в здравии весь организм, так и Господь, Премудрый Врач душ наших, попускает скорбные для нас обстоятельства, чтобы сохранить душу для жизни вечной. И как не обижаются на врача, причиняющего нам страдания, так надобно относиться и ко всему, что попускает промышляющий о нас милостивый и человеколюбивый Господь (2:307). Ведь Бог не допускает душе, уповающей на Него, быть искушаемой без меры, сверх ее сил, т. е. не даст ей впасть в такие искушения и скорби, которых она не могла бы перенести (1 Кор. 10, 13) (4:242). Как, например, в хрустальный сосуд мастер ударяет легко, чтобы не разбить его, а в серебряный или медный бьет сильнее, так и Господь немощным попускает легкое искушение, а духовно крепким и мужественным — более тяжелое (5:328; срав. 4:242). Притом любое искушение попускается промыслительным действием Божиим для спасения человека и служит доброй цели — "на посрамление диавола и на венчание и прославление человека" (1:235).

Но польза или вред для души от этих искушений будет полностью зависеть от самого человека, т. е. куда он склонит свою свободную волю: к озлоблению или к терпеливому перенесению скорбей с призыванием всесильной помощи Божией. Каким же образом искушения приносят пользу и способствуют человеческому спасению? Прежде всего, всякое возникающее искушение ставит человека перед вопросом: как поступить, на какую сторону склониться? Другими словами, искушение открывает внутреннее состояние души и сердца человека. И в этом отношении испытание святой Отец сравнивает с лекарством, вызывающим рвоту. Хотя это лекарство и причиняет человеку неприятность, однако оно помогает освободиться организму от зловредных соков и тем способствует выздоровлению человека. "Тако при нашедшем бедствии исходят помыслы злые, как соки вредные, крыющиеся в сердце и повреждающие душу, и тако узнает человек, чем духовно немощствует" (2:108). Искушение открывает все тайное и сокровенное. Без искушения человек считает, что у него все благополучно и он свободен от всего греховного, но какой-либо случай, например обида, показывает ему, что в сердце кроется гнев; или, узнав о благополучии ближнего, он обнаруживает в себе зависть, а сделанное доброе дело вызывает в нем самомнение и тщеславие. Случившееся несчастье показывает, что человек не свободен от

малодушия и ропота и в создавшемся положении надежду возлагает более на людей и другие средства, чем на Бога. Так "искушение открывает, что в сердце нашем содержится, а отсюда видно, сколь полезно есть искушение к познанию внутреннего состояния" (5:31). Искушения показывают человеку, какой он есть, к чему имеет склонность, к добру или злу, чем руководствуется в жизни — плотским началом или духовным. Так человек постепенно познает свою немощь, грехи и пороки, о которых раньше не знал и не подозревал, начинает сокрушаться о них, покаянием и верою с помощью Божией искоренять их и через то приближаться к Богу (1:178; 3:328).

Следовательно, искушения, беды и напасти попускаются Богом для духовной пользы человека, а именно: чтобы глубже взрыхлить почву его сердца, уничтожить следы греховного услаждения, исторгнуть глубоко проникшие корни греха, расположить к покаянию и доброй, богоугодной жизни. И как "огнем иссушается влага, мокрота и гной смрадный, тако огнем такового искушения иссушается влага нечистоты, злости, гордости, высокоумия, самолюбия, славолюбия, сребролюбия и прочих похотей, которые не иначе пред Богом имеются, как пред нами гнойный смрад и всякая скверна. И якоже в пещи искушается сребро и злато и чистейшим делается, тако в сей искушения печи очищается человек от злонравия" (3:307).

Отсюда и скорби есть действенное средство к очищению сердца христианина. Они оживотворяют и возвышают душу, сподобляют ее еще здесь, на земле, предвкушать начало вечного блаженства (4:332). И если в наших глазах, по человеческому рассуждению, некоторые обстоятельства кажутся жестокими, то для души они составляют благополучие и счастье. Так постепенно искушения и беды приводят человека к Богу, очищают его от греха, подобно тому, как огонь очищает золото от примесей (2:307). По свидетельству святителя Тихона, Священное Писание и церковная история являют множество примеров, когда грешники через жизненные испытания обращались к истинному покаянию и исправлению (2:315).

Если же христианин не имеет в своей жизни скорбей, то, в силу греховности, присущей каждому человеку, он может всецело душой прилепиться к земле, прийти в состояние духовного омертвения и совершенно забыть о своем Небесном Отечестве. А скорби напоминают о непостоянстве земного благополучия, ослабляют действия страстей, возводят ум человека к небесным обителям, "где нет напастей, бед, болезней и воздыхния", и тем самым способствуют его спасению (5:77; 1:173).

Кроме того, скорби и искушения определяют внутреннее достоинство благочестивой настроенности христианина и меру его духовного совершенства. Добрые дела, сделанные в часы благополучия и безмятежной жизни, равно как и хорошее расположение и благие чувства, не составляют еще истинной добродетели. Истинная добродетель обнаруживается в чистом и свободном возвышении духа над плотью, в твердой решимости воли, направленной к одному доброму и святому, и, наконец, в постоянном согласии мыслей и действий с законами нравственными, законами Божественными. Но такой чистоты, такого достоинства и постоянства добродетели невозможно достигнуть без борьбы с искушениями, то есть добрые дела и добрая расположенность только тогда могут стать неотъемлемой стороной души христианина, когда они

пройдут через горнило испытаний. Не тот воин искусен, который досконально изучил теоретически воинские науки, но тот, который принимал участие в сражениях против неприятеля. Так и христианин тогда становится искусным в духовной борьбе, когда "сквозь огонь и воду искушений, бед, напастей и скорбей проходит и подвизается противу невидимых врагов" (4:327). По другому меткому сравнению Святителя, как пища, обильно посоленная, долго сохраняет свой вкус и бывает пригодна к употреблению, так и добрые дела только тогда будут богоугодны и станут неотъемлемой принадлежностью души, когда они совершаются в трудные минуты испытаний. Даже более того, без них вообще невозможно приобретать духовную опытность и упражняться в добродетели (4:328).

Попускаемые Промыслом Божиим искушения учат также трезвенности и бдительности. Первый человек — Адам своим непослушанием, противлением воле Божией навлек на себя осуждение Творца, и с тех пор все человечество подвергается различного рода скорбям, лишениям и болезням. С того времени греховные наклонности и страсти являются основанием, первопричиной всех видов искушений. По словам святителя Тихона, часто бывает так, что человек не виноват в том, в чем его обвиняют, но он виновен пред Богом в других случаях. Пред Богом нет ни единого безгрешного человека, следовательно, и искушение не бывает бесцельным, ибо все бедствия от грехов происходят (2:297) и правда Божия требует, чтобы "грешник за грехи наказан был" (1:182). Внимательный к своей духовной жизни христианин постепенно замечает закономерность, при которой скорби и испытания являются неизменным следствием нарушения заповедей, и это побуждает его быть осмотрительным во всех своих действиях. По замечанию Святителя, как во время войны жители оберегают свой город, старательно защищают его и отражают натиск врага, так и христианин, чувствуя вражеское наваждение через злые помыслы, склоняющие ко греху, должен бдением, страхом Божиим и молитвой оградить и затворить душевный свой дом. Значит, искушение делает христианина бдительным, опытным и осторожным, всегда готовым к отражению вражеских нападений (3:308).

Следует также отметить и благотворное влияние испытаний на формирование духовной рассудительности христианина, его снисходительности к немощам других людей. Как уже было сказано, враг рода человеческого чаще всего искушает и соблазняет человека через других людей. Так, например, иудеи по научению диавола гнали и затем распяли Христа; нечестивые правители подвергали страшным мучениям последователей Христовых, чтобы отвести их от веры (3:445). Причину таких явлений святитель Тихон усматривает не столько во взаимных недоразумениях между людьми, сколько во внутреннем их противлении истине. Почти всегда нерадивые, невнимательные к запросам души христиане преследуют благочестивых, потому что святая жизнь последних обличает их злые дела и беззакония. Богоугодная жизнь верных постыжает нечестивых, работающих плоти и диаволу, и как нестерпим свет для очей больных, так добродетель — для нечестия. Вот почему невнимательные к своей душе люди, находясь под влиянием злого духа, сначала раздражаются поведением ревностных христиан, затем укоряют их и злословят, а потом начинают преследовать и досаждать им (2:289; срав. 5:149).

Однако такими действиями, воздвигаемыми на последователей Христовых, диавол, и сам этого не зная, вместо вреда приносит им величайшую пользу, ибо через искушения истинный христианин познает свои немощи, смиряется и приобретает опытность в борьбе с лукавым врагом, учится распознавать его злоухищрения, а также видит и то, что люди иногда являются орудием и исполнителями его коварных замыслов. Приобретая таким образом духовную рассудительность, верующий человек старается, с одной стороны, более всего обращать внимание на свои недостатки, трудиться над их искоренением, а с другой — прощать ближних, снисходить к их немощам и причину скорбей видеть не в них, а в Промысле Божием, устраивающем пути человеческие ко спасению (2:289, 307).

Все вышеизложенное показывает, что путь скорбей и есть тот узкий, тернистый путь, которым должен идти каждый христианин, ибо "нет иного пути к вечному животу... кроме пути тесного, прискорбного и крестного" (2:99). Скорбями христианин уподобляется своему Божественному Учителю. "Иже хощет по Мне ити, — говорит Господь, — да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет" (Мк. 8, 34). Обосновывая свою мысль словами премудрого Иисуса, сына Сирахова: "Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение" (Сир. 2, 1), святитель Тихон учит, что кто желает быть без скорбей, тот сходит с тесного пути на пространный, ведущий в пагубу, и исключает себя из числа истинных христиан (3:292). Все встречающиеся в жизни христианина искушения, скорби и испытания есть не что иное, как проявление любви и милосердия Божия к падшему человеку. "Бог и тогда благотворит нам, когда наказывает нас, да исправит нас; биет нас, да помилует нас; сокрушает нас, да исцелит нас; опечаливает нас, да увеселит нас. Все бо творит, да ублажит нас" (4:351). Наказание человека отнятием у него благ, испытание его искушениями и скорбями, лишениями и болезнями есть выражение Божественной любви, которую можно сравнить в некоторой степени с любовью родителей к своему ребенку, когда, несмотря на его слезы и обиды, они отнимают у него опасные предметы или наказывают за проступки с тем только, чтобы исправить его и предохранить от опасных последствий. "Его же любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет" (Евр. 12, 6). "Тако и Бог наказует нас, но вечного живота и Царствия наследие готовит нам... Наказует нас Бог на пользу нашу, да причастимся святыни Его" (4:353), "все же сие делает от единыя любви, дабы мы могли исправиться и тако спастися вечно" (1:88).

Отсюда следует, что лишен бывает милости и любви Божией тот, кто не несет жизненных испытаний на своем пути. И как отец оставляет сына без наказания и попускает ему жить по своей воле, свидетельствуя тем самым, что он отринул его от себя, так и Господь, когда оставляет человека без наказания, через то показывает ему, что лишает его Своей милости, и не иное такому последует, как терпеть на себе вечный гнев Божий (3:294). Кто согрешает и не несет наказания здесь во временной жизни, тот самый несчастный человек, потому что правда Божия требует, чтобы грешник был наказан за грехи свои; а если необходимо грешнику непременно быть наказанным, то лучше ему претерпеть все лишения в земной жизни, чем в будущем веке бесконечно мучиться: "зде наказует Бог и утешает, а тамо несть утешения; зде наказания легкая,

отеческая, а тамо жестокая; здесь маловременная, а тамо вечная... Сто лет зде всякое страдание терпеть ничтоже есть противу вечного. Слыши евангельского богача, который зде по вся дни веселися светло, како вопиет: "Отче Аврааме, помилуй мя" — вопиет, но бесполезно, и во веки будет вопить" (1:182). Следовательно, если человек не прилепляется к земной суете и в сыновней покорности воле Божией ищет и находит в Нем утешение и укрепление, то он с помощью Божией непременно сподобится получить вечное спасение. И наоборот, человек, не имеющий в своем сердце Бога, во время скорби или искушений приходит в малодушие, ропот, уныние и даже отчаяние. В этом случае виновато не испытание, всегда очищающее и укрепляющее душу, но раболепная привязанность человека к земному, нравственное расслабление его воли, сделавшейся неспособной ни к борьбе, ни к терпению, а также забвение о блаженной вечности, в сравнении с которой все нынешние страдания ничего не стоят (Рим. 8, 18). Скорбь только тогда принесет пользу, когда человек принимает ее, будучи подвигнут или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства.

Итак, испытания в жизни христианина тесно связаны с добродетелью терпения. С одной стороны, эта добродетель рождается от христианского перенесения скорбей, а с другой — без нее скорби совершенно теряют свой смысл и значение, т. е. они не могут принести определенной пользы и способствовать спасению. Только тот, кто до конца своей жизни будет терпеливо нести свои скорби, "спасен будет" (Мф. 10, 22). Именно в терпении, по учению святителя Тихона, состоит христианский подвиг. И если в обычной битве тот побеждает, кто гонит неприятеля и поражает его, то в духовной брани бывает наоборот: здесь тот побеждает, кто, гонимый, терпит, обидимый — не мстит, злословимый — благословляет, как и учит апостол Павел: "Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое" (Рим. 12, 21). "Сия есть христианская победа — побеждать благим злое" (3:444; срав. 5:355).

Характеризуя добродетель терпения и ее необходимость во время жизненных испытаний и искушений христианина, Святитель смотрит на нее как на "пристанище обуреваемых, источник мира, крепость, дружество, забрало и хранилище добродетелей, венец благочестия, известное знамение веры, истинныя радости вина, плод смирения, покой совести, герб христианский, знамя Христовых воинов, печать избранных Божиих, путь к вечному животу, лестница к небеси, предтеча к вечной славе, победа на врагов, язва диаволу и ангелом его, миру поругание, торжество над самим собою и прочее" (2:301). Терпение есть добродетель, которая во всяком страдании все упование возлагает на волю Божию и святой Его Промысл; оно, по меткому выражению Святителя, подобно якорю, поверженному во глубину Божия милосердия (2:297; срав. 1:181; 2:294).

Терпеливо перенося все скорбные обстоятельства, христианин тем самым свидетельствует о своей любви к Сыну Божию, Который ради спасения человека пришел в мир, пострадал и претерпел неимоверные мучения. И в благодарность за это человек не может ничего принести, кроме взаимной любви, "которая ни в чем так, как в терпении за любимого, познается" (5:328).

Далее, терпение крайне необходимо в усилиях христианина сохранить свою душу чистой от всего греховного. Зло не присуще человеческому бытию, и в природе нет таких причин, которые бы неодолимо застав-

ляли человека делать зло. Но посредством свободной воли, которая после грехопадения наших прародителей стала более склонна ко злу, нежели к добру, зло воспринимается сердцем человека и укореняется в нем. Поэтому, чтобы изгнать его из сердца, нужно мобилизовать все силы души и направлять их только к совершению добра. А это в свою очередь будет очищать душу, укреплять ее в борьбе с искушениями и направлять по спасительному пути. В этой духовной борьбе терпение сообщает подвизающемуся силы переносить различные испытания физического и нравственного характера, укрепляет твердость и крепость воли. В подтверждение данного вывода святитель Тихон приводит пример из жизни святых мучеников. Когда Диоклетиан не смог самыми изощренными пытками заставить отречься от Христовой веры святого Вита, тогда "побежал с позорища, бия себя по лицу и взывая: горе мне, яко от такого отрока мала побежден есмь" (2:298). И так как в подобных случаях ведется не столько физическая, сколько духовная борьба, то и христианин должен иметь более духовной крепости и мужества. Вполне понятно, что одних человеческих сил здесь недостаточно, необходима помощь свыше. Помощи этой сподобляется только тот человек, который в своей жизни приобрел нелицемерное терпение (2:298).

Если в этом суетном мире ничего невозможно достигнуть без терпения, как, например, славолюбцы прилагают большие усилия и много терпят различных неприятностей, чтобы добиться чести и славы; купцы, совершая путешествия в другие страны, укрепляют себя терпением ради приобретения временного богатства, или же воины, чтобы показать свое мужество и получить более высший воинский чин, терпят всевозможные лишения и опасности, то тем более без этой добродетели невозможно достичь Царства Небесного. Другими словами, христианин всегда должен быть готовым терпеть ради своего же спасения скорбь и искушения и постоянно утверждаться в Господе упованием и надеждою на Его всесильную помощь (5:328).

Христианское терпение дает возможность человеку сохранить внутренний мир даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни. Хотя он и испытывает удары волн и ветры искушений и бед, но все принимает как от руки Божией и поэтому ни на кого не враждует и не обижается, но всем прощает. Благодаря этому в его душе постоянно сохраняются мир и спокойствие, что свойственно бывает только "любителю Христову... (который. — *А. И.*) по подобию корабля в тихой гавани стоит, ни ветра, ни бури, ни волн не боится" (3:154; срав. 5:354; 4:220).

Совершенно иная картина в том случае, когда человек проявляет нетерпение в скорбях и искушениях: печаль овладевает его сердцем, расслабляет душу и подавляет все Божественное. Оказавшись в таком бедственном состоянии, христианин бывает уже неспособен ни к молитве, ни к чтению священных книг, этому духовному врачеству, и вообще ни к каким богоугодным делам. И если человек не смирится перед Промыслом Божиим, но будет продолжать роптать, тогда скорбь и печаль, возмутив сердце и отняв всякое здравое рассуждение, делают душу как бы обезумевшей. И все это происходит по той причине, что человек лишается благодатной помощи; "Бог, Который налагает крест, Тот и помогает носить крест, но помогает соизволяющим и повинующимся, а от ропщущих отходит и тако сугубо им бывает тягость" (5:148). Чрезмерная печаль и ропот свидетельствуют о духовном неразумии и

привязанности христианина к земному благополучию до забвения небесного, что в свою очередь омрачает сердце и делает его опустошенным, а жизнь лишенной смысла. Все это "к тому приводит, что многие сами себя смерти предают и тако временной и вечной жизни лишаются" (2:296). Святитель Тихон увещает малодушных христиан смиряться со скорбными обстоятельствами, постигающими их в земной жизни, и принуждать себя к терпеливому их перенесению. Ведь человек своими силами не может изменить ту или иную создавшуюся обстановку; проявляя нетерпение, он усложняет ее и, в конце концов, теряет небесную награду: "того не миновать, что суд Божий нам определил, а от нетерпения мзда погубляется" (1:182). Терпеливое, смиренное, спокойное перенесение испытаний приводит к тому, что они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу, в то время как ропот не только отодвигает время успокоения, но и вызывает еще большее возмущение в душе, и через то испытания еще более увеличиваются (1:182).

Нетрудно заметить, что добродетель терпения не ограничивается в своем благотворном влиянии на одного, отдельного человека, но распространяется на семью и общество в целом. Ни один человек не свободен от каких-либо немощей, но более всего эти немощи заметны и сказываются в семейном кругу. Поэтому терпение и снисхождение к немощам друг друга следует прежде всего приобрести супругам. Только в этом случае могут сохраняться в семье мир и согласие (5:175). Подобным образом терпение оказывает свое спасительное действие и в обществе. Если от нетерпения происходят в мире всевозможные нестроения, ссоры, войны и убийства, то посредством терпения "все сие зло отвращается. Ибо где терпение, тамо нет ссоры и брани" (2:301). По словам Святителя, терпение более сохраняет общество, нежели оружие, и более сохраняет города, нежели стены (2:301).

Если так спасительно и так необходимо терпение в жизни христианина, то что же способствует его приобретению? Прежде всего нужно отметить, что истинное христианское терпение рождается от веры. Не имея веры, человек весь смысл своей жизни полагает в увеселениях и приятном времяпровождении. Но когда такое течение жизни нарушается различными нестроениями и скорбными обстоятельствами, то он приходит в смущение, недовольство и ропот. Вера же, "в сердце живущая, сие смущение укрощает и усмиряет, представляя, что все по Божьему Промыслу бывает" (2:293). Вера же убеждает в том, что все скорби временны и за ними последует вечная радость, в то время как нетерпением оскорбляется благость Божия (2:293).

Немаловажным средством, укрепляющим христианина в терпеливом перенесении скорбных обстоятельств, является надежда на Бога, от Которого христианин во время скорби "ожидает или избавления, или облегчения" (1:196). Но самое существенное влияние на формирование и совершенствование терпения оказывает добродетель любви. Кто любит ближнего, тот не мстит за обиду, но великодушно переносит и даже молится за обидчика, сожалея о нем как о подпавшем влиянию диавола (2:234; срав. 1:162). Отмщение же и воздаяние за зло есть плод не любви, но ненависти (1:89). Когда христианину приходится испытывать скорбь, причиняемую со стороны ближнего, он побуждается к терпению размышлением о том, что он виноват пред Богом своими грехами от юности своей, но Господь долго терпит и не наказывает его, ожидая

покаяния. От этого размышления у него появятся снисходительность и терпеливое благоразумие по отношению к немощам своих ближних (5:188; срав. 5:354). К терпению подвигает христианина также любовь Божия к роду человеческому и высочайший пример Христа Спасителя, Который претерпел всевозможные мучения за спасение человека. Бремя жизненного креста во многом облегчается, если страждущий обращает свой взор на Начальника веры, Который, пострадав, оставил образ, чтобы Его ученики и последователи шли этим путем, не унывая и не ослабевая в дни своей скорби (2:295; срав. 3:292).

Кроме того, терпение укрепляется воспоминанием о святых мучениках, многоразличные страдания которых невозможно и перечислить. Их приводили ко крестам, бросали на съедение зверям, сжигали, топили, живыми зарывали в землю, бросали в кипящую смолу или олово, сдирали кожу, раздробляли кости, отрезали члены тела и т. д., однако святые страстотерпцы с помощью благодати Божией мужественно все переносили и тем приводили ко Христу и вдохновляли на подвиг ради истинной веры множество язычников (1:183). И в настоящее время есть очень много людей, которые находятся в болезнях, скорбных обстоятельствах и испытывают великие страдания и даже часто не имеют человека, который бы позаботился об их благополучии. И если христианин терпеливо будет переносить страдания ради Господа, то он сподобится в жизни вечной такой же награды, как и святые мученики (2:298; срав. 1:248).

Немалую пользу в формировании добродетели терпения приносят и размышления о вечных муках и блаженстве праведников. Святитель учит нисходить умом в ад и представлять положение душ, осужденных на мучения. Безусловно, тогда каждый придет к выводу, что лучше терпеть здесь от руки Божией всякое наказание, зато в будущей жизни иметь вечное утешение в Его Царстве. И если христианин здесь, во временной жизни, будет уклоняться от испытаний, посланных Богом, то по смерти его постигнет вечный гнев и мучения, которых не может избежать неисправленный и ненаказанный грешник. С другой стороны, христианина утешает и укрепляет в терпении размышление о блаженной участи святых. Если ознакомиться с житием всех угодников Божиих, то, по словам святого Отца, никто из них не был свободен от скорбей и искушений, потому что нет иного пути к Небу, кроме узкого и тернистого; все святые с великим терпением, радостью и благодарностью воспринимали как от руки Божией всякие превратности жизни, за что и сподобились вечной блаженной радости (1:183).

Далее, христианин утверждается в терпении и тем, если он смирится под крепкую руку Божию и предаст себя всеблагой Его воле. Рассуждение о том, что своими грехами человек прогневляет Бога и за это достоин всякого наказания, приводит к смирению, а в момент испытаний — к терпению. Смиренный человек не только охотно принимает посланные от Бога испытания, но и видит в них очистительное средство, которым Бог приготовляет его к вечному блаженству. И потому христианин скорбные обстоятельства принимает как милость Божию (5:114).

Но более всего скорбная душа в трудные моменты находит утешение и подкрепление в непосредственном обращении к своему Творцу и Создателю Богу. Человек даже тогда получает некоторое облегчение и утешение, когда сообщит свою скорбь близкому другу, и тем более

умиротворяется его дух при молитвенном обращении к Богу, Который слышит каждое слово. И если это будет угодно Его святой воле и полезно делу нашего спасения, то Он как милосердный Отец пошлет Свою помощь и избавит от скорбных обстоятельств. Господь так утешительно воздействует на дух молящегося, что последний часто вместо скорби испытывает чувство благодарности, преданности Ему и радости (3:115; срав. 2:301).

Подобное же действие оказывает на душу христианина в его скорбях и чтение слова Божия. Святой Архипастырь советует как можно чаще обращаться к Священному Писанию, в котором, как в духовной аптеке, скорбящий найдет утешение в самых разнообразных жизненных обстоятельствах (3:200; срав. 1:186).

Таким образом, говоря о скорбях, искушениях и испытаниях в жизни верующего человека, можно сказать, что они имеют существенное значение в очищении души на пути, ведущем ко спасению. Скорбные обстоятельства, воспринимаемые с терпением и самоукорением, помогают формированию в христианине богоподобных свойств, из которых наиболее ценными являются упование на Бога, смирение, сопровождаемое преданностью воле Божией, и послушание. Все добродетели посредством терпения очищаются, возвышаются и постепенно превращаются в один благодатный поток, влекущий душу христианина в вечные сферы Божественной жизни. Следовательно, терпение является неотъемлемым условием духовной жизни христианина и без него невозможно совершенствование и спасение души.

ГЛАВА VI

Средства, помогающие на пути ко спасению

1. ОЧИЩЕНИЕ СОВЕСТИ

Цель христианской жизни на земле состоит в том, чтобы человек, постепенно развивая свои духовные способности, заложенные Творцом, мог соединиться с Ним в вечности и наслаждаться Его лицезрением. Для этого от христианина требуется сохранять свою душу и тело от греховных влечений. А отсюда вытекает, что желающий достичь вечного спасения должен не только бороться с грехом, но и не соглашаться даже с порочными мыслями и пожеланиями, которые бы нарушали спокойствие его совести.

Совесть есть внутренний мздовоздаятель за все дела и поступки человека. Своим происхождением она обязана не какому-либо тварному существу, но Самому Богу и является Его голосом, вопиющим внутри человека и удерживающим его от греховных действий (4:82). Она оценивает слова, дела и мысли человека, проникая во все сокровенные движения человеческого духа, имеет право или награждать за добро, или наказывать за зло. И притом этот страж Божий никогда не ослабляет своего контроля над человеком и всячески стремится дать надлежащее направление его нравственной деятельности. И в этом отношении она подобна слову Божию, которое содержит в себе непреложную истину и дает правильное направление всем хотящим богоугодно проводить свою жизнь. Так и совесть в своих определениях и наставлениях, по мысли святителя Тихона, бывает непогрешимой. И как слово Божие запрещает и считает недопустимыми для христианина нарушения нравственных норм, и даже угрожает за них судом и наказанием, точно так же поступает и богодарованная совесть (3:223–224; срав. 4:81–82).

Совесть является также равноценной закону Божию, который указывает, как должен жить человек, чтобы достичь единения с Богом. Нарушая закон, человек лишается милости Божией и ввергает свою душу в мучительное состояние. Подобным образом и совесть как нравственная сила нашего духа возвещает нам внутренний нравственный закон, судит о сообразности или несообразности наших поступков закону Божию и в соответствии с этим награждает или осуждает. "Не слушает кто совесть, – пишет Задонский Подвижник, – не слушает и закона Божия и Самого Бога... Раздражает совесть, раздражает и Самого Бога. И таковые христиане, которые против совести грешат, истинно Бога не почитают, но суть лицемеры: Бога бо без чистой совести почитать невозможно" (5:215). Следует отметить и то, что совесть в своей истине и чистоте всегда пребывает неизменной и подкупить ее какими бы то ни было средствами со стороны грешника совершенно невозможно (2:45). Она

всегда стоит на страже Божественного закона и тех, которые нарушают его, жестоко карает (2:130). И если закон внешний, богооткровенный, и закон внутренний – совесть за исполнение норм христианской жизни обещают вечное блаженство, то за злые дела они угрожают вечным мучением, т. е. оба этих закона будут свидетельствовать в вечности или в наше оправдание, или в осуждение (4:388).

Иногда в жизни христианина бывает упорная внутренняя борьба, когда все силы души склоняются ко греху. В этот критический момент одна совесть остается верной своему долгу и стремится удержать человека от падения. От чистой совести не могут укрыться в душе христианина не только тяжелые пороки, но даже и самые маловажные. Она всячески старается довести до его сознания пагубность греховных увлечений и тем самым способствует человеку удаляться и противиться им (2:42; срав. 5:361), помогает увидеть в душе пагубное влияние тлетворных страстей, которые могли бы окончательно расстроить душу. Отрезвив человека и раскрыв пред ним ничтожество плотских услаждений, совесть тем самым водворяет в его душе вожделенное и ничем не заменимое внутреннее успокоение, которое делает человека уже здесь, на земле, благодатным и одухотворенным (4:204; срав. 5:215). Однако совесть, помогая человеку в его спасении, в то же время не прекращает своего спасительного воздействия на душу человека и тогда, когда он бывает свободным от внутренних и внешних искушений. Она постоянно стоит на страже сердца человека и влечет его посредством убеждения к истинному покаянию и сокрушению о содеянных ранее грехах; этим самым она стремится удержать человека от новых греховных поползновений (1:51; 2:204). Человек, имеющий чистую совесть, легко переносит всевозможные искушения и неприятности; более того, находясь в бедственном положении или телесной болезни, он не унывает и не падает духом, и это бывает по той основной причине, что его душа не ищет помощи извне, но полностью возлагает свое упование на милосердного Бога, в Котором действительно находит для себя отраду и утешение. Ведь человек создан Богом не для мучения, а для блаженства. Притом он носит в себе образ Божий, которым не обладает ни одно из творений Божиих, составляющих видимый мир. Вот почему душа, имеющая непомраченную совесть, ищет для себя упокоения только в Боге как в своем Первообразе. И если тело находит для себя удовлетворение в материальных благах или видимой природе, то для непорочной души имеется иная пища, духовная и возвышенная, питающая и укрепляющая ее силы. И этой пищей, по учению святого Отца Церкви, является Бог, Который "един душе... есть Свет, Живот, ...питие, укрепление, прохлаждение, утешение, веселие, радость, покой, мир, богатство, честь, слава и все блаженство. Без Бога и кроме Бога душа жить, упокоиться и блажена быть не может" (4:359; 1:34). Душа с чистой совестью становится истинной дщерью Отца Небесного и храмом Святого Духа, Которым она все более и более просвещается, одухотворяется и бывает подобной чистейшему хрустальному сосуду. Совесть в такой душе никогда не возмущается, но всегда бывает спокойной и умиротворенной. Однако она и в таком благополучном состоянии не оставляет человека без своего попечения, стараясь всячески укрепить в нем веру и надежду, потому что эти добродетели не иначе могут пребывать, как только в душе человека, имеющего чистую совесть

(3:332; срав. 5:284). Но если человек, будучи невнимателен к своей духовной жизни, допускает греховные проступки и не осознает своего бедственного состояния, не заботится о возвращении на путь богоугодной жизни, то совесть в нем начинает усыплять свою бдительность. И эту усыпленную совесть святой Отец сравнивает с грязным зеркалом, в котором отражение предметов получается искаженным, а со временем и совсем делается неясным. Так и в зеркале совести, оскверненной грехами, человек бывает неспособен увидеть свои пороки до тех пор, пока не отстанет от зла и не начнет шествовать спасительным путем, ведущим в жизнь вечную (2:42). Когда же утихнет шум страстей, тогда совесть возвышает свой голос с еще большей против прежнего силой. И эти мучения проснувшейся совести бывают так велики в человеке, что они терзают его душу, "как червь дерево, ...тогда печаль, страх и ужас гнева Божия и суда, геенны и вечного мучения восстают в нем; тогда помыслы, как волны, убогую душу ударяют: "несть спасения тебе в Бозе твоем" (Пс. 3, 3). "Где бы ни был грешник, везде мучитель сей неотлучно с ним есть, везде мучит и снедает его" (2:129; срав. 5:215). Преследующие постоянно человека муки совести по своей лютости бывают несравненно тяжелее не только телесных болезней, но даже всех бедствий, причиняемых извне (2:130). Под тяжестью этих внутренних мучений человек весьма часто теряет духовное равновесие и таким образом приходит в страшное и мучительное отчаяние, а иногда даже оканчивает жизнь самоубийством (5:215, 221).

Ярким примером, свидетельствующим о таком губительном состоянии человека, является участь Иуды, совершившего страшное преступление против своей совести – предание Сына Божия на смерть. Он не вынес страшных угрызений совести и умертвил себя (4:204, 268). Свойство совести, раздраженной грехом, таково, что она нагнетает в душу грешника мучительный страх или боязнь за соделанные преступления и удаляет его подобно Адама или Каина от лица Господня (3:69; 1:129). В этот момент даже упование на милосердие Божие не оказывает эффективной помощи человеку. И если человек может убежать от гнева другого человека или от зверя, то от угрызения совести никто не может ни укрыться, ни убежать (4:380), она везде преследует человека. Если же совесть так жестоко карает человека за содеянные преступления здесь, на земле, то что же будет в вечности, где пред его лицом откроются не только явные согрешения, но и все тайные, и притом пред всем миром – ангелами и людьми. Но самым страшным и мучительным для человека будет тот момент, когда он услышит от Праведного Судии последний приговор, осуждающий его на вечное мучение. В этот момент душа грешника вострепещет, подобно листу от ветра, и восплачет, но уже будет поздно. По определению Всевышнего, грешник отлучится от праведников и причислится к духам злобы, после чего наступит вторая смерть, смерть вечная (4:268), "пламень палящий, но не снедающий" (2:14). Вот почему, как пишет святой Отец, для сохранения чистой совести лучше на земле все бедствия терпеть и даже, если это потребуется, умереть, нежели нарушить ее спокойствие (2:130; срав. 4:268).

И вот самым лучшим средством, успокаивающим совесть и умилостивляющим Бога, является истинное покаяние, которое примиряет человека с Богом и возвращает ему утраченное через грех блаженство. И если христианин не хочет своей жизнью оскорбить Бога и навести Его

праведный гнев на свою душу, то он должен охранять свою совесть, оберегая ее от уязвления злыми делами и от нарушения "ее благоприятного мира" (3:223–224; 4:81).

Благодатными средствами очищения совести являются также молитва и рассудительность, помогающие человеку правильно осознать свое назначение и указывающие ему путь, ведущий к источникам вечной радости (3:108). Эти добродетели не только помогают совести в борьбе с грехом, но они отрезвляющим образом действуют на все душевные силы человека, возбуждая в нем ревностное стремление к богоугодной жизни.

Процессу очищения совести способствуют и прочие добродетели, и вообще весь строй богоугодной христианской жизни; ведь здесь от христианина требуется мобилизация всех его внутренних духовных сил. Только благодаря этому он сможет, при постоянной благодатной помощи свыше, достигнуть чистоты совести и соединиться с Источником жизни – Богом.

2. ПОСТ

На пути духовного восхождения к Богу существенную помощь христианину оказывает подвиг поста. Своей целью он имеет религиозно-нравственное оздоровление души человека и, по учению Православной Церкви, является весьма ценным лекарством от духовных недугов. Сам Христос Спаситель, приготовляя Себя к великому служению роду человеческому, начал совершать Свой подвиг именно с поста. Поэтому и все те, которые желают идти по Его стопам, непременно должны полагать пост в основу своего спасительного делания. Пост необходим для человека как средство к совлечению ветхого человека, угашению пламени страстей и изъятию из себя греховного жала, которое постоянно препятствует нормальной жизни духа в человеке. Пост очищает душу и тело, делает христианина способным к принятию Бога в свое сердце, потому что только "чистии сердцем Бога узрят" (Мф. 5, 8). Кроме того, он является сильным оружием против лукавых духов, которые, по словам Самого Господа, "изгоняются только молитвою и постом" (Мф. 17, 21).

Святитель Тихон Задонский в своих творениях, раскрывая сущность христианского спасения, большое внимание уделяет этой добродетели. Хотя пост, как телесный – воздержание от пищи, так и духовный – воздержание от всякого зла, является трудным подвигом, но без него спастись христианину невозможно (4:144). "Он полезен нам, – пишет Святитель, – ярко служит нам ко умерщвлению страстей" (4:182). Говоря о телесном посте как о воздержании от определенного рода пищи, святой Отец отмечает, что следует иметь воздержание даже в постной пище, которую нужно принимать не для угождения похотям плоти, а для подкрепления телесных сил, по повелению Господню: "Внемлите ж, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством и печальми житейскими" (Лк. 21, 34) (3:243). Пища, подаваемая Богом, не должна служить для бесчинной роскоши или объедения, но ее должно употреблять так, чтобы человек был способен совершать благословенные труды во славу Божию, а также для пользы и спасения не только самого себя, но и ближних (3:245).

С другой стороны, святитель Христов указывает и на опасность неумеренного поста, который также может служить препятствием на пути

ко спасению. Воздержание в пище, конечно, надежное средство к духовно-нравственному возрастанию, но оно должно быть умеренным и непременно соразмеряться с телесными силами христианина, иначе может послужить причиной к ослаблению его деятельности и принести вред. Кроме того, чрезмерный пост делает человека бессильным, расслабленным, а тело, приходя в изнеможение, отрицательно влияет и на деятельность духа.

Поскольку пища есть дар Божий, то перед принятием ее христианин должен испрашивать благословение у Бога и по вкушении воздавать благодарение Ему. Принятие же пищи без благословения Божия является хищением дара Божия, и человек в этом случае приравнивается вору, который касается чужого добра без воли хозяина (3:244).

Но наряду с этим святой Отец советует никогда не забывать изречение Господне: "Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем изо уст Божиих" (Мф. 4, 4; Лк. 4, 4). Христианин должен более думать о пище душевной, нежели о телесной. Как тело без пищи обречено бывает на смерть, так и душа, не подкрепляемая пищей – словом Божиим, погибает от духовного голода (2:8). Христианину следует "довольствоваться тем, чем немощь телесная укрепляется, и не чреву, но Богу угождать, и не тело утучнять, но душу бессмертную питать словом Божиим, псалмы и песньми духовными увеселять, и приемля пищу сию, поминать о пище вечного живота, к которому путь пресекает невоздержание пищи и пития употребление" (3:244). Таким образом, каждый подвизающийся в деле своего спасения должен гораздо больше внимания уделять посту духовному, нежели его внешней стороне, потому что "телесный пост без духовного ничтоже есть" (4:182). Истинный пост есть не только воздержание от пищи, но, главным образом, обуздание всех своих чувств. Только такой пост спасителен для человека и угоден Богу. "Якоже убо налагаеши пост чреву твоему, – пишет Святитель, – наложи и злым мыслям и прихотям твоим. Да постится ум твой от суетных помышлений, да постится память от злопомнения, да постится воля твоя от злого хотения" (4:182). Другими словами, воздержание должно проявляться во всех душевных и телесных чувствах человека, и прежде всего выражаться в обуздании языка, действие которого часто бывает губительно как для души, так и для тела, потому что "язык – неудержимое зло, он исполнен смертоносного яда" (Иак. 3,8). Поэтому христианину подобает следить за своим языком и удерживать его от многоречия, злоречия и особенно от всепагубной клеветы (4:182–183); благодаря этому он сможет легко избежать многих грехов (4:163). Однако без помощи Божией, только своими усилиями сделать сие невозможно, и потому христианину как можно чаще следует обращаться к Богу со смиренной молитвой: "Положи, Господи, хранение устом моим и дверь ограждения о устнах моих" (Пс. 140, 3). И Господь не замедлит подать Свою помощь для исправления сердца и удержания языка от зла, но и более того – научит, как и что говорить и о чем должно молчать (2:125). И только таким путем последователь Христов сможет исполнить повеление Господне: "Удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати льсти" (Пс. 33, 13–14).

Таким образом, пост, по учению святителя Тихона Задонского, весьма успешно помогает христианину в деле угождения Богу и спасения души. Великая польза от него несомненна. Он делает человека умеренным,

трезвым, молчаливым и целомудренным. Разум истинно постящегося христианина, подчас незаметно для него самого, становится светлым, способным ясно судить о предметах духовных. Такой человек отчетливо слышит голос своей совести, который постоянно ограждает и удерживает его от нарушений закона Божия, управляет его поведением. Сердце его становится вместилищем святых чувствований и чистых желаний, становится "доброй сокровищницей", из которой, по слову Господню, человек износит все доброе (Лк. 6, 45). Посредством подвига поста воля укрепляется в добре, делается твердой и устремляет человека к делам богоугодным. Таким образом истинный пост, к которому призывает святой Отец всех идущих по пути ко спасению, вспомоществует духу владычествовать над телом и тем самым делает христианина все более духовно совершенным, так что он действительно становится "храмом Божиим", в котором живет Дух Святой (1 Кор. 3, 16).

3. ЧТЕНИЕ СЛОВА БОЖИЯ И ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХ ОТЦОВ

На пути ко спасению христианину крайне необходимо тщательное изучение Священного Писания, которое своей благодатной силой способно утвердить в его душе основы духовной жизни.

Господь в Своем слове возвестил роду человеческому, как должен жить человек на земле, чтобы быть достойным неба. Это Откровение воли Божией, по мысли святителя Тихона Задонского, сообщенное как закон нашим прародителям Адаму и Еве, а затем переданное святому пророку Моисею на двух скрижалях на горе Синай, было запечатлено в течение веков через богодухновенных мужей – святых пророков и апостолов – в книгах Священного Писания (2:5, 8). В Ветхом Завете Откровение явилось как совокупность заповедей, запрещавших или повелевавших уклоняться от зла и творить благо. В Новом Завете Откровение Божественной воли было возвещено Спасителем мира и явилось как радостная весть, как Евангелие "милостивых и радостных Божиих обещаний". Вся сила и сущность Евангелия выражается в словах Иисуса Христа: "Тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный" (Ин. 3, 16) (2:7).

Книги Священного Писания, по выражению Святителя, – это "благоприятное Создателя нашего послание" (3:196; срав. 5:156) о милостивом Его благоволении, это Божие письмо к недостойным грешникам, высочайший дар Божий, неоценимое сокровище. Здесь Сам Царь Небесный, "Бог великий и непостижимый ...через слово Свое беседует" со Своим творением, как некогда беседовал в раю с невинным человеком (3:196). Господь всегда таинственно присутствует в Священном Писании, и когда человек читает его, то не только слышит, но и видит, и ощущает дела, чудеса и благодеяния Божии, которые Он изливает на приближающихся к Нему с верою (3:436).

Слово Божие открывает читающему Бога и Его Божественные свойства. Оно представляет Бога единосущного, но Троичного в Лицах, представляет Его всемогущим, премудрым, воздесущим и всеведущим. Из Священного Писания христианин познает благость и милосердие Божие, Его праведность и нелицеприятие; познает, что Он воздаст каждому по

делам его, что Он со славой придет судить живым и мертвым (1:73; срав. 3:205).

Как послание превечного Бога слово Божие истинно и неложно, твердо и непоколебимо, "достовернейшее... паче гласа всего света". "Чувство наше удобнее нас обмануть может, нежели слово Божие, яко от неложного Бога сказанное. Ему более должны... верить, нежели от мертвых воскресшему... Всяк... человек солгать может, но Бог яко вечная Истина солгать не может... И потому, что открыл нам Бог, то неотменно тако есть, и что предсказал имеющее быть, то непременно в свое время будет" (2:7). Слову Божию христианин должен верить без сомнения. Только в таком случае оно бывает способно возрождать, одухотворять и возводить его ум к высшим сферам Божественной жизни. Посредством слова Божия христианин легко может проверять, правильно ли он шествует по лестнице духовного совершенствования, или уклоняется в противоположную сторону греха и беззакония. Святитель Тихон, доказывая истинность и Божественное происхождение Священного Писания, указывает на его внутреннее достоинство и на взаимное согласие Ветхого и Нового Заветов. Последнее особенно ясно видно из того, что ветхозаветные пророчества сбылись на Христе, а предсказания Христа сбываются на христианах и по сей день (5:268–275). Священное Писание свидетельствует за себя своим неотразимым воздействием на душу человека, благодатной силой, направляющей его к покаянию и внутреннему возрождению. В непреложности и действенности слова Божия убеждает нас также святость жизни его проповедников, и прежде всего апостолов, запечатлевших благовестие кровью своею. Через их богодухновенные уста явно проявилось действие благодати Божией, совершившей многие видимые чудеса и знамения, которые явились весьма важным стимулом в деле быстрого распространения святого Евангелия по вселенной, несмотря даже на то, что проповедники его были "терзаемы и снедаемы, как агнцы посреди волков" (5:257).

В слове Божием не только отображены все истины, которые составляют предмет веры христианина, но и указаны те нравственные нормы, выполнение которых ведет спасительным путем в Царство Небесное. Незнание же Священного Писания может легко привести к неправильному пониманию богооткровенных истин, к заблуждению и в конечном счете к удалению человека от Бога. Только руководствуясь Божественным словом, христианин сможет распознать истину и не запутаться в сетях ереси, раскола или суеверия, будет всегда осторожен с теми людьми, которые не согласуют свою жизнь со словом Божиим, но руководствуются своим греховным разумом (4:311).

Через Священное Писание христианин познает волю Божию, и чем глубже он будет проникать в его содержание, тем яснее будет для него смысл и цель его земного бытия. Слово Божие, объявляя людям волю Творца, учит, как Ему угодить, как уклоняться от зла и творить благо, как относиться к ближнему, как избежать вечных мучений. Другими словами, Священное Писание говорит верующему о его обязанностях по отношению к Богу, к ближнему и к самому себе. Вполне естественно, что, пренебрегая словом Божиим, "люди за грех почитают тое, в чем греха нет; напротив того, за грех не вменяют того, в чем великий грех есть: добродетель называют пороком, порок добродетелью" (2:15). Вот почему святой Отец на страницах своих творений очень часто призывает

христиан не только поучаться в слове Божием день и ночь, но и устроять свою жизнь согласно его требованиям, "ибо слово Божие есть достоверное правило мнений, помышлений и деяний человеческих, которого неуклонно держаться должно нам, когда не хощем погрешить и заблудить" (3:201). И если праотцы и святые патриархи в своей жизни были руководимы, наставляемы и утешаемы непосредственно через голос Божий, то для последователя Христова этот живой голос содержится на страницах Священного Писания, от которого и должно "искать совета и наставления" (2:8).

Священное Писание по своей чистоте и святости можно сравнить в какой-то мере с зеркалом. Как это вещественное стекло бывает способно обнаружить на лице человека всю его нечистоту и изъяны, так и слово Божие своей благодатной силой проникает во все тайники души человека и показывает ей ту греховную нечистоту, которой она помрачилась и осквернилась. Благодаря этому христианин может скорее посредством покаяния и веры во Христа очиститься от греха. И чем более христианин на основании слова Божия будет сравнивать свою душу с Первообразом и чем более он будет очищать ее, тем яснее в ней будет "блистать Божий образ" (3:89).

Слово Божие можно уподобить также свету, который светит идущим по пути в Царство Небесное и трудящимся в подвиге веры и благочестия, как и учит святой Псалмопевец: "Светильник ногама моима закон Твой, Господи, и свет стезям моим" (Пс. 118, 105). Кто не имеет перед собой подобного светильника и не руководствуется им, тот остается во тьме греховной, хотя он по наружности и благочестивый христианин. К таковым можно отнести тех, которые не считают грехом обидеть ближнего, обмануть или оклеветать его или же допускают многие другие беззакония, и это потому, что их ум не просвещен светом Евангелия (3:207). Как луч света, проникающий в темные места, освещает все, что находится в них, так и свет слова Божия озаряет самые сокровенные глубины человеческого сердца и обнаруживает в нем всю ту греховную накипь, которая досели сокрывалась в нем. Для того чтобы душа христианина все более и более просвещалась, ему нужно постоянно не только читать Священное Писание и размышлять о нем, но и созидать, согласно его требованиям, в своей душе Царство Божие.

Слово Божие есть пища, поддерживающая жизнь души, есть "богатая трапеза", "пресладкая христианской души вечеря" (4:107). Подобно тому, как тело человека постоянно укрепляется пищей, чтобы не ослабеть и не прийти в состояние изнеможения, так и душа нуждается в систематическом подкреплении духовной пищей слова Божия. Отсутствие же ревности к изучению глаголов жизни вечной свидетельствует о болезненном состоянии души христианина. И как желудок, подверженный болезни, не принимает пищи до тех пор, пока не излечится посредством лекарств, так и тот, "кто не хощет слушать слова Божия, которое есть пища душевная, известным есть знаком, что душа его расслаблена, разболелась и требует врачевства и целительного пластыря" (1:101). Таким живительным пластырем, исцеляющим душевные язвы, является слово Божие, и к нему должен прибегать человек, поверженный в бедственное духовное состояние (4:77).

Далее, сравнивая Моисеев закон и Евангелие, святой Отец говорит, что если ветхозаветный закон показывает только немощь человека,

устрашает его гневом Божиим и осуждает за преступления, то Евангельский закон немощь врачует, утешает и подает благодать Христову для прохождения дальнейшего подвига (3:11–12). В Новозаветном Писании, как в духовной аптеке, скрыты многоразличные врачевства от всяких немощей, недугов и болезней. Здесь страждущий найдет утешение, сомневающийся — утверждение, незнающий — знание, пребывающий в подвиге веры — ободрение и подкрепление. Святитель также отмечает, что слово Божие простирает свое действие не только на душу, но и на тело человека, сообщая ему особую силу, бодрость и крепость (1:54; срав. 3:200).

Благодатная сила, изливающаяся на читающего через посредство слова Божия, оказывает постоянное укрепляющее действие на его душу. Когда человек слушает или читает Священное Писание и размышляет о нем, то жизнь духовная разгорается, как лампада от вновь налитого масла (3:24). Однако здесь следует не забывать, что не всегда слово Божие, посеянное на "земле сердец человеческих", может принести обильные плоды; это зависит от духовного преуспеяния человека. Как обычные семена, попадающие на различную почву, приносят неодинаковые плоды, так и слово Божие, если не обретает благоприятных условий в сердце человеческом, остается без плода или совсем погибает. Голос Отца Небесного всегда ударяет в сердца людей через Его слово, однако не всякий слышит его, потому что не у каждого, по слову Спасителя, открыты уши сердечные: "Имеяй уши слышати, да слышит" (Мф. 13, 9) (4:71; срав. 2:15). Исходя из этого, каждый человек, по мысли святителя Тихона, должен испытывать себя, ощущает ли он при слушании или чтении Священного Писания его силу и действие в своей душе, чувствует ли он духовный подъем? И если да, значит, он на правильном, спасительном пути, значит, он, с помощью Божией, легко преодолеет все препятствия своего жизненного пути. Как известно из Священного Писания, Сам Христос Спаситель отразил диавольское искушение именно словом Божиим и подал пример Своим последователям "в нужных случаях темжде оружием против его (т. е. диавола. — *А. И.*) с Божией помощью боротися" (3:443).

В связи с тем, что всякий грех начинается с греховного помысла, святитель Тихон советует христианину, на основании Священного Писания, научиться различать добрые помыслы от лукавых. Ссылаясь на слова апостола Павла: "Живо бо слово Божие и действенно, и острейше паче всякаго меча обоюду остра, и проходящее даже до разделения души же и духа, членов же и мозгов, и судительно помышлением и мыслем сердечным" (Евр. 4, 12), Святитель говорит, что христианин, подобно садовнику, отрезающему от дерева негодные сучки и ветки, должен возникающие злые помыслы тотчас пресекать мечом глагола Божия, "дабы, укрепившеся, не повредили и не умертвили внутреннего человека" (4:53–54). Если же христианин, стремящийся ко спасению, пренебрегает словом Божиим и не упражняется в нем, то он бывает подобен воину, вступающему в битву без оружия (4:51).

Священное Писание, говорит в другом месте святой Отец, "дано нам от Бога ради спасения нашего и прославления имени Божия" (5:61; срав. 5:261). Прославляя Бога, христианин становится богомудрым, богобоящимся, благочестивым, делается новой тварью во Христе. Подобно тому, как благовонный бальзам наполняет дом благоуханием, так и слово Бо-

жие, войдя в душу, вносит в нее духовное благоухание страха Божия, любви к Богу и ближнему, покаяния, сокрушения, умиления и духовную радость. Оно также содержит в себе Божественную силу, которая побуждает христианина к духовному деланию. Без этой укрепляющей силы Святого Духа, изливающейся через слово Божие, он не может продолжать свой путь, ведущий в обители Отца Небесного (2:8; срав. 4:70).

Кроме того, слово Божие насаждает и укрепляет в душе веру, без которой невозможно угодить Богу. "Вера бо есть как семя насеянное, которое росою слова Божия орошается, растет и плоды приносит" (1:185), а без чтения слова Божия вера угасает. Человек по своей греховности бывает более всего склонен к плотскому мудрованию, особенно в вопросах веры и духовной жизни; поэтому для него требуется постоянное упражнение в слове Божием, возбуждающем и направляющем его духовные силы ко спасению. И в этом отношении Священное Писание "богодухновенно и полезно есть ко учению, ко обличению, ко исправлению, к наказанию, еже в правде, да совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован" (2 Тим. 3, 16–17). Таким образом, слушание или чтение слова Божия с размышлением поддерживает и укрепляет веру, "не попускает ей угаснути" (3:24). Напротив же, кто не изучает прилежно Священное Писание, тот теряет веру и постепенно уклоняется на путь греха и беззакония, начинает служить не Богу, а диаволу, который влечет его подобно пленника в вечную погибель. Такой человек, по словам Святителя, уже ничего доброго и душеспасительного сделать не может, хотя бы и добрым казался (1:73–74).

Чтение Священного Писания не только утверждает надежду; оно также насаждает и укрепляет любовь к Создателю, побуждает любить ближнего как своего брата, как члена единой Церкви, как образ Божий (1:85), учит любить как друзей, так и врагов, благословлять проклинающих, добро творить ненавидящим и молиться за творящих напасти (3:90).

Немаловажную пользу чтение слова Божия приносит христианину и в борьбе с грехом. Оно обличает грех, показывает его мерзость и гибельность, способно бывает отвратить сердце христианина от увлечений грехом (2:32). Имеющий греховную язву начинает познавать свое заблуждение, приходит в покаянное состояние, "уязвляется печалью" и только ради "Евангелия... отраду и утешение печали своей приемлет, как жаждущий от живого источника прохлаждение" (5:98).

Великое облегчение и отраду Божественное Писание доставляет христианину во время его скорбей и страданий. Оно указывает страждущему на неизбежность и спасительность жизненных испытаний, приводя в пример образ величайшего Страдальца – Господа Иисуса Христа (2:184; срав. 3:153). Научая по-христиански воспринимать все превратности человеческой жизни и ревностно трудиться над очищением души, слово Божие постепенно возводит человека к совершенству и блаженной вечной жизни. Войдя в сердце, Божественное слово делает его "седалищем премудрости духовной" (2:103; срав. 5:60). Оно низводит в душу благодатную радость, мир помыслов и желаний, вводит благоговейного читателя в светлую область мира духовного, где Отец Небесный питает и услаждает сердца стремящихся к Нему небесной пищей и Божественным питием. На высших ступенях духовной жизни христианин приходит с помощью слова Божия к познанию Божественных тайн и бытия мира (5:60).

Отсюда становится ясно, что каждый последователь Христов должен всегда иметь перед собой святую Библию, изучать ее, носить в своем сердце и уме и на основании прочитанного воспитывать своего внутреннего человека. Однако, указывает святитель Тихон, читать и изучать ее следует с чистыми чувствами и доброй духовной настроенностью. В противном случае христианин вместо назидания и руководства может получить непоправимый вред для своей души. Главное, на что обращает внимание святой Отец, – это необходимость понимать Священное Писание согласно изъяснениям святых апостолов и учению святых отцов. Все люди различны между собою и по воспитанию, и по образованию, и по характеру, к тому же "глубоко растленно естество наше имеем, которое слову Божию противится" (3:210), поэтому и восприятие Священного Писания, основанное лишь на человеческом разуме, различно и даже противоречиво. Как показывает опыт, без Духа Божия человек "разуметь" Священное Писание не может. Святые отцы, достигшие личной святости и руководимые Духом Святым и разумом Церкви, оставили нам истинное толкование слова Божия. Поэтому все желающие безбедно идти по пути спасения должны покорить свой ум и волю Церкви Христовой, и тогда Дух Божий, "который пророками и апостолами глаголал", будет "действовать в нас, просвещать, вразумлять, наставлять и руководить нас" (3:210).

Чтобы слово Божие принесло обильный плод, христианину необходима помощь свыше, т. е. непосредственное содействие благодати Божией. "Земляное поле – сердце человеческое, – пишет Задонский Чудотворец, – с небесным семенем совокупитися и плод сотворити не может: надобно тут Небесного Делателя, Иисуса Христа силе и помощи действовать, якоже Сам глаголет: "Без Мене не можете творити ничесоже" (Ин. 15, 5) (4:72). Даже если бы христианин и стремился проводить благочестивую жизнь, само по себе это стремление никакого плода принести не может, когда сердце "теплотою благодати не будет согреваться и росою свыше орошаться". В таком случае он будет подобен семени, которое, находясь вдали от света, солнечной теплоты и дождя, остается бесплодным (4:73). Вот почему хотящий спастись должен постоянно и усердно молиться, чтобы Сам Господь "плод слова Своего в сердцах наших творил и совершал" (4:72), потому что без просвещенного ума и сердца невозможно ни познать Бога, ни служить Ему. Таким образом, чтобы чтение Священного Писания принесло пользу и явилось надежным средством христианского доброделания, христианину следует соединять его с молитвой к Богу, которой бы оно начиналось, сопровождалось и заканчивалось (2:12; срав. 5:60).

Но если сердце христианина будет занято вместо молитвы мирской суетой или же греховной скверной, оно не может принять в себя слово Божие. Тогда оно бывает подобно наполненному сосуду или напоенной губке, которые, пока не освободятся от того, что содержат в себе, не могут вместить ничего нового. Увлеченный мирской суетой до забвения о духовных предметах, человек, хотя и слышит или читает слово Божие, однако не может вместить его, а потому и остается без плода. И только надлежащая переоценка прежних духовных ценностей, перенесение центра стремлений, желаний и помышлений с внешних предметов на внутренний мир, освобождение от всего греховного, что отдаляет от Бога, доставляют человеку истинную свободу и очищение сердца, духовную

целеустремленность, сосредоточенность, способность ко всякому доброму делу как в Церкви Христовой, так и в обществе (2:55; срав. 5:308).

Большую пользу приносит слово Божие в деле спасения человека, если оно читается с благоговением и страхом Божиим. Ведь это слово не человеческое, но Самого Бога, и потому при чтении этого слова надо проникнуться сознанием величия Того, от Кого оно исходит (1:55; срав. 2:11). Святитель Тихон, объясняя необходимость благоговейного отношения к слову Божию, делает следующее сравнение. С каким усердием, говорит он, любовью, почтением и благодарностью читает человек письмо, полученное от близкого и дорогого лица, которому он обязан не только благосостоянием, но и самой жизнью. Он часто берет это письмо в руки, перечитывает, бережно хранит и даже хвалится им перед другими. Насколько же большее благоговение и усердие обязан выражать христианин по отношению к Посланию Бога, Царя Небесного и Господа Вседержителя, которое Он даровал через Своих пророков и апостолов (3:345)! Ведь это есть дар Божий, который требует "чистых рук к принятию, чистых ума и мыслей к размышлению, чистых уст к проповеданию" (3:204). С благоговением должно соединяться и сугубое внимание, без которого семя слова Божия может быть похищено духом злобы, подобно тому, как птица склевывает семена, оставшиеся на поверхности земли, и тогда человек остается без плода (4:72).

Немаловажным побуждением к изучению Священного Писания является вера, которая способствует возможно более глубокому проникновению в сущность искупительного подвига Сына Божия и пониманию его значения в спасении рода человеческого. Христианину необходимо считать несомненным все содержащееся в слове Божием как происшедшее от Бога, верить, что это – "Божие слово и есть истинно и неложно". По словам Святителя, человек не должен испытывать умом того, что принадлежит области веры, ибо он не может постигнуть самостоятельно непостижимые тайны Божии, и "явственнейший есть знак неверия о Бозе вопрошать: "како?". В таких случаях разум должен следовать вере (1:57; срав. 3:11). Если же человеку что-то непонятно при чтении Писания, ему не следует заострять внимание на этом, потому что "непонятное или от следующего чтения изъяснится", или при чтении других мест слова Божия станет ясным (1:208).

Слово Божие приносит плод и тогда, когда христианин размышляет о прочитанном. При этом Святитель советует "мало прочитывать и много рассуждать, что читается". Такое рассуждение есть как бы переваривание духовной пищи, обращение ее "в сок и кровь духовную" (5:315). В этом случае читаемое будет лучше восприниматься умом и сердцем человека, укрепляться в памяти, от чего просвещается ум и возникает еще большее желание к продолжению чтения (1:208). Святой Отец отмечает также, что в размышлениях о слове Божием нельзя допускать произвола, но следует руководствоваться толкованиями святых отцов и учителей Церкви.

Приступая к изучению Священного Писания, христианин должен смирить свой ум, ибо слово Божие допускает к себе только смиренных (5:61). Без смирения и покаяния Евангелие не может принести пользы, ибо Сам Господь смирился, приняв на земле образ раба. "Пластырь к ране прилагается, и лекарь к больному, признающему свою немощь, при-

ходит; так и утешение Евангельское сердцу сокрушенному подается" (5:25).

Основываясь на словах Священного Писания: "Да не отступит книга закона сего от уст твоих, и да поучаешися в ней день и нощь" (Иис. Нав. 1, 8), святитель Тихон поучает, что на пути ко спасению слово Божие необходимо изучать постоянно и на всяком месте. В том и состоит долг христианский, чтобы "везде и на всяком месте благость Божию хвалить и благодарить" (2:331; срав. 1:15). Благодаря постоянному изучению Божественного слова душа христианина, обильно питаясь этой духовной пищей, постепенно совершенствуется и восходит от силы в силу. Как и в любой науке, приступающим к "науке Евангельской" дается изучение сначала трудно, христианская жизнь кажется тяжелой и иго Христово несносным. Но затем систематическое чтение слова Божия в сочетании с практическим исполнением его в жизни открывает христианину духовный простор, становится его насущной потребностью, особенно в минуты затруднений и жизненных испытаний (4:223).

Вместе с тем Святитель советует читать и изучать слово Божие не ради каких-либо причин, как, например, "изощрение ума, языка и словопрения", но для того, чтобы научиться познавать Бога, Его святую волю и согласно ей устроять свое спасение. Когда же читающий стремится приобрести только внешние знания, чтобы быть "словесным", остроумным в беседах с другими и тем самым прославиться здесь, на земле, то такое стремление бывает пагубным для души. Такой человек хочет дар Божий — слово Его — использовать в свою суетную славу, но не в славу Божию. Он присваивает себе то, что приличествует единому Богу, и потому, как похититель, совершает "превеликий и премерзкий грех" (3:211; срав. 5:61). Не получает христианин пользы от чтения слова Божия и тогда, когда не исполняет его в жизни, потому что знание евангельских заповедей должно непременно сочетаться с посильным их практическим применением, ибо не слушающие только слово Божие ублажаются, но слушающие и хранящие его (Лк. 11, 28). Господь даровал Свое слово не ради того, чтобы оно оставалось на бумаге, но чтобы в сердцах человеческих приносило плод. Если же христианин, зная Евангельские заповеди, не исполняет их в своей жизни, то он от этого становится еще более "злейший.., нежели прежде был" (1:208). Примером тому служат книжники с фарисеями, которые часто слышали слово Божие от Христа, но не исправлялись и пришли в такое ожесточение, что убили Сына Божия (4:69). Вот почему святой Отец небрежность и нерадение в изучении слова Божия называет признаком неверия и говорит, что такой нерадивый христианин не только понесет наказание в этой жизни, но и в будущей не избежит вечного осуждения. Он лишается Божественной благодати, без которой он постоянно падает от греха в грех и погибает, если не принесет искреннего покаяния (3:208, 211).

Слово Божие остается бесплодным и у тех христиан, которые с радостью принимают его, но, увлекаясь мирской суетой, славой и материальными благами, подавляют его действие, как тернием. Вот почему, по словам Святителя, очень мало тех, кто достигает блаженной вечной жизни, и это происходит по той основной причине, что не все стремятся идти тесным путем. Следовательно, чтение Евангелия должно быть неразрывно связано с осуществлением всего того, что оно заповедует (2:16).

По слову Апостола, Бог "хощет всем спастися и в разум истины прити" (1 Тим. 2, 4). Поэтому Он и слово Свое святое "ради всех и всякого повелел написать, дабы всяк, читаючи или слушаючи его, мог спасение вечное получить" (2:9). Отсюда, как замечает святитель Тихон, люди всякого звания и чина, освященные и неосвященные, благородные и простые, мужчины и женщины должны неизменно упражняться в чтении священных книг. И, без сомнения, согрешают те, которые считают и учат, что Священное Писание следует читать только священнослужителям. "Мнение сие, – говорит Святитель, – есть вымысел и козни диавола, который отводит от душеполезного сего чтения людей", чтобы они не имели познания об истинной и живой вере, а следовательно, и не спаслись (2:9).

Самым благоприятным временем для приобретения навыка в чтении слова Божия являются детские и юношеские годы. Юное сердце более удобно воспринимает духовное семя, "яко свежее и суетами еще мирскими не наполненное". Примером тому служит Господь Иисус Христос, Который, будучи Отроком, был найден родителями в храме сидящим посреди учителей и поучающимся в слове Божием (5:92—93). Подобным образом чтение Священного Писания и для христианина станет с течением времени насущной потребностью, если он с детства приучит себя черпать из него благодатные наставления, освещающие, подобно светильнику, его путь, исполненный трудов, скорбей и искушений.

Наряду с изучением Священного Писания святитель Тихон придавал большое значение и чтению житийной, святоотеческой и богословской литературы. "Должно читать наипаче Священное Писание, – пишет он, – а по нем и другие христианские православные книги" (1:208). Безусловно, на первом месте в жизни христианина всегда остается Библия, а прочие духовные книги читать он может, по образному выражению святого Отца, "как в гости, прогуливаться" (5:358). Духовные книги, в особенности творения святых отцов, дают возможность правильно понять смысл Священного Писания, понять состояние своей души. Святые отцы и подвижники не теоретически, но практически, опытно познали человеческую природу с ее немощами и страстями, научились побеждать духов злобы, глубоко постигли путь благочестия и спасения и этот свой богатый духовный опыт зафиксировали в своих писаниях. В своей основе эти творения имеют Евангелие, поэтому и рекомендуется христианину при чтении слова Божия руководствоваться прежде всего святоотеческими писаниями. Исходя из этого, святитель Тихон советует быть очень внимательным при выборе книг для чтения, так как неправославные авторы могут принести вред душе спасающегося. Еще более неразумно поступают те, которые стремятся найти ответ на свои вопросы не в ограде Матери-Церкви, а в лжеименном разуме. В этом отношении они уподобляются тем, которые, "оставивши живой, чистой воды источник, прибегают к мутным кладезям и жажду свою хотят утолить" (3:439; срав. 3:206).

Приступая к чтению святоотеческих творений, следует стремиться прежде всего к духовной пользе, стараться познавать, в чем грех состоит и в чем добродетель, чтобы научиться одного избегать, а в другом совершенствоваться (5:293). Как пчела от различных цветов собирает мед, так и христианин "от различных полезных книг духовных себе собирает пользу" (2:233).

Большую пользу приносит верующему и чтение житий святых. Здесь он находит множество примеров высокой духовной жизни угодников Божиих, примеров спасительного покаяния грешников, бесконечного милосердия Божия к кающимся и благодатной небесной помощи вступившим на путь очищения и спасения (1:152; срав. 2:114). Учитывая великую пользу от чтения этих книг, христианин должен заниматься им систематически, чтобы "ни единого дня не пропустить без чтения" (1:109). Однако все эти духовные книги имеют лишь руководственное значение. "Без сомнения, – пишет святитель Тихон, – полезно и нужно прочитывать книги христианские, и их рассуждать, и в них поучаться; они просвещают ум и дают разум, и к покаянию подвигают, и к молитве возбуждают; но они все, как видим, на Христа указывают и ко Христу нас отсылают, и руководствуют, да от Него ищем исцеления и спасения" (4:139).

Итак, благотворное действие чтения слова Божия и духовной литературы на душу человека, идущего по пути к вечной жизни, очевидно. Вместе с другими добродетелями оно делает христианина опытным в духовной жизни, способным преодолевать все встречающиеся на его пути препятствия.

4. РАССУЖДЕНИЕ

Христианин, просвещенный словом Божиим, не может жить без рассуждения. В душе его обязательно происходит оценка всех его поступков и действий и выносится решение, что есть добро и что есть зло, от чего следует удаляться, а к чему стремиться (1:97). Именно такие рассуждения отрезвляют душу и помогают христианину оставить греховный путь. Если грешник к рассуждению о своих грехах присоединяет мысль и о том, что этими грехами он оскорбляет милосердного Бога и что за это он будет наказан за пределами земной жизни, его душа приходит в страх и трепет, и он "из глубины сердца воздыхает, и не смея очес на небо возвести, но, бия в перси своя, вопиет с мытарем: "Боже, милостив буди мне, грешному" (Лк. 18, 13) (2:231).

Рассуждение о мире видимом, о его сотворении и прекрасном устроении влечет душу христианина к познанию Того, Кто все создал и всем управляет. И каждое из Его творений, как-то: солнце, луна, звезды, вода, рыбы, звери, деревья, трава, огонь – все это вещает: "Той сотворил нас служить человеку", а богобоязненный человек в свою очередь восклицает словами Псалмопевца: "Той сотворил нас, а не мы: мы же людие Его, и овцы пажити Его" (Пс. 99, 2) (2:44). Однако при этом размышлении Святитель советует не останавливаться умом только на красоте видимого мира, которая есть лишь малая часть отблеска славы Божией, явленная для радости и наслаждения, но возводить свой духовный взор в область невидимого мира, т. е. от вещественного простираться умом к невещественному, от света видимого – в область Света вечного, веселящего сердце человека, где поистине все возвышеннее и совершеннее видимого мира и где находятся блага, которые уготовал Спаситель мира всем любящим Его (2:177). Рассуждение о вечном Свете – Христе Спасителе, о Его пришествии в мир, о Его смиренном, жертвенном подвиге, подъятом на Себя ради

освящения и спасения человек, способно зажечь огнь благодатной любви в сердце христианина (1:106-107). Более того, оно одухотворяет все его чувства и мысли, возрождает в нем с помощью благодати Святого Духа деятельную живую веру, влекущую душу к высшим духовным сферам Божественной жизни и подающую познание любви Бога Отца, пославшего Своего Единородного Сына для спасения мира (5:279). Такое рассуждение о благодеяниях Божиих и о греховности человеческого естества вызывает в сердце человека "печаль по Бозе", пронзающую, как стрела, его душу и вызывающую в ней глубокое чувство недостоинства и ничтожества. И тогда смягчается ожесточенное грехом его сердце, и очи источают потоки покаянных слез. Человек уже скорее пожелает умереть, нежели грехом оскорбить милосердного Бога, Того Бога, "Который есть едина Любовь и благостыня... у Которого в руце вси концы земли... Которому ангелы со страхом и любовью поклоняются, почитают и поют" (4:38—39). Придя посредством рассуждения в такое смиренное и покаянное состояние, грешник желает как можно быстрее сбросить с себя греховное иго и, подобно блудному сыну, возвратиться к Отцу Небесному, с просьбой о прощении и примирении (3:269). Своей надеждой на милосердие Божие грешник, как родниковой водой, через добродетель рассуждения утоляет свою духовную жажду и водворяет в своем сердце радость и утешение. Это духовное утешение не только удерживает христианина от поползновений греховных, но и на ранее сделанные грехи действует подобно пластырю, исцеляющему застаревшие раны (5:98). Рассуждение о Христовых страданиях также обновляет дух христианина, Христовы страдания, по выражению Святителя, являются спасительной книгой, побуждающей христианина к стяжанию и прочих благодатных добродетелей: "покаяния, веры, благочестия, любви... смирения, кротости, терпения", посредством которых он имеет возможность постоянно возгревать в душе огненное желание достижения благодатного Царства Христова (4:285—286).

Вечность, которая — в зависимости от приготовления к ней — бывает для христианина, с одной стороны, благодатной, а с другой — мучительной, побуждает его душу встрепенуться от греховной спячки и возрыдать о содеянных ранее грехах. Рассуждение о вечности действует отрезвляющим образом на душу и дает ей силы переносить терпеливо встречающиеся на жизненном пути скорби (1:207). И это потому, что все они действительно кончаются со смертью человека, после чего наступит новая, доселе неизвестная и никогда не скончаемая жизнь (1:224—225). Ради этой благодатной жизни в единении с Богом святые мученики шли на страдания, как на великое веселие, рассуждая о том, что их страдания за Христа принесут им отраду и утешение в будущей жизни. Памятуя слова Апостола: "Понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явление славы Его возрадуетеся веселящеся" (1 Петр. 4; 13), они презирали временную славу и богатство и устремляли свой духовный взор к высшим благам горнего, небесного Иерусалима (3:293).

Следовательно, рассуждение о вечности способно не только развеять мглу душевную и удержать христианина в рамках добродетельной жизни (4:400), но и отвратить его от греха, усмирить страсти, привить душе отвращение ко всему суетному и греховному, вызвать сердечное сокрушение и слезное покаяние, часто переходящее в молитвенный вопль о помиловании. Кроме того, эта добродетель может исправить "самого

развращенного" человека; ради нее, например, "разбойники, убийцы, грабители, блудники сделались святыми и избранниками Божиими" (4:400; 5:209).

Внутренне перерождая человека, рассуждение может легко обновить его обветшавшие грехом силы и удержать душу на должном уровне христианской жизни, не допуская в нее злого уныния, могущего расстроить и ослабить ревность о спасении (4:285—286; срав. 1:231).

И если одно рассуждение о вечности само по себе много способствует пробуждению души от сна греховного и приведению ее к Богу, то в соединении с памятью о смерти, о последнем дне пребывания на земле и разлучении с родными и знакомыми эта добродетель действует еще сильнее на все существо человека, побуждая его не только отвращаться от греховных прелестей, но и стремиться к богоугодной, святой жизни (5:158). Именно вследствие этого между ограниченным духом человеческим и абсолютным Духом Божественным устанавливается известная внутренняя близость, теснейшая связь и гармония, ограждающая человека и удерживающая его на пути добродетельной жизни (5:354). Рассуждение о смерти дает правильное направление всем душевным силам христианина, доводя до его сознания, что все в этом мире тленно и исчезает, как сновидение, и что человек, живя в мире земном, есть путник и странник и от рождения вплоть до конца своих дней несет тяжелую ношу своего жизненного креста (5:288). Вместе с тем такое рассуждение весьма четко представляет уму христианина, что смерть может неожиданно похитить его из этой жизни и представить перед судом Христовым, на котором не только обнаружатся дела или слова, но и тайные помышления, за что придется "или прославиться, или постыдиться" (2:132—133). Следовательно, памятование о Страшном суде Христовом не только склоняет душу к истинному покаянию, но и изгоняет из души "всякий смрад" и "всякую гнилость" (4:94), а также способствует постоянному духовному обновлению человека и продвижению его вперед по лестнице добродетельной жизни.

5. ПАМЯТЬ СМЕРТНАЯ И ПЛАЧ О ГРЕХАХ

Временную, земную жизнь христианин должен рассматривать как своеобразную подготовку к переходу в вечность. Время земной жизни святитель Тихон уподобляет пути, по которому идет каждый человек от рождения до дня своей смерти (2:237). Быстро и незаметно протекает земное странствование человека; хотя он и суетится, трудится и всеми силами пытается продлить свою жизнь на земле, однако приход его смертного часа не может быть отодвинут какими-либо расчетами и соображениями. Сам Бог определил каждому человеку продолжительность его земной жизни, поэтому смерть может постигнуть человека в любое время: в младенчестве, в отрочестве, в юности, в зрелом возрасте или же старости (2:238). Неизвестно бывает человеку не только время смерти, но даже вид и место ее, ибо "столько почти смертей, сколько людей" (2:238). Нет в человеческой жизни более могущественного и трагического явления, чем смерть, ибо она вносит самые существенные изменения во все сферы земного бытия человека: отнимает у него силу и мудрость, славу и честь, лишает его ма-

териального имущества, обращает в прах даже его собственное тело (2:249).

Жизнь человека может рассматриваться как постоянное приближение к смерти, и чем дольше его жизнь, тем ближе время его кончины (2:90). Однако как ни трагичны последствия телесной смерти, все же она не прекращает бытия человека вообще. Бессмертная душа, отделившись от тела, переходит в иное бытие — в беспредельную вечность. Святитель Тихон замечает по этому поводу, что "смерть всякому есть дверь в вечность" (3:317). Именно вечность является уделом человеческой души. Созданная по образу Божию, она призвана познавать Бога, любить Его, служить Ему. Но, кроме этого, душа человека наделена от Бога свободной волей, которую можно направить как в сторону добра, так и в сторону зла. Тот, кто направляет развитие сил своей души по пути призвания, т. е. служения Богу, достигает блаженной вечности и духовного бессмертия; кто же уклоняется в сторону зла и безостановочно удаляется от Бога, того постигает "неблагополучная вечность" и духовная смерть (2:247—248). Таким образом, загробная участь человека и место его вечного пребывания определяются прежде всего тем, как он относится к цели своего земного существования — постоянному совершенствованию в добре. Совершенствование человека в добре определяет, однако, не только его вечную участь, но оно характеризует степень духовности человека уже здесь, на земле, свидетельствует о наличии в нем жизни духа. Напротив, коснение христианина во зле и пороках говорит о полной материализации его жизнедеятельности и прекращения в нем духовной жизни. В связи с этим святитель Тихон учит о трех видах смерти. "Смерть, — пишет он, — есть троякая: телесная, духовная и вечная" (3:231). Телесная смерть, по учению святого Отца, состоит в разлучении души с телом, которое неизбежно постигает всякого человека, независимо от того, праведный или греховный образ жизни он вел. Духовная смерть — это мертвость души для жизни в Боге. Она поглощает души христиан, беззаконно живущих, еще задолго до телесной смерти; эта же смерть обладает и душами всех неверующих во Христа людей. Третья, вечная смерть состоит в бесконечном мучении и отлучении от Бога душ грешников на вечные времена в загробном мире (3:231—232).

Нетрудно видеть, что самой страшной является вечная смерть, верным предвестником которой является смерть духовная. Телесная же смерть только прекращает жизнедеятельность человеческого организма и является своеобразным рубежом, отделяющим всех людей от их вечной блаженной или мучительной участи (1:200). К моменту телесной смерти каждый человек обычно нравственно созревает, укрепляясь или в добре, или зле. После телесной смерти плотский "человек от трудов, бед, печалей и скорбей к большим трудам, бедам и печалям отходит: но духовный от печали в радость, от скорби в утешение, от бед в блаженство, от трудов в покой преселяется вечный" (1:47). Сама же телесная смерть, т. е. приход смертного часа, является своеобразным венцом жизненного пути человека. Праведники обычно мирно отходят из временной жизни, спокойно оставляют видимый мир, ибо еще на земле, освободившись от мирских привязанностей, они жили для вечной жизни. Смерть для праведников бывает даже желанной, потому что она освобождает их от трудов и болезней временной жизни и открывает путь к вечному покою и радости. Совсем по-другому переходят в вечность

грешники. Для них смерть является ужасным событием, обрывающим земную жизнь и навсегда прекращающим общение со всем тем, к чему привязалась их душа. "Плотскому человеку смерть люта", – пишет святитель Тихон Задонский (1:47). В последние минуты жизни его охватывает печаль и страх, содеянные грехи и беззакония терзают его совесть, ужас охватывает его душу, ибо злобные духи окружают его смертный одр. Мысленный взор грешника в эти страшные минуты невольно обращается к ожидающей его вечности, о которой он никогда не вспоминал. В этот момент открывается человеку истинный смысл жизни и его назначение на земле; он познает, что дела плоти явили его безответным пред лицом вечности. Мятется, сокрушается, кается и жалеет о прожитой жизни грешная душа, но время покаяния прошло и все уже утрачено (2:272). Тяжесть смертного часа является только предвестником ее бесконечных мучений и стенаний за гробом. По отшествии из видимого мира состояние нечестивых душ таково, что они "желали бы умереть, но не возмогут: и сие есть вечная смерть, что пожелают грешники умереть, или в ничто обратиться от нестерпимого мучения геенского, но не возмогут" (1:253). Различная загробная участь праведников и грешников является закономерным итогом их земной жизни. И как различным был образ их действий и поступков в видимом мире, так различно бывает состояние их душ в вечности, потому что воздаяние каждому по его делам является безусловным требованием нравственного порядка вещей, имеющего свое начало в Боге. Земная жизнь дается человеку не для наслаждения и мирских удовольствий, а для труда над очищением души от страстей и для развития лучших качеств его богоподобной природы, предназначенной к вечному блаженству. Это блаженное состояние души должно возникать и возрастать в человеке уже здесь в видимом мире, в той мере, в какой развивается и крепнет в нем богоугодная жизнь (2:241).

Формированию такого состояния, согласно учению святителя Тихона, во многом способствует память смертная. Благотворно и спасительно действие этой добродетели на душу человека. Она укрощает гнев, угашает пламень нечистых похотей, удерживает руки от грабления, язык от сквернословия, клеветы и осуждения. Эта добродетель отводит от суеты мира сего и подвигает к усердной молитве, слезам и покаянию, обращает душевные очи к будущей жизни. Память о смерти неизменно возбуждает в душе христианина мысли о праведном мздовоздаянии и Страшном суде. На этом суде "будет правое и строгое дел, слов и помышлений наших испытание: тамо будет все явное, что мы во всем житии нашем ни сделали, и пред всем светом открыется, и всяк от совести обличится" (4:188). Все человечество восстанет на этот суд, и каждый даст ответ не только за свои злодеяния, но и за то, что не имел добрых дел. Память о смерти и Страшном суде понуждает христианина быть внимательным к делу своего спасения и достойно готовиться к встрече с Праведным Судией, от Которого зависит вечная участь человека. Таинственны и необъяснимы для всякого человека, живущего на земле, радости будущей блаженной жизни, однако не менее непостижимы и страдания грешников в загробном мире. Ужас этих страданий таков, говорит святитель Тихон, что лучше на земле всю жизнь страдать самой тяжелой болезнью, лучше весь век скованным цепями в темнице просидеть, лучше в огне гореть и каждый день умирать, лучше, наконец, терпеть одновременно все беды,

какие есть на земле, нежели наследовать неблагополучную вечность. Всякое земное бедствие имеет какое-то утешение и конец, для грешников же в вечности будет лютое страдание без всякого утешения, страдание не только "словом, но и умом непостижимое: страдание, которое всегда будет, но никогда не скончается" (5:242).

Как замечает Святитель, память о смерти и вечных муках непременно приводит христианина к плачу о грехах, ибо "приготовление к смерти не иное что есть, как истинное покаяние" (1:187). Плач о грехах, искреннее раскаяние во всех небогоугодных делах, словах, мыслях и последующее за этим исправление жизни являются лучшей подготовкой всякого человека к переходу в загробную жизнь. Сокрушаться о грехах и плакать христианин должен каждый день. Неизвестность дня кончины должна подвигать его путем усердного покаяния готовиться к исходу из видимого мира, ибо каким застанет человека смертный час, таким он и явится перед судом Божиим (2:220). Поэтому кто хочет умереть в благочестии, тот должен каждый день жизни проводить богоугодно. Отсюда приобретает большую ценность время земной жизни, которая дается человеку "к покаянию, а не к плотоугодию" (4:188). Для тех, кто благовременно помышляет о своей кончине и готовится встретить ее с упованием на милосердие Божие и омытой слезами душой, смерть является успокоением от трудов и переходом в Царство вечного блаженства.

Для укрепления спасительного памятования о смерти со стороны человека требуется немалое усердие. Это усердие тем более необходимо, что само явление смерти в своем существе чуждо духу человека, созданного для вечной и бессмертной жизни. Однако видимый мир с его житейскими прелестями и удобствами настолько увлекает жителей земли, что мысли о загробной жизни редко посещают их души. Даже смерть родных и близких людей очень часто не может отрезвляюще подействовать на человека, поглощенного греховными делами и мирскими заботами (2:238). Ввиду этого святой Отец в своих наставлениях призывает всех христиан смотреть на земную жизнь с точки зрения вечного бытия, которое открывается человеку за гробом. Что бы ни делал христианин, он должен помнить, что его жизнь непрестанно течет и укорачивается, что с каждым днем приближается час его кончины (2:54). Жизнь человека образно можно сравнить с горящей свечой, которая чем дольше горит, тем больше умаляется. Вот свеча догорела и погасла, и кажется, что ее и не было. Так и человек: умирает, погребают его, и кажется, что он и не существовал. "Поминай убо, что тако и житие твое погаснет, как видишь погасшую свечу, — поучает Святитель, — и заранее готовься к кончине твоей" (4:112). Истинный христианин должен помнить о смерти, готовиться к ней и ежедневно ожидать час ее; внезапная смерть многих людей свидетельствует о том, что можно скончаться и во время сна, и в часы бодрствования, за праздничным столом или же за повседневным трудом (1:188). Памятование смерти должно также возбуждать в душе христианина мысли о тех горьких минутах, которые наступят во время разлучения души от тела, когда все существо человека будет содрогаться от невыносимых болей и страданий. Горечь этих телесных страданий может еще усугубляться и от терзаний нечистой совести человека. В эти страшные минуты исхода души каждому умирающему желательно было бы иметь спокойную совесть, чистое сердце и непорочную душу. Ведь только тогда можно надеяться на вечное утешение и покой. Значит,

бесценное время земной жизни должно быть использовано человеком разумно; им приобретаются сокровища вечной, нетленной жизни в обителях Отца Небесного. И поэтому как завещание всему христианскому миру звучат проникнутые любовью и заботой слова о спасении каждого человека слова святителя Тихона Задонского: "Ныне моли Его (Бога. — *А. И.*), пока время дает тебе; ныне исправляйся, пока время благоприятно и день спасения; ныне плачи, пока полезны слезы, ныне кайся, пока Он приемлет кающихся" (2:247).

ГЛАВА VII

Препятствия на пути к спасению

1. ГРЕХ, ЕГО РАЗВИТИЕ

Господь Иисус Христос совершил спасение людей Своим жертвенным служением: воплощением, жизнью, проповедью, крестной смертью и прославлением, посредством чего Он облек человека в ризу спасения (Ис. 61, 10), даровал ему в пищу Плоть и Кровь Свою, чтобы вкушающий их имел жизнь вечную (Ин. 6, 54). Для назидания и спасения Искупитель оставил Своим последователям Евангелие; соблюдай его, человек "смерти не имать видети во веки" (Ин. 8, 51). Этими спасительными средствами и плодами могут воспользоваться все люди, если только они этого пожелают. Однако спасение — это длительный постоянный процесс внутренней борьбы и работы над самим собой. Для того, чтобы достичь вечного спасения, христианин в своей земной жизни должен во всем подражать Христу Спасителю, и не только подражать, но и "вообразить" Его в своем сердце. Вместе с тем он непременно должен освободить свою душу от всякой греховной скверны. Хотя во святом Крещении человек и возрождается для жизни вечной, становится новой тварью, однако это еще не значит, что он стал святым — в святости надо утвердиться. Очень часто человек, имея благодатные спасительные средства, все же уходит в сторону от пути Господня. Удалению от Источника жизни — Бога, по учению святителя Тихона Задонского, способствуют три фактора: во-первых, греховная плоть ветхого человека, имеющая в себе "ин закон в удах, противоюющ закону ума нашего, и пленяющ нас законом греховным" (Рим. 7, 23) (2:385)[1]; во-вторых, прелести греховного мира, которые влекут человека в сторону зла и тем самым приводят к духовному умерщвлению, и, наконец, в-третьих, диавол, который ходит, "яко лев рыкая... иский кого проглотити" (1 Петр. 5, 8)[2].

[1] "Он не иное что, токмо помышления злая зачинает и родит" (3:96).

[2] Может возникнуть вопрос: какие же грехи более всего удаляют человека от Бога? На это святитель Тихон отвечает, что все грехи, даже маловажные, способны обнажить душу христианина и лишить ее общения с Богом. К таким грехам относятся, например, неведение, неосмотрительность, неразумие и т. д. От них, пожалуй, никто не свободен, кроме единого Богочеловека. Но есть грехи, которые полностью овладевают душой человека, подавляют в ней все святое и богоугодное, ожесточают ее и не дают ей возможности искренно раскаяться. Они заграждают вход душе в обители Отца Небесного, а значит — умерщвляют ее. Таких грехов, доставляющих душе смертоносный грех, святой Отец насчитывает семь, а именно: "1) гордость, еже есть бесчинное власти и славы желание; 2) лакомство, еже есть безмерное желание внешних благ, еже имети богатство и стяжание; 3) блуд и нечистота, еже есть бесчинное вожделение плотского сквернения или самим делом похоти телесной исполнение; 4) обжорство, или чревоугодие, еже есть безмерное ядение и пития употребления; 5) зависть, еже есть печаль и болезнь сердца о добре ближнего, радость и веселие о зле; 6) гнев, еже есть безмерное желание отмщения; 7) леность или уныние, еже есть студеность (холодность) и нерадение о душевном спасении " (1:3).

Ко второму виду грехов, которые, по учению Святителя, направлены против Святого Духа, относятся шесть: 1) "отчаяние, еже есть не надеятися милосердия Божия; 2) излишнее упование на милость Божию; 3) сопротивление познанной истине Писания святого и догматов веры, апостолы и отцы святыми утвержденныя; 4) зависть к духовным благам, яже ближний приемлет от Бога; 5) во гресех пребывание и состарение во злобе; 6) нерадение о душевном спасении до кончины жизни своея" (1:3).

И наконец, к третьей группе грехов, умерщвляющих душу и лишающих ее спасения, Святитель относит грехи, "вопиющие на небо к Богу и просящие отмщения". Это – вольное убийство, содомский блуд, обида нищих, вдов и сирот, а также удержание или невыдача "мзды наемникам и делателям" (1:3). Такие грехи, если человек не отстанет от них и не совершит истинного покаяния и внутреннего перерождения, умерщвляют в душе все святое и богоугодное и делают ее пленницей вечных адских уз.

а) Греховная плоть ветхого человека

По словам святителя Тихона, человек рождается в этот мир уже растленным и поврежденным грехом (4:34), т. е. каждый человек имеет в себе как бы два существа: в нем живет ветхий человек со страстями и пороками и новый, облагодатствованный Святым Духом, с добродетелями; каждый из них влечет душу в свою сторону[1]. И благо бывает тому христианину, который со всей решимостью отвергает от себя внушения плотского, греховного человека и следует примеру и свойствам нового рождения (3:58; срав. 4:208), потому что "кто плоти слушает и ей повинуется, тот плотский человек есть; а кто духу следует, ...тот духовный" (1:45). Последователь Христов с помощью Божией может выйти из этого состояния только тогда, когда увидит пагубность и мерзость греха. По ясному определению святого Отца, грех "есть отступление от Бога живого и животворящего" (1:250). Грех разрушает все то, что было приобретено драгоценной Жертвой Сына Божия, и противоречит "святой и благой воле Божией" (3:288).

Христианин, увлекшись грехом, изменяет Богу и попирает все все обеты, данные им во святом крещении (1:250); грех совлекает с человека "прекрасные и священные одежды, которыми душа одеяна была; лишает... усыновления Божия, чести" (4:33). Совершая грех, человек не только уничижает "великого, бесконечного, неописанного, страшного, Святого и Вечного Бога, Отца и Сына и Святого Духа, пред Которым ангелы святии со страхом стоят и благоговеют" (3:288), но и более того – отвергает любовь Божию, уничижает Кровь Сына Божия... и презирает Его святое Евангелие" (1:7). Человек, работающий греху, есть самое бедное

[1] Очень часто христианина склоняет к удовлетворению низменных потребностей телесное невоздержание, что является существенным препятствием на пути ко спасению. "Добро есть телесное здравие", но что пользы, если душа находится в слепоте и расслаблении? (4:319). И далее святой Отец отмечает, что "редко бывает.. в здоровом теле здоровая душа... Здоровье тела ко многим прихотям и грехам отворяет человеку двери, но немощь тела затворяет... Плоть наша без болезни и немощи, как конь, свирепеет и на все пагубные страсти стремится: но немощию и болезнью, как уздою, воздерживается и укрощается, и покоряется духу" (4:319). Отсюда христианин должен не роптать при постигающей его болезни, а принимать ее как от руки Всевышнего.

существо, ибо грех становится идолом в его сердце, в котором приносится жертва другому богу (2:137). Отвратившись от Бога истинного и живого и постоянно совершая грех, христианин низвергается в бездну зол: неверия, развращения, нераскаянности, отчаяния и ожесточения. И тогда человек — хотел бы он этого или нет — начинает испытывать внутреннее нравственное мучение. Оказавшись в таком бедственном состоянии, он своей порочной жизнью уже не созидает закон Христов, а, наоборот, разрушает Его "установление и узаконение" (2:126), составляет для своего удовлетворения собственный закон, который проявляется в нем в виде похоти и чувственных удовольствий. Отрицание закона Божия и его святости приводит человека наконец к искажению истины. Вместо добра и красоты в его душе на первый план выступает "преступление" и "беззаконие" (4:370; сравн. 3:68), образ великого и совершеннейшего Бога тускнеет. Вследствие такого духовного ослепления грешника Божественный закон, определяющий отношение человека к Богу, воспринимается им как нечто второстепенное, необязательное для исполнения. В связи с этим Святитель подмечает парадоксальное явление: никто из людей в присутствии земного царя не стант бесчинствовать или нарушать его закон, а пред Богом вездесущим человек допускает такие безнравственные поступки, о которых "срамно есть писать и глаголати" (3:344).

Человек, допустивший греховную скверну в свою душу, уже бывает неспособен различать добро от зла, святость от греховности. И это потому, что грехи, подобно мгле, омрачают его богоподобные свойства и не допускают проникнуть в душу свету Христову (2:46; срав. 3:215). Такая душа бывает подобна слепцу — падает и не знает, куда ей идти (2:152). Грех не только ослепляет, удаляет человека от Бога, но и делает его сторонником диавола (1:7), даже хуже демона, который также "сначала был ангел добрый и светлый", но "грехом повредился и потемнел" (5:222; срав. 2:131).

По своей силе и опасности грех бывает хуже ядовитых веществ, так как последние мучительно действуют только на тело, а иногда и умерщвляют его, но грех распространяет свое смертоносное действие на тело и душу (5:222; срав. 4:82). Вот почему он, по мысли святого Отца, является самым пагубным началом и источником всякого зла. Как огненная стихия, начавшаяся в определенном месте, обладает свойством при легком дуновении ветра захватывать своей сокрушительной силой все новые и новые объекты, так и грех и происходящее от него зло истребляет и разрушает то, что Спаситель мира стяжал Кровью Своей.

Грех также можно сравнить с моровой язвой, которая, "в одном человеке начавшаяся, многих близ находящихся заражает и умерщвляет" (4:119). Греховная скверна является главнейшим источником человеческих несчастий и страданий. Поистине жалок бывает человек, подверженный тяжкой физической болезни и страданиям, но не менее жалок тот, в ком страждет пораженная грехом душа. "Как язвы и раны телесные чем более гниют, тем больший смрад издают: тако грешная душа, чем более грешит, тем более уязвляется и ранится, и струпы свои греховные раздражает и от тех больший смрад издает: раны и язвы телесные видят люди и смрад их чувствуют: раны и язвы душевные видит Бог. Тяжек и несносен смрад ран телесных людям: тяжек и несносен смрад душевных ран Богу. От ран телесных и смрада отвращаются люди: от ран душевных гниющих и смердящих отвращается Бог" (4:97—98).

Из вышеизложенного становится ясно, что человек, находящийся в греховном плену, целиком и полностью служит злу и тем самым лишает себя, если только не раскается, всякой возможности спасения.

б) Прелесть греховного мира

Жизнь человека — это длинный путь, начинающийся с момента рождения и продолжающийся до смерти (4:396). Но для одних этот путь увенчивается славой и небесной наградой, а для других — отчужденностью от Бога и вечной гибелью. Все люди, по воззрению святителя Тихона, разделяются на два царства: Царство Христово и царство сатаны. Наследниками Христова Царства являются не только люди, переносящие с помощью Божией в этой земной жизни скорби, лишения и всевозможные беды, но и те, которые облеклись в Христову ризу — смирение, послушание, терпение, кротость и отсечение своей воли (2:57). Этот тернистый путь указал "всем хотящим спастись" Искупитель мира, иного пути ко спасению нет. И как не может человек одновременно устремлять свой взор на небо и землю, так не может он служить Богу и мамоне. Все должны идти не иначе, как только тем путем, которым шел Христос Спаситель. А это значит — нужно взять свой жизненный крест и, возложив его на свои рамена, без ропота, с терпением нести всю жизнь.

Человек же, избравший "широкий путь... путь гордости, непослушания, нетерпения и самолюбия" (2:57), считает, что ему все дозволено и что для него не существует никаких преград в осуществлении своих греховных пожеланий. Этим путем идут "блудники, прелюбодеи, хищники, воры, пьяницы... клеветники... сквернословцы... картежники, наипаче в деньги играющие, и вси творящие неправду и Бога не боящиеся" (5:321; срав. 4:396—397). Таким образом, греховные соблазны, предлагающие христианину вместо вечных благ временные и скоропреходящие, являются немалым препятствием на его спасительном пути. Таких соблазнов святой Отец насчитывает три вида: "богатство, слава и роскошь мира сего, и сие, как тройственного бога, почитают, ищут и прилепляются тому" (3:255). А между тем "проходит... мир и похоть его" (1 Ин. 2, 17) (3:255—256), и кто любит суету мирскую, тот бывает подобен человеку, который обрел во сне сокровище, но по пробуждении ничего не имеет; или подобен человеку," который во сне от всех почитается как вельможа, но возбудившися видит себя в прежнем подлом состоянии и презрении" (3:256).

Весьма часто последователя Христова терзает скорбь об утехах и сладостях мира, подчас навевающая на него уныние и желание возвратиться к прежнему образу жизни. Все эти соблазнительные искушения Святитель советует воину Христову решительно отметать, ибо совместить любовь к миру и Богу невозможно (3:261). Увлекая человека греховными прелестями мира, широкий путь жизни постепенно притупляет у него духовное чувство и, таким образом, приводит свою жертву к полнейшему душевному омертвению. Опьяненный суетными соблазнами, человек полностью погрязает в пучине греха и, потеряв над собой контроль, исполняет уже волю диавола. Грешник забывает о своем Искупителе и, вместо благодарности, своими грехами снова распинает Его на кресте (2:216). Душа, впадшая во грех, остается без Христа, по выражению Свя-

тителя, "как дом без хозяина, земля и виноград без делателя, корабль без кормчего" (2:109). И чем более грешит человек, тем более удаляется от Бога и тем более помрачается (2:136). Пребывая в таком жалком состоянии, он отлучается "от славной и сладкой... вечери, на которой от начала мира и до конца... избранники Божии (будут) веселиться" (5:240), отлучается от ангельских сил и святых угодников Божиих (2:101) и причисляется к богопротивному обществу — к темным и лукавым духам" (5:240). И тогда вступает в силу не милосердие Божие, но Его правосудие. Ибо как Господь не пощадил первозданного человека, но за нарушение заповеди изгнал его из рая, так "за грехи и ныне бывают различные казни, кровавые брани, моровые язвы... пожары, голоды и трясения земли, многоразличные болезни и прочие бесчисленные беды" (4:371; срав. 1:7—10, 2:211—212). Однако, как замечает святой Отец, не все скорби, посылаемые Творцом, являются наказанием за грехи человека. Ими (скорбями) могут испытываться богобоязненные и благочестивые люди с целью утверждения их в добре, поскольку Бог "его же любит, наказует" (Евр. 12, 6), "и сие наказание Божие есть отеческое, милостивое и от любви происходящее" (1:232). И тот, кто успешно прошел целый ряд суровых испытаний и вышел из них духовно умудренным, очищается от греховной скверны, облекается, подобно воину, в броню правды и становится неуязвимым.

Наказания Божии могут служить и для той цели, чтобы пресечь грех, развивающийся в христианах, и тем самым отвратить их от гибельного пути, ведущего в пропасть адову (2:218). И чем более человек будет коснеть в своих беззакониях, тем больший гнев Божий навлечет он на себя (2:243; срав. 1:97), потому что грех без наказания не бывает. "Согрешишь, человече, — пишет Святитель, — уже ожидай себе казни или внутрь или вне себя, или купно обоих. Сей бо есть плод греха" (4:371).

Кроме внешних бедствий человека, выражающихся в физических страданиях, болезнях и других невзгодах, есть и "казнь внутрь себе" — неусыпный голос человеческой совести, которая, хотя под действием греха в некоторой степени и усыпляется, а иногда даже "в обличительном своем действии ослабевает" (2:136), однако постоянно мучает грешника, "где бы (он) ни был, что бы ни делал, везде над ним гремит и устрашает" (2:286). И это вразумительное действие совести, заложенное Творцом в душу человека, подчас бывает таким сильным, что оно, "как червь, неусыпно душу грешника мучит, пока истинным покаянием не очистится" (1:252; срав. 3:307).

Грех, по учению Святителя, не только поражает и умерщвляет человека, но и распространяет свое влияние на весь Божественный миропорядок и вносит в него расстройство и тление. "Человек грешит, — пишет Святитель, — но прочая тварь страждет; земля не дает плода, скоты и звери от голода пропадают, воздух и вода растлеваются" (2:131).

в) Действие диавола

Но самая жестокая и упорная борьба предстоит христианину с "князем мира сего" — диаволом, который со своими демонами окружает его и научает на всякий грех. Особенно сильное влияние на душу диавол оказывает в то время, когда человек совершил какое-либо нравственное преступление. Тогда духи злобы, овладев душой, стремятся как можно

дальше увести свою добычу от спасительного пути. Здесь уже требуется, по мысли святого Отца, жестокая духовная брань и великий подвиг, без которых невозможно одержать победу (3:440). Провидя своим духовным взором множество сетей, расставленных для уловления душ христианских, Святитель в изумлении вопрошает: "О, кто сии открытые сети узнать и от них избавиться может? Сети многие... различные... везде... открытые и невидимые... Кто их усмотреть и от них уклониться может, аще не Ты, Господи, покажеши их и Твою всесильною десницею сохраниши от них?" (4:113) Злобные духи настолько опытны в своей коварности, что с большой легкостью определяют, как приступить к человеку, "с какой стороны... (и) каким оружием кого уязвлять" (3:441). Но вместе с тем, подчеркивает Святитель, демоны, хотя и коварны, но овладеть человеком и склонить его на грех не могут без согласия последнего, и сколько раз человек противится диаволу, столько раз с помощью Божией побеждает его (1:209; срав. 4:52).

г) Развитие греха

Таким образом, согласно воззрению святителя Тихона, корни греха таятся в начальнике всякого зла – диаволе, а также в падшем естестве человека, унаследованном от праотца Адама. И эта наследственная порча вредит не только малоопытному в духовной жизни христианину, но даже и человеку, умудренному и просвещенному светом Божественной Истины. Безусловно, эти греховные корни не сразу дают о себе знать; они укрепляются и набирают силу под влиянием порочных помыслов, входящих в душу человека в основном через чувства, посредством которых, как через дверь, "всякое зло входит в сердце наше... и тако начинает и рождает беззаконие" (3:324). Указывая на душевный вред, происходящий от внешних чувств, Святитель призывает христиан "не ...давать (им) свободу", потому что они могут "совратить дом наш душевный" (2:135).

Грех может заключаться не только в делах, но и в дурных мыслях и пожеланиях, которые способны осквернить сердце человека, удалить из него все доброе и святое. Человек, допустивший злые помыслы в свое сердце, нарушает тесное единение с Источником жизни – Богом, потому что Бог пребывает только в непорочных сердцах. Мысленное услаждение грехом оскверняет сердце, делает его холодным и бесчувственным к Божественному зову. Сердце человека никогда не может быть праздным; если только оно не заполнено добродетелью, то диавол заполняет его скверными мыслями и пожеланиями. Из порочного же сердца могут произрастать только "ссоры, драки, убийства, обиды, злословие, клятвы, лести, обманы, клеветы, осуждения, презрения... насмешки и прочия сим подобная" (1:85). Этими порочными плодами, исходящими из сердца, христианин оскорбляет величие Божие и удаляется в сторону богопротивной жизни (2:121). Если такой человек и избегает телесных грехов, как-то: "не убивает, не крадет... не прелюбодействует", однако " в сердце соизволяет на грех – равно перед Богом грешит" (1:210), потому что мысленный грех служит импульсом к греховным действиям. Однако за человеком сохраняется власть согласиться с ним или отвергнуть его от себя. Последователю Христову необходимо противиться порочным помыслам и не допускать их в свое

сердце. Имея в виду возможность и необходимость властвования христианина над своими помыслами, святой Отец сравнивает его с садовником: "Якоже убо садовник обрезывает древо, и исходящие от него сучии негодные и отрасли... дабы возрастше самого дерева не повредили: тако подобает христианину всякому обрезывати сердце свое и ...помышления злая, как только начнут от сердца исходити и показыватися, дабы, возрастая, не повредили внутреннего человека" (2:91). Такое усердие человека к очищению своего сердца не остается бесплодным. Изгнав из сердца порочные мысли, христианин насаждает и взращивает в нем семена Божественной жизни. Чистое сердце бывает подобно чистому источнику, от которого проистекают чистые струи воды, или же доброму дереву, приносящему благовонные и полезные плоды, или же благодатному сосуду, содержащему в себе благовонный, небесный аромат. И если душа будет пребывать в чистоте и святости, она сподобится посещения Самого Спасителя, Который Своей милостью и "врачует ее немощи", и дарует ей первое достоинство и благолепие (5:124). И напротив, христианин, услаждающийся скверными помыслами, может сделать храм души своей не жилищем Божиим, а пристанищем злой силы. Тогда душа бывает уже неспособна вмещать в себя Христово благоухание, из нее исходит лишь отвратительное зловоние. Очень часто помыслы на первый взгляд кажутся невинными, не содержащими в себе ничего греховного, однако по своему существу они греховны. Останавливая внимание человека на таких помыслах, злая сила начинает действовать уже сильнее: внушает ему помыслы уже с более конкретным и очевидным признаком греховности и, наконец, ввергает его в бездну порока. Диавол особенно расставляет свои сети тому, кто только начинает идти по пути спасения, надеясь этим самым ослабить подвиг человека или же вообще удержать его в той греховной жизни, которой он жил до своего обращения. "Известно, – пишет святой Отец, – что хотящему и начинающему Бога искать сатана, враг наш, всяким образом тщится препятствие учинить: то помысл злой, то уныние и леность наносит, ...то к прелести суетного мира склоняет" (1:105). Отвращают человека от истинно спасительного пути и злые люди (1:105), которые даже "больше вредят, нежели ядовитые змеи: ибо те откровенно яд свой носят, а сии каждого дня тайно... заражают" (1:143).

Враг нашего спасения возмущает человеческий разум и приводит его в трепет и уныние особенно через хульные помыслы, которые часто приходят помимо воли человека. Эти помыслы настолько смущают и терзают человека, что он подчас готов переносить лучше "поношение и биение.., нежели ...вражия стрелы" (3:308). Особенно тяжелой духовной бранью, приводящей в крайнее напряжение все духовные силы христианина, является борьба с помыслами отчаяния, посредством которых диавол стремится ввергнуть человека в пропасть адову. "Отчаяние есть грех тяжкий: ибо кто отчаивается своего спасения, тот мнит, что Бог есть немилостливый и неистинный – что есть хула страшная на Бога" (5:347). Этими богопротивными помыслами злой дух старается вывести христианина из духовного равновесия, лишить его душевного спокойствия (4:205). И тогда, как разбойник войдя в дом, разоряет его и уничтожает живущих в нем, или неприятель, заняв город, опустошает его, так и диавол, через помыслы, войдя в дом человеческой души, опустошает его и разоряет (3:229). Именно поэтому Святитель и призывает христиан

удаляться не только от тяжких грехов, но и от внутренних скверных пожеланий (3:226).

Борьба с греховными помыслами – дело не легкое, потому что пресекающий греховные помыслы ведет борьбу непосредственно против самого диавола. Однако постоянная готовность человека решительно пресекать греховные мысли в самом их зародыше может привести к полной победе над искусителем. По образному сравнению Святителя, как "неприятель, хотя и мещет стрелы своя на град, но не вредит граду, пока не сдастся ему град, тако и ...диавол, хотя и мещет разженныя стрелы своя на душевный град наш, но ничего не успевает, пока злой воле его не соизволяем, но отражаем от себя козненные наветы его" (3:308). Борющийся с греховными помыслами удостаивается похвалы и славы от Самого Бога (3:309).

В духовной брани Святитель советует христианину иметь в виду самое важное – не ослаблять усилий в борьбе с искушениями, какими бы они ни казались трудными или непреодолимыми. Эта бдительность с помощью Божией непременно приведет к победоносному концу. В духовной брани христианин не только укрепляет духовные силы и становится искусным воином Царя Небесного, но и "возвеселяет ангелов святых и прославляет Бога и Отца нашего... Аще убо злой враг приступает к тебе, и слышиши злой совет его, тотчас ободрись и стань, яко воин Христов, и помяни, яко Бог видит все, и смотрит на тебя, и ожидает подвига твоего, и хощет помощи тебе. И сколько раз вступаешь в подвиг противу врага своего и побеждаешь его, столько раз венчает тебя Подвигоположник Иисус" (4:206).

Для избавления от лукавых помыслов, для победы над ними святой Отец указывает эффективные средства, из которых первым является молитва. Она служит надежным оружием в непрестанной духовной борьбе с искушениями и греховными соблазнами. Человеку, находящемуся в мысленной брани, следует непрестанно взывать о помощи к Богу словами: "Господи, помилуй мене; или: Господи, помози мне; или: Господи, не остави мене" (1:105). Обращаясь так к своему Спасителю, христианин должен усердно умолять Его до тех пор, пока совершенно не угаснут и не исчезнут разженные стрелы вражии. Путем молитвы, совершаемой от всего сердца и с полной преданностью Богу, из души исчезает все нечистое и водворяется в ней Божественная сила, одухотворяющая и возрождающая все существо человека. Как немощное тело "чем более освобождается от вредных соков, тем здравейшее бывает: тако душа немощная, чем более освобождается от злых помышлений, тем большее здравие получает" (5:124). При содействии молитвы христианин становится непреоборимым воином, способным противостоять любому греховному соблазну. И даже если человек, увлекшись страстными пожеланиями, совершит какое-либо нравственное преступление пред Богом, то и тогда "чистая и смиренная молитва, прошение и воздыхание" (5:333) помогут ему исцелить и уврачевать эту духовную язву.

Кроме того, молитва служит христианину твердой опорой в тех случаях, когда его обуревают непредвиденные искушения. Вот почему святой Отец призывает христиан прилежно молиться Богу (1:225), вооружив себя "духом смирения" (1:47).

Сильным и действенным оружием против нечистых помыслов святой Отец также считает страх Божий (3:308) и чтение Святого Писания.

Христианин, упражняясь в постоянном чтении слова Божия, становится умудренным и просвещенным. Его внутреннее око души посредством Божественных словес бывает способным распознавать диавольские прилоги и совершенно удалять их из сердца. "Возникающие злые помыслы,— учит Святитель, — тотчас пресекай мечем глагола Божия... дабы укрепившиеся не повредили и не умертвили внутреннего человека. Угашай искру, пока в пламень не возросла, и убивай врага, пока мал есть. Аще бо искру не угасиши, то великий огнь будет, и аще врага не убиеши, пока мал есть, то возрастши укрепится, одолеет тя и низложит тя" (4:53—54). Таким образом, борясь с порочными помыслами при помощи богодарованных средств, христианин сможет не только освободиться от них, но и приобрести духовную мудрость, способность распознавать и поражать все то, что мешает ему достичь спасения (3:308—309).

Борьба с грехами должна вестись самым решительным образом, потому что ими человек навлекает на себя гнев Божий и лишается благодатной помощи свыше. "Видишь, что муж отрекается жены, когда не хранит верность к нему ..,— делает сравнение Святитель. — Знай точно, что тако и Христос, Небесный и Пречистый Жених, отрекается таковыя души, которая... не хранит верности к Нему" (2:33—34). И хотя грешник подчас старается свои грехи совершать в тайне от людей и для этой цели употребляет всю осторожность и хитрость, но "от всевидящего Ока (Божия) не утаится" (4:170), потому что Бог видит не только наши внешние дела, но и сокровенные, сердечные намерения. Где бы человек ни делал богопротивные дела — "на пути ли или в пустыне, в доме или на торжище, наедине или на публике, тайно или явно... или во внутренности сердца своего", он не может утаиться, ибо Бог "везде присутствует, и все, что и где делаешь и замышляешь, видит и в книге Своей записывает" (4:170; 3:219). Все сделанные беззакония будут в вечности открыты пред всем миром (4:188). Основываясь на словах Псалмопевца: "Обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя" (Пс. 49, 21), Святитель пишет, что за "всякое бесчинное дело, слово и помышление... воздастся бесчиннику по делом его в день суда" (3:267).

Поскольку человек сотворен Творцом не для мучений, а для вечной блаженной жизни, то святой Отец призывает его сбросить с себя бремя греховное, позаботиться о своей бессмертной душе, которая дороже не только всего мира с его сокровищами, но и неба (4:141), и освободиться от уз диавольских (1:250). Но для того, чтобы избавиться от греха и уз диавольских, человеку нужно проявить со своей стороны много усилий, настойчивости и самоотвержения. Злой навык так глубоко проникает все человеческое существо, что искоренение его требует больших усилий как со стороны духа, так и со стороны плоти.

Под действием частого греха в человеке до того ослабевают его духовные силы, что он бывает совершенно неспособен противодействовать каким-либо даже незначительным грехам. Он не может уже обуздать ни свои чувства, ни мысли, ни желания, потому что разум его ослеплен и деятельность его направлена по ложному пути. Человек, искупленный Христовой Кровью, мало-помалу становится рабом греха. "Кому бо человек угождает, — говорит Святитель, — тому и работает: а кому работает, того и раб есть" (3:193). "Кто работает греху и страстям, тот Богу работати не может" (3:99; срав. 4:302), а значит, не может считаться и истинным христианином. Подобно тому, как дерево рас-

познается по его плодам, так и истинный последователь Христов познается посредством своей добродетельной жизни (3:59). И чтобы окончательно вытеснить из души не только греховные приражения или страсти, но и самую наклонность к ним, святой Отец советует христианам со тщанием подвизаться "в смирении, в прозрении славы суетной, терпении и кротости, отрицании себя самого, распинании плоти со страстьми и похотьми, и мужественном терпении. Когда сие показуют христиане, тогда не уступают места на брани врагу своему диаволу" (2:36). Как воин, сражаясь с противником, вначале ощущает страх, но когда воодушевится надеждой и закалит свою волю в борьбе, тогда уже побеждает этот страх, так бывает и с духовным воином, вступающим в борьбу против "мира, плоти и диавола; страшно и трудно кажется дело: но наченшим и тщащимся с помощью Христа, Царя Победителя, все удобно" (3:41б). При этом Святитель напоминает, что "настоящее время есть (время. – *А. И.*)... трудов, подвигов, скорбей и креста.., а будущий век есть время покоя, воздаяния, радости и веселия" (2:11б). Усилия воина Христова должны носить постоянный, целожизненный характер, потому что "в мире сем брань есть непрестанная, на которой две стороны сражаются не оружием видимым, но духовным и невидимым, как и брань есть невидимая и духовная" (5:147; срав. 3:447; 2:115). Подвизаясь на этом поприще, христианин не должен предаваться унынию и отчаянию, но бодро и твердо отстаивать занимаемые им духовные позиции (4:51).

И если христианин будет навыкать в доброделании и пребывать в нем до конца своей жизни, то, несомненно, получит венец от Пастыреначальника. И напротив, если он пройдет даже большую часть своего жизненного пути, подвизаясь добрым подвигом, а затем вознерадит о своем спасении, то может оказаться вне спасаемых и наследовать участь со всеми неверными. Такой человек уподобляется евангельскому строителю, который начал "созидати столп и не совершил", которого "люди видевше, начнут ругатися ему, глаголюще: яко сей человек начат здати, и не може совершити" (Лк. 14, 30) (2:385). Он также уподобляется человеку, "наченшему путь от единого места к другому, и взад паки с пути возвращающемуся" (2:385). "Не тот блажен, кто добре начинает,– говорит Святитель, – но тот, кто добре кончает подвиг свой" (3:447).

Безусловно, побороть самого себя, смирить греховную плоть есть тяжелый подвиг, и в этой борьбе от человека требуется немало сил. Поскольку все члены тела нашего заражены грехом и все они вместе восстают на дух, то предстоит постоянное "сражение", потому что "плоть похотствует на духа, дух же на плоть (3:58). Следовательно, чтобы одержать полную победу в духовной брани, христианину необходимо отрешиться от всего греховного, тленного и прилепиться всецело к жизни небесной. И как бывает совершенно невозможно смотреть на небо, не оторвав прежде взор свой от земли, или на солнце, не обратясь к нему, точно так же "хотящему небесному житию подражать должно оставить земное и скотское (и делать то), что воля Божия ищет и требует от нас" (3:97).

Борьба с грехом заставляет последователя Христова мобилизовать не только все его духовные силы, но и телесные. Только при таком сочетании и направлении сил души и тела возможна полная победа христианина над его ветхим человеком. Эта победа над самим собой является венцом всего подвига христианина, и не всякий достигал и не достигает

этого венца. Как указывает святитель Тихон, многие победили тысячи людей, покорили города и государства, но самих себя победить не смогли, ибо не противились живущему в их существе греху. Это несогласие с грехом имеет весьма важное значение в христианском подвиге, и на нем должно быть сосредоточено все внимание воина Христова. Послабление одному какому-либо греховному делу может открыть вход в душу многочисленным грехам и порокам. "И тако бедный человек, научившися зла и привыкши нечестием, как хлебом насыщается, и от зла во зло и от беззакония в беззаконие падает, и стремится в погибель, якоже камень, с верху горы пущенный вниз. И хотя бывает, что некоторые от таковых узнают свою беду и погибель, и содрогаются и ужасаются, и начинают каятися; но привычкою, яко веревкою, влекомы, на нечестие обращаются" (4:202), т. е. греховная привычка влечет человека на преступление против его воли. При повторении богопротивных дел дух ревности человека ослабевает, а укореняется и возрастает дух диавола, который влечет христианина, как алчного к хлебу и жаждущего к воде (5:223). "Как бо древо, чем более растет, тем более в землю корень свой пущает, — говорит Отец Церкви, — тако чем более греховный обычай растет, тем глубочае в сердце человеческом корень свой утверждает. Но как древо, чем большее будет, тем с большею трудностью из земли исторгается: тако чем более усилится и утвердится обычай греховный, тем с большею трудностью от того освобождается человек" (2:137). И если человек не употребит весь духовный арсенал для борьбы с грехом, то грех постепенно переходит в "пристрастие", которое бывает так сильно, что становится как бы второй природой человека (2:136).

Но даже в таком бедственном положении человек не оставлен Божией благодатию. Она дает ему силы на борьбу с невидимыми врагами, "подвигает человека и увещевает на всякое время и помогает ему противу страстей стоять и тыя побеждать" (4:330), только бы он сам откликнулся на ее зов, открыл ей двери своего сердца (Апок. 3, 20) и устремился к добру. "Бог тщащимся и пекущимся помогает, подвизающихся укрепляет и побеждающих венчает" (5:225). А посему "стани на ноги твои, — призывает Святитель, — и ободрись, и призвавши Господа сил, Иисуса Христа, в помощь, стой и подвизайся. Неотменно поможет тебе" (4:51). Тогда "весь свет и вси диаволы не повредят... яко Он несравненно сильнейший всех, и земные и преисподние все силы Его Божественныя трепещут" (4:13).

Весьма действенным средством в борьбе с грехом является также сознание своей греховности. Оно возбуждает в человеке чувство раскаяния и влечет его к богоугодной жизни. Христианин, оплакивающий свои грехи, никогда не будет отчаиваться в своем спасении; но чем больше будет познавать свою немощь, тем ревностнее станет стремиться к искреннему раскаянию пред Богом и своей совестью. "Познавай убо, человече, — пишет Святитель, — язвы души твоея, когда хочешь от них исцелиться, и со всяким усердием молись и воздыхай ко Христу, да Он исцелит тебя" (4:137; срав. 4:332).

Святой Отец советует христианину тотчас по грехопадении прибегать за помощью к Врачу душ и телес и припадать к Нему с сокрушенным сердцем, и Он, как всеведущий и милующий, поможет восстать от порока. Хоть Господь, по мысли Святителя, и знает немощи и греховные изъяны человека, однако "требует самоохотного и добровольного при-

знания, дабы (человек) сам себе пред Ним обвинил и греха своего не покрыл" (4:83). Это признание греха и самообвинение человека непременно послужат удерживающим началом от последующих греховных поползновений и падений.

Итак, желающему шествовать по пути ко спасению предлежит упорная борьба с грехом. Однако с помощью Божественной благодати человек может побороть диавола, свирепеющую плоть с ее бесчисленными страстями и греховными соблазнами мира (3:66).

2. СТРАСТИ

Под страстями святитель Тихон разумеет некоторые особые грехи, в полной мере господствующие в душе человека. Таковыми, по его мнению, являются: гордость, зависть, гнев и злоба, клевета и осуждение, ложь и лукавство, праздность, пьянство, сребролюбие и честолюбие. Вопрос о страстях подробно освещается святым Отцом в труде "Об истинном христианстве" (2-й том); этого вопроса он также касается в своих письмах и наставлениях. Святитель дает конкретные указания, как и какими средствами следует бороться со страстями, объясняет не только их пагубное воздействие на душу человека, но и тот вред, который они приносят ей как в земной жизни, так и в жизни загробной. Страсти опасны еще и потому, что они, принося вред самому грешнику, разлагающим образом действуют и на тех лиц, которые будут соприкасаться с ним (4:118).

Святой Отец считает, что страсти имеют глубокие корни в поврежденной грехом человеческой природе. Они наследственно передаются из рода в род от Адама и являются величайшим препятствием развитию добродетельной жизни человека. Эта наследственная духовная порча настолько сильно укоренилась в каждом человеке, что даже повседневное бодрствование над самим собой, воздержание в пище и подвижническая жизнь не могут служить твердым ручательством тому, что человек уже свободен от страстей, если с ними человек не будет бороться и искоренять их из сердца, они могут еще более усиливаться и, наконец, умертвить душу. Как "вредные соки суть в теле, то греховные страсти... в душе. Вредные соки мучат тело и умерщвляют: греховные страсти мучат душу и к вечной ведут смерти" (4:140; срав. 5:131).

Человек, попавший под влияние какой-либо страсти, становится неспособным владеть самим собой: она парализует все силы его души. Грешник подвергается духовному ослеплению, нерадению и бесчувствию и, наконец, доходит до того, что уже не замечает в себе этого опасного состояния, почему и не заботится, чтобы избавиться от него. Находясь в таких обстоятельствах, человек становится бессильным, неспособным к правильному рассуждению. Очень ярко выражает это состояние человека св. апостол Павел: "Вем бо, яко не живет во мне, сиречь во плоти моей доброе: еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю. Не еже бо хощу доброе, творю, но еже не хощу злое, сие содеваю... Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит... вижду же ин закон во удех моих, противу воюющь закону ума моего и пленяющь мя законом греховным, сущим во удех моих" (Рим. 7, 18—23). Объектом ума человека, подверженного страстям, становятся неверные и

искаженные понятия. В нем постепенно угасают духовные порывы к Богу, душа перестает бодрствовать и, наконец, умирает. Чем больше человек погружается в бездну своих страстей, тем все более удаляется от Бога. Подобно зловредному ветру, страсти иссушают и искореняют в его душе все то, чем он так щедро был одарен своим Творцом; они изменяют все его существо и прежде всего искажают образ Божий. Святой Отец, оплакивая таковых людей, говорит: "Человек, разумом одаренный и образом Божиим почтенный, столь сильно обезумился, обезобразился и ослепился" (3:69) " и облекся во образ земной и скотский" (3:88). Вместо естественных духовных потребностей в нем восстают желания, противные духу, — страстные похоти. В таком случае воля грешника постепенно ослабевает, и он становится упрямым и себялюбивым. Под влиянием страстей человек бывает неспособным управлять своими чувствами, желаниями и даже мыслями, ибо разум его, который, по мысли Святителя, бывает "грехом как тьмою помраченный (2:136), не может "вместити Божия просвещения" (4:12). В состоянии душевной слепоты (4:215) человек не только становится бессильным, неспособным бороться с грехом, но и более того — не может дать правильной оценки своим поступкам и действиям. Основную причину такого состояния человека Святитель усматривает в том, что грешник полностью склонил свою волю на сторону чувственного начала и забыл о своем назначении, что в свою очередь повлекло за собой и искажение сердца, или чувствований человека. Сердце его покрылось греховным покрывалом, подобно мгле (4:248). По словам Святителя, "сердце... растленное (3:441), лишившееся Божия присутствия, постоянно жаждет разнообразных суетных удовольствий. Совесть в таком человеке засыпает и уже не в состоянии напоминать ему о бессмертной душе и о тех истинных благах, для которых он создан. И чем более человек погрязает в страстях, тем более душа его удаляется от источника жизни, лишается его сладчайшего лицезрения и духовно умирает, ибо вне Бога нет жизни (3:234).

Таким образом, душевные и телесные страсти имеют общую психологическую основу. Они не только неотделимы друг от друга, но и находятся в тесной взаимосвязи между собой. Рассмотрим их в той по-следовательности, в какой даны они у святителя Тихона.

а) Гордость

Наиболее опасной страстью, препятствующей человеку в деле его спасения, является гордость, которая ведет свое начало от падения ангелов. Как свидетельствует Священное Писание, первый ангел — Денница, которому были дарованы Богом силы и возможности для восхождения по лествице духовного совершенства, не восхотел повиноваться своему Творцу, но превознесся умом и впал в самообольщение, возмечтав быть равным Богу и восходить к духовному совершенству без помощи Всевышнего (Ис. 14, 12—15). За это десница Божия, державшая его на высоте, была отнята от него, и он, увлекая с собой множество других ангелов, пал в безысходную бездну мрака и отчаяния. Гордость уничтожила в падших ангелах все доброе и святое; поэтому они нравственно омрачились, утратили истинное познание о Боге, забыли свой долг любви к Творцу и тем самым расторгли с Ним вечный и благодатный союз. Таким образом, гордость родилась не на земле, а на небе, в выс-

ших сферах бесплотных духов (2:170). Вот почему она, по мысли Святителя, является родоначальницей всех зол и исчадием диавольским (1:89).

Печальная история водворения и распространения гордости в роде человеческом, по мысли Задонского Святителя, связана также с именем падшего, злого духа — диавола, который настолько заразил этим грехом все существо человека, что последнему недостаточно даже земной жизни на его оплакивание (2:170). Как диавол начал свое отпадение от Бога гордостью, так и человек, возгордившись, не только пожелал выйти из подчинения своему Творцу, но и стать Богом, сравняться с Ним, что он и пытался совершить внутренним желанием и внешним действием (2:262). Нет ничего более опаснее и зловреднее гордости: ею первый человек лишился неба и блаженной жизни в Боге; она открыла вечные темницы ада, куда впоследствии ниспали существа, не покоряющиеся правде Божией. Гордость уподобила разумные существа Божии скотам несмысленым (2:171).

Грех гордости проявился не только в наших прародителях; он сделался всеобщим и глубоко вкоренился в природу человека. За гордость потомки Ноевы были наказаны и рассеяны по всей земле; фараон, не признавший и не покорившийся Богу истинному, был потоплен в пучине моря; Корей, Дафан и Авирон поглощены землей; Аман был повешен на древе и т. д. Так Господь наказывает гордых и надменных (2:171). Опасность этого греха заключается еще и в том, что он скорее других грехов удаляет человека от Бога (1:30) и делает его послушным орудием диавола (2:30). Ни один порок так не подвергается суду Божию, как гордость (Ис. 23, 9). Это не просто грех, удаляющий человека от Создателя, но это грех — страсть, которой человек служит вместо Бога, которая таит в себе противление, вражду и дерзость по отношению к Богу. Человек, пребывающий в гордости, забывает свое ничтожество пред Богом, без помощи Которого не мог бы просуществовать и одного дня. Ложно переоценивая свои силы и достоинства, он втайне обоготворяет себя самого (5:112—113; 5:227). И это самообоготворение сочетается в нем с полным непослушанием и противлением Творцу, в результате чего человек день ото дня все больше удаляется от Бога, ожесточается в своем безумии и уже бывает неспособен воспринимать душой Божественное вразумление. Находясь в таком жалком состоянии, человек в конце концов впадает в крайнее нечувствие, безумие и неверие в Бога как своего Создателя и Промыслителя (2:51). Все существо такого человека пронизано чувством гордыни и надменности, и он неспособен объективно представить себе бедственность своего положения. "Прочие пороки, как-то: пьянство, блуд, воровство, хищение и прочие видим, — говорит Святитель, — ибо часто ради их жалеем и стыдимся: но гордости не видим" (2:170). Из этих слов святого Отца видно, что все страсти могут быть искоренены из сердца посредством исповеди или духовных наставлений богопросвещенных мужей, но гордость совершенно не дает человеку возможности воспринять это духовное врачевство. В его душе доминирует мнение о своих высоких достоинствах, и поэтому он остается неисцеленным. Вот почему Задонский Святитель считает эту страсть трудно и едва ли искоренимой без помощи Самого Господа (2:171).

Ничто так не лишает человека благодатной помощи и не угнетает его, как злая гордость; как всеобъемлющая зараза, она не удовлетво-

ряется погублением одного человека, но распространяет свое смертоносное дыхание на всех людей, живущих в мирской суете, и даже покушается на лиц, стоящих на высоте духовного совершенства. И нет на земле, пожалуй, ни одного человека, который был бы свободен от этого недуга. А между тем порок этот не свойствен человеческой природе, и тем более христианину. Да и чем гордиться человеку, рассуждает Святитель: своим ли происхождением, богатством или разумом? Ведь все это он получил от Бога, своими же собственными силами он ничего не может приобрести. Он немощен, бессилен и слаб бывает даже при рождении. Многие животные по своем рождении сразу же способны добывать себе пищу, а человек рождается настолько слабым и бессильным, что без посторонней помощи неспособен продолжать свое существование (2:172). Однако, забывая все это, он начинает смотреть на самого себя как на нечто самобытное и независимое и тем самым водворяет в своей душе богопротивную страсть самомнения.

Находясь в плену этой страсти, человек свои мнения и рассуждения, хотя они часто являются ложными, всегда считает верными и неоспоримыми и, навязывая их другим, требует от них полного одобрения и признания. Помраченный гордостью не может равнодушно сносить даже незначительные обличения от своих ближних. Он не допускает даже и мысли о том, чтобы кто-либо судил его поступки. Игнорируя замечания окружающих, он старается ответить им враждой и ненавистью (5:227). Гордец почти всегда бывает несправедлив к другим, не ценит их достоинства и не признает за ними никакого авторитета. Единственная цель, которую он ставит перед собой, – это домогательство от других "чести и славы мира сего" (4:325). И эту славу гордец поставляет выше всякого блага не только земного, но и небесного. "Смотри, что делает гордость в человеке, – с удивлением восклицает святой Отец, – как его мучит, сколько он вымышляет способов, как бы достичь славу и похвалу в мире сем... Как негодует, когда от кого презирается: как болезнует, смущается, ропщет и хулит, когда чести лишится, так что многие себя умерщвляют" (4:141). Человек, ставший на этот путь, служит уже не Богу, а своему "я". Сердце его становится неспособным к восприятию веры Христовой и к деятельности во славу Трисвятого Имени Божия. Все, что ни делает он, делает напоказ всем, ради славы человеческой (4:325). Тщеславие может настолько возрасти в нем, что он может совершенно забыть о Боге и о той награде, которую Господь дарует Своим верным последователям. Даже подвижническая жизнь гордого человека вменяется ни во что, потому что он совершает подвиги не ради славы Божией, а ради похвалы человеческой (2:258). Указывая на пагубность этой злой страсти, святой Отец убеждает: "Берегись, человече, высокоумия, да не яко диавол падеши; не высокоумствуй, но бойся" (4:12).

В творениях Задонского Святителя имеются не только объяснения происхождения и пагубности страсти гордости, но и конкретные советы к ее искоренению. Сильнейшим оружием "против гордого духа" святой Отец считает смирение (3:444), без которого в деле спасения напрасен всякий другой подвиг. Как гордость бывает "гнусна и мерзка" Богу, так смирение "благоприятно и любимо". "Ни на что так... Бог любовно не взирает, как на смиренное и умиленное сердце" (5:228). Из этих слов "русского Златоуста" явствует, что человеку, плененному гордостью, следует искать избавление от этой страсти во всех ее видах и про-

явлениях только в познании самого себя, в осознании своего ничтожества и окаянства, в христианском смирении. Как начало и конец всех зол есть гордость, так и смирение есть начало и конец всех благ.

Человек, склоняющий свое сердце к смирению, по образному выражению святого Отца, удаляет из него тьму гордости и воспринимает свет (5:228). И если сердце горделивого человека исполнено всякой мерзости, то сердце смиренного преизобилует покорностью, преданностью и любовью к Спасителю. На протяжении всей жизни христианин должен всячески хранить свое сердце в смирении и самоукорении, приписывая все свои добрые дела единому Богу. Только такая духовная настроенность будет способствовать окончательному истреблению в человеке гордыни и его постоянному духовному росту.

Другим действенным средством в борьбе с зловредной страстью гордости, по учению святого Отца, является рассудительность. Христианин должен постоянно представлять своему мысленному взору высочайший образ Христа, Его смирение, воплощение, страдание за грехи всего рода человеческого (1:148) и в этом источнике черпать силы для приобретения смирения и для искоренения в самом существе безумной гордыни (2:172—173). "Должно часто взирать, – поучает Святитель, – на глубочайшее Сына Божия смирение и тому учиться от Него, ...а притом и просить Его усердно, дабы пагубный оный яд врачеством Своея благодати выгнав, подал дух смирения, которому воспоследуют и прочии Его дарования. Ибо смиренным Бог дает благодать" (2:174).

Не менее эффективным средством, способным отрезвить душу от страсти гордости и привлечь к ней благодатные силы, служит также постоянное памятование о смерти, будущем суде и вечных мучениях (2:138—139). Рассуждая о своем ничтожестве и о тех мучениях, которые ожидают грешника в загробном мире, христианин может предохранить себя от дальнейших падений и направить свою жизнь по спасительному пути.

Наконец, самым действенным духовным оружием против гордости является молитва, которая "вразумляет" христианина (3:213), укрепляет его волю в борьбе "против искушения диавола, греха и всякого неблагополучия" (2:324). Именно молитва укрепляет духовные силы человека, избавляет его от высокоумия, врачует все прочие душевные язвы и направляет по руслу нравственного совершенствования. Итак, христианин с помощью вышеуказанных средств не только сможет одержать полную победу над страстью гордости, но и обогатиться добродетелями.

б) Зависть

Не менее зловредной, чем гордость, страстью является зависть, посредством которой "смерть вниде в мир" (Прем. 2, 24). Как уже было сказано выше, родоначальницей всех зол является гордость, приведшая все Божие мироздание в хаос и расстройство; от нее рождается и берет свое начало, как от злого корня плод, страсть зависти. Приводя слова блаженного Августина: "Зависть есть дщерь гордыни; умертви матерь, и дщерь ее погибнет", Святитель говорит, что человек, подверженный зависти, в то же время бывает одержим и гордостью, потому что таковой не может терпеть, дабы кто был ему равен по достоинству (2:174—176).

История падения первых людей ясно показывает, что именно зависть побуждала диавола и направляла его волю к преступному соблазнению человека. Ту же пагубную страсть враг постарался посеять и в человеке. Поэтому, происходя от духа злобы, зависть по своей мерзости и зловредности бывает ненасытна, подобно диаволу, ибо как он, родоначальник зла и всякого коварства, никогда и ни в чем не имеет покоя и отрады, так точно и завистливый человек: сколько бы добра и милости ни оказывали ему, он всегда будет недоволен и раздражителен (5:136). "Всяк сие может признать, точно свойственное есть дело диавольское: диаволу бо печально и несносно, что христиане спасаются и вечную получают славу, от которой он низринут в вечную погибель и бесчестие... Тако завистливый грешит и купно казнь приемлет, беззаконнует и мучится" (2:175). И если христианин страшится вечных мучений, то еще более должен бояться и избегать зависти, потому что она открывает в душу подверженного ей человека доступ злой силе, которая мучит его и воспламеняет в нем геенский огонь прежде Страшного суда Божия. Завистливые бывают не только подражателями и единомышленниками злых духов, но даже хуже их, поскольку злые духи завидуют не друг другу, а только тем из людей, которые стремятся идти спасительным путем, в то время как человек человеку и даже брат брату злобно завидует и мучительно терзается (2:175).

Зависть, по мысли святого Отца, приводит подвластного ей человека в плачевное состояние. И если человека, подверженного другим порокам, вразумляют оказанные со стороны других благодеяния, то завистника они еще больше раздражают и приводят его душу в озлобление (2:176). Зависть есть начало и источник зложелательства по отношению к ближнему. Она вселяет в сердце человека печаль и скорбь, если видит кого в благополучии живущим, а при виде чужого горя и несчастья радуется от удовольствия. Страсть зависти, разгораясь в душе человека, становится ненасытной. Никакое добро, никакая услуга со стороны ближних не в силах остановить в человеке эту богопротивную страсть (1:89). Человек, опьяненный ею, приносит много зла окружающим людям, но еще больший урон приносит своей бессмертной душе, лишая ее блаженного причастия вечных благ. Завистливому всегда кажется, что положение ближнего лучше, чем его, и это всегда угнетает, преследует и мучительно терзает его душу. Он готов претерпеть любые мучения и бедствия, нежели видеть своего ближнего в благополучии (1:132; 2:175). Злость и презрение настолько берут верх над завистливым, что он ни одной минуты не может быть спокойным. И это внутреннее состояние "снедает" не только его душу, но и тело, делая его болезненным и неспособным ни к какой деятельности (5:123; срав. 4:141). По этому поводу святитель Тихон с болью сердечной говорит: "Берегись убо зависти и злобы: великий души яд, и как червь дерева внутрь, тако он душу и грызет и снедает" (5:127).

Зависть, по мысли Святителя, "хуже любодеяния и прелюбодеяния" (1:132), потому что своим жалом стремится разрушить семьи, общества и даже целые народы, доводя их до крайней преступности и даже убийства. Вся история Нового и Ветхого Заветов полна примерами, свидетельствующими о губительной злобной зависти. Так, Каин по зависти убил своего брата Авеля; сыны Иакова, руководствуясь ею, продали Иосифа в Египет. И наконец, иудеи, имея неистовую зависть, предали смерти

Спасителя мира (2:175; 5:130). Поэтому "как только восстает в сердце зависть, – учит святой Отец, – умерщвляй сего червя пагубного, да не возрастши умертвит душу твою" (5:127—128).

В своих творениях Святитель не только предупреждает о пагубных последствиях зависти, но и указывает на средства для избавления от нее. Христианину необходимо бороться с этим врагом спасения, притом упорно и продолжительно. Наилучшим средством в этой борьбе является слово Божие, которое приводит блуждающий ум в собранность и, подобно мечу, умерщвляет зависть в ее зародыше. Но если человек вознерадит и не будет упражняться в этой добродетели, то зависть может возрасти и ввергнуть душу в бедственное состояние (5:136).

Окончательное же искоренение зависти, по мысли Святителя, принадлежит любви, которая является мощным и верным средством, противодействующим этой злой страсти. Ведь любовь, по апостолу Павлу, "не завидует" (1 Кор. 13, 4). Следовательно, в ком господствует любовь к Богу и людям, кто всегда сострадает и почитает своего ближнего, как самого себя, в том никогда не сможет найти для себя прибежища зависть. Конечно, воспитание в себе любви требует от человека большого подвига и нравственных сил, однако он должен принуждать себя к этому, потому что только "нуждницы восхищают Царствие Небесное" (Мф. 11, 12). Таким образом, любовь поистине способна искоренить зависть и всякое нестроение (2:174—176) в человеке и насадить в его душе семена богоугодной жизни.

в) Гнев и памятозлобие

Не менее опасной страстью, непосредственно вытекающей из зависти и препятствующей человеку в достижении им спасения, является гнев. Эта страсть рождается в сердце христианина, главным образом, от безмерного самолюбия, потому что самолюбивый человек желает видеть самого себя постоянно в славе и чести. И если кто-то ему препятствует в достижении этой цели, то он начинает раздражаться и с гневом извергать свою злобу (2:178). Гнев также возникает в человеке и от обиды, причиненной его самолюбию другим лицом.

Страсть эта особенно губительна тем, что сама собой открывает в душе вход диаволу (5:229). Человек, одержимый гневом, не в состоянии бывает удержать себя от греха и преступления. Он забывает о Боге и о своей душе, и его сердце "подобно котлу кипящему", из которого исходят злые слова, исполненные смертоносного яда. Если другие страсти часто удовлетворяются человеком втайне, то проявлением безрассудного гнева он приводит иногда в смятение не только своих ближних, но и целое общество. Гнездящаяся в человеке страсть эта ослепляет его духовные очи (2:178), и он не может иметь правильного суждения о путях спасительной жизни. В порыве страсти гневающийся позволяет себе не только грубо обижать и оскорблять ближнего, но и изобретать всевозможные способы для отмщения ему (4:153). Доведя себя до крайнего состояния, человек начинает скрежетать зубами, ударяться о землю, рвать на себе волосы и одежду и т. д. В этот момент он бывает "подобен бесноватому" (2:177; срав. 4:141). Гнев, наконец, так расстраивает духовные силы человека, что приводит его истерзанную душу к полному опустошению. Человек становится неспособным вести борьбу со страстями, а это зна-

чит, что он полностью работает греху, который и ведет его в ров погибели (4:100). Святитель сравнивает гнев с бурей, которая на своем пути все разрушает и опустошает, и с пожаром, истребляющим не только плохие предметы, но и необходимые в земной жизни (2:178; 5:169).

Под действием этой злой страсти попираются любовь и все родственные и дружеские связи, а вместо них господствуют зло и ненависть. Оскорбляя своим грубым поведением ближнего, человек в не меньшей мере страдает от этого и сам. Часто его коварства, направленные против кого бы то ни было, обрушиваются на него самого, и в те сети, которые злой человек расставляет для погибели своих ближних, он сам, по словам Псалмопевца, попадает и так погибает: "Ров изры, и ископа и падет в яму, юже содела. Обратится болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет..." (Пс. 7, 16—17). По замечанию святителя Тихона, "многие от злобы в такое безумие и ослепление приходят, что сами себе погубить лучше изволяют, нежели мщение оставить" (2:179—180).

Но самое страшное и губительное действие гнев производит в человеке тогда, когда он переходит в памятозлобие, которое предполагает не одно какое-либо зло, от которого можно еще избавиться человеку, но включает в себя совокупность всех "бед, напастей и зол" (5:230). И если даже гнев ослабевает в душе, то памятозлобие упорно существует и действует. Человек, подверженный этой страсти, замыкается в себе, становится скрытным, желчным и подвластным духу злобы, который день ото дня ожесточает его, омрачает и делает своим послушным орудием (5:190). Человек еще на земле начинает испытывать в себе самом "адское мучение" (5:229).

Однако для него еще не все потеряно. Он может, если обратится к Богу за помощью и приложит все свое старание, удалить из своего сердца эту злую страсть. Для этого ему следует, по мысли Святителя, прежде всего воздерживаться от ответных обвинений и в самом начале приступа гнева и раздражительности не произносить обидных слов и грубостей, потому что эта страсть побеждается не злом, но противоположными ею добродетелями — любовью кротостью и смирением (2:365; срав. 1:166). И человек только тогда найдет полное успокоение своей душе, когда простит своему ближнему его согрешения и будет молиться о нем Богу. Итак, побороть свою гневливость и памятозлобие — дело труд- ное, но, с помощью Божией, возможное. Если "сердце твое не хощет того, — пишет святитель Тихон, — ты его преклоняй к тому, и убеждай и молись Господу, чтобы он помогал тебе самому себя победить, а плотское мудрование умертвить" (1:228—229)[1].

---

[1] Следует также отметить, что, по мысли Святителя, гнев в отдельных случаях (например, когда он бывает направлен против греха и губителя нашего спасения — диавола) служит во спасение: способствует не только пресечению зла и неприятностей среди людей, но и водворению в их душах мира и радости (2:366).

г) Клевета

Рассмотрев пагубное действие страсти гнева и рождаемого от него памятозлобия, можно, на основании учения святителя Тихона, сказать, что эти страсти не только сами по себе мучат душу христианина, но и открывают вход в нее другим страстям, и в первую очередь клевете и осуждению. Человек, одержимый страстью клеветы, подвергает смертной опасности свою душу и очень много зла приносит своим ближним. Если опытный проповедник слова Божия Своими наставлениями может очень многих отвратить от заблуждений и привести к познанию истины, то клеветник своим злоречием, наоборот, заражает людей, отводит их от Бога и погубляет (5:341). Деятельность клеветника направлена не на прекращение зла в мире, но на распространение его, а значит, на служение диаволу и на гибель своей души (2:183; срав. 5:341). У человека-клеветника помрачается ум и ослабевает бдительность, угасает вера в Бога — Источник добра и святости и вместо того вселяется мрак и заблуждение (4:165). Живя беспечной жизнью, многие и не считают клевету за грех, а между тем она, по мысли Святителя, хуже моровой язвы, ибо последняя переходит только на соприкасающихся с больными, а клевета заражает и даже умерщвляет гораздо большее число людей (4:162—163). По меткому сравнению Святителя, как во время сильного ветра пожар бывает очень опасным, сожигающим дома и находящиеся в них вещи, так и необузданный язык всякое зло разносит по всему миру (4:163). Клевета есть мерзкий порок не только перед Богом, но и перед людьми. Зараженный ею человек теряет всякое доверие и уважение со стороны окружающих. Его презирают как лжеца и возмутителя мирной жизни. Клеветник постоянно носит в сердце смертоносный яд, повреждающий бессмертные и искупленные бесценной Кровью Сына Божия души (4:82). Единственная цель клеветника — принести как можно больше горя, страданий и бед своим ближним. Человек, подверженный страсти клеветы, может быть опаснее страждущего проказой, поскольку этого больного многие знают и всячески удаляются от него, клеветника же не сразу можно распознать: он старается прикрыть свое злодеяние ложным благочестием и, подобно Иуде, предавшему Христа, предает неповинных на уничижение и поругание (4:267; срав. 5:160).

Нераскаянный клеветник, в конце концов, наследует ту же плачевную участь, что и египетский фараон или Аман, повешенный на той самой виселице, которую он приготовил для праведного Мардохея. "Слышите, наветники и злодеи, — взывает "русский Златоуст", — в яму впадают люди, которую для ближних ископывают; и яд сами испивают, который ради других приуготовляют; и сами тое зло страждут, в которое других вринуть хотят" (4:400—401). Таким образом, человек, одержимый страстью клеветы, прежде всего наносит величайший вред своей душе, умерщвляя ее и предавая вечному суду Божию. Он бывает неспособен к богоугодной жизни; в его сердце совершенно отсутствует любовь как к Богу, так и ближним, и поэтому оно всецело склонно к злым делам и беззакониям.

Но человек, имеющий в сердце эту зловредную страсть, может, если того пожелает, с помощью Божией искоренить ее. В первую очередь для этого со стороны человека требуется контроль над самим собой и, в частности, над своим злым языком, который следует направлять не на

зло и вред людям, а на прославление Имени Божия и охранение чести ближних. Далее, в деле избавления от этого порока христианину может помочь смирение, которое способно удалить из души все греховное и привлечь к ней милость Божию (3:84—86). Благодаря осознанию своего ничтожества человек вновь становится на спасительный путь. Необходимые для искоренения страсти клеветы духовные силы Святитель советует черпать из евангельских примеров, и прежде всего из жизни и подвига Божественного Страдальца – Христа. Если греховное сердце противится врачеванию и уклоняется в сторону зла, то его следует всячески принуждать к восприятию Христовых добродетелей. Спасительные подвиги Сына Божия, по словам святителя Тихона, являются зеркалом, в котором желающий спастись сможет увидеть свои душевные изъяны и несовершенства. Обнаружив таковые в себе, человек должен немедленно удалить их "покаянием и сокрушением сердца" (5:162). Однако, одержав победу над страстью клеветы, христианин не должен ослаблять свою бдительность, но еще с большей ревностью и вниманием трудиться над искоренением из сердца других страстей.

д) Осуждение

Не меньшим препятствием в деле спасения человека является осуждение. Свое пагубное начало оно берет не из одной какой-либо страсти, а из нескольких, как-то: гордости, родоначальницы всех страстей, зависти, погубившей наших прародителей, и злобы, которая существует в мире не для созидания мира и благополучия, но для смут и раздоров, приносящих многие бедствия и страдания людям. Страсть осуждения может действовать в человеке по причине злой его привычки завидовать благополучию ближних, а также в силу его нетерпеливости (2:181). Губительно влияя на человеческую душу, страсть осуждения средством своего внешнего выражения имеет язык человека. Свидетельствуя об этом со ссылками на Священное Писание, святитель Тихон замечает: "Сколько на свете бед есть или было, все язык или учинил, или умножил. О язык необузданный! мал уд, но великое зло... исполнь яда смертоносна" (Иак. 3, 8) (2:124). Каждый человек приходит в трепет и ужас, увидев какое-либо смертоносное вещество, способное лишить его земной жизни. Однако упиваться в осуждении ядом греховным, убивающим душу, эту Божественную жемчужину, никто не устрашается и не остерегается (4:82). Человек, осуждающий своих ближних, сам не знает того, что осуждением он совершает больший грех, чем его ближний, потому что забывает о своей личной греховности и ничтожестве, но старается увидеть "сучец во оце брата..." (Мф. 7, 3) (1:51). Тем самым он похищает власть, принадлежащую Единому Богу, попирает Его права и дерзко присваивает их. Один Творец имеет власть производить суд над Своими тварями и определять воздаяние каждому по его делам (2:181). Но человек, забывая это, очень часто поносит создание Божие, искупленное Спасителем мира дорогой ценою, не сознавая того, что в лице своего ближнего он уничижает Царя Небесного и наносит Ему оскорбление (4:281). Помня, какой великий вред наносит душе грех осуждения, человек не должен осуждать никогда и никого, даже явного и великого грешника, потому что согрешивший может в любой момент воззвать из глубины души к Богу с просьбой о помиловании, и

милосердный Отец, оставивший грехи блуднице и разбойнику, покаявшимся, примет и его (1:114). Но люди часто забывают об этой милости Божией к кающимся; душевное ослепление не позволяет им видеть собственное греховное безобразие и нечистоту (1:52). Грех осуждения настолько мерзок пред всевидящим Оком Божиим, что поношение человека не только открытое, но даже выраженное "мыслию, помаванием, покиванием главою, вздохом, смехом и прочее" (2:180), оскверняет и помрачает душу. Никакие добродетели, совершаемые человеком, не принесут ему пользы, если он не обуздает свой язык от осуждения близких, говорит Святитель словами Златоуста (2:183). Помраченный этим грехом, человек наносит ближним не телесные раны, но более мучительные и трудно заживаемые "язвы душевные" (2:182). Но в не меньшей степени эти же язвы, наносимые другим, приносят вред и ему самому. Осуждающий сам себя удаляет от Источника жизни — Бога, а это означает не что иное, как лишение Его милости и покровительства. В таком бедственном состоянии человек все более и более впитывает в себя греховный яд и лишает себя спасения (2:182—183). Святитель Тихон увещает каждого христианина удаляться от страсти осуждения. По мысли святого Отца, все люди составляют единое целое во Христе Иисусе, и поэтому человек должен не ближними своими гнушаться, но тем грехом, который живет в их сердцах; именно его нужно возненавидеть "как диавольское изобретение" (1:92). Действенным средством, искореняющим страсть осуждения, служит, по мысли Святителя, познание своих грехов и тех мерзостей, которыми душа бывает там омрачена и извращена. Взирая на свою немощь, мерзость и богопротивность и приходя от того в трепет и ужас (2:183; срав. 1:163), человек, естественно, начнет удаляться от злых собеседований, которые больше всего расстраивают душу и вселяют в нее пороки. Поступая так, он не станет обращать внимание на чужие недостатки, но займется уврачеванием собственных греховных язв.

с) Самолюбие и славолюбие

Препятствием на пути ко спасению являются и такие страсти, как самолюбие и славолюбие. Связанные между собой прочными узами, они удаляют христианина от Бога. Коварство этих страстей весьма утонченное, трудно распознаваемое, и действию их подвержены почти все люди. Как самолюбие, так и славолюбие своими корнями имеют гордость, от которой они черпают силы для борьбы с добром (2:206). Конкретным выражением этих злых страстей в человеке является то, что подверженный им всю энергию направляет только на свою личность, тщательно стараясь выполнить пожелания своей греховной плоти. Думает ли он о чем, говорит или что-либо делает — во всем и всегда имеет он в виду личное какое-либо удовольствие и личную выгоду, а не славу Божию и пользу ближних (2:282—283). Несомненно, такое настроение не только пагубно отражается на душе самолюбца, но и бывает противно Богу. Ведь Ему единому подобает слава, честь и поклонение; всем же прочим сотворенным существам надлежит исполнять Его святую волю и выражать Ему свою любовь и покорность. Самолюбивый же человек не только не имеет такого стремления в сердце, но и упорно противится ему. Этим противлением воле Божией

самолюбец разрушает закон Божий (2:282) и водворяет в сердце вместо Бога идола, отступает от своего Создателя (5:112) и, подобно нашим прародителям, лишается Его милости и покровительства (2:76). Самолюбивый человек, замыкаясь в области узких личных интересов, не сочувствует общественным нуждам, равнодушно смотрит на горе и несчастье своих ближних, всегда бывает раздражителен и обидчив, когда ему напоминают о помощи нуждающимся собратьям. Но даже если иногда он и помогает кому-либо из них, то делает это только ради корыстных или честолюбивых целей. В связи с этим святитель Тихон пишет: "Сколько ни есть согрешений, обид, которые мы ближнему показуем, все от самолюбия, как от корня злого ветви... От самолюбия всякое в мире бедствие.., брани.., толико человеческой проливается крови... и прочие... бедствия.., которых и исчислить невозможно" (2:342). По словам святого Отца, человек в угоду своему самолюбию бывает способен на самые страшные и чудовищные преступления. Вместо того чтобы созидать в себе Царствие Божие, самолюбивый человек "выходит из своей внутренней клети" и устремляется в мир страстей. Предаваясь им, он не только приносит много зла и горя людям, но и сам жестоко терзается сердечной печалью и угрызением совести. Кроме внутренних терзаний в этом мире, самолюбца ожидают еще за гробом вечные мучения, которые несравненно тяжелее временных (2:287—288). И если бы христианин постоянно сознавал этот ужас богооставленности, то никогда бы не стал искать славы временной, скоропреходящей, которая исчезает, подобно пузырю на воде при первом же ветре (2:284). Находясь в таком жалком состоянии, самолюбец крайне снисходительно смотрит на свои грехи и пороки, извиняет их не только перед другими, но и перед своей совестью, после чего она уже ни в чем его не обличает. Это усыпление совести свидетельствует об опасности пути, которым идет самолюбец (4:159). В большинстве случаев человек сбивается с правильного пути не потому, что он не знает его, а потому, что страсть самолюбия полностью ослепляет его ум, в результате чего он отвергает истину и устремляется на всякое беззаконие и неправду (4:410). Пребывая в духовном ослеплении, человек подчас бывает неспособен принести истинного покаяния. Он остается духовно мертвым, хотя и знает, что спасительное Христово врачество доступно для всех (2:53—54), и за это подвергается наказанию неотвратимым судом Божиим, Так, например, самолюбивый и жестокий Ирод за свои гнусные злодеяния был не только лишен милости Божией, но и подвергнут еще здесь, на земле, тяжелому наказанию: был изъеден заживо червями.

Для избавления от самолюбия святой Отец увещает христиан стремиться не к стяжанию собственной славы или выгоды, но все делать во славу Божию: с искренним сердцем служить и помогать ближним, защищать их и утешать (2:208—209).

Как уже было сказано, самолюбие неразрывно соединено со страстью славолюбия. Найдя в сердце удобную почву, славолюбие глубоко укореняется в нем и становится ненасытной страстью. Она действует в человеке даже и тогда, когда он находится в чести и возвышении. И чем более одержимый этой страстью возвышается, тем сильнее адский огонь разгорается в его сердце. Христианин, подверженный славолюбию, начинает всем льстить, лукавить, преследуя единственную цель — войти в их доверие. Ради этого он соглашается со всеми мнениями своих собе-

седников и даже одобряет их греховные поступки. Легко и без зазрения совести славолюбец может назвать добродетели пороками и наоборот; этим самым он открывает доступ в сердце духу неверия (2:206). Одержимый страстью славолюбия ищет для себя блаженства не в добродетелях и в единении с Богом, но во временной "чести, славе и сласти". Эти жалкие исчадия ада обольщают человека, подобно сонному мечтанию, совращают его со спасительного пути Христова и, наконец, приводят к смерти не только временной, но и вечной (3:154). Говоря словами святого Иоанна Златоуста, Святитель подчеркивает, что суетная слава все добрые дела христианина и даже богоугодные намерения делает бесплодными, разносит их, подобно ветру, и иссушает (1:139). И если христианин вовремя не обратит должного внимания на эту гнездящуюся в нем страсть, не поведет жестокую борьбу с ней и не умертвит ее самоукорением и смирением, то она привлечет в душу еще более злую страсть – сребролюбие.

ж) Сребролюбие

Страсть сребролюбия в своем существе является одной из самых пагубных и трудно укротимых. Всякая другая страсть доходит до некоторого пресыщения, а иногда при определенных обстоятельствах и ослабевает, но при сребролюбии человек не удовлетворяется даже и тогда, когда имеет уже множество материальных благ. Его алчность бывает настолько ненасытной, что он не успокоился бы и в том случае, если бы обладал богатством всего мира. Ради гнусного прибытка сребролюбец идет на всевозможные преступления, вплоть до убийства. Так, Иуду страсть сребролюбия довела даже до предательства Спасителя мира (4:266). Святитель Тихон, приведя слова святого Иоанна Златоуста, говорит, что "сребролюбие все беды в свете производит: оно обагряет кровью море и часто окровавливает... мечи, оно вооружает разбойников, оно делает убийц отцев и матерей" (1:139). Подверженный страсти сребролюбия далек от любви, снисходительности и милосердия. Он никогда не имеет в душе мира, спокойствия по причине неудержимого стремления к стяжанию богатства, но всегда мучается, терзается, постоянно находясь, "подобно волнующемуся морю, в печали, страхе и смущении" (1:138; 2:192). Если страсть сребролюбия не пресечь в самом начале, она опустошит и уничтожит в душе все добрые и богоугодные начинания, а водворит в ней все извращенное и мерзкое. Пленив свою жертву, эта страсть целиком и полностью развращает человека и, наконец, приводит его к неверию в Промысл Божий. Сребролюбец, по мысли святого Отца Церкви, бывает хуже хищного зверя, потому что зверь, насытившись, перестает нападать на свою жертву, а человек, одержимый сребролюбием, никогда не имеет успокоения и насыщения. Он больше ни о чем не думает, как только об умножении богатства, и ради этого не замедлит прибегнуть к злоречию, лжи, клевете, воровству и т. д. (3:281). Именно отсюда страсть эта называется корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), и сребролюбец, по справедливому замечанию святого Отца, является врагом Богу, людям и самому себе (2:196; срав. 3:224). Всякий порок бывает противен Богу и нарушает гармонию души человека, но ни один из них так не овладевает сердцем, как сребролюбие. Оно полностью пленяет человека, и хотя он остается внешне верующим, но в

действительности внутренним существом своим отступил от Бога и служит мамоне (2:193). В сердце, пораженном страстью сребролюбия, не может быть любви к Богу, потому что жажда обогащения изгоняет ее (2:22, 193). Находясь под властью этой страсти, человек незаметным образом отвращается от своего Спасителя, хотя и устами исповедует Его (3:147). Внутреннее же отречение от Бога непременно обнаружится как в словах сребролюбца, так и на деле; в определенный момент его жизни, когда пред ним будет поставлен вопрос: спасение или богатство, то безусловно такой человек изберет последнее (1:138). Отрекшись от Христа и погрузившись в бездну пороков, сребролюбец ради богатства поклоняется диаволу и, как послушное орудие, исполняет его злую волю (5:302). Находясь в таком душевном омрачении, сребролюбец не только не способен выполнять Христовы заповеди, но и нарушение их вменяет ни во что (там же). Своей жизнью он уподобляется яблоку, которое бывает на вид приятным, но внутри исполнено вредного зловония (2:195). От чрезмерной привязанности к богатству ум человека помрачается хуже, нежели от вина, и эта похоть удерживает его в своей власти, не давая ему возможности исправиться (4:116). Сребролюбец закрывает себе вход в Царствие Небесное, лишается блаженной жизни со святыми и ввергает свою душу в вечный огонь геенский (3:282; срав. 2:192).

Согласно учению Святителя, богатство само по себе не является злом, потому что оно есть дар Божий, служащий на пользу человеку. Спаситель не запрещает Своим последователям пользоваться благами земными, но все же Он на первое место поставляет блага небесные: "Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам" (Мф. 6, 33), т. е. христианин должен вначале приобрести добродетели, которые господствовали в его душе и покоряли себе все прочие стремления. Святость жизни и искание Царствия Небесного должны быть главным аспектом земной деятельности христианина. Следовательно, не обладание материальными благами является греховным, а полное порабощение человека ими, т. е. такое состояние, когда человек в материальных благах видит цель и смысл всей своей жизни. Вино, говорит Святитель, одному служит лекарством, если он употребляет его с воздержанием, а другому, невоздержанному, – ядом; или, например, огонь можно употребить и на доброе, и на злое, т. е. все зависит от внутреннего устроения человека (5:305). Исходя из этого Святитель считает, что даже тот, кто ничего не имеет, "но ненасытно желает" богатства, осуждается наравне с безумными сребролюбцами (2:191). Святой Отец советует богатым не высокомудрствовать и надеяться не на свое богатство, но на Бога, употреблять земные блага разумно – на дела добрые и богоугодные (5:307).

По учению святителя Тихона, освободиться от страсти сребролюбия можно только самоотречением, искоренением самолюбия и путем исполнения заповеди Христовой о любви к ближним. Отрезвляющим средством против пагубного сребролюбия может служить и апостольское наставление: "Ничтоже бо внесохом в мир сей: яве, яко ниже изнести что можем" (1 Тим. 6, 7) (2:197). Никто не может взять с собой что-нибудь в вечность; "гроб мал как нищего, так и богатого восприемлет и вмещает" (3:155). Постоянное памятование о смерти и Страшном суде поможет христианину развеять в душе греховную мглу, привнесенную

страстью сребролюбия (4:400), и довольствоваться тем, что Господь посылает для его пропитания и благополучия (5:303).

з) Лесть и лукавство

Опасной преградой на пути к небесным обителям являются также лесть и лукавство. Эти страсти, по мысли святителя Тихона, ведут свое происхождение от источника зла и коварства – диавола (1:142), который на подвластных ему людей не только имеет внешнее влияние, но и устрояет жилище в их сердцах. Лесть и лукавство, пленяя душу христианина, делают его двоедушным и лицемерным. Перед людьми лукавый человек ради выгод и гнусных целей старается показать себя добрым, отзывчивым и даже благодетелем, но в сердце своем носит страшное зло, чем уподобляется диаволу, часто принимающему для обольщения человека личину праведности или ангела света. Слова льстивого человека бывают подобными меду, но дела его по отношению к ближним суть яд, отравляющий не только тело, но и душу. Примером тому, по словам святителя Тихона служит Каин, который льстиво говорил Авелю одно, а на деле сделал другое. Мерзость лукавства особенно проявилась в алчном Иуде, предавшем льстивыми словами и лобзанием Спасителя мира на смерть (2:182). Лукавых людей Задонский Святитель, подобно Иоанну Златоусту, называет страшнее всякого зверя, потому что зверь не меняет своей натуры, но пребывает таким, какой он есть; коварный же льстец, внутри дышащий злостью и скрывающий это под видом дружелюбия, бывает опаснее врагов, носящих скрытно оружие (1:142). Лесть и лукавство бывают причиной многих несчастий и преступлений. Они вселяют недоверие и подозрение не только в кругу близких лиц, но приводят в недоумение и возмущение целые народы, лишают их мира и спокойствия. Льстивые и лукавые стараются часто передать не то, что соответствует истине; их цель – ложными обвинениями возбудить людей на гнев и злобу. Под действием лести и лукавства рушатся даже самые тесные дружеские узы, а вместо них укореняются вражда и ненависть (2:185—186). И если ужасным явлением в мире считается пьянство и холера, то льстивые и лукавые лица бывают более опасными и коварными в своей злой деятельности. Они часто во лжи и несправедливости употребляют даже клятвенные слова, произнося имя Божие всуе, чем самым оскорбляют величие Божие и навлекают на себя Его праведный гнев. Об этом пророк Давид говорит: "Погубиши вся глаголющия лжу, мужа кровей и льстива гнушается Господь" (Пс. 5, 7) (2:186). Для избавления от этой внутренней скверны наилучшим средством, по мысли Отца Церкви, является исполнение слов Псалмопевца: "Удержи язык твой от зла, и устне твои, еже не глаголати льсти" (Пс. 33, 14) (1:142).

и) Праздность

Немалые усилия требуются от христианина, подвизающегося в деле спасения, для того чтобы победить в себе праздность. Эта страсть появляется в человеке чаще всего на почве лености и беспечности. Укоренившись в сердце, она постоянно склоняет волю человека к греховной жизни, ко всякому злу, которое умерщвляет доброе начало, заложенное

в душе Творцом. И если трудолюбие облагораживает человека, ограждает душу от многих греховных преткновений и соблазнов, то праздная жизнь, наоборот, расслабляет его, делает неспособным к богоугодным делам, а также отрицательно сказывается на развитии умственных способностей (5:152). Вот почему Господь Бог для нравственного совершенствования первого человека дал ему заповедь упражняться в труде, охранять и возделывать рай. После грехопадения человека Творец также указал ему на труд как на спасительное средство в деле восстановления его падшей природы: "В поте лица твоего снеси хлеб твой" (Быт. 3, 19). Эта спасительная заповедь Божия, помогающая человеку шествовать к горнему Иерусалиму, остается в силе и доныне. Поэтому тот, кто проводит свою жизнь в праздности и лености, нарушает заповедь Божию, а значит, постоянно согрешает перед Богом (2:187). Праздный человек, подобно смертоносной язве или гниющему болоту, содержащему в себе множество гадов, постоянно носит в сердце всякую нечистоту (3:285), отравляющую не только свою душу, но и тех, кто с ним соприкасается. Праздность научает человека "воровать, похищать... лгать, льстить, обманывать" (2:187), "научает многой злобе" (Сир. 33, 28), так что "в похотях есть всяк праздный" (Сир. 13, 4) (3:285). По мысли Святителя, сердце человека никогда не может быть свободным от восприятий или чувств: либо добрых, ведущих в жизнь вечную, либо плохих, умерщвляющих душу. Живущие в праздности склоняются больше всего к последним и этим открывают двери сердец своих диаволу, который поселяется в них и заполняет их зловредными плевелами (1:228, 247; срав. 2:187). Вот почему "праздность и леность есть мать и источник всех зол" (1:99).

Праздность не только отрицательно влияет на душу человека, но и расстраивает его здоровье. Живущий в праздности подвержен всяким недугам и немощам. "Как вода растлевается, которая течения не имеет, так тело человеческое без движения и трудов портится и ослабевает. Ибо кровь, от которой вся целость телесная зависит, в неимущем движения от трудов загустевает и так помалу согнивает" (2:187).

Указывая не бедственное состояние одержимых названной страстью, Святитель призывает их опомниться и дорожить временем, не тратить его на беззаконные дела, не зарывать данные Богом таланты, но умножать их своей святой жизнью (2:188), т. е. пребывать в богоугодных делах, упражняться в чтении спасительных книг, молитве, богомыслии или в полезном рукоделии (1:228).

к) Пьянство

С праздностью тесно связана страсть пьянства, которая причиняет большой вред как телу, так и душе христианина, и которая укореняется в человеке под действием частого и излишнего употребления вина. Осуждая пьянство как таковое, Святитель в то же время подчеркивает, что греховно не само вино, но неумеренное его употребление (1:11; 2:190). "Вино бо, в меру приемлемо, полезно живому человеку" (Сир. 31, 31): оно "печального увеселяет и немощного подкрепляет" (2:189). Всякий злак, созданный Творцом, не говоря уже о вине, при злоупотреблении им не только вредит человеку, но и умерщвляет его. Под действием частого и лишнего употребления вина в человеке вырабатывается порочная привычка, со временем переходящая в злую страсть, и человек

становится неспособным справиться с собой. Пленив человека и овладев его волей, страсть пьянства насильно влечет его к всевозможным порокам. Хотя подпавший под власть этой страсти сознает свое бедственное состояние, сокрушается и терзается душой, но освободиться от этого тирана не находит в себе силы. И великого плача достоин человек, умирающий в таком состоянии (2:137). Иногда увлеченный страстью винопития не осознает своего пагубного положения, считая его вполне закономерным и естественным. Он не только не желает избавиться от этой болезни души, но, напротив, увлекается и одобряет ее (1:50).

И чем больше человек предается страсти, тем больше у него растет потребность к ее удовлетворению. Постепенно ослабевает в нем духовная жизнь, наступает состояние духовного порабощения, и человек решается тогда на всевозможные пороки и преступления: сквернословие, обман, лесть, ссоры, драки, кровопролития и даже убийства (1:9). Все более попадая по власть этой страсти, человек приближается к скотоподобному образу жизни (2:190). Винопитие составляет для него единственную цель и заботу всей его жизни, и тогда человек утрачивает в себе всякое религиозное чувство, становится холодным ко всему чистому и святому (1:137). Основываясь на мысли святого Иоанна Златоуста, святитель Тихон говорит, что, идя по такому порочному пути, христианин делается ревностным исполнителем злой и богопротивной воли врага и губителя душ человеческих — диавола и этим доставляет ему великую радость (1:9—10). Вследствие разоренности души и водворения в ней злого духа человек уже бывает бессилен обуздать в себе внутренние страсти, которые при всяком удобном случае повергают свою жертву в "самоизвольное беснование", достойное смеха и презрения (2:190—191). Такой человек не может принести пользы ни семье, ни обществу (2:190). Под действием зловредной страсти винопития порываются семейные узы, утрачивается любовь к родным и окружающим людям. Пьяница бывает уже неспособен делать добро и становится всем в тягость (2:51). К тому же пьянство разрушительным образом действует на тело человека, расслабляя его, подвергая частым и нередко тяжелым, мучительным болезням, которые преждевременно разрушают тело и приводят к смерти (1:51). Вот почему Святитель Христов словами святого Иоанна Златоуста говорит, что пьянство есть мать всех зол, и приводит слова апостола Павла, что "пияницы Царствия Божия не наследят" (1 Кор. 6, 10) (1:137; 2:190).

Указывая средства к искоренению пьянства как страсти, Задонский Подвижник, прежде всего, обращает внимание на необходимость воспитания человека в трезвенности, начиная с юного возраста, и в связи с этим возлагает большую ответственность на родителей, говоря, что они должны предостерегать детей от употребления спиртных напитков, так как навыки, приобретаемые ими в эти детские годы, остаются в их сердцах на всю жизнь. Немаловажным средством, ограждающим от пьянства, служит также удаление от порочных сообществ и от всех пиршеств (1:137—138). Пленившимся этой страстью Святитель советует бороться против нее покаянием и слезным молитвенным призыванием Божественной помощи, а также путем рассуждения о ее пагубности, памятования о внезапной смерти, о суде Христовом и вечной участи, ожидающей грешников (2:191).

л) Блуд

Если для искоренения пьянства человеку требуется столько усилий и слезных молитв, то еще больший подвиг необходим ему, чтобы избавиться от страсти блуда. Эта страсть приносит очень много зла и горя как в семейной жизни, так и в общественной. Внешним поводом к возникновению страсти блуда служит "похотливое воззрение, негодные шутки, осязания, страстные слова" (4:324), через которые, как через окна, грех свободно входит в душу. "Князь мира сего" –диавол, действуя через плоть, путем обольщения и возбуждения производит в человеке непреодолимое желание удовлетворить низменные страсти. Поддавшись этому искушению, человек попадает в расставленные диаволом сети и, таким образом, становится исполнителем его злостных хотений (4:114). После того как диавол пленит свою жертву и возбудит в ней страстные желания плоти, состояние человека становится мучительным, подобным лютой горячке. В сердце и во всех членах его тела происходит не только сильное жжение, но движение и намерение исполнить все на деле (4:141). И когда человек предается гнусному пороку, высшие силы его души подавляются, дверь к молитве закрывается и душа, словно ядом, отравляется и умирает. Такой человек уже перестает бояться Бога, утрачивает веру в Него и добровольно идет в ров погибели (4:100; 3:104) (3:139; 4:165). Ради удовлетворения своей страсти блудник полностью отрекается от Христа и переходит на сторону диавола (5:198). Во всех своих видах и проявлениях блудная страсть приносит существенный вред человеку не только тем, что расстраивает здоровье, омрачает душу, терзает совесть (4:328), но и тем, что она полностью лишает его вечного спасения (4:379).

Поскольку грех есть путь к смерти, то противоположный ему путь к жизни состоит в стяжании чистоты как телесной, так и душевной. И первым, самым важным условием обретения этой чистоты должно быть господство духа над плотью, состояние, при котором человек отвращает свой взор от всего соблазнительного и пагубного, тщательно охраняет свои чувства и приучает их служить только целомудрию (2:135). Для искоренения и угашения плотской нечистоты, действующей в человеке, Святитель советует также пребывать в труде, "часто молиться, мало есть и пить и мало спать" (1:223).

м) Уныние (печаль)

Обычно после совершения всякого греха у человека появляется томление духа. Это внутреннее гнетущее состояние бывает подчас настолько мучительным, что даже превышает возможность человеческих сил противостоять ему. И нередко оно приводит человека к печали, унынию и даже к отчаянию. Овладев человеком, печаль и уныние способны полностью расстроить силы его души, отвлечь его от богоугодных занятий и вообще уничтожить все духовные плоды и тем самым привести свою жертву к смерти душевной (2 Кор. 7, 10). Особенно яростное и лютое свое действие эти страсти обрушивают на подвижников, чтобы устрашить их трудностью подвига и посеять в сердцах нерадение о спасении (1:3, 247). Нередко печаль и уныние могут появиться в человеке неожиданно по внушению врага нашего спасения – диавола (1:105). Если он заметит в душе ревностного христианина хотя бы малую склонность к

печали, то тут же воспользуется этим и постарается привести его душу в духовное потрясение, возбудив в ней жестокое уныние, которое полностью овладевает сердцем и делает его совершенно неспособным к духовным упражнениям, и особенно к молитве (4:40). Преданный пороку уныния настолько ослабевает духовно, что становится бессильным шествовать по верному, спасительному пути. Спасение кажется ему трудным и непостижимым, даже слова Священного Писания не оказывают на него воздействия, так как сердце его в это время бывает подобно закрытому сосуду. А между тем Христос со Своею благодатной силой и помощью постоянно пребывает у дверей человеческого сердца и ждет, пока человек добрым своим соизволением откроет Ему эти двери (Апок. 3, 20). Поэтому хотящему принять слово Божие следует открыть свое сердце и так возжелать глаголов жизни вечной, как жаждет дождя иссохшая земля. Только в таком случае христианин сможет напитать свое сердце и удалить из него все страсти (2:56).

Святитель не только указывает на губительность печали и уныния, но и дает совет, как можно противостоять им и какими средствами преодолевать их. Прежде всего, христианин должен постоянно принуждать себя к духовному подвигу, и особенно к молитве. Хотя это бывает и весьма трудно, но Богу, споспешествующему во спасении, все возможно. Немалую роль в этой борьбе играет размышление о смерти, о Страшном суде Христовом, о вечных мучениях грешников и блаженной жизни праведников, очистивших свои сердца от греховной скверны и водворившихся в горнем Иерусалиме для вечного упокоения и радости в Боге (1:247; срав. 5:371). И наконец, весьма спасительно действуют и отрезвляют душу, впавшую в уныние, слова Псалмопевца: "Потерпи Господа, мужайся и да крепится сердце твое, и потерпи Господа" (Пс. 26, 14) (4:13).

Итак, чтобы искоренить страсти и худые наклонности из своего сердца и вместо них насадить добрые навыки, христианину необходимо сосредоточить все свои силы в подвиге духовной борьбы и непрестанно прибегать к Божественной благодатной помощи. Поскольку христианин предназначен жить в Боге и для Бога, а смысл его жизни заключается в самосовершенствовании, то, следовательно, его насущной задачей должна быть постоянная бдительность по отношению к своему внутреннему миру, дабы легче распознавать все диавольские ухищрения, направленные на погубление его души, и с помощью Божией вовремя отражать их. Непременным спутником его и помощником на этом многотрудном духовном поприще служит искреннее покаяние, главной целью которого является то, "чтобы человек от грехов и от суеты мира сего отвратился, и к Богу всем сердцем обратился, внутрь бы изменился, и иным бы, как прежде был, сделался... и ни с чем бы так не тщался, как только Богу угодить, и тако спастися" (5:161). Из этих слов Святителя становится понятным, что только внутреннее обновление сможет удержать христианина на соответствующей ступени богоугодной жизни, что будет способствовать водворению в его душе самопознания и молитвы. Подобным образом жизни он сможет склонить праведный гнев Божий на милость и тем самым получить благодать Святого Духа, помогающую ему и укрепляющую его духовные силы в борьбе со страстями (2:114). Только в таком случае христианин будет способен к исполнению воли Божией и теснейшему единению со своим Творцом, а это, в свою очередь, приведет его к вечной блаженной жизни в обителях Отца Небесного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заканчивая изложение подвижнической жизни и богомудрых наставлений святителя Тихона, необходимо отметить то великое значение, которое он приобрел не только в нашей Русской Православной Церкви, но и во всем христианском мире.

Имя Задонского Подвижника принадлежит к числу тех славных, достопамятных и дорогих для каждого православного христианина имен, которые повторяются с большой любовью и благоговением в Церкви Христовой. В образе этого Святителя светлыми чертами запечатлевается глубоко проницательный и ясный ум, непреклонная воля и любвеобильное сердце. Это был Святитель, который заботился о спасении не только своей души, но и своих ближних. Его душа была озарена Божественной благодатью, обильно изливавшейся на души всех, кто притекал к его духовному окормлению. Он посвятил себя служению, обучению и руководству своей паствы. Вся его жизнь – это сплошной подвиг во имя спасения, подвиг стяжания в душе Царствия Божия. Святитель Тихон видел путь ко спасению не в догматических размышлениях или в использовании каких-либо приемов созерцания, не в обрядности или необычных подвигах аскетизма, но в богомыслии, молитве, любви, милосердии, в Евангелии. Этим путем он благоуспешно шел сам и других вел за собой. Являясь великим проповедником и живым носителем Царства Христова, святитель Тихон звал к свету и обновлению духовному всех, кто желал идти по стопам Спасителя. Он также старался усвоить и осуществить в своей жизни высочайшие духовно-нравственные образцы, представленные Священным Писанием, святоотеческими и подвижническими творениями, и, воспитав своего внутреннего человека на этих образцах, предлагал их затем в назидание всем ищущим спасения. Полный глубокого смирения, он вместе с тем был исполнен и премногой самоотверженной любви к ближним.

Под животворными лучами этой любви смирялось горделивое сердце, холодные и окаменелые согревались благодатными слезами, колеблющиеся утверждались в истине. Поистине любовь его охватывала все слои общества, все возрасты и характеры. Она ценила человека, спасенного во Христе. Руководимый любовью, Святитель порой мысленно обнимал весь мир, лобызая всех людей и говоря: "Не тию раскольнических сект придержащимся, как простым и заблудшим от Христовой ограды овечкам, но и самим туркам и прочим неверующим во Христа Сына Божия Спасителя нашего, и самим хульникам Божия имени желал бы я, чтобы спасены они были, и в вечном блаженстве все бы находились"[1].

Оказывая духовно-материальную помощь ближним, способствуя сохранению чистоты их нравственной жизни, Святитель в то же время много внимания уделял и сохранению чистоты их веры. В своем отношении к раскольникам он подчеркивал истинность и непоколебимость православного учения.

---

[1] Записки И. Ефимова, стр. 22.

Святитель неоднократно выступал с церковного амвона против безнравственных поступков как подведомственного ему духовенства, так и всей паствы в целом. И его наставления всегда имели большой успех.

Так, своими поучениями и подвижнической жизнью он оказывал большое влияние на пастырей Церкви, призывая их строго блюсти стадо Христово. Пастырь, говорил Святитель, — это факел, горящий в ночи и освещающий дорогу; это ангел, возвещающий волю Отца Небесного. Он обязан не только указывать путь своему стаду, но и с любовью охранять его. Пастырь должен идти впереди стада и вести его в обители небесные, а не уподобляться столбу на перекрестке.

Святитель весьма плодотворно воздействовал на весь быт и строй жизни людей того времени. Так, например, празднование масленицы, а также совершение обрядов в честь языческого бога Ярилы, по его увещанию, окончательно прекратились в Воронежской епархии[2].

В период коренной ломки всех жизненных устоев, разнообразных реформ не только гражданской, но и церковной жизни святитель Тихон явился как великий маяк, стоящий на высоком месте и показывающий путь к истинному Источнику живой воды — Господу Иисусу Христу. По выражению одного из церковных песнопений, он был подобен светильнику, "во тьме века сего возсиявшему" (стихира на "Господи, воззвах") и осветившему среди этой беспорядочной массы народившихся новых жизненных условий и задач единую непреходящую цель — спасение во Христе. Среди всеобщего шатания нравов и поверхностных увлечений еще юной, незрелой русской мысли того времени он явился непоколебимым и строгим защитником Божественной истины. Можно с уверенностью сказать, что в это сложное для России время все устои как государственной, так и церковной жизни могли бы окончательно разрушиться, если бы не было на страже Божественной истины подвижников духа, одним из которых и является Задонский Святитель.

Церковно-общественная деятельность святителя Тихона Задонского была сравнительно недолгой, однако он в короткий срок смог сделать многое как в области духовного просвещения и церковного благоустройства, так и в возвышении нравственного уровня народных масс. Его ревностное служение было особенно направлено к духовному возрождению пастырей и пасомых, и эта его деятельность не прекращалась даже и тогда, когда он ушел на покой в монастырь. Своей подвижнической жизнью он показал высочайший пример самоотверженной любви к ближним. Как истинный подвижник и учитель, он возвышался в сознании народа подобно вселенским святителям. Вот почему память Святителя с такой большой любовью почитают православные христиане.

Интересно отметить, что даже светские писатели обращались к эпистолярному наследию и авторитету этого иерарха Российского. Так, Н. В. Гоголь (1809—1852) был первым, кто в поисках Бога и спасения души проявил личный интерес к святому Тихону. Он обратился с просьбой к своим друзьям прислать ему сочинения Святителя. Впоследствии писатель советовал А. П. Толстому (будущему обер-прокурору) прочитать эти творения[3].

---

[2] Прот. В. Михайловский. Цит. соч., стр. 30—31.

[3] Н. В. Гоголь. Письма, т. III. СПб., 1902, стр. 32, 36, 40.

"Этот прекраснейший образец человечности, – пишет о Святителе Глеб Успенский (1840—1902), – (по страстности и вниманию к положению ближнего, по негодованию на условия его темноты и, главное, по пониманию христианства) не мог довольствоваться важным саном архиерея и правом поучать стадо словесное – он добровольно отказался от архиерейской кафедры и удалился в монастырь, где ему представлялась возможность вмешаться со своей деятельной любовью в народную среду, ...стараясь (преобразить) эгоистическое сердце человека в сердце всескорбящее и ...оживить им разум"[4].

Не менее возвышенные слова о Святителе и его нравственном влиянии на людей высказывает в своих сочинениях Ф. М. Достоевский (1821—1881). Он пишет: "Хочу выставить во второй повести ("Братьев Карамазовых". – *А. И.*) главной фигурой Тихона Задонского, конечно, под другим именем.., авось выведу величавую, положительную, святую фигуру... Я ничего не создам (нового), а только выставлю действительного Тихона, которого я принял в свое сердце давно с восторгом"[5]. Личность святителя Тихона ассоциируется у Ф. М. Достоевского с самыми лучшими стремлениями русских людей. "Судите наш народ не по тому, что он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений. Они срослись с душой его искони и наградили ее навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом. Я не буду вспоминать про его исторические идеалы, про его Сергиев и Феодосиев Печерских и даже про Тихона Задонского. А кстати, многие ли знают про Тихона Задонского? Зачем это так совсем не знать и совсем дать себе слово не читать? Некогда, что ли? Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи"[6].

Таким образом, перед святителем Тихоном за его богоугодную жизнь, за ревностное служению Богу и людям склоняли свои сердца не только простые люди, но и ученые мужи того времени. Великая заслуга святителя Тихона заключается и в том, что он оставил нам неоскудеваемый кладезь живой воды, текущей в жизнь вечную, – свои творения. Они являются прекрасным руководством всем идущим по пути ко спасению. Св. Синод еще в начале прошлого столетия, т. е. задолго до канонического прославления святителя Тихона, признал его творения весьма полезными и спасительными и предназначил их к постоянному чтению в храме и тем самым засвидетельствовал об их высокой значимости и духовной назидательности[7]. Те пастыри, которые основывали свои поучения на его творениях, привлекали множество слушателей, благотворно действовали на их сердца и возбуждали к ревностной христианской жизни. Творения Святителя раскрывают полную и ясную картину внутренней, духовной жизни человека, указывают ему высокую цель – достижение Царства Небесного. Глубокие по своему содержанию, согре-

---

[4] Г. Успенский. Сочинения, т. II. СПб., 1897, стр. 649—650.

[5] Ф. М. Достоевский. Письма, т. II. М.–Л., 1930, стр. 264. Срав.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. II. М., 1964, стр. 74.

[6] Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений, т. X. Дневник писателя за 1876 г. СПб., 1905, стр. 49.

[7] Архим. Евлогий. О святителе Тихоне Задонском и его творениях. М., 1898, стр. 18.

тые чувством религиозного воодушевления и пастырской любви, они являются ярким отображением святой жизни Задонского Чудотворца. Эти творения и по кончине Святителя продолжают то же великое дело — спасение людей. "О, коль много, — говорит его келейник В. Чеботарев, — струя сия напояла в маловременной сей жизни; я знал некоторых, которые от чтения его книг презрели суету мира сего, взяли крест свой и потекли за Христом"[8].

Митрополит Московский Филарет, говоря о творениях святителя Тихона, сравнивает их с рекой, которая несет в себе множество золотого песка[9]. Они сделались любимым предметом чтения для благочестивого русского народа. Известность их простирается даже за пределы России. Еще в середине прошлого столетия некоторые из творений Святителя Тихона были переведены на венгерский, сербский, английский и другие языки[10].

Творения Задонского Святителя — поистине богатая духовная сокровищница. В них почти каждая строка сияет красотой христианского смирения и Божественной любви. Им присуща простота, ясность, общедоступность языка, что ставит святителя Тихона в ряды лучших русских писателей. На его творениях воспитывались не только простые люди, но и лучшие иерархи Русской Церкви. Так, например, Преосвященный епископ Феофан (Говоров) не только сам устроял свою жизнь согласно творениям святителя Тихона, но и других побуждал к этому[11]. В них, по мысли епископа Феофана, имеется такое обилие духовной мудрости, что ее вполне достаточно для получения жизни вечной[12].

На этих творениях духовно воспитывался в прошлом столетии также затворник Задонского монастыря Георгий Алексеевич Машурин. Характеризуя творения Задонского Святителя, он писал: "От прочитывания оных гордые смирились, развратно живущие уцеломудрились... не имевшие правого разума о Боге... вразумились и пришли в познание... истины... В его сочинениях нет неподобающего слова. Он с богословами видится истинный богослов; с философами... глубокий философ... и прекрасноречивый ритор, ...с простыми... и неучеными самый препростый... Его книги можно так назвать: откровение духовного сокровища истинной христианской веры и дел, надежды и утверждения, любви и преданности всего себя Богу"[13].

Ценность творений святителя Тихона не умалилась и в настоящее время. Они, как и прежде, сияют немеркнущим светом к вразумлению, назиданию и увещанию всех, стремящихся к блаженной вечности. Никогда не оскудеет в народном сознании память об этом великом молитвеннике и светильнике земли Русской. Поистине приложимы к нему слова богомудрого ветхозаветного мужа: "Восхвалят разум его мнози, и до века не погибнет: не отидет память его, и имя его поживет в роды родов: премудрость его поведят языцы, и хвалу его исповесть Церковь" (Сир. 39, 11—13).

---

[8] Записки В. Чеботарева, стр. 10.

[9] Полное собрание отзывов и мнений митроп. Филарета, т. III. М., 1877, стр. 100, 210—211, и Письма к высочайшим особам. М., 1877, стр. 18.

[10] Архим. Евлогий. Цит. соч., стр. 7.

[11] Еп. Феофан. Собрание писем. Вып. I. М., 1896, стр. 220.

[12] Еп. Феофан. Собрание писем. Вып. III. М., 1896, стр. 21.

[13] П. В. Никольский. Цит. соч., стр. 54—55.

Святитель Тихон, епископ Воронежский

ОТДЕЛ 1

Творения Святителя Тихона

1. ИЗДАНИЯ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ СВ. ТИХОНА

1. Сочинения преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, в 15 томах, изд. 1. СПб., 1825-26, изд. 2. М., 1836-37; изд. 3. М., 1860.

2. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, в 5 томах, изд. 4. М.,1875, изд. 5. М., 1889; изд. 6. М., 1898-99.

3. Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского, в 14 книгах или 4 томах, приложение к "Русскому паломнику", изд. 7. СПб., 1907-1908.

2. ОТДЕЛЬНО ИЗДАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВ. ТИХОНА[1]

4. Наставление христианское. Прибавление о взаимных должностях христианских. СПб., 1784; изд. 2. М., 1833.

5. Разные проповеди, сочиненные и говоренные в Воронежской епархии. СПб., 1784; изд. 2. СПб., 1794.

6. Краткие нравоучительные слова. СПб., 1784; изд. 2. СПб., 1794; СПб., 1856.

7. Разные письма, к некоторым приятелям посланные, сочиненные во время пребывания в Задонском монастыре. СПб., 1784.

8. Письма келейные. СПб., 1784; изд. 2. СПб., 1796.

9. Сокровище духовное, от мира собираемое, в 4-х частях. СПб., 1784; изд. 2. СПб., 1796; изд. 3. М., 1831; изд. 4, 1861; изд. 5, 1882.

10. Скрижаль нравоучения, заключающегося в Древнем и Новом Завете и в преданиях великого вселенского учителя святого Златоуста, с приложением о каждом предмете рассуждений. СПб., 1784.

11. Об истинном христианстве, в 6 частях. СПб., 1785; изд. 2, 1803; изд. 3. СПб., 1826.

12. Наставление о собственных всякого христианина должностях, изд. 1. СПб., 1789 (с 1789 по 1882 год вышло 51 издание).

13. Наставление христианское. Краткие нравоучительные слова. Разные проповеди. СПб., 1794.

14. Три книги сочинения преосвященного Тихона I, епископа Воронежского и Елецкого. СПб., 1794.

15. Плоть и дух, или собрание некиих нравоучений из Святого Писания Нового Завета и Псалмов и толкователя Святого Писания Златоустаго, Великого вселенныя Учителя, с приложением рассуждений, в пользу духовную сочиненные. СПб., 1796.

---

[1] В данном подразделе произведения св. Тихона расположены в хронологическом порядке их издания.

16. Остальные сочинения преосвященного Тихона. Для удовольствия и душевной пользы благочестивых читателей, а особливо для любителей памяти сего преосвященного собранные и изданные Воронежской семинарии префектом, Павловским протоиереем Евфимием Болховитиновым. СПб., 1799.

17. О милости к ближнему. СПб., 1817.

18. О любви к врагам. СПб., 1817.

19. Беседы о молитве. СПб., 1821.

20. Изъяснение о узком пути. СПб., 1821.

21. О любви к ближнему. СПб., 1821.

22. Познание о любви Божией. СПб., 1821.

23. Упование о надежде. СПб., 1821.

24. Чувствование о благодарении Богу. СПб., 1821.

25. Разные размышления и переводы с еллино-греческого языка. СПб., 1837.

26. Христос грешную душу к Себе призывает, и воздыхание грешныя души ко Христу, Сыну Божию, изд. 2. СПб., 1839.

27. Христос грешную душу к Себе призывает, изд. Киево-Печерской Лавры. Киев, 1839.

28. Пост, изд. 2. СПб., 1839.

29. Против пьянства. СПб., 1839; Киев, 1896.

30. О сердце и языке человеческом, изд. 2. СПб., 1839.

31. Христианское увещание, почерпнутое из главы о духовной мудрости, изд. 2. СПб., 1839.

32. Слово о спасительном Божием смотрении и образе спасения нашего. М., 1850; СПб., 1881.

33. Что есть вера во Христа Спасителя мира и какие свойства и принадлежности ее? М., 1852.

34. Покаяние. СПб., 1856.

35. О конце добрых дел. СПб., 1857; 1866; 1868.

36. Христианские нравоучения. СПб., 1857.

37. Нравственно-духовное наставление. СПб., 1859.

38. Молитвы к Христу, Сыну Божию, взятые из святого Евангелия. СПб., 1859.

39. О вере во Христа. СПб., 1859.

40. Исповедание и благодарение Христу, Сыну Божию, Спасителю мира. СПб., 1865.

41. Слово о сырной седмице. СПб., 1881.

42. Слово о хищении. СПб., 1881.

43. О том, как христианин должен вожделениям и похотям противиться. СПб., 1881.

44. Помилуй мя, Боже, помилуй мя. СПб., 1881.

45. О слове Божием. СПб., 1882.

46. Случай и духовное от того рассуждение. СПб., 1882.

47. О грехах некиих особенно. СПб., 1882.

48. Свойства христианской веры. СПб., 1883.

49. Спасительная сила страданий Христовых. М., 1889.

50. Краткое наставление, как подобает себя в христианской должности содержать. СПб., 1891.

51. Избранные места из творений Святителя Тихона, епископа Воронежского. М., 1892.

52. Пост телесный, пост духовный и Христос грешную душу к Себе призывает. М.,1892.

53. Нравоучительные уроки из апостольского чтения в 20-ю неделю по 50-це (Гал. 1, 11—19). М., 1894.

54. Нравоучительные уроки из апостольского чтения в день Преображения Господня (2 Петр. 1, 10—19). М., 1894.

55. Нравоучительные уроки из апостольского чтения в 31-ю неделю по 50-це (1 Тим. 1, 15—17). М., 1895.

56. Нравоучительные уроки из апостольского чтения в 32-ю неделю по 50-це (1 Тим. 4, 9—15). М., 1895.

57. Нравоучительные уроки в неделю Мытаря и Фарисея (1 Тим. 3, 10—15). М., 1895.

58. Нравоучительные уроки из Евангелия в день Рождества Христова (Мф.2, 1—12). М., 1896; 1903.

59. О духовной мудрости. Учение, изложенное для простого народа. СПб., 1896.

60. Нравоучительные уроки из Евангелия в день Воздвижения Креста Господня. М., 1901.

61. Нравоучительные уроки из Евангелия в день Нового Года. М., 1904.

62. Краткое христианское нравоучение. Киев, 1910.

63. Наставление о христианской жизни. М., 1910.

64. Наставление св. Тихона Задонского к пастырям (к 50-летию со дня прославления св. Тихона Задонского). Воронеж, 1910.

65. Завтра прииду. Саратов 1911.

66. Наставления св. Тихона Задонского. Об обязанностях детей к своим родителям. Воронеж, 1911.

67. Наставления св. Тихона Задонского. О пьянстве. Воронеж, 1911.

68. Наставления св. Тихона Задонского. Об истинном желании боголюбивой души Бога. Воронеж, 1911.

69. Наставления св. Тихона Задонского. Не для чего человеку возноситься. Воронеж, 1911.

70. Наставления св. Тихона Задонского. Не укради. О божбе и сквернословии. Тропарь святителю Тихону. Воронеж, 1911.

71. Наставления св. Тихона Задонского. О лжи, лести и лукавстве. Воронеж, 1911.

72. Наставления св. Тихона. Последнее слово Святителя Тихона (из его духовного завещания). Воронеж, 1911.

73. Наставления св. Тихона. Христос грешную душу к Себе призывает, Воронеж, 1911.

74. Наставления св. Тихона. О Христианском воспитании детей. Об обязанности детей к своим родителям. Воронеж, 1911.

75. О том, как христианин может себя утешать в приключающихся скорбях. СПб., 1914.

3. ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ПИСЬМА, УКАЗЫ, РЕЗОЛЮЦИИ СВ. ТИХОНА, ПОМЕЩЕННЫЕ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

А. "Христианское чтение"

76. Письмо к строителю храма, Александру Ивановичу, ч. II, 1833.
77. Письмо к высокородному г-ну И. В-чу (по списку, присланному из Орла), ч. I, 1834.
78. Новооткрытое письмо Тихона, епископа Воронежского, ч. I, 1856.

Б. "Воронежские епархиальные ведомости"

79. Письмо к Воронежскому еп. Кириллу, № 19, 1866.
80. Инструкция святителя Тихона I-го об учреждении в городах Воронежской епархии словенских школ и о том, как учителям в них поступать, № 1, 1882.
81. Письмо, сообщенное С. Зверевым, № 24, 1887.
82. В. С. Инструкция святителя Тихона Новгородской духовной семинарии, № 13, 1890.

В. "Тульские епархиальные ведомости"

83. Наставление священнику о тайне святого покаяния, № 13—15, 1862.
84. Совет молодому священнику, № 16, 1862.
85. Краткое наставление священнику, № 17, 1862.

Г. "Воронежские губернские ведомости"

86. Письмо св. Тихона к прапорщику А. Ф. Замахаеву, № 33, 1856.
87. Новооткрытое письмо Тихона, еп. Воронежского, № 38, 1856.

Д. "Странник"

88. Благотворительность. Письмо преосвященного Тихона, еп. Воронежского, священнику Новгородской епархии Никите Андреевичу, кн. 1, 1860.
89. Краткое наставление, как подобает себе в христианской должности содержать, кн. 8, 1861.
90. Прошение святителя Тихона императрице Екатерине II об увольнении его от управления епархией, т. II, ч. 1, 1872.

Е. "Москвитянин"

91. Письмо, № 18, 1850.
92. Письмо св. Тихона, сообщенное И. М. Снегиревым, т. 1, 1851.

Ж. Другие журналы

93. Статьи из творений св. Тихона, не помещенные в печатном издании. — Воронежская старина", вып. 4, 1904.

94. Письмо к священнику Иоанну Борисову и наставление ему о поведении. — "Воскресное чтение", год 5-й.

95. Письмо. — "Духовная беседа", № 24, 1862.

96. Наставление св. Тихона, доселе неизданное. — "Душеполезное чтение", кн. 2. 1866.

97. Инструкция преосвященного Тихона, данная по поводу его указа об открытии словесных школ. — "Журнал для воспитания", № 9, 1858.

98. Собственноручное письмо святителя Тихона Задонского. — "Православный собеседник", ч. II, 1897.

99. Духовное завещание святителя Тихона. — "Тамбовские епархиальные ведомости", № 23, Тамбов, 1861.

100. Инструкция преосвященного Тихона, епископа Воронежского, учителям Лебедянской словенской школы, "како им в должности звания своего поступать". — "Тамбовские губернские ведомости", № 29, 1856.

101. Инструкция святителя Тихона Задонского Новгородской духовной семинарии. — "Церковные ведомости", № 17, 1890.

102. Резолюция св. Тихона Задонского (из архива Харьковской духовной консистории). — "Церковный вестник", № 30, 1891.

4. ПРОИЗВЕДЕНИЯ СВ. ТИХОНА, ИЗДАННЫЕ БЕЗ УКАЗАНИЯ ГОДА ИЛИ МЕСТА ИЗДАНИЯ

103. Внимай себе. СПб.

104. Избранные места из творений. М.

105. Изъяснение молитвы Господней.

106. Канон покаянный.

107. Краткое наставление, как подобает себя в христианской должности содержать.

108. Наставление всей пастве. Киев.

109. Наставление о собственных всякого христианина должностях. М.

110. Наставления, писанные для монахшествующих. Киев.

111. О вере.

112. О грехах некиих особенно.

113. О конце добрых дел.

114. О почитании страстей Христовых.

115. О пьянстве.

116. О том, как христианин должен вожделениям и похотям плотским противиться.

117. О том, как христианин может себя утешать в приключающихся скорбях.

118. Полезные наставления о страхе Божием.

119. Помилуй мя, Боже, помилуй мя.

120. Против пьянства и других худых привычек.

121. Размышление о презрении и отрицании мира.

122. Слово о хищении.

123. Слово о сырной седмице.

124. Десница. Хищник. Долг.

125. Кто что любит, того и ищет. Кого ж мне любить, как не Его.

126. Мир. Отец и дети. Господин и раб. Преступный подданный.

127. Осужденник и казнь его смертная. Царь, ожидаемый от граждан, пришествие Его во град и Его от граждан приятие. Подлый человек, высокому лицу усыновленный.

128. Пленники и освободитель их. Преступники осужденные и радостная им весть. Бедствующие люди, и Царь, их посетивший и им сострадущий.

129. Познание беды или неблагополучия убеждает искать избавления.

130. Познанное добро ищется. Познанного зла всяк уклоняется.

131. Царь, входящий во град или дом. Царь подданного Своего к Себе указом зовет. Царь и подданный Его, от Него просящий милости.

132. Человек, впадший в разбойники и от них уязвленный. Человек в ранах. Госпиталь или лазарет. Пластырь живительный.

133. Христос грешную душу к Себе призывает.

5. СОЧИНЕНИЯ СВ. ТИХОНА, ИЗДАННЫЕ В ИЗЛОЖЕНИИ ИЛИ С ПРИМЕЧАНИЯМИ ДРУГИХ АВТОРОВ

134. Иером. Авель. Общежительная Саровская пустынь. М., 1853 (здесь помещены три письма св. Тихона).

135. Бажанов В.Б., прот. Сокровище духовное, от мира собираемое. СПб, 1862; изд. 2. СПб., 1889; изд. 5. СПб., 1904.

136. Б-в. М. О христианском воспитании детей (по учению святителя Тихона), "Воронежские епархиальные ведомости", № 7, 1893.

137. Бородин Н.М. Семь смертных грехов с присоединением статей о грехе вообще и о наказаниях за грехи. Собрано из творений святых отцов: Тихона Воронежского, Димитрия Ростовского и других. М., 1893.

138. Грехи и безумие пьянства. Сборник поучений против пьянства. Из творений св. Тихона Задонского, св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого, св. Ефрема Сирина и иных. М.,1903.

139. Дубасов И.И. Очерки из истории Тамбовского края, вып. 5. М., 1889 (здесь помещена инструкция св. Тихона об учреждении в городах Воронежской епархии словенских школ и о том, как учителям в них поступать).

140. Изложение христианского учения Православной Кафолической Церкви в письмах, извлеченных из творений св. отцов и учителей Церкви, преимущественно св. Тихона Задонского. СПб., 1869.

141. Иустин еп. Молитвенные воздыхания и размышления св. Димитрия Ростовского и Тихона Задонского. СПб., 1889.

142. Иустин еп. О молитве или призывании Бога. Учение святителя св. Тихона Задонского. М., 1908.

143. Малышевский И. Неизданное письмо святителя Тихона Задонского и заметки по поводу этого письма. — "Труды КДА", т. 3. Киев, 1893.

144. Наставления св. Тихона Задонского пастырям. — "Воронежская старина", вып. IX, Воронеж, 1910.

145. Не бойся, Я с тобою (из творений св. Тихона Задонского). — "Воронежские епархиальные ведомости", № 15, 1894.

146. Невидимая брань христианина (из творений св. Тихона Задонского). Курск, 1903.

147. Невский А. Избранные места из творений св. Тихона Задонского, вып. IX. СПб., 1863 и 1880.

148. Невский А. Избранные места из творений св. Тихона, еп. Воронежского, с изменением и объяснением некоторых выражений. Духовно-нравственные чтения для народа. Петроград, 1914.

149. Об истинном покаянии в грехах, с присовокуплением статей Тихона, еп. Воронежского. М., 1854.

150. Попов А. О духовной мудрости. Учение св. Тихона Задонского, изложенное для простого народа. СПб., 1896.

151. Пост и покаяние, сборник 2-й. СПб., 1901 (один из разделов сборника: Пост по учению св. Тихона Задонского).

152. Радонежский А. Церковно-славянская азбука. СПб., 1885 (здесь помещены отрывки из творений св. Тихона на славянском языке и в русском переводе).

153. Резолюция св. Тихона Задонского (из архива Харьковской духовной консистории). — "Церковный вестник", № 30, 1891.

154. Руднев М.Н. Резолюции и распоряжения святителя Тихона, еп. Воронежского и Елецкого, по архивным документам Тульской духовной консистории. Тула, 1898.

155. Самецкий И. О грехах некиих особенно (по учению святителя Тихона Задонского). — "Воронежские епархиальные ведомости", № 2, 7, 10, 11, 1894.

156. Самецкий И. О добродетелях христианских (по учению святителя Тихона Задонского). — "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 19, 20, 1894.

157. Угодник Божий святитель Тихон Задонский как наставник и руководитель в делах вспомоществования бедным. СПб., 1876.

158. Учение о истинах православной Христовой веры и Церкви, изложенное в азбучном порядке и катехизической форме, с присоединением немногих статей из писаний святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1864.

159. Христианское зеркало (из творений св. Тихона Задонского). М., 1898.

ОТДЕЛ II

ЛИТЕРАТУРА О СВЯТИТЕЛЕ ТИХОНЕ ЗАДОНСКОМ

1. ОТДЕЛЬНО ИЗДАННЫЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

160. Великий и преславный Чудотворец. Воронеж, 1911.

161. Воскресенский, свящ. Тихон Святой, Епископ Воронежский и Задонский. М., 1907.

162. Гиппиус А. Святой Тихон Задонский, епископ Воронежский и всея России чудотворец. Париж, год не указан.

163. Еп. Евгений (Болховитинов). Полное описание жизни Преосвященного Тихона, бывшего прежде епископа Кекгольмского и Ладожского и викария Новгородского, а потом епископа Воронежского и Елецкого, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новгородской и Воронежской иерархий. СПб., 1796; изд. 2. М., 1820; изд. 3. М., 1827; изд. 4. СПб., 1832; изд. 5. СПб., 1833; изд. 6. СПб., 1834; изд. 7. М., 1837; изд. 8. СПб., 1843.

164. Ермилов Е. Угодник Божий Святитель Тихон Задонский. М., 1892; изд. 2. М., 1899.

165. Ефремов Л., прот. Жизнь Святителя и Чудотворца Тихона, епископа Воронежского и Задонского, и уроки для нас из жизни его. М., 1863; изд. 3, Воронеж, 1874.

166. Жизнеописание Тихона Задонского, в приложении к I тому Собрания сочинений. СПб., 1825; изд. 2. М., 1836; изд. 3. М., 1860.

167. Жизнь Преосвященного Тихона, Епископа Воронежского и Елецкого. М., 1844.

168. Жизнь почившего в Задонске Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. СПб., 1861.

169. Жизнь новоявленного Угодника Божия Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, с присовокуплением избранных мест из его творений. М., 1861; изд. 2, дополненное. М., 1862.

170. Жизнь Святителя Христова Тихона Воронежского, новоявленного чудотворца. М., 1862.

171. Жизнь Святителя Христова Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, с присоединением описания открытия нетленных мощей сего великого Угодника Божия. М., 1863.

172. Жизнь и подвиги иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М., 1871.

173. Жизнь и подвиги иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М., 1882.

174. Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского (для народного чтения). СПб., 1861, 1862; изд. 2. Воронеж, 1865; изд. 3. СПб., 1869, 1873; изд. 4. СПб., 1874.

175. Житие святителя Тихона, епископа Воронежского, и некоторые из главных его наставлений. СПб., 1862.

176. Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, всея России Чудотворца. СПб., 1862; изд. 2. СПб., 1867; изд. 3. СПб., 1869; изд. 4. СПб., 1874.

177. Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского Чудотворца, в 2-х частях, изд. 2. СПб., 1862; изд. 3. СПб., 1863; изд. 4. СПб., 1865; изд. 5. СПб., 1867; изд. 6. СПб., 1870; изд. 7. СПб., 1874.

178. Житие святителя Тихона Задонского и всея России Чудотворца. СПб., 1866.

179. Житие Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. СПб., 1870.

180. Житие Святителя Тихона Задонского, изд. редакции народного журнала "Мирской вестник". СПб., 1873.

181. Житие новоявленного угодника Божия Святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М., 1874; изд. 2. М., 1897; изд. 3. М., 1901.

182. Житие св. Тихона, епископа Воронежского, изд. книжного магазина "Народная польза". СПб., 1885.

183. Житие св. Тихона Задонского и преподобного Трифона. М., 1886; изд. 2. М., 1894; изд. 3. М., 1897; изд. 4. М.,1899; изд. 5. М.,1901; изд. 6. М., 1902; изд. 7. М.,1905; изд. 8. М.,1908; изд. 9. М.,1910.

184. Житие новоявленного угодника Божия Святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М.,1892.

185. Житие св. Тихона. М., 1893; изд. 2. М.,1894.

186. Житие иже во святых отец наших Митрофана и Тихона, чудотворцев Воронежских, изд. 5. М.,1894.

187. Житие Святителя Тихона Задонского. М., 1894.

188. Житие Святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. Одесса, 1895; изд. 2, Одесса, 1900.

189. Житие св. Тихона Задонского (на иконном изображении святителя), хромолитография Е. И. Фесенко. Одесса, 1902.

190. Житие св. Тихона Задонского (на иконном изображении св. Митрофана и Тихона). Одесса, 1905.

191. Житие св. Тихона и благодатные знамения, явленные им страждущему человечеству, изд. 5. М., 1915.

192. (Казанский П. С., проф.). Житие иже во святых отца нашего Тихона, еп. Воронежского, Задонского чудотворца. СПб., 1861; изд. 2. СПб., 1862; изд. 3. СПб., 1863; изд. 4. СПб., 1865; изд. 5. СПб., 1867; изд. 6. СПб., 1870; изд. 9. Одесса, 1902.

193. Ключарев А., свящ. Преосвященный Тихон I, епископ Воронежский и Елецкий. М., 1844.

194. Краткое описание жития иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского. М., 1892.

195. Лаврентьев С. Святитель Тихон Задонский, изд. "Читальни народной школы". СПб., 1889.

196. Лаврентьев С. Святитель Тихон Задонский, епископ Воронежский. М., 1896.

197. Лебедев А., прот. Святитель Тихон Задонский и всея России Чудотворец. СПб., 1865; изд. 2. СПб., 1890; изд. 3. СПб., 1896.

198. Матвеевский П., свящ. Жизнь почившего в Задонске Тихона, еп. Воронежского и Задонского. СПб., 1861.

199. Михаил, архим. св. Тихон Задонский. СПб., 1906.

200. Михайловский В., свящ. Святой Тихон, епископ Воронежский и Задонский. СПб., 1873; изд. 2. СПб., 1905.

201. Михайловский В., свящ. Святой Тихон, епископ Воронежский и Задонский. СПб., 1885; изд. 2. СПб., 1890; изд. 3. СПб., 1895; изд. 4. СПб., 1898; изд. 5. СПб., 1901; изд. 6. СПб., 1905.

202. Никольский П. В. Пастырь Церкви. М., 1896.

203. Никольский П. Св. Тихон Задонский, Воронеж, 1909.

204. Описание жизни и подвигов Тихона, епископа Воронежского и Елецкого. М., 1837.

205. Ключарев А. свящ. Преосвященный Тихон I, епископ Воронежский и Елецкий. М., 1844, стр.391.

206. Рассказ Святителя Тихона Задонского о самом себе (из "Записок" его келейника Василия Ивановича Чеботарева). Благословение обители преподобного Сергия, "Троицкий листок", № 205. М., 1884; изд. 4. М., 1887. Это же издание стало затем печататься с тем же титулом под названием: "Троицкая книжка". М., 1894; Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901.

207. Святитель Тихон, епископ Воронежской и Задонской и всея России чудотворец. М., 1912.

208. Святой Тихон, епископ Воронежский и Задонский. М., 1898.

209. Святой Тихон, епископ Воронежский и Задонский. СПб., 1904.

210. Сергиевский Н. Святитель Тихон, епископ Воронежский и Задонский и всея России Чудотворец. М., 1898; изд. 2.

211. Троицкий П., прот. Святитель Тихон Задонский. Киев, 1885; изд. 2, Киев, 1888.

212. Цветков В. Житие св. Тихона, епископа Воронежского и Задонского. М., 1901.

2. ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СВ. ТИХОНА, ПОМЕЩЕННЫЕ В ЖИТИЯХ СВЯТЫХ. МЕСЯЦЕСЛОВАХ И ДРУГИХ ИЗДАНИЯХ

213. Александр, еп. Можайский. Слово о сырной седмице Святителя Тихона Воронежского с кратким жизнеописанием его. М., 1887.

214. Бахметьева А. Н. Избранные жития святых, кратко изложенные по руководству Четих Миней и некоторых других источников. М., 1861.

215. Б.Г.К. Святитель Тихон I, епископ Воронежский и Елецкий. Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г.Воронежа, т. 1. Воронеж, 1886.

216. Б.Г.К. Открытие Воронежской епархии. Епископы ее святители Митрофан и Тихон. Воронеж, 1886.

217. Булгаков С. Месяцеслов и триодион Православной Церкви, выпуск III и IV, Харьков, 1897.

218. Бухарев И., свящ. Жития всех святых, празднуемых Православной греко-российской Церковью (поименованных в Месяцеслове, изд. Св. Синода), и сказание о всех праздниках Православной Церкви. М., 1892; изд. 2. М., 1896; изд. 3. М., 1900.

219. Весик П. Православный месяцеслов с жизнеописаниями святых. СПб., 1875.

220. Виноградов П., свящ. Жизнь святых, память которых совершается в августе месяце, составленная по руководству Четьих Миней и других книг. М., 1870; изд. 2. М., 1876; изд. 3. М., 1880.

221. Волнянский Н. Великий благовестник XVIII века св. Тихон Задонский, ЖМП, № 8, 1946.

222. Дестунис С. Жития святых. Ежедневное чтение для народа и церковно-приходских школ с включением: 1) Месяцеслова, 2) объяснения праздников, 3) указания дней особенного чествования Божией Матери. СПб., 1891; изд. 2. СПб., 1898.

223. Дестунис С. Жития святых, составленных по Четьим Минеям и другим книгам. СПб., 1886; изд. 2. СПб., 1892; изд. 3. СПб., 1904.

224. Димитрий (Самбикин), архимандрит. Месяцеслов святых, всею Русскою Церковью или местно чтимых, и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и свв. угодников Божиих в нашем отечестве, приложение к "Воронежским епархиальным ведомостям". Тверь, 1902. Отдельные издания: Воронеж, 1883; Тверь 1902.

225. Дубасов И. И. Св. Тихон Задонский, по запискам его келейника Чеботарева, "Русский паломник", № 33—35, 1894.

226. Едлинский, свящ. Подвижники и страдальцы за веру Православную и землю русскую, т. III. СПб., 1903.

227. Жизнь св. Тихона Задонского, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 15—24, 1861; № 17, 1892.

228. Жизнь св. Тихона, епископа Воронежского и чудотворца, "Странник", № 8, 1861.

229. Жития святых угодников, издание журнала "Досуг и дело". СПб., 1879.

230. Иванов А. Н., прот. Св. Тихон, епископ Воронежский, "Тульские епархиальные ведомости", 1862, № 15—16.

231. Игнатий, архимандрит. Краткие жизнеописания русских святых, ч. III. СПб., 1875.

232. Иером. Иоанн (Кологривов). Очерки по истории Русской святости. Брюссель, 1961.

233. Иером. Иоанн. Св. Тихон, епископ Воронежский и Задонский, ЖМП, № 8, 1955.

234. Косолапов Н. Месяцеслов Православной Кафолической Церкви, изд. 2. Симбирск, 1880.

235. Краткие жизнеописания русских святых, т. 2. СПб., 1875.

236. Львов И., свящ. Св. Тихон Задонский, "Русский паломник", № 32, 1911.

237. Мальцев А. П., прот. Месяцеслов Православной Кафолической Восточной Церкви. Берлин, 1901.

238. Муравьев А. Н. Житие святых Российской Церкви, также Иверских и Славянских, изд. 2, т. VIII. СПб., 1864.

239. Никольский П. В. Святитель Тихон Задонский и его подвиги, "Воронежская старина", вып. VIII, Воронеж, 1909.

240. Никольский А. Полные святцы с краткими житиями святых. М., 1884.

241. Описание жизни преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, написанное бывшим его келейником Василием Чеботаревым, "Маяк", 1845.

242. Полное собрание житий святых Православной греко-российской Церкви, под редакцией Поселянина Е., месяц август. СПб., 1908.

243. Полные святцы с краткими житиями святых и Пасхалией на 40 лет. М., 1901; изд. 2. М., 1906.

244. Полный христианский месяцеслов, с включением чудотворных икон Пресвятой Богородицы и святых, местно чтимых Православной Церквью, изд. 3, Киев, 1875.

245. Попов Т., прот., проф. Св. Тихон Задонский, к 90-летию его прославления (1861—1951), ЖМП, № 2, 1952.

246. Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. СПб., 1910.

247. Поселянин Е. Русские праведники последних веков. СПб., 1917.

248. Протопопов Д. И. Жития святых, чтимых Православной Российской Церковью, а также чтимых греческой Церковью, южнославянских, грузинских и местночтимых в России, месяц август. М., 1885.

249. Протопопов Д. И. Жития святых, празднуемых Православной Русской Церковью, кратко изложенные по руководству Четьих Миней и других авторов, август. М., 1892.

250. Рассказы странствователя по замечательным местам России, Воронежская губерния, с жизнеописаниями св. Митрофана и Тихона. СПб., 1862.

251. Св. Тихон, епископ Воронежский и Елецкий, "Киевские епархиальные ведомости", № 11, 1861.

252. Святитель Тихон I, епископ Воронежский и Елецкий, "Донские епархиальные ведомости", № 17, 19, 1883.

253. Сергий, архиепископ Владимирский. Полный месяцеслов Востока, т. II. М., 1876; изд. 2. Владимир, 1901.

254. Сорокин И., прот. Св. Тихон, Задонский Чудотворец, ЖМП, № 2, 1975.

255. Тихон I, епископ Воронежский, "Домашняя беседа", № 42, 1859.

256. Толстой М. Книга глаголемая описание российских святых, где и в котором граде или области, или монастыре и пустыни поживе и чудеса сотвори, всякого чина святых. М., 1888.

257. Филарет (Гумилевский), архиепископ Черниговский. Жития святых, чтимых Православной Церковью, со сведениями о праздниках Господских и Богородичных и о явлениях чудотворных иконах, август. СПб., 1885; изд. 2. СПб., 1892; изд. 3. СПб., 1900.

258. Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые всей Церковью или местно. Чернигов, 1863; изд. 2. Чернигов, 1865; изд. 3. СПб., 1882.

259. Христианский месяцеслов, с краткими историческими сказаниями о всех святых, прославляемых Православной Церковью. М., 1900; изд. 2. М., 1905.

3. СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ И ПРОПОВЕДИ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА

260. А. Г. Новое издание творений святителя Тихона Задонского, "Православное обозрение", № 7, 1875.

261. Антонин, иеромонах. Поучение в день памяти святителя Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1904.

262. Аполосов М. Об отношениях св. Тихона к помещику с. Подгорного Н. М. Марину и о посещениях им этого села, "Воронежские епархиальные ведомости", № 19, 1893.

263. Благодатная помощь св. Тихона. СПб., 1874.

264. Аржаев А. Наставления святителя Тихона Задонского о духовном возрастании христианина (кандидатское сочинение). Загорск, 1966—1967.

265. Бронзов А. А., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента М. Яковенко "Святитель Тихон Задонский: пастырская деятельность Святителя и его учение о пастырском служении в связи с общим его религиозно-нравственном мировоззрениием", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1910—1911 год", 1911, апрель, стр. 41.

266. Бронзов А. А., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. А. Куреннова "Учение нравственности по творениям св. Тихона Задонского", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1912—1913 год", 1914, апрель, стр.359.

267. Былов М. Раскол в Воронежской епархии при епископе Тихоне I (святителе) (1763—1767 гг.), "Воронежские епархиальные ведомости", № 2—4, 6—8, 1890.

268. Былов М. В Воронежской губернии при епископе Тихоне, "Воронежские епархиальные ведомости", № 15, 1883.

269. Введенский Д. И., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. М. Ильинского "Нравственно-христианское учение святителя Тихона Задонского", "Богословский вестник" приложение "Журналы Совета за 1912 год", 1913, январь, стр. 262.

270. Введенский С. Н. Об изображениях св. Тихона Задонского, "Воронежская старина", вып. 10, 1911.

271. Воронежские архиереи. Святой Тихон епископ (1763—1767), "Воронежские епархиальные ведомости", № 14, 1879.

272. Воспоминания Лубяновского, "Русский архив", кн. 1, 1872.

273. Высоцкий В. Из детства св. Тихона, "Воронежские епархиальные ведомости", № 11, 1911.

274. Gorodetzky N. Saint Tikhon Zadonsky inspirer of Dostoevsky. London, 1951.

275. Горчаков Д. Воспоминания о монастыре Задонском и Тихоне, епископе Воронежском, "Москвитянин", № 4, 1843.

276. Деятельность комиссии увещателей раскольников в Донской области в 1766 г. "Донские епархиальные ведомости", № 4, 5, 1883.

277. Донецкий Т., свящ. Донское духовенство 150 лет тому назад, по данным ревизии святителя Тихона, 1763—1764 гг., "Донская церковная старина", вып. II, Новочеркасск, 1909.

278. Донецкий Т. А., прот. Педагогические воззрения св. Тихона Задонского, "Воронежская старина", вып. XI. Воронеж, 1912.

279. Дополнительные черты к описанию жизни и подвигов преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, "Киевские епархиальные ведомости", № 11, 1861.

280. Дубасов И. И. Первые опыты училищного дела в Тамбовском крае, Исторический вестник", кн. 7, 1893.

281. Дубасов И. И. Былые добрые люди Тамбовского края, "Исторический вестник", кн. 9, 1895.

282. Евлогий, архимандрит. О святителе Тихоне Задонском и его творениях. М., 1898.

283. Егоров Н., свящ. Слово в день памяти иже во святых отца нашего святителя Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 16, 1892.

284. Евсевий (Саввин), иерод. Жизнь и церковно-литургическая деятельность Тихона, епископа Воронежского (кандидатское сочинение). Загорск, 1964—1965.

285. Елецкие рассказы о Тихоне Задонском, "Воскресное чтение", № 37, 1838.

286. Ефимов И. Записки о св. Тихоне его келейника И. Ефимова, приложение к V-му тому творений св. Тихона. М., 1898.

287. Ефимов И. Дополнение к запискам о св. Тихоне его келейника И. Ефимова, приложение к У-му тому творений св. Тихона. М., 1889.

288. Ефремов Л., прот. Уроки из жизни Святителя и Чудотворца Тихона, епископа Воронежского и Задонского. М., 1836; изд. 2. М., 1863; изд. 3. М., 1870. М., изд. 4. Воронеж, 1874.

289. Еще несколько сказаний о св. Тихоне Задонском, "Киевские епархиальные ведомости", № 13, 1861.

290. Зарин С. М., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента М. Яковенко "Святитель Тихон Задонский: пастырская деятельность Святителя и его учение о пастырском служении в связи с общим его религиозно-нравственном мировоззрением", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1910—1911 год", 1911, апрель, стр. 39.

291. Зарин С. М., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. Л. Тарабукина "Святой Тихон Задонский как пастырь", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1910—1911 год", 1913, февраль, стр. 379.

292. Зелепугин Ф. Нравственность, раскрываемая по руководству творений св. Тихона Задонского. Астрахань, 1900.

293. Зыков В. Н., свящ. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. Л. Тарабукина "Святой Тихон Задонский как пастырь", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1911—1912 год", 1913, февраль, стр. 379.

294. Иосиф, архиепископ Воронежский. Поучение в память кончины святителя Тихона, "Воронежские епархиальные ведомости", № 15, 1896.

295. Иустин, епископ. О молитве или призывании Бога. Учение святителя Тихона Задонского. М., 1895; изд. 2. М., 1908.

296. Казанский П. С., проф. Труды св. Тихона первого, еп. Воронежского, по управлению Воронежской паствой, "Прибавления к изданию творений св. отцев", т. 39, кн. 2. М., 1862; также "Воронежские епархиальные Введомости", № 15, 1883.

297. Касаткин С. Св. Тихон как проповедник, "Воронежские епархиальные ведомости", № 13—16, 1884; отдельное издание: Воронеж, 1884; изд. 2. СПб., 1889.

298. Кириллов Д. Из жизни святителя Тихона Задонского, "Воронежские губернские ведомости", № 44, 1864.

299. Кириллов И., свящ. Из жизни святителя Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 15, 1888.

300. Клименко Л. Святитель Тихон Задонский как учитель христианской морали, "Православный вестник", № 6—7. Львов, 1957.

301. Кратиров П. Святитель Задонский Тихон как пастырь и пастыреучитель, "Православный собеседник", кн. 1—2, 1897; отдельное издание. Казань, 1897.

302. Кременецкий А., свящ. Случайность ли? "Воронежские епархиальные ведомости", №3, 1911; отдельное издание. Воронеж, 1911.

303. Кутепов Н. Противораскольничья миссия в Донском крае при святителе Тихоне I, епископе Воронежском, "Донские епархиальные ведомости", № 18, 1880.

304. Лебедев А., свящ. Изложение православной христианской веры по руководству писания св. Тихона и приспособительно к общенародному разумению. СПб., 1866.

305. Лебединцев А. Отличительные черты и значение писаний св. Отца нашего Тихона, еп. Воронежского, "Дух христианина", сентябрь, 1861.

306. Леонид, игумен. Слово в день памяти святителя Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, Задонского и всея России Чудотворца, "Воронежские епархиальные ведомости", № 17, 1898.

307. (Лубяновский Ф. П.). Воспоминания Федора Петровича Лубяновского, "Русский архив", 1872.

308. Лященко Т., свящ., доц. Отзыв о курсовом сочинении студента Кокорева Г. на тему: "Святитель Тихон Задонский. Его пастырские и гомилетические воззрения", "Труды КДА", приложение "Извлечения из журналов Совета за 1912—1913 уч. год", 1914, март, стр. 480.

309. Макарий, епископ Острогожский. Беседы в день памяти святителя Христова и чудотворца Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1883.

310. Макарий, епископ Острогожский. Беседа, говоренная в Богородицком Задонском монастыре в день памяти святителя и чудотворца Тихона, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1885.

311. Маккавейский Н., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента Кокорева Г. на тему: "Святитель Тихон Задонский. Его пастырские и гомилетические воззрения", "Труды КДА", приложение "Извлечения из журналов Совета за 1912—1913 уч. год", 1914, март, стр. 484.

312. Материалы для истории раскола в Донской области, "Донские епархиальные ведомости", №3, 1874.

313. Материалы для жизнеописания св. Тихона, еп. Воронежского, "Православное обозрение", т. 5, 1861.

314. Михаил (Чуб), архиеп. Воронежский и Липецкий. Учение св. Тихона Задонского об истинном христианстве, ЖМП, № 10, 1971.

315. Мишин Е., свящ. Поучение в день памяти святителя Тихона Задонского чудотворца, "Воронежские епархиальные ведомости", № 19, 1900.

316. М-ский О. Предание о св. Тихоне Задонском, "Душеполезное чтение", № 7, 1865.

317. Наказание Божие, постигшее раскольницу, похулившую св. Тихона Задонского, "Афонский листок", № 183. М., 1894.

318. Наумов В., прот. Поучение на день памяти святителя Тихона, "Воронежские епархиальные ведомости", № 14, 1893.

319. Несколько сведений о святителе Тихоне, епископе Воронежском, "Херсонские епархиальные ведомости", № 17—19, 1861.

320. Несколько черт из жизни преосвященного Тихона I, епископа Воронежского, "Воскресное чтение", № 37, 1838.

321. Никольский П. Об отношении святителя Тихона Задонского к приходскому духовенству, "Русский архив", № 11, 1909.

322. Нэньчук П. А. Св. Тихон Задонский как догматист (кандидатское сочинение). Л., 1953.

323. Об издании хромолитографированного снимка с иконы св. Тихона, "Северная пчела", № 77, 1861; "Руководство для сельских пастырей", № 42, 1861.

324. Овсянников Е. Св. Тихон Задонский как благоустроитель церковной жизни и деятель в борьбе со старообрядческим расколом в Донской Украине, "Воронежская старина", вып. XIII. Воронеж, 1914.

325. Олейников Т. На родине св. Тихона Задонского (из путевых впечатлений), "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1909; отдельное издание. Воронеж, 1911.

326. Олейников Т. Св. Тихон Задонский о масленице, "Воронежские епархиальные ведомости", № 9. 1910.

327. Олейников Т. Из прошлого Воронежской духовной семинарии. Отношение св. Тихона к питомцам семинарии, "Воронежские епархиальные ведомости", № 30, 1910.

328. Олейников Т. М. Новые материалы к жизнеописанию св. Тихона Задонского, "Воронежская старина", вып. XI. Воронеж, 1912.

329. Олейников Т. М. К истории издания творений и жития св. Тихона, "Воронежская старина", вып. XI. Воронеж, 1912.

330. М-ский О. Предание о св. Тихоне Задонском, "Душеполезное чтение", № 7, 1865; также "Новгородские губернские ведомости", № 2—3, 1861.

331. О творениях преосвященного Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, "Воскресное чтение", № 34, 1850.

332. О явлении св. Митрофана в сопровождении св. Тихона исце-ленному, "Христианское чтение", ч. III, 1835.

333. Панков В. Раскрытие учения о христианской нравственности в произведениях св. Тихона Задонского (кандидатское сочинение). Л., 1958.

334. Поликарпов Н. Какие достопамятности сохранились в г. Воронеже от святителя Тихона Задонского? "Воронежские епархиальные ведомости", № 9, 1910; "Воронежская старина", вып. X, 1911.

335. Попов Т. Д., свящ. Речь при открытии братства св. Тихона в Задонске 14 августа 1911 г., "Воронежская старина", вып. XI, 1912.

336. Попов Т. Д., свящ. Св. Тихон Задонский как нравоучитель, "Воронежская старина", вып. XI. 1912.

337. Попов Т., свящ. Св. Тихон Задонский и его нравоучение. М., 1916.

338. Попов Т., прот., проф. О св. Тихоне Задонском, ЖМП, № 2, 1945.

339. Попов Т., прот., проф. Этико-богословское мировоззрение святителя Тихона Задонского, ЖМП, № 5, 1957.

340. Поселянин Е. "Покой" св. Тихона Задонского, "Русский паломник", № 34, 1911.

341. Последние годы жизни и кончина святителя Тихона. Воронеж, 1911.

342. Правдин А. О рукописи сочинения св. Тихона Задонского: "Нравоучения некая из Нового Завета и из псалмов святых, вкратце собранная, ради частейшаго прочитания и оттого духовныя пользы всякому о Христе брату предлагаю", "Воронежская старина", вып. IV, 1904.

343. Путилин А. Св. Тихон Задонский как пастырь (кандидатское сочинение). Л., 1966.

344. Пчелинцев, свящ. Беседа в день памяти угодника Божия святителя Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 38, 1910.

345. Рассказ из жизни св. Тихона, "Новгородские губернские ведомости", № 2—3, 1861.

346. Рассказы из жизни св. Тихона Задонского Чудотворца. М., 1879.

347. Сагарда Н. И., проф. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. А. Куреннова "Учение нравственности по творениям св. Тихона Задонского", "Христианское чтение", приложение "Журналы Совета за 1912—1913 год", 1914, апрель, стр. 360.

348. Святитель Тихон на покое. Воронеж, 1911.

349. Сергеенко А., прот. О братолюбии в сочинениях русских святителей. Св. Тихон Задонский, ЖМП, № 11, 1965.

350. Скорбин М. Места "делания" святителя Тихона Задонского, "Русский паломник", № 33, 1911

351. Служба с акафистом Святителю и Чудотворцу Тихону, еп. Воронежскому. Киев, 1882.

352. Сорокин И. Пастырство св. Тихона Задонского (кандидатское сочинение), Загорск, 1949—1950.

353. Угодник Божий святитель Тихон Задонский как наставник и руководитель в делах вспомоществования бедным. СПб., 1876.

354. Фадеев А.Д. Основные черты веропонимания святителя Тихона, "Воронежская старина", вып. XI, 1912.

355. Феодор, еп. Отзыв о курсовом сочинении студента свящ. М. Ильинского "Нравственно-христианское учение святителя Тихона Задонского", "Богословский вестник", приложение "Журналы Совета за 1912 год", 1913, январь, стр. 260.

356. Феофан (Диновски), иером. Жизнь и пастырская деятельность святителя Тихона Задонского (стипендиатский отчет). Загорск, 1968.

357. Фивейский П. Поучение в день памяти св. Тихона (Задонского), "Воронежские епархиальные ведомости", № 17, 1908.

358. Филяев В., свящ. Проповедничество святителя Тихона, епископа Воронежского (кандидатское сочинение). Загорск, 1963—1964.

359. Хвалебные песнопения святителю Тихону Задонскому и рассказы из его жизни, переданные самим Святителем. Одесса, 1911.

360. Чеботарев В. И. Записки келейника, материалы для жизнеописания святителя Тихона, епископа Воронежского, "Православное обозрение", кн. 7, 1861.

361. Чеботарев В. И. Записки о св. Тихоне его келейника В. И. Чеботарева, приложение к V-му тому Творений св. Тихона. М., 1889.

362. Чеботарев В. И. Дополнения к запискам о св. Тихоне его келейника В. И. Чеботарева, приложение к V-му тому Творений св. Тихона. М., 1889.

4. ЛИТЕРАТУРА О ПРОСЛАВЛЕНИИ СВ. ТИХОНА И ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВАХ[1]

363. Амвросий, архимандрит. Гимн Святителю Тихону, епископу Воронежскому и Чудотворцу. "Воронежские епархиальные ведомости", № 23, 1868.

364. Амвросий, архимандрит. Стихотворения. Воронеж, 1876.

365. Антоний, епископ Смоленский и Дорогобужский. Слово в день открытия честных мощей св. Тихона, епископа Воронежского и чудотворца, "Руководство для сельских пастырей", № 45, Киев, 1861.

---

[1] О прославлении св. Тихона говорится и в литературе, размещенной в других разделах настоящей библиографии, но не вынесена она особо, потому что в ней освещены более подробно другие вопросы.

366. Беседа в день открытия мощей св. Тихона, Задонского Чудотворца, "Руководство для сельских пастырей", № 40, Киев, 1861.

367. Благодатная помощь св. Тихона. СПб., 1874.

368. Васильев. В. Путешествие в Задонский Богородицкий монастырь на поклонение мощам св. Тихона учеников Усманского двухклассного училища и Усманской 1-й церковноприходской школы, "Воронежские епархиальные ведомости", № 7, 1874.

369. Весть из г. Землянска, "Домашняя беседа", № 42.

370. Вит Я. К 50-летию юбилея св. Тихона Задонского, "Воронежский телеграф", № 137, 1911.

371. Гаврилов В. В слободе Ясеновке, Богучарского уезда (50-летний юбилей открытия мощей св. Тихона, "Воронежские епархиальные ведомости", № 34, Воронеж, 1912.

372. Геронтий, иеромонах. Чудо у гроба Святителя Тихона над недужной, "Воронежские епархиальные ведомости", № 10. 1874.

373. Геронтий, иеромонах. Благодатное исцеление при мощах св. Тихона, Задонского Чудотворца. "Странник", т. III, ч. II, 1874.

374. Геронтий, иеромонах. Празднование памяти святителя Тихона Задонского, "Русский паломник", № 36, 1891.

375. Гласов А. Вразумительный случай, "Воронежские епархиальные ведомости", № 4, 1891.

376. Годичное собрание церковно-археологического Комитета, "Воронежские епархиальные ведомости", № 10, 1910.

377. Ельчане у мощей святителя Тихона. "Орловские епархиальные ведомости", № 36, 1909.

378. Ермин М., прот. Берегись несчастья, "Минские епархиальные ведомости", № 20, 1890; "Воронежские епархиальные ведомости", № 5, 1891.

379. Журнал частного совещания в г. Задонске по вопросу о порядке празднования 50-летия со дня открытия мощей святителя Тихона, "Воронежская старина", № 10, 1911.

380. Журналы заседаний Воронежского Церковного историко-археологического Комитета, "Воронежская старина", № 10, 1911.

381. Игнатов Ф. Ко дню 50-летия отрытия св. мощей святителя Тихона, Задонского Чудотворца (стихотворение), "Воронежские епархиальные ведомости", № 8, 1910.

382. Игнатов Ф. С. Ко дню 50-летия открытия св. мощей святителя Тихона, Задонского Чудотворца, и святыни города Задонска. Воронеж, 1911.

383. И еще одна лампадка, "Воронежский телеграф", № 46, 1907.

384. Известие о предстоящем открытии мощей св. Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, "Руководство для сельских пастырей", № 32, 1861.

385. Известие о нескольких чудесах, совершившихся у гроба св. Тихона в день открытия честных его мощей, "Руководство для сельских пастырей", № 48, 1861.

386. Издание службы и акафиста св. Тихона: Акафисты церковной печати. СПб., 1866; СПб., 1868; изд. 2. СПб., 1873; изд. 3. СПб., 1877; изд. 4. СПб., 1889; изд. 5. М., 1894. Гражданской печати: М., 1894; изд. 2. М., 1899; изд. 3. М., 1903; изд. 4. М., 1910.

387. Из письма к высокопреосвященному Иосифу, архиепископу Воронежскому, "Душеполезное чтение", ч. II, 1862.

388. Иосиф, архиепископ Воронежский и Задонский. Чудесное исцеление от болезни вдовы штабс-капитана Е. Н. Поповой, совершенное святителем и чудотворцем Тихоном, "Душеполезное чтение", ч. III, 1862.

389. Исцеления, совершившиеся в Задонском монастыре при открытии мощей св. Тихона, "Воскресное чтение", 1861; "Душеполезное чтение", ч. III, 1861; "Странник", приложение, № 2, 1862; "Церковная летопись духовной беседы", декабрь, 1861; "Христианское чтение", декабрь, 1861.

390. Казанский Н. Н. Торжество памяти святителя Тихона в городе Усмани, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 7, 1872.

391. Кий И. Краткое извещение о чудесных исцелениях, совершившихся при нетленных мощах св. Тихона Воронежского в минувшем году, "Домашняя беседа", вып. 18, 1863.

392. Корнилий, иеродиакон. Гимн к 50-летию прославления св. мощей святителя Тихона, Задонского чудотворца 13 августа 1861—1911. Для четырехголосного хора. Воронеж, 1911.

393. Корнилий, иеродиакон. К 50-летию прославления св. мощей святителя Тихона, Задонского Чудотворца (стихотворение), "Воронежские епархиальные ведомости", № 11, 1910; отдельное издание. Воронеж, 1911.

394. К предстоящему учреждению Братства во имя святителя Тихона в г. Задонске, "Воронежские епархиальные ведомости", № 24, 1910.

395. Кременецкий А., свящ. Паломничество елецких жителей в Задонской Богородицкий монастырь 28—29 августа, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1909.

396. Кременецкий А., свящ. Открытие св. мощей святителя Тихона, Задонского Чудотворца, 13 августа 1861 г. "Воронежская старина", вып. 10, 1911[1].

397. Кузьмин Н., свящ. Паломничество из Ельца в Задонск 21 мая 1911 года, "Воронежские епархиальные ведомости", № 23, 1911.

398. Литвинов В. К 50-летию открытия мощей св. Тихона Задонского, "Воронежский телеграф", № 150, 1910.

399. Молитва Святителю и чудотворцу Тихону, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 12, 1861.

400. Несколько мыслей по поводу открытия 13 августа 1861 г. святых и нетленных мощей Тихона, епископа Воронежского, "Домашняя беседа", вып. 33, 1861.

401. Никольский П. Просьба к духовенству епархии, "Воронежские епархиальные ведомости", № 8, 1910.

402. Никольский П. Вниманию духовенства Воронежской епархии, "Воронежские епархиальные ведомости", № 42, 1910.

403. Никольский П. Нужды времени. Чем следует ознаменовать 50-летний юбилей со дня прославления св. Тихона? "Воронежские епархиальные ведомости", № 5, 1911.

404. Никольский П. К предстоящему юбилею, "Воронежский телеграф", № 8, 1911.

[1] Все статьи, помещенные в 10-м выпуске "Воронежская старина", вышли и отдельными изданиями.

405. Никольский П. Антоний II, архиепископ Воронежский (1826—1846) и обретение мощей святителя Тихона, "Воронежская старина", вып. 10, 1911.

406. Обстоятельства, предшествовавшие торжественному открытию святых мощей святителя Тихона, и письмо о кончине архиепископа Антония, "Домашняя беседа", вып. 47, 1861.

407. Олейников Т. Определение Св. Синода об открытии мощей св. Тихона, "Воронежская старина", № 10, 1911.

408. О праздновании памяти св. Тихона, "Воронежские губернские ведомости", № 62, 1887.

409. Остроумов П. Праздник святителя Тихона в Тамбове, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 6.

410. Остроумов П. Молитва святителю Тихону, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 12, 1861.

411. Открытие нетленных мощей Святителя и Чудотворца Тихона, епископа Воронежского:

"Воскресное чтение", № 4, 1861.

"Домашняя беседа", вып. 28 и 36, 1861.

"Друг юношества", февраль, 1863.

"Дух христианина", 1861, 1862.

"Душеполезное чтение", ч. III, 1861.

"Московские ведомости", № 188, 1861.

"Странник", ч. II, приложение, 1862.

"Тамбовские епархиальные ведомости", № 12, 1861.

"Христианское чтение", ч. 3, 1865.

"Церковная летопись духовной беседы", 1861.

412. Открытие честных мощей иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского и Елецкого, благодатные при том знамения и чудесные исцеления. СПб., 1861.

413. Отчет Воронежского Церковного историко-археологического Комитета за 1910 год, "Воронежская старина", № 10, 1911.

414. Памяти святителя Тихона в г. Усмани, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 17, 1878.

415. Письма митрополита Московского Филарета к А. Н. М., 1832—1867, Киев, 1869.

416. Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (1831—1867), т. IV. М., 18847

417. Платонова А. Дивен Бог во Святых Своих (к 50-летию открытия мощей св. Тихона Задонского), "Русский паломник", № 32, 1911.

418. П. Н. 50-летний юбилей со дня открытия мощей св. Тихона Задонского (13 августа 1911 года), "Воронежская старина", вып. XI. Воронеж, 1912.

419. Поездка в Задонск во время открытия мощей епископа Воронежского и Елецкого Тихона I. М., 1861.

420. Поликарпов Н. Прославление святителя Тихона Задонского и открытие его святых мощей. К 50-летию сего события 13 августа 1861—1911 гг., "Памятная книжка Воронежской губернии на 1911 г."; отдельное издание. Воронеж, 1911.

421. Поликарпов Н. Великий и преславный Чудотворец, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

422. Попов И., свящ. Торжественное открытие мощей св. Тихона в гор. Задонске 13 августа 1861 г., "Руководство для сельских пастырей", № 45, 1861.

423. Попов Т., свящ. Прославление святителя Тихона после открытия его святых мощей, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

424. Программа празднования исполняющегося 13 августа 1911 года 50-летия со дня открытия нетленных мощей святителя Тихона Задонского, "Воронежский телеграф", № 136, 1911.

425. Прозоровский И., псаломщик. Св. Русь (стихотворение к 50-летней памяти святителя Тихона Задонского), "Воронежский телеграф", № 25, 1911.

426. Прославление св. Тихона Задонского 13 августа 1861—1911 г., юбилейный сборник, изд. Воронежского Историко-Археологического Комитета, "Воронежская старина", вып. X, 1911; отдельное издание. Воронеж, 1911.

427. Рассказ очевидца об открытии нетленных мощей святителя и Чудотворца Тихона. СПб., 1861.

428. Романовский А., свящ. Чудесные действия Божия Промысла, совершившиеся при мощах Святителя Христова Тихона, Задонского Чудотворца, "Душеполезное чтение", кн. 3, 1868.

429. С. А. К. К 50-летию открытия мощей св. Тихона, "Воронежский телеграф", № 142, 1910.

430. Салтыкова Н. Благодатная помощь святителя Тихона, Задонского Чудотворца, "Странник", кн. I, 1874.

431. Св. Тихон I, епископ Воронежский и Задонский (эпизод из истории прославления его), "Тамбовские епархиальные ведомости", № 15, 1878.

432. С. Г. И. Памяти святителя Тихона Задонского (стихотворение), "Воронежские епархиальные ведомости", № 24, 1910.

433. С. Г. И. Беседа в день открытия мощей святителя Тихона, Задонского Чудотворца, "Руководство для сельских пастырей", № 40, Киев, 1861.

434. Сильченков М. Юбилей под открытым небом, "Воронежские епархиальные ведомости", № 4, 1912.

435. Слово в день открытия св. мощей Святителя и Чудотворца Тихона, сказанное на всенощном бдении в Задонском монастыре Иосифом, архиепископом Воронежским и Задонским, "Душеполезное чтение", ч. III, 1861.

436. Слово в день открытия св. мощей Святителя и Чудотворца Тихона, епископа Воронежского, сказанное 13 августа 1861 г. в соборной церкви Задонского Богородичного монастыря синодальным членом Исидором, митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским,

"Киевские епархиальные ведомости", № 16, 1861;

"Руководство для сельских пастырей", № 43, 1861;

"Тамбовские епархиальные ведомости", № 12, 1861;

"Слова и речи митрополита Исидора". СПб., 1861.

437. С. Н. К. 50-летний юбилей открытия мощей св. Тихона в Задонском Тихоновском духовном училище, "Воронежские епархиальные ведомости", № 43. Воронеж, 1911.

438. Сообщение Святейшего Синода... "Православное обозрение", т. V, 1861.

439. Сочков В. Н. Вразумление свыше, "Странник", кн. 3, 1869.

440. Спасовский В. Описание открытия в г. Задонске св. мощей святителя и чудотворца Тихона, епископа Воронежского, "Воронежские губернские ведомости", № 35, 1861; "Киевские епархиальные ведомости", № 15, 1861.

441. Стандровский Ф., свящ. Помощь святителя Тихона Задонского, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 7, 1862.

442. Спасовский В. Открытие в г. Задонске св. мощей Святителя и Чудотворца Тихона, епископа Воронежского, "Киевские епархиальные ведомости", № 15, Киев, 1861.

443. Таисия, игумения. У св. мощей св. Тихона в Задонске, "Воронежские епархиальные ведомости", № 5, 1892.

444. Тихоправов, прот., Сперанский И., свящ. Открытие св. мощей свитителя Тихона, еп. Воронежского, "Прибавление к Тамбовским епархиальным ведомостям", № 12, Тамбов, 1861.

445. Указ Святейшего Правительствующего Синода об открытии в г. Задонске мощей св. Тихона, "Воронежские Губернские ведомости", № 29, 1861.

446. У святых мощей святителя Тихона в Задонске. СПб., 1892.

447. Фадеев А. Несколько слов о почитании святителя Тихона при преосвященном Антонии I, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

448. Фадеев А. Память о святителе Тихоне в Ельце, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

449. Ф. П. В Церковном Историко-Археологическом Комитете, "Воронежская старина", вып. X, 1911; (1910, № 240; 1911, № 65).

450. Чудеса, совершившиеся по молитвам св. Тихону, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

451. Чудесное исцеление (Т. Редькиной), "Воронежские епархиальные ведомости", № 4, 1868.

452. Эпизод из истории прославления св. Тихона I, епископа Воронежского и Задонского, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 15, 1878.

453. Юбилейный сборник. Прославление св. Тихона 13 августа 1861—1911 г., Воронеж, 1911.

454. Яицкий В. Воспоминание об открытии мощей святителя Тихона, "Тамбовские епархиальные ведомости", № 10, 1862.

5. БИОГРАФИИ ЛИЦ И ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ, ИМЕВШИХ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВ. ТИХОНА

А. Биографии

455. Кончина и погребение высокопреосвященного Иосифа, бывшего архиепископа Воронежского и Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 6, 1892.

456. Введенский С. Н. Один из почитателей св. Тихона Задонского, "Исторический вестник", кн. 7. 1910; "Воронежский телеграф", № 170, 176, 1910; "Воронежская старина", вып. X, 1911.

457. Герасим, епископ Ревельский. Блаженный Антоний Алексеевич. СПб., 1881.

458. Геронтий, иеромонах. Воспоминание об Антонии Алексеевиче, Христа ради юродивом, почивающем в Задонском Богородицком монастыре, "Воронежские епархиальные ведомости", № 7, 1880; отдельное издание, дополненное сведениями о Задонских святынях и подвижниках, Задонск, 1880.

459. Геронтий, иеромонах. Жизнь Матроны Наумовны Поповой, основательницы первого странноприимного дома в г. Задонске, "Воронежские епархиальные ведомости", № 16—19, 1872; отдельные издания. Воронеж, 1873; изд. 4. Воронеж, 1889.

460. Геронтий, иеромонах. Некоторые черты из жизни почивающего в Задонском Богородицком монастыре схимонаха Митрофана, "Воронежские епархиальные ведомости", № 9, 1871; отдельное издание. Орел, 1872; изд. 2. Воронеж, 1888.

461. Геронтий, иеромонах. Краткий очерк жизни почивающего в Задонском Богородицком монастыре иеросхимонаха Агапита, "Воронежские епархиальные ведомости", № 12, 1871; отдельное издание. Орел, 1872; изд. 2. Воронеж, 1888.

462. Данилова Е. В. Записки О Матроне Наумовне Поповой, Тула, 1865.

463. Добрый Пастырь. Краткое описание жизни отца Иоанна Борисова, священника Преображенской церкви города Ельца (1750—1824). Воронеж, 1893.

464. Д. Т. Преосвященный Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский (1773—1846), "Воронежские епархиальные ведомости", № 10, 1890.

465. Ефремов Л., прот. Житие Матроны Наумовны Поповой, первой устроительницы странноприимного дома Задонской обители. Воронеж, 1874.

466. Ефремов Л., прот. Отец Иоанн Борисов, священник Преображенской церкви в г. Ельце, "Душеполезное чтение", кн. 1, 2, 1866.

467. Ефремов Л., прот. Воспоминание об отце Иоанне Борисове, священнике Преображенской церкви в городе Ельце. Воронеж. 1866; изд. 2. Воронеж, 1873.

468. Ефремов Л., прот. Блаженной памяти отец Иоанн Борисов, священник Преображенской церкви в г. Ельце. М., 1870.

469. Зверев С. Козьма Игнатьевич, последний друг св. Тихона, "Труды Рязанской Архивной Комиссии", 1888.

470. Ковалевский А. Из воспоминаний о преосвященном Антонии, архиепископе Воронежском, поклонника Воронежской святыни 1835 года, "Душеполезное чтение", 1868.

471. Кременецкий А. Высокопреосвященный Антоний, архиепископ Воронежский. Воронеж, 1906.

472. Кулжинский Г. Старица Таисия, подвижница Воронежского Покровского девичьего монастыря, "Душеполезное чтение", кн. 10, 1876; отдельное издание. М., 1876.

473. Макарий, епископ Орловский. Жизнеописание затворницы Мелании, "Странник", кн. 1, 1871; отдельное издание. СПб., 1873.

474. Поликарпов Н. Памяти преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского (к предстоящему 50-летию со дня кончины его, 20 декабря 1846—1896 гг.), "Воронежские епархиальные ведомости", № 24, 1896.

475. Поселянин Е. Русские подвижники XIX века. Историко-биографические очерки, ч. I и II. СПб., 1900.

476. Преосвященный Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский (1773—1846). Воронеж, 1890; изд. 2. Воронеж, 1891.

477. Севастьянов Н. М. Жизнь преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского. СПб., 1852.

478. Толстой М. Задонские подвижники, "Душеполезное чтение", сентябрь, 1872.

479. Толстой М. Задонские и Елецкие подвижники (письма к Евреинову М.М.), "Душеполезное чтение", октябрь, ноябрь, 1872.

Б. Описание монастырей

480. Геронтий, иеромонах. Историко-статистическое описание первоклассного Задонского Богородицкого монастыря, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 19, 22, 1870; отдельные издания: М., 1871; изд. 2. М., 1873; изд. 3, 1893.

481. Геронтий, иеромонах. Тюнинский Богородице-Тихоновский женский общежительный монастырь, "Воронежские епархиальные ведомости", № 8, 9, 1873; отдельные издания: Воронеж, 1873; изд. 2. М., 1893.

482. Геронтий, иеромонах, Толшевский заштатный общежительный монастырь, "Воронежские епархиальные ведомости", № 6, 1873.

483. Геронтий, иеромонах. Описание Тихоновского общежительного мужского монастыря, находящегося близ города Задонска, "Воронежские епархиальные ведомости", № 13—15, 1882; отдельное издание: СПб., 1882.

484. Геронтий, иеромонах. Задонский Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь, "Воронежские епархиальные ведомости", № 21, 1885.

485. Геронтий, иеромонах. Историко-статистическое описание Елецкого Свято-Троицкого мужского третьеклассного монастыря. СПб., 1894.

486. Геронтий, иеромонах. Историческое описание Елецкого Знаменского девичьего монастыря, что на Каменной горе, Елец, 1895.

487. Геронтий, иеромонах. Историческое описание Короцкого женского общежительного монастыря Валдайского уезда Новгородской епархии. СПб., 1897.

488. Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908.

489. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, в 2-х томах. СПб., 1890, 1892.

490. Корольков А. В обителях св. Тихона Задонского. Задонский Богородицкий мужской монастырь, "Русский паломник", № 33, 1907.

491. Краткий отчет строительного Комитета по устройству Короцкой женской обители во имя св. Тихона. СПб., 1872.

492. Несколько слов о Тихоновской общине сестер милосердия, находящейся в г. Задонске, "Воронежские епархиальные ведомости", № 19, 1872.

493. Никольский П. Материалы для истории Толшевского монастыря, "Воронежская старина", вып. 1.

494. Никольский П. Спасо-Преображенский Толшевский монастырь (очерк из истории монашества на Дону), "Воронежские епархиальные ведомости", № 21, 24, 1901; № 2, 3, 5, 7, 8, 11, 1902.

495. Никольский П. Монашество на Дону, "Воронежская старина", вып. VIII, 1909; отдельное издание. Воронеж, 1909.

496. Никольский П. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк II. Задонские старцы XIX века, "Воронежская старина", вып. IX, 1910.

497. Никольский П. Толшевский монастырь и память в нем о святителе Тихоне. "Воронежская старина", № 10, 1911.

498. Никольский П. Задонские монастыри как памятники святителю Тихону, "Воронежская старина", № 10, 1911.

499. Новгородский сборник, вып. II. изд. Новгородского статистического Комитета. Новгород, 1865.

500. Нольде Н. Несколько слов о Тюнинской Тихоновской Богородицкой общине. Тула, 1865; "Воронежские епархиальные ведомости", № 11, 1868.

501. Нольде Н. Заметки светского человека о Задонском монастыре, "Воронежские губернские ведомости", № 19, 1865.

502. Нольде Н. Краткое описание Задонской обители паломником русской святыни. Тула, 1865.

503. Олейников Т. Память о св. Тихоне в Усманском Софийском женском монастыре и в г. Усмани Тамбовской губернии, "Воронежская старина", № 10, 1911.

504. Описание Толшевского Спасо-Преображенского монастыря, "Воронежские епархиальные ведомости", № 13, 1883; отдельное издание: М., 1887.

505. Павловский А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907.

506. Поликарпов Н. Короцкий Тихоновский женский монастырь Новгородской епархии, на родине св. Тихона Задонского, "Воронежские епархиальные ведомости", № 3, 1900.

507. Правдин Д. Исторический очерк Устьмедведицкого монастыря. Воронеж, 1899.

508. Правдин А. Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке (краткий очерк о возникновении и открытии их). "Памятная книжка Воронежской губернии", 1901.

509. Ратшин А. Полное историческое собрание сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852.

510. Силин П. М. Историческое описание Валдайского Короцкого во имя святителя Тихона женского общежительного монастыря Новгородской епархии. Новгород, 1895.

511. Силин П.М. Родина святителя Тихона. Псков, 1883; изд. 2, Новгород, 1899.

512. Соколов А., свящ. Из чтения 22 января 1884 г. в Задонском монастыре, "Воронежские епархиальные ведомости", № 6, 1884.

513. Сочаевский Д. В обителях св. Тихона Задонского. Задонский Свято-Троицкий женский монастырь, "Русский паломник", № 43, 1907.

514. Тихомиров Е. Святые места, чтимые православным русским народом, "Русский паломник". М., 1866; изд. 2. М., 1903.

515. Токмаков И. Ф. Задонский Богородице-Тихоновский (Тюнин) женский монастырь (краткий историко-статистический очерк), изд. 3. М., 1897.

516. Трухачев Н. Очерки Задонского уезда и тамошнего мужского монастыря, "Памятная книжка Воронежской губернии", за 1863—64 гг.

517. Успенский В. Заметки поклонника о Задонском монастыре, "Воронежские епархиальные ведомости", № 35, 1863.

6. ЛИТЕРАТУРА, СОДЕРЖАЩАЯ ОТДЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЛИ УПОМИНАНИЯ О СВЯТИТЕЛЕ ТИХОНЕ

518. Амвросий (Орнатский), архиепископ Пензенский и Саратовский. История Российской иерархии, т. IV. М., 1818.

519. Бекетов. Портреты именитых людей Российской Церкви с приложением их кратких жизнеописаний. М., 1843.

520. Бронзов А., проф. Нравственное богословие в России в течение XIX ст. СПб., 1901.

521. Булгаков С. В. Образцы святоотеческой и русской проповеди, с присоединением кратких биографических сведений о проповедниках, характеристик и примерных разборов их проповедей, планов и тем для проповедей, подробного указателя к проповедям и проч. Опыт гомилетической христоматии. Харьков, 1887.

522. Введенский С. Материалы по истории Воронежской епархии. Воронеж, 1905.

523. Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893.

524. В Воронеже и Задонске (из путевых заметок), "Домашняя беседа", вып. 12—14, 1861.

525. Вейнберг Л. В. Распространение христианства на Украине (краткий исторический очерк, составленный по неизданным документам), "Воронежские губернские ведомости", № 39—42, 1889; отдельное издание, Воронеж, 1889.

526. Геронтий, иеромонах. Город Задонск и его окрестности, "Юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа", т. II.

527. Голубинский Е. История канонизационных Святых в Русской Церкви, изд. 2. М., 1903.

528. Григорий, архимандрит. Сборник для любителей духовного чтения, ч. IV. СПб., 1889.

529. Grunwald, Constantin de. Quand la Russia avait des Saints. Paris, 1958.

530. Доброклонский А. Руководство по истории Русской Церкви, вып. IV. Рязань, 1889; вып. X. М., 1893.

531. Добронравов И., свящ. Краткая церковная история по программе городских училищ, изд. 2. Саранск, 1910.

532. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873—1876 гг. М., 1929.

533. Достоевский Ф. М. Письма к разным лицам (письмо к Майкову). СПб., 1883.

534. Достоевский Ф. М. Письма, т. II. М—Л., 1930.

535. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884.

536. Ермолаев А., свящ. Путешествие детей Воронежского сиротского убежища в г. Задонск на богомолье, "Воронежские епархиальные ведомости", № 15, 1899.

537. Заведеев П. История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула, 1879.

538. Зимнев И., свящ. Летопись села Коропца. "Новгородские епархиальные ведомости", 1894.

539. Знаменский П. Руковдство к русской церковной истории. Казань, 1870.

540. Знаменский П. В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань, 1873.

541. Знаменский П. В. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II, "Православный Собеседник", № 11, 12, 1875.

542. Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 г. Казань, 1881.

543. Знаменский П. Учебное пособие по истории Русской Церкви. СПб., 1896; изд. 2. СПб., 1904.

544. Иванов А., прот. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, изд. 3. СПб., 1799.

545. Казанский П. С., профессор Московской духовной академии и его переписка с архиепископом Костромским Платоном, "Богословский вестник", май, т. 2. М., 1899.

546. Катаев Н. Очерк истории русской церковной проповеди, "Херсонские епархиальные ведомости", № 24, 1824.

547. Cuprin (Papadopoulos), arch. A short history of the Russian Church. Alexandria. 1956.

548. Кириллов А. К семидесятилетию существования Донской епархии, "Православный собеседник", май, 1905.

549. Колосов В. История Тверской духовной семинарии. Ко дню 150-летнего юбилея семинарии. Тверь, 1889.

550. Корсаков Д. А. Из жизни русских деятелей XVIII в., Казань, 1891.

551. Костомаров Н. И. Русская История, кн. 3. СПб., 1913.

552. Крутиков Н. Святитель Феофан – затворник и подвижник Вышенской Пустыни, "Душеполезное чтение", февраль, 1898.

553. Лавров А., прот. Очерки истории Русской Церкви, изд. 3. Ярославль, 1887.

554. Литвинов В. В. Храмы и пределы, посвященные святителю Тихону Задонскому, "Воронежская старина", вып. X, 1911.

555. Макарий, архимандрит. История Нижегородской иерархии. СПб., 1857.

556. Малицкий П. Руководство по истории Русской Церкви. М., 1890; изд. 2. М., 1894.

557. М. Д. Ю. Отношение афонцев к русским старообрядцам, "Церковный вестник", № 33, 1891.

558. Михаил (Чуб), архиепископ Воронежский и Липецкий. Духовность Православия в выдающихся его представителях, "Богословские труды", вып. 10. М., 1973.

559. Мнения печати по поводу собеседований и чтений простому народу, "Церковный вестник", № 34, 1891.

560. Монсов В. И. История русской и всеобщей словесности. СПб., 1872.

561. Назарьев И. П. Воспитание и образование в Воронежской духовной семинарии от ее основания до 1860 года включительно, "Прибавление к Церковным ведомостям", № 46. Воронеж, 1899.

562. Н. Д. Девятисотлетие русской иерархии (988—1888). Епархии и архиереи. Составлено по официальным историческим данным. М., 1888.

563. Никитин И. С. Сочинения с биографией, составленной М. Ф. Де-Пуле. Воронеж, 1869; изд. 2. М., 1878.

564. Николаевский И. Описание Воронежской губернии. Воронеж, 1908.

565. Никольский П. История Воронежской духовной семинарии, ч. I. Воронеж, 1898.

566. Никольский П. Разработка истории Воронежской епархии (критико-библиографический обзор), "Воронежские епархиальные ведомости", № 4—66, 1900.

567. Никольский П. В. Материалы по истории монашества на Дону. Воронеж, 1905.

568. Новосельский И., свящ. Воспоминания о поездке в Задонск, "Воронежские епархиальные ведомости", № 14, 1876.

569. Н. Р. Образовательные прогулки с учащимися по России 1894—1901 гг. Воронеж, 1901; изд. 2. СПб., 1903.

570. Onash, Konrad. Grundzuge der Russischen Kirchengeschichte. Gottin, 1967.

571. Поликарпов Н. Синодик святителя Митрофана. Описание синодика с приложением извлечений, "Воронежские епархиальные ведомости", № 18, 1896.

572. Попов А. Церковно-литературное исследование. Православные русские акафисты, изданные с благословения Святейшего Синода. История их происхождения и цензуры, особенности содержания и построения. Казань, 1903.

573. Поселянин Е. Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке. СПб., 1902.

574. Поселянин Е. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. СПб., 1905.

575. Поторжинский М. А., прот. История русской церковной проповеди в биографиях и образцах пастырей-проповедников IX—XIX вв., изд. 2. Киев, 1891.

576. Потоцкий П., прот. Заботы русских пастырей Церкви о развитии просвящения среди белого духовенства в эпоху императрицы Екатерины II, "Православный собеседник", апрель, июль, 1909.

577. Правдин А. М. Об отношениях донских казаков к власти воронежских епископов в период церковной зависимости их от Воронежской епископской кафедры, "Воронежская старина", вып. I. Воронеж, 1902.

578. Пчелинцев С., свящ. Беседы законоучителя с детьми Уткинской церковно-приходской школы. Воронеж, 1899.

579. Пясецкий Г. М. История Орловской епархии и описание церквей, приходов и монастырей, "Орловские епархиальные ведомости", 1899.

580. Руднев М. Н. Брачные разводы. Тула, 1900.

581. Савва, архиепископ. Хроника моей жизни. Сергиев Посад, I (о св. Тихоне: т. III, стр. 126; т. IV, стр. 210—390; т. V, стр. 170, 492, 578, 649; т. VI, стр. 706; т. IX, стр. 58, 163, 543).

582. Сборник Русского исторического общества, т. 7. СПб., 1871.

583. Святоотеческая духовно-нравственная хрестоматия по истории христианской православной и Русской Церкви в связи с гражданской от сошествия Св. Духа до наших дней. СПб., 1890; изд. 2. СПб., 1893.

584. Село Коротское. Родина святителя Тихона (стихотворение). СПб., 1892.

585. Семевский В. И. Сельский священник во второй половине XVIII в., "Русская старина", т. VIII, 1877.

586. Семевский В. И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1881.

587. Сергий (Петров), архиепископ Херсонский и Одесский. История Воронежской епархии от ее учреждения и до наших дней, в 4-х частях. Воронеж-Минск—Одесса, 1961—1968.

588. Слово надгробное преосвященному Иннокентию, епископу Воронежскому, преставшемуся в Бозе сего 1794 года, апреля 15 дня... с приложением краткого летописца преосвященных Воронежских от основания епископского престола в Воронеже до нынешнего времени. М., 1794; изд. 2. Воронеж, 1799.

589. Скрябин М., свящ. О местных праздниках и крестных ходах в Воронежской губернии, "Памятная книжка Воронежской губернии на 1856 г.", отд. III. Воронеж, 1855.

590. Смирнов П., прот. История христианской православной Церкви, составленная применительно к гимназической программе. М., 1876.

591. Смирнов П., прот. Начальные сведения из истории Церкви, изд. 3. СПб., 1895.

592. Смирнов П. А. Жизнь и учение преосвященного Феофана Вышенского Затворника. Шацк, 1905.

593. Смирнов С. К. История Троицкой Семинарии. М., 1867.

594. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. VI. СПб., 1894.

595. Сопиков В. Опыт российской библиографии, ч. I. М., 1824.

596. Спасский П. Н. 150-летие Новгородской духовной семинарии 1740—1890 гг., "Юбилейный сборник". Новгород.

597. Сперанский И., свящ. Краткое описание тридцать шесть лет безуспешно строившегося и в последнее время необыкновенно устроившегося храма в городе Усмани Тамбовской губернии, или о невидимой чудодейственной помощи от св. Тихона, епископа Воронежского и Задонского, новоявленного чудотворца, в совершении тридцать шесть лет строившегося храма. СПб., 1864.

598. Терюхин В. Село Коротко, "Новгородской губернии ведомости", № 39, 1861.

599. Tyszkievicz S. T. Moralistes Russes. Rim, 1951.

600. Успенский Г. Полное собрание сочинений, т. II, изд. 3. СПб., 1889; изд. 4. СПб., 1897.

601. Филарет, митроп. Московский. Собрание мнений и отзывов, т. V, ч. I. М., 1887.

602. Филарет, митроп. Московский. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам, т. III. СПб., 1885.

603. Филарет, архиепископ Черниговский и Нежинский. Обзор русской духовной литературы 1720—1858, кн. II. СПб., 1861.

604. Филарет (Гумилевский), архиеп. Черниговский. История Русской Церкви, период 5, синодальное управление. М., 1888.

605. Хозяйственная деятельность Тешевского (Задонского Богородицкого) монастыря на Донской Украине в XVII веке и в первые годы XVIII в., "Воронежская старина", вып. VII. Воронеж, 1905.

606. Черты старинной помещичьей жизни (автобиографические записи бывшего Воронежского губернатора графа Д. Н. Толстого). "Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г.".

607. Шмурло Б. Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767—1804), "Журнал Министерства Народного Просвещения", 1887—1888; отдельное издание. СПб., 1888.

608. Щепин М. На каждый месяц. Объяснение праздников, совершаемых в Православной Церкви, и краткие сведения из жизни святых, месяц август. М., 1883.

ОТДЕЛ III

ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СПРАВОЧНИКИ, СЛОВАРИ

1. ЭНЦИКЛОПЕДИИ

609. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний, изд. "Просвещение", т. XIX. СПб., 1901.

610. Настольная иллюстрированная энциклопедия, изд. "Вестник знания", т. III. СПб., 1906.

611. Настольный энциклопедический словарь, изд. 5, т. IX. М., 1901.

612. Энциклопедический словарь, изд. Павленкова. СПб., 1899.

613. Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII. СПб., 1901.

614. Справочный энциклопедический словарь, изд. К. Крайя, т. X. СПб., 1848.

2. СПРАВОЧНИКИ И СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

615. Арсений, архимандрит. Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные, от Рождества Христова до 1898 года, изд. 3. СПб., 1900.

616. Аскоченский В. Краткое начертание истории русской литературы, Киев, 1846.

617. Митроп. Евгений (Болховитинов). Историко-географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивных записок и сказаний, "Воронежская старина", вып. XI, 1912; отдельное издание. Воронеж, 1912.

618. Весловский Г. М., и Воскресенский Н. В. Города Воронежской губернии. Их история и современное состояние, "Воронежский календарь на 1874". Воронеж, 1874.

619. Геннади Г. Н. Список анонимных русских книг. СПб., 1874.

620. Город Задонск, "Русский художественный листок", 1862.

621. Города Воронежской губернии. Воронеж, 1876.

622. Дебольский Г. С., прот. Дни богослужения православной кафолической восточной Церкви, т. I. СПб., 1866.

623. Димитрий (Самбикин), архимандрит. Указатель храмовых праздненств в Воронежской епархии, "Приложение к Воронежским епархиальным ведомостям", 1886; отдельное издание: вып. IV. Воронеж, 1886.

624. Димитрий, архимандрит. Церкви в Воронежской епархии за истекшее трехсотлетие (1586—1886), "Воронежские епархиальные ведомости", № 22, 23, 1886.

625. Здравосмыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени, краткие биографические очерки.Новгород, 1897.

626. Иерархия Всероссийской Церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. М., 1892—1898.

627. Историко-статистическое описание церквей и приходов Воронежской епархии. Воронеж, 1904.

628. Киреев А. Исторические сведения о Лебедяни до конца XVIII в. "Памятная книжка Тамбовской губернии на 1866 г.".

629. Кириллов А. К истории народного образования на Дону, ч. II. Черкасская духовная семинария. "Сборник областного войска Донского Статистического Комитета", вып. 4. Новочеркасск, 1904.

630. Кременецкий А., свящ. Альбом. Благовещенский собор Воронежского первоклассного Митрофанова монастыря и иерархи Воронежской кафедры. Воронеж, 1910.

631. Литвинов В. Библиографический указатель литературы о св. Тихоне Задонском и обзор изданий его творений, "Воронежская старина", вып. X, 1911; "Юбилейный сборник". Воронеж, 1911.

632. Литвинов В. В. Указатель изданий, журнальных и газетных статей и заметок, появившихся по случаю 50-летнего юбилея со дня прославления и открытия мощей св. Тихона Задонского, "Воронежская старина", вып. XI, 1912.

633. Литвинов В. В. Дополнения к "Библиографическому указателю литературы о св. Тихоне и обзору изданий его творений", "Воронежская старина", вып. XI, 1912.

634. Митроп. Мануил. Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 годы, Куйбышев, 1971.

635. Миссионерский календарь на 1902 г., изд. "Миссионерского Обозрения". СПб., 1902.

636. Н. Д. Иерархия Всероссийской Церкви от начала христианства в России и до настоящего времени. М., 1892.

637. Межов В. И. Русская историческая библиография за 865—1876 г. включительно, т. 3. СПб., 1883.

638. Никольский П. Справочная книга для духовенства Воронежской епархии, под редакцией Спасского А. М. Воронеж, 1900.

639. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода, т. XX. СПб., 1908.

640. Плавильщиков В. Роспись российских книг для чтения для библиотеки. СПб., 1820.

641. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под редакцией В. П. Семнова, т. II. СПб., 1902.

642. Списки архиереев иерархии Всероссийской и архиерейских кафедр со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721—1895). СПб., 1896.

643. Спутник пассажира по Юго-Восточным железным дорогам, вып. II. М., 1900.

644. Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви.

645. Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721—1871). СПб., 1872; изд. 2. СПб., 1896.

646. Что делать народу? Критический указатель книг для народного и детского чтения, т. II. СПб., 1889.

3. СЛОВАРИ

647. Геннади Г. Н. Словарь русских писателей. СПб., 1869.

648. Географический словарь Российского государства, изд. Щекатова и Максимовича, т. I. СПб., 1801.

649. Митроп. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви, т. II. СПб., 1818, 1827.

650. Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов, т. II. СПб., 1889.

651. Русский библиографический словарь. СПб., 1912.

652. Словарь исторический о Святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых, изд. 2. СПб., 1862.

653. Scheder H. Die Religion in Geshichte und Gegenwart (RGG), B. VI, 3 Auflage, Tubingen, 1962.

654. Schweigi J.M. Lexikon fur Theologie und Kirche, B. 10. Freiburg, 1965.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ, ЕЕ СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ

1. Подготовка к совершению литургии.

Воплощенный, Распятый и Воскресший Христос постоянно влечет к Себе всех, кто ищет вечной правды и единения с Ним. И начало этому единению полагается еще в земной жизни посредством таинств Святой Православной Церкви. В них человек освящается, обновляется и, наконец, в таинстве св. Евхаристии теснейшим образом соединяется с Источником жизни — Богом. В суточном круге богослужений важнейшей частью, центральным его пунктом является Божественная литургия, на которой совершается величайшее таинство: по молитве священника Духом Святым хлеб и вино пресуществляются в истинное Тело и истинную Кровь Христовы.

О величии этого таинства св. Иоанн Златоуст говорит: "Тогда и ангелы предстоят священнику, и весь чин небесных Сил с восклицанием стекается, и все место окрест алтаря наполняется ангельскими лицами, в честь Лежащего"[1]. Таинство это, по словам того же Святителя, землю небом соделывает. Также св. Амвросий Медиоланский пишет: "...Если бы отверсты были (очам нашим) небеса: то бы (и) там ничего не можно найти святее того, что обретается в наших алтарях"[2].

Исходя из важности и святости таинства Евхаристии, каждый священнослужитель, прежде чем приступить к совершению его, должен тщательно подготовить свою душу и прежде всего очистить ее от смертных грехов[3] посредством сердечного сокрушения и устной исповеди пред отцом духовным. Это является единственным средством к умилостивлению Бога и к водворению в душе мира и спокойствия. Считается великим грехом и препятствием к священнодействию служит и то, если пастырь или диакон кого-либо осудил, оскорбил, обидел или имеет к кому-либо нерасположение. В таком случае нельзя приступать к служению литургии, как об этом говорит Сам Христос Спаситель: "Если... принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и

---

[1] Св. И. Златоуст. Слово 6-е о священстве.

[2] Св. Амвросий Медиол. Глас веры, гл. 8, О таинствах, стр. 78

[3] Смертные грехи следующие: гордость, сребролюбие или лихоимство, блуд, чревоугодие, зависть, гнев и леность. Кроме этих грехов, можно считать смертными все те, которые терзают нашу совесть и не дают ей покоя.

пойди... примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой" (Мф. 5, 23—24). Но если человек, оскорбленный священником, окажется где-то далеко и нет возможности испросить у него прощения перед совершением литургии, то следует, по крайней мере, восскорбеть об этом в своем сердце и дать обещание перед Богом при первой встрече с этим человеком примириться[1].

Препятствием к совершению литургии Божественной может служить и вкушение пищи после двенадцатого часа ночи. Об этом свидетельствуют канонические правила: 50-е и 58-е — Карфагенского собора; 29-е Шестого Вселенского собора. Кроме воздержания в пище, священнослужитель обязан воздерживаться и в супружеской жизни несколько дней перед литургией и после, как об этом свидетельствуют правила Карфагенского собора (3-е, 4-е, 34-е, 81-е).

Немалым препятствием к совершению литургии может служить и внешний вид пастыря или диакона, то есть его телесная нечистота и неопрятный вид. По мысли св. Амвросия Медиоланского, внешний вид священнослужителя отражает внутреннее состояние его души. При совершении величайшего таинства одежды служащего священника или диакона должны быть чистыми и нерваными, иначе он может уничижать Христа Бога, Который пребывает в пречистых Тайнах. Лицо и руки должны быть вымыты, волосы причесаны, ногти обрезаны, усы подстрижены, чтобы во время причащения Святых Тайн не оставалось на них ни одной капли Божественной Крови, зубы вычищены, уста вымыты еще с вечера.

Кроме всего вышесказанного, от священнослужителя требуется и то, чтобы он настроил свою душу к благоговейному совершению Божественной литургии посредством церковных служб, т. е. со вниманием выслушал вечерню, утреню и часы. Затем необходимо служащему священнику и диакону вычитать вечернее правило, состоящее из определенных Церковью на каждый день канонов. Так, в воскресенье вечером следует читать каноны: Иисусу Сладчайшему, Божией Матери (начало 1-го тропаря: "Многими содержимь напастьми"), Ангелу Хранителю (а кто имеет усердие, то и Архангелам); вечером в понедельник: Иисусу Сладчайшему, Божией Матери, св. Иоанну Предтече и Ангелу Хранителю; во вторник вечером: Иисусу Сладчайшему, Богородице Одигитрии и Ангелу Хранителю; в среду вечером: Иисусу Сладчайшему, Богородице, Ангелу Хранителю, св. Апостолам и св. Николаю (по желанию можно читать и акафист св. Николаю); в четверг вечером: Животворящему Кресту, Богородице и Ангелу Хранителю; в пятницу вечером: Иисусу Сладчайшему, Божией Матери с акафистом и всем святым; и в субботу вечером: Иисусу Сладчайшему, Богородице и Ангелу Хранителю[2]. Кроме указанных каконов, священнослужители обязаны прочитывать еще молитвы вечерние и утренние, а также и молитвы ко святому Причащению. Все правило должно вычитываться перед каждой литургией.

---

[1] А. Ф. Хойнацкий. Практическое руководство для священнослужителей при совершении Святых Тайн. М., 1882, стр. 57.

[2] Прот. А. Ф. Хойнацкий. Цит. соч., стр. 62. Срав. Практическое изложение церковно-гражданских постановлений. СПб., 1890, стр. 42.

Нелишне также заметить, что все каноны лучше читать вечером, так как вечернее правило побуждает священнослужителя к большому самоуглублению и притом совершается без спешки. Оставлять правило на утро опасно по той причине, что священнослужитель может быть позван на какую-либо требу, которая не терпит отлагательства. На утро можно оставить только молитвы утренние и ко святому Причащению.

Некоторые служители, вопреки церковным правилам, читают эти каноны и молитвы во время церковных служб, т. е. на вечерни или на утрени, оправдывая себя тем, что не имеют времени прочесть их дома. Нужно всячески избегать этого, потому что священник должен следить за службой и настраивать свою душу на молитвенное общение с Богом. Кроме того, такое механическое чтение канонов во время службы может привести священника к нерадению и невниманию к утрени и вечерни, без которых, по уставу церковному, совершать литургию не положено. Но если кто по уважительной причине не смог совершить все правило, то он должен обязательно прочитать хотя бы молитвы ко святому Причащению, а по окончании литургии прочитать остальное. Священнослужитель должен также знать и разуметь таинственный смысл священнодействий литургии; это способствует приобретению страха Божия и благоговения.

Подготовившись таким образом душевно и телесно, священнослужитель должен предстать пред Божественной трапезой с горячей любовью к Богу и человеку, чтобы достойно совершить великую таинственную Жертву.

2. Проскомидия

Прежде чем непосредственно приступить к совершению проскомидии, священнослужитель должен еще раз внимательно испытать себя, готов ли он приступить к совершению великого таинства. После этого он со смирением читает перед царскими вратами входные молитвы. С сознанием своей греховности он произносит тропарь "Помилуй нас, Господи, помилуй нас..." и "Господи, помилуй нас...". Здесь священник просит Бога простить его беззакония, которые он, как человек, мог совершить. Далее он обращается к Божией Матери и просит Ее открыть ему двери милосердия: "Милосердия двери отверзи нам...". После этого священник целует иконы Спасителя и Божией Матери, читая тропари: "Пречистому Твоему образу покланяемся..." и "Милосердия сущи источник...". И, наконец, приклонив голову пред царскими вратами, он читает молитву: "Господи, ниспосли руку Твою...", в которой он испрашивает благодатной помощи к совершению литургии, а затем просит молитв и прощения у собратьев и верующих и входит в алтарь, произнося псалом "Вниду в дом Твой..." (5, 6–11). Приступив к престолу, священник делает три поклона перед ним, целует лежащее на престоле Евангелие, как бы Самого Господа, сидящего на престоле славы, Крест Господень и святой престол. Затем священник с благоговением начинает облачаться в священнические одежды и, облачившись, умывает руки, читая псалом: "Умыю в неповинных руце мои". Приступив к жертвеннику, который символизирует, по мысли св. Германа, патриарха Константинопольского, вертеп, в котором родился Спаситель, а также Гол-

гофу, где была принесена Крестная Жертва Христа Спасителя[1], служитель алтаря еще раз обращается к Богу, полагая три земных поклона с молитвой: "Боже, очисти меня грешного и помилуй мя". Если священник слу- жит с диаконом, то диакон должен приготовить священные сосуды, т. е. чашу и дискос, а также звездицу, лжицу, копие, покровцы, пять просфор, вино и воду. После тропаря Великой Пятницы "Искупил ны еси от клятвы законныя...", при чтении которого священник последовательно целует дискос, чашу, звездицу, копие и лжицу, он делает возглас "Благословен Бог...", берет просфору и знаменует ее копием трижды со словами "В воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа". Затем приступает к таинственному закланию агнца, т. е. надрезает с четырех сторон просфору со словами пророчества Исаии: "Яко овча на заколение ведеся..." (Ис. 53). Вынутую часть, или агнец, священник со словами: "Яко вземлется от земли живот Его" кладет печатью вниз на дискос, который прообразует ясли и вертеп, а также и новый гроб, где положили Христа Спасителя Иосиф с Никодимом.

Делая крестообразный надрез, священник говорит: "Жрется Агнец Божий, вземляй грехи мира..." Этот агнец изображает Господа Иисуса Христа, пришедшего "в мир грешныя спасти". Перевернув агнец печатью вверх, священник прободает копием правую его сторону и произносит: "Един от воин копием ребра Его прободе..." Далее священник (или диакон, если есть) вливает в чашу красное вино, смешанное с водой, в знак того великого события, когда из ребра Христова истекла кровь и вода.

Затем священнослужитель берет другую просфору, вынимая одну частицу в честь и память Преблагословенной Девы Марии и полагает ее на дискос по правую сторону от агнца со словами: "Предста Царица одесную Тебе..." Эта частица изображает собой Преблагословенную Деву Марию — Молитвенницу пред Престолом Всевышнего за весь мир.

Из третьей просфоры священник вынимает девять частиц в честь святых угодников Божиих. Последняя частица посвящается памяти того Святителя (св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого), чья литургия совершается. Все эти девять частиц располагаются на дискосе с левой стороны агнца и напоминают собой о наших молитвенниках у Престола Божия. Этим самым вся Церковь — видимая и невидимая — участвует в принесении всемирной Жертвы Христовой. Из четвертой просфоры служитель алтаря вынимает две большие частицы: одну — за Святейшего Патриарха, а другую — за богохранимую страну нашу и полагает их на дискос как бы у ног Самого Христа Спасителя, Который имеет власть прощать грехи по молитвам Святой Церкви.

Наконец, взяв пятую просфору, священник вынимает одну большую частицу за умерших патриархов и всех христиан, почивших в надежде воскресения.

После всего священник из четвертой просфоры вынимает частицу и за себя, прося у Бога прощения своих грехов. Это поминовение на проскомидии имеет великое значение, потому что в конце Божественной литургии пастырь опускает все вынутые частицы в Святую Чашу с мо-

[1] Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургии. М., 1856, стр. 76.

литвой: "Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею..." Вот почему священник должен со вниманием прочитывать все поминовения, не пропуская ни одного имени. Такое добросовестное поминовение поможет пастырю полюбить людей, сострадать им, а это в пастырской жизни должно стоять на первом месте, ибо без этих основных качеств деятельность священника будет бесплодной.

Закончив поминовение, священник кадит звездицу и поставляет ее на дискосе над агнцем в память той звезды, которая указала волхвам место рождения Спасителя. После этого покрываются дискос и чаша покровцами, символизирующими собой те пелены, которыми был повит Родившийся Богомладенец в Вифлеемской пещере. Большой воздух, которым покрываются чаша и дискос, знаменует славу Божества Христова, а покрытие им дискоса и чаши после великого входа обозначает, по мысли св. Германа, тот камень, который был привален к пещере гроба Господня[1]. Затем совершается каждение предложенных Даров с молитвой: "Боже, Боже наш, небесный хлеб...", в которой священник просит Бога принять "предложение сие" и помянуть его и всех "принесших и их же ради принесоша".

Заканчивает проскомидию отпустом. Таким образом, проскомидия является начальным актом Божественной литургии. Здесь воспоминаются два величайших события: рождество Христово и Его крестная смерть, посредством которой человечество освободилось от вечной смерти и получило доступ в Царство Небесное.

3. Совершение литургии оглашенных

Окончив проскомидию, священнослужитель кадит св. Престол крестообразно со словами: "Во гробе плотски...". Затем совершается полное каждение, перед которым открывается завеса при царских вратах, обозначающая собой то, что тайна рождества Христова была сокрыта от мира до дня Его общественного служения. В это время священник читает 50-й псалом, в котором выражает свое покаянное чувство пред Богом. Совершив каждение, он молится у Престола, чтобы Господь сподобил его неосужденно совершить Божественную службу, затем берет в руки Евангелие и произносит возглас "Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...", начертывая при этом Евангелием на св. Престоле знамение Креста. Это действие имеет глубокий смысл. Святое Евангелие символизирует Самого Иисуса Христа, а Крест — орудие совершения нашего спасения. Этим возгласом священнослужитель открывает верным неисповедимую тайну Пресвятой Троицы, возвещенную нам воплотившимся Христом. Вслед за этим начинается великая ектения, которой священник приглашает предстоящих молиться Богу в мире как за самих себя, так и за всех христиан. После ектении поются антифоны, или хвалебные стихи из псалмов, которые, во-первых, выражают нашу благодарность Создателю, а во-вторых, наше недостоинство и просьбу помощи Божией.

---

[1] Изъяснение литургии, стр. 94.

Святая Церковь в этих песнопениях прославляет Бога и исповедует Христа Единородным Сыном Божим. В них содержатся догматы о Лице Иисуса Христа, о Его Божественном достоинстве. Антифоны сопровождаются тайными молитвами священника, в которых он просит Бога ниспослать милость Свою на святой храм и на молящихся в нем. Между антифонами бывают малые ектении. Далее поются евангельские похвалы блаженным — святым: "Блажени нищие духом... Блажени плачущии..." и т. д. В это время отверзаются царские врата, и священнослужитель исходит с Евангелием на малый вход. При этом в тайной молитве он призывает, просит Бога о входе вместе с ним святых ангелов. Так жители небесные и земные готовятся и соединяются к встрече Господа, идущего на Свое земное служение. Открытие царских врат для малого входа означает явление Христа всему миру после Его тридцатилетней малоизвестной жизни и шествие Его на проповедь Евангелия после крещения во Иордане. Свеча, носимая пред Евангелием, означает Предтечу и вместе свет учения Христова, которое содержится в Евангелии. Возглас "Премудрость прости (станем прямо)" напоминает нам о Божественной премудрости, заключающейся во св. Евангелии, и о нашем внимании к этим священнодействиям. Целование священником св. Евангелия и царских врат означает, что мы любовью Иисуса Христа примирены с Богом Отцом, и Он отверз нам вход в Царство Небесное. После этого служитель алтаря при пении "Приидите поклонимся..." входит в святой алтарь, как бы в самое небо, целует Евангелие и Престол и читает молитву "Боже Святый, Иже во святых почиваяй...", в которой просит Бога о достойном прославлении Его. Затем после возгласа "Яко свят еси Боже наш..." начинается торжественное пение Трисвятого. В это время священник отходит к горнему месту. Далее поется прокимен и читается Апостол. Священник, сидя на горнем месте, изображает собой вознесшегося на небо Иисуса Христа и сидящего одесную Отца. Но если участвуют в богослужении диаконы, то они в это время не сидят, так как они символизируют апостолов, которые были посланы Христом проповедовать Евангелие всему миру. Каждение во время чтения Апостола означает, во-первых, распространение по всей вселенной святыми Апостолами благовествования о Христе и христианской жизни, а во-вторых, сообщение верующим благодати Святого Духа посредством таинств. После чтения Евангелия возглашаются сугубая и заупокойная ектении, во время которых поминаются как живые, так и умершие, т. е. происходит молитвенное единение земной Церкви с небесной. Поэтому пастырь должен отнестись к этому делу, т. е. поминовению, внимательно и нелестно вознести свои молитвы к Богу о каждой душе "скорбящей и озлобленной...". Затем следует ектения об оглашенных. Хотя на первый взгляд она окажется отжившей, поскольку в наше время уже нет оглашенных и все крещены в детстве, но понимать ее нужно гораздо глубже. Надо помнить, что Божественная литургия совершается не только тем или иным священником в том или ином храме и не только для тех людей, которые присутствуют при богослужении; она есть великое таинство, которое совершает вся Церковь, а в ней всегда есть оглашенные. И сейчас есть люди, обращающиеся в православную веру, и Церковь, даже если это происходит в другом месте, молится о них так же, как если бы они стояли в храме вместе с нами. Кроме того, в древней Церкви вместе с

оглашенными выходили из храма и те согрешившие христиане, которых Церковь на время отлучала от участия в таинстве Евхаристии. Стоит только со вниманием каждому из нас проанализировать свои поступки, заглянуть в свое сердце, и мы увидим, как далеко отстоим мы от верных. Однако крещение водой еще недостаточно для спасения. Нужно родиться духом, т. е. проводить свою жизнь во Христе и со Христом. А поскольку мы еще далеки от такой жизни, значит, и к нам относится ектения об оглашенных. Если применить к нам те требования, которые древняя Церковь предъявляла к христианам, то все мы заслуживаем быть изгнанными из храма. Кроме того, возглас "Оглашенные, изыдите" должен побуждать нас к очищению своей души от всякой скверны, а в данный момент позаботиться об изгнании всех дурных помыслов, чувств, а также житейских забот и попечений.

4. Литургия верных

С момента произнесения ектении "Да никто от оглашенных" начинается литургия верных, на которой воспоминается Тайная вечеря, т. е. последняя прощальная беседа Господа с апостолами, а также Его страдания, смерть, погребение, воскресение из мертвых: вознесение на небо и сидение одесную Бога Отца. Перед пением Херувимской раскрывается антиминс, значение которого в Церкви Христовой весьма велико. Он заменил собой гробы мучеников, на которых первые христиане приносили бескровную Жертву. Так как во время гонений христиан не было возможности переносить с места на место тяжелые престолы с гробами мучеников, то стали делать убрусы, вкладывая в них частицы св. мощей мучеников. Впоследствии эти убрусы были названы антиминсами — вместо престолиями. Антиминс — это шелковый плат с изображением Господа во гробе. По мысли св. Исидора Пелусиота, антиминс еще символизирует ту плащаницу, которой было обвито Тело Христа Спасителя[1].

После ектении о верных поется Херувимская песнь, во время которой совершается великий вход с "предложенными" Дарами. Этот вход знаменует собой добровольное шествие Иисуса Христа на страдание, смерть и погребение. По перенесении Даров диакон произносит ектению, в которой просит Бога освятить Дары и простить грехи всем молящимся. Далее следует возглас "Возлюбим друг друга...", означающий, что только в любви и единомыслии мы можем исповедовать нашу веру. В первые века Церкви Христовой все стоящие в храме в это время приветствовали друг друга "лобзанием святым". В настоящее время это лобзание совершается только в алтаре между священнослужителями. Этим действием исполнилась заповедь Христова: "Если... принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником и пойди... примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси твой" (Мф. 5, 23—24). Без такого примирения молитва наша не будет услышана и жертва не будет благоугодна Богу. После выражения чувств любви священник или диакон возглашает: "Двери, двери, премудростию вонмем". В древние времена этими словами

[1] Изъяснение литургии, стр. 97.

напоминалось церковным сторожам охранять двери храма, чтобы никто из неверных не вошел в него, а молящиеся в нем стояли и внимали Премудрости Божией. В настоящее время нет привратников, и при возгласе этих слов каждый из предстоящих должен отнести их к себе, как призыв к охранению своих чувств от посторонних помыслов, и тем самым сосредоточить все внимание на церковном богослужении. Далее поется Символ веры, в котором верующие открыто исповедуют догматы христианской веры. В то же время они выражают и любовь к Богу, вспоминая домостроительство нашего спасения, совершенное через пришествие на землю Сына Божия. По окончании Символа произносится призыв к молящимся "Станем добре...", потому что начинается самый ответственный момент, т. е. Евхаристический канон. Это самая важная, центральная часть, ядро Божественной литургии. И замечательно то, что эта часть сохранилась до наших дней такой, какой она была установлена Самим Спасителем на Тайной Вечери. Возгласом "Станем добре" священнослужитель призывает молящихся стоять в храме с особым вниманием и благоговением, в совершенном мире и единодушии с ближними. После пения "Милость мира, жертву хваления" священнослужитель, обращаясь к народу, возглашает апостольские слова: "Благодать Господа..." Этими словами испрашиваются дары от каждого Лица Святой Троицы: от Сына Божия — Благодать, от Бога Отца — любовь, от Святого Духа — причастие.

После этих слов священник побуждает молящихся к более усердному вниманию словами: "Горе имеем сердца", т. е. к небесам, где обитает Всевышний приемлющий только те молитвы, которые исходят от чистого сердца и из неосквернённых уст.

Затем пастырь призывает всех возблагодарить Господа. В это время в храме поют: "Достойно и праведно есть", а священник читает тайно молитву, в которой благодарит Господа за все благодеяния, за милости Его "ведомые и неведомые". Благодарит также и за то, что Он принял службу от рук наших, хотя и предстоят Ему тысячи ангелов и архангелов. После этого священник возглашает: "Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще". Хор славословит Бога вместе с небесными Силами, которые предстоят престолу Всевышнего. В это время священнослужитель продолжает читать тайную молитву, прославляя Бога за Его искупительный подвиг и спасение рода человеческого и затем возглашает слова, произнесенные Господом Иисусом Христом на Тайной Вечери: "Приимите, ядите, сие есть Тело Мое..." и "Пийте от нея вси, сея есть Кровь Моя..." На эти слова хор отвечает: "Аминь", а священник читает тайную молитву, в которой воспоминает крест, гроб, тридневное воскресение, вознесение на небеса, сидение одесную Отца и второе славное пришествие Христово. Затем священник, как приносящий Богу Дары от лица Церкви небесной и земной, возглашает: "Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся".

С произнесением этих слов дискос и чаша возносятся над престолом крестообразно сложенными руками в знак того, что бескровная Жертва приносится в воспоминание крестной смерти Спасителя, а также того, по мысли св. Василия Великого, что Иисус Христос на Тайной Вечери вознес руками хлеб Богу Отцу и потом только освятил и преломил его. По окончании тайной молитвы и тропаря "Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа..." священник крестообразно благословляет сначала агнец со

словами: "И сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего", а затем чашу с вином со словами: "А еже в чаши сей, честную Кровь Христа Твоего" и, наконец, благословляет вместе "обоя", говоря: "Преложив Духом Твоим Святым". При этих тайносовершительных словах предложение пресуществляется: хлеб — в Тело Христово, а вино — в Честную Кровь Его. В это время к священнику, по свидетельству Златоуста, сходят с небес ангелы и служат Богу[1]. Весь алтарь наполняется небесными силами, и поэтому молитва пастыря должна быть усиленной[2]. В этот момент священник с трепетом и благоговением повергается до земли пред истинным Телом и Кровью Христовыми, молясь, чтобы св. Дары послужили приобщающимся "не в суд или осуждение", а в наследие Царства Небесного. Полагая земной поклон, пастырь тем самым выражает также свое смирение и благодарение Богу. В тайных молитвах, читаемых по благословении Св. Даров, священник поминает всех членов Церкви — как живых, так и умерших — и затем возглашает: "Изрядно о Пресвятей...", а хор прославляет Божию Матерь, Которая послужила великой тайне воплощения Сына Божия и ходатайствует за нас пред Создателем. Помянув иерархию и всех людей, пастырь далее молится, чтобы Господь даровал молящимся едиными устами и единым сердцем воспевать "великолепное имя" Господа Иисуса Христа, а также, чтобы милость Его пребывала со всеми присутствующими за этим богослужением. Этим и заканчивается Евхаристический канон. Дальнейшими молитвословиями Церковь приготовляет верующих к достойному принятию Св. Христовых Таин. Особенно к этому располагают просительная ектения с возгласом: "И сподоби нас, Владыко..." и молитва Господня "Отче наш...", в которой верующие называют Господа Бога своим Отцом и тем выражают благодатную радость примирения, совершенного Искупителем. После тайной главопреклонной молитвы священник закрывает завесу и возглашает: "Святая святым" т. е. Святые Дары — для святых людей). Здесь каждый должен прочувствовать, с каким благоговением и чистотой сердца следует приступать к этой святыне, и, проникнувшись сознанием своего недостоинства, повторять вместе с хором: "Един Свят, един Господь..." (т. е. сам собой никто из людей не бывает святым, но все получают освящение только через Иисуса Христа, Который по Своей любви и милосердию искупил человека Кровию Своею и открыл ему доступ к теснейшему единению с Самим Собой через вкушение св. Евхаристии).

Раздробив св. агнец и разложив его крестообразно на дискосе, священнослужитель одну из четырех частей с надписью "ИИСУС" опускает в св. чашу со словами: "Исполнение Духа Святага". Этими словами и действием выражается полнота таинства, т. е. Тело Христово соединяется с Его Божественной Кровью. После этого в св. чашу вливается теплая вода, которая служит для более живого изображения истинной Крови Христовой. "Если бы была другая какая-либо цель, — пишет Симеон, архиепископ Фессалоникийский, — то незачем было бы прибавлять теплоту к Дарам, так как она уже была влита в чашу во время совер-

---

[1] Цит. по: И. Пономарев. Учение о Богослужении Православной Церкви... Иркутск, 1909, стр. 106.

[2] Цит. по: Прот. В. Михайловский. Учение о Православном Богослужении, СПб., 1888, стр. 72.

шения литургии (проскомидии)"[1]. В это время хор поет причастный стих, а священнослужители в алтаре причащаются частицей "ХРИСТОС", остальные две части агнца с надписями "НИ" и "КА" раздробляются и опускаются в чашу для причащения мирян. Что касается частиц, вынутых из просфор, то они в св. чашу в это время не опускаются, дабы не смешать их с частицами Тела Христова и не причастить ими кого-либо из верующих, так как эти частицы не пресуществляются в Тело Христово и не могут заменить собой Св. Тайны. Затем открываются завеса и царские врата, и священнослужитель выходит на амвон для причащения мирян. Открытие завесы напоминает нам, как в ночь воскресения, среди глубокого мрака, озарил пещеру Живоносного Гроба Господня небесный свет, а открытие царских врат знаменует собой удаление камня от гроба и воскресение Христово. Священник с чашей в руках символизирует ангела Господня, а Св. Дары — Самого Христа Воскресшего, Который как Победитель ада и смерти явился святым женам и апостолам. Приняв Св. Дары из лжицы, причастники целуют край св. чаши как само ребро Христово, отходят в сторону и принимают теплоту. Лжица[2] знаменует собой те клещи, которыми серафим взял горящий уголь от алтаря Небесного, прикоснул его к устам пророка Исаии и очистил их (Ис. 6, 6). Точно так же угль Тела и Крови Христовых очищает и тело и душу верующего. По причащении мирян св. чаша поставляется на Престоле, что означает сорокадневное пребывание Спасителя на земле по Его воскресении. Затем в чашу осыпаются частицы, вынутые из просфор, со словами: "Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею..." Каждая частица, напитавшись Св. Кровью, приносит великую пользу тем, за кого она вынута. По этому поводу блаженный Симеон пишет: "Приносимые частицы доставляют великую пользу... Они служат в отпущение грехов, единение божественной благодати (для умерших), а живым — освобождение от бед, в отпущение грехов в надежду жизни вечной..."[3].

Накрыв св. Дары покровцами, священник благословляет молящихся со словами: "Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое" (Пс. 27, 9). Хор, от лица всех молящихся, поет Господу благодарственную песнь: "Видехом свет Истины...". Священник в это время кадит Св. Дары, знаменуя тем благодать Духа Святого, источаемую ими, затем, начертав св. чашей крест над антиминсом, со словами: "Благословен Бог наш...", обращается лицом к народу со св. Дарами и возглашает: "Всегда, ныне и присно и во веки веков", чем свидетельствует вечное пребывание Господа Иисуса Христа в своей Церкви. Этот момент также символизирует собой вознесение Христа Спасителя с Елеонской горы. Молящиеся, при осенении их св. Дарами, поклоняются Пречистым Тайнам и воссылают хвалу и благодарение Богу словами: "Да исполнятся уста наша хваления

---

[1] Блаж. Симеон, архиеп. Фессал., часть 3, стр. 51.

[2] Лжица вошла в употребление со времени св. Иоанна Златоуста, а до того все миряне причащались, как и священнослужители, т. е. Тело Христово давалось в руки каждому, а затем преподавалась чаша с Кровью Христовой. Отмене этого обычая послужили случаи, когда некоторые христиане, унося с собой св. Дары, кощунствовали над ними (Вениамин. Новая скрижаль, стр. 221—222).

[3] Блаж. Симеон, архиеп. Фессалоникийский. Цит. соч., часть 3, стр. 56.

Твоего, Господи...". По перенесении Св. Даров на жертвенник бывает благодарственная ектения, при произнесении которой священник складывает антиминс, знаменует его крестообразно Евангелием и возглашает: "Яко Ты еси Освящение наше...". Далее священнослужитель напутствует верующих, исходящих из храма, возгласом: "С миром изыдем". Хор, выражая желание молящихся идти не иначе, как только с Господом, отвечает: "О имени Господни" (т. е. после получения Божия благословения). Исполняя их желание, священник выходит из алтаря и читает напутственную заамвонную молитву: "Благословляй благословящих Тя, Господи...". В ней он испрашивает благословение Господне не только для предстоящих в храме, но и для всех членов Церкви, после чего возвращается к престолу и возглашает: "Слава Тебе, Христе Боже..." И бывает отпуст, после которого хор поет многолетие Святейшему Патриарху, правящему епископу, богохранимой стране и всем православным христианам, тем самым выражая желание, чтобы всемилостивый Господь сохранил их на многие годы в здравии и благополучии.

10 июня 1990 год.

(ОПЫТ ИЗЪЯСНЕНИЯ НАЧАЛЬНОГО ВОЗГЛАСА И МИРНОЙ ЕКТЕНИИ)

Как часто душа христианина не может полностью утолить свою духовную жажду. Грех, суета, погоня за земными благами, конфликты во взаимоотношениях с людьми — все это мучительно томит человеческую душу. От этих волнений и переживаний христианин постоянно стремится к иному миру, т. е. еще здесь, живя на земле, он не оставляет желания приобщиться через молитвы и таинства к вечной жизни в Боге. Именно таинства Церкви Христовой помогают христианину сбросить гнетущую тяжесть, суеты и греха и утвердить сердце свое в том, что неизменно, чего никто и никогда не отнимет, над чем не властны ни люди, ни время, ни смерть.

Все таинства, богослужение, как и вся жизнь Церкви Христовой, имеют своей целью очищение, освящение, обожение человека, соединение его с Господом здесь в этом мире и дарование ему вечной жизни в будущем веке.

Особенно в таинстве Святой Евхаристии христианин самым теснейшим образом соединяется со своим Создателем, в Котором находит полное успокоение своей мятущейся душе и в то же время ощущает в своем сердце будущее блаженство Царства Божия. Каждое богослужение в Церкви Христовой начинается особым возгласом. Так, начальный возглас вечерни: "Благословен Бог наш...", утрени — "Слава Святей...", Божественная же литургия всегда предваряется возгласом: "Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, аминь". При этом священнослужитель начертывает Евангелием на св. Престоле знамение креста. На этом возгласе и действии остановимся подробнее.

"БЛАГОСЛОВЕННО ЦАРСТВО ОТЦА И СЫНА И СВЯТОГО ДУХА..."

То есть все то, что доступно и что недоступно человеческому уму, принадлежит Богу Триединому. По Его всеблагой воле и неизреченной любви сотворена вселенная с ее необъятными просторами и красотами. И как об этом говорит бытописатель: "и виде Бог вся, елика сотвори: и се добро зело" (Быт. 1, 31; 2, 3), В акте творения участвовали все лица Святой Троицы. БОГ ОТЕЦ через СВОЕ СЛОВО — вторую ипостась, сотворил Своим всемогуществом в определенной последовательности прекрасный видимый и невидимый мир. ДУХ СВЯТОЙ по воле ОТЦА оживотворяет и сообщает всему сотворенному жизненную силу. "Святым

Духом всяка душа живится..." — учит св. Церковь в богослужебных песнопениях[1]. "Пошлеши Духа Твоего и созиждутся", — говорит пророк Давид (103, 30).

Целью творения послужило то, что Господь по Своей благой воле благоволил дать возможность твари наслаждаться бытием, а также участвовать в Божественной славе и блаженстве через прославление Творца. Бог не ищет Себе славы, но в прославлении Бога человеком состоит блаженство человека. И поэтому все то, что сотворено Богом, должно прославлять Своего Творца. Только Ему Одному принадлежит Царственная слава как на небе, так и на земле, и поэтому Бога прославляют не только ангелы и люди, но Его хвалит солнце, славят луна и звезды. Ему работают источники и трепещут бездны...[2].

Кроме того, возглас, произносимый священником на литургии, возносит наши умы и сердце горе в Царство Пресвятой Троицы. И тем самым напоминает молящимся, что Божественная литургия есть Таинство теснейшего единения с Богом, таинство умилостивления Отца Небесного Его Сыном, а также таинство Духа Святого, пресуществляющего принесенные дары в Тело и Кровь Христовы. Далее этот возглас напоминает и о том, что все присутствующие за литургией с верой и сознанием своего недостоинства являются сынами благодатного царства Божия, а поэтому должны всегда благословлять, т. е. славословить и благодарить Триединого Бога, устрояющего наше спасение[3].

Одним из существенных признаков этого царства является его универсальный характер, т. е. мир небесный и земной составляют царство Бога во Святой Троице. Особенно ярко это царство Триединого Бога раскрылось в этом мире с пришествием Христа Спасителя. Предтеча Господень, приготовляя людей к принятию Небесного Посланника, возвещал грядущим к Нему: покайтесь, потому что приблизилось Царство Небесное. И далее он говорит : "Идет за мною сильнейший меня... Он будет крестить вас Духом Святым" (Мф. 1, 7). И действительно, все это исполнилось тогда, когда Спаситель открыто вышел на общественное служение роду человеческому. Проповедуя везде по городам и селам, Он говорил: "приидите ко мне, все труждающие и обремененные, и Я успокою вас" (Мф. 11, 28).

И этому голосу последовали многие племена и народы, которые получили Царство Небесное через веру в Иисуса Христа.

Этот призыв к покаянию и к приобретению Царства Небесного раздается и сейчас за Божественной литургией, побуждая людей к теснейшему единению через вкушение святой Евхаристии со Христом. Поэтому этот начальный возглас литургии, по мысли прот. В. Владиславлева, является как бы проповедью Предтечи и Спасителя к людям о приближении Царства Небесного. И как тогда эта проповедь о жизни вечной перерождала людей и побуждала их следовать учению Христову, так и в

---

[1] Антифон 4-го гласа.

[2] Требник, молитва на освящение воды.

[3] Свящ. Г. Дьяченко. Беседы о Богослужении православной церкви. М. 1898, стр. 515.

настоящее время в Церкви Божией продолжается это призвание в Благодатное Царство[1].

Окончательно это благодатное царство наступит тогда, когда будет упразднен грех, т. е. после второго пришествия Христова. Тогда будет Бог всяческая во всем.

Таким образом, прославляемое священнослужителем в начале литургии Царство Триединого Бога представляет собой Царство вечной Божественной жизни, Царство, объемлющее весь мир, Царство, утверждающее в людях, чистых сердцем, исповедующих Иисуса Христа Сыном Божиим.

Что касается действия священнослужителя, начертывающего Евангелием крест на Святом Престоле, то это действие имеет глубокий смысл. Святое Евангелие символизирует Самого Иисуса Христа, а крест — орудие, которым Он совершил наше спасение. Далее священнослужитель этим действием дает понять молящимся, что Божественная литургия совершается в воспоминание Крестной смерти Богочеловека за весь род человеческий[2].

Кроме того, крестное знамение, начертываемое святым Евангелием, обозначает, что этим самым благословляются Триединым Богом через Слово божие все концы вселенной, т. е. от края и до края земли, о чем свидетельствует Сам Иисус Христос, говоря: "будет проповедано Евангелие Царствия по всей вселенной" (Мф. 24, 14).

Вслед за этим начинается великая мирная ектения. Она призывает каждого христианина к внутреннему очищению и духовному бодрствованию. "Миром Господу помолимся", т. е. молитва наша будет тогда только угодна Богу, когда в нашем сердце имеется мир душевный, не возмущенный никакими страстями или нечистыми пожеланиями. Мало того, во время молитвы наш ум должен быть свободным не только от страстей, но и от мирских забот. От христианина также требуется еще мир с ближними. Поэтому, приступая к молитве, необходимо всякое взаимное примирение со всеми. Это является первым и необходимым условием принятия нашей молитвы Богом. Об этом мы находим указание в Священном Писании, где говорится: "Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с оратором твоим, и тогда приходи и принеси дар твой" (Мф. 5, 23—2).

Далее, во втором прошении говорится "о свышнем мире и о спасении душ наших". Здесь идет речь о том мире, который подается Самим Богом христианину за святость его жизни и который есть превыше всякого ума (Фил. 4, 7). Этот мир обретают те лица, которые полностью покорились воле Божией и в чистоте своего сердца исполняют все то, что от них требует Закон Христов. Достигший такого мира человек уподобляется своим незлобием и простотой младенцам, о которых Христос сказал: "Таковых есть Царство Небесное" (Мф. 19, 14). Человек, полу-

---

[1] Прот. В. Владиславлев. Объяснение Богослужения святой православной Церкви. СПб., 1905, стр. 266.

[2] Дмитриевский. Изъяснение на литургию, ч. 2, § 25, стр. 143; Срав. Г. Дьяченко. Цит. соч., стр. 515.

чивший свыше этот Божественный мир, бывает готов на всевозможные подвиги и даже более того — на смерть за Христа. Как об этом говорит апостол Павел: "Для меня жизнь —Христос, а смерть — преобретение" (Флп. 1, 21).

Молитва о свышнем мире находится в самой тесной связи с молитвой о "спасении душ наших". Испрашивая у Бога и Творца мир души, мы также просим помощи Божией на пути ко спасению. Здесь следует отметить то основное назначение человека, для чего он создан, — вечное блаженство, которое достигается путем сердечной веры в Иисуса Христа и жизнь, согласная с его Заповедями. Другого пути ко спасению и блаженной жизни в вечности нет и не может быть.

В третьем прошении диакон или священник призывает молящихся вознести свои молитвы о мире всего мира, а также о благосостоянии святых церквей и соединения всех. Христианин это такой человек, который должен постоянно молиться за всех людей, живущих по всей вселенной. И эта молитва за всех людей должна быть искренней, горячей и проникнутой той основной мыслью, что все люди есть дети Отца Небесного и что они произошли от одного родоначальника Адама. Апостол Павел по этому поводу говорит, что Господь от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли (Деян. 17, 26).

Кроме того, все человечество искуплено Кровью Сына Божия. И поэтому наша святая обязанность любить всех людей независимо от их национальности и вероисповедания. К чему призывает всех христиан апостол Павел: "Прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков" (1 Тим. 2, 1). Следует также отметить, что прошением "о мире всего мира" Церковь умоляет Бога удалить от всех людей всякия смуты, раздоры и войны. Эти и другие подобные нестроения нарушают общую гармонию человеческой жизни и приносят огромные страдания живущим на земле.

Далее возносится молитва "о благосостоянии святых Божиих Церквей и соединении всех", т. е. чтобы все Православные Церкви благоденствовали, процветали и распространяли учение Христово во всей вселенной. А также, чтобы все они имели между собой тесные контакты и живое общение, без которых невозможно достичь полного единения. Все несогласия и раздоры могут принести большой ущерб не только чистоте Православия, но и делу спасения людей, которые искуплены Христовой Кровью. Вот почему Церковь и молится, чтобы Господь умиротворил всех между собой, чтобы Он взял под Свою защиту те церкви и тех ее членов, которые находятся в опасности. Вернул бы заблудших овец на путь истинный и зажег бы в их сердцах чистый огонь веры и любви к Нему, согревающий и освящающий всех вокруг себя (Мн. 10, 16).

Об этом единении молился Сам Господь Иисус Христос. "Да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едины" (Ин. 17, 21). Живая связь и любовь между всеми Церквами и ее членами есть наивернейший признак шествия по спасительному пути в Царствие Божие.

Затем в четвертом прошении возносится моление о святом храме и о тех людях, которые входят в него с верой, благоговением и страхом Божиим.

Храм Божий поистине является вторым небом, где совершается Таинственная и Бескровная Жертва Христова. Также в этом храме человек возрождается в Таинстве Крещения для жизни вечной. В нем происходит и напутствие человека в загробный мир. И поэтому по своему назначению это здание храма является врачебницей душ человеческих. Вот почему священнослужитель молится о нем, чтобы Господь Своею благодатию никогда бы не отступил от этого места, но сохранил бы его от разрушений, осквернений и т. д. Затем Церковь молится, чтобы Господь Своею благодатию освятил, одухотворил и сохранил в вере и чистоте тех людей, которые входят в этот святой храм — жилище Божие — со страхом и благоговением. Некоторые могут задать себе вопрос, почему же Церковь молится только за тех людей, которые входят в храм с верой, благоговением и со страхом Божиим, но не за всех, как это было сказано в предыдущих прошениях, где говорилось, что Церковь молится за всех и что все люди являются детьми Божиими. На этот вопрос можно ответить словами Священного Писания, где Христос говорит: "Кто имеет заповеди мои и соблюдает их, тот любит Меня" (Ин. 14, 21). Из этих слов становится ясно, что только те лица способны к восприятию Божественной благодати, которые учение Христово воплощают в своей душе, т. е. проводят свою жизнь свято и богоугодно. Такие лица, живя на земле, могут сказать словами апостола Павла: "Я сораспяхся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 20).

В следующем прошении Церковь молится о Святейшем Патриархе, о правящем архиерее, о пресвитерах, диаконах, о всех людях, о богохранимой стране нашей, ее начальниках и воинах. В этих молитвенных воззваниях Церковь молится Богу, чтобы Он даровал священноначалию, причту и всем людям своим великие и богатые милости, укрепил бы их в вере и чистоте православного учения, начало которого положено Самим Христом Спасителем и его святыми Апостолами; а также возносится молитва, чтобы наша страна процветала в благочестии, мире и чистоте.

Затем в девятом прошении священнослужитель молится Богу о том городе, где он проходит свое служение, а также о всех городах и особенно о тех людях, которые с верой живут в них. Молитва Церкви о жителях каждого города особенно необходима, чтобы они все более и более укреплялись в вере и благочестии, ибо ради их святой жизни Господь ограждает мирное житие города, или села или целой страны от всех бед и скорбей. (срав. Быт. 18, 32). По молитвам Церкви Господь ограждает Своей милостью жилище людей от пожаров, наводнений, землетрясений и междоусобных браней до тех пор, пока процветает вера и благочестие. Но как только все это оскудевает и усиливается грех, то Правосудный Бог посылает скорби, которые отрезвляют человека и направляют его к доброделанию.

В десятом прошении Церковь обращается к Богу с мольбой о том, чтобы Он по Своей неизреченной милости посылал бы всегда на землю благоприятный воздух и полезный для жизни всей твари. Без чистого воздуха на земле немыслима жизнь не только человека, но и всего живого. Нередко бывают на земле и тлетворные ветры, несущие с собой смерть и гибель всему живому организму. В такое бедственное время Церковь особенно усиливает свои молитвы перед Богом, прося Его помощи и заступления. Вопрос о сохранении окружающей среды особенно остро становится в наши дни, и Церковь, как и в начале своего су-

ществования, обращается к Создателю с молитвой о содействии во всех благих начинаниях в этой области.

Затем возносится молитва о изобилии плодов земных, которые нужны для человека не менее, чем воздух. О благоприятной погоде, благовременных дождях, напояющих собой землю, которая делается способной к произрастанию всех злаков, служащих на пользу человеку. А также все люди должны молиться и о том, чтобы Господь благословил всю землю плодородием и умножил бы плоды во все дни жизни нашей.

Если все выше приведенные обращения с молитвой к Богу относились к общим благам всех людей, то в одиннадцатом прошении возносится молитва к Богу о частных нуждах верующих, находящихся в опасности, скорбях и болезнях. Весьма велики и разнообразны страдания людей, и, пожалуй, очень трудно найти на земле такое место, откуда бы не раздавались стоны и мольбы о помощи. Находятся в опасности плавающие, путешествующие, которые кроме обычных нужд и трудностей пути нередко подвергаются опасностям, угрожающих их жизни. Чаще всего такие обстоятельства проходят незаметно для них, и хранимые Промыслом Божиим по молитвам Церкви люди лишь иногда впоследствии узнают, что находились в опасности.

В этом прошении возносится также молитва и "о недугующих и страждущих", которые терпят болезни и переносят тяжелые страдания, а некоторые из них бывают годами прикованы к постели в мучительном недуге. Вот о таковых Церковь особенно молится, чтобы Врач душ и телес воздвиг их от одра болезни, даровал им благодатную силу к терпеливому перенесению скорбей.

В своих молитвах Церковь также не забывает и о тех лицах, которые страдают в неволе. Особенно это случается часто во время войн, когда множество пленных страдают вдалеке от своей родины и подчас подвергаются страшным мучениям. Эти лица, как никто иной, лишены бывают всяких человеческих прав и привилегий и покровительства от других. Для них остается только одно средство, подкрепляющее и избавляющее их от бедствий, — это молитва Церкви Христовой, пред которой не могут устоять ни диавол, ни власть имущие.

Говоря о бесконечных человеческих скорбных обстоятельствах, можно привести слова апостола Павла, который писал о себе в послании к Коринфянам: "Много раз был в путешествии, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе" (1 Кор. 11, 26—27). И действительно, сколько людей страдают в самых разнообразных многочисленных обстоятельствах. И о всех их Церковь молится Господу, чтобы они мужественно и терпеливо переносили все трудности своей жизни и достигли конечной цели своей жизни — спасения.

После молитвы за частных лиц священнослужитель в двенадцатом прошении молится о самом себе, прося Бога, чтобы Он избавил его от всех скорбей, гнева и нужды. Это молитвенное обращение пастыря к Богу выражает, во-первых, его смирение, а во-вторых, он тоже, как и все люди, имеет свои греховные недостатки и поэтому перед совершением Евхаристического Канона еще раз умоляет Создателя своего о ниспос-

лании ему божественной благодати, освящающей и очищающей его ради страшного служения у престола.

Далее возносится молитва о заступлении, спасении и помиловании нас от всех волнений и неприятностей земной жизни. А также пастырь просит Творца, чтобы Он не лишил нас Своей благодати, которую человек, проводящий греховную жизнь, может легко удалить от себя и тем самым лишиться покрова милости Божией и своего спасения.

И наконец, в последнем молитвенном прошении Церковь обращается к Божией Матери и всем святым, чтобы они как имущие дерзновение пред Престолом Божиим помогали бы всем христианам достойно совершить свой жизненный подвиг и достичь вечного блаженства. О чем и святой апостол Павел пишет: "Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия в день оный" (1 Тим. 4, 7—8).

После всех прошений мирной ектении священнослужитель произносит возглас: "Яко подобает Тебе всякая слава..." Этим самым священнослужитель еще раз свидетельствует, что все лица Святой Троицы, участвовавшие как в творении всего видимого и невидимого мира, а также и деле спасения человека, помогают и исполняют все наши добрые намерения и прошения.

8 июня 1990 года

ВОПЛОЩЕНИЕ ХРИСТОВО И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

"Слава в вышних Богу и на земли мир,
в человецех благоволение"

Эти благодатные слова Евангелия не стареют и никогда не могут устареть в сознании людей. И если в земной жизни есть нечто кратковременное, случайное и преходящее, то есть беспрерывная смена событий в человеческой жизни, падения и восстановления царств, племен, народов, семейной, общественной и государственной жизни, то облагодатствованный ум человека, просветленный руководством веры, видит и находит в этих евангельских словах вечные и непререкаемые законы. Это такие явления, то есть законы природы, определенные Богом, которые действовали и будут действовать до второго пришествия Христа Спасителя. О них нужно помнить всегда и особенно в такие минуты, когда, переживая, как теперь конец года и стоя перед годом новым, мы, естественно, должны испытывать самих себя: стоим ли мы в вере Христовой?

Спасительные слова, воспетые небожителями в час рождения Богочеловека о славе Богу, о мире на земле, о благоволении в человецех, звучат со времени воплощения Сына Божия и доныне.

Совершилось боговоплощение, открылась тайна богочеловечества. Люди мало задумываются над этой тайной, мало проникают в глубокое, неизмеримое значение ее для жизни христианского мира. Мы настолько привыкли к этим словам, что не придаем большого значения этому всеспасительному событию. Наше сердце вместо благодарности Богу остается холодным и бесчувственным. Как человек привыкает к жизни природы — к круговращению земли и к мировому закону тяготения, и уже не обращает на это внимания, так и многие из нас относятся к воплощению Сына Божия бесчувственно, формально. Но стоит только на один миг представить себе прекращение действия закона всемирного тяготения, и мы ясно увидим перед собой ожидаемую вследствие этого мировую катастрофу. То же самое можно сказать и о тайне боговоплощения. Без нее нет смысла жизни на земле. Время пришествия в мир Христа явилось гранью двух миров — древнего и нового. Человечество от поворотного пункта ветхозаветного периода движется по совершенно иному руслу, от "века предуставленному".

С тех пор как помнит себя человек, живя на земле, он постоянно стремился и стремится, как растение к солнцу, к Богу. Его богоподобная душа испытывает тоску по небу. Только при свете этой мысли и этого факта ему становятся понятными все проявления духовной жизни и истории человечества. Человека никогда не удовлетворяла только естественная животная жизнь. Он не только томительно искал приблизиться к

Божественному началу, но и желал соединения с ним. Без этого он не смог осмыслить свое существование. Только таким внутренним чутьем можно объяснить себе, что христианство является Божественным началом. И поэтому сошедшая с неба истина, принятая людьми, предназначенными к вечной жизни, и восторжествовала, в конце концов, не только над гонениями, но и над всеми языческими культами. Образ Христа стал вечным и победоносным. Именно это и отвечало тайным запросам человеческой души, которая по природе — христианка. Водимые звездою шли к Нему цари и мудрецы, волхвы от Востока и несли Ему свои дары, тем самым положив начало тесному единению всех людей в Церкви Христовой, независимо от их социальной или национальной принадлежности.

Во все века ничто не могло удовлетворить человека вне богообщения. Философское учение древних мудрецов после пришествия на землю Сына Божия оказалось несостоятельным. Внешнее устроение жизни общества в целом изменилось коренным образом. Нравственные запросы человека, основанные на Вечной Правде и Откровенной Истине, обнаружились во всей своей полноте. Языческий мир не мог удовлетворить их ни в своих религиозных культах, ни в философии, ни в культуре, ни в различных видах искусства. Нравственная потребность не могла быть заменена и правом, которого никакое государственное законодательство не могло слить с нравственным началом. В языческом мире, вследствие отсутствия истинного учения о Боге, в жизни людей ощущалась некая пустота, холодность и бесцельность. Только с воплощением Сына Божия смысл жизни людей приобрел непреходящую ценность и значение. "Свершилось чаяние языков", исполнились заветные ожидания всех людей. Бог соединился с человеком и возвел его снова на небо.

Совершилась преславная тайна вочеловечивания Божества. Отныне в лице Богочеловека соединились навеки божественное начало с человеческим. И эта спасительная тайна, светоносная и животворящая, приемлется просвещенным умом и глубокой верой. Такая вера в корне преобразует жизнь людей. Жизнь общества, построенного на основах веры, представляет свободное согласование и гармонию божественного и человеческого начала. Отныне благородные усилия человеческой мысли не беспомощны, а святые искания истины не тщетны. Отныне не все живут в нас возвышенные запросы совести, святая жажда вечной правды. Все это находит ответ, помощь и удовлетворение в Том, Кто сказал о Себе, что Он есть Путь и Истина и Жизнь.

В христианстве не подавляются запросы человеческого духа; напротив, они получают высший смысл и высшее освещение в Боге. В Церкви Христовой все обновляется в духе истины. Чем выше царит над миром Божественное начало, тем полнее самая земная жизнь. Чем выше солнце над землею, тем более оно освещает и согревает землю. Чем большая воздается слава в вышних Богу, тем не только прочнее мир на земле, но и крепче становится благоволение в человецех.

Так созидается богочеловеческое общество, в задачу которого должно входить свободное вероисповедание и любовь к Богочеловеку. Потому что Христа необходимо каждому человеку принять и внешним и внутренним образом. Только принятие каждым человеком в свое сердце Христа сможет облагородить мир и дать ему правильное понятие и направление во всех сферах жизни. Именно эта истина станет способна

водворить мир на земле и объединить все народы во единый и прочный союз с Богом. Свет Христов, просвещающий каждого человека, грядущего в мир, одухотворит сердца людей и, более того, сделает их способными любить друг друга и проявлять заботу о благополучии каждого человека. Христианство в этой области сделало и по сей день делает очень много. Оно облагородило мир и направляет его к спасительному началу жизни во Христе. Бесподобный и вековечный евангельский образ: царство Божие, действуя в человечестве, проникает в него, как закваска в тесто. Все это поднимает дух, пробуждает совесть и направляет все силы человека на борьбу с греховным началом. Нравственные болезни века отрицательно действуют на все стороны человеческой жизни. Чтобы избежать их, надо быть последователями великой Истины, пришедшей во плоти и воспетой Ангелами: "Слава в вышних Богу, и на земли мир в человецех благоволение".

5 мая 1988 г.

(РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУТЯХ ЗЕМНОЙ И ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА)

Быстро и незаметно протекает земное странствование человека. И хотя он постоянно находится в труде и всеми силами пытается продлить свою жизнь на земле, однако приход его смертного часа всегда неизбежен.

Жизнь и смерть в человеческом роде весьма тесно связаны между собой. Даже самые понятия жизни и смерти неотделимы друг от друга, ибо ценность жизни понятна только при наличии смерти, а ужас смерти очевиден только при наличии жизни. И это не на словах только и не в понятиях, но и в самой действительности.

Человек рождается не только для того, чтобы умереть, но и умирает для того, чтобы жить вечно. Поэтому временную земную жизнь христианин должен рассматривать как своеобразную подготовку к переходу в вечность. Время земной жизни святитель Тихон Задонский уподобляет, например, пути, по которому идет каждый человек от рождения до смерти[1].

Бог определил каждому человеку продолжительность его земной жизни, но эта тайна сокрыта от людей. Поэтому кончину может ожидать человек в любое время: в младенчестве, в отрочестве, в юности, в зрелом возрасте или же в старости.

Вначале Бог сотворил человека только для жизни; но человек, поддавшись влиянию злого духа, отступил от Бога, за что услышал Божий приговор: земля еси и в землю отыдеши (Быт. 3, 19). После этого Господня изречения в существо человека вошла смерть.

Грех поразил не только душу, но и тело человека, которое было бессмертным и которое после грехопадения стало подвержено смерти и тлению. Но именно через эту телесную смерть Господь снова указал человеку путь к жизни. И если жизнь человека была отдалена от Бога преградой грехопадения, то цель творения осталась прежней. Грех не мог полностью разрушить предопределение Божие. Диавол был побежден крестной смертью Спасителя мира. Крестная смерть Иисуса Христа возвратила человека снова к древу жизни. В свете всего вышесказанного становится понятной извечная тайна жизни и смерти человека, смысл его бытия на земле.

---

[1] Творение иже во святых отца нашего Тихона Задонского, т. 2. М., 1898—99, стр. 237.

Забывая порой высокое предназначение земной жизни, смысл своего бытия на земле, человек стремится найти счастье и на земле. Светлые, радостные минуты посещают человека на всех этапах жизненного пути: в младенчестве, отрочестве, зрелом возрасте, старости, но они так коротки, так быстротечны, как лучи солнца, пробивающиеся из-за туч и снова скрывающиеся.

Представим себе первый этап жизни — рождение человека. Та кратковременная радость, которую испытали родители, члены семьи, близкие о рождении человека вскоре сменяется многочисленными заботами о здоровье, воспитании ребенка, борьбой с непредвиденными болезнями. Чем старше ребенок, тем более сложный характер приобретает проблема воспитания, особенно в тех случаях, когда в семье отсутствует религиозное воспитание в духе православного учения, в результате чего во взаимоотношениях между родителями и детьми нередко назревает или открыто проявляется конфликт. В таких семьях дети часто прибегают к лжи, которая, как известно, омрачает их жизнь, наступают душевные переживания, тревоги, печаль, уныние, а это, в свою очередь, подчас приводит к трагическим случаям.

Но вот другой жизненный этап — зрелый возраст, когда человек, казалось бы, обретает полную независимость. Он вправе обрести семью, построить своего рода счастье в жизни. И действительно, некоторую удовлетворенность на короткое время получает человек, вступая в самостоятельную жизнь, а затем начинаются всевозможные жизненные трудности, потеря близких, конфликтные ситуации. Если и встречаем порой людей, которых жизнь словно балует, то это лишь призрак благополучия. При глубоком рассмотрении этого факта совершенно очевидно становится обратное. Часто в душе такого человека возникает и томление духа, овладевающее всем существом, и страсти, ослабляющие здоровье, красоту и мучения совести. Наконец, в зрелом возрасте, в период самостоятельной жизни, увеличиваются неизбежные заботы по обеспечению себя и своей семьи. К этому присоединяются еще нередко и заботы о престарелых родителях или больных членах семьи. Нередко жизнь человека превращается в борьбу даже за само существование. Таким образом, наступает время бремяношения или ношения своего жизненного креста. На плечи слабого и еще очень неопытного человека взваливается такая ноша, которая буквально придавливает его к земле, а земля эта между тем, несмотря на его труды, произращает терния и волчцы, так что с печалью человек пользуется тем, что получает от Бога (Быт. 3, 17—19).

Не удается человеку и в более поздние годы достигнуть полного счастья, которое словно бы ускользает из-под самых его рук. Возраст старости — житие нескверно, но вместе с тем это и период различного рода болезней. Если спросить, о чем плачет страдающий человек, то он не колеблясь ответит: "Выздоровления желаю". Если же он здрав, то до последних дней продолжаются его поиски славы, богатства, власти. Предположим, что он приобрел их — будет ли он вполне удовлетворен, вполне счастлив? Нет, он будет искать большего.

Жизнь человека, по Псалмопевцу, определяется в среднем семьюдесятью годами: "Дни лет наших, в нихже седмьдесят лет, аще же в силах осьмдесят лет, и множае их труд и болезнь: яко прииде кротость на ны, и накажемся" (Пс. 89, 10).

Как ни странно, но при всех тяготах и неполной удовлетворенности жизнью мы не хотим уходить из этого мира. А когда приближается смерть, то появляется неестественное ожесточение и отчаяние, иногда же и просто болезнь ума. Такое нежелание умереть при всех невзгодах земной жизни есть не что иное, как вложенная Богом потребность жить и жить, жить без конца, жить вечно. Это стремление к бесконечной жизни предопределено самим Богом. Он, как искру, возжег в человеке жизнь, которая — как искра Божия — никогда в нем не угаснет.

Если же у человека столь сильно стремление жить, а жизнь между тем полна забот и печалей, то возникает вопрос: можно ли хотя в какой-то степени облегчить эту тяжелую участь человека? Ответ на этот вопрос не скрыт от нас. Тайну эту мы можем разгадать, если только будем внимательно присматриваться к жизни, а еще более — обращаться за ее разъяснениями к учению Христа, Который не только за человека испил всю чашу земных страданий, но и превознесся паче всех сынов человеческих (Филип. 2, 9).

Вот почему первая тайна земной жизни — любовь к Богу и всецелое упование на Него. "Возверзи на Господа печаль твою, — говорит Псалмопевец, — и Той тя препитает, не даст в век молвы праведнику" (Пс. 54, 23). Бог любы есть (1 Иоан. 4, 16). Вспомним из Священного Писания, почему святой Иоанн Богослов был возлюбленным учеником Господа? Да потому, что сам он пребывал в Боге и Бог был в нем. Всецелую любовь к Богу пронес он через всю свою жизнь; эта любовь помогла ему победить всякий страх и непоколебимо стоять на Голгофе при кресте Спасителя. О пребывании в любви Божией свидетельствует и св. апостол Павел: уже не я живу, но живет во мне Христос.

Отступаем мы от любви к Богу порой по своему произволению, забвению, нерадению, но Его Отеческая любовь посылает нам бедствия, болезни, желая отвести нас от пути неправды. Следовательно, мы не должны сетовать, роптать при тяжелых жизненных испытаниях, а благодарить за них Господа. Счастлив тот, кто в находящих бедствиях усматривает наказующую и вместе с тем любящую десницу Господа. Такое отношение к скорбям позволяет человеку идти по пути нравственного совершенствования. Поднимем же очи свои от земли к небу за Божией помощью, и она незримо снизойдет на нас. Тогда-то мы получим духовную силу мужественно нести свой крест, данный Богом в нашей земной жизни.

Вторая тайна земной жизни и Божией помощи связана с вопросом служения ближним. Облегчить свою жизнь мы сможем, если будем жить не только для себя, но и для других, то есть во имя Бога и ближних. Многие люди в тяжелые минуты своей жизни жестоко страдают. Именно они в этот момент как никогда, имеют нужду в соучастии и сострадании другого человека. Важно стяжать в себе сердце, горящее огнем любви Божественной и человеческой. Нужно, по Апостолу, духом гореть, Господеви работать... в молитве пребывать, радоваться с радующимися, и плакать с плачущими (Рим. 12, 11—17). Именно служение ближним должно быть самоотверженным, бескорыстным, потому что честь и блага земной жизни проходят как сон, как пылкая мечта. Любить добро, стремиться к жизни вечной — вот наша цель и духовная красота! А те, ради которых мы будем трудиться, всегда вспомнят о нас, и если не здесь на земле, то в день пришествия Сына Человеческого. А это, в свою оче-

редь, сделает нашу жизнь не столь уже тяжелой и безотрадной, а, наоборот, она будет легкой и радостной. Жить для других — это долг любви. А любовь пребывает вовеки. Пребывающий же в любви — в Боге пребывает. Вот это и есть та благодатная сила, которая не мыслит зла и побуждает нас, по Апостолу, друг друга тяготы носить (Галат. 6, 2). И это надо делать во имя того, что Христос возлюбил нас прежде сложения мира. Во имя Иисуса Христа и ради близких людей нам будет легче нести труды и подвиги. Это третья тайна жизни.

Но, сказав об облегчении земной жизни, мы должны помнить, что счастье на земле бывает относительное. Оно в полной своей гармонии раскроется не только для праведников на небе. Это потому, что условия земли не соответствуют полноте человеческого счастья: жизнь на земле никогда не будет раем, как и земля не станет небом. Всегда и везде будут слышаться воздыхания, томления души и слезы. И это вполне закономерно, поскольку человек, хотя и сотворен из земли, но, как имеющий залог неба и образ Бога, он предназначен не для земли. На самом деле, отклик скорбных чувств, душевных переживаний был слышен даже из уст праведных мужей, угодивших Богу. Вот благочестивая старость жалуется и вопиет: "Дние мои яко сень уклонишася и аз яко сено изсох" (Пс. 101, 12). А вот воздыхает и не старость: "Дние лет наших, в нихже седмьдесят лет, аще же в силах, осьмдесят лет, и множае их труд и болезнь: яко прииде кротость на ны, и накажемся" (Пс. 89, 10). "...разсыпашася вся кости моя, бысть сердце мое яко воск, таяй посреде чрева моего" (Пс. 21, 15). "Скорби сердца моего умножишася..." (24, 17). "Яко исчез в болезни живот мой и лета моя в воздыхании, изнеможе нищетою крепость моя и кости моя смятошася. От всех враг моих бых поношение, и соседом моим зело, и страх знаемым моим..." (30, 11—12). "...скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть? Да разумею, что лишаюся аз?" (38, 5).

Вслушиваясь в эти жалобы грешника и в воздыхания праведника, невольно чувствуешь, как земля поглощает человека и он нисходит в могилу, а дух его возвращается к Богу.

Однако важно помнить, что со смертью человека духовная жизнь его не прекращается. Наши слезы и скорбь об усопших не безутешны. Богодухновенный вещатель Христовой истины святой апостол Павел, имевший желание разрешиться от уз временной жизни и быть со Христом, писал: "не хочу вас, братие, не ведети о умерших, да не скорбите, якоже и прочии не имущии упования" (1 Фессалоник. 4, 13). Значит, и в скорбях, слезах есть для христианина утешение, и при виде гроба есть надежда на жизнеутверждающую силу. Фактически таких утешений можно найти немало. Одно представление покоя после трудов, борьбы и скорбей для усталого путника земли уже выглядит утешением. Смертный час усопшего примиряет его с ближними. Всякий злословящий язык умолкает при виде лежащего во гробе. И если при жизни окружающие люди склонны были видеть его недостатки, то у смертного одра все с ним примиряются и начинают вспоминать только доброе. Часто случается в жизни, что благочестивых людей оскорбляют, унижают, злословят, но после смерти делаются особенно явными только их добродетели. И если добродетельная жизнь возбуждала нередко завистливое со стороны других чувство, то после смерти и малое добро вызывает искреннюю благодарность. При жизни люди иногда злословили

даже и святых подвижников, осуждая их по своему легкомыслию, но по смерти они со слезами на глазах начинают удивляться их мужеству и терпению. А это, в свою очередь, является большим утешением для тех, которые были близки к почившему. Это происходит потому, что прежде, при жизни почившего, веял над ним дух греховного мира, а сейчас чувствуется веяние любви Христовой. Именно в этот момент, как никогда, дает о себе знать душа. И если бы человек почаще прислушивался к своей бессмертной душе, то ему было бы легче встретить смерть, которая, согласно молитвам Церкви, должна быть безболезненной, непостыдной и мирной... Для того, чтобы умирающий имел спокойную совесть, чистое сердце и непорочную душу, необходимо благовременное размышление о смертном часе и подготовка к нему в течение всей жизни. Всякий, свято проживший свою земную жизнь и приготовивший душу свою к часу смерти, может надеяться не только на помилование, но и на приобретение нетленной жизни в обителях Отца Небесного. Вот почему, как завещание всему христианскому миру, звучат, проникнутые любовью и заботой о спасении каждого человека, слова святителя Тихона Задонского: "Ныне моли Его (Бога. — *А. И.*), пока время дает тебе; ныне исправляйся, пока время благоприятно и день спасения; ныне плачи, пока полезны слезы, ныне кайся, пока Он приемлет кающихся" [1] (Указ. соч. св. Тихона, т. 2, стр. 247.).

Однако как бы ни старался христианин подготовиться к вечности, после смерти он нуждается в помощи Церкви, которая своими молитвами и песнопениями помогает почившему и ходатайствует за него перед Богом о помиловании. Особенно большую помощь умершему оказывает приносимая за его душу бескровная жертва. Именно посредством искупительной жертвы Христовой душа умершего обретает утешение, облегчение и успокоение. Свидетельство тому — разрешительная молитва, которую священнослужитель читает у гроба и текст которой, в знак помилования, влагается в руку умершего. И если христианин сподобится принять перед своей кончиной Святые Тайны, то его душа, по мысли св. Иоанна Златоуста, возносится горе к Престолу Всевышнего даже тогда, когда этот человек не принес плодов достойных покаяния.

Таким образом, если жизнь человека, с его радостями и печалями, славой и бесчестием, окутана таинственностью, то тем более смерть является величайшей тайной. Мы не должны этому удивляться, ибо после внимательного рассмотрения увидим, что человек представляет смешение противоположностей добра и зла, является ареной борьбы между тем и другим. С этим человек ложится в гроб и переходит в ту жизнь, где не только нет борьбы, но где нет и покаяния. За гробом вступает в силу суд Бога и совести. Там лишь развивается и растет то, что здесь посеяно. И уже не сам человек, а ближние его, оставшиеся на земле, могут содействовать развитию и укреплению в его душе добра и приближению к Богу как своими частными молитвами, так и, конечно, молитвами всей Церкви. Если воскресший Спаситель не постыдился назвать своих учеников братиею своею: "Иди ко братии Моей" (Иоан. XX, 17), то как можем мы, ежедневно обращая свои молитвенные взоры к Воскресшему Спасителю, забыть, что все люди братья, а, следовательно, с братской любовью нужно молиться за живых и усопших.

Молитвы Церкви и частные молитвы христиан способны извести душу усопшего из места тьмы и терзаний, являясь истинным утешением

для плачущих и болезнующих. Это — новая тайна, которая нам непостижима и которая воспринимается посредством нашего внутреннего опыта. Особенно это чувствуется явно в молитве у гроба, когда невольно отрешаешься от земли и почерпаешь облегчение гнетущей скорби. Об этой тайне нам говорит наша вера и Церковь, заповедующая совершать поминовения об умерших. Эта тайна молитвы не есть тайна только земной церкви, то есть людей, живущих на земле и за умерших молящихся, но и Церкви небесной, то есть отшедших в иную жизнь и предстоящих престолу Божию. Члены Небесной Церкви в своих молитвах не оставляют нас. Об этом свидетельствовал апостол Петр: "потщуся же и всегда имети вас по моем исходе память о сих творити" (2. Петр. 1, 15). Эти молитвы святых, несомненно, действеннее наших. В этом молитвенном взаимообщении — новое утешение, так как оно показывает, что перед Богом все живы и все составляют единое тело Церкви Христовой.

Есть и еще последняя тайна смерти, тайна исключительно веры Христовой, ибо этой верой человек видит будущее, как бы настоящее. Эта тайна заключается в том, что для истинных рабов Христовых собственно и нет смерти, а есть только "отложение телесе" (2. Петр. 1, 14), "время отшествия" (2. Тимоф. 4, 6), "представление от сея привременныя жизни на упокоение", и не только на упокоение, сну подобное, но и на "радость" жизни вечной, жизни спокойной, безмятежной и счастливой.

Счастлив по смерти тот, кто нес скорби в земной жизни безропотно; при всех тяжелых испытаниях не только не падал духом, не унывал, как часто случается в подобных обстоятельствах, но еще больше укреплялся в любви к Богу и ближним, становился все тверже и тверже, памятуя, что на все воля Божия. Такой человек может с дерзновением сказать: Господи, возвеселихомся за дни, в няже смирил ны еси, лета, в няже видехом злая (Псал. 89, 15). Счастлив по смерти тот, кто жил на земле для Бога и ближних, кто с глубоким сердечным покаянием, с молитвой на устах оканчивает земной жизненный путь. Они непременно услышат слова Господа: Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы (Матф. XI, 28).

В один определенный час придет то время, когда находящиеся в гробах "услышат глас Сына Божия и услышавши оживут" (Ин. 5, 25, 28) и востанут в том же теле, только измененном: не в немощном, а в сильном, не в бесчестном, а в славном, не в душевном, а в духовном (1 Коринф. 15, 43). "Подобает бо тленному сему облещися в нетление, и мертвенному сему облещися в бессмертие... тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою" (1 Коринф. 15, 53—54).

Когда и как это совершится, какое это будет "духовное" тело, мы узнаем об этом после второго Христова пришествия. Это тайна Божия и разум человека не может ее постигнуть. Достаточно нам знать, что Господь, сотворивший человека для жизни, уготовал верующим в Него те блага, которые находятся во свете лица Его. Но это блаженство сможет получить только тот, кто в этой жизни очистит свое сердце и будет служить Богу правдой и истиной во все дни жизни своей. Именно для таковых последователей Христовых будет открыта дверь спасительного ковчега Царствия Небесного.

8 июня 1988 г.

ДЕЙСТВИЯ ДУХА СВЯТОГО В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

(ПО ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Спаситель мира, завершив Свое дело на земле и вознесшись на небо, не оставил человека без Своего промыслительного попечения. Еще отходя на небо, Он обещал Своим апостолам, а в их лице и всем последователям, пребывать с ними "во вся дни до скончания века" (Мф. 28, 20), а также обещал послать от Отца Утешителя, Который Своим Божественным дыханием оживотворит и поможет в деле спасения всем верующим в Сына Божия. Для окончательного завершения дела Христова, для благодатного вспомоществования в деле полного усвоения искупительных плодов Христовой Жертвы необходимо было прийти зиждущей, творческой Силе, Которой является Дух Святой – Третье Лицо Пресвятой Троицы.

До совершения Сыном Божиим искупительного подвига Дух Святой не во всей полноте обитал в людях. И только после принесения Жертвы Христовой открылась возможность полного восприятия верующими Духа Святого, Который созидает в их душах новую благодатную жизнь и "от Которого вся благая и благодеяния, как от приснотекущего источника ручьи проистекают" (4:342)[1]. Дух Святой совершает привитие людей к Сыну Божию, подобно ветви к доброму корню (Ин. 15, 2). Живоносный огнь Духа обновляет и просвещает тех, в кого вселяется. Он подает ищущим спасения Свою благодатную помощь в их немощах, подвигах и в борьбе с диаволом (3:138). Невещественный свет Духа просвещает и укрепляет Христовых последователей и тем самым дает им возможность ощутить в своих сердцах Божественную силу, помогающую в их спасении (1:27; 2:279). Спасительное воздействие Духа Божия на сердца верующих бывает подобно огню, который, соприкасаясь с благовонным веществом, издает приятное благоухание. "Так точно бывает, когда сердца человеческого коснется благодать Святого Духа, тогда восстанет в таковом сердце воздыхание и молитва истинная, в высоту к небесному Отцу, и обретает у Него благодать и милость" (2:79).

---

1 При ссылках на творения святителя Тихона будут приняты сокращения: первая цифра обозначает том творения (изд. 6. СПб., 1899), вторая – страницу. Кроме того, встречающиеся тексты Священного Писания цитируются по творениям святого Отца.

Через наитие Святого Духа в душе человека снова возобновляется та духовная, благодатная жизнь, которая была утрачена в Адаме. И союз между Богом и человеком восстанавливается в полной своей гармонии и в идеальной реальности. "Благодать Божия просвещает сердце человеческое и зажигает в нем огнь любве Божия" (4:342). Она водворяет в его сердце радость не земную, но "духовную, небесную", что, по мысли Святителя, есть предвкушение вечной "блаженной жизни" в Боге (4:344). И если человек по своей беспечной жизни не имеет в своем сердце этой благодатной помощи свыше, то он своей душой бывает подобен слепому и глухому, не имеющему ни радости, ни покоя (2:118). Таким образом, благодать Святого Духа усвояет плоды спасительного дела Христова всем людям. При Божественном содействии Святого Духа человек видит пред собой тот путь, по которому ему следует идти, чтобы достичь жизни вечной (2:139—140).

Обетование о ниспослании Святого Духа исполнилось в день Пятидесятницы, когда Он сошел в виде огненных языков на всех апостолов, собравшихся в одном доме (Деян. 2, 1—4) (1:27), а в их лице — "и на всех верующих во имя Его Пресвятое" (1:94) "и на всякую плоть" (5:275). Благодатное излияние Утешителя соделало апостолов носителями Троического Божества, а также чудесно изменило их ум, волю и чувство и придало их слову огненную силу, против которой никто не мог устоять (5:257). Святой Дух даровал апостолам глубочайшее ведение Божественной Премудрости (5:83) и напомнил им то учение, которое было преподано Самим Спасителем, когда Он был с ними на земле. Дух Святой соделал апостолов безбоязненными и духовно сильными. Так, в день Пятидесятницы, проповедь апостола Петра многим присутствовавшим открыла сердца к уразумению Божественной истины, после чего они приняли крещение (3:12). Таким образом, день Пятидесятницы, или день сошествия Святого Духа, есть начало существования на земле таинственного и благодатного тела Христова — Его Святой Церкви.

С сошествием Духа Святого на учеников Христовых в их сердцах произошло совершенное перерождение. Ощутив в себе благодатную силу Святого Духа, они стали неустрашимыми и ревностными проповедниками учения Христова. В их сердцах загорелся яркий пламень любви к Богу и людям. С этого момента они целиком посвятили свою жизнь взысканию погибших овец, ради которых Сын Божий сошел с неба. Во исполнение заповеди своего Божественного Учителя: "Шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари" (Мк. 16, 15) они свидетельствовали о Христе не только в Израиле, но и во всем мире (4:130). И это свидетельство принесло свой плод. "Бог, Который как мир из ничего создал, так и падший восстановил, исправил и обновил чудесно... привлек к Себе отпадших языков... через двенадесять простых и бесписьменных, силой Его вооруженных и Святым Духом умудренных" (2:87). Именно в этом и было чудо, что святые апостолы, избранные Сыном Божиим из числа простых и неграмотных рыбаков, содействием Духа Святого распространили Христово учение по всей земле и объединили все народы во едино Христово стадо (2:87).

В своей деятельности св. апостолы отличались чувством высшей правды и всегда руководствовались правилом: "Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком" (Деян. 5, 29). Они знали также, что все люди имеют право пользоваться, если захотят, плодами искупительной

жертвы Христовой. Кроме того, они помнили слова своего Учителя, что "прейде сень законная, благодати пришедшей" (Ин. 1, 17; Евр. 10, 1), и потому были свободны от национальных, сословных и других, несовместимых с высшей правдой взглядов, предрассудков, склонностей и антипатий. Основной их целью, по мысли Святителя, было "пронести имя Иисусово во вся концы земли и свидетельствовать о Нем пред всем светом, и сеять семя слова Божия на нивах сердец идолопоклоннических" (5:255). Св. апостолы старались привести всякую душу к послушанию, к вере во Христа через слово благовестия, стремились, чтобы никакая душа по их вине не погибла и не заблудилась, но всегда бы пребывала в Церкви, которую Он "стяжал Кровию Своею" (Деян. 20, 28).

Насаждая в сердцах веру Христову, святые апостолы "идолобесие опровергли..., очи сердечные ослепленных к познанию истинного Бога отверзли; основали Церковь Божию на лице всея земли; едино благословенное стадо из разных языков, как диких зверей, собрали; Троицу Святую — Отца и Сына и Святого Духа, единого Бога, почитати научили; огнь Божией любви в сердцах верующих возжгли, и надеждой живота и блаженства будущего века утвердили" (3:132). Истинное учение о Божественном Посланнике и Его искупительном подвиге они подтверждали многими различными "чудесами и знамениями" (5:6).

Апостольская ревность о спасении человека не имела предела; она доходила даже до пожертвования жизнью. Со всех сторон апостолы были окружены враждебно настроенными людьми. Они находились в атмосфере ненависти к новому богооткровенному учению, так как многие представители той эпохи не могли принять благовестие Христово; почва их сердец, на которой сеялись семена добра, еще не была пригодной для восприятия Божественной истины. Вот почему против проповедников слова Божия так яростно восстали все сильные "века сего", предавая их многим пыткам и мучениям (5:256). Злоба этих людей по силе и изощренности превосходила всякую меру жестокости. Правители многих стран древнего мира, стремясь не допустить распространения спасительных истин, каких только "тягчайших мучений и ужасных смертей не изобретали". Они сажали проповедников в темницы, морили голодом, нагими водили по улицам, обливали кипящей смолой, серой и маслом, жгли в раскаленных печах и т. д. Но все эти пытки не могли поколебать веру последователей Христовых; напротив, испытанная в горниле мучений и искушений вера их все более крепла, они привлекали все большее число новых последователей. Таким образом, кровь мучеников становилась прочным фундаментом в распространении и утверждении Церкви Христовой (5:256—258).

В таких тяжелых испытаниях человеческое естество не могло бы противостоять диавольской злобе, если бы Спаситель мира, за Которого христиане страдали, Своей всемогущей силой не помогал и не укреплял их немощной силы (5:259). Наконец, благодатным действием Всесвятого Духа все "мудрецы века сего" покорились святому учению. "И тако во грады и села и веси их вошел Царь славы Иисус Христос: и видеша вси концы земли спасение Бога нашего (Пс. 97, 3). И началось славиться имя Иисусово во всех концах земли" (5:256).

Таким образом, св. апостолы "основали Церковь Божию" (3:132) и поставили в ней, по повелению свыше, "епископы и пресвитеры" (4:362). Пребывая в постоянном общении со Христом, апостолы и своим по-

следователям указывали путь, по которому они должны идти для того, чтобы приобрести Христа. Проповедуя высоконравственное учение, они и сами жили сообразно своей проповеди, того же требовали и от своих преемников. В их деятельности первое место занимала любовь к людям, потому что именно эта добродетель является неотразимым оружием в руках служителей Христовых. Вот почему учение апостолов имело такой величайший успех. Апостольская проповедь, согласно заповеди Спасителя, распространилась "даже до последних земли" (Деян. 1, 8), и ее приняли и по ней приобщились Царствия Божия все племена земные.

8 января 1989 год.

ЗНАЧЕНИЕ КАЖДЕНИЯ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Каждение в храмах Божиих пред священными предметами и при совершении жертвоприношения Богу ведет свое начало с глубокой древности. Из Священного Писания известно, что Сам Господь через Моисея повелел Аарону совершать каждение в скинии утром и вечером перед кивотом Завета (Исх. 30, 7—8). Далее в Библии сказано, что Моисей по велению Божию совершил благовонное каждение над золотым жертвенником, и покрыло облако скинию, и слава Господня наполнила ее (Исх. 40, 27, 34).

Святой апостол Иоанн Богослов в Откровении указывает, что видел ангела, который возносил к Богу молитвы святых посредством каждения. "И пришел.... ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник... И вознесся дым фимиама с молитвами святых от руки ангела пред Бога" (Апок. 8, 3—4).

Из этих слов Священного Писания ясно, что каждение является неотъемлемой частью богослужения и выражает, во-первых, Божественную любовь, изливающуюся на весь род человеческий, а во-вторых — благодать Святого Духа, которая таинственно всех освящает и услаждает[1], а также способствует молящимся возносить свои молитвы к Престолу Всевышнего.

Во время богослужения, по установившейся в Православной Церкви практике, полное каждение совершается в начале всепомощного бдения во время пения 103-го псалма, на вечерне — при пении стихиры на "Господи воззвах"; на утрени — во время чтения двупсалмия, на полиелее, на 9-й песни канона и на Божественной литургии после проскомидийного отпуста. На последнем каждении следует остановиться более подробно.

После окончания проскомидии диакон берет горящее кадило в правую руку, вложив в него ладан, и идет на горнее место, где трижды осеняет себя крестным знамением; затем обращается к священнослужителю, совершающему проскомидию, со словами: "Благослови, владыко, кадило". Последний, благословляя кадило крестообразно рукой, произносит молитву: "Кадило Тебе приносим, Христосе Боже наш, в воню благоухания духовного, еже прием в пренебесный Твой Жертвен-

[1] Таинственное толкование на литургию блаженного Симеона, митроп. Фессалоникийского. М., 1916 г., стр. 16.

ник, вознисподи нам благодать Пресвятаго Твоего Духа". Эта молитва утверждает истину, что Дух Святой всегда присутствует в Церкви Христовой, особенно во время совершения Божественной литургии.

Далее диакон, открыв завесу царских врат, начинает совершать каждение крестообразно[1] вокруг Престола сначала с западной его стороны, а затем с южной, восточной, и наконец, с северной. Совершая каждение святой трапезы диакон читает тропарь св. Иоанна Дамаскина: "Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй Неописанный". В слова этого тропаря святой Отец вложил глубочайший догматический смысл, а именно — отобразил погребение Спасителя, а также то, что Он как Бог вездесущий, необъемлемый, неописуемый пребывал и во гробе, и в раи с разбойником, на престоле со Отцем, в то же время с душой был во аде, оттуда вывел души всех людей, которые ожидали Его пришествия.

Этот тропарь читается диаконом во время каждения престола еще и потому, что эта святая трапеза, по мысли епископа Виссариона, является подобием гроба Христова[2] и Горним Престолом Всевышнего[3], на котором пребывает вечно Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой.

Закончив каждение престола, диакон затем кадит весь алтарь, т. е. горнее место, жертвенник[4] (ибо на нем — св. Дары), далее иконы на правой стороне от себя, потом — на левой и икону над царскими вратами, затем кадит священнослужителей в алтаре и всех присутствующих, а если здесь находится архиерей, то сначала его трижды по три.

Затем диакон выходит через северные двери, кадит царские врата, правую и левую стороны иконостаса и потом певцов и народ. Далее совершается каждение всего храма, начиная с восточной стороны в направлении к южной (по солнцу), и молящихся. Возвратившись на амвон, диакон кадит местные иконы — Спасителя и Божией Матери — и уходит южными дверями в алтарь[5], где снова кадит святой престол с западной стороны, потом идет на горнее место и кадит оттуда служащего священника, а если присутствует архиерей, то только его три раза.

Отдав кадило пономарю, диакон делает крестное знамение на горнем месте и поклон священнику. Во время каждения алтаря и храма диакон, согласно уставу, должен читать 50-й псалом, в котором он выражает свое смирение пред величием Божиим и умоляет Творца простить его согрешения.

---

[1] Типикон, гл. 22. Крестообразное каждение в церковном употреблении, по мысли проф. М. Скабалановича, совершалось тогда, когда кадильница была без цепочек. В настоящее время оно заменено троекратным возношением кадила пред каждым священным образом. Толковый Типикон. Киев, 1913, стр. 54.

[2] Епископ Виссарион. Толкование на Божественную литургию. СПб., 1895, стр. 35.

[3] Историческое, догматическое и таинственное изъяснение на Литургию. М., 1816, стр. 27.

[4] С. В. Булгаков. Настольная книга для священно-церковно-служителей. Харьков, 1900, стр. 812.

[5] С. В. Булгаков. Цит. соч. Примечание к вечерне, стр. 765.

Возношение благовонного фимиама во время каждения икон и молящихся означает то, что посредством его воздается особая честь святым, а священнослужители и народ освящаются невидимой благодатью Святого Духа. Блаженный Симеон Солунский по этому поводу пишет: "Священник, ...кадит Престол, храм и всех, священным вещам воздавая честь, как вещам божественным, а предстоящих освящая. Потому, начиная с святого святых – престола, он кадит все по порядку, не просто воскуряя фимиам, но запечатлевая и освящая его, и через молитву принося и возносящего его Христу с молением о том, да приятно будет кадило горе и да ниспослется нам благодать Всесвятого Духа; таким образом через фимиам мы приемлем благодать, и никто пусть не пренебрегает каждением"[1].

Кроме воздаваемых почестей святым иконам и освящения всех присутствующих, каждением диакон побуждает молящихся возносить усердную молитву к Престолу Вышнего, и не только возноситься умом к Богу, но жизнь свою проводить так, чтобы она благоухала подобно фимиаму, о чем и говорит апостол Павел: "Мы Христово благоухание Богу..." (2 Кор. 2, 15).

Итак, каждение за богослужением должно исполняться обязательно всеми священнослужителями с благоговением и страхом Божиим, потому что через это видимое действие все в храме освящаются и таинственным образом приобщаются благодати Святого Духа. Пренебрегая каждением, пастырь Церкви Христовой тем самым лишает себя, а также своих пасомых благодатного воздействия Духа Божия, молитвенного общения с торжествующей Церковью.

---

1 Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию Православного богослужения, т. II, СПб., 1856, стр. 413.

ПРЕМУДРОСТЬ И БЛАГОСТЬ БОЖИЯ В ИСКУПЛЕНИИ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

(ПО ТВОРЕНИЯМ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Как уже было сказано, до грехопадения первый человек был в постоянном общении с Творцом, Который всегда проявлял к нему Свою Любовь и попечение. Создав человека добрым, Господь указал ему путь к совершенству и добродетельной жизни, а через это и к блаженной вечности в единении с Ним. Но все это было разрушено грехом, который отлучил человека от Бога и вверг его в бездну пороков. Грех так сильно слился с природой человека, что стал его вторым естеством; освободиться от него человек сам уже не мог. Милосердный Бог по величайшей своей благости не восхотел окончательной погибели человека, но решил его снова привести в общение с Самим Собой. Для этого нужно было такое средство, которое бы не только уничтожило грех в его существе, но и воссоздало бы человека в новую тварь и которое бы "правде Божией и милосердию Его удовлетворило" (3:220)[1]. Оправдать человека не мог ни ангел, ни другое какое-либо сотворенное существо (3:268; срав, 4:28). Воссоздателем человека мог быть только Сам Творец, "Ипостасная отчая Премудрость – Христос" (3:220), Сын Божий, Который Своим крестным подвигом принес за людей совершеннейшее удовлетворение правосудию Божию, избавил их от всех заслуженных наказаний и приобрел им неоскудевающее обилие благодатных дарований (5:7). Спаситель мира воссоздал человека и истребил в нем греховность, не нарушив в то же время его свободы. Господь Иисус Христос "учинился Ходатаем Бога и человека (1 Тим. 2, 5), и обратился праведный суд Божий на него: бысть по вас клятва (Гал. 3, 13), един благословенный. Суд претерпел Неповинный за вас повинных; Своею казнию удовлетворил правде Божией за грехи наши" (3, 268). Ради души человека, которая имеет в себе образ Божий, ради этой бессмертной жемчужины, по учению Святителя, Сам Сын Божий пришел со всеми небесными силами, чтобы освободить ее от врага диавола и указать путь, ведущий ко спасению (4:280).

В силу этой неослабевающей любви к человеку в деле его спасения участвуют все Лица Святой, Единосущной и Нераздельной Троицы. Однако каждому Лицу в домостроительстве спасения принадлежит особое

1 При ссылках на творения святителя Тихона будут приняты сокращения: первая цифра обозначает том творения (изд. 6. СПб., 1899), вторая – страницу. Кроме того, встречающиеся тексты Священного Писания цитируются по творениям святого Отца.

действие. В творениях святителя Тихона имеются прямые указания по этому вопросу. "Видим, – говорит он, – что все три Лица, Отец и Сын и Дух Святой о нашем спасении промышляют: Который создал нас по образу Своему, Тойже Бог падших нас спасает" (5:99). Бог Отец изливает Свои щедроты на всю тварь (3:404). Особенно милосердие Бога Отца проявилось в том, что Он послал для искупления рода человеческого Своего возлюбленного Сына, Который явился во плоти "Благоволением Отца и содействием Святого Духа" (5:99). Сын Божий есть "Христос... Бог единосущный Отцу и Духу, Един Сый Святыя Троицы... пришел в мир, и родился от Святыя Девы, и пожил на земли, и пострадал и умер плотию, и восстал от мертвых и тако... устроил спасение вечное" (5:281). Об этом искупительном подвиге Сына Божия было решено от вечности. Бог посылает Сына, а Сын исполняет волю Отца. Здесь, как и во всем прочем, было полное согласие Сына с Отцом. "Свет Отец, Свет Сын, Свет и Дух Святой, Свет вечный и незаходимый... Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного явился на земли и просветил во тьме и сени смертной седящия" (5:79).

Относительно Третьего Лица Святой Троицы, участвовавшего в домостроительстве нашего спасения, святитель Тихон замечает, что, хотя спасение мы получаем через Сына, но Его нам "подает небесный Отец Своею благостью и совершает Дух Святой" (2:93). И в другом месте Святитель говорит, что Сын Божий совершил спасение наше "Своею волею и благоволением Небесного Своего Отца и содействием Святого Духа" (3:39).

Таким образом, в искуплении и спасении человека принимают участие все Лица Святой Троицы (4:296). Их спасительным действием все человечество преобразилось и получило доступ к вечной благодатной жизни в Боге. Дарование человеку некогда утерянного им блаженства стоило большой цены; здесь требовалась жертва беспредельной высоты и ценности. Другими словами, нужен был Искупитель, Который бы Своим подвигом сокрушил державу смерти и открыл доступ к древу жизни. "Грехи... несет Агнец Божий, которые нас имели погрузить на дно адово, ибо Его тяжкого бремени не токмо воздух, но и земля не может держать, но во дно адово носящего погружает, аще не возьмет его Сей Непорочный и Пречистый Агнец" (3:45).

Для восстановления поврежденной грехом природы человека "надобно было приити Самому Создателю к Своему созданию, неисцельно от врага уязвленному, и на пути мира сего поверженному, которого ни закон, ни пророки не могли исполнить... Пришел Создатель и умилосердился над ним: пришел во образе человеческом к человеку уязвленному и полумертвому, да тако удобнее его исцелит, и в первое приведет блаженство, которого хитростию змеиною лишился" (4:137).

И если до пришествия Искупителя по всей вселенной царила духовная тьма и неведение Бога, подобно тому, как бывает темнота "прежде восхождения солнца", то после пришествия Бога во плоти тьма удалилась и светлейшее Солнце – Христос – "свои теплейшие лучи на всю вселенную испустило (и тогда. – *А. И.*) благоприятнейший и сладчайший душам нашим воссиял день. Тогда исполнилось пророческое слово: "люди, ходящии во тьме, видеша свет великий" и: "седящим в стране и сени смертной свет воссия им" (Ис. 9, 2; Мф. 4, 16) (4:8). Бог Отец посылает в мир Сына не для покоя и радости, но на скорби и крестную смерть,

чтобы через них подать руку помощи во тьме седящему человеку (4:186; 3:46). Любовь, сотворившая человека, еще с большей полнотой проявилась при воссоздании и спасении его через Сына Божия. "Великую любовь имеет матерь к своему отрочати, но Бог (имеет любовь еще. — *А. И.*) большую к человеку" (1:87). Любовь Божественная во много раз превосходит даже любовь матери к ребенку, ибо последняя проявляется в основном только в земной жизни, в то время как любовь Бога к Своему разумному созданию простирает свое спасительное действие на всю вечность (1:87). Не столько желает своего спасения сам человек, сколько желает этого Бог (3:141).

Развивая мысль о спасающей любви Божией, святитель Тихон говорит: "Как солнце всю поднебесную освещает, и как бы согревает: тако Бог, Солнце вечное, теплотой Любве Своей все создание, а наипаче род человеческий согревает и оживляет. О Нем бо живем, и движемся, и есмы. А наипаче всю теплоту любве Своея излиял на нас в послании Единородного Сына Своего к нам" (4:10). Сам образ спасения падшего человечества через воплощение Сына Божия свидетельствует о беспредельной Божественной любви, истинности самого факта спасения и его всеобъемлемости. Исцеление уязвленного грехом человеческого естества потребовало принятия Спасителем не ангельской, но именно человеческой природы (5:89), ибо что не воспринято, то не может уврачеваться. Как истинный Бог и истинный человек Сын Божий именуется и Сыном Человеческим (3:186).

Совершая дело спасения людей, Сын Божий как человек "на земле между человеками жил", но как Бог "недр Отеческих не отлучен был" (Ин. 1, 18) (3:164). Восприняв в единство Ипостаси человеческую природу, Спаситель мира "в рабском зраке обращался... алкал и жаждал... со грешниками ел... От неблагодарного ученика за сребреники продан был, но нас, под грех проданных, искупил. Скорбел и тужил, но от нас вечную скорбь и тучу отнял. От беззаконных связан был, но врага нашего диавола связал, и наши узы растерзал. Судищу неправедному предстоял, но нас одеждою правды Своея одеял. Посмеян, обесчестен, поруган, оплеван был, но нас от вечного срама, бесчестия и поругания свободил. Тернием венчан был, но нам вечныя славы венец устроил" (3:164).

Любовь Сына Божия, избавившая человека от греха и причиненных им зол, открыла путь к его воссозданию, примирению и соединению с Богом в вечности. Другими словами, эта любовь Сына Божия восстановила в человеке Божественный образ, который после грехопадения сохранял еще в себе возможность возрождения, ибо образ Божий как основание духовной жизни человека не был совершенно разрушен силой зла. Отпадение человека от Бога не было решительным и безвозвратным, как в начальнике зла — диаволе. В помраченном уме еще оставалось представление о Боге, хотя и искаженное; в воле человека, уклонившегося в сторону зла, не было непримиримой ненависти к добру, но сохранилась еще возможность раскаяния и возвращения на путь богоугодной жизни. Благодаря этому спасающая Любовь восстанавливает тот союз с Богом, который был нарушен человеком через грех, возвращает ему чистоту и святость и дарует вечное блаженство (2:363).

20 февраля 1990 г.

НЕОБХОДИМОСТЬ МИЛОСЕРДИЯ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

(ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Христианское милосердие – это особое чувство, которое имеет своим источником Бога и которое выражается в доброте, благожелательности, сострадании к ближним, в долготерпении к согрешающим и прощении обид врагам. Эта добродетель неизменно сопутствует любви, как теплота огню (2:355)[1]. И если какой христианин не имеет в себе милосердия, то он не только лишен любви, но и христианского духа (3:366), а значит, пребывает во тьме греховной (4:379). По мысли Задонского Подвижника, если любовь выше всех добродетелей, а милосердие есть выражение любви, то оно одно (милосердие) ходатайствует пред Богом и просит у Него милости для благодетеля (5:181). Богу бывает любезнее не тот человек, который упражняется только в молитве, но тот, кто стяжал в своем сердце и милосердие, потому что молитва без милостыни – как голос, вопиющий в пустыне, или древо без плодов (5:121). И какую бы милость ни оказал христианин ближнему, Господь принимает ее как оказанную Ему Самому. Особенно большое значение эта добродетель будет иметь на Страшном суде Христовом, когда участь человека будет определяться в зависимости от того, имел ли он в своей душе милосердие – этот плод любви, или нет (2:343). Если даже язычники, движимые естественным законом, проявляют милосердие к нуждающимся, то христианина тем более должно подвигнуть к этому не только родство естественное, так как все имеют одного праотца Адама, но и родство духовное, и более всего имя Христово (2:348). Вполне естественно, замечает Святитель, если кто хочет, чтобы его любили, не обижали и помогали в земной жизни, то все это он прежде пусть исполнит сам. Тогда ему непременно воздастся не только на земле во сто крат, но и на небе (1:57; 2:336). В такой настроенности – вся "христианская наука. Сие есть изрядное художество. Сей философии обучающийся есть истинной мудрости любитель", и изучать эту науку христианин должен "от младенчества до кончины живота" (4:214).

Побуждая к милосердию последователя Христова, святитель Тихон напоминает, что в вечную жизнь никто не сможет взять с собой материальные ценности: человек как наг приходит в этот мир, так нагим и

[1] При ссылках на творения святителя Тихона будут приняты сокращения: первая цифра обозначает том творения (изд. 6. СПб., 1899), вторая – страницу. Кроме того, встречающиеся тексты Священного Писания цитируются по творениям святого Отца.

отходит из него. Напротив, дела милосердия ради Христа являются залогом вечных, нескончаемых благ (2:349), причем благотворительность бывает полезной и доставляет великое благо только тогда, когда она совершается христианином в течение всей жизни, а не в конце лишь ее. Естественно, замечает Святитель, никто из людей не станет угощать гостей остатками от своей трапезы, тем более унизительно и даже грешно склонять Бога на милость остатками своей жизни, к тому же неизвестно, когда наступит минута, открывающая вечность. Поэтому необходимо отложить все мысли, отвлекающие от любви к ближнему и связывающие сердце скупостью и сребролюбием (2:351), и стремиться делать добро постоянно и неленостно. Как же христианин может обращаться к своему Создателю с молитвой: "Услыши мя, Господи", когда "сам не слышит бедного или паче в бедном Самого Христа вопиющего?..." "С каким упованием, – говорит Святитель, – простреш руце твои к Создателю твоему, когда сам подобного себе простирающего руце отвращаешися? Милостлив Бог и преклоняется естественным милосердием на молитву, но на молитву милостивых, ибо таковыми жертвами, то есть странно-любием и обещанием, благоугождается Бог, глаголет Апостол" (2:348).

Добродетель милосердия не должно понимать в узком смысле, как только лишь оказание материальной помощи нуждающимся; она включает в себя и духовную поддержку ближнего, ибо человек состоит из двух частей: души и тела. Следовательно, и милость, ему оказываемая, также должна быть двоякой: душевной и телесной. Дела милосердия, относящиеся к телесной жизни, выражаются в том, чтобы напитать алчущего, одеть нагого, уврачевать больного, помочь человеку в нужде, трудах и опасных для жизни и здоровья обстоятельствах и т. д.[1]. А дела милостыни духовной могут проявляться в том, чтобы наставить на путь истины заблуждающегося, отвлечь человека от греха, исправить порочного, утвердить колеблющегося среди искушений, утешить скорбящего, снисходить к немощам слабых, но без потворства страстям и порокам, прощать оскорбления, обиды, молиться о спасении (1:169).

Хотя оба вида милосердия – телесное и духовное имеют величайшее значение для спасения христианина, однако святой Отец отдает предпочтение последнему, указывая, что как душа больше тела, так и духовная милость, оказываемая ближнему, а вместе с нею и любовь к нему, выше ценится в очах Божиих. "Христос бо весьма души человеческие любит, так что и умереть за них благоизволил. И потому ничто не может благоприятнее Ему быть, как спасение человеческое; и никто не может более Его любить, как тот, который спасение ближнего ищет" (2:345).

Такая активная любовь христианина к ближнему уподобляет его милосердному Богу (1:169) и способствует исполнению заповеди Христовой: "Будите убо милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть" (Лк. 6, 36). "Кто творит милостыню ближнему, тот подражает Ему (Богу), и тако лучшую паче всякой жертвы приносит Ему Жертву" (5:120).

---

[1] Однако святитель Тихон не относит к разряду нуждающихся тех лиц, которые могут трудиться, но по своей лености удаляются от этого и даже тратят полученную помощь на пьянство. Всех их он называет обманщиками, ворами и хищниками и говорит, что таковых ожидает за гробом не утешение, но суд Божий, если не принесут в этом истинного раскаяния (2:359).

Как подчеркивает святитель Тихон, христианское милосердие должно быть нелицемерным и постоянным, особенно в отношении к братьям по вере, ибо все верующие во Христе составляют как бы один организм, суть члены одного тела (5:116). В сочинении "О истинном христианстве", сравнивая действия христиан с взаимодействием членов тела, святой Отец подробно объясняет, как они должны заботиться и помогать друг другу. "В вещественном теле, – говорит, – аще страждет един уд, соболезнуют ему и прочии вси уды: тако и в теле духовном христиане должны друг другу соболезновать и сострадать. Когда един христианин бедствует и страждет, его бедствием и страданием подвигнуться должны и прочии христиане. Аще убо какой христианин над бедствием брата своего милосердием не подвигнется: свидетельствует о себе, что христианского духа не имеет... Христианин бо не может быть без веры, вера без любви, любовь без милосердия" (3:366). Как в человеческом организме члены стараются помочь друг другу и тем самым взаимно усердно служат и оберегают все тело человека, точно так же должны проявлять милосердие друг к другу и христиане, помогая словом, советом, молитвой или же самим делом (3:367). И эта взаимная помощь в деле спасения имеет огромное значение, поскольку все христиане, оставляя на земле воинствующую Церковь, единый братский союз, подобно воинам, должны вести брань с духами злобы. Раз "диавол и ангелы его единодушно на христиан вооружаются и погибели ищут", то "и христианам (должно) с помощью Божией противу их стоять и друг друга побуждать" (2:345). Как в живом организме, если какой член не живет общей жизнью со всем телом, то постепенно отмирает и отпадает или его отсекают, так и человек, не имеющий милосердия к людям, удаляется от Церкви Христовой и, следовательно, умирает духовно.

Зная все это, христианин на протяжении всей своей жизни обязан постоянно упражняться в добродетели милосердия и уподобляться доброму врачу, проявляющему заботу о другом человеке до самопожертвования. А это в свою очередь сделает его сердце сострадательным к каждому человеку, находящемуся в нужде (2:345, 347). Кроме того, лица, стяжавшие эту добродетель, не только будут помилованы Богом (Мф. 5, 7), но и станут одесную Его в Царствии Небесном (Мф. 25, 34), в то время как не сотворившим милости будет суд без милости (Мф. 25, 41) (1:170; 2:347).

Углубляя мысль о христианском милосердии и его значении в деле спасения человека, Святитель говорит, что добро необходимо делать без ожидания от этого выгоды или похвалы, и притом делать с усердием и сердечным расположением (2:354). Оказывая милость людям, христианин должен всячески остерегаться самомнения, тщеславия и превозношения, потому что эти страсти могут обесценить эту добродетель в очах Божиих, и тогда вместо похвалы и награды от Бога человек может навлечь на себя Его гнев и осуждение (2:356).

Таким образом, добродетель милосердия оказывает самую существенную помощь в деле спасения человека и ходатайствует пред престолом Всевышнего не только об отпущении грехов его и помиловании, но и о блаженной вечности вместе с небожителями.

13 января 1989 г.

НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕРПЕНИЯ В СКОРБЯХ В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

(ПО УЧЕНИЮ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

На пути ко спасению в продолжение всей земной жизни христианин переносит множество испытаний, искушений и связанные с ними скорби, плач и лишения. Эти обстоятельства и составляют крест, который каждый верующий человек должен нести до конца жизни. В Священном Писании имеются ясные указания о необходимости несения этого креста для ищущих спасения. Сам Господь говорит: "Иже хощет по мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет" (Мк. 8, 34). В прощальной беседе Христос Спаситель говорил Своим ученикам: "В мире скорбни будете, но мужайтесь, яко Аз победих мир" (Ин. 16, 33). Подобным образом учили и апостолы, говоря, что "многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие" (Деян. 14, 22).

Святитель Тихон Задонский в своих творениях убедительно и ярко показывает, как именно скорби и испытания очищают душу от грехов, возводят ее от земли на небо, соединяют с Богом и ведут к совершенству. Говоря о значении добродетели терпения в несении жизненного креста, он замечает, прежде всего, что скорби и искушения являются неизбежным явлением в жизни каждого человека. Материальные недостатки и нужда, тяжелые болезни, смерть близких и дорогих лиц, незаслуженные обиды и притеснения, неудачи по службе, внезапные бедствия и всякого рода несчастья — все это приходится испытывать человеку здесь, на земле. Даже тогда, когда он свободен от внешних бед, его беспокоит уныние, недовольство, раздражительность, страх, т. е. внутренние скорби пораженной грехом человеческой души. Этих бед никто из людей избежать не может (4:181)[1]. Сама природа никогда не бывает постоянной: то пасмурно, то ясно, то бурно, то тихо; "тако и в нас без перемены не бывает" (5:361).

Тем более неизбежны скорби в жизни христианина. Кроме различных жизненных невзгод и неприятностей, кроме немощей, связанных с греховной природой, верующий во Христа встречает сильное противодействие со стороны врага рода человеческого — диавола. Если Христа, Сына Божия, "злохитрый дух" дерзнул искушать, то оставит ли верных Его по-

[1] При ссылках на творения святителя Тихона будут приняты сокращения: первая цифра обозначает том творений (изд. 6. СПб., 1899), вторая — страницу. Кроме того, встречающиеся тексты Священного Писания цитируются по творениям святого Отца.

следователей? (4:243). Сатана не спит, но всегда бодрствует, ища погибели человека. Его искушения настолько разнообразны, притворны и запутанны, что даже опытные подвижники с трудом распознают козни духа злобы, так как он пользуется всеми удобными для него моментами: слабостями человека, духом времени, обстоятельствами места, чтобы только возбудить в человеке небогоугодные мысли и желания. Где бы ни жил христианин, он не может избежать вражеских искушений; "то чрез злые помыслы, то чрез злых людей, своих служителей, (враг) искушает, беспокойствует, озлобляет... И то бывает, что которые были прежде други наши, сделаются нам дальними, нашими врагами; и самые кровные и единокровные наши: как-то отец, матерь, братия, сестры и прочие сродники, ежели по миру живут, будут гнать нас" (1:229). Если же диаволу не удается искусить христианина через помыслы или злых людей, тогда он отступает на время и оставляет человека в покое, чтобы затем снова напасть неожиданно (1:179). Так противник человеческого спасения всякого приступающего ко Христу отвлекает от истинного пути, "запинает ему... и различные простирает сети" (1:223). И все-таки, как замечает святитель Тихон, все искушения или скорби в жизни христианина, исходящие от диавола, плоти или от прелестей греховного мира, не бывают неожиданными и случайными, но происходит по воле или попущению Божию. Как врач дает горькие лекарства или отрезает некоторые члены тела, чтобы сохранить в здравии весь организм, так и Господь, Премудрый Врач душ наших, попускает скорбные для нас обстоятельства, чтобы сохранить душу для жизни вечной. И как не обижаются на врача, причиняющего нам страдания, так надобно относиться и ко всему, что попускает промышляющий о нас милостивый и человеколюбивый Господь (2:307). Ведь Бог не допускает душе, уповающей на Него, быть искушаемой без меры, сверх ее сил, т. е. не дает ей впасть в такие искушения и скорби, которых она не могла бы перенести (1 Кор. 10, 13) (4:242). Как, например, в хрустальный сосуд мастер ударяет легко, чтобы не разбить его, а в серебряный или медный бьет сильнее, так и Господь немощным попускает легкое искушение, а духовно крепким и мужественным — более тяжелое (5:328; срав. 4:242). Притом любое искушение попускается промыслительным действием Божиим для спасения человека и служит доброй цели — "на посрамление диавола и на венчание и прославление человека" (1:235).

Но польза или вред для души от этих искушений будет полностью зависеть от самого человека, т. е. куда он склонит свою свободную волю: к озлоблению или к терпеливому перенесению скорбей с призыванием всесильной помощи Божией. Каким же образом искушения приносят пользу и способствуют человеческому спасению? Прежде всего, всякое возникающее искушение ставит человека перед вопросом: как поступить, на какую сторону склониться? Другими словами, искушение открывает внутреннее состояние души и сердца человека. И в этом отношении испытание святой Отец сравнивает с лекарством, вызывающим рвоту. Хотя это лекарство и причиняет человеку неприятность, однако оно помогает освободиться организму от зловредных соков и тем способствует выздоровлению человека. "Тако при нашедшем бедствии исходят помыслы злые, как соки вредные, крыющиеся в сердце и повреждающие душу, и тако узнает человек, чем духовно немощствует" (2:108). Искушение открывает все тайное и сокровенное. Без искушения человек считает, что

у него все благополучно и он свободен от всего греховного, но какой-либо случай, например обида, показывает ему, что в сердце кроется гнев; или, узнав о благополучии ближнего, он обнаруживает в себе зависть, а сделанное доброе дело вызывает в нем самомнение и тщеславие. Случившееся несчастье показывает, что человек не свободен от малодушия и ропота и в создавшемся положении надежду возлагает более на людей и другие средства, чем на Бога. Так "искушение открывает, что в сердце нашем содержится, а отсюда видно, сколь полезно есть искушение к познанию внутреннего состояния" (5:31). Искушения показывают человеку, какой он есть, к чему имеет склонность, к добру или злу, чем руководствуется в жизни — плотским началом или духовным. Так человек постепенно познает свою немощь, грехи и пороки, о которых раньше не знал и не подозревал, начинает сокрушаться о них, покаянием и верою с помощью Божией искоренять их и через то приближаться к Богу (1:178; 3:328).

Следовательно, искушения, беды и напасти попускаются Богом для духовной пользы человека, а именно: чтобы глубже взрыхлить почву его сердца, уничтожить следы греховного услаждения, исторгнуть глубоко проникшие корни греха, расположить к покаянию и доброй, богоугодной жизни. И как "огнем иссушается влага, мокрота и гной смрадный, тако огнем такового искушения иссушается влага нечистоты, гордости, высокоумия, самолюбия, славолюбия, сребролюбия и прочих похотей, которые не иначе пред Богом имеются, как пред нами гнойный смрад и всякая скверна. И якоже в пещи искушается сребро и злато и чистейшим делается, тако в сей искушения печи очищается человек от злонравия" (3:307).

Отсюда и скорби есть действенное средство к очищению сердца христианина. Они оживотворяют и возвышают душу, сподобляют ее еще здесь, на земле, предвкушать начало вечного блаженства (4:332). И если в наших глазах, по человеческому рассуждению, некоторые обстоятельства кажутся жестокими, то для души они составляют благополучие и счастье. Так постепенно искушения и беды приводят человека к Богу, очищают его от греха, подобно тому, как огонь очищает золото от примесей (2:307). По свидетельству святителя Тихона, Священное Писание и церковная история являют множество примеров, когда грешники через жизненные испытания обращались к истинному покаянию и исправлению (2:315).

Если же христианин не имеет в своей жизни скорбей, то, в силу греховности, присущей каждому человеку, он может всецело душой прилепиться к земле, прийти в состояние духовного омертвения и совершенно забыть о своем небесном отечестве. А скорби напоминают о непостоянстве земного благополучия, ослабляют действия страстей, возводят ум человека к небесным обителям, "где нет напастей, бед, болезней и воздыхания", и тем самым способствуют его спасению (5:77; 1:173).

Кроме того, скорби и искушения определяют внутреннее достоинство благочестивой настроенности христианина и меру его духовного совершенства. Добрые дела, сделанные в часы благополучия и безмятежной жизни, равно как и хорошее расположение и благие чувства, не составляют еще истинной добродетели. Истинная добродетель обнаруживается в чистом и свободном возвышении духа над плотью, в твердой решимости воли, направленной к одному доброму и святому, и, наконец, в

постоянном согласии мыслей и действий с законами нравственными, законами Божественными. Но такой чистоты, такого достоинства и постоянства добродетели невозможно достигнуть без борьбы с искушениями, то есть добрые дела и добрая расположенность только тогда могут стать неотъемлемой стороной души христианина, когда они пройдут через горнило испытаний. Не тот воин искусен, который досконально изучил теоретически воинские науки, но тот, который принимал участие в сражениях против неприятеля. Так и христианин тогда становится искусным в духовной борьбе, когда "сквозь огонь и воду искушений, бед, напастей и скорбей проходит и подвизается противу невидимых врагов" (4:327). По другому меткому сравнению Святителя, как пища, обильно посоленная, долго сохраняет свой вкус и бывает пригодна к употреблению, так и добрые дела только тогда будут богоугодны и станут неотъемлемой принадлежностью души, когда они совершаются в трудные минуты испытаний. Даже более того, без них вообще невозможно приобретать духовную опытность и упражняться в доброделании (4:328).

Попускаемые Промыслом Божиим искушения учат также трезвенности и бдительности. Первый человек — Адам своим непослушанием, противлением воле Божией навлек на себя осуждение Творца, и с тех пор все человечество подвергается различного рода скорбям, лишениям и болезням. С того времени греховные наклонности и страсти являются основанием, первопричиной всех видов искушений. По словам святителя Тихона, часто бывает так, что человек не виноват в том, в чем его обвиняют, но он виновен пред Богом в других случаях. Пред Богом нет ни единого безгрешного человека, следовательно, и искушение не бывает бесцельным, ибо все бедствия от грехов происходят (2:297) и правда Божия требует, чтобы "грешник за грехи наказан был" (1:182). Внимательный к своей духовной жизни христианин постепенно замечает закономерность, при которой скорби и испытания являются неизменным следствием нарушения заповедей, и это побуждает его быть осмотрительным во всех своих действиях. По замечанию Святителя, как во время войны жители оберегают свой город, старательно защищают его и отражают натиск врага, так и христианин, чувствуя вражеское наваждение через злые помыслы, склоняющие ко греху, должен бдением, страхом Божиим и молитвой оградить и затворить душевный свой дом. Значит, искушение делает христианина бдительным, опытным и осторожным, всегда готовым к отражению вражеских нападений (3:308).

Следует также отметить и благотворное влияние испытаний на формирование духовной рассудительности христианина, его снисходительности к немощам других людей. Как уже было сказано, враг рода человеческого чаще всего искушает и соблазняет человека через других людей. Так, например, иудеи по научению диавола гнали и затем распяли Христа; нечестивые правители подвергали страшным мучениям последователей Христовых, чтобы отвести их от веры (3:445). Причину таких явлений святитель Тихон усматривает не столько во взаимных недоразумениях между людьми, сколько во внутреннем их противлении истине. Почти всегда нерадивые, невнимательные к запросам души христиане преследуют благочестивых, потому что святая жизнь последних обличает их злые дела и беззакония. Богоугодная жизнь верных постыжает нечестивых, работающих плоти и диаволу, и как нестерпим свет для очей

больных, так добродетель — для нечестия. Вот почему невнимательные к своей душе люди, находясь под влиянием злого духа, сначала раздражаются поведением ревностных христиан, затем укоряют их и злословят, а потом начинают преследовать и досаждать им (2:289; срав. 5:149).

Однако такими действиями, воздвигаемыми на последователей Христовых, диавол, и сам этого не зная, вместо вреда приносит им величайшую пользу, ибо через искушения истинный христианин познает свои немощи, смиряется и приобретает опытность в борьбе с лукавым врагом, учится распознавать его злоухищрения, а также видит и то, что люди иногда являются орудием и исполнителями его коварных замыслов. Приобретая таким образом духовную рассудительность, верующий человек старается, с одной стороны, более всего обращать внимание на свои недостатки, трудиться над их искоренением, а с другой — прощать ближних, снисходить к их немощам и причину скорбей видеть не в них, а в Промысле Божием, устраивающем пути человеческие ко спасению (2:289, 307).

Все вышеизложенное показывает, что путь скорбей и есть тот узкий, тернистый путь, которым должен идти каждый христианин, ибо "нет иного пути к вечному животу... кроме пути тесного, прискорбного и крестного" (2:99). Скорбями христианин уподобляется своему Божественному Учителю. "Иже хощет по Мне идти, — говорит Господь, — да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет" (Мк. 8, 34). Обосновывая свою мысль словами премудрого Иисуса, сына Сирахова: "Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение" (Сир. 2, 1), святитель Тихон учит, что кто желает быть без скорбей, тот сходит с тесного пути на пространный, ведущий в пагубу, и исключает себя из числа истинных христиан (3:292). Все встречающиеся в жизни христианина искушения, скорби и испытания есть не что иное, как проявление любви и милосердия Божия к падшему человеку. "Бог и тогда благотворит нам, когда наказывает нас, да исправит нас; биет нас, да помилует нас; сокрушает нас, да исцелит нас; опечаливает нас, да увеселит нас. Все бо творит, да ублажит нас" (4:351). Наказание человека как-то: отнятием у него благ, испытание его искушениями и скорбями, лишениями и болезнями есть выражение Божественной любви, которую можно сравнить в некоторой степени с любовью родителей к своему ребенку, когда, несмотря на его слезы и обиды, они отнимают у него опасные предметы или наказывают за проступки с тем только, чтобы исправить его и предохранить от опасных последствий. "Его же любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет" (Евр. 12, 6). "Тако и Бог наказует нас, но вечного живота и Царствия наследие готовит нам... Наказует нас Бог на пользу нашу, да причастимся святыни Его" (4:353), "все же сие делает от единыя любви, дабы мы могли исправиться и тако спастися вечно" (1:88).

Отсюда следует, что лишен бывает милости и любви Божией тот, кто не несет жизненных испытаний на своем пути. И как отец оставляет сына без наказания и попускает ему жить по своей воле, свидетельствуя тем самым, что он отринул его от себя, так и Господь, когда оставляет человека без наказания, через то показывает ему, что лишает его Своей милости, и не иное что такому последует, как терпеть на себе вечный гнев Божий (3:294). Кто согрешает и не несет наказания здесь во вре-

менной жизни, тот самый несчастный человек, потому что правда Божия требует, чтобы грешник был наказан за грехи свои; а если необходимо грешнику непременно быть наказанным, то лучше ему претерпеть все лишения в земной жизни, чем в будущем веке бесконечно мучиться: "зде наказует Бог и утешает, а тамо несть утешения; зде наказания легкая, отеческая, а тамо жестокая; здесь маловременная, а тамо вечная... Сто лет зде всякое страдание терпеть ничтоже есть противу вечного. Слыши евангельского богача, который зде по вся дни веселися светло, како вопиет: "Отче Аврааме, помилуй мя" — вопиет, но бесполезно, и во веки будет вопить" (1:182).

Следовательно, если человек не прилепляется к земной суете и в сыновней покорности воле Божией ищет и находит в Нем утешение и укрепление, то он с помощью Божией непременно сподобится получить вечное спасение. И наоборот, человек, не имеющий в своем сердце Бога, во время скорби или искушений приходит в малодушие, ропот, уныние и даже отчаяние. В этом случае виновато не испытание, всегда очищающее и укрепляющее душу, но раболепная привязанность человека к земному, нравственное расслабление его воли, сделавшейся неспособной ни к борьбе, ни к терпению, а также забвение о блаженной вечности, в сравнении с которой все нынешние страдания ничего не стоят (Рим. 8, 18). Скорбь только тогда принесет пользу, когда человек принимает ее, будучи подвигнут или раскаянием во грехах, или горячим желанием совершенства, или созерцанием будущего блаженства.

Итак, испытания в жизни христианина тесно связаны с добродетелью терпения. С одной стороны, эта добродетель рождается от христианского перенесения скорбей, а с другой — без нее скорби совершенно теряют свой смысл и значение, т. е. они не могут принести определенной пользы и способствовать спасению. Только тот, кто до конца своей жизни будет терпеливо нести свои скорби, "спасен будет" (Мф. 10, 22). Именно в терпении, по учению святителя Тихона, состоит христианский подвиг. И если в обычной битве тот побеждает, кто гонит неприятеля и поражает его, то в духовной брани бывает наоборот: здесь тот побеждает, кто, гонимый, терпит, обидимый — не мстит, злословимый — благословляет, как и учит апостол Павел: "Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое" (Рим. 12, 21). "Сия есть христианская победа — побеждать благим злое" (3:444; срав. 5:355).

Характеризуя добродетель терпения и ее необходимость во время жизненных испытаний и искушений христианина, Святитель смотрит на нее как на "пристанище обуревасмых, источник мира, крепость, дружество, забрало и хранилище добродетелей, венец благочестия, известное знамение веры, истинныя радости вина, плод смирения, покой совести, герб христианский, знамя Христовых воинов, печать избранных Божиих, путь к вечному животу, лестница к небеси, предтеча к вечной славе, победа на врагов, язва диаволу и ангелам его, миру поругание, торжество над самим собою и прочее" (2:301). Терпение есть добродетель, которая во всяком страдании все упование возлагает на волю Божию и святой Его Промысл; оно, по меткому выражению Святителя, подобно якорю, поверженному во глубину Божия милосердия (2:297; срав. 1:181; 2:294).

Терпеливо перенося все скорбные обстоятельства, христианин тем самым свидетельствует о своей любви к Сыну Божию, Который ради спасения человека пришел в мир, пострадал и претерпел неимоверные

мучения. И в благодарность за это человек не может ничего принести, кроме взаимной любви, "которая ни в чем так, как в терпении за любимого, познается" (5:328).

Далее, терпение крайне необходимо в усилиях христианина сохранить свою душу чистой от всего греховного. Зло не присуще человеческому бытию, и в природе нет таких причин, которые бы неодолимо заставляли человека делать зло. Но посредством свободной воли, которая после грехопадения наших прародителей стала более склонна ко злу, нежели к добру, зло воспринимается сердцем человека и укореняется в нем. Поэтому, чтобы изгнать его из сердца, нужно мобилизовать все силы души и направлять их только к совершению добра. А это в свою очередь будет очищать душу, укреплять ее в борьбе с искушениями и направлять по спасительному пути. В этой духовной борьбе терпение сообщает подвизающемуся силы переносить различные испытания физического и нравственного характера, укрепляет твердость и крепость воли. В подтверждение данного вывода святитель Тихон приводит пример из жизни святых мучеников. Когда Диоклетиан не смог самыми изощренными пытками заставить отречься от Христовой веры святого Вита, тогда "побежал с позорища, бия себя по лицу и взывая: горе мне, яко от такого отрока мала побежден есть" (2:298). И так как в подобных случаях ведется не столько физическая, сколько духовная борьба, то и христианин должен иметь более духовной крепости и мужества. Вполне понятно, что одних человеческих сил здесь недостаточно, необходима помощь свыше. Помощи этой сподобляется только тот человек, который в своей жизни приобрел нелицемерное терпение (2:298).

Если в этом суетном мире ничего невозможно достигнуть без терпения, как, например, славолюбцы прилагают большие усилия и много терпят различных неприятностей, чтобы добиться чести и славы; купцы, совершая путешествия в другие страны, укрепляют себя терпением ради приобретения временного богатства, или же воины, чтобы показать свое мужество и получить более высший воинский чин, терпят всевозможные лишения и опасности, то тем более без этой добродетели невозможно достичь Царства Небесного. Другими словами, христианин всегда должен быть готовым терпеть ради своего же спасения скорбь и искушения и постоянно утверждаться в Господе упованием и надеждою на Его всесильную помощь (5:328).

Христианское терпение дает возможность человеку сохранить внутренний мир даже в самых тяжелых обстоятельствах жизни. Хотя он и испытывает удары волн и ветры искушений и бед, но все принимает как от руки Божией и поэтому ни на кого не враждует и не обижается, но всем прощает. Благодаря этому в его душе постоянно сохраняется мир и спокойствие, что свойственно бывает только "любителю Христову... (который. — *А. И.*) по подобию корабля в тихой гавани стоит, ни ветра, ни бури, ни волн не боится" (3:154; срав. 5:354; 4:220). Совершенно иная картина в том случае, когда человек проявляет нетерпение в скорбях и искушениях: печаль овладевает его сердцем, расслабляет душу и подавляет все Божественное. Оказавшись в таком бедственном состоянии, христианин бывает уже неспособен ни к молитве, ни к чтению священных книг, этому духовному врачеству, и вообще ни к каким богоугодным делам. И если человек не смирится перед Промыслом Божиим, но будет продолжать роптать, тогда скорбь и печаль, возмутив сердце и

отняв всякое здравое рассуждение, делают душу как бы обезумевшей. И все это происходит по той причине, что человек лишается благодатной помощи; "Бог, Который налагает крест, Тот и помогает носить крест, но помогает соизволяющим и повинующимся, а от ропчущих отходит и тако сугубо им бывает тягость" (5:148). Чрезмерная печаль и ропот свидетельствуют о духовном неразумии и привязанности христианина к земному благополучию до забвения небесного, что в свою очередь омрачает сердце и делает его опустошенным, а жизнь лишенной смысла. Все это "к тому приводит, что многие сами себя смерти предают и тако временной и вечной жизни лишаются" (2:296). Святитель Тихон увещает малодушных христиан смиряться со скорбными обстоятельствами, постигающими их в земной жизни, и принуждать себя к терпеливому их перенесению. Ведь человек своими силами не может изменить ту или иную создавшуюся обстановку; проявляя нетерпение, он усложняет ее и, в конце концов, теряет небесную награду: "того не миновать, что суд Божий нам определил, а от нетерпения мзда погубляется" (1:182). Терпеливое, смиренное, спокойное перенесение испытаний приводит к тому, что они в кратчайшее время теряют свою остроту и перестают беспокоить душу, в то время как ропот не только отодвигает время успокоения, но и вызывает еще большее возмущение в душе, и через то испытания еще более увеличиваются (1:182).

Нетрудно заметить, что добродетель терпения не ограничивается в своем благотворном влиянии на одного, отдельного человека, но распространяется на семью и общество в целом. Ни один человек не свободен от каких-либо немощей, но более всего эти немощи заметны и сказываются в семейном кругу. Поэтому терпение и снисхождение к немощам друг друга следует прежде всего приобрести супругам. Только в этом случае могут сохраняться в семье мир и согласие (5:175). Подобным образом терпение оказывает свое спасительное действие и в обществе. Если от нетерпения происходят в мире всевозможные нестроения, ссоры, войны и убийства, то посредством терпения "все сие зло отвращается. Ибо где терпение, тамо нет ссоры и брани" (2:301). По словам Святителя, терпение более сохраняет общество, нежели оружие, и более сохраняет города, нежели стены (2:301).

Если так спасительно и так необходимо терпение в жизни христианина, то что же способствует его приобретению? Прежде всего нужно отметить, что истинное христианское терпение рождается от веры. Не имея веры, человек весь смысл своей жизни полагает в увеселениях и приятном времяпровождении. Но когда такое течение жизни нарушается различными нестроениями и скорбными обстоятельствами, то он приходит в смущение, недовольство и ропот. Вера же, "в сердце живущая, сие смущение укрощает и усмиряет, представляя, что все по Божьему Промыслу бывает" (2:293). Вера же убеждает в том, что все скорби временны и за ними последует вечная радость, в то время как нетерпением оскорбляется благость Божия (2:293).

Немаловажным средством, укрепляющим христианина в терпеливом перенесении скорбных обстоятельств, является надежда на Бога, от Которого христианин во время скорби "ожидает или избавления, или облегчения" (1:196). Но самое существенное влияние на формирование и совершенствование терпения оказывает добродетель любви. Кто любит ближнего, тот не мстит за обиду, но великодушно переносит и даже

молится за обидчика, сожалея о нем как о подпавшем влиянию диавола (2:234; срав. 1:162). Отмщение же и воздаяние за зло есть плод не любви, но ненависти (1:89). Когда христианину приходится испытывать скорбь, причиняемую со стороны ближнего, он побуждается к терпению размышлением о том, что он виноват пред Богом своими грехами от юности своей, но Господь долго терпит и не наказывает его, ожидая покаяния. От этого размышления у него появляется снисходительность и терпеливое благоразумие по отношению к немощам своих ближних (5:188; срав. 5:354). К терпению подвигает христианина также любовь Божия к роду человеческому и высочайший пример Христа Спасителя, Который претерпел всевозможные мучения за спасение человека. Бремя жизненного креста во многом облегчается, если страждущий обращает свой взор на Начальника веры, Который, пострадав, оставил образ, чтобы Его ученики и последователи шли этим путем, не унывая и не ослабевая в дни своей скорби (2:295; срав. 3:292).

Кроме того, терпение укрепляется воспоминанием о святых мучениках, многоразличные страдания которых невозможно и перечислить. Их пригвождали ко крестам, бросали на съедение зверям, сжигали, топили, живыми зарывали в землю, бросали в кипящую смолу или олово, сдирали кожу, раздробляли кости, отрезали члены тела и т. д., однако святые страстотерпцы с помощью благодати Божией мужественно все переносили и тем приводили ко Христу и вдохновляли на подвиг ради истинной веры множество язычников (1:183). И в настоящее время есть очень много людей, которые находятся в болезнях, скорбных обстоятельствах и испытывают великие страдания и даже часто не имеют человека, который бы позаботился об их благополучии. И если христианин терпеливо будет переносить страдания ради Господа, то он сподобится в жизни вечной такой же награды, как и святые мученики (2:298; срав. 1:248).

Немалую пользу в формировании добродетели терпения приносят и размышления о вечных муках и блаженстве праведников. Святитель учит нисходить умом в ад и представлять положение душ, осужденных на мучения. Безусловно, тогда каждый придет к выводу, что лучше терпеть здесь от руки Божией всякое наказание, зато в будущей жизни иметь вечное утешение в Его Царстве. И если христианин здесь, во временной жизни, будет уклоняться от испытаний, посланных Богом, то по смерти его постигнет вечный гнев и мучения, которых не может избежать неисправленный и ненаказанный грешник. С другой стороны, христианина утешает и укрепляет в терпении размышление о блаженной участи святых. Если ознакомиться с житием всех угодников Божиих, то, по словам святого Отца, никто из них не был свободен от скорбей и искушений, потому что нет иного пути к небу, кроме узкого и тернистого; вся святые с великим терпением, радостью и благодарностью воспринимали как от руки Божией всякие превратности жизни, за что и сподобились вечной блаженной радости (1:183).

Далее, христианин утверждается в терпении и тем, если он смирится под крепкую руку Божию и предаст себя всеблагой Его воле. Рассуждение о том, что своими грехами человек прогневляет Бога и за это достоин всякого наказания, приводит к смирению, а в момент испытаний — к терпению. Смиренный человек не только охотно принимает посланные от Бога испытания, но и видит в них очистительное средство,

которым Бог приготовляет его к вечному блаженству. И потому христианин скорбные обстоятельства принимает как милость Божию (5:114).

Но более всего скорбная душа в трудные моменты находит утешение и подкрепление в непосредственном обращении к своему Творцу и Создателю Богу. Человек даже тогда получает некоторое облегчение и утешение, когда сообщит свою скорбь близкому другу, и тем более умиротворяется его дух при молитвенном обращении к Богу, Который слышит каждое слово. И если это будет угодно Его святой воле и полезно делу нашего спасения, то Он как милосердный Отец пошлет Свою помощь и избавит от скорбных обстоятельств. Господь так утешительно воздействует на дух молящегося, что последний часто вместо скорби испытывает чувство благодарности, преданности Ему и радости (3:115; срав. 2:301).

Подобное же действие оказывает на душу христианина в его скорбях и чтение слова Божия. Святой Архипастырь советует как можно чаще обращаться к Священному Писанию, в котором, как в духовной аптеке, скорбящий найдет утешение в самых разнообразных жизненных обстоятельствах (3:200; срав. 1:186).

Таким образом, говоря о скорбях, искушениях и испытаниях в жизни верующего человека, можно сказать, что они имеют существенное значение в очищении души на пути, ведущем ко спасению. Скорбные обстоятельства, воспринимаемые с терпением и самоукорением, помогают формированию в христианине богоподобных свойств, из которых наиболее ценными являются упование на Бога, смирение, сопровождаемое преданностью воле Божией, и послушание. Все добродетели посредством терпения очищаются, возвышаются и постепенно превращаются в один благодатный поток, влекущий душу христианина в вечные сферы Божественной жизни. Следовательно, терпение является неотъемлемым условием духовной жизни христианина и без него невозможно совершенствование и спасение души.

15 февраля 1989 г.

НАСТОЯТЕЛЬ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ СХИАРХИМАНДРИТ МОИСЕЙ (ПУТИЛОВ) И ЕГО ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Одним из духовных пастырей прошлого века был схиархимандрит Моисей (Путилов) — настоятель Оптиной Введенской пустыни.

Прежде чем непосредственно перейти к изложению его жизни и пастырской деятельности необходимо, хотя бы очень кратко, сказать о значении Оптиной пустыни в духовной жизни русского народа в прошлом веке.

Оптина пустынь — небольшая обитель Калужской области в XIX веке по Промыслу Божию была центром духовной жизни русского народа. Здесь собираются ученики учеников возродителя русского монашества схиархимандрита Паисия Величковского (1722—1794), изучаются и издаются творения святых отцов. Издательская деятельность и наличие в обители мудрых духовных руководителей привлекают к обители взоры не только простого верующего народа, но и русской интеллигенции. Обитель посещают писатели, философы: Вл. Соловьев, С. П. Шевырев, И. В. и П. В. Кириевские, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, А. Н. Толстой, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой и многие другие. Все они находили в Оптиной пустыни удовлетворение своих духовных интересов. Многие из них с благоговением изучали и описывали Оптину пустынь и свидетельствовали в своих произведениях о том огромном нравственном влиянии, которое обитель имела на русский народ. И. В. Киреевский, сознавая высоту нравственного строя Оптиной пустыни, писал, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев[1].

Ни одна из многочисленных обителей прошлого века не могла похвалиться, что вмещала в одно время столько избранников Божиих — духовных вождей — иеросхимонахов: Леонида, Макария, Амвросия, Антония и других.

Своим внешним и духовным расцветом Оптина пустынь обязана трудам своего настоятеля схиархимандрита Моисея, к которому вполне приложимы слова летописца: "Монастырь согради и братию собра"[2].

Схиархимандрит Моисей, в миру Тимофей Иванович Путилов, родился в 1782 году в городе Борисоглебске Ярославской губернии в семье горожанина.

---

[1] Цит. по К. Н. Леонтьеву. "О. Климент Зедергольм", М. 1882, стр. 11.

[2] Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882, стр. 51.

Жизненный путь отца Моисея не богат внешними событиями. От юности возлюбив Христа, он двадцатитрехлетним юношей уходит вместе со своим братом Иоанном в Саровскую пустынь[1]. Здесь в Сарове он сподобился беседовать с будущим великим светильником земли Русской преподобным Серафимом Саровским. Беседа и наставления преподобного Серафима оставили неизгдимое впечатление в душе юноши. Принять постриг в Саровской обители Тимофей Путилов не смог из-за отсутствия увольнительных документов. Посетив несколько обителей, он, по совету своего духовного руководителя иеросхимонаха Алексия, подвижника Московского Симоновского монастыря, уходит к пустынникам в Рославльские леса Смоленской области. Десять лет, проведенных им среди пустынного братства, обогатили его духовно и явились подготовительным периодом к его церковно-общественному служению. В эти годы он принял монашество с именем Моисея и под руководством старца Афанасия прошел строгую школу духовного делания. Физический труд, пост, непрестанная молитва, изучение творений св. отцов — все это возвело его "в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова" (Еф. 4, 13).

В 1821 году известный епископ Филарет (Амфитеатров), впоследствии митрополит Киевский (1779—1857 гг.), вызвал монаха Моисея в Оптину пустынь и поручил ему устроить при этой обители скит. Скит был устроен трудами отца Моисея и его помощников.

Через год, в 1822 году отец Моисей был рукоположен во иеромонаха и назначен настоятелем Оптиной пустыни. 37 лет подряд до самой смерти он неуклонно стоял на "божественной страже" вверенной ему паствы.

Архимандрит Моисей за годы своего настоятельства в полном смысле преобразил Оптину пустынь и внешне и духовно. Он был выдающимся хозяином-строителем. При нем Введенский собор был значительно увеличен устройством двух боковых приделов и крытой паперти, к больничной церкви сделана пристройка, из старой братской трапезной устроена прекрасная церковь во имя преподобной Марии Египетской, построена кладбищенская церковь; вновь построено семь братских корпусов, братская трапезная, библиотека, восемь корпусов для гостиниц вне монастыря, два конных двора с братскими кельями, скотный двор, заводы кирпичный и черепичный, мельница; весь монастырь обнесен кирпичной стеной с семью башнями. Как уже было сказано, им создан был скит при монастыре.

В результате многих ходатайств перед духовными и светскими властями отцу Моисею удалось увеличить почти вдвое земли обители, на которых были устроены прекрасные огороды, разведен фруктовый сад, заведен крупный рогатый скот, устроен хутор для сбора сена, заведено рыболовство. Но не строительные и хозяйственные работы были основной деятельностью отца Моисея. Спасение вверенных его попечению душ — вот основная цель заботливого настоятеля.

В рукописном жизнеописании схиархимандрита Моисея, хранящемся ныне в архивном фонде (№ 213) Государственной библиотеки имени

[1] Впоследствии Иоанн Путилов принял монашество с именем Исаии и был игуменом Саровской обители; второй брат отца Моисея Антоний был игуменом Малоярославского монастыря.

В. И. Ленина, сказано, что "о. Моисей главной и единственной целью своей деятельности ставил подъем духовной жизни братства обители по примеру древних св. отцов преподобных: Антония Великого, Пахомия Великого и других... параллельно сему шла и деятельность и по внешнему благоустроению обители, но только последняя деятельность имела в глазах отца Моисея второстепенное значение. О. Моисей глубоко и вполне искренне веровал в силу и истинность слов Господа: "Ищите же прежде Царствия Божия и правды его, и это все приложится вам" (Мф. 6, 35)"[1].

Богомудрый настоятель основное внимание обращал на духовное воспитание иноков и их монашеский образ жизни. Все виды внешнего благоустройства лишь способствовали этой цели.

Дело духовного воспитания иноков и приезжавших в обитель мирян отец настоятель упрочил тем, что постепенно ввел в своей обители древний порядок иноческой жизни, учредил правильный порядок духовного руководства.

По приглашению отца настоятеля в Оптину пустынь с 1829 года поселился на постоянное жительство о. Леонид (Наголкин), который имел великие духовные дарования от Бога, а в 1834 году сюда же переселился из Площанской обители и второй великий подвижник иеромонах Макарий (Иванов). Под их мудрым руководством духовно возрос и достиг особой высоты в духовной жизни великий оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Эти три выдающиеся личности под руководством и покровом архимандрита Моисея питали духовной пищей не только насельников Оптиной пустыни, но и всех тех, кто обращался к ним. Хотя в духовном назидании братии и прочих лиц главными действующими лицами были старцы, но, однако, заслуга и участие в этом деле отца Моисея весьма велики, потому что он содействовал этому, т. е. способствовал принятию их в обитель. Он лучше других понимал высокое значение и силу их благотворной деятельности на пути ко спасению.

Отец Моисей за свою святую жизнь получил от Бога знание сердец человеческих, и ведение Св. Писания, и отеческих книг, и духовную мудрость и потому мог быть духовным наставником других. Но, с одной стороны, понимая, как трудно в одном лице совместить две обязанности — настоятеля и духовника, и с другой — вполне доверяя старцам Леониду и Макарию, архимандрит Моисей и не хотел обнаруживать свои духовные дарования. Многие и не подозревали, что тот, которого они считали только хорошим строителем и мудрым настоятелем, был вместе с тем и мужем духовным. Другие хотя и знали это, но не могли принудить его оставить дорогое для его сердца молчание. Только изредка, по просьбе немногих лиц, открывал отец архимандрит свои богомудрые уста, из которых теклю духовное млеко, напояющее души слушающих.

Выражением душепопечения о. Моисея было также и его самое живое участие в издательской деятельности Оптиной пустыни.

Как уже было сказано, проживая в Рославльской пустыни, отец Моисей неустанно изучал творения св. отцов. Находясь на посту настоятеля и обремененный многими хозяйственными заботами, отец Моисей редкие свободные минуты посвящал изучению творений святых отцов. Святоотe-

---

[1] ГБЛ, ф. 213, п. 154. Краткое сказание о жизни настоятеля Козельской Оптиной пустыни архимандрита, схимонаха Моисея.

ческие творения он не просто читал, а изучал их всей своей жизнью и делал из них обширные выписки. В Государственной библиотеке имени Ленина хранится рукописная книга с выписками архимандрита Моисея из творений: свв. Филофея Синаита, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Григория Синаита, Исаака Сирина, Исихия Иерусалимского, Симеона Нового Богослова, Варсанофия Великого, Нила Сорского, Марка Постника и другие[1].

Отец настоятель собрал большую библиотеку, насчитывающую 2100 печатных и рукописных книг.

Понимая, какое огромное значение имеет изучение творений святых отцов в духовной жизни христианина, отец Моисей всеми мерами способствовал издательской деятельности своей обители. При его непосредственной поддержке обитель издала много (16) творений святых отцов на русском и славянском языках[2].

---

[1] ГБЛ, ф. 214, № 408. "Из записок архимандрита Оптиной пустыни Моисея".

[2] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 150. С 1847 г. последовательно издавались следующие книги:

1) "Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского" — 1847 г.

2) "Четыре огласительных слова к монахине", иеромонаха Никифора Феотоки — 1848 г.

3) "Преподобного отца нашего Нила Сорского, предание, учеником своим о жительстве скитском" — 1849 г.

4) "Восторгнутые класы в пищу души" — сборник из отеческих писаний — конец 1849 г.

5) "Преподобных отцев Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников". Перевод древнеславянский исправлен старцем Паисием — 1852 г.

6) "Преподобнаго отца нашего Симсона Нового Богослова игумена и пресвитера бывшего от ограды св. Мамонта, слова весьма полезные" (12 слов) — конец 1852 г.

7) "Оглашения преподобного Феодора Студита", перевод с новогреческого старца Паисия — начало 1853 г.

8) "Преподобного отца нашего Максима Исповедника, толкование на молитву "Отче наш" и его же слово постническое по вопросу и ответу" — конец 1853 г.

9) "Св. отца нашего Исаака Сирина епископа Ниневийского слова духовно-подвижнические" — 1854 г. Алфавитный указатель составлен старцем Макарием.

10) "Книга преподобных отцев Варсонофия и Иоанна руководство к духовной жизни". Русский перевод — 1855 г.

11) "Преподобного отца нашего аввы Фелассия главы о любви, воздержании и духовной жизни". На славянском и русском — 1855 г.

12) "Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания" — 1856 г.

13) "Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова" — 1856 г.

14) "Преподобного и богоносного отца нашего Марка подвижника нравственно-подвижнические слова" — 1858 г.

15) "Преподобного отца нашего Орсисия аввы Тавеннсиотского учение об устроении монашеского жительства" — 1859 г.

16) "Преподобного отца нашего аввы Исаии отшельника египетского духовно-нравственные слова" — 1860. (И. Л. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861, стр. 170—174).

В архиве Оптиной пустыни сохранилась обширная переписка отца Моисея,[1] — более 500 собственноручных писем отца Моисея и 1376 писем к нему. Из этой переписки видно, с какой заботливостью стремился распространить отец настоятель изданные обителью книги буквально по всему лицу русской земли. Книги за подписью архимандрита Моисея рассылались во все академии и семинарии, почти во все монастыри, многим иерархам и частным лицам. Среди благодарственных ответов за присланные книги можно прочесть имена таких известных подвижников и церковных деятелей, как митрополит Московский Филарет, епископ Игнатий (Брянчанинов), епископ Феофан Затворник, епископ Иеремия Отшельник, архиепископ Иннокентий Херсонский, архиепископ Евсевий (Орлынский), проф. прот. Яков Амфитеатров, многих настоятелей монастырей, иноков и частных лиц[2].

Литература, издаваемая Оптиной пустынью при отце Моисее, имела и имеет огромное значение в деле спасения человека. "Когда кто-либо прочтет ту или иную книгу, — говорил отец архимандрит, — и духовная польза одного человека вознаградит все наши труды"[3].

Мудрым душепопечительством была проникнута и вся воспитательно-административная деятельность отца Моисея. Он, помня слова Спасителя: "Грядущего ко Мне не ижжену вон" (Ин. 6, 37), принимал в обитель всех приходивших из мира с истинным желанием спастись, при этом не требуя вклада в пользу обители. Не столько заботился этот мудрый наставник о том, могут ли принимаемые им принести пользу обители, сколько о том, чтобы это святое место действительно послужило к их душевной пользе и спасению, и потому охотно принимал не только молодых и здоровых, но и даже старых и хилых, изъявивших искреннее произволение посвятить остаток дней своих на служение Господу. С особенной отеческой любовью смотрел он на слепых, как они усердно подвизались в послушании, кто звонарем, кто в хлебне. В то время в обители была бедность, часто даже не хватало дневного пропитания. Некоторые из братии роптали на отца Моисея за то, что он принимает в монастырь много, да притом старых и больных. На это отец архимандрит отвечал: "Чем больше принимается в обитель, тем больше молитвенников и служащих Богу, Который на долю всякого и посылает потребное". "Здоровый и молодой везде найдет себе пристанище, а если старых-то и неспособных к делу, каковы мы с вами, не призреть, то куда им деться? Притом же на всякого поступающего в монастырь Господь и посылает, а на старичков и на больных вдвое, потому что они сами ничем не могут воздать принявшей их обители"[4]. Отец настоятель не любил повелевать и показывать свою власть, но всегда и везде все держал в своих руках и не разрешал никому вмешиваться в свое настоятельское дело. В многолюдной обители с тремя почти стами братии и рабочих, при огромном хозяйстве, множестве самых различных послушаний, при большом стечении богомольцев, не было заметно в нем ни суетливости, ни тревоги.

---

[1] ГБЛ, ф. 213, папки 118—210.
[2] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 150—151.
[3] Архим. Моисей (Путилов). Сергиев Посад, 1911, стр. 23.
[4] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 78—79.

От настоятеля эти добродетели переходили и на братию. Всякий свободно, и как будто сам по себе, занимался своим делом, а между тем общий порядок не нарушался; все управлялось одной волей, подчинялось одному человеку, человек этот только ходил везде и смотрел, говорил мало, часто бывало, что он как будто бы не замечал малых погрешностей братии. И это было потому, что сам о. Моисей все делал по совести, а поэтому он и братию приучал к этому же. Никому не дозволял он уклоняться в своеволие, но, с другой стороны, всякому благоразумию предоставлял свободу.

За всякий труд, понесенный в пользу обители и братства, отец Моисей был всегда признателен, и потрудившихся умел утешить и ободрить выражением своей благодарности, отеческой любви и признательности. "Спаси, Господи, за святое послушание. Благодарствую" — бывало, скажет почитаемый старец[1]. Эти краткие слова архимандрита Моисея настолько действовали на тружеников, что в их сердца вливалась новая благодатная сила, которая возбуждала ревность к выполнению данного послушания. Бывало, кто-либо из братии при исполнении какого-нибудь поручения, потерпит неудачу, или испортит что-либо случайно, отец настоятель вместо выговора и обличений поблагодарит его, да и утешит, говоря: "Ну, уж кто в деле, нельзя без того быть, чтобы не испортить чего"[2].

Вот таким умелым и мудрым обращением с подчиненными отец Моисей врачевал души вверенных ему насельников обители. Однако при мудрой снисходительности правление архимандрита Моисея вовсе не было слабым. Он редко взыскивал, долго молчал, хотя и видел какие-либо беспорядки, но тем не менее в случае надобности умел вразумить кого требовалось и напомнить ему о послушании. Нерадения или небрежности в деле послушания, на которое он сам смотрел и всех приучал смотреть как на дело Божие, он весьма не любил, и кто в этом оказывался виновным, тому он в свое время давал почувствовать свою вину.

Если кто из братии, провинившись в чем-либо, просил прощения у отца Моисея, то, конечно, получал просимое и больше он об этом деле никогда не вспоминал. Но если кто и после долгого выжидания со стороны настоятеля не вразумлялся, то он, снисходя его немощи духовной, старался найти удобный случай к обличению его, когда заметит, что тот, кого следует вразумить, в хорошем расположении духа и готов принять замечание, или когда виновный сам являлся к нему по какой-либо своей надобности и казался спокойным. "Придешь, бывало, к настоятелю, — рассказывал один из старших братий, — он тебя несколько раз с ног до головы осмотрит, и когда увидит, что совершенно спокоен, тогда и начнет делать замечания: "Да, вот, брат, я давно хотел тебе сказать..." и прочее. А если заметит, что не покоен, то и говорить не станет. Однажды одному послушнику отец Моисей назначил читать в церкви кафизмы в течение седмицы. Первый два дня он читал, а потом и не пришел, подумал, что кто-нибудь прочитает. Прошло несколько времени. Этот послушник пришел к настоятелю что-то просить. Отец Моисей принял его ласково, взяв карандаш, что- бы написать, что ему

---

1 Жизнеописание. Цит. соч., стр. 95.

2 Жизнеописание. Цит. соч., стр. 96.

нужно, и между тем завел речь о прошлом. "Да, вот уж в прошлом месяце вы были назначены читать кафизму. В понедельник и во вторник прочитали вы как следует; в среду не пришли к утрени; в четверг и пятницу тоже. Подумал я, — говорит отец Моисей, — конец венчает дело; не придет ли он в субботу, чтобы хотя самому окончить свою седмицу, но вы и в последний день не позаботились прийти. Объяснили ли вы об этом старцу?" — "Нет", — едва мог проговорить озадаченный такой неожиданностью послушник. "Как же это? Пренебрегли святым послушанием и не сочли даже покаяться? О великое нерадение о душе!" — продолжал отец Моисей и так долго поучал виновного, что последний был вынужден просить прощения и долго помнил это вразумление[1].

Вообще, смотря снисходительно на немощи и не взыскивая за малости, полагаясь на совесть, отец архимандрит не пропускал более значительные проступки, требовавшие исправления, но сохранял их в памяти, и, дождавшись удобного случая, за один раз высказывал все, что нужно, все припоминал за долгое время, так что слышавший не знал, чему более удивляться: продолжительному ли молчанию настоятеля или неожиданному его обличению, из которого было ясно, что он видел все прежде бывшее и не забыл, а ясно представлял его вину и в прежних действиях и теперь; обличал неуклонно и такое делал сильное назидание, что всякое самооправдание разрушалось в прах. Один подобный случай оставался памятным на многие годы и действовал сильнее часто повторяемых выговоров. От этого и происходило, что хотя отец Моисей мало и редко говорил, но влияние его ощущалось во всей обители. Слово архимандрита Моисея никогда не было праздным, но всегда было сказано кстати, "редко, да метко"; но вместе с тем не в начальственном тоне, а в отеческом духе и весьма рассудительно. По своей духовной мудрости он на всех смотрел как на детей, на которых и не мог сердиться, а в случае надобности только вразумлял их отечески. Слово обличения и вразумления отца Моисея было со властью и благотворно действовало на братию потому, что он имел правилом прежде, нежели сделать замечание брату, внутренне помолиться Богу. "Думаешь иногда, — говорил архимандрит, — что брат тот не примет замечания, а если помолишься за него сперва, то смотришь, сверх ожидания он и замечание выслушает спокойно и исправление бывает"[2].

Много приходилось отцу Моисею переносить неприятностей от старших по возрасту братий особенно от схимника, по имени Вассиан, который по летам и по времени вступления в Оптину пустынь был старше настоятеля, и на этом основании считал, что он обязан делать замечания настоятелю. Последний знал, что эту душевную болезнь можно искоренить только смирением и любовью; поэтому архимандрит молча выслушивал его с любовью, а когда схимник уходил от него, то настоятель давал ему гостинец или связку баранок или что-либо со словами: "Ну, отец Вассиан, спаси тебя Господи, что потрудился посетить меня грешного, вот тебе за это гостинец"[3]. Бывало братия увидят, что схимник возвращается в скит со связкою баранок и, улыбаясь, догадывались, что он приходил учить или обличать архимандрита.

---

[1] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 101—102.

[2] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 104.

[3] Там же, стр. 105.

Случалось, что некоторые из немощных братий, особенно в первое время настоятельства отца Моисея, питая к нему за что-либо неудовольствие, увлекались до того, что поносили его разными укоризнами и делали это в присутствии его, притворяясь, что его не замечают. В подобных случаях он все выслушивал улыбаясь, с веселым видом и с какой-то радостью принимал неприятные слова, как драгоценный подарок, и после ни словом, ни делом не воздавал за такое неразумие. А приходя в келью, молился пред образом Спасителя, о Котором всегда говорил: "Вот мое прибежище!"[1].

Иногда случалось, что между братиями возникало какое-либо неудовольствие, архимандрит Моисей выслушает пришедшего к нему да и скажет: "Как же он мог это сказать! Одобрить этого нельзя", — а в заключение он говорил: "Да уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди, как-нибудь там объяснись с ним", т. е. тот, кто приносил жалобу, должен был делать первый шаг к примирению или просить прощения у другого[2].

"Немощи душевные, — говорил отец Моисей одному игумену, — должно носить благодушно, без огорчения. Ибо, если кто болен телом, то не только на него не огорчаемся, но еще и служим тому всяким образом, то таким же образом надо и в душевных недугах поступать. В каком бы порочном положении ни видел, не должен тому удивляться и сомневаться в его исправлении; ибо многие из пьяниц сделались трезвыми, из буйных кроткими, из блудников целомудренными и прочее"[3].

Можно себе представить каково было его великодушие и снисхождение к недостаткам ближних, когда он состарился в трудах настоятельских и подвигах монашеских, когда от многоразличных испытаний и скорбей, почти сорокалетнего настоятельства, возросла и созрела в нем духовная опытность и мудрость. Он стал подобен ангелу во плоти в своих поступках.

Но не только братия обители ощущали постоянную мудрую любовь и заботу отца настоятеля, но и все те, кто общался с ним. Будучи сам выходцем из простого народа, он любил свой народ истинной христианской любовью.

В неурожайные годы, когда очень много людей не имели куска хлеба, да и в монастыре была большая бедность, и тогда отец Моисей не отказывал в помощи просящим. Часто братия роптала на него, что он все раздает из монастыря. На это архимандрит отвечал: "...на что же мы образ-то ангельский носим? Для чего же Христос Спаситель наш вольную смерть за нас принял и душу Свою за нас положил? Зачем же Он слова любви-то проповедал нам. Для того ли, чтобы мы великое Его слово о любви к ближним повторяли только устами... Что же народу-то с голоду, что ли, умирать?.. Нет, будем делать для самого же народа, дондеже Господь не закрыл еще для нас щедрую руку Свою. Он не для того посылает нам свои дары, чтобы мы их прятали под спудом, а чтобы возвращали в такую тяжелую годину тому же народу, от которого мы их получаем"[4].

1, 2 и 3 Жизнеописание. Цит. соч., стр. 106—109.

4 Жизнеописание. Цит. соч., стр. 127.

Правда, что монастырские постройки не дешево ему обходились, но это происходило оттого, что настоятель не строго следил за рабочими и их делами, а доверял им более на совесть. Братия смотрели на это не одобрительно и порицали за такое доверчивое отношение отца Моисея.

Однажды приехал в Оптину настоятель Мещевского монастыря отец Никодим, который был взят туда из числа братии Оптиной пустыни, и в разговоре с отцом Моисеем упрекнул его, что он много платит рабочим, а они почти не работают. На это архимандрит Моисей с кротостью ответил: "Да, ведь уж и нам многие делают пожертвования, — сказал старец, — для того, чтобы мы за них молились, а как мы молимся, вполне ли усердно? Как же мы будем строго взыскивать с других — мирских людей?"[1].

О любвеобильном и сострадательном сердце отца Моисея также рассказывал тот же о. Никодим. "Однажды, — говорил он, — пошел я в небольшой садик, бывший при келье настоятеля, и увидел там крестьянского мальчика, сидящего на дорожке. "Ты что здесь делаешь? — спросил я его. "Кротов ловлю". — "Что же ты жалование получаешь?" — "Получаю". Прохожу дальше, другой мальчик сидит около яблони. "А ты что делаешь?" — "Ворон отпугиваю, чтобы яблоки не портили". — "И жалование получаешь?" — "Как же, получаю". "Вот пустяки-то, — подумал отец Никодим, — на что архимандрит деньги тратит". Входит он с этой мыслью в келью отца Моисея и говорит ему: "Ходил я, батюшка, у вас по саду, да, признаться, и подивился, сколько там мальчиков у вас и все на жаловании. Один кротов ловит..." — "Да! — прервал его старец, — какой это вредный зверек, у лучших растений подкапывает иногда корни, они и сохнут, я уж нанял мальчика их ловить". — "А другой мальчик, как я видел, ворон пугает" — "Да! вот и эта птица, как она вредна, самое лучшее яблоко испортит. Должен я был нанять мальчика, чтобы их отгонять. Да ребята-то бедные, — продолжал отец Моисей, — сироты"[2]. Тогда о. Никодим понял, что дело не столько в кротах и в воронах, сколько в бедности мальчиков-сирот. Это был муж поистине человек Божий. Он жил не для себя самого, но для народа.

Когда кто-либо просил что-нибудь из обители, то отец Моисей отдавал самое лучшее, а иногда и последнее. Если же кто-либо из братий его останавливал, говоря, что это нужно для монастыря, то он с неудовольствием возражал: "Что же, ты хочешь разве, чтобы мы другим дарили то, что самим не нужно или не нравится? Такое наше усердие будет "Каиновой жертвой"[3].

Своей любовью и бескорыстием отец архимандрит покорял даже сердца людей, относившихся с предубеждением к монашеству.

Однажды, по случаю ненастной погоды, заехал в монастырь один богатый купец с сыном, и пробыл в нем несколько дней, питаясь монастырской пищей. Купец этот с недоверием смотрел на монахов и не был к ним расположен, медлил он в монастыре по необходимости. Наконец, начал роптать, что много придется заплатить за все. Но ему гостинник-послушник ответил, что не возьмут с него ничего, но если сам

---

[1] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 133.

[2] Там же.

[3] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 125.

пожелает, то у них есть кружка на столе, и что ему Бог положит на сердце, то он в нее и опустит. "Да я-то опущу, но ведь другие могут не опустить", — сказал купец. На это послушник отвечал, что отец Моисей говорил, что если 99 ничего не заплатят, то Бог пошлет такого сотого, который за всех вознаградит. При этих словах купец взглянул на своего сына и сказал: "Ну, сотые-то, верно, мы с тобой". И с тех пор, пораженный такой верой настоятеля, сам сделался постоянным благодетелем Оптиной пустыни.

Нередко отец архимандрит, при свойственной ему проницательности и обширной опытности, ясно видел, что его обманывают, но он не показывал вида. Однажды соседние крестьяне украли рыбу из монастырского садка и принесли ему же продавать. Он купил, не подавая и вида сомнения, а на слова келейника: "Батюшка, да ведь они у нас же украли", — отвечал: "Ну, уж это на их совести, а люди они бедные"[1].

Иногда, когда отец настоятель находил нужным, он полушуткой показывал, что хорошо понимает суть дела.

Один соседний крестьянин, услыхав, что отец настоятель хочет купить для обители яблоки сорта по названию "добрый крестьянин" привез ему продать яблок "антоновка" в надежде, что настоятель не разберется в сортах яблок. Отец архимандрит сам вышел посмотреть предлагаемые яблоки, сразу определил их сорт и говорит продавцу: "Да, яблоки твои хороши. А какого они сорта?" — "Добрый крестьянин", — отвечал продавец. "Добрый крестьянин! Да не Антоном ли его звали?" — отвечал отец настоятель со своею обычной кроткою улыбкою"[2]. Продавец понял, что его обман обнаружен.

Своим кротким словом в случае необходимости отец Моисей мог смирить людей, много думающих о себе; этим он оказывал ближнему духовное милосердие. Эта духовная мудрость никогда не оставляла отца Моисея. Архимандрит Моисей был весьма сострадателен к людям и всячески старался помочь им как духовно, так и материально, все это скрывая от взора других людей.

Неподражаемо было искусство отца архимандрита говорить с каждым в его тоне: с простыми попросту, с образованными — на их языке. С посетителями он беседовал очень искусно и разнообразно, учитывая степень образования, общественное положение и духовное состояние своих слушателей. С некоторыми говорил о торговых делах, с другими о современных отечественных событиях или политических происшествиях, так, что нередко удивлял своих собеседников основательностью и оригинальностью замечаний, которых они не ожидали услышать из уст настоятеля-пустынника. С иными говорил об их семейных делах и весьма кстати приводил какой-либо пример или изречение Св. Писания.

С удивительном умением старался отец Моисей избегать в беседах осуждения других людей. Когда же его принуждали произнести свой приговор об отрицательных поступках, он выражал его всегда в общих выражениях, не имевших оттенка осуждения. Он говорил в подобных случаях: "Да, кто же может это одобрить?"[3].

---

[1] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 123—125.

[2] Там же.

[3] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 119.

Кроме всего сказанного, следует отметить, что архимандрит Моисей был истинным патриотом своей Родины. Он, по свидетельству рукописного жизнеописания, имел "патриотическую отзывчивость к бедствиям Отечества"[1]. В годы Крымской войны отец Моисей живо интересовался всеми событиями на фронте и горячо принимал к сердцу победы и поражения русских войск. Его сострадательное сердце откликалось на бедствия в любом уголке нашей Родины. Случался ли где пожар, голод или какое-нибудь другое стихийное бедствие, он всегда был усердным жертвователем на нужды пострадавших[2].

Схиархимандрит Моисей был мужем дела, а не слов самохвальных. Слово его было душеспасительно, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, оно всегда было обдуманно и исполнено любви.

Но не только любовь к ближним, кротость и рассудительная мудрость были качествами души отца Моисея. Для всех окружающих он был всегда образцом простоты, скромности, самоукорения и безгневия.

Все эти качества отец Моисей стяжал в душе своей упорной невидимой духовной бранью и прежде всего молитвой.

В жизнеописании отца архимандрита говорится, что от природы он был горячий по характеру, но длительным подвигом понуждения себя он приобрел спокойствие и безгневие в обращении с другими[3]. Когда рабочие своими грубостями, бывало, выведут его из терпения, то отец Моисей быстро оставлял их и уходил в свою келью, где усердно молился. После молитвы он выходил к рабочим совершенно спокойным.

В молитве отец Моисей всегда почерпал силы для несения своего нелегкого настоятельского служения. Молитву — общественную и келейную отец Моисей очень любил. Ко всем службам он приходил первым. В храме стоял всегда стройно, не облокачиваясь и не прислоняясь к стене. Перед совершением литургии он каждый раз исповедовался духовнику с сердечным сокрушением и со слезами покаяния. Постоянное общение с Богом через молитву способствовало духовному совершенствованию отца Моисея, помогало ему познать самого себя, свою греховность, научало в ближних видеть только одно хорошее.

Один из близких отца настоятеля, зная его невозмутимое состояние души, однажды в откровенной беседе спросил его: "Неужели он... не ощущал борьбы и как из нее выходил?" Ответ отца Моисея несколько открывает нам тайну внутреннего делания подвижника. С кроткой улыбкой отец архимандрит отвечал, что он больше всего старался на всех смотреть благим и чистым оком, понуждая себя и на светских лиц, смотреть как на святых, праведных, преподобных.., а себя унижать мысленно[4]. Таким-то внутренним подвигом в союзе со внешними трудами и лишениями достиг отец Моисей высокого бесстрастия и чистоты, которыми отличалась его жизнь.

Глубоко назидательно его отношение к наградам и повышениям. Всего себя отдавая на служение обители и ближним, отец Моисей никогда не помышлял о наградах, он даже страшился их. Когда в 1837 году

---

[1] ГБЛ, ф. 213, п. 154. Краткое сказание о жизни настоятеля Козельской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. Лист 32.

[2] Там же, лист 34.

[3] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 72—73.

[4] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 141.

его возвели в сан игумена, он писал архимандриту Игнатию (Брянчанинову):

"Проходя служение мое в начальстве, по силе моей старался быть полезным для обители и для обитающего в ней братства, не ища здешней награды; не смею сказать, чтобы вполне мог успеть и достигнуть настоящей цели, только желание мое известно Испытующему сердца. Но начальству угодно было почтить меня наградою игуменства. Я принял это с благоговейным чувством, однако и с опасением взыскания: "ему же дано много, много и взыщется от него". Не титул достоинства спасти может на втором пришествии Христовом, они часто бывают и претковением, да еще некто из святых любомудрствует — едва обретается в человецех могий понести честь. Принося Вам чувствительнейшую благодарность за писания Ваши и поздравления меня с наградою, всепокорнейше прошу восслать молитву Вашу к Небесному Владыке да возмогу понести неосужденно сан сей и в прохождении служения моего дарует мне Свою помощь..."[1].

Всю свою жизнь отец Моисей непрестанно памятовал о смерти, он неоднократно повторял своему брату игумену Антонию: "Сколько нам ни ликовать, а к смерти готовится должно и на исход вечный невозвратный"[2].

Достигнув семидесятилетнего возраста, он писал: "По благости Божией и милости Его я неключимый достиг полной меры семидесятилетия сегодня. Не знаю, что сотворит о мне Господь далее. Да будет Его Святая воля в животе моей и смерти. Не без страха за прошедшее время жизни. Человеколюбие его, нехотящее смерти грешника, но еще обратитеся и живу быти Ему, да сподобит и меня окаянного христианския кончины и блаженства имже оставившися грехи"[3].

Схиархимандрит Моисей мирно почил на 81-м году жизни в 1862 году. Один из современников отца Моисея, узнав о его кончине, писал: "Поистине это Моисей нашего времени, приведший многих в землю обетованную... он являл собой пример, как хранить уста и, хранивши их, обуздывать и все тело. Никто не видел его в гневе или в ослаблении: всегда был ровен и верен самому себе игумен Моисей, святолепный старец, премудрый и опытный водитель"[4].

Из всего вышеизложенного видно, что отцу Моисею был присуща душеспасительная мудрость, которая часто выражалась в простых словах и поступках. Рассматривая их, каждый пастырь Церкви Христовой может извлечь много полезного для своей пастырской деятельности. Эти все простые и в то же время назидательные примеры из жизни отца Моисея поучают, как нам правильно поступать в подобных жизненных обстоятельствах, т. е. как всегда благотворно влиять на души ближних.

Архимандрит Моисей в своей жизни поистине осуществил слова святого апостола Павла: "Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых" (1 Кор. 9, 22). Не словом, а самой жизнью он был

---

[1] ГБЛ, ф. 425. Картон 1. Письма Оптинских старцев к архимандриту Игнатию (Брянчанинову).

[2 и 3] ГБЛ, ф. 213. Письма Архимандрита Моисея к брату Антонию, л. 578 и 568.

[4] Жизнеописание. Приложение. Письмо игумена Антония (Бочкова), стр. 224—225.

"образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте" (1 Тим. 4, 12).

В Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия за июнь месяц, где помещено краткое повествование о жизни архимандрита Моисея, сказано, что жизнеописание этого подвижника должно быть настольною книгою каждого настоятеля..."[1].

Да! Действительно каждому настоящему и будущему пастырю есть чему поучиться у схиархимандрита Моисея. Не только настоятели обителей, но и каждый пастырь в своей приходской деятельности должен руководствоваться теми же христианскими принципами, какими руководствовался отец Моисей: ревностью и любовью к Богу, к ближним, к Родине, снисходительной мудростью и кротостью. Но чтобы иметь эти добродетели нужно, подобно отцу Моисею, непрестанно возделывать ниву своего собственного сердца молитвой, постом, чтением Слова Божия и изучением творений св. отцов. Нужно жить жизнью Церкви, усваивать ее многовековый опыт, и только тогда можно стать пастырем, "право правящим слово истины"[2].

10 апреля 1990 г.

---

[1] Июнь. М., 1908, стр. 206 (подстрочник).
[2] Служебник. Киев, 1913, л. 72.

ОБРЯДОВАЯ СТОРОНА ПРАЗДНИКА КРЕЩЕНИЯ ГОСПОДНЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В древней Руси праздник Крещения или Богоявления Господня назывался еще "праздником светов", так как в навечерие Богоявления был обычай просвещать святым крещением оглашенных[1]. Обрядовая сторона праздника сформировалась под влиянием традиций Восточных Церквей и национальных особенностей. В первые века христианства, как свидетельствует Святой Иоанн Златоуст в Беседе на Крещение (беседа 37-я), освящение воды совершалось в полночь накануне Богоявления[2]. Однако спустя полвека после Златоуста, а именно во второй половине V века, водоосвящение стали совершать не в полночь, а в Навечерие Богоявления. Введение такой практики приписывается Константинопольскому патриарху Петру Гнафею (современнику императора Зенона Исаврянина) и Антиохийскому патриарху Петру Фулону. Подобное же сказание существует и о Иакове Эдесском (V век).

До XI века великое водоосвящение совершалось Восточными Церквами только один раз: в навечерие Богоявления – Константинопольской и Антиохийской, в полночь – Иерусалимской Церковью. Об этом сказано в кратком начертании студийского устава, в древнейших триодях[3], в записках русского паломника игумена Даниила[4].

В XI – XII веках появляется современный обычай совершать водоосвящение дважды: в навечерие праздника в храмах, а в самый день Крещения на реках и источниках, ибо Христос крестился вне храма.

В литургических памятниках XIII века этот обычай возводится в правило. Так, двукратное освящение воды предписывается Севастьяновским уставом XIII века и Синодальным № 456 того же времени[5].

---

[1] Пост. Апост., кн. 5, гл. 13.

[2] Типикон. М., 1906, стр. 190.

[3] Православная богословская энциклопедия, т. 3. Пг., 1902, стр. 660.

[4] Игумен Даниил – первый русский паломник, оставивший описание Святой Земли.

Написанное им "Хождение в Святую Землю" (или "Паломник") относится к 1106–1107 гг. Этот памятник был очень популярен в народе и сохранился в большом количестве списков. Даниил был большим русским патриотом и глубоко верующим человеком. Его описание Св. Земли носит религиозный характер. Точность и полнота описаний делают этот памятник важным историческим документом (Энциклопедический словарь, т. X. Изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – Спб., 1893, стр. 90).

[5] Православная богословская энциклопедия. т. 3. Пг., 1902, стр. 661.

В первый период существования христианства на Руси великое освящение воды в Русской Церкви совершалось только в канун праздника Крещения. Под именем "водокрещи" оно упоминается Ипатьевской летописью в 1148 году. Это объясняется тем, что на Руси до XIV века господствовал Студийский устав, а по указанию полных студийских уставов славянской отрасли освящение воды предписывалось только один раз – в навечерие Богоявления[1].

Вероятно, двукратное освящение воды в Русской Церкви началось не ранее второй половины XIII века, когда Иерусалимский устав стал постепенно вытеснять из употребления устав Студийский. Впрочем, славянские памятники говорят как о двукратном освящении воды, так и об однократном. Первое предписывается, например, сербским требником XV века.

Но даже в XVI веке преп. Максим Грек написал особое сочинение в защиту нового обычая совершать водоосвящение на источниках в день праздника[2]. А патриарх Никон отменил двукратное освящение воды, объясняя это тем, что в начале принятия христианства на Руси воду освящали один раз. Однако это решение патриарха Никона было отменено на Московском соборе 1667 года, где окончательно был решен вопрос о двукратном освящении воды в Богоявление.

Древнейшее для Русской Церкви описание чина богоявленского водоосвящения встречается в полном Студийском уставе по рукописи XII века. По его указанию практика XII века не отличалась от современной. В одних памятниках более позднего периода (XIII–XIV веков) порядок водоосвящения почти такой же, как и теперь (служебник митрополита Киприана), в других – существенно отличается ("Слово о кресте").

Современный вид чин водоосвящения получил в основном в XVI веке. Таково изложение его состава в требнике патриарха Никона 1659 года. Но и в XVII веке были некоторые разногласия по поводу времени совершения водоосвящения. В книге "Чин священнослужения и обрядов, наблюдаемый в большом Успенском соборе" указано на совершение водоосвящения как до, так и после литургии. Лишь в 1681 году патриарх Иоаким "указал сему действу быть после литургии"[3].

В Русской Церкви водоосвящение как в навечерие Богоявления, так и в день праздника совершалось с большой торжественностью и сопровождалось всенародным ликованием. Обрядовая сторона этого праздника на Руси приобрела сугубо национальный характер. В этот день всенародного торжества все от малого до великого шли на "Иордань", то есть на реки и озера, где, несмотря на сильные морозы и глубокие снега, совершался обряд водоосвящения. Это духовное торжество укрепляло веру Христову в сердцах людей, давало им пищу для богомыслия, вызывая творчество русской мысли. Уже в XVI и XVII веках появились точные сведения о празднествах Крещения Господня, происходивших главным образом в Москве.

---

[1] Там же.

[2] Буланин Д. М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1971, стр. 9.

[3] Никольский К. Пособие по изучению устава Богослужения Православной Церкви. СПб., 1865, стр. 535.

Торжественное предпразднество начиналось накануне Богоявления. В этот день читались царские часы, соединенные с литургией и вечерней, после чего совершалось водоосвящение. Если за богослужением присутствовал царь, то царские часы отправлялись в Успенском соборе самим патриархом. Часы обычно читал протопоп собора, а произносил возгласы и читал Евангелие первенствующий епископ. После отпуста часов провозглашалось многолетие государю и его семейству, после чего патриарх произносил поздравительную речь с пожеланием мирного жития и благополучия и осенял всех крестом. В ответном слове государь поздравлял патриарха и всех присутствующих с праздником и, получив благословение, уходил в свои покои.

Вечерня всегда совершалась в Успенском соборе, на которой присутствие царя и патриарха было обязательным. Во время чтения паремий должностные лица ставили к бакам с водой два стола: один для сосудов с водой и других священных предметов, другой для мощей. На аналое перед ними поставлялась праздничная икона. Зажженные свечи царю и вельможам вручал сам патриарх. Во время освящения воды патриарх сам погружал крест в воду лицом к востоку, держа распятием от себя. По освящении воды патриарх прежде принятия антидора трижды причащался ею, а затем столько же раз давал испить царю, вельможам и всем людям. Эту святыню все принимали не только натощак, но даже и ранее вкушения антидора. По окончании водопричастия и отпуста совершалось омовение чудотворных икон и окропление мощей св. водой. Затем возглашалось многолетие государю, произносилось поздравление, и этим заканчивалось богослужение крещенского навечерия.

Надо сказать, что в Восточной Церкви богослужение навечерии Богоявления особенным торжеством не отличалось. Арсений Суханов, посетивший Иерусалим и присутствовавший за вечерним богослужением 5 января, пишет: "Воду (патриарх) святил в мантии и в епитрахили и в омофоре точию. И прежде крест и потом кропил (святой водой), и ту руку целуют, что под кропилом. А кто хочет пить, и тот почерпнет сосудом и пьет сам, а не так, как у нас – "причащают"[1].

Что касается самого праздника Крещения, то это богослужение на Руси проходило более торжественно, чем в канун праздника. Особенно

---

[1] Проскинитарий. Казань, 1870, стр. 67.

Арсений Суханов – иеромонах, строитель Троицко-Сергиева Богоявленского монастыря и келарь Троицко-Сергиевой Лавры. В 1649 году патриарх Иосиф поручил ему отправиться на Восток с иерусалимским патриархом Паисием и изучить вопрос об отступлении московского богослужения от чинов и обрядов Восточной церкви (в особенности вопрос о неправильности двуперстия в крестном знамении).

По возвращении он представил царю отчет (Проскинитарий), то есть поклонник Затем ему было поручено доставить в Москву древнегреческие рукописи для исправления русских богослужебных книг. Арсению удалось вывезти с Афона и других мест около 700 драгоценнейших рукописей. Кроме того, по просьбе патриарха Никона, Арсений привез модель большого храма Воскресения Христова, которая послужила образцом при построении большой Воскресенской церкви в Ново-Иерусалимском монастыре. Умер Арсений в 1668 году.

(Энциклопедический словарь, т. II, Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – СПб, 1893, стр. 170).

впечатляющим был крестный ход на Москву-реку. Он совершался при большом стечении народа, а также при участии царя и вельмож[1]. Количество людей, собиравшихся на это торжество не из одной только Москвы, а со всей Руси, исчислялось сотнями тысяч человек.

На реке, на месте водосвятия, устанавливался богато украшенный шатер для царя и балдахин для патриарха. Здесь же к востоку вырубалась крестообразная "Иордань". Шествие к месту водосвятия предваряли стрельцы с оружием, общей численностью от 400 до 600 человек. За ними следовало духовенство, начиная с младших, завершалось шествие патриархом. Затем открывалось "государево шествие". Впереди шли военные чиновники, за ними следовали дворяне, стряпчие и стольники в золотых кафтанах, за которыми шла "стряпня царская" из 12 человек. Они несли одежду государеву, в которую он переодевался на "Иордане". Царь во время крестного хода был облачен во все свои регалии, он был в царском венце, с крестом на груди и с посохом в руке, украшенным золотом и драгоценными камнями. Затем шли иностранные гости, приказные и народ. Все шествие охраняли стрельцы. Позади всех ехал кучер на лошади, запряженной в большие нарядные сани, которые предназначались для государя.

Достигнув "Иордани", шествие останавливалось и размещалось на льду реки в строгом порядке. Непосредственно у проруби находилось духовенство, царь со своими приближенными и воины. Остальные участники торжества пестрыми толпами заполняли окрестные берега Москвы-реки. И вот, наконец, наступает долгожданный час Великого освящения воды. Далеко разносятся в морозном воздухе возгласы и стройное пение духовенства. Все, от царя до простолюдинов, стоят без головных уборов, несмотря на лютый мороз и любую погоду. По окончании "Великой Агиасмы" окропляются водой царские знамена, после чего патриарх, почерпнув воды серебряным ведром, отсылает ее "наверх" для окропления икон. Причащается святыни патриарх, а затем и сам царь. При целовании креста первосвятитель окропляет водой царя и его приближенных. Все с верой и благоговением омывают глаза и лицо иорданской водой. В это время морозный воздух наполняется многочисленными звуками: гремят барабаны, грохочут орудия, звенят колокола московских и кремлевских церквей, слышны ликующие крики людей — русский народ возносит благодарение Богу. По окончании торжества крестный ход в прежнем порядке возвращался в Успенский собор. На протяжении всего пути патриарх кропил народ святой водой. Праздник обычно продолжался весь световой день, так что обедать садились при свечах. Надо отметить, что великолепие праздничного дня особенно удивляло иностранцев, о чем свидетельствуют их многочисленные воспоминания.

---

[1] В 12 часов дня царь выходил из дворца при громком звоне всех Ивановских колоколов и направлялся в Успенский собор, где он, приложившись к иконам и поприветствовавшись с патриархом, возлагал на себя "полный царский сан" или "большой царский наряд". Божественная литургия совершалась патриархом. Крестный ход на реку совершался до Литургии или после нее. Патриарх с крестным ходом выходил из собора западными вратами, а царь с вельможами — южными. В крестном ходе участвовало от 500 до 650 духовных лиц.

Крещенские торжества, только в более скромном виде, происходили по всей русской земле. А как совершался праздник Крещения в Иерусалимской Церкви? Очевидец событий Арсений Суханов отмечает, что чин водоосвящения совершался очень скромно. В своих заметках он поясняет: "после заамвонной молитвы вышед (патриарх) собором святил воду в коливифре[1] освящением богоявленским и, соверша, отошел на свое место. Народу давал крест и кропил. Из купели имали воду сами, кто хочет, и пили, а патриарх не причащает, якоже у нас чин. Епископы же и прочие священники причащаются просто, не облачаючись, якоже у нас чин, облачаясь причащаются"[2].

В древнерусском чине водоосвящения XIII века встречаются любопытные особенности, возникшие, очевидно, под влиянием народного творчества, стремящегося сделать великий праздник как можно торжественнее. Некоторые священники связывали несколько крестов вместе и погружали их в воду в момент ее освящения. Эти кресты затем находились в церкви в течение недели, носились во время великого входа на литургии. Такой обряд с одними и теми же крестами продолжался в праздник Крещения не один год, а три или четыре. После чего считалось, что кресты получали особенную святость. По мнению совершавших этот обряд, именно связывание крестов и их обнесение на литургии придавало им особую святость. Крест, по их мнению, был как бы грешником и после такого обряда он якобы получал разрешение. Нет никаких данных для объяснения такого странного обряда. Этот древнерусский обычай своим новшеством не соответствовал восточному обряду, вследствие чего он впоследствии был осужден церковной властью. Но, несмотря на это, погружение связанных крестов в чине освящения воды сохранялось еще долгое время. Причем смысл этого действия стал прямо противоположным. "Неции от неведения или от неразумения, – говорится в Стоглаве, – совокупляют многие кресты, иконы с мощами и теми крестят[3], т. е. освящают воду. Таким образом в XVI веке появилась другая крайность, т. е. некоторые стали считать, что только большой связкой крестов и мощами могла освящаться вода, а не кресты водой, как считали до этого. Это также было неверно, поэтому собор запретил и такое новшество, предписывая совершать водосвятие только одним крестом, и притом в три погружения. Относительно остальных крестов, икон и мощей собор вынес решение: держать их при освящении воды на блюде архидиакону или диакону.

Примерно в то же время существовал и другой обычай освящать воду горящей трехсоставной свечой. Появление этого обычая относится к XVI веку. На Руси он возник вопреки древним восточным уставам, согласно которым полагается благословлять воду рукою священника, и притом ранее погружения креста. Этот обряд погружения зажженной трехсоставной свечи был распространен по всей Руси, причем не только среди простого духовенства, но и среди высшей церковной иерархии. К большому сожалению, этот обычай имеет место и доныне в храмах Западной Украины. Хотя собор 1667 года запретил его как "бесчинный,

---

[1] Коливифр, купель для крещения.

[2] Проскинитарий. Казань, 1870, стр. 68–69.

[3] Стоглавый собор. Москва, 1551. М., 1913. стр. 58.

противный преданию и уставу восточной церкви"[1]. По-видимому, в связи с этим обрядом и явилась прибавка к совершительным словам молитвы в навечерие Богоявления "освяти воду сию Духом Твоим святым и огнем". Эту приписку при патриархе Филарете справщики книг во главе с преподобным Дионисием устранили, за что были обвинены невежественными людьми как еретики и отправлены в ссылку. И только благодаря вмешательству восточных патриархов они были освобождены от незаслуженного наказания.

Все эти народные обычаи, по-видимому, возникали на основе нецерковного торжества "Водокрещей". В это торжество было вложено немало наивной веры, поэзии и даже своеобразного подвижничества. Так, например, на праздник Крещения многие из людей ранее церковного водосвятия отправлялись на реку, где вырубали на льду крестообразную прорубь, считая, что таким действием вода уже освятилась. Этот обычай носил неправославный характер и подрывал как авторитет Церкви, так и нарушал древневосточный чин праздника Крещения. В народе глубоко укоренилось верование в то, что якобы на этот праздник открывается небо и что в самую полночь колеблется вода и превращается в вино. Считалось также, что Бог в этот момент не только слышит молящихся, но и исполняет все их просьбы.

Русский народ имел глубокую веру в святость крещенской воды. Поэтому по примеру Иерусалимской Церкви люди купались в проруби, несмотря на крещенский мороз. Паломники древней Руси совершали путешествия в Иерусалим не только для того, чтобы посетить святые места, но и чтобы "во Ердань реки окупаться". "В самый праздник водокрещения, – пишет игумен Даниил, – был на Иордане с всею дружиною моею, и видехом благодать Божию, приходящую на воду иерданскую, и множество народа безчисленно тогда приходят к воде со свещами; и всю ту нощь бывает пение изрядно и свещь без числа горящь. В полунощи же бывает крещение воде; тогда бо Дух Святый исходит с небес на воды иерданьския. Человеки же достойнии добре видят, како всходит Дух Святый, а вси народи не видят, но токмо всякому человеку радость бывает тогда в сердце. Да егда погрузят священницы крест честный и егда рекут "в Иердане крещающу Ти ся Господи", – и тогда вси людие вскачют в Иердани, крещающиеся в Иерданьстей реце, якоже бо Христос в полунощи крестился от Иоанна"[2].

Этот обычай купаться в Иордане на праздник Крещения, очевидно, и перешел на Русь. Имея глубочайшую веру в святость богоявленской воды и в то, что посредством купанья в ней можно избавиться от болезней и грехов, православные люди безбоязненно совершали этот подвиг. Павел Иовий, присутствовавший при водоосвящении, свидетель-

---

[1] Определения Московского собора 1666–1667 гг. Православный собеседник, 1863, декабрь, стр. 362.

[2] Описание этого обычая приводится в "Месяцеслове русских святых" преосв. Димитрия (Изд. 1896 г., V вып., 67–72 стр.). В XVII в. паломники разных наций и исповеданий имели обычай купаться в священной реке еще на страстной неделе в великий вторник. Об этом свидетельствуют Василий Гагара и Арсений Суханов.

ствует, что "по окончании церемонии недужные и больные бросаются в реку; быв уверены, что священная вода смоет нечистоту болезни"[1].

Путешественник Герберштейн в своих записках уверяет, что в "Иордане" купались не только безнадежные больные, которых в воду погружали другие, но и матери купали в ней своих младенцев и "сейчас же вытаскивали"[2].

Диакон Павел Алеппский (XVII в.) в своих записках говорит, что был также обычай делать во льду не одно, а много отверстий, в которых "священники тотчас же крестят младенцев и мужчин, ибо этого дня ждут от года до года"[3].

Но иногда Торжество праздника омрачалось несчастьями. У проруби из-за многолюдства создавалась сильная давка. Это иногда и являлось причиной различных бедствий. Так, в журнале "Вера и разум" описывается случай, когда одна женщина, окунув в воду свое дитя, толкаемая толпой, упустила его в прорубь, и дитя утонуло. Горе матери было настолько велико, что "без содрогания, — по свидетельству очевидца, — ее нельзя было ни видеть, ни слышать"[4].

Русские люди глубоко верили в то, что крещенская вода имеет не только целительное, но и очистительное от греха действие.

Особую нужду в таком омовении имели те, кто, по народным понятиям, смертно согрешил участием в языческих торжествах в дни Рождественских святок: гаданием, переряживанием и другими бесчинствами. Совершившие эти грехи, по народному поверию, должны снова креститься в крещенской "иордани".

---

[1] Библиотека иностранных писателей о России, отдел I, т. I. СПб., 1847, стр. 46

Павел Иовий (Джовио) Новокамский — епископ Ноцерский, знаменитый историк XVI века, родился в Ламбардии. Поступив в духовное звание, возведен в сан епископа при Клименте VII. Умер во Флоренции в 1552 году. П. Иовий написал много исторических сочинений, среди которых и "Книга о посольстве", отправленная Василием Иоанновичем, Великим князем Московским к Папе Клименту VII.

Павел Иовий был послан Климентом VII в Москву для переговоров с целью соединения Восточной и Западной церквей. Он вернулся в Италию в 1526 году без всякого успеха, написав, однако, книгу, заслуживающую ему уважение современников (Библиотека иностранных писателей о России. отдел I, т. I. Спб., 1847, стр. 8—9).

[2] Чтения общ. Ист. и Древн., т. 4, 1884, стр. 33.

Герберштейн Сигизмунд (1486—1566) — происходил из старинной немецкой фамилии. Исполняя дипломатические поручения германских императоров, два раза был в России. Природный ум, наблюдательность, широкое образование, возможность непосредственного общения с населением (он с детства знал славянскую речь) обусловили высокое достоинство "Записок", написанных Герберштейном о России. Западная Европа впервые через него получила более или менее достоверный исторический очерк Русского государства, подробное описание придворных обычаев, религиозных обрядов и быта. Кроме личных наблюдений, в "Записках" Герберштейн использовал летописи и русский дорожник. Еще при жизни Герберштейна "Записки" выдержали несколько изданий и прославили автора.

(Энциклопедический словарь, т. VIII. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Спб. 1892. стр. 455).

[3] Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским (пер. Г. Муркоса. Изд. Московского университета, 1896—1900. Вып. II, стр. 196).

[4] Религия Московитов. "Вера и разум", 1899, № 21, стр. 592.

Надо отметить, что на Руси многие языческие обряды исполнялись актерами, поскольку это наиболее соответствовало их профессиональным занятиям. Этих актеров называли еще "скоморохами" и даже "халдеями". Вот эти люди и должны были креститься в "Иордани" после своих представлений. К халдеям также относились "беспутные" люди, которые ежегодно получали от патриарха дозволение в течение восьми дней пред Рождеством Христовым и вплоть до праздника трех Царей (крещения) бегать по улицам города с особого рода потешным огнем, поджигать им бороды людей и в особенности потешаться над крестьянами. Халдеи эти одевались как масленичные шуты или штукари; на головах носили деревянные раскрашенные шляпы и бороды свои обмазывали медом для того, чтобы не поджечь их огнем. Во все время беганья и потех по городу халдеи считались как бы язычниками и нечистыми, так что если они умрут в это время, то их причисляют к осужденным на вечное мучение. Поэтому в день Крещения над ними совершается снова крещение, чтобы омыть их от такой безбожной нечистоты и сделать их снова причастными церкви христианской. "Халдеев погружали в "Иордань" три раза, то есть как бы совершали над ними новое крещение. После чего они делаются опять так же чисты и святы, как все другие. Иной такой молодец мог поэтому креститься раз десять и более"[1].

Следует отметить, что вообще обычай купаться на Крещение в проруби был распространен не только среди простого народа, но и бытовал среди класса привилегированных людей. Маржерет, упоминая о иорданском купании царя и вельмож, пишет, что видел купающегося монарха сам[2].

Относительно крещенской воды можно сказать, что ее христиане уносили по домам и берегли в течение года с великим благоговением и осторожностью, принимая натощак как величайшую святыню.

Заботливость о святыне простиралась так далеко, что даже прорубь крещенскую оберегали от осквернения. Ее огораживали, а женщинам не разрешали мыть в ней белье.

Следует отметить, что к этим благочестивым обычаям примешивались языческие обряды, которые имели враждебный христианскому учению элемент. Как известно, праздник Крещения совпадает с тем временем, когда солнце поворачивает на лето и начинается новый год. Стремясь предугадать особенности природных явлений наступающего года, русский человек прибегал к гаданиям и всякого рода приметам. Так считалось, что яркие крещенские звезды породят белых ярок-овец и если на Богоявленье день теплый, хлеб будет густой. Если в этот день будет туман или снег хлопьями, или облака в полдень синие, то в таком случае урожай должен быть обильный. Но ясный день считался нехорошим признаком. Произносилось заклинание мороза, а на косяках домов и в хозяйственных постройках писали медом кресты. Кроме того, в навечерие Богоявления делались из лучин кресты, о чем говорится в исповедных вопросах XVII века: "Не делал ли еси в навечерие святого

---

[1] Подробное описание Голитинского посол., пер. Барсова, стр. 314–315. Во время Олеария патр. Иосаф воспретил халдеям их уличные подвиги.

[2] Чтения Общ. Ист. и Др., 1884, т. 4, стр. 33.

Богоявления лучиновых крестов и не натыкал ли еси их в храмех своих по углам и в хлеб, и по трех днех не жигал ли еси их на огни"[1]. Вероятно, этот обряд, по народному поверью, должен был служить средством отгнания нечистой силы, вредящей хозяйству, и благосостоянию людей.

В XVII веке существовал в Москве обычай: ночью на Крещение "кликать плуги" с пением бесовских сквернословных песен, так как плуг являлся орудием хлебопашества. Молодые люди, особенно девушки, под Крещение гадали "о суженом-ряженом", а старые люди собирали со стогов снег, который считался полезным не только для отбеливания холстов, но и целительным средством от болезней. Этому снегу придавалось значение средства, отгоняющего тоску и огненного змея от молодых женщин.

Надо сказать, что все эти суеверия нередко сопровождались языческими по содержанию празднованиями, так как проходили шумно и безнравственно.

В документах Стоглавого собора по этому поводу пишется: "Сходятся мужи и жены и девицы на нощное плипование и на безчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание, и на богомерзкие дела; и бывает отроком осквернение и девкам растление. И егда нощь мимо ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки беснии, умываются водою. И егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в домы своя и падают аки мертвии от великого клопотания (шума, грохота)"[2]. Собор признает эти "беснования", т. е. празднования, древними эллинскими, то есть языческими по происхождению.

Из всего вышесказанного можно заключить, что праздник Крещения на Руси имел свои национальные особенности. Этот церковный праздник был поистине всенародным торжеством, которое возвышало религиозные чувства русских людей, воспитывало в них чувство благоговения к святыне, укрепляло святую православную веру. Однако языческие пережитки, глубоко укоренившиеся в быту русских людей, находили себе место на благодатной почве церковных торжеств, вредя благочестивому настрою христианских душ, возрожденных в таинствах Богооткровенной религии.

5 декабря 1988 г.

---

1 Проф. Алмазов. Тайная исповедь, т. III, стр. 170.
2 Стоглав, по изд. Н. И. Субботина, стр. 191–192, 322.

ЗНАЧЕНИЕ БЛАГОДАТНОГО МИРА В ДЕЛЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

"Воньже аще дом внидите,
первее глаголите: мир дому
сему. И аще убо будет ту
сын мира, почиет на нём
мир ваш: аще ли же ни,
к вам возвратится"(Лк. 10, 5, 6)

Это наставление Господь наш Иисус Христос преподал Своим ближайшим ученикам – Апостолам при отправлении их на благовествование евангельской проповеди. Он повелел им не брать ничего с собою на путь – ни хлеба, ни денег, ни двух одежд, останавливаться и жить там, где их примут, и, входя в дом, приветствовать живущих в нем этими благодатными словами: мир дому сему! Господь тем самым дал ясно понять Своим ученикам, что это не обычное простое приветствие или доброе пожелание, а особый Божественный дар, переданный Апостолам. Именно эти спасительные слова и легли в основу Христовой Церкви. Слова "мир вам" имели и имеют величайшее значение в деле перерождения огрубевших сердец в новое во Христе благодатное общество. И притом этот дар мог получать от Апостолов не кто иной, как только достойный член приветствуемого семейства: аще будет ту сын мира, то есть человек, способный принять и усвоить преподаваемый дар, как духовную силу для просвещения души, на того только и сойдет этот мир. Если же в доме не окажется такого человека, то мир наш к вам возвратится, то есть мир Христов может обитать и совершать свое спасительное действие только в том, в ком сердце будет очищено от всякой греховной скверны и порока и, подобно благовонному сосуду, приуготовлено для восприятия Христова учения.

Очевидно, этим самым Господь подчеркнул важность такого значения в деле восприятия духовного сокровища или того благодатного мира, который Он принес на землю роду человеческому, примирив Своей крестной жертвой человека с Богом, прогневанным грехопадением прародителей и личными грехами каждого человека в отдельности. Об этом благодатном мире возвестили ангелы в ночь рождения Иисуса Христа небесным песнопением: слава в вышних Богу и на земли мир: в человецех благоволение (Лук. 2, 14). Это и есть тот самый мир, который завещал Апостолам Иисус Христос перед Своими страданиями, напоминая им о необходимости иметь небесный мир, который должен через них излиться на все человечество.

Незадолго до Своего вознесения на небо Христос говорил своим ученикам: "Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не якоже мир дает, Аз даю вам. Да не смущается сердце ваше, не устрашается" (Ин. 14, 27). Святой апостол Павел в своих посланиях также упоминая о духовном мире, подчеркивает, что Христос примирил небо с землею Крестом, "убив вражду на нем" (Еф. 2, 16).

Итак, этот мир, посланный с неба, является благодатной умиротворяющей силой, приводящей в должное умиротворение все способности человеческой души. Этот мир способен не только восстановить в душе человека полную гармонию, но и умиротворить все его духовные и физические силы. Притом мир Христов не может ограничиваться только отдельными личностями, но он распространяет свои спасительные действия на целые общества и народы, восстанавливает в них нравственные силы и побуждает к исполнению божественного учения и к молитвенному подвигу. Безусловно, человек без благодати Божией бывает не в состоянии изобразить или описать действие этой спасительной таинственной силы Божией, но он может чувствовать и сознавать ее присутствие, подобно приток свежего воздуха или солнечного тепла, вливающихся во все наше существо. И если человек этот тепло и свежесть воздуха ощущает во время весеннего периода времени, то тем более еще с большей силой он может ощущать близость Христова мира в момент своего духовного возрождения и обновления. Святой песнопевец Давид восклицает: "Пошлеши Духа Твоего, и созиждутся, и обновиши лице земли" (Пс. 103, 30).

И если мы спросим самих себя, как же нам приобрести мир Христов и посредством каких средств он стяжается, то на этот вопрос можно ответить, что он прежде всего приобретается верой во Христа и добродетельной жизнью. Кроме того, для стяжания всей полноты этого дара человек должен непременно принадлежать Православной Церкви, которую Христос приобрел Кровию Своею и в которой непосредственными радетелями благодатного мира являются священники Бога Живого, принявшие от святых Апостолов не только все благодатные дары, но и все права, посредством чего они вот уже на протяжении многих веков ведут род человеческий ко спасению. Отец Церкви, святитель Ириней Лионский, говорит, что Апостолы всё вложили в Церковь Христову, как в богатую сокровищницу[1]. И святая Церковь с большой ответственностью и любовью не только хранит это божественное наследие, но и непрестанно раздает его верным чадам для их спасения. На протяжении многих веков за богослужением в Церкви Христовой слышатся постоянно краткие, но благодатные слова из уст священнослужителей: "мир всем", на которые клир от лица всех молящихся отвечает: "и духови твоему". И эти благодатные слова особенно часто повторяются за божественной литургией. Они, как ничто другое проникают в душу молящегося и пробуждают в ней страх Божий и бдительность, тем самым способствуя к сосредоточенности всех духовных сил человека. Кроме того, слова "мир всем" способствуют не только духовному возрождению, но они вливают в сердце последователей Христовых благодатный огонь любви, который в свою очередь через его носителей изливается не только на близких и родных, но и на все человечество в целом. Святые подвижники, имеющие мир Христов, неоднократно, как свидетельствует об этом церковная история, умоляли Бога о помиловании и избавлении от многочисленных бедствий, посылаемых Богом для вразумления и спасения человека. И сейчас все народы, познавшие свое бедственное состояние, стремятся приблизиться к миру, взыскать его, прикладывая

[1] Ириней Лионский. "Против ересей".

для этого немало забот и усилий. Но этот мир находится очень близко для каждого человека, то есть его можно обрести через познание Христа, через Его Святую Церковь.

Христос, явившись после Своего Воскресения Апостолам, произнес: мир вам! Этот мир с тех пор объединял и будет объединять до скончания века не только семейные устои, но и все народы в целом. Именно он является основным связующим звеном в деле миротворческой деятельности между народами и государствами.

Благодатный мир постоянно пребывает в Церкви Христовой. Он же должен пребывать и во всех людях доброй воли. Вся жизнь человека и его стремление к взаимной братской любви должны скрепляться именно Христовым миром. И только в таком случае могут исполниться слова пророка Исаии: "...перекуют мечи свои на орала и копья свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать" (Ис. 2, 4).

Церковь Христова на протяжении вот уже многих веков распространяет этот благодатный мир во все пределы нашей планеты. Первохристианская Церковь была как бы царством миротворцев. Вне ее разгорались страсти, кипели вражда и злоба. Но внутри ее, в среде ее членов господствовал дух мира, самоотверженной любви и взаимного братского благожелания. "Церкви же, – говорится в книге Деяний Апостолов, – по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем..." (Деян. 9, 31). Обетования Божии – неизменны, благодать Святого Духа, дарованная Церкви Господом нашим, неистощима. Все другие стремления к вожделенному миру, то есть вне Христа, не дадут желаемых результатов. Нужно усердно молиться, чтобы мир во Христе восторжествовал над греховным человеческим разумом.

Как уже было сказано, особенно это духовное умиротворение ощутительно действует в храме Господнем. Каждый человек, посещающий его, сможет сам почувствовать веяние благодатного духа любви и мира, исходящего от престола Божия. В храме Божием не только подаются силы для борьбы с внутренними искушениями, но здесь же приобретается мир и тишина во всем существе человеческого духа. По этому поводу говорит и псалмопевец: "Мир многий любящим закон твой, и несть им соблазна" (Пс. 118, 165). В постоянной любви к храму Божию и частом посещении церковных богослужений, а также при ревностной домашней молитве и чтении Священного Писания люди смогут ощутить в своих душах тот вожделенный мир, о котором восклицал псалмопевец: "Взыщи мира, и пожени и" (Пс. 33, 15). Божий голос, ощущаемый в их душах, будет четко и уверенно говорить им: "Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененни, и Аз упокою вы" (Мф. 11, 28). Вот уже на протяжении многих веков в святой Церкви звучат утешительные слова, приводящие к миру во Христе: "Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве!" А также здесь звучат и слова апостола Павла: "...благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (1 Фессалоник. 1, 1).

Проходят и меняются времена, меняются люди, но остается неизменной истина, которую принес на землю воплотившийся Сын Божий, Который примирил Собой во единый благодатный союз все народы и объединил их посредством Святой Церкви, которую Он "стяжал" Кровию

Своею. И поэтому всецелый мир на земле между народами может быть достигнут только тогда, когда человечество взыщет мира Христова.

15 мая 1988 г.

ЦЕРКОВЬ, ЕЕ ИСТОРИЯ В СВЕТЕ ПРООБРАЗОВ И ПРОРОЧЕСТВ

(ОТНОШЕНИЕ ЦЕРКВИ К МИРОЗДАНИЮ)

Какое понимание нужно вкладывать в термин "Церковь", что она означает в своем существе, насколько важно принадлежать к ее недрам и какова ее конечная цель?

Церковь — это дом Господень, в котором пребывают и окормляются Божественной силой свободно-разумные существа. Слово "Церковь" на греческом языке обозначается словом, то есть вызванные, или призванные в дом Господень люди. Часто словом "церковь" называется храм Господень, где собираются верующие на молитву. В храме Господнем совершаются все таинства, посредством которых верные чада Церкви не только освящаются, но и самым теснейшим образом соединяются с Богом. Основателем Церкви и ее главой является Творец мира видимого и невидимого. Он постоянно пребывает в Церкви и будет пребывать в ней до скончания века. Врата адовы не одолеют Церковь, так как всесильный Бог охраняет свое наследие.

К Церкви Христовой принадлежат все разумно-свободные существа — ангелы и человеки, так как они только способны воспринять ту Божественную Истину, которая управляет миром и содержит в своей деснице все концы земли.

Эти разумные существа Бог призвал в Свою Церковь с той целью, чтобы они могли участвовать в блаженстве, даруемом любовью божественной. Бог-Творец не только при творении излил свои щедрые дары на все видимое и невидимое, но и доныне Его благость и милосердие изливаются на всю тварь. Однако разумно-свободные существа могут пользоваться Его дарами гораздо больше, чем неразумные. И поэтому эти разумные существа из общего царства природы призываются в особое Божие царство, то есть к участию во всех Божиих дарах и благах жизни. Притом свободно-разумные существа могут находиться в благодатном и ближайшем общении с самим непостижимым Существом — Богом.

Ангелы и человеческий род в силу их разумности и свободы принимают участие в высочайшей божественной жизни. Они способны усвоить и развивать в себе те божественные дарования, которыми Бог их одарил. Но, однако, осуществление в жизни Божиих дарований в основном зависит от их свободного произволения, т. е. свободно-разумные существа могут развивать в себе дарования Божии, а могут и уклониться в сторону зла. Добрые ангелы уже укрепились в добре, они пользуются

всеми милостями Отца Небесного и поэтому непосредственно принимают участие в божественной жизни. Целый сонм святых угодников Божиих также царствует вместе с Ангелами в Небесном Отечестве. Это призывание в Церковь Отцом Небесным будет продолжаться до скончания века, другими словами, до тех пор, пока исполнится определенное Богом число сынов Царствия Небесного. Тогда и прекратится земное существование. После этого откроется другая жизнь на небе — вечное царство праведных со Христом Спасителем. Здесь уже будет царство правды, любви и вечной блаженной радости, где не будет плача, потому что Бог отымет всякую слезу от очей их (Апок. 21, 4).

Удел небесной Церкви — это самое высшее, что изобрела для человека божественная Премудрость. Господь предоставил Церкви торжествующей самый высокий образец жизни, отождествляя ее с Самим Собой. Следует отметить, что идея Церкви в самом ее глубоком понимании неразрывно связана с идеей искупления рода человеческого Спасителем мира, о чем было решено еще в предвечном свете Божием, где решено было не только искупить человека, но и дать ему несравненно более, чем он потерял в падении. Исходя из этого понимания о Церкви, можно сделать вывод, что Она занимает первенствующее место в мироздании.

Видимый мир непосредственно связан с высшим существом, Который направляет его к конечной цели — духовному совершенству. И если ангелы создаются Творцом первыми, то человеком заканчивается все мироздание. Как венец творения Божия, человек должен возвышаться над тленным миром и приближаться посредством своей добродетельной жизни до Богоуподобления, и тем самым стать достойным наследником вечного Христова царства. Тварь, по слову апостола Павла, с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тления в свободу славы детей Божиих (Рим. 8, 19—21). Вот почему идея Церкви является господствующей во всем мироздании. Она же является фундаментом, на котором строится здание для разумных существ. Творец мира, осуществляя Свою мысль, Своим промыслом направляет человека и указывает ему путь к горнему Иерусалиму. Это — конечная цель Божественной идеи всего мироздания.

Святитель митрополит Филарет Московский в своем толковании на книгу Бытия указывает, что понятие о сотворении мира Евангелие сближает с участием об искуплении человека. И притом человека, возрожденного во Христе, оно называет новою тварию (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15), внутреннее просвещение от Бога уподобляет происхождению первоначального света от слова Божия (2 Кор. 4, 6), покой верующих во Христе соединяет с покоем Божиим по совершении творения (Евр. 4. 3, 4, 9, 10). Из этого можно сделать вывод, что в царстве природы и благодати, несмотря на видимое их расстояние и существенное различие, находится некоторая таинственная соразмерность и соответствие. Основываясь на словах Священного Писания, Святитель делает соответствующий вывод между творением и искуплением по отношению к образованию Церкви. По мысли Святителя, в начале Церковь составляли небо и земля вкупе, или небо на земле. Падение человека сделало ее землею необразованной и пустой. Тьма покрыла ее так, как бы она совсем соединилась с бездною отпадших духов. Но Дух Божий носился над водами, над племенами человеческими, погибавшими во Адаме, и благодать осенила его. Бог

послал ему свет откровения и Искупителя и разлучил царство света от царства тьмы, верующего человека от нераскаянного диавола, семя жены от семени змия, племя Сифа от племени Каина, дом Ноя от растленного вконец древнего мира[1]. Далее святитель, проникая в глубь божественного домостроительства, говорит, что как была устроена твердь соизволением Божиим, так и Церковь, то есть общество людей, которое бы возвещало всем славу Божию и Его могущество (Пс. 18, 1—5). Затем митрополит Филарет уточняет, что в понятии "воды под твердию" следует понимать те народы, которые после столпотворения были отвергнуты Богом и которые, как воды, покрыли землю, мудрствуя только дольняя. Относительно Авраама и патриархов Святитель пишет, что это "воды над твердию". Они и вознеслись до высочайших обетований и ближайшего с Богом соединения, а происшедший от них избранный народ очищен и утвержден законом[2].

В своих сочинениях святитель, отождествляя мироздание с призванием избранного Божиего народа и с явлением Спасителя, с вступлением язычников в Церковь Христову, говорит, что все было сотворено Богом ради той цели, чтобы был спасен и получил вход в Царствие Божие человек, имеющий Богозданную душу. И как все, находящиеся в Ноевом ковчеге после многих скорбей, переживаний и опасностей остановились на высокой горе, успокоились и возблагодарили Бога, так и Церковь Христова обретет успокоение в обителях Отца Небесного.

Более четкое отображение Церкви мы видим и в построении ветхозаветной скинии, которая была устроена Моисеем по образу, виденному им на горе Богоявления и которая объединяла вокруг себя целый народ. Чем ближе подходило время пришествия в мир Спасителя, тем все яснее были видны черты ее, и притом не в прообразах только, а в ясных и определенных пророчествах. В них с подробной точностью раскрывается величественный образ Церкви Христовой, в которой ее главой и Кормчим будет долгожданный Мессия. Именно Церкви, которую Христос приобрел Кровию Своею (Деян. 20, 29), принадлежит не только вечное предназначение, но и преобразовательное, то есть свободно-разумные существа будут обновлены, освящены и соединены навеки с ее Главой.

---

[1] Филарет, митрополит Московский. Записки на книгу Бытия. Ч. 1. М., 1867, стр. 20—30.

[2] Цит. соч., стр. 30.

ЦЕРКОВЬ, ЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И НАЗНАЧЕНИЕ

(АНГЕЛЬСКИЙ СОБОР И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РОД)

В течение более семи тысячелетий в ангельский мир влилось большое число сынов рода человеческого. Это пополнение духовного мира будет осуществляться до скончания века. Всем, желающим войти в это благодатное царство, открыта дверь. Не существует никаких преград национального или классового характера. В вечности каждый человек получит по своим заслугам. Как звезда от звезды разнствует в своей славе, так и для подвизающихся различные обители уготованы Богом. Все будет зависеть от добродетельной жизни человека. И если ангельские силы исчисляются Священным Писанием как тысячи тысяч и тьмы тем (Дан. 7, 10; Апок. 5, 11), то о человеке Господь сказал, что Он пришел взыскать одну овцу погибшую, оставив в горах девяносто девять. Но это не значит, что свободно-разумных существ войдет в царство славы малое число. Апостол Иоанн Богослов говорит, что "...взглянул я, и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов, и языков стояло перед престолом и пред Агнцем в белых одеждах..." (Апок. 7, 9). Значит, из этих слов можно сделать вывод, что всем тем, которые будут исполнять волю Божию, уготована вечная жизнь с Агнцем, закланным от сложения мира.

Как уже было сказано, Премудрость Божия сотворила вначале Ангельский мир, предназначение которого прославлять Творца и служить человеку. Ангелы являются вестниками воли Всевышнего, исполнителями Его судеб и предначертаний. Песнопевец Давид восклицал: "Творяй Ангелы Своя духи, и слуги Своя пламень огненный" (Пс. 103, 4). Через Ангелов Господь управляет вселенной. Они, по Божию повелению, управляют стихиями мира и имеют власть над огнем (Апок. 14, 18), водой (Апок. 16, 5), землей и ветром (7, 1). По Божией воле Ангелы охраняют целые царства и народы, а также святые Церкви и общества верующих. В Священном Писании об этом много сказано. Их ревностное служение на благо людей не имеет пределов. Так, например, каждый христианин от купели крещения и до последнего своего вздоха охраняется Ангелом-хранителем. Но этим еще не оканчивается их миссия. Они и по ту сторону гроба для лиц, пребывающих в вере и в Церкви Христовой, помогают пройти мытарства и возводят души в горние обители, как это видно из слов Священного Писания относительно Лазаря, который был несен Ангелами на лоно Авраама, то есть в Царство небесное.

Но не все ангелы были верны своему призванию. Одни из них укрепились в добре и остались навсегда верны Богу, а другие не удержались на высоте своего достоинства и не только лишились блаженной жизни, но и составили из себя страшную, Богоборческую, враждебную для Церкви и всего мира, силу. Кроме того, этот злой дух, который "...увлек с неба третью часть звезд (Ангелов. — *А. И.*) и поверг их на землю" (Апок. 12, 4), своей злобной хитростью и обманом склонил наших прародителей на грех, то есть к нарушению заповеди Божией, и тем самым лишил их райского блаженства. Для спасения человека и возвращения ему небесного блаженства пришлось Сыну Божию принять не только плоть нашу от Пречистой Девы Марии, но и пройти тяжелый путь и искупить человека крестной смертью. Непокорство диавола с его соспешниками Творцу и удаление их с неба дало возможность оставшимся верным своему Создателю Ангелам проявить свою верность и благое произволение. Они укрепились в добре, в вере и любви к Вседержителю и во главе с Архистратигом Михаилом стали единодушно подвизаться для славы Господа против всех Его врагов[1].

Хотя большинство ангелов и остались верными Богу, однако им не была открыта тайна искупления Сыном Божиим рода человеческого. По этому поводу апостол Петр говорит: они только желают приникнуть к сей великой тайне благоговейным взором (1 послан. 1, 12). Они не могли обнять не Объятого, то есть Его премудрости, благости и богатства. А что же случилось с человеком, который пал по наущению диавола? Он погиб бы навеки, если бы Господь по своей милости не сжалился над ним и не ниспослал бы для его искупления Сына Божия. Притом и добрые ангелы могли бы отвратить свой взор от падшего человека, если бы не Божие предначертание решило спасти его. Преосвященный Феофан пишет: "Мы не можем знать, как бы отнеслись к нам ангелы, если бы не примирение; но можем гадать по ангелу, ставшему с мечем у входа в рай, и по тем случаям, как они потом поражали грешников"[2]. По этому поводу также пишет преосвященный архиепископ Иннокентий: "Пришел грех и поставил человека во враждебное отношение к его Творцу и миру горнему... И вот причина, почему ангелы Божии, сии существа святые и любвеобильные, будут являться иногда на земли облеченными мраком и бурею, даже с мечем... Как ангел поразил смертию первенцев египетских, так ангел же поразит в единую нощь целые легионы войск асоирийских"[3]. Но Иоанн Златоуст и блаженный Августин придерживаются другой точки зрения. По их мнению, ангелы имели к людям по их падении некоторую неприязнь. Можно даже предположить, что не по этой ли причине Господь нечто усмотрел строптивое и в ангелах (Иов. 4, 18).

Но это предположение отцов и учителей Церкви является, на наш взгляд, их субъективной позицией. Нужно отметить, что если ангелы иногда представляются грозными и карающими, то здесь нужно понимать не как их собственное проявление этих действий, а как исполнителей воли Божией, и притом для вразумления грешников. А в основном их назначение состоит в том, чтобы открывать праведным людям волю Бо-

---

[1] Пролог и Жития Святых, 8 ноября.

[2] Толков. на посл. к Ефесеям. М., 1879, стр. 53.

[3] Падение Адама. Беседа на Вел. пост. СПб., 1874, стр. 334—336.

жию, как-то: патриархам, пророкам и т. д., а в Новом Завете — охранять и служить каждому верующему христианину. И если в Ветхом Завете ангелы действовали по особому повелению Божию, то в Новом — они непосредственно принимают самое живое и деятельное участие в спасении рода человеческого и радуются об обращении единого кающегося грешника. И если цель злого духа состоит в противоборстве добру и в коварном погублении людей, то добрые Ангелы, наоборот, стремятся всячески сделать добро и через него служить каждому человеку. А конечная их цель — это приведение человека к Богу.

По повелению Божию, Ангелы принимают особенно активное участие в спасении рода человеческого после совершения Господом Иисусом Христом Его великого искупительного подвига. Утешая Своих учеников, Господь говорил: "...истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому" (Ин. 1, 51). После прославления и вознесения Сына Божия на небо Ангелы гораздо в большей степени вошли в теснейшее единение с основанной Им на земле Церковью и с ревностью служат всем тем, кто исполняет заповеди Божии, подражая не изреченной любви Христовой, пролившего за нас грешных пречистую кровь Свою на кресте. Постоянное и любвеобильное служение святых ангелов роду человеческому есть великий дар, посланный Искупителем мира.

Церковь земная и небесная представляет собой единое целое и неделимое. Ангельский собор и человеческий род составляют единое звено, объединенное между собой любовию во Христе. И эта единая гармония и красота основана на глубочайшей основе Божественной заповеди: "Да вси едино суть, якоже Ты, Отче, во Мне, и Аз в Тебе, и тии в Нас едино будут" (Ин. 17, 21). Высочайший образец Божественного благоустройства на небе восстановился после отпадения Денницы и его поспешниками. Оставшиеся Ангелы не только укрепились в добре, и проникли пламенной любовию к своему Творцу во Святой Троице.

По мысли Дионисия Ареопагита, в земной Церкви все устрояется по образу небесной, все доброе в ней возвышается и достигает духовной красоты и совершенства. Иерархия Церкви Христовой также соответствует церкви ангельской. Христос Спаситель в Своих притчах неоднократно сравнивал жизнь Ангелов с жизнью человеческой. И эта связь и гармония между земной и небесной Церковью глубоко ощущается в сознании каждого православного христианина. Вот почему очень часто глубокие мысли о Боге объясняются сравнениями и образами. Даже богопросвященные мужи очень часто вдумывались в эту таинственную связь двух миров, стараясь постигнуть и определить их взаимосвязь; но эта Тайна Мироздания Божия доступна только Тому, Кто создал ее. Эта тайна и взаимосвязь открывается человеку постольку, поскольку он может вместить ее в своем ограниченном уме. Таких лиц, которые постигали в какой-то мере Божественные истины, называли "во плоти ангел". Прославляя подвижников Христовых, Церковь утверждает, что "со ангелами срадуется дух" их (тропарь преподобным). В Церкви земной в честь святых архангелов устрояются храмы и часовни. Архистратиг Михаил и прочие небесные силы очень часто видимо помогали и доселе помогают всем христианам. Все это свидетельствует о тесной и живой связи Церкви земной с Церковью небесной, ангельской.

Человек мало чем умален от ангелов, и если ангелы являются существами только духовными, хотя и ограниченными, то человек — существо духовно-телесное; и притом человек останется и в будущей жизни таким же духовно-телесным, но только тело его будет изменено и преобразовано сообразно с состоянием души.

Церкви земной уготовано особое место в Царствии Божием, потому что Христос искупил ее чад Своею Крестной смертью. Апостол Павел говорит: "не ангелам Бог покорил будущую вселенную (Евр. 2, 5)... Не ангелов восприемлет Он (Господь Иисус Христос), но восприемлет семя Авраамово (Евр. 2, 16). Христос как Сын — в доме Его (отца небесного). Дом же Его Мы, если только дерзновение и упование, которыми хвалимся, ...сохраним до конца (Евр. 3, 6). И более того, Матерь Божия — ковчег Завета Господня, превзошла славою и честью даже самых высших ангелов. И Церковь величает Ее честнейшею и славнейшею без сравнения серафимов.

Апостол Павел о последователях Христовых и о их единстве в Царствии небесном говорит: "Одно тело и один дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; Один Господь, одна вера, одно крещение, Один Бог и Отец всех, Который над всеми, и чрез всех, и во всех нас" (Ефес. 4, 4—6).

Далее святой апостол говорит: "Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба" (1 Кор. 10, 17). В этих словах Апостола, по мысли святых отцов Церкви, показан четкий образ Церкви Христовой. Таинство Евхаристии объединило собой все племена земные в единый благодатный союз, во главе которого стоит Искупитель мира, Господь наш Иисус Христос.

Священнослужители, принося бескровную жертву, должны отложить всякое житейское попечение, чтобы достойно возвеличить Царя всех. Во время этого таинственного служения они изображают собой херувимов Божественной славы. Поистине, в этот момент священнослужителю предстоят тысячи архангелов и тьмы ангелов, херувимы и серафимы, победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще (Служебник. Божест. Лит. И. Злат.).

Таким образом, в Божественной Евхаристии особенно наглядно видно теснейшее единение Церкви земной и небесной. Земля в это время становится небом, и горняя с дольним совокупляются.

6 июня 1988 г.

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Деятельность великого оптинского старца иеросхимонаха Амвросия (в миру Александра Михайловича Гренкова) протекала во второй половине XIX столетия. Родился он в 1812 году в семье дьячка. В Тамбовском духовном училище, а затем в семинарии получил образование. На 27-м году жизни уходит в Оптину пустынь.

Постоянная внимательная внутренняя жизнь при ежедневном испытании своей совести и чистосердечном откровении помыслов под мудрым руководством опытных старцев — Льва и Макария быстро возвели преподобного Амвросия на высокую степень нравственного совершенства.

Изучение Священного Писания, творений свв. отцов и воплощение этого учения в личной жизни сформировали его духовный опыт, а помощь, которую он оказывал старцу Макарию в его значительной переписке с духовными детьми, способствовала тому, что он основательным образом познавал человеческую душу с ее тайными изгибами, с ее немощами и силами.

Еще в 1846 году в возрасте 34 лет иеросхимонах Амвросий назначается помощником о. Макария в духовничестве, а после его смерти в 1860 году братия Оптинской пустыни и ее многочисленные посетители, видя пользу и спасительность советов о. Амвросия, начали обращаться к нему.

Постепенно имя оптинского старца стало известно России. Посещали старца и руководствовались его советами такие видные философы и писатели, как Вл. Соловьев, Шевырев, Ив. В. и П. В. Киреевские, М. П. Погодин и другие. Они часто посещали эту обитель не из-за пустого любопытства, а с надеждой получить благословение и укрепить свои духовные силы. С благоговением эти люди изучали и описывали Оптину пустынь, так как малейшее знакомство с жизнью и деятельностью оптинских старцев порождает в душе исследователя стремление глубже изучить и определить ее значение в истории Русской Церкви. Они сознавали высоту внутреннего строя Оптиной пустыни. И. В. Киреевский прямо говорит, что для ознакомления с христианством необходимо познакомиться с жизнью оптинских старцев[1].

---

[1] К. Е. Леонтьев. О. Климент Зедергольм. М., 1882, стр. 4.

Слушали беседы старца Амвросия и пользовались его духовными советами Н. В. Гоголь, А. П. Толстой, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой. К Ф. М. Достоевскому, приезжавшему в Оптину после смерти любимого сына, старец отнесся с уважением и сказал о нем: "это кающийся"[1]. Иеросхимонах Иосиф пишет, что беседы Достоевского с иеросхимонахом Амвросием длились подолгу "о многих насущных вопросах духовной жизни и спасения души. Вскоре затем появились в печати "Братья Карамазовы", написанные отчасти под впечатлением посещения им Оптиной пустыни и бесед с о. Амвросием"[2].

К. Н. Леонтьев провел под непосредственным руководством старца Амвросия последние годы своей жизни, живя рядом с Оптиной пустынью, а за несколько дней до кончины старца, приняв тайный постриг, переехал в Сергиев Посад (Троице-Сергиевой лавры), где вскоре и скончался[3].

Вот как отзывался о старце Амвросии Л. Н. Толстой: "Этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговоришь с ним, и как-то легко и отрадно стало у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога"[4]. По свидетельству Е. В., Л. Н. Толстой, следуя за движениями народного духа, лично проверял факты религиозной жизни и отношение народа к своему духовному наставнику и для этого несколько раз посещал Оптину пустынь[5]. У старца Амвросия Л. Толстой был пять раз[6]. Первый раз — в 1874 году, во второй раз пришел пешком в крестьянской одежде со своим конторщиком и сельским учителем в 1881 и 1882 году (расстояние между Оптиной пустынью и Ясной Поляной — 200 км), а в третий раз приехал со своей семьей в 1890 году[7].

Самую продолжительную беседу с о. Амвросием Лев Толстой имел при посещении Оптиной пустыни в третий раз. Он отправился к о. Амвросию после того, как у старца побывала его семья, очень довольная и утешенная его беседой. Известно, что в этой беседе о. Амвросий предлагал Толстому принести публичное покаяние в своих заблуждениях[8]. Выходя из кельи, Лев Николаевич высказался о своей беседе со старцем такими словами: "Я растроган, я растроган"[9]. А о. Амвросий о своей беседе с ним сказал: "При входе Толстого в мою келью я благословил его, и он поцеловал мою руку. А когда стал прощаться, то, чтобы избежать благословения, поцеловал меня в щеку. Горд очень"[10].

---

[1] Прот. С. Четвериков. Описание жизни блаженной памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Козельской Оптиной пустыни, 1912, стр. 193.

[2] О. Иосиф — начальник Оптинского скита. Н. В. Гоголь, И. В. Киреевский, Ф. М. Достоевский и К. Леонтьев перед старцами Оптиной пустыни. М., 1897, стр. 8.

[3] Е. Поселянин. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб., 1907, стр. 115.

[4] В. Розанов. Около церковных стен. Т. 2. СПб., 1906, стр. 115.

[5] Е. В. Л. Н. Толстой и Оптина пустынь. "Душеполезное чтение", 1911, январь, стр. 23. Об этом также сообщается в книге Е. В. Николаев "По Калужской земле" Изд. "Искусство". М., 1968, стр. 120.

[6] Е. В. Николаев. Цит. соч., стр. 120.

[7] Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 194.

[8, 9, 10] Е. В. Николаев. Цит. соч., стр. 24.

Давая оценку посещениям писателями старца Амвросия, В. В. Розанов пишет: "Благодеяние от него духовное, да, наконец, и физическое. Все поднимается духом, только взирая на него, как это явно записано об о. Амвросии. Самые проницательные люди посещали его: Толстой, Достоевский, Леонтьев, Вл. Соловьев, и никто не сказал ничего отрицательного. Золото прошло через огонь скептицизма и не потускнело"[1].

Имя отца Амвросия было известно далеко за пределами России. Знал его и Афон, и святой Иерусалим — весь православный Восток. К старцу непосредственно или письменно обращались лица других исповеданий. Так, в Оптину приезжал реформатский суперинтендант г. Москвы Карл Зедергольм[2]. А его сын Константин, учившийся в Московском университете, подолгу беседовал с о. Амвросием и закончил тем, что перешел в Православие, а затем принял монашество под именем Климента[3].

В жизнеописании о. Амвросия приводятся имена многих лиц, которые после бесед со старцем приняли Православие[4]. А простой народ и лица средних классов общества обращались к старцу в бесчисленном множестве.

Чем же объяснить, что к простому, хотя и имеющему семинарское образование, старцу обращались представители всех сословий и положений и даже те, которых в мире называли "гигантами духа и мысли"? Ответ можно выразить словами апостола Павла: "Не аз, но благодать, яже во мне".

Многими подвигами о. Амвросий предочистил свою душу, сделал ее избранным сосудом Святого Духа, который обильно действовал через него. Именно эта духовность притягивала людей к старцу. Писатель В. Розанов говорит: "Некоторые из образованных поступали под водительство старца. Никто их к этому не нудил. Они начинали это, когда хотели, и оканчивали, когда хотели же. Но, обыкновенно, раз обратившийся никогда не хотел отойти вследствие явной пользы советов, основывавшихся единственно на обстоятельствах того, кто просил совета, а не настроения старца"[5].

Люди всегда ищут душевного успокоения. Обремененные житейскими невзгодами и скорбями, трудясь над восстановлением в себе искаженного образа Божия и очищения своего сердца от страстей, они нуждались в пристанище, нуждались в помощи более искусного и умудренного духовным опытом. И обращались к старцу, и находили разрешение во всех наболевших вопросах.

Оптинский старец, стремясь к тому, чтобы его духовные чада не оставались в беспечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, повторял обычную народную поговорку: "Боже-то поможи, — да и сам мужик не лежи". И прибавлял: "Вспомни, двенадцать Апостолов просили Спасителя за жену хананеянку, но Он не услышал их; а сама стала просить, упросила (4, 236).

---

1 В. Розанов. Цит. соч., стр. 123.

2 Там же, стр. 118.

3 В. Розанов. Цит. соч., стр. 119.

4 Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Часть 1. М., 1900, стр. 95

5 В. Розанов. Около стен церковных. Т. 1. СПб., 1906. стр. 104.

Известно, что кто каким путем идет ко спасению, таким же путем он и руководит других. Духовная жизнь иеросхимонаха Амвросия проходила по пути совершенного послушания богомудрым старцам, смирения и терпения всех находящих испытаний и скорбей.

Поэтому, давая наставления всем приходящим к нему, старец изображал земную жизнь как подвиг временного странствования на пути к вечной жизни, и этот подвиг состоит прежде всего в совершенном послушании святым Христовым заповедям и тем самым в приобретении христианских добродетелей, которые должны исполняться христианином постоянно и без разгорячения. При этом старец очень много внимания уделял тому, чтобы духовный подвиг его духовных чад был равномерен и постоянен.

Так, он писал одной дочери духовной, уподобляя ее жизнь "довольно глубокому рву, который в дождливое время наполняется так, что и переезду не сбывает; в другое же время высыхает так, что и нисколько по нем не течет вода".

Святыми же отцами похваляется такая жизнь, которая проходит подобно малому ручейку, постоянно текущему и не иссыхающему. Ручеек этот удобен: во-первых, к переходу, во-вторых, приятен и полезен всем проходящим, потому что вода его бывает пригодна для питья, так как тихо текущая и потому никогда не бывающая мутною[1].

В своих наставлениях преподобный Амвросий, ссылаясь на святых отцов, многократно повторяет, что основанием всякой добродетели является смирение, и без него не может быть достигнута никакая добродетель. "Добродетели.., — пишет старец, — (не могут быть) без смирения.., потому что смирение подает крепость ко всякой добродетели"[2].

Поэтому смирение старец ставил в основание всей христианской жизни. На самый насущный вопрос каждого человека: "Как жить, чтобы спастись?" — старец давал такие шутливые ответы: "Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда дело наше будет верно, а иначе будет скверно", или: "Жить можно и в миру, только не на юру, а жить тихо". "Мы должны, — говорил еще старец, — жить на земле так, как колесо вертится — чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем"[3]. С первого взгляда простые и шутливые слова, но какой глубокий смысл содержится в них.

Жизнеописатель иеросхимонаха Амвросия, близко знавший его и воспринявший его дух, так объясняет ответ старца на подобный вопрос. "Как жить?!. — Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение". Если посерьезнее вникнуть в это наставление, то каждый увидит в нем глубокий смысл. "Не тужить", т. е. чтобы сердце не увлекалось неизбежными для человека скорбями и неудачами, направляясь к Единому Источнику сладости вечной — Богу; через это человек, при бесчисленных и разнообразных невзгодах, может успокаивать себя, мирясь с ними, т. е. смиряясь. "Не осуждать, "не до-

---

[1] Собрание писем иеросх. Амвросия к монашествующим, вып. 1. Сергиев Посад, 1908, стр. 75.

[2] К монашест., в. 1, п. 14, стр. 18.

[3] Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 97.

саждать". — Ничего нет обыкновеннее между людьми осуждения и досаждения, этих исчадий погибельной гордости. Их одних достаточно к тому, чтобы низвести душу человека во дно адово; а между тем они большей частью и за грех не считаются. "Всем мое почтение" — указывает на заповедь Апостола: "Честью друг друга больша творяща" (Рим. 12, 10). Сводя все эти мысли к одной общей, мы видим, что в вышеприведенном изречении проповедовалось старцем, главным образом, смирение — это основа жизни духовной, источник всех добродетелей, без которого, по учению св. Иоанна Златоуста, ...невозможно спастись"[1].

О значении смирения сам старец говорил так: "Лишь только смирится человек, как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного"[2].

К старцу очень часто обращались с вопросами, что делать, чтобы приобрести смирение — эту единственно правильную основу христианской жизни. В ответ старец говорил, что смирение рождается сознанием своих недостатков и самоукорением. "Необходимо скорее обретать успокоение через самоуспокоение, без которого с трудом проводит жизнь всякий ищущий спасения"[3].

В письме к одной монахине старец писал: "Сердечно желаю тебе духовного восхождения приличными и законными степенями, из них же первая и самая главная есть познание глубокой нашей немощи душевной и телесной. Вторая законная степень есть самоукорение, т. е. во всяком неприятном и прискорбном случае обвинение себя, а не других. Третья степень — благодарное терпение встречающихся и постигающих нас скорбных искушений. От сих трех степеней рождается четвертая — начало смирения, если первые три были растворяемы верой, молитвенным расположением и обращение ко Господу"[4].

Смирение, как и всякая добродетель, достигается при содействии Божием, но при этом, по словам иеросхимонаха Амвросия, "нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у свв. отцов: "дай кровь и приими дух", это значит: потрудись до пролития крови, и получишь духовное дарование... При спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы"[5].

Старец иеросхимонах Амвросий, в основу своей жизни положивший покаяние, поучал и своих пасомых стремиться к этой основной добродетели. "Если мы не можем по немощи жить благочестиво, — пишет старец в одном из писем, — то, по крайней мере, позаботимся и постараемся всегда приносить искреннее раскаяние в своей неисправности"[6]. Поэтому очень часто старец предостерегал от нечувствия и бесстрашия. "Если на одном конце деревни будут вешать, — говорил он, — на другом конце не перестанут грешить, говоря: до нас еще не скоро дойдет"[7].

---

1 Там же. Цит. соч., ч. 1, стр. 97.
2 Там же. Цит. соч., ч. 1, стр. 68.
3 Душеполезное чтение, 199, ч. 1, стр. 68.
4 К монашест., в. 1, п. 54, стр. 62.
5 К мир., ч. 1, п. 76, стр. 88.
6 К монашест., в. 1, п. 25, стр. 34.
7 Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 232.

Своим духовным детям о. Амвросий стремился привить жажду покаяния, посредством которого душа восстанавливает общение с Богом, постоянно нарушаемого грехом. "Людям, много согрешившим, — говорит старец, — не об угождении Господу надо думать, а сперва о покаянии и получении прощения и помилования"[1].

По учению оптинского старца, Господь наш Иисус Христос Своими страданиями искупил грехи всего мира. Он воплотился и сходил на землю именно для того, чтобы открыть людям путь ко спасению через покаяние. Поэтому с покаяния и смирения должен начинать тот, кто хочет возобновить союз с Богом. В одном из писем от пишет: "Сын Божий сходил с небес для спасения грешников и многого от нас не требует, а только искреннего покаяния, как Сам глаголет во Святом Евангелии: "Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние" (Мф. 9б, 13)[2].

Неотъемлемой частью покаяния старец считал искреннюю и чистосердечную исповедь. Он поучает, что тяжелые душевные и телесные недуги большей частью являются следствием тяжких, а также неисповеданных согрешений. Когда старцу Амвросию рассказывали о таких больных, он давал советы, чтобы они "искренно исповедали свои грехи духовному отцу и не стыдились ничего утаивать"[3]. "Искреннее покаяние, — пишет старец, — и смирение, по слову св. Лествичника, исцеляет и неудобоврачуемые язвы душевные "[4].

Но "бывает, — учит о. Амвросий, — что хотя грехи наши через покаяние и прощаются нам, но совесть все не перестает упрекать нас. Покойный старец о. Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан; боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, т. е. упреки совести[5].

В большинстве случаев таинство Покаяния неизменно предшествует принятию Святых Тайн. И если человек не отнесся с должным вниманием к исповеди, то он приступает к Телу и Крови Христовым недостаточно подготовленным. Об этом иеросхимонах Амвросий пишет: "Есть и такие христиане, которые приносят покаяние, но не все высказывают на исповеди, а некоторые грехи скрывают и утаивают стыда ради. Таковые, по слову апостольскому, недостойно причащаются Святых Тайн; а за недостойное причащение подвергаются различным немощам и болезням, а не мало и умирают. Сказано Апостолам: "ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не рассуждая Тела Господня" (1 Кор. 11, 29)[6].

Утаенный грех влечет за собой смерть души и страдание тела, "так как наказание бывает человеку не только за грехи, но больше за недостойное причащение Святых Тайн"[7].

---

1 Там же, в. II, п. 375, стр. 92.
2 К монашест., в. I, п. 15, стр. 19.
3 К монашест., в. II, п. 278, стр. 37.
4 Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 233.
5 Там же.
6 К монашест., в. I, п. 34, стр. 48.
7 Там же, в. II, п. 278, стр. 37.

Один диакон, страдавший неизвестной болезнью, сопровождавшейся тоской и чувством страха, особенно при совершении Божественной Литургии, просил иеросхимонаха Амвросия помолиться о нем. Своим духовным взором старец провидел причину мучившей его болезни и написал в ответ: "Началом и первой причиной болезни вашей были детские грехи, которые, должно быть, вы не умели или стыдились исповедать вовремя, как должно, а это следовало вам сделать, особенно пред посвящением во диакона. Второй причиной — то, что, может, ...вы не всегда хранили свою совесть при совмещении диаконского служения и супружеской жизни, так как от лица посвященного на это служение требуется особое хранение совести"[1]. Перечисляя причины болезни, старец в то же время не оставляет болящего в недоумении, но подает совет, как избавиться от нее. "В болезни вашей, думаю, — пишет он, — прежде всего нужно вам... с полной верой и с совершенной искренностью смиренно исповедовать все тяготеющее совесть вашу, начиная с 6-ти лет и до сего дня"[2].

Старец иеросхимонах Амвросий учит, что вся жизнь христианина должна проходить в покаянии, ибо с прекращением покаяния прекращается и духовная жизнь человека, так как без покаяния не может человек черпать силы из благодатного источника, поддерживающего в христианине духовную жизнь. Сожалея о тех, которые упорно не хотят каяться, старец говорит: "В ад пойдут те, которые от гордости не захотят принести покаяния"[3].

Душу христианина, проводящего жизнь греховную, иеросхимонах Амвросий уподобляет вертепу мысленных разбойников. Душа же, очистившаяся покаянием и понуждающая себя к смирению, к кротости и любви, бывает, по словам старца, как бы другим небом, потому что вселяется в нее благодать Божия и Сам Бог. "Христианские души, — пишет он в одном из писем, — пока добровольно предаются сластолюбию и другим телесным страстям, бывают подобны скотским мыслям, заботятся только о корме и питании и ином телесном угождении; а когда обратятся к Богу с искренним покаянием и будут заботиться о воздержании и проводить жизнь благочестивую, тогда уподобятся небесному вместилищу, в котором обитает невместимый небесами Христос Бог"[4].

И как бы ни было велико бремя грехов, как бы грешен ни был человек, он не должен отчаиваться в своем спасении. "Во всяком грехе, — говорит старец Амвросий, — человек может покаяться, имея твердое намерение вперед на то же не возвращаться и таким образом получить прощение и милость от Бога"[5].

Для того чтобы обнадежить грешников, склонных к отчаянию, старец приводит им в пример Манассию, говоря: "Манассия почитался из всех грешников, но и он через покаяние получил не только прощение своих тяжких согрешений и беззаконий, но и покаянная его молитва внесена в число церковных молитв и находится в конце псалтири в двенадцати избранных псалмах"[6].

---

[1] К мир., ч. I, п. 86, стр. 107.
[2] К мир., ч. 1, п. 86, стр. 108.
[3] К монашест., в. II, п. 425, стр. 137.
[4] Там же, в. I, п. 24, стр. 32.
[5] К монашест., в. I, п. 35, стр. 106.
[6] Письма. Душеполезное чтение. М., 1908, ч. 1, стр. 260.

В другом письме старец пишет: "Многие святые утверждают, что Иуда получил бы прощение, если бы решился принести покаяние, подобно верховному апостолу Петру, трижды отрекшемуся от Христа, но чрез покаяние получившему не только прощение своего греха, но и прежнее апостольское достоинство... Евангелие тем начинается и оканчивается: покайтеся"[1].

По учению старца Амвросия, покаяние только тогда будет истинным, когда человек сознает свой грех, возненавидит его, постарается не повторять его и получит прощение через исповедь. Поэтому в своих наставлениях и поучениях духовным чадам старец раскрывает суть греха, его основы и причины и учит с ним бороться.

По мысли иеросхимонаха Амвросия, основой всему худому в человеке является самолюбие. "Самолюбие наше, — пишет он, — корень всему злу. Оно начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок"[2]. В другом письме об этом старец пишет, что оно (самолюбие) как темная завеса, заслоняет от нас свет истины и не попускает насладиться нам истинным познанием. Сказано: "Царствие Божие внутрь вас". Мы же, оставляя искание его внутри себя, вращаемся во вне, занимаясь разбором чужих дел и недостатков"[3].

Иеросхимонах Амвросий обращает внимание на пагубное действие самолюбия, так как оно препятствует следованию за Господом и исполнению заповедей Божиих. "От самолюбия гневливость, от самолюбия осуждение и порицание других, от него негодование и ропот, и самооправдание, и нехотение ничего терпеть, а вследствие всего этого малодушие и оставление молитвенного правила и чтения духовного и прочего"[4].

Человек, одержимый страстью самолюбия, не видит в своей душе собственных недостатков, а по отношению к другим он бывает жесток и дерзок, замечая в них самые малейшие недостатки. Сожалея о таковых, старец пишет: "От себялюбия и самолюбия вся беда... От них плодятся противные помыслы, словно саранча, поедающая не только плоды духовные, но и листья и самую кору"[5].

Под видом якобы служения на пользу обществу, отдельные лица, недугующие страстью тщеславия, удовлетворяют лишь собственному самолюбию. "Взаимный мир повсюду оскудевает, — пишет старец Амвросий, — а бестолковое немирствие возрастает: все виним друг друга и истязуем заповеди от ближнего, по-видимому, за благословные и благовидные причины причины, забывая что кийждо от своих дел или прославится или постыдится. Забываем Евангельское указание, а действуем по одному почти самолюбию, упорно отстаивая свои действия, не заботясь о их законности и незаконности. Всюду примесь своей воли, или самооправдания, или просто бестолковщины. Молиться потребно в самоукорении, да и не заблудим от пути истинного"[6].

---

[1] К монашест., в. I, п. 57, стр. 67.
[2] К монашест., в. II, п. 423, стр. 143.
[3] Там же, в. I, п. 32, стр. 80.
[4] Там же, п. 112, стр. 97.
[5] К монашест., в. 1, п. 121, стр. 105.
[6] Там же, в. 1, п. 116, стр. 100.

Действительными средствами, избавляющими человека от страсти самолюбия, служат самоукорение и молитва.

Самолюбие происходит от гордости, а в то же время оно рождает эту страсть. Поэтому старец иеросхимонах Амвросий в своей пастырской деятельности, возводя своих духовных чад от земли на небо, также раскрывал перед ними всю гибельность гордости и необходимость борьбы с этой страстью. "Гордость и самонадеянность вреднее прелюбодейства и убийства, — говорит он. — Последние привели пророка к смирению и покаянию. Первые довели его до падения, как объясняет он в одном псалме, говоря: "рех не подвижуся во век". По падении же своем совсем иное говорил: "червь есть, а не человек, поношение человека, и уничижение людей"[1].

Наставляя гордых и самолюбивых к исправлению, иеросхимонах Амвросий напоминает им слова Спасителя: "Возьмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обратяще покой душам вашим: иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть" (Мф. 11, 29—30). Но горделивые и самолюбивые из нас, — продолжает далее старец, — не хотят подклонить выи своей под легкое сие иго Христово, но добровольно впрягаются в тяжкое иго возношения и гневливости и через то сами томятся и смущаются, и нередко других смущают и отягощают"[2].

"Гордость, — поучает оптинский старец, — одна заменяет все пороки, как и одно смирение спасает человека"[3]. "Горделивость и на небе жившим не помогла, а лишила благодати Божией и низвергла долу; поэтому нам, хотящим взыти горе, потребно смириться зело"[4]. "Если хочешь избавиться от гордости и самомнения, — пишет он, — то прежде всего требуется покориться воле Божией. Если хочешь, чтобы все было по воле Божией, то терпи все..."[5].

Иеросхимонах Амвросий дает совет одной духовной дочери, как освободиться от гордости. "Когда найдут на тебя помыслы гордые и самонадеянные, — говорит от, — вспоминай, что ты подобна разломанному зданию без окон и без дверей, и сама себе говори: разграбленной, разоренной чем гордиться?" Заботясь о своем спасении, каждый должен вести добродетельную жизнь, подражая угодникам Божиим в их трудах, подвигах, смиряя свое сердце от превозношений и осуждений. Иначе все наши добрые дела будут неугодны Богу. "С гордостью и осуждением других добродетели проходящие отвержены бывают Богом, как показывает евангельская притча о мытаре и фарисее"[6].

Чтобы избежать этой столь пагубной страсти, оптинский старец советует всячески искоренять в себе самомнение и тщеславие, приводящие к гордости.

Иногда гордых и тщеславных Господь Сам смиряет. Отец Амвросий на вопрос одному иноку, который исповедовался в своих помыслах тщеславных, отвечал: "Одного пустынника выбрали в архиереи, он долго отказывался, но они настояли. Тогда он и подумал: "Я не знал, что я дос-

---

[1] К монашест., в. II, п. 250, стр. 47.
[2] Там же, в. I, п. 139, стр. 122.
[3] К мир., ч. I, п. 43, стр. 53.
[4] Письма. Душепол. чтение. 1909, ч. II, стр. 161.
[5] К монашест., в. II, п. 245, стр. 13.
[6] К монашест., в. I, п. 157, стр. 135.

тоин, верно, есть у меня что-нибудь хорошее". В это время явился ему ангел и говорит: "рядниче (рядовой монах), что ты возносишься, там люди нагрешили и им нужно наказание, вот оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось"[1].

Далее старец говорит: "Человек, живя в счастии, забывает, что все это мы получаем от Бога и начинает приписывать себе — своей бессильной и мнимой власти, но лишь посетит его какое-либо несчастие, просит: "пощади и помоги." Таких людей о. Амвросий так изображал: "Человек, — говорил он, — как жук. Когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собою и жужжит, все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса! — А как солнце скроется, дохнет холодом и загуляет ветер, забудет жук свою удаль, прижмется к листку и только пищит: не спихни!"[2].

Большинство людей не обращает внимания на такие движения души, как сомолюбие, самомнение и тщеславие, и поэтому не следят за ними, чтобы искоренять их. Но, как раскрывает в своих многочисленных поучениях старец Амвросий, пути человеческие устраиваются ко спасению Самим Господом, а от человека требуется смирение и покорность благому Промыслу Божию. Когда человек сам не доходит до сознания необходимости смирения, говорит старец, и не смиряет себя, тогда Господь Сам, ими же весть судьбами приводит его ко смирению[3].

Для наглядного примера в стяжании смирения старец приводит такой пример: "Однажды одной княгине было видение, будто она у входа в рай со многими другими, и тут же была девушка в лаптях. Княгиня думала, что ее (т. е. княгиню) за доброту и все добродетели возьмут первой. Каково же было ее удивление, когда вдруг вместо нее взяли эту девушку; она возмутилась, но потом подумала: у меня все-таки есть добродетели, может, с этими (указывая на других) возьмут; но ее и тут не взяли. Наконец взяли всех, а ее и после всех не берут, тогда она упала на землю и начала говорить, что она действительно хуже всех и недостойна быть в Царствии Небесном". А батюшка тут прибавил: "а вот такие-то и годятся, таких-то нам и надо"[4].

По учению о. Амвросия, смирение тесно соприкасается с другой добродетелью — терпением в скорбях.

"Всякий христианин, — говорит старец, — чем-либо да испытывается: один бедностью, другой болезнью, третий разными недоумениями. И этим испытывается твердость веры, и надежды, и любви Божией, то есть к чему человек более склоняется, к чему более прилепляется, горе ли стремится, или пригвожден к земному; чтобы человек-христианин чрез подобные испытания сам видел, в каком он находится положении и расположении, и невольно смирялся"[5].

---

1 Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 210.
2 Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 227.
3 К мир., ч. 1, пс. 15, стр. 27.
4 Прот. С. Четвериков, Цит. соч., стр. 227.
5 К мир., п. 30, стр. 40.

"Ошибка и заблуждение человечества происходит от того, — пишет иеросхимонах Амвросий в одном из писем, — что мы не понимаем как следует намерение Божие и волю Божию о нас. Господь, по благости Своей и милосердию Своему, хочет даровать нам вечное блаженство на небе, в Царствии Небесном, а мы, по слепоте своей, более желаем, ищем счастья и благополучия временного на земле. Вот Господь, по благости Своей и по любви к роду человеческому, и вразумляет нас разными скорбями и болезнями и другими бедствиями, как свидетельствует Апостол: "Его же бо любит Господь, наказует; биет же всякого сына, его же приемлет" (Евр. 12, 6)[1].

У старца Амвросия также выражена такая мысль: "Когда человек идет путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны"[2].

Этими словами старец показывает, что кто воспринимает все события временной жизни с благодарностью, как благие и спасительные действия Промысла Божия, для того как бы нет креста, он не чувствует его тяжесть, так как события, которые в общечеловеческом понятии печальны или трагичны, он принимает с покорностью и без скорби. Например, никакой ученик, уважающий своего учителя и желающий научиться от него мастерству, не станет обижаться, скорбеть и печалиться, когда тот будет его выговаривать или бранить, потому что знает, что учитель так поступает ради его пользы. С другой стороны, мудрый наставник, видя своего ученика, уклоняющегося с правильного пути, никогда не останется в бездействии, но всячески будет вразумлять и направлять на правый путь.

Поэтому старец Амвросий, руководя своих духовных чад на пути ко спасению, учил их видеть в скорбях благой Промысл Божий, все устраивающий ко спасению, и этим приучал их к терпению. Он говорил, что в скорбных обстоятельствах надо стараться не скорбеть, потому что "горе, как море. Чем более человек в него входит, тем более погружается"[3].

Старец убеждает, что "большая часть страдающих из нас подвергается страданиям, как следствие или неправильных мыслей, или ошибочных действий"[4]. Поэтому "как ни тяжел крест, который человек несет, но дерево, из которого он сделан, выросло на почве его сердца"[5].

"Земной удел человеческий, — пишет старец в одном из писем, — составляют: скорбь, труд, болезни, подвиг, печали, недоумения, теснота, лишения того или другого, оскорбления, смущения, восстания страстей, борьба с ними, одоление или изнеможение, или безнадежие и подобное сим. Но вотще сказал пророк Давид: "Несть мира в костех моих от лица грех моих". И праведный Иов взывал: "Не искушение ли есть человеку житие сие?"

---

[1] К монашест., в. I, п. 40, стр. 56.
[2] Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 234.
[3] К монашест., в. I, п. 194, стр. 167.
[4] К мир. ч. I, п. 35, стр. 105.
[5] Там же, п. 65, с 71.

А мы все путаемся на том: нельзя ли как устроиться в покое или на покое, и часто думаем: если бы не такое-то неудобство, и не такие-то обстоятельства, и не такой-то поперечный человек, то, может быть, было бы мне удобнее и покойнее, а забываем, неудобства сии часто исходят изнутри нас, все наши неудобства, неладицы, неурядицы и неустройства"[1].

Поэтому ошибаются те, которые ищут мир и спокойствие не во внутреннем своем человеке, а во внешних обстоятельствах и во внешнем местопребывании. "Пока мы находимся на земле, — говорит старец, — нигде без скорби пребыть не можем; хотя бы залезли на облака, и там от скорбей не уйдем",[2] "везде потребно будет и смирение, и терпение, и неосуждение других"[3].

На недоуменный вопрос, почему страдают праведники, иеросхимонах Амвросий отвечал, что посылаемые им испытания служат для совершенного очищения от грехов и для утверждения в добром направлении. "Свобода существ разумных всегда испытывалась и доселе испытывается, пока утвердится в добре, — говорит старец. — Потому что без испытания добро твердо не бывает"[4].

Особенно богата скорбями, по словам иеросхимонаха Амвросия, иноческая жизнь. В письме к новоначальному монаху он пишет: "По принятии мантии, скорбные искушения более попускаются на человека, чтобы навык брани духовной и соотворился и стал искуснее. Тут уже не должно по новоначальному рассуждать: зачем то или другое? а просто терпи, смиряйся и опять терпи, подставляя правую ланиту в духовном смысле, т. е. не оправдываясь, а принимая поношения и уничижения: во-первых, за грехи, во-вторых, ради того, что добровольно избрал ты спасительный путь, который называется тернистым, и тесным, и трудным"[5].

Тому, кто жаловался на скорби, старец говорил: "Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет; потому нужен бывает дождь. Если все будет дождь, то все попреет, поэтому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы все пронесло. Человеку все свое время бывает полезно, потому что он изменчив"[6].

Батюшка говаривал насчет терпения: "Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, буду же терпеть и я" (Фп. 4, 92)[7].

Чем строже живет христианин в духовной жизни, тем все более его посещают всевозможные скорби и неприятности. Но все это бывает не случайно, а по особому устроению Божию. Скорби попускаются людям для того, чтобы они посредством их находились в постоянном бодрствовании и искании Бога. "Скорби, — говорит иеросхимонах Амвросий, — везде должны встречать человека; и тем более враги наши душевные наносят оныне... и в особенности желающим упражняться в молитве, которая для них несносна"[8].

---

[1] Там же, п. 85, стр. 106.
[2] К монашест., в. I, п. 217, стр. 186.
[3] К мир, ч. I, п. 26, стр. 37.
[4] Там же, п. 30, стр. 40.
[5] К монашест., в. I, п. 117, стр. 101.
[6] Жизнеописание. Цит. соч., стр. 47.
[7] Ф. П. П. 4. Тяжелая утрата. М., 1893, стр. 92.
[8] К монашест., в. II, п. 299, стр. 53.

К старцу Амвросию очень многие обращались с телесными недугами. О них (о болезнях) старец говорил так: "Болезни телесные потребны для очищения плоти, а болезни душевные через обиды и поношения потребны для очищения души"[1]. А однажды, сказав слова св. Исаака Сирина, что "невозможно не болети телу в недузех, егда кто изберет путь добродетели", старец добавил: "И тем более невозможно не бывать больными нам, слабо идущими по этому пути"[2].

Польза от болезней христианина, по учению старца Амвросия, состоит в том, что в таком состоянии человек чаще помышляет о дне смертном и о том, с чем явится на суд Божий. Находящимся в болезнях оптинский старец советовал не скорбеть, не пребывать в благодушии, поясняя, что хотя болезнь и причиняет страдания, но она рождает терпение, без которого нельзя стяжать спасения.

"Болезнь причиняет страдание, — пишет он, — а страдание требует терпения, без которого не приобретается спасение наше, по сказанному в Евангелии от Самого Господа: "в терпении вашем стяжите души ваша" и: "претерпевый до конца, той спасен будет"[3].

Поэтому иеросхимонах Амвросий болезни телесные уподоблял подвижничеству, и в одном из писем он говорил по этому вопросу: "...св. Лествичник и болезнь называет подвижничеством отраднейшим, хотя и невольным. Отраднейшим потому, что на произвольное подвижничество охотников мало, и притом тут может примешиваться возношение, осуждение других, а в невольном болезненном подвижничестве нечем человеку погордиться. Произвольное и невольное подвижничество равно умеряют плоть, а последнее иногда посылается еще и для истребления возношения. Поэтому старайся в болезни благодушествовать и благодарить милосердие Божие за невольное вразумление... больше всего в болезненном положении остерегайся ропотливого расположения духа"[4].

Побуждая к безропотному перенесению болезней, старец часто говорил, что "от больного требуется только терпение и благодарение"[5]. На пути ко спасению христианин предпринимает многие подвиги "для смирения и укрощения тела, а болезнью телесной это заменяется"[6].

Из своего опыта иеросхимонах Амвросий свидетельствует о пользе в скорбных обстоятельствах вспоминать молитву Господа во время его крестных страданий, потому что такое воспоминание помогает благодушному несению жизненного креста: "Полезно вспоминать и незлобие Самого Господа, — говорит он, — как Он молился о распинателях своих: "Отче! остави им грехи их, не ведят бо, что творят! Если и мы будем так поступать, то получим и в скорбях отраду душевную "[7].

Сам старец никогда не унывал в скорбях и болезнях, но с любовью все принимал, как необходимое средство для спасения. Как известно из жизнеописания иеросхимонаха Амвросия, он через год после хиротонии во иеромонаха так жестоко заболел, что был особорован, приобщен

---

[1] К мир., ч. I, п. 30, стр. 40.
[2] Письма. Душеполезное чтение, 1909, ч. II, стр. 211.
[3] К мир., ч. I, п. 175, стр. 151.
[4] К монашест., в. I, п. 133, стр. 118.
[5] К монашест., в. II, п. 411, стр. 123.
[6] Там же, в. II, п. 411, стр. 128.
[7] Там же, в. 1, п. 184, стр. 168.

Святых Тайн и келейно пострижен в схиму. И после этого всю жизнь до самой смерти в течение 45 лет он безропотно нес тяжкий крест скорбей и болезней, временами ослабевая до полного изнеможения.

Становится ясно, что поучения оптинского старца о болезнях, скорбях и терпеливом их перенесении исходят из личного опыта и поэтому и доступны всякому искушаемому.

Иеросхимонах Амвросий не только утешал в скорбях и болезнях духовно, но и врачевал недуги телесные, так как имел от Господа дар исцелений. Очень часто он скрывал этот дар под видом шутки. Чаще всего это проявлялось в виде ударов по больному месту. Так, например, пришел к старцу один монах с ужасной зубной болью. Проходя мимо него, старец сильно ударил его в зубы и еще весело спросил: "Ловко?" — "Ловко, батюшка, — отвечал монах при общем смехе, — да уж больно очень". И уходя от старца, он заметил, что боль прошла и в дальнейшем уже не возвращалась[1].

Таких примеров было множество, так что крестьянки, приходили к старцу со своими недугами, сами нередко подклоняли головы и говорили: "Батюшка Амвросий, избей меня, у меня голова болит"[2].

В жизнеописании старца Амвросия сказано, что все зафиксированные случаи его жизни, в которых проявлялись дары благодати, составляют лишь малейшую часть, потому что в продолжение более чем тридцатилетнего его старчествования подобные случаи повторялись едва ли не каждый день.

Незнакомых ему лиц старец часто называл по имени, говорил их тайные грехи, исцелял больных от недугов прежде, чем они просили его об этом.

Дар проникновения в тайники душ человеческих у старца Амвросия удивлял многих и располагал сразу всецело отдаваться его руководству. У людей проявлялась уверенность, что старец лучше их знает, в чем они нуждаются и что им полезно. Одна молодая девушка много слышала от своей сестры о святости жизни о. Амвросия, но относилась к словам сестры с недоверием и даже с презрением, а старца называла "лицемером". Однажды, по просьбе сестры, она поехала в Оптину пустынь. Придя к старцу на общий прием, она встала позади всех у самой двери. Отец Амвросий, выходя из своей кельи, помолился, посмотрел на всех, а затем обращает свой взор на Веру (так звали девушку) и говорит: "Что это за великан тут стоит? А, это — Вера пришла смотреть на лицемера"[3]. После такого обличения ее тайных мыслей и особенно после беседы со старцем она совершенно изменила свое мнение о нем, искренне возлюбила его, а впоследствии поступила в Шамординскую обитель. Именно таким образом старец многих наставлял на путь покаяния.

Этот особый дар прозорливости, который дает Господь некоторым праведным людям и которым праведник может предвидеть будущее и проникновенно созерцать даже сокровенные мысли и настроения сердца человека, очень часто проявлялся в старце Амвросии в период его пас-

---

[1] Жизнеописание отечеств. подвижников благочестия 18—19 веков, октябрь. М., 1909, стр. 227.

[2] Там же.

[3] Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 256.

тырской деятельности. Приведем еще несколько примеров дивной прозорливости отца Амвросия. Одна вдова была обеспокоена тем, что она часто видит своего покойного мужа во сне, который о чем-то просил ее. Не зная, чем помочь ему, она обратилась с этим вопросом к старцу Амвросию, который после ее слов некоторое время был в задумчивости, а затем сказал: "Твой муж должен был деньги, — тут он назвал одно собственное имя (без отчества и фамилии), — этот долг его тяготит. Заплати этому человеку, и душа твоего мужа успокоится"[1].

Благоразумная женщина тщательно искала человека по имени, названному старцем. Наконец нашла и возвратила ему долг, занятый мужем; после чего покойный не стал больше беспокоить ее"[2].

Еще один случай, свидетельствующий о прозорливости старца, произошел с иконостасным мастером, который приехал к настоятелю получить деньги за выполненную работу. О. Амвросий под разными предлогами три дня задерживал его отъезд из обители. Мастер очень скорбел из-за этого, так как к нему на дом должны были приехать для переговоров очень выгодные заказчики, но нарушить слово старца он не решился. Каково же было его удивление, когда на другой день после его возвращения домой приезжают заказчики, которые также задержались на три дня. Но вся сила дара прозорливости старца в этом случае открылась через четыре года. Один работник мастера на смертном одре сознался, что он в те дни хотел убить своего хозяина, чтобы забрать деньги, которые он вез из Оптиной пустыни, и для этого три ночи караулил его под мостом. "Не быть бы тебе в ту пору живым, да Господь за чьи-то молитвы отвел тебя от смерти без покаяния... Прости меня окаянного...". Это были последние слова умирающего[3].

Провидя так ясно души своих посетителей, о. Амвросий знал, что приводило их к нему. Часто были такие случаи, что пришедший еще не успеет открыть свою нужду или скорбь, а старец дает уже ответ.

Подвиг земной жизни, подвиг духовной борьбы со страстями, с самим собой, учит оптинский старец, невозможно проходить без молитвы. "Во всех делах, — пишет он, — требуется человеку помощь Божия, а потому всегда просить помощи Божией, т. е. необходима усердная молитва"[4].

Иеросхимонах Амвросий в своих эпистолярных трудах оставил описание того, как должно правильно проходить молитвенный подвиг на различных ступенях молитвенного преуспеяния; у него имеются ценные указания к прохождению устной, умной и сердечной молитвы. Причем он обращает особое внимание на правильное прохождение первых двух ступеней молитвы — устной и умной, подчеркивая особо, что если соблюдены первые два образа молитвы, то переход от умной молитвы к сердечной может быть совершен и без опытного наставника. Так, он пишет: "Кто сначала проходит правильную устную молитву, заключая ум в слова молитвы: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную", а потом будет проходить правильную и умную молитву... по времени и без наставника у некоторых умная молитва сама

---

[1] Е. Поселянин, стр. 118.
[2] Там же, стр. 120.
[3] Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 373.
[4] Жизнеописание. Цит. соч., ч. 1, стр. 105.

переходит в сердечную. Впрочем, у кого не переходит, должны довольствоваться устною и умною... Устную молитву как бы кто ни проходил, не было примеров, чтобы впадал в прелесть вражескую. А умную и сердечную молитву проходящие направильно нередко впадают в прелесть вражескую. И потому прежде всего должно держаться крепче устной молитвы, а потом умной, со смирением, а затем уже, кому удобно, к кому благоволит Господь, переходить к сердечной, по указаниям свв. отцов, опытом прошедших все это"[1].

О силе Иисусовой молитвы старец Амвросий рассказывал: "У одного священника был скворец, который постоянно слышал от своего хозяина молитву и повторял довольно часто. Вот раз на улице налетел на него коршун, а он по привычке говорил в это время эту молитву, и что же? — коршун не посмел его тронуть. Бессмысленно твердил молитву Иисусову, и то спасла![2].

Когда старцу жаловались, что посторонние мысли мешают молиться, он говорил: "Ехал мужик по базару; вокруг него толпа народу, говор, шум; а он все на свою лошадку: но-но! но-но! — так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай — молись!"[3].

Иеросхимонах Амвросий учит, что молитва должна быть постоянно на устах и в уме христианина, даже во время богослужения. Так он говорит: "Молитву в келье читать устами: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную". Или "Боже, очисти мя грешную". А в церкви: "Господи, помилуй". И слушай больше, что читают. А если не слышишь, то всю молитву читай: "Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную"[4].

Вся жизнь иеросхимонаха Амвросия была направлена к тому, чтобы помочь страждущей душе в ее бедствиях. Обладая всеобъемлющей опытностью, широким кругозором, он мог дать совет по любому вопросу, не только в области духовной, но и житейской, применительно к данному лицу и данным обстоятельствам.

В письмах оптинского старца встречаются ответы на все почти случаи жизни, начиная с таких, как устройство какого-либо дела в хозяйстве, состава и количества пищи в здоровом и болезненном состоянии, и оканчивая глубокими размышлениями о молитве Иисусовой и о различных тонких видах бесовских искушений.

В частности, желавшим вступить в брак старец не сразу давал благословение, а советовал навести... "справки о невесте, чтобы узнать ее обстоятельство, и если действительно окажется хороша, то и Бог благословит"[5].

Вступившим в брак иеросхимонах Амвросий поучал жить в согласии, мире и любви и все супружеские тяжести нести вместе. Для подтверждения своих слов старец приводит замечательные слова Иустина Мученика, который говорит, что супруги должны нести тяготы "...как впряженные волы ровно несут свое ярмо: если один... будет отставать, то

---

[1] К монашест., в. II, п. 403, стр. 126—127.
[2] Ф. П. 4-н. Цит. соч., стр. 62.
[3] Прот. С. Четвериков. Цит. соч., стр. 236.
[4] Жизнеописание. Цит. соч., ч. II, стр. 70.
[5] К мир., ч. I, п. 135, стр. 149.

другому бывает труднее. Если бы супруги, — добавляет старец Амвросий, — ровно, по-христиански, разделяли тяготы жизни своей, тогда людям на земле было бы жить хорошо. Но как супруги часто бывают супруги, оба или один,... то наше благополучие земное и не упро- чивается[1].

Иеросхимонах Амвросий обращал особое внимание родителей на воспитание детей, потому что очень многое зависит от того, как младенец будет воспитан в детском возрасте. "Что вы благое посеете в душах своих детей в их юности, — говорит старец, — то может после прозябнуть в сердцах их, когда они придут в зрелое мужество"[2].

Для ясного понимания христианской жизни старец советует родителям читать детям "Священную Историю и житие Святых.., незаметно насевая в них семена страха Божия и христианской жизни; и особенно нужно с помощью Божией суметь им внушить, как важно хранение заповедей Божиих и какие бедственные последствия бывают от нарушения оных"[3]. В одном из писем оптинский старец писал: "Без внушения страха Божия, — чем детей не занимай, не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственности и благоустроенной жизни"[4]. Старец также советовал, чтобы дети с раннего возраста знали наизусть некоторые молитвы, а детям, достигшим отроческого возраста, необходимо прочитывать "Православное Исповедание Петра Могилы и Катехизис". Хотя это и "сухая" наука, но знать необходимо, — говорит старец Амвросий, — для правильного понимания догматов Православной Церкви"[5].

К иеросхимонаху Амвросию обращались также с просьбой помочь избавиться от таких пороков, как пьянство, курение. И неизменно, как единственное средство, старец предлагал страдавшим чистосердечно и искренно покаяться, а также прибегать к молитве и осенять себя крестным знамением. О силе крестного знамения старец приводит следующий пример. "Один человек, — говорит он, — любил выпить. И вот однажды в таком виде заблудился где-то, и представилось ему, что кто-то подходит к нему, наливает из графина в стакан водку и предлагает выпить. Тогда он говорит этому: "Подержи пока стакан, а я перекрещусь". И только что осенил себя крестным знамением, как все пропало, и вдали залаяла собака. Он очнулся и видит себя в непроходимом болоте, в водовороте, и если бы не лай собаки, не выбраться бы ему оттуда"[6].

В этих случаях старец и сам помогал молитвой. Например, один человек страдал привязанностью к курению и просил старца помочь ему избавиться от этого порока. Старец посоветовал ему исповедаться во всех грехах с семи лет и причаститься Святых Тайн, и читать ежедневно, стоя, Евангелие по главе, или более... или вместо этого класть по 33 больших поклона. Получив письмо от старца, этот человек усомнился в его наставлениях. Но когда он попробовал закурить, то почувствовал сильную боль в голове и отвращение к курению"[7].

---

[1] К мир., ч. I, п. 140, стр. 152.
[2] Там же, п. 84, стр. 102.
[3] Там же, ч. I, п. 110, стр. 134.
[4] Там же.
[5] Там же, п. 89, стр. 110.
[6] Д. 4, 1892, I, стр. 190.
[7] К мир., ч. I, п. 88, стр. 109.

Как видно из последних наставлений, старец Амвросий никогда не отстранял от себя решение самых сложных вопросов мирского бытия. Несмотря на то что он сам никогда не был связан узами семейной жизни, однако он не замыкался в узком кругу монашеских интересов, но всегда сострадал и людям семейным. Его наставления как монашествующим, так и мирянам преисполнены духовного и жизненного опыта и свидетельствуют, что автор их имел особое, благодатное помазание.

Так пастырствовал, так служил миру оптинский старец иеросхимонах Амвросий. Этот подвижник, живший в маленькой келье, сумел раздвинуть ее стены на необъятные пространства. К о. Амвросию в Оптину тянулись тысячи верующих душ. Часто келейники говорили старцу: "Батюшка, вас ждут". — "Кто там?" — спросит старец. "Московские, Вяземские, Тульские, Белевские, Каширские и прочие народы", — отвечают келейники[1]. Десятиминутного разговора со старцем ждали по нескольку дней. Не хватало ямщиков для перегона между Оптиной и Калугой, а также номеров в многочисленных оптинских гостиницах. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного, чтобы при начале этого дела старец молча благословил их. Для каждого приходящего у старца Амвросия находилось ласковое слово и мудрый совет. Эта всеобъемлющая любовь к страждущему народу, любовь до совершенного самозабвения явилась основной причиной того, что к старцу в Оптину приезжали люди со всех уголков России. Старец был наделен от Господа особыми дарами благодати, которые давали ему возможность безошибочно видеть нравственное состояние ближнего, читать его душу. Это проявлялось в том, что старец умел сразу определить духовное состояние человека и дать ему самый правильный и полезный совет.

Он настолько был богат духовным опытом, что приходили к нему многие мужи, славные житейской мудростью, чтобы поучиться у простого монаха высшей науке — умению жить по-христиански. Ни в одной приемной комнате знатных особ не перебывало столько людей, сколько побывало их в тесной келье этого старца. Ни от кого не получено столько советов письменных и устных, сколько их дал о. Амвросий.

Можно сказать, что сила пастырского руководства иеросхимонаха Амвросия состояла в том, что он постоянно возводил взоры своих пасомых от земли к небу. Он побуждал их обращать более внимания на духовную жизнь, искать прежде Царствия Божия, и только при этом условии все остальное в этой жизни устроится наилучшим образом. Напротив же, когда человек свой взор обращает только на предметы этой временной жизни, забывая о духовной, то вместо покоя он обретает одни скорби и неустройства. Но все это, учит старец Амвросий, устраивается Промыслом Божиим ко спасению. Поэтому все случающееся в жизни надо принимать и переносить со смирением, терпением и самоукорением, за все благодаря Господа.

Безграничная, самоотверженная любовь старца Амвросия к ближним делала его наставления настолько благотворными, что в его келии смирялось всякое горделивое сердце, холодные и окаменелые проливали благодатные слезы, колеблющиеся утверждались и возвращались на твердый и истинный путь.

---

[1] Жизнеописание, ч. 1, М., 1900, стр. 27.

Образ старца иеросхимонаха Амвросия представляет собой дивный пример для подражания пастырю Церкви Христианской. Всю свою жизнь оптинский старец стремился достигнуть одной главной цели — стяжать в своей душе Царствие Божие и научить ближних, как достигать его. Отец Амвросий был не только великим проповедником Царствия Христова, но и живым носителем этого Царства. Старец не только звал к свету и обновлению духовному, но и сам был светильником, который светил и привлекал всех, кто желал идти по стопам Спасителя. Таким и должен быть пастырь Церкви Христовой.

Незадолго до смерти о. Амвросия, которая последовала 10 октября 1891 года, его спросили: "Придет время, не станет вас с нами. Что мы тогда будем делать?" И он с любовью ответил тогда: "Уж если я с вами тут все возился, то там-то от вас уж, верно, не уйдешь"[1].

Таким образом, преподобный Амвросий, прославленный Церковью Христовой, предстоит у Престола Пресвятой Троицы и молится за весь мир, испрашивая ему благополучия и мира духовного.

15 февраля 1989 г.

---

[1] Жизнеописание отечественных подвижников 18 и 19 веков. Октябрь. М., 1909, стр. 265.

*ОБРЯДОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОКАЯННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Уклад церковной жизни в Древней Руси во многом отличался от современного и содержал во всей полноте черты глубокой христианской древности. Соблюдение церковного устава, церковных традиций находилось на должной высоте во всех слоях общества. В частности, неотъемлемой чертой русского народа было обязательное исполнение постов. Ярче всего это проявлялось в дни святой Четыредесятницы. Пощение в этот период было обставлено особенно строгой системой требований, обрядов и обычаев, которые охватывали всю духовную жизнь верующего. Отчасти это отношение к обрядовой стороне живо в народе и доныне. Однако ревность и строгость, которая существовала в то время, сейчас значительно ослабела. Ведь в сердцах древнерусских христиан горел немерцающий огнь любви к исполнению всех обычаев и уставов церковных. Особая строгость соблюдалась верующими во время приготовления к принятию Святых Тайн. Созиданию и поддержанию такой благотворной духовной атмосферы в жизни народа в значительной мере способствовали различные церковные книги. Так, например, появились сборники поучений, приуроченных к дням Великого поста и недель приготовительных. Многие из них были взяты из "Златоструя" – весьма известной книги Древней Руси, содержащей в себе 136 статей, выбранных из творений св. Иоанна Златоуста. "Златоструй" был составлен в Болгарии при царе Симеоне и предназначался лишь для домашнего употребления. Более распространенным в Древней Руси был сборник нравоучительного содержания "Златоуст", получивший свое название от автора проповедей, из которых был составлен, – от св. Иоанна Златоуста. Различие названных двух сборников в том, что в "Златоусте" нравоучительные статьи подобраны и расположены в порядке годичного церковного круга, по неделям, начиная с Недели мытаря и фарисея, и предназначался он не только для домашнего употребления, но и для чтения в церкви за богослужением. Иногда этот сборник содержал собрание проповедей лишь на Великий пост, оканчиваясь Словом св. Иоанна Златоуста на первый день Пасхи, тогда он назывался "постным Златоустом".

Посредством поучений, находящихся в "Златоусте", Церковь призывала всех говеющих не только раскаяться в своих грехах и больше к ним не возвращаться, но и принести обильный плод добрых дел. В одном из таких поучений чада церковные призываются к полному нравственному перерождению: "Того ради и сия дни постные на очищение грехов наших

*Примечания к этой статье см. на стр. 495—498.

положи, да елико есмы во все лето согрешили, то сими деньми постными да очистимся, труждающе телеса своя постом и бдением и молитвами к Богу приближающеся, слезами омывающе своя грехи и милостынями двери Царствия Небеснаго отверзающе, мир и любовь между собою имеюще". И далее в поучении говорится: "И приходящая посты честно и чисто держите и прилежно препровожайте покаянием, исповеданием и слезами и теплою и горящею верою, и теплым воздыханием и милостынею и любовь стяжите еже друг к другу"[1].

Проповедники придавали посту большое значение. "Пост душу очищает, и тело просвещает, и на небо возводит, и ангелам равна творит, и к Богу приближает, и в рай святый вводит"[2]. Однако пост непременно должен соединяться с добрыми делами. "Пост без добрых дел неприятен есть". "Пост ничтоже не успеет без добрых дел". "Кий успех человеку алкати плотию, умирати же делы?" "Яко утел (т. е. дырявый) сосуд не приемлет воды, тако без добрых дел пост ничтоже есть". "Аще бо кто не пиет пития, ни мяса яст, а всяку злобу держит, то не пуще есть скота; всяк бо скот не яст мяса и пития не пиет. Аще ли кто на земле лежит, зло мыслит на друга, то ни тако хвалится, скот бо постели не требует, не постилающего имать"[3]. Из этих слов становится ясно, что "пост с добрыми делами, с добродетелями спасет человека", "не пост един избавляет от беды, но жития пременение"... "Аще постишися, рече, покажи дела добрая: убога видя – помилуй, с кем зло имееши – смирись, никому же завиди, ни зла твори, блуда брезись, да не точию ти уста постятся, но и очима не уязвляйся на доброту чюжю и уши отвращай от слышания неподобных, руце от грабления и лихоимства оцыщай, нозе от хождения на позоры (зрелища); не насытись зла дела; уста да постится от кащун и укор и срамных словес"[4]. Однако, хотя пост и не является основной добродетелью, все же он служит вернейшим условием к отрезвлению ума и сердца человека, очищает от скверны плотской и греховной.

Даже покаяние без поста напрасно есть. "Никтоже да не мнит без болезни очистить грехи, – говорит митрополит Киевский Никифор (1104–1121), – и без поста омыти скверны"[5]. "Оружие чистоты" – пост одухотворяет человека, возвышает его молитву, является самой удобной ее основой. "Пост на небо молитву посылает, аки криле ей бывающи к горнему шествию... Аще бо не сотвориши крилу молитве, не взлетит к Богу".

Великий пост христиане проводили очень строго, и поэтому предписаний о нем сохранилось гораздо больше, чем о других постах. Согласно древнецерковным указаниям, Великой пост признавался десятиной года, которую верующий посвящал своему Небесному Царю. Автор одного древнего поучения предлагает такой расчет дней Великого поста: пост продолжается семь недель, включая Страстную; из них первые шесть содержат по пять постных дней, ибо субботы и воскресенья Великого поста, согласно с церковными канонами[6], не считались вполне постными днями; всего получалось тридцать дней. Последняя, Страстная седмица содержала шесть постных дней, ибо в Великую субботу полагался пост[7]. Получалось 36 дней – неполная десятина года. Чтобы она стала полной, предписывалось поститься в Великую субботу до "позднего" – еще полдня. Всего Великий пост содержал 36 с половиной постных дней. По этому расчету он был точной десятиной года, но не

был четыредесятницей. В Киево-Печерском монастыре был другой расчет, по которому Великий пост являлся точной четыредесятницей, но не представлял точной десятины года. Преподобный Феодосий Печерский говорил братии перед началом Великого поста: "Се есть десятина даема от лета Богу... еже есть пост четыредесятный, в няже дни очистившися душа, празднует светло на Воскресенье Господне, веселящися о Бозе"[8]. Сам же Преподобный на Великий пост затворялся в пещере и возвращался к братии в конце шестой недели, "в пяток на канун Лазарев, в сей бо день, объясняет летописец, кончается пост сорока дней"[9]. Очевидно, в Печерском монастыре великопостный период рассчитывали так: шесть седмиц считали сплошь постными, то есть до пятницы шестой недели. Страстная седмица не входила в счет поста.

В Великом посте большая часть седмиц и недель (воскресений) носили особенные календарные названия. Воскресенье перед Масляной неделей называлось "Мясное заговенье" (Мясопуст). Воскресенье после Масленицы носило название "Недели сыропустной". Саму Масленицу именовали "Сырной", "Масляной" или "Молочной неделей". Впервые название "масленица" встречается в XVI в. Первая седмица Великого поста именуется в летописях "чистой", "Федоровой". Воскресенье после этой недели носило название "Сбора", "Честного сбора", "Недели соборной". Это название происходило от того, что священники в этот день обыкновенно съезжались на ежегодный епархиальный собор к епископу. Четвертая неделя известна в летописях под именем "Средокрестной", "Средоговения"; пятая — под именем "Похвальной". Шестая носила название "Вербницы", "Цветной", "Цветоносной".

Наступал Великий пост, но не сразу стихал разгул масленичного веселья. Об этом свидетельствует послание митрополита Фотия (XV в.), который пишет: "Да еще слышанье мое, что заговев великий святый пост, еже есть Божие одесятование всего лета, и простии де людии бой и шум сотворяют и зрелища безчинная, еже суть Богу мерзкая и ненавидима"[10].

Но постепенно языческий разгул уступал место покаянной молитве. Как иноки, так и миряне в "Прощеное воскресенье" в торжественной церковной обстановке прощали друг другу все согрешения. Этот день носил название "Прощенного дня" или "Целовальника". Народный обычай прощения в Древней Руси заключался в том, что после вечерней молитвы младшие члены дома с земными поклонами просили прощения у старших; старшие, в свою очередь, испрашивая прощения у них, кланялись в пояс. Христиане ходили "прощаться" со знакомыми, со священниками — своими духовными отцами. Они посещали могилы, "прощаясь" с умершими родственниками, и сокрушались о тех, которые умерли без покаяния в этом году. В начале XVII века о чине прощения француз Маржерет пишет: "На масленице россияне... посещают друг друга, целуются, прощаются, мирятся, если оскорбили один другого словом или делом; встречаясь даже на улице, — хотя бы никогда прежде не видались, — целуются, приговаривая: "прости меня, пожалуй"; другой отвечает: "Бог тебя простит"[11]. При дворе московских государей обряд "прощения" развился в сложную и торжественную церемонию. С середины Масленой недели царь объезжал московские монастыри, "прощаясь" с братией, а иногда ездил и в Троице-Сергиеву Лавру. Затем прощался со своими домочадцами и приближенными двора. В само

воскресенье, после обедни, патриарх посещал государя, и во дворце совершался обряд "Прощения" со всеми дворовыми чинами. А вечером в Прощенное воскресенье этот чин прощения совершался в Успенском соборе. Здесь пели прощальные песнопения и произносилось глубокопокаянное слово патриарха. Затем государь шествовал в Чудов и Воскресенский монастыри, а также в Архангельский и Благовещенский соборы, где просил прощения у гробов своих родителей. В этот день русские цари отпускали на свободу многих колодников, то есть заключенных.

Обычай прощения берет свое начало в глубокой древности. Он перешел к нам на Русь из восточных монастырей, о чем упоминается еще в Житии преподобной Марии Египетской.

Обряд прощения совершался во всех русских монастырях. Так, в Киево-Печерском монастыре преподобный Феодосий вечером в этот день произносил назидательное поучение братии: "Постное бо время очищает ум человеку... постом апостоли искорениша бесовскую лесть; постом явишася отцы наши, аки светила в мире... им же и мы поревнуем, братие"[12]. Затем, "целовав их"[13], удалялся в затвор на весь Великий пост.

Обычай мирян посещать своих духовников в начале Великого поста также возник в глубокой древности.

Дисциплинарная сторона великого говения, зафиксированная впоследствии уставами, была далеко не единообразна. Три главных устава определяли обрядовую жизнь Восточной Церкви, как-то: Студийский — преп. Феодора Студита, который был в какой-то мере снисходительным; Иерусалимский, или преподобного Саввы Освященного, отличавшийся наибольшей строгостью; Афонский — преп. Афанасия, своим содержанием напоминавший Студийский.

В Русской Церкви имели определяющее значение особенно два первых устава: сначала — Студийский, затем — Иерусалимский. Замена одного устава другим происходила постепенно, с XIII столетия до XV. Это обстоятельство внесло разнообразие в практику говения русского народа. Русские монастыри, по примеру греческих, пользовались правом придерживаться того или иного устава.

Русская Церковь, первоначально принявшая Студийский устав, а потом Иерусалимский, шла от снисходительного поста к более строгому. Преподобный Феодор Студит цель поста полагал не в изможднии только тела, но и в воздержании всех чувств, то есть в созидании гармонического соотношения между душой и телом. Поэтому он не возводил в правило невкушение пищи в течение нескольких дней и не требовал строгого различия между постными и мясоедными периодами. Главное значение в посте преподобный Феодор придавал времени принятия пищи и ее количеству. Вот это и было характерной чертой Студийского устава.

После кончины преподобного Феодора его рукописный устав хранился в Студийском монастыре. Затем Константинопольский патриарх Алексий расширил его и внес в него свои дополнения. Таким образом появилось два устава или, точнее, две редакции устава, которые в подробностях имеют некоторые разногласия. В Студийском уставе относительно принятия пищи в Великом посту имеются подробные указания. Так, например, он предписывает вкушать ее в 9-м часу (в 3-м часу пополудни) и притом один раз в день, а в праздники, субботы и вос-

кресенья – два раза. Наиболее строгий пост соблюдался в первую и третью (Крестопоклонную) недели; разрешалось лишь сухоядение. В пищу употреблялись сушеные и неразваренные плоды, притом без масла. Вино принимать запрещалось, вместо него пили так называемое "благосмешение" из перца, тмина и аниса. По уставу патриарха Алексия, разрешалась "ривлонная уха", которая составлялась из укропа и перца. Эта пища была для всех, за исключением больных и старых, которым давалась одна чаша вина. В пятницу, накануне памяти вмч. Феодора Тирона, предписывалось ослабление поста, а в самый день его памяти дозволялась праздничная трапеза. В прочие недели разрешалась горячая пища с маслом, уксусом и медом. Только среды и пятницы всех недель проводились в сухоядении, как и вся первая неделя. Страстная седмица проводилась как первая, за исключением Великого четверга и Великой субботы, для которых предписан свой устав. По уставу патриарха Алексия, каждый день Страстной седмицы имеет свой рацион, и притом довольно снисходительный. Так, например, сухоядение предписывалось только в Великий понедельник, в пятницу разрешалось сочиво с уксусом, в остальные дни Страстной седмицы употреблялось в пищу вино и масло. В Великую субботу, согласно редакции устава Студийского монастыря, в 5 часов пополудни полагалось разговение: иноки вкушали сыр, яйца и испивали по три чаши вина. Однако следует отметить, что в древнейших славянских уставах эта статья исправлена. В субботние и воскресные дни каждой недели Великого поста уставом разрешалось вкушать дважды и пить вино во время обеда и ужина. В уставе патриарха Алексия можно заметить, что он разрешает употребление вина Великим постом гораздо чаще, чем монастырская редакция. В праздник Благовещения, по Студийскому уставу, разрешалась рыба и вино, а согласно уставу патриарха Алексия такое разрешение распространялось и на другие праздничные дни, как-то: 9 марта – 40 мучеников, 24 февраля – св. Иоанна Предтечи, 17 марта – св. Алексия человека Божия, Лазареву субботу и в Благовещение[14].

Русские иноки Древней Руси с доскональной точностью исполняли предписания Студийского устава относительно Великого поста. Для мирян же было некоторое послабление. Они принимали пищу однажды в полдень, кроме суббот и воскресений. В первую неделю вместо вина пили по одной чаше кваса. Однако, по предписанию митрополита Климента Смолятича (XII в.)[15], полагалось и для мирян сухоядение, то есть хлеб с капустой, редька, горох, в первую неделю поста, а также в остальные недели до Вербного воскресенья – по понедельникам, средам и пятницам. По вторникам и четвергам им разрешалось вкушать "горох и яглы" (род мха), икру, которая тем же митрополитом разрешалась мирянам во весь пост, пить мед пресный и житный квас. На Страстной седмице в понедельник и среду – хлеб и капуста, во вторник и четверг предписывалось вкушать "горох и яглы", в Великий пяток только сочиво. В Великую субботу вареная пища запрещалась, но разрешалось вечером "мало есть и пить" (сухоядение).

В праздники (Благовещения, 40 мучеников, обретения главы св. Иоанна Предтечи, св. Алексия человека Божия, праведного Лазаря) мирянам разрешалось вкушать рыбу дважды в день, а митрополитом Климентом дозволялось вкушение рыбы только один раз[16]. Больным "вельми" и ма-

терям-родильницам рыба разрешалась, кроме среды и пятницы, во все недели поста.

Но более всего некоторые маловерные русские люди тяготились запрещением винопития в седмичные дни Великого поста. В поучении митрополита Московского Петра (XIV в.) сказано: "А вы священники... лишайтесь пьянства постом, а который священник начнет пити..., ино быти ему без риз"[17]. По словам Святителя, духовенство должно быть примером для пасомых, оберегать их от всего, что мешает шествовать спасительным путем Христовым. А если пастыри будут упиваться вином, то что же будет тогда с их пасомыми?..

Таковы требования Студийского устава относительно исполнения Великого поста. Предписания устава Иерусалимского о том же посте гораздо строже. Рыба разрешалась только в праздник Благовещения (если он не совпадал со Страстной седмицей) и в Неделю ваий, а в праздники обретения главы св. Иоанна Предтечи и свв. 40 мучеников не позволялась не только рыба, но и растительное масло. В первую неделю поста Иерусалимский устав, так же как и Студийский, предписывает мирянам сухоядение (без масла) однажды в день, время принятия пищи — 9-й час (3-й пополудни). Эту первую неделю — с понедельника до среды — монахи должны проводить без пищи. В среду на трапезе разрешается хлеб с теплой водой. Остальные дни — четверг и пятница — проводились также без пищи. Для больных разрешается хлеб с водой. А тяжелобольным ("изнемогшим зело") позволяется по захождении солнца вкушать пищу ежедневно. В остальные недели пять дней инокам предписывалось сухоядение, а в понедельник, среду и пятницу всех недель пост был еще строже. На Страстной седмице и миряне, и иноки могли лишь есть хлеб, "зелие неварено" и пить воду с воздержанием. В Великий Четверг разрешается вареная пища, но без масла. В Великий Пяток предписывалось проводить без пищи, а в Великую Субботу — поститься до 9 часов вечера, после чего разрешалось вкушать хлеб. В субботы и воскресенья мирянам, так же как и инокам, следовало руководствоваться рассуждением своего духовного отца.

Если рассматривать период действия Иерусалимского устава на Руси со времени митрополита Киприана (XIV в.), можно увидеть, что суровые его предписания относительно Великого поста не сразу воспринимались даже иноками. Преемник Киприана митрополит Фотий (XV в.) своим циркуляром сделал некоторые послабления. Он разрешил во время поста вкушать рыбу, кроме двух вышеуказанных праздников, еще в субботы и воскресные дни, обосновывая свое мнение Студийским уставом, но в остальные дни он предписывал сухоядение. В "Домострое", который составлялся с XV и до середины XVI века, тоже наблюдается совмещение двух уставов. Автор "Домостроя" дает подробные указания относительно пищи в Великий пост. Например, в Феодорову неделю (первая неделя поста) полагалось сухоядение, как и в Страстную. По воскресеньям и субботам разрешалась рыба. Но наиболее благочестивые, "подвижные люди к Богу" не ели свежей рыбы, а только соленую, свежую же вкушали только в праздник Благовещения и в Вербное воскресенье. В XVI и XVII столетиях строгость соблюдения поста на Руси значительно усилилась.

В XVII веке эта строгость вошла в русское общество так прочно, что стала как бы составной частью самой религиозной жизни народа.

Даже иностранцы поражались таким строгим соблюдением поста русскими людьми. Так, Герберштейн пишет, что среди русских "некоторые принимают пищу в воскресенье и в субботу, а в остальные дни воздерживаются от всякой пищи, другие принимают пищу в воскресенье, вторник, четверг и субботу. Также весьма многие довольствуются куском хлеба с водой в понедельник, среду и пятницу"[18]. Как свидетельствует один из арабских путешественников, благочестивые русские люди в первые дни Великого поста без нужды не выходили из своих домов. Царь Алексей Михайлович, царица и их взрослые дети не принимали пищи в первые три дня поста. Они не только усердно посещали церковные службы, но и не опускали домашнее молитвенное правило. Только в среду после литургии Преждеосвященных Даров царь вкушал сладкий компот и рассылал его боярам[19]. С четверга до субботы он снова оставался без пищи, а в субботу причащался Святых Христовых Тайн. На первой неделе царь никуда не выходил из дома и никого не принимал. Подобным образом проводили первую неделю и вельможи. В течение всего поста, кроме праздника Благовещения, царь ел без масла капусту, грибы и ягоды. По воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам он ел однажды в день и пил квас. В остальные три дня недели он совсем не вкушал пищи, за исключением каких-либо торжеств.

На первой неделе Великого поста шумная русская столица словно засыпала. Никто без нужды не появлялся на улице. Магазины в первые три дня были закрыты. Все жители не производили ни продажи, ни купли, но неопустительно присутствовали за богослужением, носили простую одежду. Все питейные заведения были закрыты вплоть до пасхальной среды. Страстная седмица, как было отмечено выше, проводилась еще строже. Некоторые наиболее ревностные христиане во весь пост не вкушали ничего приготовленного на огне, довольствуясь сухоядением, другие принимали пищу только на закате солнца. Родители заставляли поститься даже младенцев. По русской традиции, младенец мог питаться от груди матери только "два говенья", то есть менее года, после чего и он обязан был соблюдать посты. По свидетельству иностранцев, младенцев на Руси заставляли исполнять посты с двухлетнего возраста. Но если ребенок был слабый, то за него, согласно церковным постановлениям, постилась мать.

О строгости соблюдения Великого поста на Руси архидиакон Павел Алеппский, посетивший Москву с Макарием, патриархом Антиохийским, при патриархе Никоне, писал следующее: "В этот пост мы переносили с ним большие мучения, подражая им против воли, особливо в еде: мы не находили иной пищи, кроме размазни, похожей на вареный горох и бобы, ибо в этот пост вообще совсем не едят масла. По этой причине мы испытывали неописуемую муку... Как часто мы вздыхали и горевали по кушаньям нашей родины и заклинали, чтоб никто впредь (в Сирии) не жаловался на пост"[20].

Православный русский народ с большой любовью нес подвиг поста. Ему гораздо труднее было воздержаться от спиртных напитков. И для того, чтобы предотвратить пьянство и разгул во время Великого поста, в начале поста стрельцы, по повелению царя, опечатывали все питейные дома, и они оставались закрытыми до истечения пасхальной среды. "Равным образом и в течение всего года питейные дома обыкновенно остаются закрытыми от кануна воскресенья до утра понедельника, так

же деластся во время больших праздников"[21]. Духовенство оказывало всемерную помощь в борьбе с этим народным пороком. "Кто не хочет поститися и ест рыбу и упивается вином, – говорит Г. К. Катошихин, – тех смиряют и отлучают власти и попы от церкви Божии и возлагают епитимии"[22].

Кроме воздержания в пище и питии, уставом предусматривалась во время поста усиленная молитва с поклонами. Так, по Студийскому уставу, полагалось ежедневно 240 земных поклонов: во время чтения часов и светильничных молитв – 60, на вечерне – 100 и на утрени – 80. Однако следует отметить, что в русских уставных статьях о поклонах имелось несколько предписаний, но в большинстве из них указывалось по 300, иногда по 400 ежедневных поклонов. В некоторых статьях давалось разъяснение о поклонах. Так, например, предписывались поклоны большие и средние. Большие совершались головой до земли или на "коленцах", средние – в пояс. Они же назывались еще поясными и полагались только по субботам, воскресеньям и праздничным дням, когда уставом предписывалось некоторое послабление в пище. Вообще поклоны были неотъемлемой частью как церковной, так и домашней молитвы православного русского человека. В подтверждение этого достаточно привести лишь свидетельство Павла Алеппского, присутствовавшего в одном московском храме в 1656 г., в среду 5-й седмицы поста во время чтения Великого канона преп. Андрея Критского, что все молящиеся положили более тысячи земных поклонов, не считая поклонов до и после канона[23]. Когда патриарх Никон хотел заменить земные поклоны на малые при совершении молитвы св. Ефрема Сирина и некоторых частных богослужений, то народ и духовенство возмутились и обвинили его в ереси и произволе, ссылаясь на преп. Никона Черногорца и св. Иоанна Дамаскина, осуждавших "непоклонническую ересь". По учению этих святых отцов, поклоны, как и пост, имели ту же задачу – "томить плоть свою, да не воюет на дух". В "Истории о отцех и страдальцех Соловецких"[24] есть рассказ об одном подвижнике, который на исповеди перед смертью открыл духовнику, что келейное правило он совершил вперед на 30 лет, то есть положил бесчисленное число поклонов и прочитал сотни тысяч молитв. И этот случай не единичный. Так, преподобный Иосиф Волоколамский предписывал своим духовным детям делать в свободное время запас молитв и поклонов на будущее: "Аще ли день случится покоен, ино и на иной день вперед правила запасти льзя"[25].

Относительно так называемых малых постов (Петрова, Филиппова и Успенского) сохранилось значительно меньше предписаний.

В уставах древней Русской Церкви до XIV века упоминалось лишь три поста и предписывалось христианину причащаться трижды в год: в Великий пост, в Петров и Филиппов, которые св. Иоанн Златоуст в слове о Великом посте и Апостольском называет тремя светилами": "сими теми очищаются человецы от греха покаянием и милостынею"[26]. В древности обычай причащаться в эти посты соблюдался очень строго, о чем в одном древнерусском поучении говорится: "Аще иерей переходит пост не причастившись, то яко и скотина есть... Такоже кто от простых человек, аще кто не причащается трижды от года до года, то всуе нарицается хрестьянин". "О человече, – говорит другой проповедник, – не мози плоти угожати святыни лишатися, аще бо крестьянин (христиа-

нин. — *А. И.*) трижды летом не причащается, таковой скотски живет — о душе не радит".

Успенский пост древние уставы обходят молчанием, по-видимому, по той причине, что в Константинополе, по словам Феодора Вальсамона, до середины XII века об этом посте не было никаких указаний. Вероятно, по этой же причине и на Руси в церковном уставе того времени Успенский пост не значился. Лишь на Константинопольском соборе 1166 г. было постановлено поститься две недели перед праздником Успения[27]. Но в славянских типиках предписания относительно Успенского поста появляются только в XIV—XV веках. На Руси самые древние упоминания об Успенском посте мы находим в правиле митрополита Максима (1283—1305)[28]. В летописях и других памятниках "Госпожино", или "Богородицыно говенье" упоминается только в первой половине XIV века. Таким образом, с этого времени в Русской Церкви начинают соблюдать четыре поста, и церковные власти стали предписывать христианам говенье четыре раза в год. Митрополит Фотий в своем пастырском послании (ранее 1431 г.) перечисляет уже четыре поста: "Великий первоначальный пост", Успенский, как преданный апостолами, наконец, как установленные богоносными отцами, посты Рождественский и Апостольский. "И в спасительных тех временах, — продолжает митрополит, — всяк христианин да припадает к Богу и покаянием чистым приищущи (то есть прибегающе) к вам, духовным отцам, паче же к могущим вам, к искусным врачам, язву всякую обнажающих врачевати"[29].

Говеть четыре раза в году призывает христиан в своих наставлениях и патриарх Адриан (1694 г.)[30]; то же повторяет и Анастасий, архиепископ Холмогорский, в своем пастырском послании (1696 г.)[31].

Студийский устав о пище в малые посты был снисходителен. В Петров пост было положено есть дважды и по два блюда, вина по две чаши на обед и на ужин; в Филиппов пост полагалось есть однажды, но пить три чаши. В праздники, воскресенья и субботы с благословения игумена разрешались уставом рыба, два варева с маслом (или второе без масла), есть дважды, пить три чаши за обедом, две за ужином. Предписания Иерусалимского устава несравненно строже. Так, например, в Петров пост по понедельникам, средам и пятницам разрешалось только сухоядение; по вторникам и четвергам в девятом часу — одно горячее блюдо без масла, другое — сухоядение. В субботы и воскресенья позволялось масло, но относительно вкушения рыбы нет упоминания.

В период Студийского устава русские уставные статьи в Петров пост предписывали (понедельник, среду, пяток) проводить без рыбы и вина (даже без варева) и есть однажды "хлеб с овощем" или "горох с ягды" и вишни; рабочим людям разрешалось есть дважды. В остальные дни седмицы разрешались рыба и вино (одна чаша). Филиппов пост проводили так же, как и Петров. В сочельники Рождественский и Крещенский дозволялось вкушать хлеб, капусту и рыбу. Малым детям и больным разрешалось молоко, кроме понедельника, среды и пятницы.

Русские уставные статьи относительно малых постов по своему содержанию ближе к Студийскому уставу. Так, в Петров и Филиппов посты в субботу и воскресенье инокам разрешались рыба, вино и масло. Во вторник и четверг дозволялось вино и масло[32]. В Филиппов пост, начиная с Николина дня, а в Петров за две недели до Петрова дня рыба инокам воспрещалась[33].

Успенский пост, по предписанию русских статей устава, проводился как Петров и Филиппов. Но с XV века он приобретает более строгий характер. Сведения об этом содержатся в "Домострое", где говорится, что благочестивые люди не едят в "Госпожино говенье" свежей рыбы, кроме Преображения, а едят сушеную, не пекут пирогов. Были и такие, которые вовсе не ели рыбы этим постом. Таким образом, Успенский пост своим уставом о пище приближался к Великому.

В Древней Руси Петрову посту, как и Великому, предшествовала своего рода масленица – "праздник русалки". Следует отметить, что народные увеселения в малые посты не прекращались вовсе. В грамоте царя Алексея Михайловича Шуйскому, воеводе Змееву, говорится, что совершаются в "посты игрецы бесовския – скоморохи с дудами и с медведи ходят"[34].

Тем не менее в XVII веке пост наряду с молитвой занимал важнейшее место в жизни русских людей: даже в непостные периоды постились ежедневно до 2—3 часов дня, строго соблюдали среды и пятницы, нередко добавляли к этому еще личные посты. По свидетельству Павла Алеппского, русские "все – от вельмож[35] до бедняков – прибавляли к тому, что содержится в постановлениях Типикона, ...пост ежедневный до 9 часа или выхода от обедни"[36]. Об этом также упоминает в описании своего путешествия в Россию один из приближенных австрийского императора Максимилиана И. Кобенцель: "А князь Димитрий, главнейший из моих провожатых, не иначе садился за обед, как по отслушании обедни"[37].

Во время бедствий первым единодушным стремлением православных было обращение к покаянию, молитве и посту. В 1654 г., когда началась "моровая язва", к бывшему тогда в Коломне патриарху Александрийскому Макарию явились знатные горожане с просьбой благословить им строгий пост в течение недели. Но патриарх благословил только на три дня. "Воевода издал приказ, чтобы в течение трех дней не резали скот и не открывали питейных домов... Все постились в течение этих трех дней строго, не вкушая ничего до 9-го часа и стремились к службам церковным с полным благоговением и страхом, даже и маленькие дети"[38]. "В несчастье они тверды духом, – пишет в своем "Сказании" Я. Рейтенфельс, – не поддаются скорби, а к счастью равнодушны, ...что бы ни случилось, утешают себя словами: "так Богу угодно, Он так все устрояет к лучшему"[39].

Таково было отношение русских к посту.

Наивысшим подвигом во время поста считалось милосердие к ближним. Каждому христианину вменялось Церковью проявлять постоянную заботу о своих меньших братьях, находящихся в бедности. "Убогия помилуйте, – говорит древнее поучение о посте, – нищих и немощных и на улицах лежащих и седящих посещайте, сущая же в темницы и беде милуйте и утешайте, нагия одевайте"[40]. Милостыня бедным в Древней Руси рассматривалась как необходимая спутница говенья, придающая ему нравственную ценность. "Аще кто постится не творя милостыни, то не успевает ничтоже". "Пост на небо ведет человека, а милостыня в царство вселяет". "Милостыня бо совокуплена с пощением от смерти избавляет человеки, рекше вечныа муки"[41]. Святитель Иоанн Златоуст в "Слове о посте и милостыни" поучает: "Кая потреба малоядением тело свое изсушати, а не накормляти алчных излишним? Кая добродетель в нощи не

спя, в тепле храме молитися, а обижени тобою и порабощени, босы и наги, ранени и гладни на тя со слезами к Богу возопиют? Кая помощь в таковаго молении, аще всю нощь моляся? – Не приятно есть"[42]. Митрополит Киевский Никифор в поучении в Неделю мясопустную, объясняя великопостную церковную песнь "Да исправится молитва моя", говорит: "Слышите... аще помиловасте нища, аще неси отымал у сирот, аще неси возвел руку на сироту безвинну, аще неси слезами окроплен и кровию неповинных, то воздежи руце, глаголя: воздеяние руку моею"[43].

В Древней Руси бытовал еще и такой обычай – перед постом выпускать на волю птиц в надежде, что и Бог точно так же освободит от прегрешений. Многие знатные люди в дни поста считали необходимым находиться в мире и прощать всем обиды. Так, например, Киевский князь Владимир Мономах, воюя с Муромским князем Глебом, согласился на его просьбу о мире. "Владимир же сжалился тем, еже проливашеся кровь в дни Великого поста, и вдаст ему мир"[44]. Войско казачье на брало оружия в период всего Великого поста.

"Русские отличаются беспримерною благотворительностью по отношению к бедным, для их просьб у них всегда открыты уши и расжаты руки, так что в Москве можно видеть, как целые толпы нищих получают около домов богатых людей пищу"[45].

В XVII в. Павел Алеппский отмечал, что в Москве мало бедных, просящих милостыню, так как было "много домов для помещения их и ежедневная выдача потребного для жизни"[46]. Кроме того, бедные были распределены по разрядным спискам между боярами для получения ежедневного пропитания.

Особое внимание древние проповедники уделяли принятию Святых Тайн, они увещевали верующих причащаться как можно чаще, чтобы не дать диаволу доступа к душе[47]. В непостные периоды приготовление к принятию Святых Тайн должно было продолжаться одну неделю. Но как более строгим временем приготовления считались посты, по окончании которых верующие приступали к причастию, очистив себя таинством Покаяния от всякой греховной скверны. В Древней Руси (как и во всех восточных Церквах) был обычай причащаться Христовых Тайн именно в конце Великого поста, о чем свидетельствуют писатели XVI–XVII вв. Так, например, немецкий дипломат С. Герберштейн в своих "Записках о московитских делах" говорит, что русские христиане "исповедуются около праздника Пасхи с великим благоговением и сокрушением сердца"[48]. Павел Алеппский днем исповеди называет Великий Четверг, а Олеарий – Великую Пятницу. Однако в последующее время разрешалось причащаться и в другие недели поста, и притом в каждом приходе дни исповеди устанавливались священнослужителями. В 1704 г. И. Т. Посошков писал митрополиту Стефану Яворскому: "А когда станет во время поста пресвитер детей своих духовных исповедовать, то ради совершенного управления не во един бы день всех исповедовал, но хотя бы по 10 человек на день, токмо б со всяким испытанием"[49].

Исторические документы свидетельствуют, что благочестивые и богобоязненные христиане приобщались Святых Тайн каждую неделю Великого поста. Таковыми, согласно одной из древних летописей, были великие князья Ростислав Мстиславич (1168 г.) и св. Димитрий Донской (1389 г.)[50]. Во многих местах Древней Руси был обычай причащать верующих и в самый день Святой Пасхи – не только взрослых, но и детей.

Что касается малых постов, то христиане Древней Руси причащались в самый день праздника: Петров день, Рождество Христово и Успение Божией Матери.

Церковный устав в Древней Руси строго предписывал соблюдение чистоты супружеской жизни. Особое воздержание соблюдалось в Великом посту и перед причащением Святых Тайн, согласно слову апостола Павла, советовавшего супругам иметь воздержание по взаимному согласию во время поста и молитвы (1 Кор. 7, 4–6). Вопрос о сроке воздержания супругов перед причащением и после него решался духовным отцом в зависимости от их внутреннего состояния.

* * *

По церковным правилам того времени за тяжкие грехи на кающихся налагались епитимии, которые служили не средством наказания, а духовным врачеством, причем находившиеся под епитимией не имели права причащаться Святых Тайн до истечения ее срока; вместо святого Причастия дозволялось принимать святую богоявленскую воду с антидором.

Епитимии были тайные и публичные. Тайные епитимии предполагали воздержание от некоторых родов пищи (мяса, молока, меда), а также удаление на время от святыни и исполнение предписанных поклонов и молитв. Сроки таких епитимий были указаны в так называемых епитимийниках. Христианам, подвергшимся публичной епитимии, разрешалось древним уставом стоять в церкви только до литургии верных, а затем они выходили в притвор и стояли там до конца службы. Однако за вечерним и утренним богослужением им позволялось стоять в самой церкви. Эти епитимии в какой-то мере напоминали собой о покаянной дисциплине древней христианской Церкви. Так, например, Поместный собор русских епископов 1554 г. за "зломудрствование о святых иконах" наложил на дьяка И. Висковатого трехлетнюю епитимию: весь первый год он должен был плакать, стоя вне церковных дверей, и исповедовать свой грех пред всеми входящими в храм; в течение второго года – присутствовать в храме до литургии верных; на третий год – стоять в храме с верными, но без права приобщаться Святых Тайн. Только по исполнении этой епитимии ему разрешили причаститься.

Кроме того, публичное покаяние соединялось и с тайной епитимией, как-то: пост, молитва, плач и коленопреклонение до конца жизни. Такую, например, епитимию Собор 1575 г. наложил на царя Ивана Грозного за его четвертый брак. Протопоп Аввакум, впоследствии ставший раскольническим учителем, наложил подобную семилетнюю епитимию на свою духовную дочь Елену, которая разлучила жену с мужем и уморила ребенка. Такие случаи наложения публичной епитимии были не редкостью, что неоднократно подтверждается и иностранными писателями.

Следует отметить, что публичная епитимия носила очень тяжелый характер. Грешник обязан был ежедневно посещать храм и оставаться за его дверями до окончания богослужения. Кроме того, ему запрещалось причащаться Святых Тайн до конца епитимии, за исключением случая смертной опасности. Он лишался также антидора и святой просфоры. В поучении новопоставленному иерею епископ говорит: "Непокорнии в

грехи впадающа от Церкви отлучи, от себе отжени, дондеже обратится к тебе. А от иного попа отгнанного ты не приими, приимет ли кто такового, мне возвести"[51]. Находившиеся под публичной епитимией не только не имели права делать приношения в церковь, но и отлучались от христианского общества. Церковные предписания запрещали духовному отцу входить в домы отлученных, присутствовать с ними на пиршествах и даже в одном доме. Кроме того, на исповедь не допускались те из христиан, которые не давали своего согласия отстать от греха. Но великого грешника, давшего обещание исправиться и обнаружившего покорность духовному отцу и желание исполнять его советы и заповеди, последний обязан был исповедовать.

Были еще публичные епитимии, так называемые сорокадневные. Этим епитимиям подвергались христиане, которые долгие годы не соблюдали поста и не были на исповеди. Публичным епитимиям подвергались лица инославного вероисповедания, перешедшие в Православие, или бывшие сектанты. Так, архиепископ Новгородский Геннадий (XV в.) присудил к стоянию вне церкви жидовствующих, принесших покаяние[52].

Лица, занимавшиеся волшебством или имевшие суеверные привычки, не только отлучались от храма, но и лишались права приношения. Разбой, убийство детей, кулачные бои, незаконные сожительства, незаконные браки (даже третий), развод, грехи против седьмой заповеди, воровство и мятежи – все это наказывалось публичной епитимией разной продолжительности.

Отличительной особенностью духовной жизни русского народа было благочестие, глубоко поражавшее иностранцев. В разные периоды это отмечали многие иностранные писатели. Например, в 1523 г. католик Альберт Кампензе писал папе Клименту XII о вере и нравах московитян: "Они лучше нас (т. е. католиков) следуют учению Евангельскому... Причащаются весьма часто (почти всякий раз, когда собираются в церковь)... В церквах не заметно ничего неблагопристойного или бесчинного; напротив того, все, преклонив колена и простершись ниц, молятся с искренним усердием... Обмануть друг друга почитается у них ужасным, гнусным преступлением, прелюбодеяние, насилие весьма редки, противоестественные пороки совершенно неизвестны, о клятвопреступлении и богохульстве вовсе не слышно. Вообще они глубоко почитают Бога и святых Его"[53].

Но особенно ярко и подробно описана благочестивая жизнь русского народа в XVII веке в "Путешествии" Павла Алеппского, который дивился на "порядки в русских церквах, неуклонные посещения служб церковных". "Люди, – пишет он, – стоят от начала службы до конца неподвижно, как камни, беспрерывно кладут земные поклоны и все вместе, как бы из одних уст поют молитвы"[54].

В Древней Руси строгий богослужебный устав соблюдался не только в монастырях, но и во всех приходских церквах. Духовным идеалом людей того времени был монах – подвижник, всецело посвятивший себя служению Богу. Поэтому монастырский устав и определял всю жизнь русских людей. Отличие мирян (от монахов) состояло лишь в том, что они могли вступать в брак и заниматься мирскими делами, во всем же остальном должны были подражать монахам.

И в домашнем быту, и в общественной жизни чувствовался монастырский уклад. "У всякого в доме, – писал Павел Алеппский, – имеется

бесчисленное множество икон, украшенных драгоценностями... ибо любовь их к иконам и вера весьма велики. Они зажигают перед каждой иконой по свечке утром и вечером, знатные же люди зажигают особые светильники... русские привыкли молиться непременно перед иконой, устремив на нее взор, то есть действительно преклоняться перед ней"[55]. Они отличались такой любовью к иконам, что не смотрели "на красоту изображения", а глубоко почитали любую икону, даже если это было простое изображение на бумаге или детский рисунок[56]. Кроме образов святых, во всей Московии нельзя было видеть других изображений[57].

Образ жизни московитян никогда не нарушал правил умеренности[58]. Больше всего антиохийские гости дивились чрезвычайной скромности русских, смирению перед бедными и их частым молениям. "Каждый раз, когда они увидят издали кресты церквей, то обращаются к каждой из них и молятся, делая по три поклона"[59]. Всего в Москве во время Павла Алеппского было более 4 тысяч храмов, а престолов было более 10 тысяч. Все бояре, знатные люди, купцы имели свои домовые храмы.

Вышеупомянутый И. Кобенцель писал: "Московитяне в делах веры более нас преданы обрядам: перед монастырями, церковью, изображением Святого Креста они никогда не забывают трижды перекреститься и произнести: "Господи, помилуй". Приближаясь к церкви, в которой совершалось богослужение, они никогда не проходили мимо, но входили и слушали обедню... Во всех делах своих московитяне весьма религиозны, не выходят из дома, не сотворив трех поклонов, не оградив себя крестом и не произнеся трижды: "Господи, помилуй". Они и в разговор вступают не прежде, как совершив все это"[60]. О том же пишет и Р. Бароерини[61].

С большим благоговением совершался русскими людьми и вход в храм Божий. Входя, они полагали несколько земных поклонов, кланялись на все стороны тем, кто уже был в храме. "Что касается их крестного знамения, то ...оно совершается ударом пальцев о чело, перси и плечи... так же поступают их дети, ибо вскормлены молоком веры и благочестия. Как они умеют, будучи маленькими, творить такое крестное знамение?! Как умеют кланяться присутствующим?! А мы не умели креститься подобно им, за что они насмехались над нами, говоря: "Почему вы проводите каракули на груди, а не ударяете пальцами о чело и плечи, как мы?" Мы радовались за них. Какая это благословенная страна, чисто православная!"[62].

Особым почтением и уважением пользовалось у русских людей духовенство. Перед архиереем воеводы стояли с непокрытой головой, не смея сесть даже по приглашении. Так же почтительно относился народ и к простым сельским священникам. Всеобщее уважение к духовенству у русских основывалось не только на почитании сана как такового, но и на действительной духовности и нравственной высоте священников. Именно духовность русских священников была одним из источников, питавших и укреплявших веру Христову в сердцах людей.

С особым благоговением вело себя духовенство за богослужением. "В этой стране обедня совершается с полным благоговением, страхом и уважением к святыне..."[63] – писал Павел Алеппский. Русские священники в буквальном смысле слова полагали души "за други своя". Во время моровой язвы, когда множество жителей городов и сел бежало, пытаясь спастись от страшной смерти, все священнослужители оставались в своих приходах. Не было ни одного случая, чтобы кто-нибудь из них

пытался уехать. Не обращая внимания на смертельную опасность, русские пастыри исполняли дело Божие, обходили крестным ходом с мощами и иконами вокруг селений, усиленно молились, делали все, чтобы спасти от гибели своих пасомых.

Большим грехом у русских считалась гордость. "Гордость им совершенно чужда, и гордецов они в высшей степени ненавидят"[64], – пишет Павел Алеппский.

В обществе православные люди вели себя со всяким смирением и взаимной почтительностью. "При входе в дом, – пишет Я. Рейтенфельс, – русский... осеняет себя крестным знамением, приветствует присутствующих, сколько бы их в доме ни было, кланяясь головой каждому особо, и только после этого начинает говорить"[65]. Что касается других грехов и пороков, то их русские христиане всячески старались искоренить и загладить доброделанием. "Подлинно это народ христианский и чрезвычайно набожен!"[66] – восклицает Павел Алеппский.

Перед смертью русские обычно причащались и принимали монашеский постриг. "Так делали не только старики, но и юноши, молодые женщины, завещая свое имущество монастырям и церквам... Творец даровал русским царство, которого они достойны за то, что все заботы их – духовные, а не телесные. Таковы они все"[67].

Павел Алеппский неоднократно подчеркивает, что часто и в мирской обстановке "им (русским) казалось, что они в монастыре"[68]. И хотя для него самого это было непривычно и трудно (он называет Россию "вратами борьбы, пота, трудов и пощения"[69], Павел справедливо отмечает, что монастырский уклад жизни не был чем-то извне насаждаемым, а, наоборот, вытекал из внутренней, сердечной потребности глубоко верующего русского народа. Внешняя строгость была лишь проявлением сосредоточенности на внутренней, "невидимой" брани, стремления очистить себя от всякой нечистоты для единения с Богом. Поэтому и в рамках строгого уклада жизни русские люди чувствовали себя естественно, свободно и просто. Описывая праздники, особенно рождественские, Павел Алеппский подчеркивает необыкновенную жизнерадостность, оптимизм русских. Его удивляет их "острый природный ум", духовная образованность, гостеприимство и радушие. В то же время он подчеркивает чрезвычайную сдержанность русских по отношению к иностранцам. Это объяснялось тем, что они с большой ревностью берегли духовный строй своей жизни, бдительно ограждая себя от чуждых влияний. Даже православных священнослужителей и монахов из-за рубежа принимали на Руси только как спутников какого-либо архиерея либо тех, кто изъявлял желание остаться на Руси навсегда, чтобы молиться за царя, но в любом случае за ними вели строгое наблюдение, желая убедиться в их подлинной православности: "упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте и молитве"[70], или бесчинствуют и ленятся. Для исправления всех нерадивых отправляли в дальние монастыри, а "за курение табака", как свидетельствует Павел Алеппский, предавали даже смерти[71]. В виде исключения, по словам того же Павла Алеппского, спутников митрополита Мирликийских – "архимандрита ...мнимых родственников и дьякона за курение табака немедленно сослали в заточение"[72].

Греческих купцов на Руси совсем не пускали в церковь, считая, что они осквернились от турок. Если кто-либо из них хотел остаться на

Руси навсегда, то его ставили в положение оглашенного (40 дней пребывал вне церкви), затем помазывали миром, читали над ним молитвы и только после этого принимали в церковное общение. А. Мейерберг замечает, что "московитяне запрещают людям иноземной веры входить в свои церкви..."[73].

По отношению к иностранцам инославного вероисповедания порядки были гораздо строже. Зарубежным купцам разрешали только торговать, но какое-либо духовное общение русских с ними было строго запрещено. "В деле веры они (русские) держат себя весьма далеко от иностранцев, чему мы видели с их стороны удивительные примеры"[74], — замечает Павел Алеппский. Он же повествует, как патриарх Никон, "в высшей степени ненавидящий еретиков, выселил... франкских купцов из немцев, шведов и англичан"[75] за пределы Москвы, так как однажды франки, пришедшие смотреть крестный ход, "не сняли шапок и не поклонились иконам и крестам"[76]. Поэтому "все купцы... даже персидские, живут в страхе Божием и смирении"[77].

Весьма осторожным было и отношение русских к иноверцам, желавшим принять крещение. Их сначала 40 дней содержали в каком-либо монастыре, обучали истинам православной веры, а затем крестили. После этого их принимали в общение с большой любовью и не отличали от своих[78].

В своих записках Павел Алеппский отмечает, что Антиохийский патриарх Макарий и его спутники остались самого высокого мнения о русском благочестии и устроении церковной жизни. Патриарх даже сказал: "Все эти благочестивые обычаи существовали прежде и у нас (в Антиохии), но мы их утратили, они перешли к этому народу и принесли у него плоды, коими он превзошел нас"[79].

Но такое истинно православное отношение к жизни сформировалось у русского народа постепенно, в результате длительного влияния церковной дисциплины на общество, преодоление и искоренение в нем пагубных привычек. Литературные источники XI–XVII веков показывают, что некоторые христиане Древней Руси, не соблюдавшие должным образом устав о посте, отрицательно влияли на церковную жизнь всех слоев общества. В правиле митрополита Иоанна II (конец XI в.) сказано, что некоторые новообращенные христиане Южной Руси не причащаются ни одного раза в год, что на ее окраинах в Великий пост едят даже мясо. Поэтому митрополит признает новообращенных христиан чуждыми Христовой веры[80].

Известен также факт, когда во второй половине XII в. новгородские христиане после первой недели Великого поста выпрашивали послабления у своих духовников, которые, не имея на это права, разрешали по вторникам и четвергам есть дважды в день. Новгородский архиепископ Илия (XII в.) этот поступок священнослужителей не одобрял и признавал нарушением устава. Он дозволял такое послабление только малолетним и больным[81].

В XIII в. духовенство уже строже относилось к посту. Однако некоторые верующие еще тяготились строгостью устава и подчас нерадиво проводили пост, как пишет церковный проповедник того времени: "Но нам бо, аще приидет пост... печалуем, скорбим, страдно творим говенье и се помышляем на сердцах своих, какой прийти пост, не хотяще отстати злоб своих"[82].

При всем усердии русских христиан к церковным установлениям были среди них и уклонявшиеся от исповеди и причащения в указанные посты или небрежно исполнявшие долг исповеди и приступавшие без надлежащего приготовления к причащению. В одном из поучений XIII в. проповедник призывает христиан, не желавших говеть каждый пост, к исправлению следующими словами: "Ей убо молю вы, не погубим себе безстудием, но с страхом и чистою совестию приемлем многажды тело Христово, многи бо вижу верныя не часто причащающеся, се бо диаволе бо есте дело: то претит, дабы не часто Тело Христово приимали, токмо в Великий пост единощи"[83].

Митрополит Петр (XIV в.) в своих наставлениях призывал христиан духовно ополчаться против "недароимцев", то есть проводивших порочную жизнь и не желавших причащаться Святых Тайн, и обличал тех, кто Великим постом пировал и вел разгульную жизнь[84].

Особо яростными противниками богослужебного устава и церковных обычаев выступали еретики. Таковыми были, например, стригольники, которые отрицали не только посты, но и церковную иерархию, а в XV–XVI вв. большую опасность для Русской Церкви представляли собой жидовствующие, которые полностью отрицали христианство, хотя притворно исповедовались они у своих главарей по форме христианской исповеди, что способствовало пропаганде их ложного учения. Идеологи этого учения – Матвей Башкин и Феодосий Косой – добивались поставления в священники тех, кто прощал бы все грехи, не накладывая на кающихся никакой епитимии.

Под влиянием языческих суеверий, как видно из правила митрополита Иоанна II, христиане не всегда приходили с должным благоговением к таинству Покаяния. Поэтому в душе таких людей появлялась пустота и хаос в духовной жизни. Митрополит Фотий (XV в.) в своих поучениях отмечает, что многие христиане "живут без покаяния и отца духовного не держат"[85], а это приводит к духовному умерщвлению, упадку религиозного духа и распространению ересей.

Некоторые грешники, не хотевшие отстать от греховных привычек, избегали исповеди, думая, что Бог уже не примет их покаяния. Чтобы побудить таковых к покаянию, многие епископы своими циркулярами предписывали пастырям Церкви, чтобы они даже не хоронили непокаявшихся. Митрополит Фотий предписывал священникам не брать приношений у некаявшихся христиан, а духовным детям внушать, чтобы те не только не ели с ними и не пили, но и не приглашали в свои дома и не ходили к ним.

Некоторые христиане считали, что причащение действует в человеке шесть недель, почему и грешно осквернять себя невоздержанием лишь в продолжение этого времени. Вот почему они стремились говеть на первой неделе поста, чтобы не ограничивать себя в мясоед. Некоторые по этой причине вообще не причащались Христовых Тайн. В некоторых местах иерархи предписывали священникам таких христиан "...и в церковь их не пущать, то ходят пси. Но пес господина своего стережет, а сей заповеди Спасовой не примает. Сей есть диавол, а не человек"[86].

Под действием языческих суеверий были случаи, когда "недароимцы "лаяли" (ругали) своих духовников и даже били их. Неизвестный автор "Беседы Валаамских чудотворцев" (XVI в.) настаивает, чтобы царская власть на всероссийском земском соборе установила ежегодное говенье в

качестве обязательного закона для народа, так как "в волях своих не каются по вся годы, ниже послушают попов, да еще многих попов от места откажут"[87]. Тот же автор призывает наказывать неговеющих христиан градскими казнями: "везде уставити царю своею царскою грозою, чтобы покаятися и говети по вся годы всякому везде мужеску полу и женску от двоюнадесять лет; о том царю самому крепко печися паствы своея о спасении мира всего"[88]. Поэтому в 1659 г. царь Алексей Михайлович разослал повеление – дьякам, подьячим и детям боярским и всякого чина людям говеть на Страстной седмице[89]. От воевод царь требовал, чтобы те понуждали ратных людей в походах исповедоваться и причащаться. Отправляя в поход против поляков свое войско, царь призвал всех на первой неделе Петрова поста обновиться покаянием и причащением Тела и Крови Христовой. Далее он сказал: "Второе вам приказываю: если в походах будете, не оставьте сей евангельской заповеди, елико сила ваша может. Аще сию Христову заповедь сохраните и обновитесь святым покаянием и приобщитеся бессмертной трапезе, то дерзостно реку вам: ей, ополчится ангел Господень окрест полка вашего. Третье приказываю вам: непослушников и силою приводить к святому покаянию. Полагаю весь полк ваш на вас боярах и воеводах; если хоть один человек нерадением вашим не обновится покаянием, то вы ответ дадите на Страшном суде Христовом". Тот же царь писал в Новгород воеводе князю Куракину: "А будет человек, который православной христианской веры не прийдет на покаяние в год, в который пост, паче же в Великий, той несть достоин нарещися истинным христианином, но всуе нарицает себя святым именем. И святии отцы иереем Христовым заповедаша не приняти у таковых никакого приношения в церковь Божию, не повелеша входить в церковь, недостойни бо суть входа церковного, яко иноверцы, не кающиеся грехов никогда, зле душами своими погибают во многих гресех, без покаяния живут"[90]. Царским указом предписывалось о всех непослушных сообщать начальству и подвергать наказанию "без всякой пощады".

В 1646 г. патриарх Иосиф разослал окружное послание духовному чину, в котором говорилось, что "детей бы своих духовных духовные отцы и всех христиан в сей великий пост призывали к покаянию по вся недели, а без покаяния ни едина б душа христианская не была"[91]. Такое же послание было направлено и в Новгородскую епархию; в нем предписывалось непокорных наказывать и даже ссылать "в монастыри под начал".

Возникновение раскола старообрядчества настойчиво побудило церковную иерархию и гражданское правительство вменить в обязанность всем христианам ежегодное говенье с исповедью, потому что одним из главных признаков принадлежности к расколу было нехождение на исповедь. Исповедь же и исправное говение были главными средствами предотвращения народа от раскола.

Из сказанного вытекают два вывода. Во-первых, говенье в Древней Руси понималось как процесс полного, всестороннего нравственного перерождения верующих. В этом процессе главное место отводилось посту, молитве, исповеди и причащению Святых Тайн. Во-вторых, Церковь и государственная власть в Древней Руси ревностно заботились о духовном совершенствовании народа и ступень за ступенью вели его к надлежащему пониманию и исполнению православных церковных установлений.

[1] Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией, т. VI. СПб., 1880, с. 493—494.

[2] Поучение Фотия митрополита Киевского и всея Руси о посте и молитве. — Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 233.

[3] *Архангельский А. С.* Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Извлечения из рукописей и опыты историко-литературных изучений, т. IV. Казань, 1890, с. 56, 210, 215, 57.

[4] Там же, с. 215—217.

[5] Поучение митрополита Никифора в Неделю сыропустную. — В кн: *Макарий, митрополит.* История Русской церкви, т. II. СПб., 1889. с. 350.

[6] Правило Апостол. 64; 6 Всел. собор прав. 55.

[7] Там же.

[8] *Макарий, митрополит.* Цит. соч., с. 111.

[9] ПСРЛ, т. 25. М.-Л., 1949, с. 9.

[10] Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 231.

[11] *Маржерет Ж.* Состояние Российской Державы и Великого Княжества Московского с 1590 по 1606 г. СПб., 1830, с. 25—26.

[12] ПСРЛ, т. 25. М.-Л., 1949, с. 9.

[13] Там же.

[14] Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. III. ч. I. 1869, с. 259—261.

[15] Уставы о постах. — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 182; *Лопарев Х. М.* Послание митрополита Климента Смолятича пресвитеру Фоме. СПб., 1892.

[16] Уставы о постах. Цит. соч., ч. 182.

[17] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 186; Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе, ч. II. М., 1844, с. 84.

[18] Библиотека иностранных писателей о России, т. II, отд. I, ч. I, 1847, с. 109.

[19] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Изд. Московского университета, 1896—1900, вып. 3, с. 121.

[20] Там же, вып. 3, с. 168.

[21] Там же, с. 204.

[22] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840, с. 64.

[23] Путешествие..., вып. 3, с. 168.

[24] *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912, с. 135.

[25] Послание преподобного Иосифа Волоколамского к детям духовным. — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 227.

[26] *Гальковский Н.* Борьба христиан с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, с. 232; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 584; *Строев П.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие И. Н. Царскому. М., 1848, с. 736.

[27] На этом же соборе было постановлено начинать Филиппов пост 14 ноября (см.: Курские епархиальные ведомости, № 46, 1907, с. 777).

[28] Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1908, с. 140.

[29] Православный собеседник, ч. III. Казань, 1860, с. 234—235.

[30] *Скворцов Г. А.* Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последнее десятилетие XVII в. Казань, 1913, с. 174.

[31] *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды. СПб., 1908, с. 132.

[32] Курские епархиальные ведомости, № 47, 1907, с. 780.

[33] В XVII веке распоряжением гражданской власти предписывалось всем христианам в Филиппов пост ходить каждый день в церковь (Указ царя Алексея Михайловича от 1650 г. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. IV. СПб., 1836, с. 68; Курские епархиальные ведомости, № 47, 1907, с. 781).

[34] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1842, с. 124—125; т. III.. СПб., 1841, с. 96.

[35] Согласно наблюдению Павла Алеппского, обед знаменитого гетмана Богдана Хмельницкого состоял из одного блюда вареного укропа (Путешествие..., вып. 2, с. 37.)

[36] Там же, с. 160.

[37] ЖМНП, 1842, сент., отд. II, с. 133.

[38] Путешествие..., вып. 2, с. 155.

[39] *Рейтенфельс Я.* Сказание светлейшему герцогу Козьме третьему Тосканскому о Московии. М., 1905, с. 142.

[40] Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1880, с. 162—163.

[41] *Гальковский Н.* Борьба христиан с остатками язычества в древней Руси, т. II. М., 1913, с. 233; Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1880, с. 272.

[42] Творения *Иоанна Златоуста* в древне-русских Измарагдах. — В кн.: *Архангельский А. С.* Цит. соч., с. 56.

[43] *Архангельский А. С.* Цит. соч., с. 59—60.

[44] ПСРЛ, т. 25, М.-Л., 1949, с. 19.

[45] *Рейтенфельс Я.* Цит. соч., с. 142.

[46] Путешествие..., вып. 3, с. 35.

[47] Заповедь "Уставиша святии отцы". — ЧОИДР, кн. 3, отд. II. М., 1912, с. 156.

[48] Библиотека иностранных писателей о России, т. II, отд. I, ч. I, 1847, с. 103.

[49] Сочинения Ивана Посошкова. М., 1842, с. 311—312.

[50] ПСРЛ, т. 25, М.-Л., 1949, с. 215.

[51] Поучение новопоставленному иерею. — в кн.: *Голубев С.* Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники, т. II. Киев, 1898, с. 209.

[52] Русская историческая библиотека..., т. VI. СПб., 1908, с. 768.

[53] Библиотека иностранных писателей о России, т. I, отд. I, ч. I, СПб., 1836, с.33—34.

[54] Путешествие..., вып. *2*, с. 2 .

[55] Там же, с. 162.

[56] Там же, вып. 3, с. 136.

[57] *Мейерберг А.* Путешествие в Московию. — ЧОИДР, кн. 3, отд. IV. М., 1873, с. 51.

[58] Там же, с. 35.

[59] Путешествие..., вып. 3, с. 33.

[60] ЖМНП, 1842, сент., ч. XXXV, отд. II, с. 132, 134.

[61] *Фалькович П.* Картины жизни в Московском государстве. В извлечениях из записок иностранцев о России XVI—XVII вв. М., 1913, с. 98.

[62] Путешествие..., вып. 2, с. 109.

[63] Там же, вып. 2, с. 181.

[64] Там же, с. 188.

[65] *Рейтенфельс Я.* Цит. соч., с. 148.

[66] Путешествие..., вып. 2, с. 170.

[67] Путешествие..., вып. 3, с. 138.

[68] Там же, с. 27.

[69] Там же, вып. 2, с. 100.

[70] Там же, с. 101.

[71] Там же.

[72] Там же, вып. 3, с. 56.

[73] *Мейерберг А.* Цит. соч., с. 40.

[74] Путешествие..., вып. 3, с. 18—19.

[75] Там же, вып. 3, с. 78.

[76] Там же.

[77] Там же, с. 24.

[78] Там же, с. 88.

[79] Там же, с. 126.

[80] Русская историческая библиотека, т. VI. СПб., 1908,с. 3—4.

[81] Там же, с. 365.

[82] *Гальковский Н.* Цит. соч., с. 156.

[83] *Лопарев Х.* Описание рукописей любителей древней письменности, ч. 2. СПб., 1893, с. 300.

[84] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 186 – 187. *Никольский Н. К.* Материалы для истории древне-русской духовной письменности. — Христианское чтение. Авг. — сент. СПб., 1909, с. 1109, 1114—1115.

[85] Послание митрополита Фотия в Псков об Агнцах. — В кн.: *Макарий, митроп.* Цит. соч., кн. I. СПб., 1866, с. 380.

[86] Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. IV. СПб., 1862, с. 187.

[87] *Моисеева Г. Н.* "Валаамская беседа" — памятник русской публицистики середины XVI века. М.-Л., 1958, с. 175.

[88] Там же, с. 174.

[89] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией, т. IV. СПб., 1842, с. 315—316.

[90] Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук, т. IV. СПб., 1836, с. 160—161.

[91] Там же, с. 481.

10 апреля 1990 г.

ГЛИНСКАЯ ПУСТЫНЬ

(ЕЕ ИСТОРИЯ И БЛАГОДАТНЫЕ ИСЦЕЛЕНИЯ ОТ ИКОНЫ РОЖДЕСТВА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ)

"Днесь благовернии людие, осеняемии святым Богоматери образом, во умилении глаголем: Владычице, помози рабом Твоим в напастех, скорбех и болезнех, обременены бо грехми многими, и избави ны от всякого зла, молящи Сына Твоего Христа Бога нашего, спасти души наша" (Тропарь Глинской иконе Богородицы. — Глас 4-й).

Чудотворная икона Глинской пустыни Рождества Божией Матери прославилась посредством совершенных ею множества различных чудодейственных исцелений над страждущими различными болезнями.

Обретение этой иконы относится к допатриаршему периоду в России — первой половине XVI века[1].

В это время наша страна была истерзана монголо-татарским владычеством, а также междоусобицами русских князей. Кроме того постоянные войны, различного рода житейские невзгоды, неурожаи, повсеместные эпидемии болезней, часто возникавшие пожары побуждали многих людей к мысли о суетности мирской жизни. По этой причине они уходили в безлюдные места, глухие лесные массивы и там находили приют, успокоение в непрестанном Богоугождении, в рудах. Здесь, в суровых условиях дикой природы, они, наедине с Богом, проводили большую часть времени в молитвенных подвигах, очищая свою душу и преодолевая свои греховные страсти и пороки ради достижения вечного блаженства. Пища у них была самая простая. Они питались обычно яго-

---

[1] Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. СПб., 1898.

Златоверников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902, стр. 76.

Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1892 год. — Курск, 1891, стр. 32.

дами, грибами, травой, кореньями, а также медом, который пчелы откладывали в дуплах многих деревьев[1].

Но не могли эти светочи долго оставаться под спудом. Весть об их подвигах быстро распространялась и привлекала немало почитателей, многие из которых оставались с ними на жительство[2]. Так постепенно создавались монастыри, к которым русские люди относились с особым благоговением, считая их высшим идеалом на земле: "Свет инокам ангелы, — говорили обыкновенно, — свет же мирянам иноки"[3].

С возрастанием числа общежительных монастырей уменьшалось и количество иноков-отшельников. Н. Сперанский, характеризуя виды подвижничества, пишет о том, что "стремление к уединенным подвигам овладевает благочестивыми русскими людьми с XIV в. и продолжается до XVI, после чего оно быстро уменьшается..."[4].

Возникновение Глинской Рождество-Богородицкой пустыни относится к началу XVI столетия, по времени явления Чудотворной иконы Рождества Божией Матери в "бортном ухожье", т. е. в лесном урочище[5].

Именно в этот период Царица Небесная явлением Своей Чудотворной иконы укрепила безмолвствовавших в тишине лесной отшельников-подвижников, а через них и весь народ в истинах отечественной православной веры, и притом промыслительно было явление Глинской иконы Богоматери, так как эта местность находилась на границе двух княжеств — Московского и Литовского, между которыми нередко возникали конфликты.

Явление Чудотворной иконы Богоматери — это свидетельство Ее любви к людям одной православной веры, но живущих в двух княжествах, это Ее призыв к объединению народа, к братской любви во Христе.

Обретение этого чудотворного образа Богоматери происходило при следующих обстоятельствах. Однажды в дремучем лесу на одной из сосен, пчеловоды днем увидели икону Рождества Пресвятой Богородицы, сияющую чудесным светом. Они в страхе Божием возвратились домой и рассказали жителям об этом чудесном явлении иконы, о ее необыкновенном сиянии. С тех пор многие стали притекать к новоявленной иконе и получали благодатную помощь Царицы Небесной. Из-под корня сосны, на которой была обретена икона Богоматери, истекал источник целебной воды[5]. К этому месту стали во множестве стекаться не только мирские люди, но и иноки, подвизавшиеся в посте и молитве. Все они изливали благодатные слезы перед образом Богоматери. А один пустынножитель, имя которого осталось неизвестным, поселился около новоявленной иконы Божией Матери. Он построил часовню, в окружении ко-

---

[1] Курский край в религиозно-церковном отношении с древних времен. — Курские епархиальные ведомости, 1887, № 18, стр. 901—911.

[2] Цит. соч., стр. 909.

[3] Цит. соч., стр. 910.

[4] Сперанский Н. Тесныя врата. СПб., 1892, стр. 49.

[5] Златоверхников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902, стр. 76.

Примечание. Во второй половине XIX в., точнее, в 1873 году в Белоградской и Курской епархии насчитывалось уже 30 монастырей. (Курские епархиальные ведомости, 1873, № 3, стр. 119).

[5] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 10.

торой, по-видимому, принимали участие иноки близлежащей Софрониевой пустыни, а также владельцы данной местности князья Глинские, отчего и сама Чудотворная икона получила название "Пустынно-Глинская".

По окончании строительства часовни необходимо было перенести в нее святую икону; но эта святыня не сразу далась в руки людям. В "Записках игумена Филарета", содержание которых лаконично изложено в книге "Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская" сообщается, что настоятель одного из близлежащих монастырей (по всей вероятности, это была Софрониева пустынь. — *А. И.*) повелел снять новоявленную икону Богоматери с вековой сосны, на которой она явилась, и поставить ее в церкви[1]. Повеление было исполнено; но Матери Божией неугодно было такое несвоевременное решение. И каково же было изумление настоятеля и всей присутствовавшей братии, когда на следующий день утром увидели, что новоявленной иконы Богородицы в часовне не оказалось. В великом страхе и трепете были иноки, увидев, что эта икона снова находится на месте своего обретения. Настоятель, не уразумев чудесного промышления Божия, вторично повелел снять икону с сосны и поставить в храме. На следующее утро эта святыня снова промыслительно появилась на сосне. Братия были потрясены таким неожиданным чудодействием. Вполне стало очевидным, что в третий раз не следовало бы настоятелю противиться воле Царицы Небесной, но нужно было ее оставить на сосне до определенного времени. Но настоятель и в третий раз не только приказал снять икону Богоматери с сосны и поставить ее в часовне, но и сосну, на которой произошло обретение иконы, повелел срубить. Трудно ответить на вопрос, чем было продиктовано такое решение. Одно совершенно ясно, что неугодно было Царице Небесной необдуманное решение настоятеля. Это проявилось в том, что, когда по повелению игумена была срублена сосна, то одновременно иссяк и источник, вытекавший из-под ее корня, а настоятель был жестоко наказан за свой проступок. Он, будучи совершенно здоровым, писал игумен Филарет, в тот же день заболел и вскоре скончался[2], ибо, по слову Псалмопевца Царя Давида, "смерть грешников люта" (Пс. 33; 22).

Матерь Божия, желавшая прославить это место, не оставила своего покровительства и благодатной помощи людям. Промыслом Божиим целебный источник снова открылся в другом месте, в двух километрах на запад; и снова, как и прежде, толпы народа устремились к нему, где от воды этого живоносного источника получали исцеление. Этот источник существует доныне и привлекает к себе множество паломников. Многочисленные факты чудес от чудотворной иконы и источника были собраны в Глинской пустыни в "Дело архива № 255" и в параграфе сороковом рукописного описания Глинской пустыни 1829 года[3].

---

[1] Достоверности ради следует подчеркнуть, что икона была перенесена с сосны не в церковь, а в часовню, потому что в то время церковь еще не существовала. Хотя в ряде литературных источников, о которых идет речь в этой статье, употребляется термин не "часовня", а "храм", "церковь".

[2] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, стр. 47. Сноска 1-я.

[3] Жизнеописание игумена Филарета, возобновителя Глинской Общежительной Пустыни Курской епархии. Одесса, 1905, стр. 137.

Когда о многих чудесах исцелений слух дошел до Путивльского Молченского монастыря, расположенного в сорока километрах от места явления иконы, то настоятель благословил некоторым монахам поселиться около этой святыни. Так, под осенением Чудотворного образа Богоматери собирались сюда монашествующие, положившие тем самым начало основания Глинской Рождество-Богородицкой пустыни в том же XVI столетии. Иноков привлекала прежде всего великая Святыня, а также месторасположение обители в уединенном лесном массиве, способствующем монашеским подвигам.

Но вскоре слух о многочисленных исцелениях от Чудотворной иконы Пустынно-Глинской и цельбоносного источника дошел до преосвященного Кирилла, епископа Севского и Брянского (1768—1778)[1], под ведомством которого находились Молченский монастырь и Глинская пустынь. Он пожелал иметь эту Святыню в своем городе Севске, для чего и послал своих близких людей, которые бы доставили ему Чудотворную икону; что по его повелению было и сделано. Большая скорбь охватила тогда братию Глинской пустыни. Архиерей же, приняв икону, велел поставить ее в своем кафедральном соборе. Но неугодно было это новое место Матери Божией. И каково же было удивление Архиерея, когда утром не оказалось в церкви Чудотворной иконы Пустынно-Глинской. Он снова послал в пустынь, чтобы привезти ее. И когда посланные вторично приехали на то место, то они увидели ее на той же сосне, где явилась она прежде. Они снова привезли ее епископу. Но, вопреки человеческому разуму, Чудотворный образ снова возвращался на ту же сосну в Глинскую пустынь. Так было до трех раз. Тогда, видя чудесное действие Божией Матери, преосвященный Кирилл не осмелился более брать икону с места ее явления и приказал оставить ее на прежнем месте. Сам же, благоговея перед Святыней, начал посещать Глинскую пустынь и активно содействовать построению на этом месте первого каменного храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы, вместо прежнего ветхого, где была поставлена эта Чудотворная икона Божией Матери, а также созданию здесь монастыря. Епископ Кирилл полюбил это уединенное святое жительство и часто приезжал сюда для душевного назидания[2].

Впоследствии был построен собор во имя Рождества Богородицы, куда и была перенесена Чудотворная икона.

На протяжении всех столетий, начиная с XVI века, от иконы происходило множество исцелений. Весть об этой благодатной помощи Царицы Небесной быстро распространилась по всей России. Сюда стала стекаться масса паломников. Со всех концов страны и из-за рубежа непрерывным потоком к Чудотворному образу приезжали люди различных сословий и с самыми разнообразными недугами: одержимые злым духом и слепые, пораженные параличом и болезнями конечностей, страдающие от эпидемических заболеваний и т. д. Причем к духовному врачеванию, как часто встречается у мирян, люди нередко прибегали и прибегают лишь в тех случаях, когда земные врачи уже бессильны по-

---

[1] Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. В 2-х ч. Изд. 2-е, испр. Одесса, 1904, стр. 11.

[2] Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, стр. 46—47.

мочь. И тогда болящие люди, по молитвам Заступницы Матери перед Своим Сыном, исцелялись, ибо Един есть Господь "исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях" (Мф. 4, 23).

От Чудотворной иконы Божией Матери получали целительную помощь как иноки Глинской пустыни, так и паломники. Много исцелений было документально зарегистрировано в обители. Причем, важно заметить, что люди нередко исцеления от своих недугов получали по мере своей веры. Так, например, в 1893 году у рясофорного монаха Семена Викторова (в мантии Смарагды), выполнявшего в обители послушание письмоводителя, на правой руке появился кожный нарост, который затруднял ему исполнять послушание. Различные лекарства не помогали. После молитвы перед Чудотворным образом и помазания руки маслом из лампады нарост исчез. Но больной по своему маловерию отчасти приписал лекарственным мазям, за что и был наказан тем, что на другой же день нарост возобновился. Он вторично, осознав свое заблуждение, со слезами просил Царицу Небесную об исцелении и, помазав снова руку маслом с глубокой верой, он получил полное исцеление[1].

Нередкими были случаи, когда больные, получив исцеление, просили Настоятеля зачислить их в число братии Глинской пустыни. Например, от тяжелой болезни получил исцеление один христианин. Врачи не могли установить диагноз его болезни. Больной уже в течение года не мог повернуть головы, к тому же беспокоило сильное сердцебиение и лихорадочное состояние. Врачебная помощь оказалась бессильной, и ему было сказано, что он едва проживет еще одну неделю. Не видя помощи от земных врачей, больной с молитвой обратился к Господу за помощью. Для этой цели от решил посетить святые места, при этом дал себе обет, если он в каком монастыре получит исцеление, то там останется на постоянное жительство. С этой целью он посетил многие монастыри и ни в одном из них не получил исцеления. Затем он отправился в Глинскую пустынь, где после молебна приложился к Чудотворному образу Богоматери и сразу же почувствовал полное выздоровление. Благодарный Матери Божией за исцеление и выполняя данное ранее обещание, он поступил в число братии Глинской пустыни, где нес различные послушания[2].

Более серьезное чудо произошло с другим человеком, который решил идти из Севска на Афон, миновав Глинскую пустынь. Но по дороге он совершенно ослеп. И по этой причине он с товарищем вынужден был пойти в ближайший Глинский монастырь, где он был помазан маслом от лампады, висевшей перед явленно-чудотворной иконы Богородицы, и тотчас прозрел. В радости и глубочайшей благодарности Царице Небесной за исцеление он, по благословению игумена, посвятил свою жизнь в монашеском чине в этой святой обители[3].

---

[1] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 47—48.

[2] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 44—45.

[3] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 48—49.

Величайшее чудо совершилось также во время настоятельства иеромонаха Софрония, во второй половине XVIII века, когда исцеление получила страждущая великим недугом женщина. В Глинскую пустынь она приехала тогда, когда врачи не смогли ей помочь. На пути в монастырь ее болезнь обострилась настолько, что она потеряла дар речи, и только знаками убеждала ближних, чтобы везли ее непременно в Глинскую обитель. В монастыре, видя близкую кончину больной, духовник обители напутствовал ее таинствами: елеосвящения, причащения Святых Тайн, и даже причастил на исход души отходную молитву. После чего к больной вернулись силы настолько, что она изъявила желание пойти приложиться к святой иконе, после чего получила полное выздоровление[1].

Игумен Филарет в своей книге "Описание Глинской пустыни", представленной в 1837 году в Курскую духовную консисторию, описывает о многих исцелениях от явленно-чудотворной иконы Богородицы[2], совершенными над людьми, одержимыми злыми духами. Более обстоятельно описано исцеление еще одной женщины, которая, будучи парализованной, попросила отвезти ее в Глинскую пустынь, где, приложившись к Чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, сразу же получила исцеление[3].

И таких чудодейственных исцелений от иконы Пресвятой Богородицы было бесчисленно. Слепые становились зрячими, хромые и искалеченные делались жизнеспособными и т. д.[4].

В этой статье невозможно описать все те чудесные исцеления, которые были совершены от иконы Рождества Божией Матери Пустынно-Глинской. Более подробно они раскрыты в книге "Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская" (2-е изд. Одесса, 1907).

Однако немало таких примеров исцелений было опубликовано в свое время и на страницах периодических изданий, например, в журнале "Курские епархиальные ведомости"[5].

О многочисленных исцелениях еще свидетельствуют "привесы" к Чудотворной иконе, т. е. серебряные и золотые дощечки, кольца, браслеты в знак благодарности, которые оставлялись людьми, получившими исцеление. О таких "привесах" к иконе известно как из литературных источников[6], так и из архивных документов[7].

---

[1] Цит. соч., стр. 30—31.

[2] Цит. соч., стр. 31.

[3] Цит. соч., стр. 37—38.

[4] Краткий очерк жизни Архимандрита Иннокентия, настоятеля Глинской пустыни. Киев, 1906, стр. 14.

[5] Курские епархиальные ведомости, 1893, № 30. стр. 673—675.

[6] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 6.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, стр. 47—48.

[7] Документы из истории Глинской пустыни. Приложение № 3. Копия с копии// Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, стр. 171.

Чудотворная икона Богоматери посредством своих благодатных действий побуждала иноков святой обители к ревностным подвигам на спасительном пути. Особенно очень трогательно было, когда во время соборного акафистного чтения в субботние дни эта святыня спускалась для поклонения перед царскими вратами на двух тесьмах, прикрытых шелковым материалом, на котором золотым шитьем написаны слова из Богородичного или Благовещенского акафиста: "Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево"[1].

Кроме того, немало зарегистрировано примеров помощи от Чудотворной Глинской иконы Богоматери во время эпидемий, стихийных бедствий как в самой обители, так и за ее пределами. Так, в январе 1892 года в Глинской обители произошел пожар. Много усилий прилагали иноки, чтобы потушить его, но все было напрасно. Но когда была обнесена чудотворная икона, то огонь стал уменьшаться, а вскоре и совсем погас. Видя явное благодеяние своей скорой Помощницы, насельники святой обители сразу же после тушения пожара собрались в храм, где возблагодарили Царицу Небесную. Это чудо, совершившееся во время пожара, было документально подтверждено подписями настоятеля Исайи с братией.

Значительным событием, прославившим в XIX веке Чудотворную икону, а вместе с нею и Глинскую пустынь, было чудо — избавление города Глухова (ныне Сумской области) в 1848 году от эпидемии холеры[2]. Причиной этого страшного наказания был тот факт, что народ отступил от православной веры, от нравственных основ жизни христианина и удалился в сторону греха, безнравственного поведения. И Господь попустил это страшное бедствие. И притом в городе был высокий уровень смертности. Люди не обретали никакой помощи и от врачебного искусства. Оставалась лишь единственная надежда — возвратиться к Господу, перестроить свою порочную жизнь. Жители города прежде всего обратили свои взоры и сердца к Глинской пустыни, где находилась Чудотворная икона Божией Матери. Они со слезами умоляли братию, чтобы те пришли к ним с Чудотворным образом в их город. Братия, по благословению настоятеля, взяли икону Богоматери и направились в ту местность, где свирепствовало страшное бедствие. Толпы народа, встретив братию, и сами усердно участвовали в молебном пении перед Чудотворной иконой Богородицы. И здесь происходит величайшее чудо. По молитвам Божией Матери страшная эпидемия сразу же прекратилась. С тех пор благодарные жители г. Глухова, увидев чудеса, происходящие от иконы Рождества Пресвятой Богородицы, обратились с ходатайством в Священный Синод, чтобы им разрешили ежегодно совершать Крестный ход из Глинской пустыни с Чудотворной иконой в их город. Желание их было удовлетворено. Последовало Высочайшее утверждение, поз-

---

[1] Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 8.

[2] Цит. соч., стр. 21—22.

Глинская пустынь: Очерк современного состояния обители: В 2-х ч. Ч. II. 2-е изд., испр. Одесса, 1904, стр. 62—63.

Глинская Рождество-Богородицкая общежительная пустынь. М., 1891, стр. 58—67: гл. VII. О Крестных ходах.

воляющее совершать ежегодно крестный ход с Чудотворной иконой Богоматери из Глинской пустыни с 19 июля по 2 августа[1].

Во время другого бедствия жителям того же города Матерь Божия явила Свою милость, избавив их дома от свирепствующего пожара. Неизбежность гибели города от огня, казалось, была уже очевидной. Отчаявшиеся в своем спасении множество народа обратились снова к братии Глинской пустыни, чтобы они поспешили с Чудотворным образом Рождества Пресвятой Богородицы к ним на помощь. Их просьба была удовлетворена. Монашествующая братия, взяв Чудотворный образ Богоматери, с молебным пением Пресвятой Богородице обошли вокруг пожара, и внезапно произошло необыкновенное чудо. Несмотря на то что сильный ветер не утихал, огонь перестал распространяться, пламя словно потеряло свою силу. Об этом чуде избавления города Глухова от пожара, по благосердию и заступлению Царицы Небесной, сообщалось в 1901 году в июльских номерах газет "Свет", "Биржевые ведомости" и других[2].

Чудодейственная сила от иконы Рождества Пресвятой Богородицы проявлялась в многочисленных случаях во время таких стихийных бедствий, как засуха или, наоборот, многодождие. Так, весной 1894 года была сильная засуха, продолжительное время не было дождей, выгорела вся растительность, что грозило народу голодом. Видя это угрожающее бедствие, братия Глинской пустыни молитвенно обратились за помощью к Божией Матери. Они совершили крестный ход с Чудотворной иконой Царицы Небесной и по Ее ходатайству перед Сыном Своим тотчас же, во время крестного хода, на небе появилась туча и пошел дождь. Это было явным доказательством того, что Господь услышал молитвы глинских иноков и послал им Свою милость[3].

Кроме того, благодатная помощь, источаемая от иконы Матери Божией Пустынно-Глинской, была известна далеко за ее пределами. Так неоднократно она избавляла как Глинскую пустынь, а также и окрестные села не только от сельскохозяйственных вредителей, но и от падежа скота, о чем свидетельствуют источники[4].

Видя благодеяния, изливающиеся на православных христиан, прибегающих с верой к заступлению Царицы Небесной, через благодатную Ее икону Пустынно-Глинскую, жители села Шалыгино, по примеру глуховчан, еще в конце 1870-х гг. начали ходатайствовать перед Курским архиереем Сергием (Ляпидевским — 1861—1880) о ежегодном крестном ходе из Глинской пустыни с Чудотворной иконой в их село. И только в 1901 году последовал Указ Курской духовной консистории за № 7730, подтверждающий, что с 1901 года устанавливался "ежегодный крестный ход 29 апреля в с. Шалыгино с Чудотворной иконою из Глинской пустыни"[5].

---

1 Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 21—22.

2 Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. Одесса, 1907, стр. 23—24.

3 Цит. соч., стр. 26—27.

4 Чудотворная икона Рождества Пресвятыя Богородицы Пустынно-Глинская. — Одесса, 1907, стр. 27.

5 Цит. соч., стр. 28.

Таким образом, на протяжении нескольких веков от Чудотворной иконы Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской, а также по молитвам братии обители на православный народ России изливалось множество благодатных даров и исцелений.

По молитвам братии перед Чудотворной иконой Богоматери прекращались стихийные бедствия, ужасные эпидемии, уносившие множество человеческих жизней.

Приведенные выше примеры свидетельствуют и о том, что Матерь Божия никогда не оставляла без помощи, утешения и врачевания всех тех, кто с верою и любовию прибегал к Ее помощи и заступлению. По Ее молитвенному ходатайству перед Сыном Своим — Спасителем мира человек, порой уже обреченный земными врачами на смертный исход, восставал с одра болезни здоровым и невредимым.

По справедливому утверждению Святителя Игнатия Брянчанинова, "иконы Божией Матери чудодействуют по всей земле, проповедуют, свидетельствуют, запечатлевают знамениями истину учения Христова"[1].

Что же касается Чудотворного образа Божией Матери Пустынно-Глинской, то следует отметить, что благодатная помощь от этой иконы обильно изливалась на всех людей и во все время, вплоть до сентября 1922 года, когда за отступление народа от православной веры, по попущению Божию, последовало грозное наказание: Глинская пустынь была закрыта.

Какова же судьба Чудотворной иконы Божией Матери Пустынно-Глинской? На этот вопрос мы находим ответ в архивных документах. По их свидетельству, Чудотворная икона Рождества Богородицы 15 сентября 1922 года была взята из Глинской пустыни пятью членами Церковного Совета, уполномоченными от общества с. Шалыгино, Шалыгинской волости, о чем и дана ими расписка, хранящаяся в Государственном Архиве Сумской области УССР[2].

Небезынтересно заметить и то, что, по предсказаниям духовных старцев, икона Рождества Пресвятой Богородицы Пустынно-Глинской снова должна явиться в эту святую обитель, что послужит знамением к возрождению Глинской обители и к ее последующему процветанию в духовной жизни и просветительной деятельности среди народа.

---

[1] Свт. Игнатий Брянчанинов. О Божией Матери// Моск. церковный вестник, 1989, № 10 (август), стр. 2. (Из Святоотеческого наследия).

[2] Государственный архив Сумской области УССР, ф. Р-1662, оп. 2, дело 8, л. 91.

Св. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ — СВЕТИЛЬНИК ПРАВЕДНОСТИ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Память о св. Иоанне Кронштадтском дорога каждому христианину. В подвиге своего священнослужения (более 50 лет, с 1855 по 1908 г.) он освещал мир светом праведности, молитвы и любви. Если по слову Божию в свое время не только всякому человеку, но и всякой вещи под небом Господь посылает все нужное для жизни, то в смутное время, когда Церковь Христову терзали разные вольнодумные люди, этот молитвенник земли Русской был необходим. Неверие, кощунство, издевательство над всем святым, наглая ложь обрушились на Христа-Бога и на Его Церковь святую. И для того чтобы выдержать и отразить этот страшный натиск сил зла и поддержать дух веры Христовой в людях, Господь воздвиг о. Иоанна. Он стал в то время народной верой и народной совестью. В нем сосредоточились все лучшие черты православной народной души. И поэтому Господь наградил его обильными благодатными дарами, даже даром чудотворения. В тот смутный период нужен был такой человек. Он поистине был оплотом немощных в вере, защитником слабых, пристанищем колеблющихся и подкреплением малодушных.

Но для того чтобы поглубже оценить эту величайшую личность, которой был Кронштадтский пастырь, мы должны задать себе несколько вопросов. Чем же был велик о. Иоанн пред Богом и людьми? Что всех влекло к нему? Чем был так дорог для русского сердца и что особенно привлекательного было в его душе и благочестии? На это можно ответить словами апостола Павла: "Не аз живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2, 20). Отец Иоанн поистине воплотил в своей душе Христово учение и был носителем в своем сердце Духа Святого. Его живая вера, дар чудес, благотворительность, одухотворенные службы, поучение словом и простота сияли, подобно драгоценным жемчужинам, во мрачной эпохе того времени. Кроме того, в его душе царило полное незлобие, глубокое смиренномудрие, нестяжательность и милосердие — вот тот целожизненный подвиг, который приял и совершил св. Праведник. Он поистине был светом мира и солью земли.

Прежде всего этот Праведник все свои силы отдал Церкви, ею и жила его богоугодная душа. Вот в эту врачебницу он звал всех ищущих возрождения и спасения. "Св. Церковь, — пишет он, — величайшее, святейшее, благостнейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле; это — истинная скиния Божия, юже водрузи Бог, а не человек.

Только в Церкви заключается обновительная сила, вне Церкви ее нет и быть не может"[1].

Живя церковной жизнью, он не уступал греховному миру. Своими духовными способностями, ревностью, настойчивостью в избранном подвиге он воплотил в своей душе Триединого Бога. Его мудрость, озаренная верой и молитвой, указала ему путь иной славы, небесной и вечной — в торжествующей Христовой Церкви. Он ревностно следовал по спасительному пути Христовом, ведущему в Царство Небесное.

Кронштадтский Пастырь еще известен каждому и как духовный просветитель. Им написано столько сочинений и проповедей, которых не найдется даже и у многих научных деятелей. Отец Иоанн и в этом отношении не только получил от Бога таланты, но и умножил их. И если при жизни о. Иоанна многие богословы, украшенные учеными званиями, недостаточно внимательно относились к его литературным трудам, то сейчас они получают достойную оценку, и воистину — это величайшее сокровище для воспитания чад Божиих в духе церковности. Его творения являются неисчерпаемым источником религиозного воодушевления и назидания. И нет сомнения, что в этом отношении их можно приравнивать к творениям многих древних и новых отцов и учителей Церкви.

Его знает Церковь и как великого благотворителя. Так, например, дом Трудолюбия, Церкви в Дальней Сибири, благотворительные учреждения в России — все это говорит о нем как о необыкновенном печальнике русского народа. В его сердце помещались не только его родные по плоти, но и все близкие и дальние видели его благодеющую руку[2].

Он занимался и общественной деятельностью, и не было такого общественного явления, чтобы его одухотворенный и просвещенный ум упустил из виду какое-либо важное событие, и не поддержал бы его своею отзывчивостью. Он был пламенный патриот. "Люби отечество земное, — поучает Пастырь, — но особенно имей любовь к отечеству небесному"[3].

О нем можно смело сказать, что жизнь этого благодатного мужа поистине была многогранной. Он не замыкался в самом себе, но полностью отдал всего себя на служение Богу и людям. Ревность о своем спасении и о спасении ближних сделала его мужественным воином, который постоянно сражался против врага спасения и врагов Церкви Христовой. "Настоящая жизнь, — учит он, — есть ежедневная жестокая, горчайшая война со врагами нашего спасения, ...с невидимыми духами злобы поднебесными, не оставляющими нас ни один день в покое, но непрестанно над нами коварствующими и возжигающими в нас разные страсти..."[4].

---

[1] Прот. Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский. Христианская философия. СПб., 1902, стр. 97.

[2] Чтобы облегчить жизнь матери, овдовевшей в годы его студенчества, он, оставаясь студентом, взял на себя труд письмоводства в канцелярии академии и все свое жалованье отсылал ей. Всю жизнь о. Иоанн благоговейно чтил память своих родителей и ежегодно приезжал молиться к их могиле. (Нарцизова А. Письма о путешествиях с о. Иоанном Кронштадтским на его родину. СПб., 1894, стр. 69).

[3] Сергиев И. И. Моя жизнь во Христе (извлечения из дневника), т. II, М., 1892, стр. 250.

[4] Сергиев И. И. Моя жизнь во Христе. Цит. соч., стр. 16.

Как было сказано выше, что этот Праведник получил от Спасителя множество даров, в том числе и дар прозрения и исцеления. Так, один священник пишет. "Душа моя жаждала увидеть этого служителя Бога не в пустыне, не в монастыре подвизавшегося, а в мире среди суеты житейской спасавшегося и других спасая... Во мне было сильное любопытство. И я думал, почему к нему так стремится народ? Но когда я встретился с ним, то он назвал меня по имени. Я был полон удивления и смотрел на него испытующим взором. Он, поцеловав меня, говорит: "Христос посреде нас". Затем он, быстро и проницательно взглянув на меня и прикоснувшись к моему плечу, говорит: "Сила Божия в немощи совершается". Слова эти меня поразили: я понял, что это был ответ на мои думы о нем"[1].

Кроме дара проникновения в тайники человеческой души, этот Праведник еще имел дар исцеления, о котором рассказывает один из очевидцев. "Это происходило в Боровическом уезде, Новгородской губернии, в с. Кончанском, знаменитой вотчине Суворова, где была построена новая Церковь и куда был приглашен для ее освящения о. Иоанн Кронштадтский. По окончании освящения его пригласили с почетными гостями на завтрак. В это время в дом, где находился святой Пастырь, была внесена другими людьми весьма больная женщина, одержимая тяжелой формой истерии, и злой дух жестоко ее мучил. Грудь ее была выпячена и изогнута, как бы колесом, а лицо ее было искажено до неузнаваемости. И вдруг Праведник громким голосом воскликнул: "Оставьте ее! Пусть стоит сама". Но принесшие ее заявили, что она сама во время таких припадков стоять не может. Отец Иоанн еще настоятельнее просил: "Оставьте ее", что было исполнено. Тогда добрый и любвеобильный Пастырь сказал ей: "Гляди на меня". Блуждающий взгляд помутивших очей словно хотел подчиниться этому приказу, но, очевидно, не мог.

Присутствовавший на этом завтраке один из светских сановников усмехнулся и вполголоса, однако довольно явственно сказал: "Кажется, начинается спектакль с чудом". Но отец Иоанн настойчиво повторял слова — смотри мне в глаза, и по его словам произошло чудо. Больная пришла в себя и встала на ноги. Затем св. Отец обратился к больной и говорит:

— Выйди злой дух именем Господа Иисуса Христа.

В этот момент из уст больной раздался не человеческий крик, а какой-то звериный рев, и бес тотчас вышел.

Все присутствовавшие были потрясены происшедшим. И тот чиновник, который говорил о спектакле при совершении такого чуда, с покаянным воплем зарыдал, прося прощения за свое маловерие. Затем отец Иоанн благословил ее и сказал, что у нее будут еще дети. После чего она совершенно стала нормальной. Стала хорошей хозяйкой и ревностной прихожанкой. Пророческие слова праведника сбылись, она еще имела ребенка"[2].

---

1 Из воспоминаний о праведнике о. Иоанне Ильиче Сергиеве Кронштадтском Церковные ведомости, № 25 от 20 июня 1909 г., прибавление, стр. 1167.

2 Памяти великого священника земли русской. Церковные ведомости. № 10, от 7 марта 1909 г., прибавления, стр. 474—476.

Чудодейственная сила молитв о. Иоанна стала известна миру не только из России, но и со всех концов света обратились к нему за помощью. По молитвам о. Иоанна совершалось столько исцелений и чудес, что еще при его жизни было издано много книг, содержащих описание этих чудес[1]. Он имел также дарование избавления людей от порока пьянства[2].

Характеризуя угодника Божия, Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский, еще при жизни о. Иоанна уподоблял его великому чудотворцу за то, что он "возбудил крепкую веру в чудотворную силу Божию"[3].

Но кроме этих удивительных чудодейственных свойств, о. Иоанн имел постоянную радость в своем сердце. "Ему всегда был присущ дух радостного прославления Бога, как у нас, грешных, в день св. Пасхи, — писал архиепископ Волынский Антоний, — видимо, в молодости еще отмолил свои грехи, и в нем постоянно ликовала эта благодатная, духовная победа над грехом, диаволом и миром..."[4].

Видеть такого человека, слышать его поучение, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой было великой духовной радостью для русского народа. Отец Иоанн проходил в своей жизни как носитель веры побеждающей, торжествующей.

Вот почему люди так неудержимо тянулись к нему, так жаждали его. Каждый из них чувствовал свою немощь и считал, что есть в мире праведник, который преобеждает нашу греховную природу и в душе которого живет Дух Святой. Именно только такая душа бывает способна получить благодатную силу великого молитвенника.

В его душе царил постоянный мир, и раздражить кроткого и смиренного сердцем отца Иоанна было невозможно, хотя и он подвергался оскорблению как от своих, так и от чужих. Диавол часто воздвигал на него гонение, через своих слуг. Так, например, его выгоняли из храма, а он благодаря своему смиренномудрию и кротости, подражая своему Спасителю, с радостью переносил все скорбные обстоятельства. И эта добродетель всегда сияла в нем как чудесный Божий дар.

---

[1] Чудеса Божии в наши дни. СПб., 1907, стр. 4—63; Sympson S. John in Relation to the Russian Church. The Expositor Sept. p. 161.

Животов Н. Н. Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский протоиерей Андреевского собора. СПб., 1890, стр. 60—71;

Очерк жизни о. Иоанна Ильича Сергиева. СПб, 1890, стр. Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев как пастырь по завету Христа. СПб., 1908, стр. 54—55;

Два дня в Кронштадте. Из дневника студента (В. М.). Св. Троице-Сергиева Лавра, 1902, стр. 270.

Красногорский Д. Приезд в Чернигов и пребывание в нем чтимого пастыря о. Иоанна Кронштадтского. Чернигов, стр. 13.

[2] Животов Н. Н. Пьяницы у о. Иоанна Кронштадтского. М., стр. 8—12, 16, 27—38.

[3] Цветков С. И. Отец Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) чудотворная сила его молитвы. М., 1897, стр. 91.

4 Отличительные свойства характера о. Иоанна Кронштадтского, сравнительно с другими праведниками. Церковные ведомости, № 7 от 14 февраля 1909 г., прибавления, стр. 314.

Его также любила и высшая церковная иерархия и даже Государь. Так, например, он был награжден орденами: св. Анны I ст., св. Владимира 2 ст. и св. Александра Невского. А император Александр III подарил ему митру с драгоценными камнями и алмазный крест, а когда почувствовал близость своей кончины, то для последней исповеди и напутствия в вечность, призвал именно о. Иоанна[1], сказав ему: "Вы праведник; Вас любит русский народ"[2]. К нему также неоднократно обращался за молитвенной помощью и император Николай II. Но глубокое христианское смирение отца Иоанна побуждало его считать себя недостойным рабом Божиим. И при этом он постоянно произносил слова Песнопевца: "Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную Мене есть, да не подвижуся" (Пс. 15, 8). И эта духовная умудренность созрела у отца Иоанна благодаря тому, что он постоянно воспитывал свою душу на слове Божием и на святоотеческих творениях. Своим неустанным молитвенным подвигом и сыновним послушанием Церкви, а также своими добрыми делами в духе любви Евангельской он с помощью благодати Божией сумел не только искоренить в себе дух гордыни, но водворить в свою душу добродетель смиренномудрия, посредством которой он созревал в добрую пшеницу для житницы Христовой.

Праведник Христов всегда в своих проповедях и дневниках подчеркивал, что для православного сознания основной должна быть мысль о том, что все мы в Боге составляем единое целое. "Все мы едино, и для всех все — Господь, как для ангелов, для святых, для всех миров вещественных и каждой малейшей части их"[3]. Особенно ближайшими способами к достижению единения с Творцом служат: молитвенный вопль к небу и принятие Святейшего Таинства Евхаристии, посредством которого человек теснейшим образом соединяется со Христом.

Проникнутый созерцанием к Богу, о. Иоанн вмещал в своем сердце всех людей. Для него не было различия национальных или социальных сословий, и этим, пожалуй, объясняется его близость ко всем и — всех к нему. Он любил человека во Христе и поэтому сочувствовал и сострадал ему. Подвиг его сострадательной любви ко всем людям необходимо признать подвигом неимоверно трудным и как бы сверхчеловеческим. Ведь душа обыкновенного человека сможет выразить самое искреннее и деятельное сострадание только нескольким лицам, и то с негодованием и смущением. Этой ограниченностью нашей любви к ближнему и объясняется то явление, что не только должностные лица, но и самые близкие меж собой так спокойно и равнодушно относятся к чужим страданиям.

А у Праведника Христова этого не было. Из его благодатного сердца на всех изливалось искреннее участие и отеческая любовь. В день рукоположения его во священника (12 декабря 1855 г.) он сказал народу: "Знаю, что может сделать меня достойным этого сана... Это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братии мои... Любовь — великая сила: она и немощного делает сильным, и малого — великим, и незначительного — достопочтенным, и прежде незнакомого и чужого — делает скоро близким и знаемым, и любезным. Таково свойство любви чистой,

---

1 Киселев И. П. Отец Иоанн Кронштадтский в Крыму. СПб., 1895, стр. 21.

2 Большаков Н. В защиту о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1905, стр. 9.

3 Сергиев И. И. Моя жизнь во Христе. Цит. соч., стр. 119.

Евангельской"[1]. Поэтому на протяжении своего пастырского служения, когда о. Иоанн изнемогал телесно, то он быстро удалялся и уединялся в молитвенную комнату и там находил для себя благодатное подкрепление в молитве и чтении Слова Божия, после чего снова являлся к людям неизменно благостным и лучезарным вестником Евангельской любви.

И эту неземную красоту подвига человеколюбия, это неотразимое духовное обаяние отца Иоанна признавали за ним не только его почитатели, но даже и все те, кто относился к нему недружелюбно.

Особенно этот молитвенник был близок к своей пастве. Иногда казалось, что он был со своими духовными детьми как бы одно существо. Эти люди с любвеобильным пастырем стремились связать каждое движение своего сердца. Многие из них почти ничего не предпринимали в своей жизни без его совета и благословения. Этот духовный союз укреплялся между ними, главным образом, через молитву и любовь к Богу и людям. Он жил свято, и Дух Господень обитал в его сердце, и поэтому из его души так щедро изливалась на людей благодатная чудодейственная сила.

Преосвященный Михаил (Грибановский) при первой своей встрече с о. Иоанном писал, что этот пастырь "говорит Богу и людям только то, что говорит ему его сердце: столько он проявляет в голосе своем чувства, столько оказывает людям участия и ласки, сколько ощутит их в своем сердце, и никогда в устах своих не прибавит сверх того, что имеет внутри своей души. Это есть высшая степень духовной правды, которая приближает человека к Богу"[2].

Многие знавшие о. Иоанна подтверждают, что он действительно всегда был безусловно правдив и совершенно искренен. Это свойство его души сказывается и в его молитве. "Если хочешь, чтоб Господь давал скорее сердечную веру твоей молитве, — поучает святой Отец, — старайся от всего сердца все говорить и делать искренно и отнюдь не будь с ними двоедушен. Когда будешь прямодушен и доверчив с людьми, тогда Господь подаст тебе прямодушие и искреннюю веру и по отношению к Богу. Того, кто не прямосердечен с людьми, Господь неудобно принимает в молитве, давая уму почувствовать, что он неискренен по отношению к людям, а потому не может быть совершенно искренен и в отношении к Богу, без душевного злострадания"[3].

Из этих слов праведника становится ясно, что лицемерный человек не только этим вредит своим ближним, но он и губит свою душу, лишая ее благодати Святого Духа. Особенно его искренность и молитвенность проявлялись во время богослужения. Его сердце было полностью пленено божественной благодатию, из которого, как из источника, истекали живительные струи, напояющие молящихся. Поразительно было самоуглубление и сосредоточенность, с которой о. Иоанн совершал таинство

---

1 Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18—19 веков. Декабрь. М., изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1910, стр. 572.

2 Отличительные свойства характера о. Иоанна Кронштадтского, сравнительно с другими праведниками. Церковные ведомости № 7 от 14 февраля, 1909 г., прибавления, стр. 316.

3 Сергиев И. И. Цит. соч., т. 1, стр. 73.

св. Евхаристии[1]. Когда же наступало время пресуществления св. Даров, о. Иоанн казался неземным человеком[2].

Хотя своей святой жизнью он и сподобился великих дарований Божиих, однако Богу было угодно, чтобы он еще увенчался венцом страдальческим. Особенно это проявилось в годы революционных свобод (1905 г.), когда нечестивцы оскверняли святыню и опрокидывали святые престолы в алтарях. Вот именно в это время они ополчились и на отца Иоанна гнусным издевательством и клеветою. Его возненавидели именно — "Сына Человеческого ради". Эти враги Христовой веры знали, что невозможно поколебать святую веру в людях до тех пор, пока во главе их стоит нравственный облик о. Иоанна, не оскверненный перед сознанием русского народа и общества. Они не останавливались ни перед какой клеветой, чтобы унизить Праведника в глазах людей. Чем больше они издевались над ним, тем более его авторитет поднимался в сознании верных чад Божиих. Он своим терпением, молитвой и любовью к своим врагам получил от Бога венец исповедника. К нему можно приложить слова Христовы: "возрадуйтеся в день той и взыграйте, се бо мзда ваша многа на небеси" (Мф. 5, 12). Он был верен Богу и желал за Его святое Имя даже добровольно взойти на крест.

Всю свою жизнь о. Иоанн отдал всецело и безраздельно на служение Богу, победив в себе все земные пристрастия непрестанной молитвой, любовью к Богу и людям. Вот почему последователи Христовы поняли это и неудержимо стремились к нему, как железо к магниту. Множество чад Русской Православной Церкви имели величайшее желание увидеть этого праведника и получить от него благословение или же совета по тем или другим вопросам в своей жизни.

Своими благодатными наставлениями он мог исправить грешника и даровать ему душевное и телесное выздоровление. "Ты болен — не кури, а ты не пьянствуй". Некоторых же брал за плечи и как был встряхивал их, видимо касаясь больных мест. А иногда в его устах звучали слова: "Здравствуйте, дорогие братья и сестры о Христе, с праздником вас поздравляю"[3]. И эти слова Праведника, подобно электрическому току, пронизывали толпу. Благодать Святого Духа перерождающе действовала и зажигала в сердцах людей ответное радостное восклицание: "Радость ты наша, дорогой ты наш"[4] и т. п. Но выразительнее всех других восклицаний звучало обращение к нему: "родной ты наш, Батюшка!"[5]. Да, отец Иоанн был родным, своим всякой православно-верующей душе, и потому эта душа так рвалась к нему. И как бы греховная скверна ни терзала души людей, как бы ни свирепствовали в них разные пороки, однако по молитвам Праведника они очищались и становились достой-

---

1 Животов Н.Н. Проповедничество о. И. И. Сергиева Кронштадтского, протоиерея Андреевского собора. М., 1892, стр. 12.

2 Известия по С.-Петербургской епархии. СПб., 1909, № 1, стр. 27.

3 Отец Иоанн Кронштадтский как яркий выразитель идеалов русского народа. Церковные ведомости, № 6 от 7 февраля 1909, прибавления, стр. 265.

4 Отец Иоанн Кронштадтский, как яркий выразитель идеалов русского народа. Церковные ведомости, № 6 от 7 февраля 1909, прибавление, стр. 265.

5 Там же.

ными милости Божией. Именно подлинное счастье, удовлетворение духа, по мысли отца Иоанна, начинается лишь тогда, когда искренним покаянием человек очистится от греховных пороков и начнет проводить свою жизнь так, как учит его святая Православная Церковь. Много тысяч душ он извлек из тины греха, многих спас от отчаяния, утешил, возвратил к честной, трудовой жизни.

Постепенно здоровье дорогого для всех Батюшки стало ухудшаться. Он почувствовал, что его земная жизнь подходит к концу. В декабре 1904 года, чувствуя сильное недомогание, отец Иоанн обратился к митрополиту С.-Петербургскому Антонию (Вадковскому) с прошением, чтобы Преосвященный дал свое благословение в случае смерти похоронить его в женском Ивановском монастыре под нижним храмом преп. Иоанна Рыльского. Затем он эту просьбу письменно изложил и императору в следующих словах. "Ваше Императорское величество, Всемилостивейший Монарх. Чувствуя старческое недомогание и болезни и приближение конца земного моего поприща, я прошу Всемилостивейшаго Вашего разрешения положить бренные останки мои в основанную мною в столице Петровой женском Ивановском монастыре, на Петербургской стороне, близ реки Карповки, под нижнею Церковью.

Вашего Величества верноподданный протоиерей Кронштадтского собора Иоанн Сергиев"[1].

Эта просьба была удовлетворена. Император Николай II на этом прошении написал следующее: "Разумеется, желание почтеннаго отца Иоанна Сергиева будет исполнено"[2].

Но Промыслу Божию еще было не угодно забрать боголюбивую душу Праведника и вскоре он поправился и снова приступил к своим пастырским трудам. Он еще с большей ревностью продолжал служить Богу и людям.

Но в конце 1908 года силы отца Иоанна совершенно оставили и стало ясно, что светильник этот постепенно угасает. 18 декабря отец Иоанн почувствовал близость кончины и определенно подсказал, что 20 числа окончит свое земное существование[3]. Утром 20 декабря того же года праведная душа неутомимого труженика отошла ко Господу.

Вскоре весть о кончине Праведника разнеслась, подобно быстрой молнии, по всей России. Общее чувство несказанной горести охватило всю страну. Точно каждый потерял близкого, родного человека, точно каждый понес личное невознаградимое лишение! Не было ни одного уголка, ни одного самого малого поселения на русской земле, где бы весть о смерти всероссийского пастыря и молитвенника не была бы встречена слезами горести и молитвы. Когда в г. Твери впервые было возвещено о смерти отца Иоанна, то многолюдный собор богомольцев предался глубокому молчанию и затем от ужасной вести перешел к общему плачу и рыданию[4]. И это повторялось повсюду. Да, воистину в это время всех можно было назвать плачущими и болезнующими, чающими Христова утешения.

---

[1] Памяти отца Иоанна. Церковные ведомости, № 8 от 21 февраля 1909 г., прибавление, стр. 360.

[2] Там же.

[3] Кронштадтский маяк, № 1, 1909, стр. 2.

[1] Божие дитя. Церковные ведомости, № 1 от 3 января 1909 г., прибавления, стр. 11.

Затем митрополит С.-Петербургский Антоний послал в Кронштадт своего викария, епископа Кирилла, который во вторник 22 декабря отслужил Божественную заупокойную литургию, и затем в сопровождении епископа Кирилла и местного духовенства процессия с останками любимого всеми батюшки направилась по железной дороге из Кронштадта в С.-Петербург. Достигнув города, гроб с останками Праведника, по указанию митрополита Антония, должны были нести по следующему маршруту: Обводному, Заболконскому проспектам, Садовой, Царицыным лугом и т. д. Но император Николай II пожелал, чтобы останки в Бозе почившего отца Иоанна несли более почетным путем, т. е. по Вознесенскому проспекту, мимо Исаакиевского собора, Синода и Сената, императорского Зимнего дворца, по набережной реки Невы, по Троицкому мосту и Каменноостровскому проспекту в Иоанновский монастырь и наконец процессия, сопровождаемая колокольным звоном всех церквей достигла того места, где Праведник пожелал быть погребенным.

На 3-й день состоялось отпевание. В нем приняли участие Высокопреосвященнейший Антоний, митрополит С.-Петербургский и Ладожский, Кирилл, епископ Гдовский, Сергий, архиепископ Финляндский, Михей, епископ Архангельский. А также ректор СПб. духовной академии архимандрит Феофан, ректор семинарии архимандрит Вениамин. Кроме того, прибыли на отпевание Праведника протоиерей А. А. Дернов и Ф. Н. Орнатский и другие священнослужители. Сюда же прибыли и почетные городские представители: обер-прокурор Священного Синода Рогачев, управляющий канцелярией Священного Синода Григоровский и градоначальник СПб. Д. В. Драчевский, и тайный советник В. Н. Мамонтов, и другие почетные лица. На отпевание вышло до шестидесяти священников и двадцати диаконов. Но желающих участвовать в отпевании священнослужителей было намного больше. Однако за неимением места и облачения они присутствовали в храме как простые богомольцы[1].

Надгробное слово сказал протоиерей Андреевского собора Ф. Н. Орнатский. Характеризуя земную жизнь и духовный подвиг о. Иоанна, он назвал его добрым пастырем стада Христова, "как солнце взглянет, всех осветит, всех успокоит, так и почивший пастырь"[2]. Призвав каждого священника стремиться к достижению той благодати, которую носил о. Иоанн, Ф. Н. Орнатский закончил свое красноречивое слово истинным пред- сказанием, что к могиле усердного молитвенника земли русской не зарастет дорога вовеки.

Сразу же после погребения праведника многим была открыта его святость. Больные и скорбящие толпами устремились к гробнице отца Иоанна за исцелением и утешением и воистину получали просимое (множество случаев благодатных исцелений в усыпальнице отца Иоанна

---

[1] Столп Православной Церкви всенародно чтимый пастырь и праведник. Изд. В. П. СПб., 1915, стр. 743—744.

[2] Кронштадтский маяк (еженедельник). СПб., 1909, № 2, стр. 5.

записано в Иоанновском монастыре)[1]. Даже зарубежные газеты называли тогда отца Иоанна Великим русским чудотворцем[2]. А уже во время отпевания многие церковные иерархи чувствовали и прямо говорили, что скоро польется молитва народная не об отце Иоанне, а к нему[3].

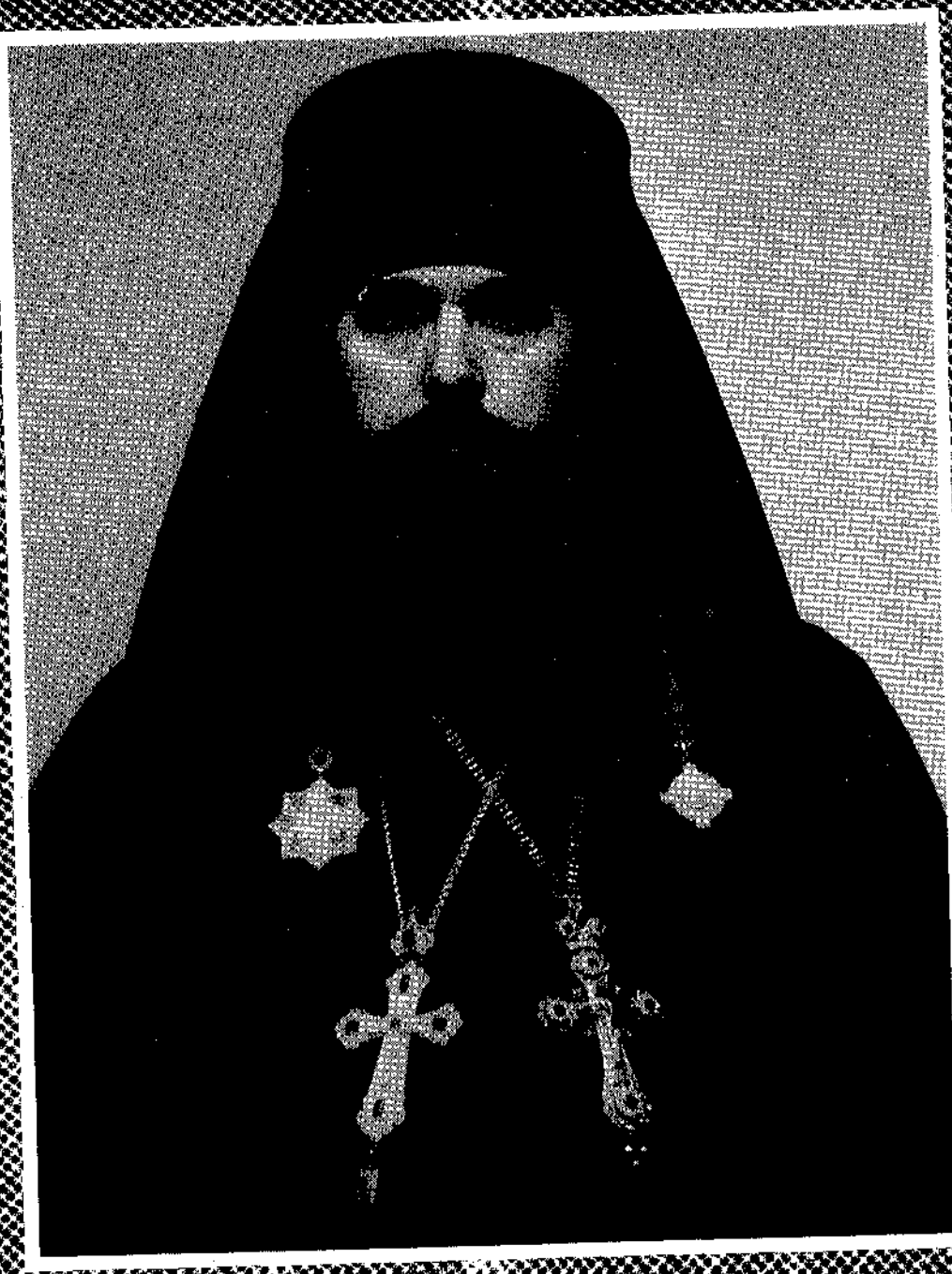
И поистине их предсказание исполнилось. Собор Русской Православной Церкви в 1990 году причислил его к лику праведников. И поистине молитвенный вопль всех Православных христиан не только в нашей стране, но и за ее пределами постоянно возносится к святому праведнику, прося его помощи и поддержки в духовной борьбе с невидимым злым духом.

---

[1] Кронштадтский маяк. СПб., 1909, № 3, стр. 5; № 7, стр. 2—3; № 8, стр. 2; № 10, стр. 2; № 11, стр. 2; № 12, стр. 2; № 14, стр. 2; № 15, стр. 2; № 16, стр. 2; № 17, стр. 2; № 18, стр. 2; № 19, стр. 2; № 20, стр. 1—2; № 21, стр. 2—3; № 22, стр. 1—2; № 23, стр. 1—2 и др.

[2] "Katolische Rirchenzueitung", Зальцбург, 12 февраля 1909 г.

[3] Церковные ведомости № 1 от 3 января 1909 г., прибавления, стр. 60.

ОБ АВТОРЕ ЭТОЙ КНИГИ

Послесловие

Магистерская диссертация схиархимандрита Иоанна (Маслова) "Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении" — это выдающееся богословское исследование о жизни и подвигах Святителя Тихона, его учении и трудах; о значении его личности в истории Русской Церкви, русского подвижничества и нравственного воспитания народа.

В течение 200 лет после кончины Святителя Тихона Русская Православная Церковь не имела полного жизнеописания этого Российского Златоуста. Теперь оно представлено в труде схиархимандрита Иоанна.

Составленное о. Иоанном житие св. Тихона, охватывая все стороны его жизни и деятельности, отличается исключительной полнотой. Но главная ценность и особенность этого труда состоит в том, что автор не просто пересказывает события жизни, а раскрывает перед читателями сокровенное святилище души св. Тихона.

Не случайно сказано, что, описывая жизнь обыкновенного смертного, писатель может полагаться на свой духовный опыт, а описывая жизнь подвижника, он должен быть сам подвижник (Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всея Руси чудотворца. М., 1885. — С. VIII).

Таким подвижником, которому был открыт духовный мир Святителя Тихона, и который обладал редким даром ясно рассказать об этом читателям, является схиархимандрит Иоанн.

Он родился в 1932 году, в 1955-ом поступил в Глинскую Пустынь, где старчествовал (несмотря на свой молодой возраст) до самого закрытия обители. В 1961 году о. Иоанн поступил в Московские духовные школы, в которых подвизался около 25 лет. После окончания академии он был преподавателем литургики и пастырского богословия, ризничим академического храма, духовником преподавателей, студентов и многих людей самого разного положения. К этому духовному кормчему, духоносному старцу стекался народ не только со всех концов нашей страны, но и из-за рубежа.

В 1985 году он был переведен духовником в Св.-Успенский Жировицкий монастырь. 29 июля 1991 году о. Иоанн перешел в вечную жизнь. После его преставления стало известно, что он был схимником (Более подробные сведения о жизни и трудах о. Иоанна см.: ЖМП, 1983, №6, с. 20—22; ЖМП, 1992, №11; Богословские труды, №31, 1993; Минские

епархиальные ведомости, 1991 г. №4; Русский вестник, №8, 1992; Мегаполис-Континент, 1991, №30, 48; 1992, №30; Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Глинская пустынь. М., 1992, с. 9—19; Архимандрит Иоанн (Маслов). Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие. М, 1993, с. 3—5).

Богословское наследие о. Иоанна обширно и многогранно. Это статьи, проповеди, конспекты лекций и отдельные труды, в числе которых можно выделить сочинения о. Иоанна о святых русских подвижниках и их творениях. Рассматривая сейчас жизнь схиархимандрита Иоанна, мы видим, что он писал о тех из них, кто особенно был близок ему по духу. Так, известны его статьи о св. праведном Иоанне Кронштадтском, настоятеле Оптиной пустыни схиархимандрите Моисее (Путилове). О великом Оптинском старце, преемником старчества которого в наши дни является о. Иоанн, он написал книгу "Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие" (М., 1993). Подвигам старцев взрастившей его обители посвящена монография "Глинская пустынь: История обители и ее духовно-просветительская деятельность в XVI—XX вв".

Наконец, магистерская диссертация о. Иоанна посвящена Святителю Тихону Задонскому.

Почти все характеристики внутреннего мира Святителя, которые дает автор, можно отнести к самому о. Иоанну.

Прежде всего о. Иоанн всего себя и все силы своей души устремил к Спасителю... к спасению своей души и спасению ближних. Своей подвижнической жизнью он также показал высочайший пример самоотверженной любви к Богу и ближним.

Схиархимандрит Иоанн пишет, что вся жизнь св. Тихона была воплощением Христианского смирения. Но и в послужном списке самого автора сказано:"Отец Иоанн отличается исключительным смирением и кротостью".

Будучи сам великим молитвенником (глинский старец схиархимандрит Андроник говорил: "Иоанн день и ночь вопиет".- Личный архив архим. Иоанна (Маслова). Беседы со схиархимандритом Андроником (Лукашем). — Магнитофонная запись. — 1966.), о. Иоанн показал читателям как св. Тихон молитвенно предстоял пред Богом.

Признанный замечательный литургист (многие пастыри учились и учатся по его учебникам), о. Иоанн раскрыл как молился св. отец во время Божественной литургии, как возносился умом в высшие сферы Божественной жизни. Автор неоднократно подчеркивает, что св. Тихон часто читал Псалтирь, содержание которой напояло его душу благодатным умилением. То же можно сказать и об о. Иоанне. Сохранилась Псалтирь, которую он читал, с его многочисленными пометками.

Смирение и глубокая молитвенность возвели о. Иоанна на вершины Богообщения.

Еще в молодости, когда он был послушником, настоятель Глинской пустыни поручил ему отвечать на письма богомольцев. Ответы его, исполненные благодати Святого Духа, всегда были душеспасительны. О них настоятель всегда говорил: "Так и надо писать." Когда впоследствии о. Иоанна спрашивали, кто говорил ему, что писать богомольцам, он отвечал: "Бог".

Шаг за шагом в доступной форме объясняет о. Иоанн неискушенному в духовных подвигах читателю, что такое богомыслие, как и когда занимался им Святитель, почему богомыслие явилось основанием его внутреннего совершенствования.

Отец Иоанн передает и благодатные состояния, которые переживал Святитель. Он показывает, как душа Святителя озарялась Божественным светом и в ней водворялась такая радость, которую нельзя описать человеческим языком. О. Иоанн пишет об этом как подвижник, сам испытавший подобные состояния. Еще в молодости он сподобился Божественного откровения, о котором однажды сказал: "Такой свет увидишь, все забудешь!"

В труде схиархимандрита Иоанна св. Тихон как живой предстает перед нами. Образ его передан столь ярко, что невольно приходит мысль о том, что, не зная Святителя лично во время его земной жизни, схиархимандрит Иоанн знал его духом. Он пишет о таких подробностях духовной жизни св. отца, которых не сообщали ни келейники Святителя, ни его ближайшие друзья.

За высоту духовной жизни о. Иоанну было открыто, например, то, о чем чаще всего размышлял св. Подвижник, когда более всего он любил предаваться духовным размышлениям и в какие чувства приходил после них. Отец Иоанн знал как молился Святитель, каким богомыслием сопровождалась его молитва, как она переходила в созерцание и другие тонкие духовные состояния. Из чего можно заключить, что о. Иоанн вошел в духовно-молитвенное общение со Святителем.

О. Иоанн пишет, что св. Тихон видел то, что не было доступно простому человеку. Ему были известны не только совершившие беззаконие, но и даже замысливающие их. Отец Иоанн также имел дар проникновения в тайники человеческих душ, дар прозорливости. Это подтверждают его многочисленные духовные чада. Он обладал даром предвидения, прозревал будущее как настоящее. Это дарование в таком изобилии было дано Старцу, что часто, видя человека впервые, он рассказывал ему всю его жизнь или называл самые сокровенные грехи. Сверхъестественное ведение души и законов ее жизни, дар проникновения в сердце человека позволяли ему безошибочно видеть нравственное состояние обращавшихся к нему, читать душу ближнего. Часто он отвечал вопрошавшим не на их слова, а на сокровенные мысли; точно определял внутреннее состояние даже тех людей, которых никогда не видел, если его о них спрашивали; знал загробную участь усопших.

Дар, который столь обильно имел о. Иоанн, преп. Варсонофий Великий называл даром рассуждения — большей из всех добродетелей. По словам Мелетия Исповедника, "рассуждение есть восхождение добродетелей, начало, середина и конец всего благого, светильник, светящий во тьме, путеводитель заблуждающихся". Этот дар проявлялся у о. Иоанна не только в том, что он сразу же определял духовные состояния человека, но и в том, что давал ему самый правильный и полезный совет.

Случаев прозорливости Старца было множество. Перечислить их здесь невозможно. Предсказания же его продолжают сбываться. Каждый из духовных детей о. Иоанна может привести тому подтверждение из своего личного опыта общения со Старцем. Основные из таких случаев будут изложены в жизнеописании о. Иоанна, здесь же приведем лишь совсем простые.

Например, одной своей духовной дочери о. Иоанн почти за 10 лет предсказал, что ее сестра будет замужем за священником. Другой своей духовной дочери, спрашивавшей, можно ли помочь знакомому устроиться на работу, ответил: "Смотри, ведь он за границу уедет". Той это показалось невероятным. Но слова Старца в точности исполнились спустя 8 лет, уже после праведной кончины о. Иоанна.

Особенно нужно выделить самоотверженное служение о. Иоанна ближним. Обладая исключительными духовными дарованиями, он оказывал людям великую помощь. Если человек имел послушание, то по молитвам Старца устраивалась как внутренняя, так и внешняя его жизнь. О. Иоанн жил не для себя, но для народа, поэтому его и называют "Печальником душ человеческих."

Старец имел дар чудотворений, мог изгонять демонов, исцелить тело от неизлечимых болезней, а душу от гнездящихся в ней страстей. По своему смирению он скрывал этот дар и, чтобы люди о нем не догадывались, советовал принимать какие-либо лекарственные травы, которые часто сам давал. Исцелившись от болезней, бывшие больные понимали, что не трава помогла, а сила молитв Старца. Например, одной часто болевшей духовной дочери Батюшка дал бутылочку с каплями, на этикетке которой написал: "От болезней (далее следовало имярек. — *Составители*)". Действительно, по молитве Старца эти капли помогали ей от самых разных болезней: от головной боли, от тошноты, от простуды, болезней желудка и печени, отеков ног.

Однажды близкий духовный сын Батюшки показал ему уплотнение на кисти своей руки. Старец как бы желая понять что там, потрогал больное место. Увлекшись беседой с Батюшкой, духовный сын забыл об этом. Проснувшись на следующее утро, он с удивлением обнаружил, что рука его совершенно здорова и никакого уплотнения на ней нет. Так велика была чудодейственная сила прикосновения Старца. И вещи, которые были близки к Старцу, получали некую благодатную силу. Например, после кончины Старца больная девочка получила исцеление, когда ее накрыли платком Батюшки.

Многие, получая от о. Иоанна в благословение частицу от хлеба, который он перед этим вкушал, чувствовали исцеление не только от болезней телесных, но и от страстей.

В обстоятельствах внешней жизни о. Иоанна объединено со св. Тихоном то, что он также претерпел гонение, клевету и всю жизнь нес крест болезней телесных. Также был очень прост в общении с людьми. Часто говорил духовным детям: "Будь попроще", никогда не был в праздности. Схиархимандрит Иоанн, как и св. Тихон, закончил свою жизнь на 59-м году. После перехода в жизнь вечную одно только имя Старца, призываемое мысленно, действует и подает помощь призывающим. Как св. Тихон по преставлении своем наставлял и руководил своих духовных чад, так и о. Иоанн руководит теми, кто от всего сердца просит и ищет его руководства и помощи.

Схиархимандрит Иоанн достиг той высоты христианского совершенства, на которой его духовному взору была открыта тайна домостроительства нашего спасения. Именно поэтому во 2-ой части своей диссертации он смог обобщить и привести в четкую стройную систему учение св. Тихона о спасении, выбрав из множества его разнообразных творений основное зерно этого учения. До сих пор это не удавалось ни

одному из исследователей, которые, как правило, ограничивались лишь простым пересказом трудов Святителя.

Кроме жизнеописания и анализа трудов св. Тихона отцом Иоанном впервые была составлена симфония (т.е. свод, указание мест, где поминается одно и то же слово) к творческому наследию Святителя Тихона, состоящая из 6 томов. Большое научное значение этого труда в том, что он сочетает библиографический предметный указатель с цитатами из творений св. отца и поэтому представляет большой интерес не только для богословов, учащихся Духовных школ, но и для каждого христианина. Этот труд является энциклопедией христианской жизни, т.к. содержит четкое ясное толкование всех основных понятий, связанных с духовной жизнью православного христианина.

Сочинения св. Тихона изданы на русском языке со множеством архаичных и древнерусских форм. Это затрудняет чтение сочинений отца. Величайшая заслуга о. Иоанна состоит и в том, что он изложил богословскую систему взглядов св. Тихона в более понятной и доступной современному читателю форме.

Труд схиархимандрита Иоанна написан высокодуховным, строгим слогом, вместе с тем, это простое, задушевно-теплое, сердечное повествование, преисполненное любви и почитания к Святителю. Так написать о святом мог лишь человек, имеющий с ним истинное духовное единение.

"Творения св. Тихона, — писал о. Иоанн, — не менее самых высоких подвигов жизни возбуждают к Святителю благоговейное почитание". Этими словами можно оценить и магистерскую диссертацию о св. Тихоне — результат высокого духовного подвига о. Иоанна, плод благодатного устроения его души.

Представленная в этой книге вместе со статьями о. Иоанна, написанными в разные годы, она свидетельствует о неизменности в нашем Отечестве традиций Русской Православной Церкви.

СОСТАВИТЕЛИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
5

ВВЕДЕНИЕ
12

ЧАСТЬ I

Жизнеописание Святителя Тихона и его литературное наследие

Глава I

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ БУДУЩЕГО СВЯТИТЕЛЯ
21

Глава II
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ
29

Глава III

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА ВОРОНЕЖСКОЙ КАФЕДРЕ
37

Глава IV

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН НА ПОКОЕ
72

Глава V

ПРОСЛАВЛЕНИЕ И ОТКРЫТИЕ МОЩЕЙ
СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА
125

Глава VI

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА
151

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ПРОСЛАВЛЕНИЯ
СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА.
162

ЧАСТЬ II

Учение Святителя Тихона о спасении

Глава I

ТВОРЕНИЕ МИРА И ЧЕЛОВЕКА
165

Глава II

ГРЕХОПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО СЛЕДСТВИЯ
171

Глава III

ИСКУПЛЕНИЕ РОДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЫНОМ
БОЖИИМ
176

Глава IV

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА – МЕСТО СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
201

Глава V

ЛИЧНОЕ УЧАСТИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ
222

Глава VI

СРЕДСТВА, ПОМОГАЮЩИЕ НА ПУТИ КО СПАСЕНИЮ
285

Глава VII

ПРЕПЯТСТВИЯ НА ПУТИ КО СПАСЕНИЮ
306

З А К Л Ю Ч Е Н И Е
336

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я

Отдел I. ТВОРЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА (ЗАДОНСКОГО)

Отдел II

ЛИТЕРАТУРА О СВЯТИТЕЛЕ ТИХОНЕ (ЗАДОНСКОМ)
347

Отдел III

ЭНЦИКЛОПЕДИИ, СПРАВОЧНИКИ, СЛОВАРИ
370

Статьи разных лет
373

СХИАРХИМАНДРИТ ИОАНН
(МАСЛОВ)

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН ЗАДОНСКИЙ

И ЕГО УЧЕНИЕ О СПАСЕНИИ

Подписано в печать 27.09.93.
Формат 70×108 1/16. Объем 33,0 п. л.
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1450.

С $\frac{0624900000\text{-}022}{\text{Б-108(03)-93}}$

ISBN-5-86809-071-3

Лицензия ЛР №062490 от 6.04.93.

Издательский отдел Московского Патриархата
119435, Москва, Погодинская ул., 20

Издательство «Посад»
115587, Москва, Минская ул., 13, кв. 64

Издательство
«Мир Отечества»
129626, Москва, ул. Староалексеевская, д. 14, корп. 2

Отпечатано с оригинал-макета
издательства
«Мир Отечества»

Отпечатано с готовых пленок в типографии ИПО «Лев Толстой»,
300061, Тула, ул. Ф. Энгельса, 150.